

Владимир Воланд

НАГУАЛИЗМ

как

МЕТАНАУКА

Синтез

науки,

философии

и магического учения Карлоса Кастанеды

Эта книга – мой вклад в дух человека, который я делаю полностью осознанно, и который явился ответом на вызов, брошенный мне когда-то жизнью. Она посвящена нагуализму – древнему шаманскому учению Толтеков, ставшему известным благодаря книгам Карлоса Кастанеды, американского антрополога, повстречавшего однажды индейца племени яки дона Хуана Матуса, мага, наследника толтекских знаний.

Когда только я начинал писать её, я даже не мог представить, какие шоковые изменения ожидают всю мою картину мира, вызванные уже хотя бы прикосновением к избранной теме. За десятилетие я совершил огромный скачок сознания, который, как я теперь вижу, занял бы гораздо больше времени, если бы в самом начале я распределил свои приоритеты по-другому. И результатом этого стало отчётливое видение, что на самом деле все люди, занятые духовным поиском, с разной скоростью движутся по этому же пройденному мной пути. Пути вовсе не простому и не короткому, а очень извилистому, многоэтапному, полному ловушек.

Поэтому особенностью этой книги является то, что она может быть интересна людям совершенно разного уровня. Как тем, кто только начинает своё знакомство с нагуализмом, так и тем, кто давно причисляет себя к поклонникам творчества Карлоса Кастанеды, и также тем, кто осознанно и уверенно продвигается по пути знания, реально применяя в своей жизни многие предложенные им принципы и практики. И ввиду того, что отдельные части книги могут быть в большей степени интересны разным категориям читателей, я специально избрал такой стиль изложения, который сделал бы её максимально доступной для каждого. Фактически отдельные её части просто писались в разное время, когда более актуальными для меня самого были разные по сложности проблемы.

В книге я осуществляю не только анализ и систематизацию собственно нагуализма, как он был передан Кастанедой, но делаю это в отношении концепций интеллектуальной традиции Запада: известных философских направлений и современных научных принципов. Нередко среди практикующих встречается мнение, что какая-либо смычка нагуализма с западными наукой и философией попросту невозможна и бессмысленна, а предмет нагуализма воспринимается как нечто совершенно отдельное, буквально лежащее за пределами всего известного современному человечеству. В некотором смысле это действительно так, но чтобы приблизиться к этому запредельному следует сначала коснуться всего, что уже было достигнуто раньше. И это одна из целей самого нагуализма, и это определённо цель моей книги.

Когда я только начинал писать её, и когда я продвигался в этом занятии, мне пришлось очень многое изучить и понять, и мне приходилось очень много думать. Это была совершенно неизбежная и чрезвычайно кропотливая работа. Но в конце концов я пришёл к необходимости понять само мышление, что человек может сделать только полностью самостоятельно, и что уже не сделает за него ни одна книга. Хотя внутренне готового человека книги могут подвести к такому пониманию максимально гармонично. В этом и состоит конечная цель моей книги – в максимальной гармонизации и прояснении мышления. Ведь только имея полностью ясное мышление, и не раньше, можно начинать думать о приобретении реальной силы.

Владимир Воланд

август 2012

v.woland2008@gmail.com

*Посвящается всем, кто знают и готовы делиться своим знанием
А также всем, кто не знают, но готовы узнавать*

Мы – люди, и наша судьба, наше предназначение – учиться ради открытия всё новых и новых непостижимых миров.

Карлос Кастанеда, «Колесо времени»

Ошибка буржуазных учёных в вопросе о конечности и замкнутости мира заключается в основном в том, что они отождествляют наш замкнутый космический экземпляр с множеством подобных экземпляров, отождествляют местное метagalacticкое скопление со Вселенной, подобно тому, как в древние времена наша планета отождествлялась с миром.

Роберт Бартини, «Структура пространства-времени»

Так или иначе, вопрос о создании метанауки стоит на повестке дня. Рано или поздно он должен быть решён, и тогда люди получат новое оружие для покорения самых странных фантастических миров.

Валентин Турчин, «Феномен науки»

Когда-нибудь будет возможно сломать лёд, и наука обнаружит, что она имеет большое сходство с нагуализмом: страсть к правде. Тогда оба метода исследования обменяются рукопожатиями и перестанут быть антагонистическими. Они объединятся в намерении проникнуть в тайну.

Армандо Торрес, «Послание Карлоса Кастанеды»

Оглавление

Оглавление	5
Предисловие	8
ЧАСТЬ I. ЗНАНИЕ	15
Глава первая. ВВЕДЕНИЕ: МЕТАНАУКА КАК СОВРЕМЕННАЯ МЕТАФИЗИКА	15
Глава вторая. ПРОЯСНЯЮЩАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ	22
Основы корректного мышления	23
Онтологическое мышление	23
Метафорическое мышление	26
Языковые основы онтологии	29
Система постулатов метанауки	32
Глава третья. ПЕРВИЧНЫЕ ПОНЯТИЯ	37
Феноменологический метод	37
Основные способы осознания мира	39
Осознание в статике	40
Осознание в динамике	41
Осознание процесса	42
Осознание себя или своего тела	43
Объективная реальность как совокупность субъектов	45
Потенциал познания	50
Глава четвёртая. ВСЕОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ	55
Основные положения об эволюции	55
Теория метасистемного перехода	59
Движение – управление положением	60
Раздражимость – управление движением	61
Сложный рефлекс – управление раздражимостью	61
Ассоциирование – управление рефлексами	62
Мышление – управление ассоциированием	62
Проблема управления мышлением	65
Подчинённые существа, чувства боли и удовольствия	69
Смысл бытия и его “порочные круги”	71
Проблема свободы воли	76
Энергия и смысл закона её сохранения	80
Представления о Вселенной как следствия синтаксиса языка	83
Вселенная синтаксиса	83
“Мир Бартини”	85
Статистическое линейное время как антагонист эволюции	91
Парадоксы квантовой физики	94
Познание себя и абсолютная свобода	96
ЧАСТЬ II. СИЛА	103
Глава первая. ПУТЬ ВОИНА	103
Кому идти по пути война	103
Чувство собственной важности как чувство сопричастности	105
Ответственность как основа воинского настроения	107

Ответственность и выслеживание	107
Социальные корни ответственности	108
Выслеживание социальной ответственности	108
Выслеживание собственных мнений и решений	110
Выслеживание точки сборки и проблема распорядка	111
Выслеживание эмоций	114
Естественность как противоположность самообману	115
Магическая печаль как предпосылка к выслеживанию	116
Десоциализация	118
Жан-Поль Сартр	120
Л.Рон Хаббард	121
Глава вторая. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ “ПОРОЧНЫЙ КРУГ” ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ	126
Основные положения теории общества	126
Природа и механизм социального бессознательного	131
Общество потребления и лже-гуманизм	136
Научно-технический прогресс как регресс человека	143
“Ответ ответов”	150
ПРИЛОЖЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРАКТИКИ НАГУАЛИЗМА	156
ПОНЯТИЯ И ПРАКТИКИ УЧЕНИЯ ДЛЯ “ПРАВОЙ СТОРОНЫ”	164
<i>Человек знания (также путь знания)</i>	164
<i>Путь сердца</i>	166
<i>Состояния необычной реальности</i>	168
<i>Видение (также природные предрасположенности человека, знаки духа)</i>	169
<i>Контролируемая глупость</i>	172
<i>Воля</i>	178
<i>Путь воина (также индальгирование, безупречность)</i>	181
<i>Смерть-советчица</i>	185
<i>Стирание личной истории</i>	188
<i>Чувство собственной важности</i>	189
<i>Чувство жалости к себе</i>	190
<i>Сила (также личная сила, острие духа)</i>	192
<i>Описание мира (также кольцо силы)</i>	196
<i>Внутренний диалог</i>	198
<i>Не-делание (также второе кольцо силы, пристальное созерцание)</i>	203
<i>Магия (в противоположность видению)</i>	206
<i>Тональ и нагуаль (также пузырь восприятия, целостность самого себя)</i>	207
<i>Первое, второе и третье внимания (также предметы силы)</i>	215
<i>Сновидение (также тело сновидения или энергетическое тело, призвание намерения)</i>	219
ПОНЯТИЯ И ПРАКТИКИ УЧЕНИЯ ДЛЯ “ЛЕВОЙ СТОРОНЫ”	224
<i>Сталкинг (также колесо времени)</i>	224
<i>Правило Нагуаля (также Орёл, Нагуаль, когорта Нагуаля)</i>	229
<i>Перепросмотр</i>	232
<i>Цель перепросмотра</i>	232
<i>Методика перепросмотра</i>	235
<i>Перепросмотр как стратегия</i>	239
<i>Аналоги перепросмотра в современной практической психологии, их сходства с ним и отличия</i>	240
<i>Перепросмотр и сновидение</i>	243
<i>Человеческая форма (также бесформенность, человеческая матрица)</i>	244
<i>Мелкие тираны</i>	248
<i>Эманации Орла (также известное, неведомое, непостижимое, огонь изнутри, человеческая полоса)</i>	250
<i>Точка сборки (также удар Нагуаля, поперечный сдвиг, сдвиг вниз)</i>	255
Понятия и практики нагуализма в контексте искусства осознанности	260
<i>Видение</i>	260
<i>Внутренний диалог, воля, намерение</i>	261
<i>Описание мира как функция точки сборки</i>	262

<i>Искусство сталкинга и взаимодействие с мелкими тиранами как способы гармоничного смещения точки сборки</i>	262
<i>Сновидение как метод естественного сдвига точки сборки</i>	264
<i>Сновидение как предпосылка концепции пути воина</i>	266
<i>Перепросмотр, вспоминание, интенсивность</i>	266
<i>Перепросмотр как практика разделения жизненной силы и жизненных переживаний</i>	267
<i>Сновидящие и сталкеры</i>	267
<i>Человеческая форма</i>	268
<i>Дух (то же, что и нагуаль, абстрактное, намерение бесконечности; также безмолвное знание, безупречность, знаки духа)</i>	269
<i>Место без жалости</i>	271

Предисловие

Изначально цель этого предисловия состояла в том, чтобы дать максимально общее представление о книге, и вместе с тем об истории её создания. Однако стремясь к достижению, в общем, столь простой и ясной цели, я столкнулся с неразрешимым затруднением. Дело в том, что работа над книгой велась очень продолжительное время, а эти строки были написаны уже близко к её полному завершению, и поэтому фактически они представляют собой не предисловие, а наоборот – послесловие. В результате уже здесь я вынужден затрагивать весьма нетривиальные идеи, которые, вероятно, могут показаться слишком абстрактными, плохо сопоставимыми с обыденной жизнью, и такого же рода идеи встречаются на всём протяжении книги в целом. Единственный выход из этой ситуации – чтение книги с непреклонным желанием выяснить их действительный и полный смысл *хотя бы когда-нибудь* – совершенно неважно, когда именно.

Итак, всё началось с моего увлечения – ещё в достаточно юном возрасте – литературой, которую сейчас я мог бы отнести к жанру “популярной эзотерики”, понимая, что подобное словосочетание является оксюмороном: *эзотерика* (от греч. *esoterikos* – внутренний, сокровенный) по определению *не может быть популярной*, эзотерические знания требуют для их адекватного восприятия уже имеющегося достаточно высокого уровня развития, и тем более они не могут являться предметом массового потребления. Однако реальность такова, что книги подобного рода представлены сейчас в весьма большом ассортименте и охватывают самый широкий круг проблем, интересных пребывающим в духовном поиске людям. Сюда, прежде всего, входят описания разнообразных оккультно-магических явлений и переживаний, энергетической структуры тела и жизни после смерти; указываются возможности и пути достижения иных миров, в том числе разнообразные способствующие этому духовные психофизические практики. Конечно, не могу сказать, что я не получил из этих книг совсем ничего ценного (а подобный результат в свете данного замечания был бы вполне прогнозируем), но до полного удовлетворения моего стремления к познанию всё же было очень далеко.

И, тем не менее, в ряду множества подчас весьма сомнительной псевдоэзотерической литературы мне встретились совершенно особые исключительные книги, радикально повлиявшие на моё представление о жизни и сильнейшим образом изменившие меня внутренне уже после первого их прочтения. Указывая причину столь сильного влияния, я мог бы, прежде всего, отметить, что в них содержались сведения о невероятных тайнах мироздания, о существовании которых я в действительности всегда смутно подозревал и глубоко надеялся, что когда-нибудь смогу открыть их для себя, хотя надежда эта была чрезвычайно призрачной, а где-то даже очень интимной. И вот теперь я прочитал именно об этих сокровенных тайнах, причём поданных так захватывающе и ярко, как только было возможно – конечно, мой энтузиазм был неиссякаем и, как оказалось, определил всю мою последующую жизнь.

Автор книг, о которых идёт речь, – известный американский антрополог Карлос Кастанеда, встретивший в 1960 году в ходе своих полевых исследований культуры коренных жителей Мексики индейца племени яки Хуана Матуса (обычно Кастанеда почтительно обращался к нему как к дону Хуану), впоследствии оказавшегося шаманом и носителем тайного знания древних Толтеков¹. Во многом неожиданно для себя самого Кастанеда становится учеником Хуана Матуса, а его сочинения, начиная со ставшей бестселлером первой книги «Учение дона Хуана» (1968), отражают весь процесс обучения, и последовательно открывают эзотерические знания беспрецедентной для западной цивилизации глубины. Что же именно открыл Кастанеда, какие именно тайны содержатся в его книгах, вызвавших огромный ажиотаж и до сих пор непрекращающиеся обсуждения во всём мире? При поверхностном чтении может показаться – и такой взгляд действительно нередко имеет место,

¹ Толтеки: древние индейцы, жившие в Южной и Центральной Мексике и говорившие на языке *науаль*. Ко времени завоевания земель Южной Америки конкистадорами культура Толтеков уже практически угасла. Хуан Матус являлся потомком Толтеков, однако понимал это не в антропологическом, а в магическом смысле. Для него Толтек тот, кто принадлежит *магической линии* – является хранителем и носителем тайного знания, а также передаёт его ученикам.

что его работы не более чем талантливая фантастика, а как у всякой фантастики их содержание предельно оторвано от реального мира, тогда как, напротив, описаний фантастических или мистических миров (пусть даже и соседствующих с нами на Земле) предостаточно. Но даже если воспринимать их именно таким образом, всё равно трудно не заметить, что они буквально пропитаны идеей *свободы* (или *силой*, как об этом говорят сами Толтеки). Невозможно передать сущность этой идеи одними только теоретическими рассуждениями, но именно она и является тем, что делает книги Кастанеды столь популярными. Причём, нередко, популярными среди людей, имеющих весьма небольшие по академическим меркам познания. Можно лишь сказать, что каждому человеку – хотя и в разной степени – изначально присуще *стремление к свободе*, а книги Кастанеды пробуждают это стремление, позволяют читающему их как бы заглянуть несколько дальше, чем он видит обычно, заставляют его допустить, что существует нечто гораздо большее, чем то, что ему уже известно, и, самое главное, дают надежду это большее обрести. В конечном же счёте речь в них идёт о достижениях, которые на первый взгляд могут показаться совершенно невозможными, целиком фантастическими, превосходящими самые смелые мечты любого современного цивилизованного человека, в том числе даже и очень талантливого. Видимо, именно об этом говорил Исаак Ньютон: «Всю жизнь я занимался наукой, познавал мир. Но теперь, в конце жизни, я кажусь себе маленьким мальчиком, играющим на берегу океана камешками, а бесконечный океан незнания открывается передо мной».

Хотя толтекское учение и оказало на меня колоссальное влияние, длительное время в силу жизненных причин я не возвращался к нему, но по мере сил и скорее интуитивно, нежели целенаправленно придерживался предложенных в нём принципов *пути воина*, а также пытался анализировать и применять некоторые относящиеся к нему практики. В целом парадигма толтекского мировоззрения, так или иначе, оттеняла все мои поступки, однако очень ярко она не акцентировалась. Между тем я надолго перенаправил своё внимание на область целиком академического знания и сначала, следуя собственным интересам, изучал естественные науки – математику и физику, а позже гуманитарные – психологию, социологию и лингвистику; ещё позже большим моим увлечением стала философия. Помимо этого, со времён интереса к эзотеризму сначала менее, а позже более выражено мной владела идея создать нечто вроде философской системы, которая могла бы в максимальной степени унифицировать весь понятийный пласт, с которым я сталкивался, исключая, при этом, любую меру произвольности. Проще говоря, я хотел добраться до сути всего, что узнавал, и максимально насколько возможно *прояснить своё мышление*.

Вначале это касалось только эзотерических знаний – и по отношению к ним подобное желание более чем оправдано, поскольку именно здесь наблюдается предельное количество путаницы, сумбура и разнообразных странных названий. Например, мне было непонятно что такое “тонкое тело”, что такое и где находится “астрал”, что такое “эгрегор”, существуют ли они на самом деле, а если существуют – то как связаны с обыденным миром? Затем те же вопросы коснулись научных и философских категорий: что такое “энергия”, что такое “разум”, что такое “воля” – свободна ли она? Что такое “психика”, что такое “сознание”, “первичнее ли оно материи” или нет? Не находя достаточно адекватных и строгих на мой взгляд ответов, я не чувствовал себя вправе пользоваться этими в общем-то очень широко распространёнными понятиями, видел в этом некий самообман. Слова, как я полагал, застилают истинную суть вещей – нередко почти непроницаемой пеленой, и сдёрнуть её бывает в высшей степени сложно, но сделать это необходимо, поскольку выбор однозначен: *или человек подчиняется им, или они ему*. В конце концов, мне стало очевидно, что и обыденный язык изобилует понятиями, которые люди часто используют не задумываясь, хотя в действительности их значение может быть весьма туманным. Это, прежде всего, такие понятия как “совесть”, “честность”, “счастье”, “ответственность”, “любовь”; также категории “добра” и “зла” казались мне до предела размытыми, и, наконец, я совершенно не мог понять что такое “лень”, в чём её причины, как с ней бороться, стоит ли вообще это делать и как, и почему одни люди более “ленивы”, чем другие.

Для подавляющего большинства людей процесс мышления является почти полностью бессознательным и формальным. Истинный смысл достаточно абстрактных умственных

построений обычно не понимается, в то время как, с другой стороны, правомочность основанных на них поступков не подвергается сомнению.¹

Система, которую я хотел построить, должна была являться не менее строгой, чем научная система – если конечно не математической строгости, то очень близко к ней. И именно первые мои попытки создать такую систему (которая выглядела тогда ещё крайне запутанно) позже легли в основу этой книги, бывшей сначала не более чем своего рода “дневником размышлений”. В дальнейшем я стал характеризовать эту систему как *метанауку* – в первой главе подробно раскрывается семантика и этимология этого слова.

Качественное изменение, происшедшее в процессе работы над текстом книги, когда уже было сделано довольно много, явилось следствием осознания, что стремление прояснить мышление и понимать точные значения тех или иных слов не является самоцелью, что в его основе лежит гораздо более глубокое стремление – *понять самого себя*, найти и выявить мотивы собственных действий, обычно *не осознаваемые*. Например, я вдруг заметил, что в написанном мной же самим один или два года назад тексте всегда, помимо содержательной части, оказывались отчётливо видны *бессознательные эгоистические проявления* – высказывания, связанные не с философией и познавательной деятельностью, а с моей собственной *личностью*. И даже сама идея писать книгу определённо включала в себя элемент тщеславия. Работа над ней с этого времени обрела, наряду с *дисциплинированием ума*, новый смысл: *выслеживание и нейтрализацию бессознательных проявлений*; я начал воспринимать её как *вызов* и осознал необходимость выполнить её *безупречно* (так бы сказали Толтеки: для них это значит с максимально возможной честностью и ответственностью по отношению к себе). В этой связи уместно вспомнить известный афоризм британского философа Фрэнсиса Бэкона: “знание – сила”, однако он касается внешнего мира – Бэкон подразумевал, что обладая знанием о внешнем мире его можно подчинить себе. Но в данном случае правильнее будет интерпретировать эти слова иначе:

Имея знание о себе можно обрести контроль над собой – силу.

В этом утверждении главный смысл любой психической, физической или психофизической практики, а в том числе и всех практик развития осознанности, относящихся к учению Толтеков. Только погрузившись вглубь себя: сначала вглубь своего ума, затем вглубь психики в целом, затем вглубь процессов физического тела, *познав себя*, можно обрести *силу*. Понимание этого важного факта отражено в книге разделением её на две части: первая – “Знание” – содержит теорию метанауки в самом общем виде, вторая – “Сила” – содержит некоторые конкретные предпосылки к толтекским практикам, а также важную информацию о современном положении человечества. Обе эти части дополняют друг друга: знание невозможно без силы, а сила без знания, и вообще всё написанное может иметь смысл лишь в связи с практикой. Другими словами, знание должно быть *практическим*, только будучи таковым оно приведёт к силе; напротив, любой избыточный формализм по отношению к знанию бесполезен, поскольку оно призвано становиться как бы частью познающего человека (*человека знания*, как таких называют Толтеки), и далеко не только частью его мировоззрения. Конечно, важно, чтобы знание было достаточно ясным и строго формализованным – особенно если речь идёт о его передаче. Но и это, впрочем, не даёт гарантий обретения силы: каждый имеющий силу с необходимостью имеет и ясное мышление, тогда как обратное не верно. Или даже более того: каждый имеющий силу может выражать знание о ней в самых необычных иносказательных формах – именно этот случай представляют собой книги Кастанеды. Они очень метафоричные, подчас совершенно неясные, но смысл от этого ничуть не страдает. Наоборот – чем абстрактнее формулировки, тем он глубже, хотя и тем больше возможностей для недопонимания и спекуляций.

Получив определённое количество академических знаний, я вновь вернулся к книгам Кастанеды с намерением всё же развеять любой туман и как можно более подробно в них разобраться. Вывод, к которому я пришёл в результате, когда к тому же и сам испытал некоторые описанные Кастанедой практики и феномены, было сделать не очень сложно, однако трудно переоценить его значение. В самом общем виде он таков:

¹ Жирным шрифтом и рамкой, начиная с этого места, будут выделяться наиболее важные выводы, содержащиеся в книге.

Учение Толтеков содержит ответы на все основные вопросы, стоящие перед философией и наукой Запада, и идёт гораздо далее их, поскольку помимо теоретических рассуждений включает чёткие практические методики саморазвития.

По большому счёту настоящая книга и посвящена доказательству этого тезиса, который, если представлять себе реальный масштаб философской проблематики, может показаться просто заблуждением или, как минимум, сильным преувеличением. И, тем не менее, все основные аргументы против рассмотрения книг Кастанеды в качестве имеющих большую академическую ценность на поверку оказываются легко опровержимыми. Первый подобный аргумент сводится к тому, что магия и наука или магия и философия в принципе несовместимы и антагонистичны – тогда как наука требует серьёзных исследований, а философия размышлений, магические явления, даже если признавать саму их возможность, принципиально неопишуты и необъяснимы. Действительно, такой взгляд оправдан в отношении некоторых мистических и религиозных учений, и нередко даже культивируется изнутри их самих. Но он совершенно не применим к учению Толтеков, согласно которому, если его правильно и глубоко понять, мир познаваем и всё в нём – или, во всяком случае, в доступной людям его части – можно объяснить (в этом смысле учение Толтеков ничего мистического в себе не содержит). Другой аргумент – наиболее распространённый и стойкий – связан с точкой зрения, что Кастанеда не более чем талантливый мистификатор, а Хуана Матуса никогда не существовало. Его подтверждают также и ряд сообщений 1998 года, что Карлос Кастанеда умер как обычный человек (от рака печени), а не как маг (маги линии Хуана Матуса не умирают, а, сохраняя индивидуальность, *уходят* в иной план бытия). Здесь опровержение такое: Кастанеда предложил ряд практических методик и указал феномены, которых они позволяют достичь, поэтому критика достоверности описанных им событий должна быть связана *исключительно с успехом или неудачей в практике*, но ни в коем случае не с субъективным поверхностным впечатлением от его книг. Таким образом, на самом деле не очень важно существовал ли в реальности Хуан Матус или источник информации Кастанеды был принципиально иным (в рамках этой книги, однако, я буду исходить из предпосылки, что всё написанное Кастанедой является правдой). Как и в случае с любой научной теорией, её необходимо проверять экспериментально; разница лишь в том, что объектом эксперимента здесь является сам экспериментатор, а теорией – философско-магическая система. Кроме того, если некто критикует предоставленные Кастанедой знания, это может свидетельствовать о *заведомой боязни* критикующего не преуспеть в практике, либо об *уже де-факто свершившемся поражении*. Сам Кастанеда комментирует критику толтекских воззрений и вместе с тем даёт определение магии в следующем фрагменте¹:

«В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием было бы *“нагуализм”*², но этот термин является слишком непонятным. Назвать его просто “знание” – означало бы не отразить его сути, а назвать его “колдовством” было бы унижительно. “Овладение *намерением*” – слишком абстрактно, а “поиск полной свободы” – слишком длинно и метафорично. В конце концов, он, не сумев найти более подходящего названия, согласился называть его “магией”, хотя признавал, что и этот термин недостаточно точен. На протяжении лет нашего знакомства он уже давал мне несколько определений магии, но всегда подчёркивал при этом, что они меняются по мере накопления знания. Приближаясь к концу своего ученичества, я почувствовал, что теперь смогу понять более чёткое определение, поэтому снова обратился к дону Хуану.

– С точки зрения среднего человека, – сказал дон Хуан, – магия – это чепуха или зловещая тайна, выходящая за пределы его понимания. И в этом он прав – не потому, что это действительно так, но потому, что среднему человеку не хватает энергии, чтобы иметь дело с магией. <...>

– Подумай об этом так: всё это время ты учился не магии, но скорее – умению сохранять энергию. И эта энергия даст тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. **Вот что такое магия: умение использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Магия – это состояние сознания. Магия – это способность воспринимать нечто, недоступное обычному восприятию.**

Всё, через что я тебя провёл, – продолжал дон Хуан, – всё, что я показывал тебе, всё это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем

¹ Приводимые выдержки из книг Карлоса Кастанеды основаны на переводах издательства “София”.

² Англ. *magualism*, от *magual*. В переводах “Софии” – нагвализм, нагваль.

видеть. **Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев.** Какой странный парадокс! Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию; но всё, что он делает при этом – это позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею».¹

В связи с этой цитатой несколько слов стоит сказать о терминологии. Действительно, «магия» – не самая удачная характеристика для толтекских знаний и практик. И компенсируя общепринято негативное отношение к ней, в своих последних книгах Кастанеда начал использовать альтернативное название – «шаманизм», получившее во второй половине XX века широкое хождение в академической среде. Но «шаманизм» – всё-таки слишком общая антропологическая категория, которая хотя и является более адекватной, чем «магия», тоже не может однозначно отождествляться с учением Толтеков. Поэтому в своих лекциях Кастанеда вернулся к изначально предложенному Хуаном Матусом названию «нагуализм» – и в настоящее время это действительно наиболее удачное название, поскольку даже такое уникальное претендующее на всеобщность (или на *метанаучность*) учение не должно противопоставляться западной академической традиции, но должно – и, что самое главное, может – исходить из её рамок и приемлемо классифицироваться в них.

В то же время не следует рассматривать эту книгу как попытку каким-либо образом систематизировать философию или науку самих по себе, ведь взятые в целом они содержат просто запредельное количество всевозможных идей, теорий и гипотез, связанных к тому же со временем их возникновения, с именами их авторов и с жизненным путём каждого из них. Достаточно полную такую систематизацию провести практически невозможно и вряд ли вообще это имеет смысл. Поэтому был избран компромиссный путь: исходно книга представляет собой систематизацию именно нагуализма, причём её текст по форме независим или практически независим от каких-либо иных внешних теорий, и потому его понимание не требует никаких специальных знаний. Читателю желательно быть знакомым лишь с трудами Кастанеды, но, в общем, и это необязательно, поскольку предварительный обзор основных понятий и практик нагуализма, как они представлены непосредственно у Кастанеды, дан в приложении к книге. К его чтению следует перейти сразу после этого предисловия, причём не рекомендуется обращаться к отдельным его разделам по ходу чтения основного текста, не ознакомившись перед этим с ним в целом. Обусловлено это «техническое» требование тем, что все разделы приложения весьма сильно взаимосвязаны и, вообще говоря, нельзя достаточно хорошо понять один из них, не читая предыдущие.

Таким образом, ссылки на те или иные научные теории и взгляды философов, а равно, когда это будет необходимо, и на самого Кастанеду, будут даваться в основном тексте книги лишь по мере возникновения смысловой корреляции с текущими обсуждаемыми в нём проблемами. Подобный подход позволит сохранить целостность текста, а, с другой стороны, позволит продемонстрировать связь нагуализма и наиболее важных идей философии и науки, не останавливаясь на них излишне подробно, но при этом и не теряя их сути.

Другое замечание связано с тем, что в книге с позиций нагуализма освящается только философия и наука *западной цивилизации*. Серьёзное рассмотрение на его основе традиционных восточных религиозно-философских учений – главным образом, буддизма и даосизма – действительно может представлять интерес, однако, во-первых, на сегодняшний день они не носят определяющего для мировоззрения большинства людей характера, а, во-вторых, западная философия, прежде всего, начиная с Шопенгауэра, де-факто уже включила в себя все их основные моменты (кроме того, имеются попытки непосредственного соотнесения восточных учений с философией и наукой Запада – например, одно из наиболее обширных и содержательных исследований в этом направлении было предпринято известным российским религиоведом Евгением Торчиновым в его работе «Пути философии Востока и Запада: познание запредельного»). То же касается и многих современных эзотерических учений Нью Эйдж, основанных как раз на восточной мистике. Причём важный нюанс в их отношении связан с тем, что хотя нагуализм не касается многих представлений и знаний, рассматриваемых в этих учениях – например, *реинкарнации*, *кармы*, учения о *чакрах*, – он, однако, включает множество эксклюзивных идей и знаний, больше не встречающихся вообще нигде. Возможно даже, что подобное противопоставление Кастанеда допустил в силу определённых причин

¹ К.Кастанеда. Сила безмолвия.

сознательно, просто исключив из своих книг некоторые элементы, в действительности являющиеся в учении Толтеков вполне известными.

Ещё один важный момент заключается в том, что в настоящей книге вообще *нет никаких принципиально новых сведений*, которые не были бы уже где-либо и в какой-либо форме изложены. Она представляет собой лишь *синтез общедоступных знаний*, и это также отражает идею постмодернизма о “Смерти Автора”: автор в современной культурной ситуации может лишь *цитировать*, что, впрочем, не мешает ему продуцировать новые смыслы уже известного. При таком положении вещей определённая систематизация существующих знаний – максимум к чему можно стремиться, к тому же весьма актуальная на сегодняшний день задача.

Наконец, нельзя не затронуть следующий принципиально важный вопрос – почему такое уникальное эзотерическое учение как нагуализм – веками остававшееся тайным – оказалось полностью раскрытым? Какие цели преследовал Карлос Кастанеда, сделав его общедоступным? Первые книги рассматривались им с подачи Хуана Матуса лишь в качестве эффективного вида практики *выслеживания себя* – работая над ними, Кастанеда детально восстанавливал в памяти эпизоды своего ученичества (Толтеки называют это тренировкой *второго внимания*), однако напрямую цели распространять учение не ставилось. Более того, с первой половины 70-х Кастанеда прекращает любую публичную деятельность, реализуя такие принципы пути воина как *стирание личной истории и недоступность*, причём восстанавливать разорванные связи и писать новые книги он не собирается. Но ситуация кардинальным образом изменилась, когда стало понятно, что в силу своей особой *энергетической конфигурации* он не может быть лидером *магической когорты* – *Нагуалем* – подобно тому, как таковыми были Хуан Матус и множество Нагуалей до него. Он не может продолжить *магическую линию* Хуана Матуса, хотя ранее каждый Нагуаль, прежде чем *уйти*, подготавливал новую когорту магов. Возможность ошибки со стороны Хуана Матуса была исключена, поскольку тот был *безупречен в своих действиях* – в сущности, лишь воплощал замысел безличной *силы*. И после некоторого замешательства способ решения проблемы продолжения линии (*магической оплаты долга* Хуану Матусу) был найден: им и стало полное раскрытие нагуализма.

В конце 80-х Кастанеда выходит из тени, проводит семинары и лекции в Мексике и США, и выпускает ещё несколько книг. В согласии с его *несгибаемым намерением* (*несгибаемое намерение у Толтеков* – это не просто желание, а то, что в любом случае должно осуществиться), хотя магическая линия Хуана Матуса и закрывается, теми, кто сможет достичь успеха в практике, должны быть основаны новые линии. Одно из последних значимых событий, напрямую связанных с Кастанедой, произошло через четыре года после его ухода – в 2002 году. Один из приближённых к нему людей – Армандо Торрес – выпустил новую книгу «Послание Карлоса Кастанеды: встречи с Нагуалем», содержащую некоторую дополнительную информацию о нагуализме, и в том числе *правило трёхзубчатого Нагуаля* (так характеризуется энергетическая конфигурация Кастанеды)¹. Её конечная цель – указать, что все необходимые сведения для практики переданы, *и теперь каждый желающий может практиковать, имея реальный шанс на успех, причём учителя для этого не требуется*.

Более того, появление трёхзубчатого Нагуаля, кем являлся Кастанеда, всегда предшествует *радикальным изменениям в культуре всего человечества в целом* или изменению *модальности времени*, как об этом говорила Тайша Абельяр – женщина-воин из магической когорты Карлоса Кастанеды, автор книги «Магический переход»:

«...Причина того, что вы и я можем хотя бы разговаривать, заключается в огромной необходимости изменить модальность нашей культуры. Маги говорят, что с точки зрения внутренней модальности нашего времени общий прогноз выглядит отрицательным. Если изменениям суждено произойти, они должны проникать снаружи, чтобы продемонстрировать возможность движения вперёд. Мы издали эти сведения не в качестве информации, а как указание на возможность. Прежде всего, здесь заключена идея, за которую люди могут ухватиться для того, чтобы осознать: есть кое-что помимо нашей народной культуры, поглощённой синдромом "маленькой бедняжки"».²

Для меня, как для автора этой книги, эта информация стала, в конечном счёте, определяющей, поскольку я не имею физического учителя, и если бы он был необходим, всё написанное, каким бы целостным и гармоничным в себе оно не было, в любом случае представляло бы лишь чисто

¹ В 2010 году Армандо Торрес выпустил ещё одну книгу “Тайна пернатого змея”, также содержащую диалоги непосредственно с Кастанедой.

² Из интервью журналу “Psychic Reader” “Переход мага в абстрактное”.

интеллектуальную игру философских концепций. Оно не затрагивало бы ни моей внутренней сущности как автора, и ни позволяло бы вскрыть действительный смысл учения Толтеков. Между тем я рассматриваю эту книгу как именно попытку перебросить мост между двумя не только культурными традициями, но и способами мышления, и способами действия, и даже вообще способами *жизни*. Поэтому абсолютно все сведения, переданные Карлосом Кастанедой, и взятые мной за отправной пункт, подвергнутые мной рефлексии, я также, насколько мог честно перед самим собой, старался переносить в плоскость личного опыта. Не могу сказать, что всегда этот опыт был прямым отражением пути, пройденного самим Кастанедой – а вернее даже по форме он был совершенно иным, ведь он приобретался в условиях иной временной модальности и без прямого наставничества (я мог бы сказать, что он был более абстрактным). Однако тем интереснее было сопоставлять их на теоретическом уровне, отыскивая самые базовые узловые моменты, универсальные вообще для всех людей, всех культур и всех жизненных положений. Это также позволило мне открыть совершенно иные грани магического взгляда на мир, которые Карлос Кастанеда упоминал лишь вскользь, либо не упоминал совсем. И даже выйти на следы иных дошедших до нашего времени магических традиций, открывающих сейчас свои тайные знания, которые хотя и описывают мир подчас совсем иначе, чем нагуализм, и также предлагают совершенно иные практики саморазвития, тем не менее, разделяют его основные принципы и цели. В конце концов, я понял, что очень важно не замыкаться на чём-то одном, даже на таком удивительном и масштабном учении, каковым является нагуализм. Нельзя отказываться ни от каких возможностей, тем более что наше время предлагает их больше, чем достаточно, стоит лишь поискать. Подобный универсальный взгляд на проблему раскрытия, передачи и развития знаний разных традиций, включая академическую традицию Запада, лишней раз показывает уместность всей проделанной в книге работы, каким бы неожиданным и странным избранный в ней подход мог не показаться при первом знакомстве.

И в заключение всех этих вводных сведений, я хотел бы дать читателю некий исходный пункт для взгляда на нагуализм, который позволит лучше представлять его цели хотя бы в самом общем виде. Для этого я прошу вспомнить годы раннего детства, вспомнить ощущение огромного мира, который ещё только предстоит познать – яркого, прекрасного, загадочного. Я прошу вспомнить годы, когда всё было новым и интересным, каждый день был насыщен событиями, а жизнь казалась почти бесконечной, до краёв наполненной необыкновенными приключениями, далёкими путешествиями и сказочными свершениями. С другой стороны, я прошу вспомнить родителей и других взрослых – нередко по неизвестной причине недовольных, озлобленных, агрессивных, всегда заставляющих чувствовать свою ущербность, называя это воспитанием. Нередко, наоборот, уставших, жалующихся, пассивных, бесчувственных, вечно решающих одни и те же сложнейшие проблемы, но зачастую не понимающих даже самых простых вещей. Задайте себе вопрос: а какой теперь я – не такой ли, как они тогда? И если да, то почему? Что случилось? Случилось ли это с миром или со мной? *Мир ли уменьшился в размерах или я перестал относиться к нему так, как раньше?* Да, теперь я умён и много знаю, но сделало ли это меня счастливым? Что дала мне моя разумность, и почему столь много зная, я не могу справиться даже с самыми элементарными проблемами во взаимоотношениях с людьми? Почему разум вместо радости познания принёс скуку суеты?

Именно на возвращение утраченного в детстве чувства тайны и направлены все толтекские практики, но подобная цель ни в коем случае не означает, что Толтеки призывают вернуться к детской безмятежности или отбросить разумные суждения. Наоборот, путь, который они обозначают, – *путь воина* или *путь знания*, требует железной дисциплины и кристально ясного ума. Только следуя по этому пути можно будет вновь обрести утраченное когда-то восприятие мира как бесконечной тайны, причём эта тайна станет ещё гораздо более волшебной и захватывающей.¹

¹ Чтение книги рекомендуется начать с [Приложения](#).

Часть I. ЗНАНИЕ

Глава первая. ВВЕДЕНИЕ: МЕТАНАУКА КАК СОВРЕМЕННАЯ МЕТАФИЗИКА

Метанаука – характеристика, вынесенная в заглавие книги, которую в первом приближении можно рассматривать в качестве синонима общепринятого *метафизика* (от греч. *meta ta physika* – после физики), но также она имеет и некоторые особые акценты, расстановка которых и будет осуществлена в этой главе. Перед этим также целесообразно остановиться на ситуации собственно с метафизикой, именно – на причинах её широкой *критики* со стороны современной философии: главным образом, со стороны *позитивизма* (от лат. *positivus* – положительный) и *постмодернизма*. Вместе с тем стоит разяснить и их современное положение, для чего в самом начале потребуется совершить краткий историко-философский экскурс.

Позитивизм – философское направление, основанное в 30-40 гг. XIX в. французским учёным и философом Огюстом Контom, одним из первых серьёзных критиков традиционных философских подходов. Основной посыл его учения заключался в необходимости очищения философии от любого рода спекуляций – собственно *метафизических*, ничего не дающих в отношении к реальной практике. Максимум, чем, согласно Конту, может являться философия – это де-факто обобщением *науки*, но она принципиально не способна предсказывать научные открытия: наука, таким образом, *всегда первичнее философии*. Контом же это обобщение или “классификация наук” была построена; позже, впрочем, она естественным образом потеряла актуальность. Особой его заслугой является основание в её рамках новой науки – *социологии*, науки об обществе.

Становление в конце XIX – начале XX вв. второй исторической формы позитивизма – *эмпириокритицизма* или *махизма* – было связано с именами учёных и философов Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса, поставивших задачу выяснить способ определения позитивности – то есть *истинности* – того или иного теоретического знания. Казалось бы, критерием истины может быть только практика, то есть научные эмпирические исследования, но что же тогда делает истинным, к примеру, сам этот критерий? И что вообще даёт возможность строить какие-либо теории: например, математические; на основании чего в принципе практическая наука может опираться на теоретические знания?¹ Эти и подобные гносеологические вопросы получили в философских кругах того времени самое широкое обсуждение, однако исчерпывающих ответов найти не удалось, что в конечном итоге и привело эмпириокритицизм к кризису и упадку. Изначальную цель позитивизма – критику философии – никак не получалось осуществить: сама эта критика уже требовала философствования, чем заводила в тупик. Были и примеры совсем неконструктивных проявлений, наиболее ярким из которых явилось требование отвергнуть на основании её непозитивности молекулярно-кинетическую теорию – вершину естественной науки того времени. С другой стороны, вторая форма позитивизма дала и важные для философии в целом плоды, одним из которых стал предложенный Авенариусом принцип *принципиальной координации*, гласящий, что “субъект не разделен с объектом, объект дан с его восприятием”. Так, например, конструкция “Я вижу дерево” не имеет смысла, если выделять дерево в отдельный объект. Смысл слов “Я вижу дерево” характеризует ситуацию *скоординированности* субъекта и объекта, их *единство* в акте наблюдения.

¹ Чтобы облегчить восприятие книги в ней применён особый стилистический приём выделения вопросов (подчёркиванием): прежде чем переходить к следующим за выделенным вопросом рассуждениям читателю предлагается подумать над ним самостоятельно. Подобный элемент активного чтения ориентирует мышление в необходимом направлении и позволит всегда точно понимать, о чём в данный момент идёт речь.

Третья форма позитивизма, также называемая *аналитической философией* или *неопозитивизмом*, была представлена двумя основными направлениями: *логическим позитивизмом* и *философией лингвистического анализа*. Целью логического позитивизма, развившегося в 20-50 гг. XX в., было показать бессмысленность вообще *любых* философских проблем как вытекающих из *кажущихся* неясностей в научных теориях, связанных, в свою очередь, с неправильным употреблением и двойственностями правил языка. Логические позитивисты в отличие от эмпириокритиков не подвергали научные теории принципиальным сомнениям, если те можно было подтвердить экспериментом (*принцип верификации*). Их интересовала формализация и прояснение языка науки, либо даже построение *идеального языка*. Со временем, однако, стало понятно, что реализовать этот проект не удастся. Выяснилось, что реальные научные теории тотальная формализация только усложняет, а метафизические элементы, как и в случае эмпириокритицизма, не удаётся устранить в любом случае. Реабилитация метафизики была завершена в рамках уже *постпозитивизма* в 60-70 гг. после выработки британским философом Карлом Поппером *принципа фальсификации*, утверждавшего принципиальную возможность опровержимости любой истинно научной теории.

Основанием для этого принципа является фундаментальное метафизическое утверждение, согласно которому любая теория – лишь *приближение* объективной реальности. Она, по этой причине, не может быть универсальной, и всегда можно провести эксперимент, который позволит либо опровергнуть её, либо потребовать её *обобщения* – построения по отношению к ней *метатеории*, которая могла бы его объяснить (классический пример – теория относительности Эйнштейна, *обобщающая* теорию гравитации Ньютона). Ненаучная теория, отсюда, та, результаты которой в принципе нельзя подвергнуть сомнению (фальсифицировать), какими бы они ни были, поскольку не существует достаточно адекватного способа их соотнесения с реальным миром. Неопровержимость, согласно Попперу, не достоинство теории, а её недостаток, фактическая неприменимость на практике – когда теория употребляется не для *анализа* с целью утверждения *новых* тезисов, а для *оправдания* сколь угодно иррациональных, но зато являющихся предметом большой уверенности *старых* (примерами таких теорий, с точки зрения Поппера, могут послужить астрология или психоанализ). Однако следует понимать, что универсальные принципы всё же возможны – но не в *науке*, а в *философии*, примером чего служит сам принцип фальсификации. Таковые уже действительно могут быть лишь предметом особой веры, хотя, с другой стороны, только на их основе может иметь смысл любая наука как то, что к вере не относится. Иначе говоря:

Прежде чем заниматься наукой нужно в принципе *верить*, что она может привести к какому-то осмысленному объективному результату, однако получая этот результат нужно в той же мере *сомневаться* в его действительной объективности.

Если вдуматься, подобное правило весьма близко по сути к толтекскому принципу “воин верит, не веря”.

Второе направление неопозитивизма – философия лингвистического анализа – развивалось, главным образом, австрийским философом Людвигом Витгенштейном, основные её идеи в их конечном виде выражены в его труде «Философские исследования». Преодолев логический позитивизм, теперь Витгенштейн поставил во главу угла анализ естественного языка, а метод подобного анализа назвал “прояснением” или “терапией” языка – содержание этого метода варьировалось в зависимости от конкретных случаев. «Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка»¹, как он определил своё понимание философии. Ему также принадлежит понятие *языковой игры*, фиксирующее неотделимость языка от какой-либо конкретной практической деятельности (в Приложении показана прямая связь учения Витгенштейна с учением Толтеков об эманациях, это же касается принципа принципиальной координации Авенариуса). То есть те или иные языковые конструкции имеют смысл лишь в рамках породившей их деятельности (требующей языкового взаимодействия – “игры”), но будучи вынесены за её пределы они этот смысл утрачивают, и могут стать основой для “болезней” языка. В настоящее время аналитическая философия не является отдельным направлением, но можно сказать, что вся серьёзная современная философия аналитична и стремится быть максимально строгой и доказательной, иначе – максимально позитивной.

¹ Л. Витгенштейн. Философские исследования.

Критика метафизики со стороны постмодернизма во многом пересекается с её критикой позитивистами, находя принципиальную причину метафизических злоупотреблений в неявной тенденции *оправдывать или критиковать ту или иную идеологию* (особенно господствующую), вместо действительно беспристрастных рассуждений (которые, вероятно, вообще невозможны). С другой стороны, ни одна метафизическая система, согласно постмодернизму, не смогла предложить модели будущего общества, которую реально можно было бы воплотить в жизнь. И даже более того, как пишет французский философ Жиль Делез: «история философии – от сократиков до гегельянцев – оказывается историей долгого подчинения человека, а также историей доводов, которые человек изобретал, чтобы оправдать своё подчинение»¹. *Метанаррация* или *метарассказ* – так называет идеологию любого рода французский философ Жан-Франсуа Лиотар в своей книге «Состояние постмодерна», и там же он предлагает рассматривать современную культуру постмодерна как культуру «недоверия в отношении метарассказов» и, следовательно, в отношении всякой метафизики. В ней он, по сути, закрепляет за постмодернизмом идеи немецкого философа Фридриха Ницше и, позднее, Людвиг Витгенштейна о том, что язык субъекта в действительности является не *инструментом* описания некоего предзаданного мира, а *самим его миром*, а также концепцию, что любой *текст* (вообще говоря, любое явление или произведение) *не имеет однозначного и окончательного смысла*. Согласно Жилью Делезу, смысл «производится: он никогда не означален, но всегда нечто причинённое, порождённое»²; согласно французскому философу и культурологу Ролану Барту, текст «это не совокупность замкнутых в себе знаков, наделённая смыслом, который можно восстановить, а пространство, где прочерчены линии смысловых сдвигов»³. Попытки закрепить за текстом то или иное однозначное ценностное значение, следовательно, всегда являются насилием – над бесконечной реальностью, в качестве проводника которой он выступает.

Культура постмодерна, составляющая весомую долю всей современной культуры, базируется, отсюда, на ценностях *либерализма* и предполагает принципиально любые взгляды и движения, при условии, что ни одно из них не возьмёт на себя роль ведущего. Философия же постмодерна, постмодернизм – это, согласно французскому философу Жаку Дерриде, автору концепции *деконструкции*, «философия различия» (или «философия хаоса», «метафизика отсутствия»), тогда как традиционная метафизическая философия – «философия тождества» («философия порядка», «метафизика наличия»).

Иначе можно рассматривать постмодерн как буквально *кризис культуры* (или даже как *культуру кризиса* или *посткультуру* – имеется в виду кризис культуры *модерна* как, в широком смысле, принципиального обещания прогресса через ту или иную идеологию), вызванный, с одной стороны, нежеланием идеологии, а с другой – потребностью в ней, причём сама эта культура во многом осознаёт себя таковой. В действительности кризис, о котором идёт речь – кризис развития современной культуры и цивилизации вообще – это тот же кризис, о котором говорила (см. предисловие) Тайша Абеляр, однако нагуализм не является ни идеологией, ни даже движением.

Нагуализм – указание на возможность выхода из сложившегося кризиса развития культуры и цивилизации, осуществить которую можно только полностью осознанно, вне любой явной или неявной массовой идеологии и политических движений.

Кризисность постмодернизма, если рассматривать его как философию, выражается, таким образом, в принципиальной позиции, направленной против *единой истины*: истин много, и каждый человек сам ищет истину и является источником истины, каждый человек строит собственную философию и является источником философии. Отсюда, философий много и никто не вправе говорить, что только ему известна единственная истина – с другой стороны, даже самые бессмысленные и патологические или же, наоборот, откровенно провокационные и ироничные точки зрения на мир имеют полное право существовать. Но понятно, что уже сама эта позиция имеет в какой-то мере *идеологическую реакционную направленность*, сама она уже *философия тотальной критики*, имеющая *исторические корни* подобно любой другой философии, и также подобно любой философии содержащая в себе – хоть и очень оригинальным образом – всю философию прошлого. Здесь уместно будет привести слова одного из представителей немецкой классической философии

¹ Ж.Делез. Ницше.

² Ж.Делез. Логика смысла.

³ Р.Барт. Семиотика как приключение.

объективного идеалиста Георга Гегеля, крупнейшего метафизика новой истории (это общая формулировка его *принципа историзма* применительно к философии):

«Возникновение и развитие философии, изложенные в своеобразной форме внешней истории, изображаются как история этой науки. Эта форма сообщает ступеням развития идеи характер случайной последовательности философских учений и создаёт видимость того, что между их принципами и разработкой последних существуют одни лишь различия. Но совершает эту работу тысячелетий единый живой дух, мыслящая природа которого состоит в осознании того, что он есть, и, когда последнее стало, таким образом, его предметом, он благодаря этому поднимается на более высокую ступень развития. История философии показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях её развития; во-вторых, что особые принципы, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь ответвления одного и того же целого. Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их; поэтому оно, если только оно является философским учением, есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное».¹

Гегель, конечно, не полностью прав, ведь, скажем, философия Толтеков, проникшая сейчас в западную цивилизацию, вообще не относится к истории её собственной философии (то же самое справедливо и в отношении философии Востока). Она появилась тысячелетиями раньше и в совсем иной культуре, когда единые западные культура и цивилизация, как мы понимаем таковые сейчас, ещё даже не существовали. Гегель полагал, что западная цивилизация будет лишь *прогрессировать* – хотя и через преодоление внутренних противоречий, – что это самая развитая цивилизация на Земле, которая в конце концов самостоятельно придёт к универсальной философии. Но вышло совсем иначе: спустя века западная цивилизация в глубоком кризисе, и помочь справиться с ним могут лишь древние знания, уникальность которых пока что ещё даже весьма слабо осознаётся. Всё это, впрочем, не влияет на истинность принципа историзма, если рассматривать его вне любых конкретизаций, хотя заблуждение Гегеля и привело его к спекулятивным построениям на счёт возможности создания идеального *свободного* общества на базе конституционной монархии. Ещё позже аналогичное заблуждение легло в основу формационной теории Маркса, а сейчас связывается с либеральной демократией и научно-техническим прогрессом. В этом аспекте критика взглядов Гегеля, которую осуществили постмодернисты, вполне оправдана, но и его слова верны в их отношении – постмодернизм всецело принадлежит западной цивилизации и является её *историческим следствием*. Только он стал следствием её *предопределённого упадка*, а не *прогресса*, хотя, нельзя не отметить, что в каком-то смысле само осознание упадка уже является прогрессом.

Другой вопрос, что в принципе делает возможным появление различных философских или метафизических систем, если всё же каждая из них может быть не более чем предтечей единой универсальной метафизики? И хорош ли плюрализм в философии, как на этом настаивают постмодернисты? Конечно, нельзя не признать, что когда некто начинает философствовать, он не сразу делает это безошибочно, он развивается и его собственное развитие идёт параллельно с развитием его философии. В этом нет ничего необычного, и в конце концов даже люди исходно противоположных взглядов могут придти к консенсусу, то есть *противоположности*, как это и утверждает гегелевская *диалектика*, могут и должны *сойтись*. Но такова лишь часть истины: другая состоит в том, что фактически имеется крайне мало людей, в полной мере реализовавших эту идею и видящих картину философии действительно во всей её диалектической полноте. Большинство даже профессиональных философов, уже не говоря о политиках и обычных людях, совершенно не способны преодолеть крайности в своих взглядах. Получается, что *психология человека* – его бессознательные желания и недовольства – определяет *философию бытия*, тогда как должно быть в точности наоборот: философия должна предшествовать психологии, включать её в себя; ведь *не человек определяет законы бытия, а они его поведение и его взгляды*.

Бытие, в таком случае, всегда остаётся не более чем проекцией психического плана философа, его “пузырём восприятия”, а не чем-то объективным и независимым от него. И таким образом, всё, что, в свою очередь, может реально сделать для человека философия, это как-либо скорректировать его психологию – “ухудшая” или “улучшая” её, но не преодолевая, и не делая собственно объектом внешнего рассмотрения. Вот как об этом, ссылаясь на Карлоса Кастанеду и критикуя философов

¹ Г.В.Ф.Гегель. Энциклопедия философских наук, Т.1.

(кстати, в данном случае не важно – универсалистов или постмодернистов), пишет в своей книге «Жизнь-в-сновидении» Флоринда Доннер – женщина-воин его когорты:

«...философы являются интеллектуальными магами. Однако их исследования и стремления всегда остаются лишь ментальными попытками. Философы не могут воздействовать на мир, который они так хорошо понимают и объясняют, способом, отличающимся от культурно обусловленного. Они дополняют уже существующее ядро знания. Они истолковывают и перетолковывают имеющиеся философские тексты. Новые мысли и идеи, возникающие в результате таких интенсивных исследований, не изменяют их, исключая, быть может, психологический план. Они могут стать более добрыми, более понимающими людьми или, возможно, наоборот. Однако с философских позиций они не могут сделать ничего такого, что изменило бы их чувственное восприятие мира, ибо философы действуют в рамках социального порядка. Они поддерживают социальный порядок, даже если не согласны с ним интеллектуально. Философы – это плохие маги».¹

Фактически у всякого философа, начавшего как “интеллектуальный маг”, есть два пути: либо вовлечение в общественно-политические процессы (даже выраженное только написанием статей, книг и чтением лекций), либо отстранение от всего обыденно-мирского и путь мага. Иногда философы демонстрируют симбиоз этих путей, но, в конце концов, все известные западные философы выбирали первый из них.

Нельзя не отметить, что на основании столь критической оценки имеется большой соблазн сделать вывод, что традиционная *идеалистическая* философия действительно построена на одних лишь непродуктивных спекуляциях. А тогда единственной альтернативой оказывается *материализм*, где как раз “высшее объясняется через низшее”, *ценности* человека объясняются из его *психологии* (*принцип психологизма*), *духовное* сводится к *душевному* (“Сверх-Я”, как сумма высших ценностей человека или его *совесть*, имеет, согласно основателю *психоанализа* Зигмунду Фрейду, ту же природу, что и выражающие инстинкты “Оно” – *бессознательную*). Такая позиция действительно имеет смысл, и, во всяком случае, не трудно понять логику тех, кто её придерживается, но в принципе она не верна. А верно следующее:

Множество ценностей человечества иллюзорны и преходящи, но есть одна по-настоящему вечная ценность – свобода. И также ценно всё то, что позволяет приблизиться к ней.

Свободу как высшую ценность обозначали многие философы, в том числе и уже упомянутый Гегель. Но истинными практиками свободы, а не только “интеллектуальными магами” стали лишь Толтеки, для которых она реальная и достижимая – хотя и с колоссальным трудом – цель. Речь идёт, при этом, об *абсолютной* свободе, а не об *относительной* – освобождении от чего-то или кого-то конкретного, как свобода понимается обычно.

Здесь также имеет смысл заметить, что вся философия условно может быть разделена на *аксиологическую* (ценностную) и *сциентистскую* (научную); последняя, отрицающая любые философские рассуждения вне науки – это уже рассмотренный выше позитивизм. Такое разделение, конечно, не может быть признано естественным и достаточно легко преодолевается посредством следующих вполне правомерных вопросов. Имеет ли ценность сама наука? Хорошо ли, когда человек занимается наукой? Чего учёный хочет достичь, осуществляя познание? В чём причина наличия у него страсти к познанию? И, наконец, всегда ли достижения науки полезны? Первым в явном виде подобные вопросы поставил ещё один представитель классической немецкой философии Иммануил Кант, а позже в начале XX в. в свете позитивистских споров их актуализировал Мартин Хайдеггер, и он же предложил рассматривать философию в качестве *метанауки*. Философия, согласно Хайдеггеру, *принципиально первичнее науки*, она должна определять *предпосылки* научного знания, саму его возможность и необходимость.

Таким образом, коренное противоречие, всегда существовавшее между философией и наукой, сводится к тому, что наука носит принципиально *объективный* характер, она направлена на мир, тогда как философия обращается к *субъекту* – человеку. Но на самом деле это только кажущееся противоречие, ведь сам субъект тоже может быть рассмотрен в качестве *объекта* – когда он *познаёт самого себя*.

¹ Ф. Доннер. Жизнь-в-сновидении.

Наука выступает от лица познающего человека, философия же как метанаука предлагает изучать самого человека во всех его проявлениях. Философия – это наука о человеке, и прежде всего наука о возможностях и трудностях, с которыми тот сталкивается, осуществляя познание. Такая же, в идеале, точная наука, как и любая другая.

Вечное стремление человека к *свободе*, совпадающее со стремлением к *познанию* – это *первичное* его стремление. И если на этом пути встречаются препятствия, они сами должны становиться предметами изучения. Поэтому современный философ – это всегда ещё и, в широком смысле, *учёный* – он занимается наукой; всегда ещё и *социолог* – он должен знать что происходит с обществом, как общество влияет на него самого, и в том числе как мешает ему; это всегда *психолог* – он должен понимать психику свою и других людей, чтобы оптимизировать и подчинить её себе, чтобы наладить отношения с другими. Конечно, свобода в XX веке казалась не более чем идеалом, но именно в это время он стал как никогда близок, именно в это время активно развивались *социология* и *глубинная психология*, именно в это время появилась и *экзистенциальная философия*, сделавшая особый акцент на бытие именно *человека*, а не на бытие вообще¹. Наконец, *постмодернизм* тоже возник ввиду желания разобраться в причинах всеобщего психического рабства – скованности людей лишь тоталитарными когнитивными системами.

Итак, после всех этих предварительных рассуждений появляется, наконец, возможность выявить истинный характер связи философии и науки собственно с *нагуализмом* как с магическим или шаманским учением; уяснить, в чём сущность подхода, действительно позволяющего рассматривать *нагуализм* в качестве *метанауки*. Обычно это очень слабо сочетаемые понятия, причиной чего является отсутствие серьёзного (и одновременно известного) прецедента подобного учения в истории западной цивилизации. Мы знаем кто такой учёный, кто такой философ, кто такой, например, доктор антропологии, но трудно представить “доктора магии” или “доктора шаманизма” – человек, занимающийся такими вещами, принципиально не может принадлежать академической среде. С другой стороны, нередко магия бывает связана с разного рода шарлатанством и обманом (о чём уже говорилось в предисловии), а под *мистическим опытом* негласно понимаются не более чем *галлюцинации* – порождения психики: субъективного мира, а не объективного. Дальше всех в исследовании экстатических шаманских переживаний (или “изменённых состояний сознания”) на сегодняшний день продвинулись представители *аналитической психологии* Карла Юнга и *трансперсональной психологии* Станислава Грофа и Кена Оггера. Однако они только в начале пути, который Толтеки давно уже прошли полностью.

Для того чтобы связь философии и науки с шаманизмом и магией стала понятной, имеет смысл обратиться к книге советского физика и кибернетика Валентина Турчина «Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции». Турчин – выдающийся, но сравнительно малоизвестный учёный, диссидент, в 1977 г. эмигрировавший в США. На разработанной им эволюционной теории *метасистемного перехода* основана одна из глав настоящей книги. Турчин, конечно, не занимался шаманизмом и магией и, возможно, даже мысль о каких-то параллелях с ними показалась бы ему неуместной. Однако то, чего он коснулся теоретически, и то, что также как и Хайдеггер – хотя и по несколько иным причинам – предложил называть метанаукой, является сферой практических интересов именно шаманов:

«Всегда, когда мы выходим за пределы сферы восприятия и объявляем, что “на самом деле” имеет место то-то и то-то, мы движемся не вниз, а вверх – строим пирамиду языковых объектов и только вследствие обмана зрения нам кажется, что мы углубляемся в область, лежащую ниже чувственного опыта. Выражаясь метафорически, плоскость, отделяющая чувственный опыт от реальности, является абсолютно непроницаемой и, пытаясь разглядеть, что под нею, мы видим лишь перевёрнутое отражение пирамиды теорий. Это не значит, что истинная реальность непознаваема и наши теории не являются её моделями; надо помнить только, что все эти модели лежат по сию сторону

¹ Экзистенциализм (от позднелат. *ex(s)istentia* – существование, экзистенция) или философия (человеческого) существования – направление философии, сформировавшееся в начале XX в. и рассматривающее человека в аспекте постижения им самого себя (свою экзистенцию) через непрерывное взаимодействие с бытием и, в особенности, через крайние проявления такого взаимодействия – борьбу, страдание, одиночество, смерть. С другой стороны, через необходимость совершать постоянный выбор, конечная цель которого – обретение большей свободы. Экзистенциализм стал альтернативой классической философии, являющейся, по мнению экзистенциалистов, слишком абстрактной и далёкой от действительно актуальных для человека проблем.

чувственного опыта и бессмысленно сопоставлять отдельным элементам теорий призрачные “реальности” по ту сторону, как это делал, например, Платон. Представление об электроде как о маленьком шарике, движущемся по траектории, – такая же конструкция, как и сцепление знаков квантовой теории. Оно отличается только тем, что включает пространственно-временную картину, которой мы по привычке приписываем призрачную реальность с помощью бессмысленного в данном случае выражения “на самом деле”». <...>

Так или иначе, вопрос о создании метанауки стоит на повестке дня. Рано или поздно он должен быть решён, и тогда люди получат новое оружие для покорения самых странных фантастических миров».¹

В следующей главе поднятый здесь вопрос о познаваемости мира будет обсуждаться подробнее, пока же можно сформулировать основополагающий тезис:

Нагуализм имеет единую с западными учёными и философами цель: *познание мира*. Но тогда как последние сосредотачиваются для её достижения на научных теориях и технике, Толтеки развивают *чувства* и постигают мир ими *напрямую*.

«Дон Хуан заметил, что приборы являются всего лишь продолжениями наших органов чувств. Я же придерживался мнения, согласно которому некоторые приборы нельзя отнести к данной категории, поскольку они выполняют функции, на которые мы не способны по чисто физиологическим причинам.

– Наши органы чувств способны на всё, – заверил меня дон Хуан.

– Хорошо, вот тебе пример: приборы, способные принимать радиосигналы, приходящие из открытого космоса, – заявил я. – А наши органы чувств этого делать не могут.

– А я на этот счёт несколько иного мнения, – не согласился дон Хуан. – Я полагаю, что наши органы чувств способны воспринимать всё, что нас окружает.

– Ладно, тогда как насчёт ультразвука? – не унимался я. – У нас нет органических чувств для его восприятия.

– *Видящие* убеждены – мы имеем понятие лишь о крошечной частичке самих себя, – ответил он».²

Это, впрочем, не означает, что Толтекам чужды теории – в действительности их описания мира намного превосходят имеющиеся у учёных Запада, хотя чтобы описывать им не требуется бумага, карандаш или тем более компьютер, но лишь в высшей степени развитые *абстрактное мышление, воображение и память*, владение которыми они называют *искусством осознанности*. С другой стороны, и наиболее выдающиеся учёные не обходятся без, по меньшей мере, интуиции (“вводящей в неведомое”) или того, что иногда называют “гениальными прозрениями”.

¹ В.Ф. Турчин. Феномен науки.

² К.Кастанеда. Огонь изнутри.

Глава вторая. ПРОЯСНЯЮЩАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

Традиционно в рамках *гносеологии* (теории познания, от греч. *gnosis* – знание, *logos* – учение) выделяют следующие вопросы: какими средствами обладает субъект для познания мира? Познаваем ли мир и насколько? Каков критерий истинности или валидности познания? Нагуализм даёт исчерпывающий ответ:

Мир познаваем, познаваем полностью, основные средства познания помимо обычных органов чувств – это *воля*, делающая возможным само формирование таких органов, и *видение*, позволяющее воспринимать мир вообще вне чувственных интерпретаций.

В этой главе, однако, гносеология будет рассмотрена под несколько иным углом зрения, для чего потребуются абстрагироваться от исторически сложившегося наполнения этого понятия и поставить вопрос более общего характера: зачем в принципе требуется гносеология? Зачем требуется теоретизировать о познании, тогда как, казалось бы, познание тем только и может характеризоваться, что *практикой*? Например, когда человеку требуется *узнать* где что-либо расположено, он *ищет* это; когда ему нужно *узнать* как что-либо делается, он *учится и овладевает требуемым умением*. Если музыкант слышит музыку, он может определить красивая она или нет и при этом *не сомневаться* в своей оценке; если учёный занимается исследованиями и у него есть *непоколебимое желание* добраться до истины, он будет продолжать их, пока не овладеет ей.

В действительности потребность в теории познания, как и во всякой теории вообще, возникает лишь тогда, когда результаты *своего* познания необходимо разделить *с другими людьми*, либо сохранить для себя, чтобы иметь возможность вернуться к ним впоследствии. Проблема гносеологии, таким образом, в самом общем виде может быть очерчена как проблема *понятного языка*, а основной вопрос, на который гносеология должна отвечать – как возможно передавать свои знания другим и при этом также *знать, что они поймут тебя правильно*? Может показаться, что подобный вопрос носит чисто *эпистемологический* характер (эпистемология буквально теория знания, обычно рассматриваемая в качестве части гносеологии; от греч. *episteme* – знание, *logos* – учение), но эпистемология рассматривает структуру знания *как такового*, вне его отношений с субъектами, речь же идёт о *понятности знания для субъекта, адресата этого знания*. Следовательно, если традиционная гносеология рассматривает проблемы оппозиции “субъект – объект”, а эпистемология – “объект – знания”, то гносеология в обозначенном смысле рассматривает проблемы более широкой оппозиции “субъект – знания”.

Гносеология в рамках метанауки есть теория понятных и целесообразных объяснений.

В разделах этой главы как раз и будут сформулированы принципы языка, посредством которого в дальнейшем будет осуществляться изложение всего остального материала книги. А поскольку метанаука – обобщающая философская система, то фактически в ней будут заложены принципы *корректного языка вообще*. Такой язык – это необязательно идеальный в смысле логического позитивизма язык; это также не предельно строгий язык. Основной критерий корректного языка – его принципиальная понятность, а главная задача гносеологии, отсюда, – его *прояснение*, близкое по характеру к прояснению, как таковое понимается в философии лингвистического анализа.

Однако прояснение только одна проблема, не менее важная проблема – целесообразность этого прояснения. То есть необходимо поставить ещё один вопрос, без ответа на который дальнейшее продолжение каких-либо конструктивных рассуждений вообще теряет смысл. Действительно, пусть принципы корректного языка полностью ясны и субъект, ими владеющий, способен передавать имеющиеся у него знания максимально ясно. Но с какой целью вообще необходим обмен знаниями, необходим ли он в рамках совместной познавательной деятельности? Прежде всего следует понимать, что изначально любого рода языковое взаимодействие не предполагает никакой

совместной познавательной деятельности, оно лишь обеспечивает людям *лучшую возможность для выживания*. Познавание же – *глубоко субъективный и личный процесс*; как уже было замечено, для его осуществления, вообще говоря, не требуется никаких предварительных теорий. Но имеет ли тогда смысл само выражение “совместная познавательная деятельность”, можно ли познавать совместно? Можно, но, если опираться на теорию нагуализма, только *в рамках магической когорты и магической линии*, то есть фактически процесс такого рода расширенного познания “субъект – знания – субъект” должен протекать сходно с описанным Кастанедой, когда тот обучался у Хуана Матуса. Как использовал язык последний? Вне всякого сомнения, *предельно осмысленно*, точно понимая что и когда нужно говорить. Также Хуан Матус в своих объяснениях не передавал Кастанеде какой-либо отвлечённой информации: *все его объяснения касались Кастанеды лично и были направлены на то, чтобы он смог лучше узнать самого себя*. А как уже говорилось: имея знание о себе можно обрести контроль над собой – силу.

Любые даже самые ясные объяснения не послужат совместной познавательной деятельности без готового к ним адресата, поскольку они должны быть ориентированы на прояснение его мышления главным образом в отношении самого себя. По этой же причине такие объяснения не должны быть отстранёнными, процесс передачи знаний в рамках совместной познавательной деятельности требует контролируемых эмоциональных и волевых усилий.

В принципе *можно вообще обходиться практически без объяснений*, предоставляя компаньону разбираться во всём самому – приверженцем такой методики был Хулиан Осорио, – хотя с позиций новых видящих это далеко не самый оптимальный способ обучения. С другой стороны (это отмечено в Приложении), и чисто интеллектуальный психоанализ без привлечения *воли* никогда не увенчается успехом.

Стоит также заметить, что в широком смысле совместный познавательный процесс возможен, конечно же, не только в оформленной магической когорте. Но люди, участвующие в этом процессе, когда они дополняют психические склонности друг друга, уже неявно объединяют свою осознанность воедино, и тем самым действительно делают её возникновение возможным.

Основы корректного мышления

В этом разделе будет дано самое общее и предварительное представление о возможности корректного языка вообще, основанное на связи корректного языка с корректным мышлением *как оперированием языком*. Корректное мышление условно назовём *онтологическим* (онтология – учение о бытии; от греч. *on, ontos* – сущее, существующее, *logos* – знание, учение; нередко онтология считается синонимом метафизики); некорректное – *метафорическим*. Смысл раздела состоит, отсюда, в проведении границы между этими двумя способами мыслить.

Онтологическое мышление

Как правило, под словом “онтологический” понимается *объективный*, объективно существующий, *независимый от субъекта*, и такое понимание его значения может привести к резонным сомнениям: правомерно ли в принципе словосочетание “онтологическое мышление”? Как может мышление быть онтологическим, при том, что объективное бытие принципиально находится вне мышления субъекта? Иначе те же вопросы можно сформулировать так: если всё сущее функционирует в согласии с определёнными законами, а мышление претендует на отражение этих законов, можно ли говорить, что законы как они существуют в реальности ничем, по сути, не отличаются от законов как они отражаются в мышлении? На первый взгляд такой вопрос может показаться странным – разве можно сопоставлять отдельного субъекта и бесконечно большое бытие, частью которого, к тому же, он сам является? Но эта проблема разрешима: естественно, никто не может удерживать в своём мышлении исчерпывающие знания обо *всех* законах бытия, однако подобное возможно хотя бы *до какого-то уровня глубины или абстрактности*: точно также никто не может одновременно воспринимать все объекты мира во всех ракурсах, но каждый постоянно воспринимает некоторое количество его объектов в одном. Конкретизируем: пусть некий учёный –

например, геометр – занимается познанием бытия: какими понятиями ему приходится оперировать? Прежде всего, геометрическими фигурами и их соотношениями. Но ведь геометрических фигур нигде в реальности нет, их *невозможно* воспринимать напрямую чувствами? – однако также *невозможно* обойтись без них при описании бытия. Следовательно, можно сказать, что геометрические фигуры присутствуют в мире *неявно*, однако всё же *присутствуют, имеют в нём смысл*. Точно также они присутствуют в мышлении геометра: сначала он каким-то образом ухватывает их из мира, переносит в своё мышление, а уже затем оперирует ими, при этом не возвращаясь собственно к миру, – как бы видя их “внутренним взором”. Различается ли то, что он видит в реальности и то, что он видит внутри себя, в своём воображении? По существу – нет, следовательно, на поставленные выше вопросы можно ответить положительно.

Человек в принципе может отражать в своём мышлении законы бытия до определённой степени абстрактности и моделировать их работу в своём воображении.

Образно это можно представить так: объективная и субъективная реальности – ёмкости одинакового по природе вещества, *смысла*: причём они могут сообщаться, и смысл из объективной реальности может перетекать в субъективную. Ёмкость бытия – бездонная, смысл в ней может быть невероятно глубоким; ёмкость человека – в большинстве случаев сравнительно небольшая, и глубина смысла в ней обычно сильно ограничена.

Выше был приведён пример геометрического онтологического мышления, но это лишь его частный случай, вообще же можно сказать, что каждый творческий человек имеет тот или иной вид онтологического мышления: например, музыкант, условно говоря, имеет музыкальное мышление (мыслит нотами), а художник – образное (мыслит художественными образами и их гармоничными пропорциями). Но, с другой стороны, нельзя назвать онтологическим мышлением, например, оперирование отвлечёнными от реальности языковыми структурами, поскольку в этом – суть мышления вообще. Языковые структуры должны иметь под собой некий онтологический предмет – “о чём мышление”, а без него оно становится *формальным*. Подобным мышлением, в частности, сопровождается чтение, ведь человек далеко не всегда идёт от читаемых слов и предложений к обозначаемому ими непосредственному опыту – такового может и не быть вообще, или он оказывается опосредован множеством других слов и предложений. Поэтому прежде чем стать онтологическим, то есть полностью отразить нечто случившееся в действительности, мышление должно быть формальным, но, с другой стороны, не всегда полностью правильное формальное мышление будет онтологическим, ведь часто теории носит лишь приблизительный или даже спекулятивный характер.

Не всегда формальная теория будет онтологической. С другой стороны, чем более онтологична теория, тем сложнее она для разума и для практического применения.

Раздел знаний, связанный с наименее онтологическим и наиболее формальным мышлением – естественные науки; обратное соотношение касается гуманитарных наук и искусства (это, как известно, связано с преимущественной работой соответственно левого и правого полушарий, а Толтеки разграничивают на этой основе сталкеров и сновидящих). Однако несомненно, что, например, наиболее выдающимся математикам, прежде чем они обращаются к скрупулёзной формализации, доступна и сущность некоего до того неизвестного явления. Именно поэтому порой так случается, что явление и особенно причины его целесообразной эксплуатации обретают теоретическое основание ещё до его открытия при помощи технического эксперимента. С другой стороны, посредственности всегда ограничиваются лишь формальным оперированием, не видя сущности своих построений, даже если таковые касаются в высшей степени творческих сфер. Есть и виды деятельности, для которых используется разум и только он – это, например, игра в шахматы, и потому не может быть “шахматного онтологического мышления”, или, точнее, оно полностью совпадает с шахматным *формальным* мышлением; шахматы – сами по себе *объекты*, и они принадлежат *миру объектов*, в отношении которых только разум и может применяться. С этих позиций также вполне понятно, почему компьютеры до сих пор не могут гарантированно переигрывать лучших шахматистов человечества. Как бы там ни было, разум – онтологичен сам по себе, то есть имеет материальную основу. И, по-видимому, не менее эффективную, чем

микроэлектронная основа современных технологических средств, которые, в сущности, являются лишь несовершенной эмуляцией природного творения.

Имеет смысл отдельно рассмотреть использовавшееся в приведённых рассуждениях понятие *абстрактного*. В обыденном понимании абстрактное (от лат. abstractio – отвлечение, удаление) – значит отвлечённое от реальности; когда говорят, что кто-то мыслит абстрактно – имеют в виду, что он мыслит абстрактными понятиями. С другой стороны, совсем иначе понимается абстрактное в нагуализме – наоборот, как противоположность формальному, связанному с чистым мышлением. Но действительно ли эти трактовки понятия абстрактного различны? Нет, потому что если чьё-то мышление онтологично, и он *видит суть предмета своего мышления*, то он уже должен оперировать очень абстрактными понятиями, если хочет объяснить это своё видение. Так и делал Хуан Матус, и именно потому нередко при формальном подходе многие его речевые построения могут показаться почти бессмысленными.

Чем более онтологично мышление, тем более абстрактным оно должно быть (но не наоборот), а самые абстрактные понятия, которые вообще можно указать – это собственно абстрактное, безмолвное знание, намерение.

Интересно кратко проследить историческую эволюцию некоторых из затронутых здесь философских вопросов. Одним из первых к проблеме “субъективной реальности” обратился в своём учении об идеях Платон, понимавший под таковыми “идеальные образцы”, в соответствии с которыми сотворено всё сущее. Идеи лежат вне времени, а в материи они лишь *проявляются*. Человек способен постигать идеи, и постигая их получать *эстетическое наслаждение* – любовь к познанию у Платона вообще является смыслом жизни. Аристотель подверг это учение критике и уточнил некоторые его моменты (например, Платон ошибочно считал, что человеку соответствует “идея человека”, или государству – “идея государства”), однако по большому счёту оно осталась прежним: идеи полагались “врождёнными”, то есть изначально присущими субъекту – независимыми от опыта, но отражающими его и предшествующими ему. Противоположная точка зрения позднее была высказана *эмпириками*, в согласии с которыми *познание опирается исключительно на опыт (принцип эмпиризма)*, и никаких предзаданных идей не существует. В последующем синтез этих различных позиций был осуществлён на базе *трансцендентального идеализма* Кантом.

Бытие, по Канту, проявляет себя посредством *феноменов*, регистрируемых органами чувств; суть же их – *ноумен* – всегда остаётся скрытой от субъекта, является “вещью в себе”. Однако если субъект не может иметь ноумен внутри себя, то на какой основе в этом случае структурируется опыт? Для Канта – на основе так называемых *априорных форм созерцания*, то есть неких форм, присущих разуму человека ещё до всякого опытного познания и опыт организующих (например, для математического познания такие формы – абсолютные пространство и время). Столь радикальный пересмотр философских идей его времени понадобился Канту, чтобы максимально чётко продемонстрировать, как именно возможны какие-либо знания в принципе, и как они опираются на опыт; с другой стороны, на основании своих гносеологических представлений он показал бессмысленность – оторванность от опыта – многих метафизических рассуждений, берущих начало ещё у Платона. Таким образом, Кант стал первым серьёзным гносеологом и вместе с тем первым серьёзным критиком метафизики (его называли даже “могильщиком метафизики”), предвосхитившим позитивизм. Можно также сказать, что он свёл метафизику к гносеологии.

Новый взгляд на проблему познания принадлежал немецкому философу конца XIX – начала XX вв. Эдмунду Гуссерлю в рамках основанной им *феноменологии* (от греч. phainomenon – являющееся, logos – слово, знание). Согласно Гуссерлю, сознание субъекта всегда обладает направленностью на какой-либо предмет или *интенциональностью*, поэтому оно не может быть отделено от мира, как это утверждалось Кантом. Созерцая феномены как многообразия способов данности предмета субъект способен сознавать его сущность или “схватывать идею” (процесс чего называется *ноэзис*, от греч. noesis – мышление), а позже способен отвлекаться от внешнего мира, сохраняя эту идею в виде объективного содержания своего мышления (*ноэмы*, от греч. noema – акт мышления). Представление о предмете, таким образом, зависит не от априорных форм созерцания, а от характера его со-знания, воплощающего в себе единство ноэмы и ноэзиса. Феноменология Гуссерля стала одним из наиболее важных философских направлений XX в. – некоторые её идеи ещё будут рассматриваться в дальнейшем.

Метафорическое мышление

Всё сказанное позволяет сделать ещё один значимый в рамках проблемы понятного языка вывод:

Сколько бы понятный язык не использовался для передачи знаний, передать *сущность* этих знаний будет *невозможно*, если адресат не обладает в достаточной степени *развитым онтологическим мышлением*, способным её вместить.

Действительно, случаи, когда некие знания воспринимаются лишь *формально, поверхностно*, распространены довольно широко и чаще всего имеют место в учебных заведениях, где не стоит острого вопроса об их *применении*, и где также нет *живого интереса* к ним. В свою очередь, если человек не готов к восприятию знаний *по существу*, то они покажутся ему не более чем бессистемным и скучным текстом. Например, именно так обычно воспринимает не математик сложные математические теоремы. Однако нужно понимать, что сформулировавший эти теоремы и их доказательства человек лишь занимался *описанием* того, что он имел в своём воображении. Утверждение теоремы – замеченный им факт, доказательство – описание пути, который позволяет связать его с другими ранее известными фактами, и который также *может позволить* это сделать *другим*. Вообще кажущаяся бессодержательностью любых *сложных текстов*, то есть текстов, где делается попытка показать достаточно глубокую сущность вещей, является главной причиной определённого критицизма к абстрактности как к таковой. Как уже было замечено, нередко абстрактные рассуждения считаются “отвлечёнными” или “оторванными от реальности”, однако в действительности *истинно абстрактные рассуждения* связаны с ней гораздо теснее, чем рассуждения конкретные – *поверхностные*, в противоположность *глубоким*.

С другой стороны, может показаться, что если кто-то *не понимает смысла тех или иных знаний*, он не должен рассуждать в их рамках – но совсем нередко происходит иначе, и человек оперирует понятиями и утверждениями, которые он в действительности *не понимает*, при этом не понимая и *самого факта этого непонимания*. Иначе говоря, в его мышлении происходит неосознаваемое им самим смешение знаний понятных для него и не понятных – онтологических и формальных. Но почему сам мыслящий подобным образом человек не видит разницы между этими видами знаний? Или в каком отношении пребывают его формальные знания к реальности, что это отношение допускается приемлемым? Как правило, в подобном случае имеет место отношение *метафоры*, а соответствующее ему мышление резонно называть *метафорическим* или в узком смысле *образным*. Метафора (от греч. *metaphora* – перенесение) – это словесное перенесение свойств одного предмета (явления) на другой на основании общего или сходного для них признака. Некоторые примеры метафор – “пламенная речь”, “падающая тень”, “говор волн”, “бронза мускулов” и пр. Какова обычная область применения подобных выражений? Поэтические и художественные тексты. С какой целью они используются? Для эстетически более сильного выражения какого-либо качества. Но возможна ли иная область применения метафор? Как оказывается, эта область – всё, что связано с абстрактным мышлением.

Применение метафор может быть мотивировано желанием передать смысл некоторого явления, сведя его к смыслу уже известного – например, именно этот приём был использован выше, когда объективная и субъективная реальность были *образно* уподоблены ёмкостям со смыслом. Но разве объект или субъект – ёмкости, или разве смысл – вещество? Естественно это не так, но у этих двух объяснений близкая понятийная *структура*: бывают глубокие ёмкости, а бывают глубокие мысли – метафора, употребляемая довольно часто. Однако:

Употребление метафоры никогда не гарантирует адекватной передачи смысла, но, напротив, часто создаёт ошибочную *иллюзию* понимания.

То есть если человек в силу неразвитости мышления принципиально не понимает некие знания в их строгом формальном виде, он не поймёт их и в виде метафорическом, хотя может решить, что понял, а это запутает его ещё больше. Так, если кто-то слишком буквально воспримет выражение “глубокий смысл”, то могут возникнуть вопросы такого, например, рода: чем можно измерить его глубину? Бывает ли газообразный смысл или только жидкий? В бездонной ёмкости бытия, где

находится смысл, есть ли ещё что-то, кроме него (может быть рыбы, медузы...)? Конечно, приведённые примеры весьма утрированы, однако не более чем примеры метафоричности в реальных рассуждениях, и об этом, без сомнений, лучше всего известно учителям, преподавателям, а также любым узким специалистам, привыкшим к точности. Другого рода область, где метафоры получили самое широкое распространение – “популярная эзотерика”, в которой, например, можно найти такие абсурдные словосочетания как “параллельный мир”, “тонкое тело”, “вибрирующая энергия”, “воздействие мыслью”, “астральная проекция” и пр. Ясно, что всё это комбинации принципиально не сочетаемых слов. С позиций философии лингвистического анализа слова из них принадлежат к *различным языковым контекстам* или к *различным языковым играм*, то есть, например, мир (планета) принадлежит контексту физики, а параллельность – контексту математики. И как в физике нет понятия идеальной параллельности, так и в математике нет понятия мира. Точнее, таковое действительно было введено немецким математиком XIX в. Бернхардом Риманом (в рамках *римановой геометрии*), и он же первым употребил словосочетание “параллельный мир”. Но это лишь условное название – Риман и не предполагал, что оккультисты попытаются использовать его в качестве научного обоснования существования “духов”. В учении Толтеков также встречаются метафоры, наиболее яркая из которых – “пожирающий осознанность Орёл”. Однако эта метафора была раскритикована самим Хуаном Матусом. Конечно, и в самых строгих рассуждениях *в принципе* метафоры употреблять можно, и это действительно нередко делается в математике или в физике. Однако для этого человек должен обладать немалой дисциплинированностью ума и тонкостью чувств, чего большинству людей, как правило, недостаёт. Можно сказать, употребление элементов искусства в строгой науке, а равно наоборот – само по себе уже большое искусство.

Помимо явных метафор – носящих подчёркнуто образный характер – особо нужно выделять *неявные* метафоры, то есть метафоры, по форме не отличающиеся от остального текста, а нередко даже претендующие на роль *принципов*. Например, рассмотрим такой вопрос: связан ли субъект с объектом или принципиально отделим от него? Неизвестно что здесь значит “связан” – это слово в данном случае и есть неявная метафора: если решить, что под связью понимается материальная связанность объектов, то субъект – как *физическое тело* – и любой объект – опять же, как *физическое тело* – конечно не связаны (или связаны очень слабо – рядом физических сил, вроде гравитационной). И тем более, если где-то “внутри себя” объект имеет смысл (“вещь в себе” Канта), этот смысл никак не может быть “перемещён” в субъекта. Следовательно:

Внешняя академичность не является критерием онтологичности текста, а неявные метафоры в нём приводят к догматизму. Поэтому даже самая сложная и абстрактная теория может оказаться полностью бессодержательной, в буквальном смысле “оторванной” от реальности.

Другим источником неявной метафоричности является не просто неверное употребление слов, а вообще пропуск содержательных слов, либо замена нескольких слов одним. Продемонстрировать подобное легче всего обратившись к аристотелевским силлогизмам. Рассмотрим такой силлогизм: “Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен”. Ясно, что ёмкое слово “следовательно” в его рамках взяло на себя основную смысловую нагрузку и требует расшифровки. Корректнее будет сказать так: “Все люди обладают свойством смертности. Сократ принадлежит множеству людей. Поскольку Сократ – элемент множества людей, согласно правилам теории множеств он смертен”. Казалось бы, зачем усложнять? Но сравним со следующим неправильным силлогизмом: “Все люди имеют имя. Юрий – имя первого космонавта. Следовательно, все Юрии первые космонавты”. По форме практически идентично первому, и слово “следовательно”, на первый взгляд, играет ту же роль. Но ни здравый смысл, ни формальный логический подход не дают права его здесь использовать. Вообще, не трудно заметить, что слово “следовательно” *практически всегда* зависит от контекста, причём зависит намного больше, чем любое другое – ведь оно и есть двигатель процесса мышления. А часто так случается, что нет никакой *формальной логической процедуры*, позволяющей определить правомочность его использования, и вся ответственность ложится только на здравомыслие употребившего его человека, на его способность к онтологическому мышлению (обычно об этом говорят, как о большей или меньшей “логичности”, однако некорректно говорить о разной “логике”, хотя так тоже часто делают).

Сделать формальный вывод гораздо проще, чем осмысленный, тем более что сама структура языка часто не особенно критична к этому.

Так, совсем нередко бывает, что разные люди рассуждают об одном и том же, но получают из одинаковых посылок *противоположные выводы*. Конечно, каждый из них *отчасти* или *по-своему* прав, то есть исходя из разных *описаний мира* указывает на *его разные грани*. Это вполне нормальная ситуация, например, для политики – но не для философии, которую в идеале должно интересовать не выражение чьих-либо интересов или не борьба против интересов других, а лишь *отстранённое познание мира как он есть*. Что интересно, в любого рода политических спорах всегда остаётся за рамками вопрос *умственного развития* оппонентов, тогда как, наоборот, выражаемые ими *ценности* ставятся на передний план.

Косвенными признаками метафоричности текста могут являться весомая доля *сумбура в изложении*, *эмоциональность*. Наоборот, наиболее содержательные тексты обычно написаны строгим формальным языком, но и это, как уже отмечалось, не критерий – метафоричность может неявно выражаться в виде эмоционально подкреплённых и только *подразумеваемых* догматических принципах. Бывает и так, что формальное изложение прерывается эмоциональными высказываниями, и это также может свидетельствовать о том, что внешняя академичность является для автора лишь самоцелью и прикрытием. Вообще число метафорических проявлений в современных научных работах (включая и естественные науки) почти столь же велико, как и в эзотерических, а зачастую эзотеричность и наукообразность в разной мере сочетаются или дополняют друг друга. Аналогично обстоит дело и с философией: ей всегда были свойственны неявные метафоры, но если в прошлом основным их источником была религия, сейчас по понятным причинам в этой роли выступает наука. Вот как, например, классифицируют и комментируют злоупотребления наукой в философии постмодерна физики Алан Сокал и Жан Брикман:

«Чтобы быть более точными, под "злоупотреблениями" мы понимаем одну или несколько нижеследующих характеристик.

- Свободно рассуждать о научных теориях, о которых имеется, в лучшем случае, лишь смутное впечатление. Чаще всего авторы лишь используют научные (или кажущиеся научными) термины, не задумываясь о том, что они означают.
- Переносить понятия точных наук в гуманитарные науки без какого бы то ни было эмпирического или концептуального обоснования. Ведь биологу, который захотел бы использовать элементарные понятия топологии (вроде тора), теории множеств или дифференциальной геометрии, пришлось бы объясняться. Его коллеги просто не поняли бы его рассуждений по аналогии. Здесь же, наоборот, выясняется, что, с точки зрения Лакана, структура невротика и есть тор (то есть это сама реальность! См. Главу 1), с точки зрения Кристевой, поэтический язык есть сила континуума (Глава 2), а с точки зрения Бодрийара, современные войны разворачиваются в неевклидовом пространстве (Глава 7).
- Кичиться ложной эрудированностью, обрушивая на головы читателя учёные слова в таком контексте, в котором они не имеют вообще никакого смысла. С одной целью, несомненно, – поразить и, главное, смутить не подготовленного специально читателя. Даже комментаторы попадают на эту удочку: Лехте хвалит точность Юлии Кристевой, а Монд восхищается эрудицией Поля Вирильо.
- Жонглировать фразами, лишёнными смысла и играть словами. Речь идёт о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям.

Эти авторы рассуждают уверенно, но эта уверенность не основывается на профессиональной компетенции. Лакан хвалится тем, что использует "самые последние достижения топологии" (Глава 1), Лятур думает, что он во многом опирается на Эйнштейна (Глава 5). Они несомненно считают, что могут использовать престиж точных наук для того, чтобы придать блеск собственным рассуждениям. Более того, они, кажется, уверены, что никто не заметит их злоупотребления научными понятиями, никто не скажет, что *король-то голый*.¹

¹ А. Сокал, Ж. Брикман. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна.

Наоборот, и весьма несистематизированный текст может содержать глубокие интуитивные прозрения, наиболее ярким примером чего являются книги Карлоса Кастанеды. В них очень много явных – но *только явных* – метафор (как уже упомянутый “Орёл”), и нередко даже сам автор не может адекватно расценить то, о чём рассказывает. Однако всё описанное в них имеет глубокий смысл просто потому, что, каким бы оно ни было по форме, это описание так или иначе происшедшего на самом деле, и любой человек может получить близкий опыт. К тому же Кастанеда соблюдает при изложении достаточную отстранённость, не проявляя эмоции и тогда, когда сам он как участник описываемых событий предстаёт далеко не в лучшем свете.

Онтологичный текст совсем не обязательно должен быть хорошо систематизирован – неверно и обратное. Критерий онтологичности – достаточная отстранённость автора, его “холодный ум” и вместе с тем живое воображение, способные в полной мере отразить реально происшедший, либо в принципе возможный опыт.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСНОВЫ ОНТОЛОГИИ

Итак, ранее было установлено, что корректный или онтологичный язык – это язык, который корректно отражает глубокую сущность феноменов реальности. Отсюда приходим к следующему выводу:

Построение онтологии или метафизики, задача которых состоит в предельно абстрактном описании бытия, прежде всего требует выяснения природы самих описаний.

Иными словами, вопрос, поиск ответа на который будет осуществляться далее, формулируется так: если описания или знания отражают смысл или сущность вещей, то как именно она в них представлена, какими средствами располагает для отражения смысла аппарат описаний? Онтология отнюдь не сводится посредством этого вопроса к гносеологии, но без достаточно глубокой проработки проблемы описаний переходить к построению онтологии недопустимо. Можно сказать, что роль проясняющей гносеологии – задавать онтологии *языковые основы*.

Представления об основах онтологии развивались начиная от Сократа, Платона и Аристотеля вплоть до новейшей истории. Цель охватить все этапы этого развития не ставится, но основные идеи рассмотреть всё же стоит. Как уже говорилось, Платон первым разделил бытие на *видимое* и *подлинное*, и предложил считать, что последнее состоит из идей или из *сущностей* (в философии закрепилось именно это понятие). Тогда как всё наблюдаемое постоянно *меняется*, сущность – *неизменна*; тогда как все вещи находятся в постоянном *отношении* друг к другу, сущность – *безотносительна*. Платон также заметил, что говоря о чём-либо, человек всегда соотносит данные своих чувств: например, когда мы говорим “холодная вода”, то имеем в виду, что бывает также и “горячая вода”. Когда говорим “большая гора”, имеем в виду, что она большая *в сравнении* с небольшой, но *само по себе это отношение бессмысленно* – речь ведь может идти и о большой молекуле. Отсюда, всё в мире связано в *систему взаимных отношений*, и только сущности самостоятельны. Среди первичных сущностей Платон выделял числа, а также геометрические фигуры: как он полагал, они особенно важны, поскольку обращение к ним способно действительно пробудить человеческий ум.

Аристотель подверг критике платоновские представления о сущностях и, в частности, указал, что ни числа, ни геометрические объекты не являются полностью независимыми: например, точка всегда лежит на линии – следовательно, она *зависит* от линии, линия же, в свою очередь, лежит на плоскости и т.д. – получается, что поиск более глубокой сущности можно осуществлять до бесконечности. Однако существуют ли всё же математические или иные объекты, даже если каждый из них невозможен вне более абстрактного? Аристотель даёт положительный ответ, но говорит о существовании в особом смысле: нет независимых сущностей как таковых, но есть *существенные признаки* – *свойства*, и всё в мире может быть разделено по этим признакам на *классы*. Каждый объект может иметь разные свойства и, следовательно, может быть отнесён к разным классам; наоборот, каждую классификацию интересуют лишь определённые признаки объекта. Например,

алгебру – количество объектов, геометрию – их *протяжённость*, медицину интересуют болезни, а биологию – царства, подцарства, классы, виды и роды живых существ.

Со временем взгляды на мир как на систему отношений и как на совокупность классифицируемых объектов обрели новый смысл и выступили в качестве антагонистичных, о чём в своём труде «Система трансцендентального идеализма» писал немецкий философ XIX в. Фридрих Шеллинг, выделивший два философских подхода к соотношению рассуждений о мире с самим миром: естествознание или *натурфилософию* и *трансцендентальную философию*. В рамках первого – мир дан нам так, как мы его воспринимаем, и главная гносеологическая проблема состоит в том, чтобы описать его как можно точнее, как можно глубже проникнуть мыслью в его сущность, найти наиболее существенные признаки предметов. В рамках второго всё наоборот – во внешнем мире ничего не существует, всё, что существует, обладает этим качеством лишь постольку, поскольку может быть мыслимо, иметь место в описании, в системе отношений. Задача трансценденталистов, отсюда, не в том, чтобы глубже проникнуть в мир, а в том, чтобы определить чем может быть мир, исследуя как он отражается в мышлении, или как и насколько мышление ограничивает его собой (именно эти гносеологические вопросы ранее ставил Кант).

Аналогичная философской ситуация сложилась в XIX – XX вв. и в математике. Так, натурфилософии в ней соответствовал *математический реализм*, трансцендентализму – *математической структурализм*. Одним из видных представителей первого был известный математик и логик Курт Гёдель, называвший способность познавать математические сущности *математической интуицией*, сравнимой с чувственным восприятием в естествознании. Метод математического реализма – обобщение и построение посредством него всё более и более абстрактных математических объектов. Математические структуралисты полагали иначе – существование отдельных математических объектов возможно лишь постольку, поскольку те могут быть вписаны в рамки предзаданной *логической формы*. Наиболее видный представитель структурализма в математике – Давид Гильберт, поставивший и во многом решивший задачу аксиоматизации математики, то есть создания такой системы формальных математических высказываний, которая неявно – опосредованно логическими выводами – включала бы в себя все возможные математические утверждения и, следовательно, содержащиеся в них объекты.

Кто прав – натурфилософы или трансценденталисты, реалисты или структуралисты? Представляется вполне очевидным, что два внешне противоположных подхода по сути тождественны, и к этому же выводу приходит Шеллинг. Действительно, очень спорным было бы полагать, что Гильберт не обладал математической интуицией, а Гёдель, учитывая его знаменитую *теорему о неполноте*, не понимал роли формальных аксиоматических систем. Разница лишь в способе смотреть на мир: или мы делаем акцент на *сходствах* между объектами, и выделяем их на основании существенных *свойств* в *обобщающие* классы; или, наоборот, ищем между объектами *отличия*, для чего *соотносим* их друг с другом. Однако Шеллинг делает этот вывод из ещё более глубоких соображений: *мыслимый мир уже в самом начале своего становления должен был подразумевать возможность того, что его можно будет мыслить*. Иначе говоря:

Идея мира (то же, что и намерение бесконечности) вне его становления предполагает тождество субъекта и объекта, мыслящего и мыслимого. Поэтому в мире нет таких объектов, которые нельзя было бы мыслить (по отношению к другим), и нет таких умственных логических форм, которые не имели бы под собой реальных объектов (и не обобщали бы их).

С другой стороны, возможность выделять свойства и отношения объектов заложена в самом языке, более того:

Естественно-языковые предложения не могут указывать ни на что другое, кроме как на пребывающие в отношениях друг с другом или на объединённые общими свойствами объекты.

В качестве простейшего примера рассмотрим такое предложение: “Тарелка стоит на столе”. В нём можно выделить два объекта – тарелку и стол, каждый из которых в действительности является абстрактным объектом, *обобщающим* потенциально бесконечное число конкретных тарелок и столов. Слово “стоит” уже не объект, а обозначение *отношения*, и, что важно, тарелка стоит именно *на* столе, а, допустим, не *под* ним. Следовательно, имеются два объекта – тарелка и стол, и они пребывают

первый ко второму в отношении “стояния на”. Стояние здесь показывает, что тарелка, скажем, не летает, а прикреплена в согласии с, вероятно, законом гравитации дном к столу (не сказано, что тарелка перевернута), и также поскольку “тарелка стоит на” она прикреплена к нему со стороны обратной ножкам. Для более сложного примера возьмём такое предложение: “Запах распространялся по комнате”. Распространение – это уже гораздо более сложное отношение, чем стояние – хотя в принципе и допустимое. Но как быть с запахом – можно ли его назвать объектом, когда это, в общем-то, на самом деле воздух, насыщенный микрочастицами какого-либо вещества? Можно, ведь в действительности мы говорим “запах распространяется по комнате”, лишь упрощая громоздкое “огромное число частиц воздуха, перемещенное с некоторым относительно небольшим числом частиц вещества, осуществляет броуновское движение, со временем увеличивая радиус отдаления самой крайней такой частицы от источника их появления в направлении комнаты и вызывая в ноздрях предположительно находящихся в ней реципиентов ощущение запаха”. Запах, таким образом, также можно *редуцировать* до объектов и отношений между ними, и на основании всего сказанного приходим к ещё одному выводу (так называемому *принципу структурного изоморфизма*):

Тождественность внешне различных теорий всегда можно проверить, найдя способ сопоставления их *внутренних структур*. Конкретные названия фигурирующих в каждой из теорий понятий, при этом, совершенно не важны.

Чаще всего взаимное несогласие, основывающееся только лишь на недостаточной ясности в терминологии, встречается в философии или в гуманитарных науках, косвенным примером чего может послужить собственно ситуация с рассмотренными выше натурфилософией и трансцендентализмом. В них “отношение” и “свойство” формально равноценные понятия, то есть заменяя “свойства” натурфилософии на “отношения” можно придти к трансцендентализму, верно и обратное. Бывает подобное – хотя и гораздо реже – и в естественной науке: например, знаменит эпизод, когда в тридцатых годах XX в. два физика – Вернер Гейзенберг и Эрвин Шрёдингер – независимо друг от друга построили два различных варианта развивавшейся тогда квантовой механики. Причём первый на основании своих выкладок утверждал, что электрон – это частица, а второй, что электрон – волна. Позже выяснилось, что первый использовал для своих выводов аппарат матричной алгебры, а второй – математического анализа, по сути же их теории оказались идентичными. Но всё же, что такое электрон на самом деле – частица или волна? На самом деле нет никакого “на самом деле”, как было справедливо замечено Валентином Турчиным в приводившейся во введении цитате. Всё, что могут сделать учёные относительно электрона – это лишь, основываясь на экспериментах, описать его поведение, и в зависимости от того, на что сделан акцент в том или ином способе описания, он станет для них волной или частицей. Такая двойственность в интерпретации одного и того же экспериментального материала известна под названием *принципа дополненности* Нильса Бора. Но в действительности в данном случае несколько некорректно говорить об онтологической *дополненности*, поскольку все реальные явления сочетают и корпускулярные, и волновые свойства. То есть фактически невозможно *представить* себе *отдельно* частицу – как некий объект – и *отдельно* волну – как отношение между объектами: *реальный объект всегда подразумевает отношения, реальное отношение всегда подразумевает объекты*. Следует также заметить, что принцип дополненности был взят на вооружение философией постмодерна, где он служит обоснованием необходимости различных дополняющих друг друга описаний для одного и того же явления (например, культурного). Однако не трудно видеть, что подобная его экстраполяция с физики микромира на философию и культурологию является целиком и полностью метафоричной и во многом спекулятивной, причём спекулятивность в данном случае вытекает не из метафоричности, а присуща этому принципу изначально (в других главах книги этот вопрос будет обсуждаться подробнее).

Наконец, имеет смысл ещё раз осветить уже возникавший ранее вопрос: есть ли всё же что-то в мире, что не может быть описано? Казалось бы, нет, ведь как только мы что-то *воспринимаем*, мы сразу же – неявно – это что-то и *описываем* (это – “что-то”). Но подобный ответ основан на том, что можно воспринимать только *объекты* – а это не верно с точки зрения нагуализма. Объекты – результат чувственных интерпретаций, изначально же бытие – *единая и неделимая энергия*, иначе – *абстрактное намерение бесконечности*, то есть та предельная категория, по отношению к которой мышление бессильно. Тогда как обычные категории онтологического мышления всегда указывают на некие объекты, эта указывает на нечто, что лежит вне объектов, на саму возможность подобного

“ничто” – можно также сказать, она по природе своей имеет антипозитивистский или метафизический смысл. Все люди, конечно, постоянно сталкиваются с абстрактным, ведь и сама информация чувств, прежде чем её как-то интерпретировать, имеет собственную никак не ограничивающуюся разумом онтологическую природу. Но тогда как толтекские практики ведут к усилению связи с ней – связи с абстрактным, – тенденция западного мира – чуть ли ни полное её исключение, когда разум хочет видеть единственными существующими в мире лишь себя и свою продукцию.

Система постулатов метанауки

Как было замечено выше, актуальной с XX в. и решаемой поныне является проблема аксиоматизации математики, то есть создания такой системы утверждений, которая была бы исходной для любых математических рассуждений и выводов. Аналогичная проблема стоит и для физики, содержащей большое количество автономных разделов, нуждающихся в интеграции. Но, как и физика или математика, философия тоже потенциально является *формальной системой*, поэтому для неё задача *аксиоматизации* представляется столь же правомерной и актуальной. К тому же, о чём говорилось во введении, философия в принципе имеет вполне научную природу, но только в то время как наука обращена во внешний мир, философия исследует *связь внешнего мира с человеком* или *человека как часть внешнего мира*. Другими словами, тогда как наука изучает мир “снизу” – от более примитивного к высокоразвитому, философия, наоборот, изучает мир “сверху”, беря за основу собственно мыслящего субъекта. Очевидно, оба эти подхода совершенно не исключают друг друга и даже естественным образом пересекаются – каждый крупный учёный всегда является философом, каждый серьёзный философ не может не опираться на результаты науки.

Однако аксиоматизация философии имеет, что ожидаемо, и ряд принципиальных моментов, отсутствующих при любой научной аксиоматизации. Прежде всего, любые естественнонаучные утверждения всегда записываются посредством *формального языка*, для философии же такого языка нет, а попытки его создания, как показал опыт логических позитивистов, обречены на провал. Но в этом не будет непреодолимой трудности, если уяснить чем именно отличается формальный язык от естественного. Во-первых, естественный язык тоже в большой своей части формален, структура его предложений довольно жёстко регламентируется – главным образом правилами *морфологии* (в рамках которой изучаются части речи) и *синтаксиса* (определяющего правила связи частей речи). Так, например, нельзя сказать “русская язык” или “бежать и стена”: в первом случае нарушается согласование морфологических форм, во втором идёт перечисление различных частей речи, что также недопустимо. Во-вторых, естественный язык – язык исторически сложившийся, большинство его устойчивых конструкций пережили века практики; с другой стороны, язык динамично развивающаяся система, которая по своей сути всегда стремится к *максимальной ясности*. В-третьих, что самое важное, естественный язык заведомо первичен по отношению к любому *искусственному*, то есть неявно *содержит его в себе* – поэтому никакая наука в принципе невозможна без естественного языка. В чём тогда проблема естественного языка? Вследствие чего естественный язык допускает спекулятивные или метафорические элементы, возникающие как в рамках философии, так и в рамках обыденного общения и приводящие к взаимному непониманию между людьми? Главным образом проблема в том, что помимо подчинённости правилам или законам грамматики, нарушение которых в подавляющем большинстве случаев сразу будет заметно, естественный язык *неявно* подчинён также и *семантическим законам*, которые как раз нарушить довольно легко. Конечно, невозможно сформулировать все семантические законы на все случаи жизни и преподавать их в школах наряду с правилами грамматики, однако основные из них сформулировать можно – более того, именно такие утверждения и должны стать аксиомами или *постулатами метанауки*.

Как философия, так и наука опираются на естественный язык, и, следовательно, аксиоматическая система, которая могла бы их связать, а, кроме того, устранить возможность любых семантических спекуляций – система постулатов метанауки – с необходимостью должна состоять из естественно-языковых утверждений и учитывать всю исторически сложившуюся в рамках языка коллективную базу знаний человечества. В том числе и опытные и теоретические данные западной науки, и основанные на видении знания нагуализма. Помимо

устранения семантических спекуляций целью постулатов метанауки также является обозначение пути к абсолютной свободе, который может быть реально открыт лишь в том случае, когда они станут для человека *практическим знанием*.

Какие конкретно постулаты должны входить в эту систему? На самом деле сразу необходимо признать, что как бы скрупулёзно они не прорабатывались, ввиду огромной сложности поставленной задачи в них всегда можно будет найти несоответствия и недочёты. Поэтому, исходя из здравого смысла, в решении проблемы аксиоматизации философии заведомо следует предполагать некоторую приблизительность, и уже с учётом этого предлагать конкретные варианты. Например, в качестве реального варианта, предложенного в этой книге, можно рассматривать все утверждения, входящие в неё в рамках (как перед этим абзацем). В таком случае сразу следует указать на нюанс: ранее они были охарактеризованы как основные *выводы* из её текста, и это может показаться противоречием. Разве может быть постулат выводом, ведь, наоборот, всё должно выводиться из самих постулатов? Противоречие снимается, если уточнить, что эти выводы – *не более чем выводы из объяснений почему постулатами должны являться именно приводимые утверждения*. Также и, например, математик, прежде чем формулировать некое обобщающее утверждение, должен привести ряд примеров и указать, *пользуясь для этого естественным языком*, общее в них – это утверждение не будет в подобном случае выводом, хотя сделано оно будет именно *на основании приведённых примеров*. Вообще под постулатами (от лат. *postulatum* – требование) обычно понимаются утверждения, априорно принимаемые в рамках какой-либо теории за истинные, причём их истинность не может быть доказана её средствами. Но по отношению к метанауке нет никаких высших теорий, не существует “метаметанауки”, она сама является “теорией теорий”, и все доказательства её постулатов *принципиально* могут сводиться лишь к демонстрации их *самоочевидности*.

Другое отличие системы постулатов метанауки от обычных аксиоматических систем состоит в том, что учёный, занимающийся построением таких систем, может изобретать с этой целью *свой собственный научный язык*, свою собственную терминологию. Но в рамках настоящей книги предполагается, что таковых уже построено достаточное количество, и читатель осведомлён или может быть осведомлён о них – задача книги состоит лишь в их оптимальном *синтезе*.

Кроме того, обычные аксиоматические системы, как правило, выстраиваются *последовательно*, то есть сначала формулируются некоторые *определения*, затем *аксиомы*, из которых на основании также предзаданных *логических правил вывода* получают *теоремы*, затем *следствия* и обычные доказанные *высказывания*. В системе постулатов метанауки всё иначе: уже начиная те или иные рассуждения в рамках естественного языка, мы автоматически используем ещё *неопределённые понятия*, но это компенсируется тем, что читатель может иметь о них некоторое предварительное *представление*, основанное на предыдущих знаниях и на собственном опыте. Например, нередко в вышеприведённых постулатах использовалось понятие “человек” – в частности, говорилось, что гносеология должна быть ориентирована на построение понятного *человеку* языка, или что вечная ценность *человека* – *свобода* (опять же пока неопределённое понятие). Что такое человек, что такое свобода? Несомненно, какое-то представление и о том, и о другом имеет каждый, но что такое само это представление? В каком смысле можно говорить о представлении о понятии (или о понятии о понятии) с точки зрения языка как отражения реальности? Только в том смысле, что любое понятие – это *место в языковой структуре*, то есть когда некто знает о чём-то – фактически он знает (имеет в своём разуме) структуры, где это “что-то” фигурирует. Когда вы знаете о человеке или о свободе – вы имеете в своём мышлении структуры, которые связывают эти понятия с другими и, возможно, с опытом, хотя последнее необязательно. В тексте настоящей книги – как и любой другой – также разворачивается структура, и всё что необходимо делать для её понимания – это сопоставлять уже имеющиеся в мышлении структуры с этой на основании общих для них *обозначений*. Ясно, что *последовательное* в формальном смысле изложение для этого не требуется, и более того, в данном случае оно не является возможным.

В продолжение затронутых вопросов требуется сказать о *правилах вывода*, как они должны пониматься в системе постулатов метанауки. Правило вывода – это, вообще говоря, такое правило, которое позволяет из одного или совокупности утверждений вывести новое утверждение. Например, правило вывода в математике “ $(x > y) \ \& \ (y > z) \Rightarrow (x > z)$ ” говорит о том, что если истинны два утверждения “ $x > y$ ” и “ $y > z$ ”, *следовательно*, справедливо и “ $x > z$ ”. *Правило вывода*, таким образом, есть *правило преобразования языковых структур*, причём если *преобразуемая* языковая структура истинна, то и *преобразованная* из неё в согласии с этим правилом тоже окажется истинной. На чём

основаны правила подобного преобразования, если речь идёт об естественно-языковых предложениях? Ответ в следующем постулате:

Любые преобразования естественно-языковых предложений основаны на математической формальной логике.

Один пример расшифровки преобразования естественно-языковых предложений на основе формальной логики уже был приведён, когда речь шла об аристотелевских силлогизмах. Окончательное же тождество между естественно-языковыми и формальными утверждениями основывается на ранее высказанной и тоже выраженной в виде постулата мысли, что в предложениях нет ничего кроме *объектов*, которые либо как-то *относятся* друг к другу, либо объединяются в *классы* (в *множества*) на основании *общих свойств*. Если рассмотреть структуру предложения в более общем виде, чем это было сделано ранее, то выяснится, что любое предложение – это (несколько упрощённо) одно или совокупность явно или неявно *связанных союзами* простых утверждений об одном или нескольких *абстрактных объектах*, которые также находятся в *отношении* посредством *глаголов* и *предлогов*, а, кроме того, могут иметь указания на *свойства* посредством *прилагательных*. Например, уже приводившееся выше предложение “Тарелка стоит на столе” указывает на два абстрактных объекта – тарелку и стол, выраженных существительными, причём они находятся в *отношении* взаимного месторасположения, выраженного посредством предлога “на” и глагола “стоит”. Можно несколько усложнить это предложение, наделив объекты свойствами – например, так: “Большая тарелка стоит на деревянном столе”. Здесь “большая” и “деревянном” – прилагательные. Указанный общий вид предложения может иметь некоторые исключения (вроде прилагательных, которые играют роль существительных и т.п.), но останавливаться на них не имеет особого смысла. Вообще, стоит отметить, что изначально, конечно же, теория формальной логики сама основывалась на “естественной теории” естественного языка, а не наоборот – все приведённые рассуждения лишь узаконивают этот довольно простой факт.

Отдельный вопрос – что понимать под истинностью того или иного естественно-языкового предложения? Прежде всего, необходимо учитывать, что истинность всегда зависит от контекста: например, разобранные выше предложения могут быть истинны *относительно* одной столовой или кухни и ложны *относительно* другой. Поставленная выше задача, однако, требует не того, чтобы установить соответствие между описанием и описываемым, а того, чтобы предотвратить такие описания, которым *не может соответствовать вообще ничего*, спекулятивные или метафорические описания – а иначе, *бессмысленные*. Как с гарантией установить бессмысленность описания? – вот главный вопрос проясняющей гносеологии. Ответ таков:

Описание бессмысленно, если описывающий не в состоянии представить себе описываемое или это описание нельзя применить на практике, уже которую в подобном случае можно было бы представить.

Каждый может представить себе тарелку, стоящую на столе, и тем убедиться в *принципиальной возможности* подобной ситуации вне любого *конкретного контекста*. Но как быть, например, с предложением “Тарелка растёт на столе”? Тарелка – не растение, а стол – не почва, и, следовательно, указанная ситуация *невозможна, бессмысленна*, никто и никогда не найдёт и не сможет представить себе подобное. Аналогично, бессмысленно выражение “Орёл пожирает осознанность” – даже возможный его смысл свидетельствует скорее об извращённом характере мировоззрения древних видящих, чем о том, на что они пытались с помощью него указать – по существу, *на дезинтеграцию индивидуального существа и возвращение его жизненной силы к безличному источнику намерения*. С другой стороны, учёные, занимающиеся построением, например, квантовой теории, не могут представить объектов своего исследования, но их описания всё же *имеют практический смысл*, то есть на их основе возможно создавать технические устройства и непосредственно наблюдать работу уже этих устройств. Иначе говоря, описания учёных – это не описания собственно объектов микромира, а описания *их зафиксированных в эксперименте и до определённой степени формально обобщённых проявлений*.

Наиболее ярко иллюстрирующие бессмысленные утверждения примеры принадлежат геометрии и стереометрии. Рассмотрим понятие *правильного многогранника*: правильный

многогранник – это такой многогранник, все грани которого представляют собой равные правильные многоугольники, а из каждой его вершины выходит одинаковое число рёбер. Зададимся вопросом: имеет ли это понятие смысл? Имеет, потому что возможно *вообразить* и *сконструировать в реальности* объект, удовлетворяющий приведённому описанию, причём всего таких объектов может быть пять: это тетраэдр (4 грани), гексаэдр (или куб – 6 граней), октаэдр (8 граней), додекаэдр (12 граней) и икосаэдр (20 граней). А возможен ли правильный многогранник с большим числом граней, чем 20? Ответ на этот вопрос отрицателен, то есть подобный объект *принципиально невозможен*, как и, например, треугольник с суммой углов большей, чем 180°, или шар, лежащий на плоскости. Всё это описания *несуществующих* или *бессмысленных* объектов.

Наконец, осталось сформулировать ещё один важный принцип семантически корректного языка, который первым сформулировал Огюст Конт – *принцип описательности*. Ранее неявно он уже упоминался:

Выявление сути чего-либо – всегда процесс, лежащий вне работы разума. Поэтому наука не должна пытаться найти суть вещей, задаваясь формальным вопросом “почему?” Единственный корректный вопрос науки – “как?”: “как происходит нечто?”, а не “почему происходит нечто?”

Действительно, до тех пор, пока мы не имеем реальных знаний по поводу чего-либо, суть этого не может быть важна для нас с практической точки зрения. С другой стороны, когда новые конкретные знания появятся, всегда можно будет спросить вновь: а в чём их причина? Классический пример, демонстрирующий поиск сути, принадлежит ещё одному позитивисту, последователю Конта – британскому философу Герберту Спенсеру, рассмотревшему вопрос “в чём причина мира?” Согласно Спенсеру, возможны три варианта ответа:

- 1) мир создал бог;
- 2) мир существует сам по себе;
- 3) мир всегда был и всегда будет.

Очевидно, все три ответа, как и сам вопрос, спекулятивны – никто не может представить себе ни мир в целом, ни бога, ни процесс создания; кроме того, подобные рассуждения в принципе не могут принести никакой пользы. Другое дело, когда поиск “причины” обусловлен социально-психологически: так, например, можно решить, что “причина всех бед – богатые” или “причина всех бед – мировой заговор”, а, в отношении примера Спенсера, что “всех виновных покарает Бог, поэтому он и должен существовать и быть причиной мира”. *Как именно* связана указываемая причина со следствием – неважно, необходима лишь уверенность в своей правоте, которая может, например, оправдать нерешительность, либо успокоить совесть (а вообще говоря – упрочить *чувство собственной важности*).

Единственное корректное применение вопроса “почему?”, которое Конт и Спенсер не учли, возможно лишь в связи с уяснением *смысла* или *объективной целесообразности* того или иного *уже описанного явления*. Например, известно, что мужчины обладают лучшей пространственной ориентацией, чем женщины. Зададимся вопросом: “как подобное стало возможным?” Наиболее правдоподобная гипотеза утверждает, что мужчинам первобытного общества приходилось много охотиться, передвигаться по обширным территориям, что и привело к развитию у них ориентационных способностей. Безупречный с научной точки зрения (хотя и гипотетический) ответ получен, и никакие дополнения к нему наука предоставить не в состоянии. Но философия или метанаука могут это сделать, и именно их уделом будет в данном случае вопрос “почему подобное стало возможным?” Ответ (подробно его происхождение будет рассмотрено позже) – “потому что это было необходимо и целесообразно для выживания и эволюции человека”, причём это единственно возможный и универсальный ответ на все такие вопросы (более абстрактная его формулировка – потому что таково *намерение бесконечности*). Наука не может дать такого ответа, как не может и сказать стала ли охота предпосылкой к возникновению ориентационных способностей, либо, наоборот, сама априорная возможность их появления привела к тому, что мужчины начали охотиться. Ведь может быть если бы мужчины начали не охотиться, а делать что-нибудь другое, то они бы получили и другие способности? И тогда бы человечество вообще кардинально поменяло направление своего развития. Эти вопросы принадлежат уже компетенции не науки, а философии. И фактически в той мере, в которой они имеют смысл, имеет смысл она сама.

Вопрос “почему?” может иметь смысл только будучи вопросом философии или метанауки.

В последующих главах затронутая тема получит дальнейшее развитие.

Наконец, ещё один момент состоит в том, что Конт предполагал необходимость независимости субъекта от объекта исследования – субъект, согласно Конту, должен только описывать то, что он наблюдает. Но снова можно привести в пример квантовую механику, где буквально соблюдать этот принцип оказывается невозможно, поскольку *наблюдаемые объекты* демонстрируют зависимость *со средствами наблюдения*. По сути, однако, ничего не меняется, ведь *зависимость, какой бы и между чем бы она ни была, всегда может быть описана, и описывающий всегда останется вне неё, даже если ему придётся описывать то, как он делает сами описания*. Нетрудно видеть, что до сих пор во многом именно это и осуществлялось, а в следующей главе процесс подобного философского самонаблюдения продолжится.

Глава третья. ПЕРВИЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ранее было указано, что в отношении метанауки принципиально невозможно придерживаться традиционных правил построения теории – именно, что невозможно ввести все её понятия перед какими-либо рассуждениями, поскольку для метанауки не существует никакой более широкой, чем она сама, метатеории, в рамках которой их можно было бы определить. Но на данном этапе рассуждений эту проблему всё же можно снять, если уяснить, что в предыдущей главе фактически была выстроена *общая теория естественно-языковых описаний*, и поэтому появилась законная возможность собственно *описывать*, а уже описывая, *вводить все новые понятия последовательно, строго связывая их между собой в единую структуру*. Такие понятия можно условно называть *первичными*, требуется лишь уточнить, что первичные понятия метанауки – это не “фундаментальные категории” в традиционном метафизическом смысле. Все они не более чем *места в структуре*, и они не имеют никакого дополнительного внутреннего содержания, кроме того, которым она их наделяет. Другой вопрос: каков метод их получения, и что именно должна описывать эта структура?

Феноменологический метод

Наиболее явный и логичный ответ – она должны описывать то, что в принципе удастся получить *на основании данных органов чувств*, начиная с самых простых вещей и постепенно переходя ко всё более сложным. В целом именно это и будет осуществляться далее, однако в отношении сказанного сразу требуется важная оговорка: что считать органами чувств, полностью ли законно уже на данном этапе вводить такое понятие в качестве первичного? Например, одно из чувств – зрение. Зададимся вопросом: как найти причину зрения или тот орган чувств, который делает зрение возможным? Есть несколько путей. Первый состоит в том, чтобы посмотреть на себя в зеркало и убедиться в наличии глаз, вращение которыми меняет получаемую зрительную картинку. Второй – в моргании, при котором зрительное изображение на мгновение меркнет. Третий – в констатации факта, что любой человек, смотрящий на вас и говорящий при этом, что он вас видит, сосредотачивается на вас именно глазами. Какой вывод можно сделать на этих опытов? Можно ли сделать вывод, что человек видит именно глазами? Казалось бы, можно, но он будет противоречить принципу описательности: получается, что глаза являются в каком-то смысле *причиной* зрительного восприятия. И если следовать этой логике далее, даже не первопричиной – ведь, как известно, в конечном итоге его данные передаются в мозг. Может быть тогда причиной способности видеть является мозг? Тоже нет, поскольку как связь зрения с глазами, так и его связь с мозгом мы можем определить только в ходе экспериментов, а уже для того, чтобы провести такие эксперименты, потребуются *данные собственно зрения вне связи с этими органами*, и когда мы позже опишем их, эти описания будут лишь *отражать найденные взаимосвязи*. Более корректно, таким образом, говорить, что любой орган чувств (или вообще любой орган тела, влияющий на работу чувств – в частности, мозг) позволяет *осуществлять и настраивать* тот или иной *конкретный способ (модальность) чувствования*, но вообще чувствование или осознание как таковые не имеют никакой органической материальной основы.

Поэтому скажем иначе, чем “данные органов чувств”: *сами* эти данные как они есть ещё до всяческих экспериментов и описаний.

Основа любых осмысленных описаний – это всегда только информация чувств, причём основу или причину самой способности чувствовать (или осознать) выявить принципиально невозможно.

Отсюда, в частности, следует, что нет и не может быть никаких априорных описаний до того, как мы вообще начали чувствовать. То есть с самого рождения база знаний человека как бы пуста и заполняется только по мере того, как он получает хотя бы какой-то опыт. Например, ребёнок может

случайно задеть погремушку и *услышать* звук, который ему понравится; затем он может *вспомнить* свои действия, которые привели к этому результату и, повторив их, убедиться в его *воспроизводимости*, что станет одним из его первых *разумных* и удачных *опытов*. В это время, однако, ему ещё не хватит осознанности, чтобы как-то формулировать все эти понятия – “память”, “воспроизводимость”, “разум”, “опыт”, не будет у него и представления об органах чувств. Но поскольку в принципе его деятельность описывается именно с их помощью, об этих понятиях можно говорить как о *первичных*.

Первое, что делает *разумное* существо – такое как человек – после рождения, это проводит многочисленные эксперименты, на основании которых активно формирует базу знаний об окружающем мире.

Особо важным этапом в ходе развития ребёнка и накопления им знаний является выделение понятий собственно о *себе* и о *мире* или *выделение себя из мира*. Совсем маленькие дети, как известно, не различают внешние предметы и собственное тело, однако со временем оно всё больше осознаётся как действительно *свое*: например, о *своей* руке ребёнок узнаёт, что ей можно играть с погремушкой, которая, в свою очередь, осознаётся как принадлежащая *внешнему миру*. Ещё позже понятие мира охватывает детскую комнату, улицу, дома и т.д.; аналогично детализируется понятие и о себе. С другой стороны, происходит осуществляемое под давлением социума фокусирование внимания только на избранных сторонах мира, о чём в нагуализме известно как о построении *описания мира*. И уже только в процессе этого чётко формируются *определённые органы чувств* (соответствующие, при нормальном развитии, *человеческой форме*) и методы основанных на них *интерпретаций*. “Я”, “мир” (или, точнее, описание “Я” и описание “мира”), “органы чувств”, “воля (формирующая их)”, “чувственные интерпретации (мира)” и “человеческая форма” составляют, таким образом, ещё одну серию первичных понятий. Несколько позже представление о мире и его субъектах будет рассматриваться в рамках более широкой теории.

Негласно для получения первичных понятий была применена вариация *феноменологического метода* Эдмунда Гуссерля (или метода феноменологической и трансцендентально-феноменологической редукции (от лат. *reductio* – сведение), то есть сведения к феноменам и в том числе к наиболее базовым феноменам, вскрывающим механизмы работы самого сознания). Если говорить несколько упрощённо, феноменологический метод начинается с “вынесения за скобки” или “эпохе” (греч. *epoche* – остановка, прекращение) всех уже имеющихся знаний и подразумевает максимальное воздержание от любых априорных суждений, цель чего – добраться до “чистого сознания”, характеризующегося только лишь *интенциональностью*, то есть направленностью на предмет и способностью усматривать его сущность¹. Согласно Гуссерлю, всё, с чем работает наука и философия – это “объективированные” знания, то есть знания, уже полученные и отождествлённые с реальностью; в ранее использованных терминах – формальные и метафорические. Феноменологическая редукция позволяет пересмотреть весь их фундамент, и, как он полагал, в той мере, в которой человек способен это сделать, философия и может стать не менее строгой наукой, чем любые естественные. Одним из основных выводов феноменологического метода стал вывод о несводимости сознания к бытию, то есть о невозможности объективировать само сознание, описать его в связи с чем-то – например, в связи с мышлением, психикой в целом или органами чувств, попытка чего была предпринята выше – *сознание может объективировать, но само оно не может быть объективировано*. Иначе, сознание есть не внутреннее состояние сконцентрированного на себе и своих психических проявлениях субъекта – не *самосознание*, – а проявляющееся в виде непрерывного потока *осознавание* внешнего мира, частью которого является в том числе и он сам.

Гуссерль, таким образом, показал ошибочность психологизма (сведения сознательной деятельности к доступным для объективного изучения психическим актам) и, с другой стороны, показал на каком единственном принципе – “принципе всех принципов”, *принципе самоданности* –

¹ Интенциональность (англ. *intentionality*, от лат. *intentio* – стремление, намерение, внимание) – понятие, широко применяемое в философии после Гуссерля, является прямым аналогом *намерения* (англ. “*intent*” – намерение, сильное желание) в нагуализме. Аналогия основывается на том, что и толтекское *намерение*, и *интенциональность* – это свойство субъекта самотрансцендироваться или выходить за рамки собственного тоналя. Кастанеда, однако, говорит о *намерении бесконечности* или о *безличной воле мира*, связанной не с одним конкретным субъектом, а со всеми субъектами вообще.

могут основываться истинно позитивные или онтологические знания. Нетрудно уяснить, что, по сути, этот принцип сводим к принципу описательности Конта и также принципу фальсификации Поппера:

«...любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и всё, что предлагается нам в "интуиции" из самого первоисточника (так сказать, в своей настоящей живой действительности), нужно принимать таким, каким оно себя даёт, но и только в тех рамках, в каких оно себя даёт».¹

О принципе самоданности и даже вообще о философии здесь имеет смысл сделать важное замечание. Дело в том, что насколько бы “гипнотическими” или даже “магическими” не были все эти рассуждения, в конечном счёте они *не дают ровным счётом ничего для практики*, и утверждают лишь единственное:

Феноменологический метод – это в своей основе субъективный метод. В применении которого всё зависит только от конкретного человека.

Таким образом, успех в познании мира, вообще говоря, не зависит от того, насколько конкретный практик подкован в теории, насколько много он знает и насколько гладко рассуждает. Даже наоборот, зачастую самые сильные философы – это просто люди, навсегда и сильнее остальных пойманные в ловушку *ясности мысли*. И хотя сами они могут сколько угодно упиваться силой своего интеллекта и глубиной своей философии, действительно проникнуть в ту самую реальность, о которой они так хорошо рассуждают, они не способны совершенно.

Далее идеи этой главы во многом и нередко будут очень близко коррелировать с идеями Гуссерля и также других феноменологов и опираться на принцип самоданности, однако проводить по мере изложения какие-либо параллели с ними представляется затруднительным. Во-первых, оригинальный понятийный аппарат феноменологии довольно обширен и сложен, а во-вторых, цели Гуссерля – ревизия современной ему философии и максимально строгое заложение её формальных основ – и цели настоящей книги – заложение в самом общем виде основ метанауки как метафизики нагуализма, хотя и исходят из единого стремления, имеют, очевидно, различные акценты. Гуссерль, несмотря на всю глубину своего мышления, остался лишь теоретиком – классическим примером “интеллектуального мага”. Но истинным практиком феноменологии стал Карлос Кастанеда, деятельности которого, на что он указал в одном из своих интервью, она дала академическую основу как *феноменологической антропологии*. Фактически это означает, что ему пришлось “вынести за скобки” весь западный мир и полностью посвятить себя постижению магической реальности Толтеков.

Основные способы осознания мира

Смысл следующего раздела сводится к тому, чтобы показать какими в принципе способами (или модусами) осознания обладает человек и, в частности, как данные его чувств могут трансформироваться в знания. Но прежде чем переходить непосредственно к этому имеет смысл сделать небольшое уточнение, касающееся понятий *сознание* и *осознание (осознанность)*. Толтеки полагают тот или иной способ *осознания* характеристикой сознания, находящегося в том или ином соответствующем состоянии. Подобная трактовка очень близка к феноменологической: сознание есть не просто внутренняя характеристика субъекта – напротив, оно направлено вовне его, пребывает в процессе осознания (буквально говоря, охватывания сознанием). Можно даже сказать, осознание феноменологически первично по отношению к сознанию, поскольку сознание – уже объективация, априорно требующая субъекта как своего носителя, осознание же не требует вообще ничего, осознание, в сущности, и есть “чистое сознание”. Кроме того, Кастанеда очень редко говорит в своих книгах о сознании непосредственно, а если и говорит, то используя его лишь в качестве противопоставления высоким уровням осознанности. Вызвано подобное противопоставление, очевидно, тем, что традиционная материалистическая философия и основанные на ней психологические учения связывают сознание только со способностью к *разумной* деятельности, определяя все иные виды деятельности в качестве *бессознательных*. Однако вполне очевидно, что и

¹ Э.Гуссерль. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии.

сама по себе разумная деятельность (и сопутствующий ей внутренний диалог) также может быть *более или менее* осознанной, почему подобное деление нельзя признать в полной мере онтологичным. Единственное его оправдание – колоссальные полномочия, которые желает приписать себе разум, его стремление свести весь внешний мир только к собственной продукции, о чём уже говорилось ранее. Пребывающий в таком состоянии человек как бы находится в “мёртвой петле” самосознания – бесконечного размышления о собственных мыслях, без сил отрешиться от них.

Осознавание в статике

Самый простой способ осознавания – это *осознавание в статике*, имеющее место, когда все действия человека сводятся к минимуму или, можно сказать, когда единственное, что он делает – это *воспринимает*. Чтобы ещё упростить стоящую на данном этапе рассуждений задачу (феноменологической редукции) договоримся считать, что во внешнем мире в процессе такого его осознавания также ничего не происходит, и, кроме того, осознающий человек в это время не испытывает никаких чувств типа боли, голода, страха, важности и т.п.

Что можно осознавать в статике? Традиционно считается, что человек обладает пятью основными видами (или модальностями) ощущений: зрением, слухом, обонянием, вкусом и осязанием (о шестом чувстве *интуиции* как о преддверии к *видению* будет говориться далее). Наиболее сложное из них – зрение, поэтому подробно имеет смысл разбирать только его, подразумевая, что все прочие ощущения можно описать сходным образом. Чтобы осуществить зрительное восприятие в статике, достаточно полностью расслабиться и остановить взгляд перед собой. В первом приближении то, что увидит зрячий человек, можно *интерпретировать* или *классифицировать* как *участок плоскости с размытыми краями*. “Участок плоскости с размытыми краями” есть описательное утверждение, которое можно сделать, опираясь на априорное знание о плоскости, которое человек имел ранее; онтологичность же этого утверждения не может вызывать сомнений, поскольку представить себе обозначаемое им можно довольно легко, причём собственно ввиду наличия предыдущего опыта зрительного восприятия. Этот видимый участок плоскости обычно называется *полем зрения* и следующий шаг, который можно по отношению к нему сделать, это констатировать его *неоднородность*, а именно наличие на нём *двумерных объектов*. Если уточнить, то окажется, что все двумерные объекты поля зрения, во-первых, отделены друг от друга *цветовыми переходами* (которыми и характеризуется неоднородность поля зрения), а во-вторых, связаны друг с другом *отношением взаимного местоположения*: каждый такой объект находится *выше* или *ниже*, а также *левее* или *правее* другого. Естественно, если просто смотреть перед собой, то *описание* всех этих объектов и отношений между ними не сложится в уме автоматически, и, в частности, закрыв глаза, вернуться к ним без того, чтобы представить виденное ранее, будет невозможно. Однако *специально* факт наличия любых двумерных объектов поля зрения и отношений между ними установить можно – впрочем, сейчас задача *делать* что-либо специально не стоит.

Казалось бы, двумерные объекты – последнее, что мы самым непосредственным образом можем видеть перед собой, но природа видимого даже в статике мира трёхмерна, и об этом говорит ещё одно отношение, которое уже выходит за рамки поля зрения как двумерной плоскости – *отношение взаимной удалённости всех видимых объектов от наблюдателя*. Однако здесь есть нюанс: на самом деле никакого *наблюдателя* видимых объектов в действительности *нет*, этот наблюдатель – ни к чему не сводимое и ни с чем не связанное “чистое сознание”, которое в данном случае просто удобно представлять в виде некой условной точки внешнего трёхмерного пространства (но это будет не более чем вспомогательным умственным представлением).

Теперь, на основании способности вычленять из поля зрения двумерные и трёхмерные объекты, человек может получать о них *знания*. Но ещё раз следует подчеркнуть, что эти знания не более чем структуры, а каждый элемент, в них входящий, – это только указатель на эти исходные объекты. Знания, конечно, тоже можно осознавать (следа за своим мышлением), равно как и их связи с реальным опытом, но это уже другой способ осознавания. Можно ли как-то ещё интерпретировать данные статичного зрительного восприятия, кроме уже приведённых способов его интерпретации? Из наиболее очевидных таких способов имеет смысл отметить возможность *мгновенной или почти мгновенной классификации материалов*, из которых сделаны видимые объекты; аналогичным образом, нетрудно *распознать* в них те или иные конкретные *предметы* и *людей*. Можно ли распознать что-то ещё? Ответ отрицательный: *в рамках конкретного априорного описания мира*

ничего, а осознание самого описания мира, как известно из нагуализма, лежит вне обычных чувств и осуществимо уже посредством *воли*.

Помимо зрения, другие ощущения тоже служат цели распознавания объектов и формирования знаний о них, причём если зрение формирует, условно говоря, пространство двумерных и трёхмерных объектов, то слух, например, – пространство звуков. Так, одновременно можно слышать несколько звуков, каждый из которых можно соотнести с другими по высоте, а если слышащий обладает абсолютным музыкальным слухом, то и с заданными образцами – подобно тому, как любой может назвать цвет некоторого видимого объекта (если он не дальтоник). Особый случай распознавания – вкусовое ощущение: пространство вкуса очень сложно и зачастую его восприятие сильно зависит от конкретного субъекта. Именно по этой причине во фразе “о вкусах не спорят” понятие вкуса распространяют на все чувства вообще. Наука, впрочем, выделяет четыре объективных “базисных” вкуса, из которых состоят вообще все вкусы, – это сладкий, солёный, горький и кислый вкусы. Вероятно, это так и есть, и пространство вкуса, таким образом, является четырёхмерным (или, как минимум, двумерным, если кислый и солёный, а также горький и сладкий объединить как противоположные), а разное отношение людей к различным вкусам связано, видимо, не собственно с их различным осознанием, а с большим или меньшим приятием их компонентов.

Наконец, на понятии *пространства*, использованного выше, имеет смысл остановиться особо. В математике пространство – это, вообще говоря, множество объектов, связанных между собой каким-либо отношением или комплексом отношений; иначе, пространство – это как-либо упорядоченная структура. Классический пример – декартово пространство, состоящее из *точек*, связанных между собой отношением *расстояния*. Ясно, что декартово пространство – *идеальное* описание пространства видимых трёхмерных объектов, причём под точкой в нём условно понимают некий бесконечно малый трёхмерный объект. Но насколько позитивно или онтологично понятие точки, а также и понятие предельного значения в математике вообще? Ровно настолько, насколько адекватно использующие его теории отражают реальные процессы, хотя для эмпириокритиков подобный подход в своё время был недопустимым: именно ввиду предположения, что молекулы и атомы можно рассматривать в качестве идеальных бесконечно малых точек, они и не признавали молекулярно-кинетическую теорию. Как уже говорилось, конец кризису позитивизма положил *принцип фальсификации* Поппера: прогнозы молекулярно-кинетической теории, в силу её приближительности, можно опровергнуть, а значит она вполне позитивна.

Осознание в динамике

Другой вопрос, касающийся понятий пространства и предела, что вообще делает возможным представление пространства бесконечно большим, а его объекта – бесконечно малым? Понятно, что если ограничиться только осознанием в статике, то ни о чём бесконечно большом или бесконечно малом говорить невозможно, поскольку размеры поля зрения и его объектов ограничены. Но ситуация кардинальным образом изменится, если перейти к *осознанию в динамике*, то есть осознать не пассивно, а активно, совершая те или иные *действия* (заметим, что почти все органы *чувств* также можно рассматривать и как органы *действий*; пассивное *чувствование* – это как бы обратная сторона активного *действования*). Например, изменив угол или точку наблюдения можно известным образом расширить поле зрения – уточнить уже видимые и добавить новые объекты: именно на основе этого процесса и строится понятие *потенциально бесконечного* пространства как пространства, которое всегда можно *увеличить*, изменив в нём своё положение. Однако следует понимать, что речь в данном случае идёт только лишь о *потенциальной* бесконечности – *актуальная*, то есть реально существующая где-либо бесконечность, для разума бессмысленна. Что же касается понятия *бесконечно малого*, то оно, наоборот, строится на основе процесса *удаления* от пространственного объекта и, очевидно, также имеет только потенциальный характер.

Следующий вопрос: есть ли чёткая грань между осознанием в статике и осознанием в динамике? Если вдуматься, ответ отрицательный: даже наблюдая поле зрения совершенно пассивно легко убедиться, что всегда можно более или менее пристально *сосредотачиваться* на конкретных его деталях. Аналогичная ситуация и с распознаванием или узнаванием – нередко это требует *времени*. Подобное положение вещей хорошо коррелирует с теорией нагуализма: интерпретация и формирование смысловых блоков – это процесс преобразования изначально составляющей бытие энергии в удобный вид. Если конкретный способ такого преобразования уже хорошо отработан, то есть существует и развит соответствующий ему орган чувств, временные затраты покажутся

существо минимальными и не требующими особых усилий, если же нет – то именно перестройка тоналя их и потребует. В качестве предельных способов осознания в статике и динамике выступают, соответственно, *видение* и *воля*: видение – как полностью отстранённое восприятие реальности при максимально смещённой вглубь кокона точке сборки, воля – как целенаправленное смещение точки сборки в определённое, требуемое для осуществления тех или иных действий, положение. Другими словами, видение – это предельно возможное *осознание* мира, воля – предельно возможное *изменение* мира (для выступающего в отношении оппозиции к нему субъекта). Несколько позже эти включающие первичное понятие *времени* рассуждения будут продолжены.

Какие ещё действия можно совершать, осозная в динамике? Во внешнем мире – никаких принципиально отличных от уже рассмотренных. Но в мире внутреннем по крайней мере ещё два типа действий – *оперирование с описаниями осознаваемого* и сопутствующее *оперирование с воображаемыми объектами*, что как раз и составляет сущность онтологического мышления. Наиболее важным следствием подобного оперирования будет овладение *основами математики*: так, способ введения формальных понятий пространства и предела уже был указан, нетрудно ввести и понятие *натурального* (целого и положительного) *числа* – оно отражает способность пересчитывать объекты поля зрения, последовательно переводя взгляд с одного на другой. Затем можно обобщить и его, добавив отрицательные, рациональные и, наконец, иррациональные числа, а также провести ещё довольно много формальных процедур, составляющих основу любой онтологической науки.

Осознание процесса

Все вышеописанные способы осознания мира рассматривались исходя из предположения, что во *внешнем мире* или в *объективной реальности* собственно в процессе осознания ничего не происходит, мир как бы “заморожен”. Обобщённо о них можно говорить как об осознании в статике и в динамике статического внешнего мира или как о *процессе осознания статики*. Теперь выйдем из этого предположения и рассмотрим общий случай *процесса осознания процесса*, то есть будем считать, что и человек действует, и внешний мир тоже не статичен: он, с одной стороны, откликается на действия человека, а с другой – демонстрирует независящие от его воли проявления.

Тогда, во-первых, человек может оперировать с ранее только воспринимавшимися им трёхмерными объектами – например, перенося их с места на место. Во-вторых, проводить с ними осмысленные эксперименты – например, подбрасывая объекты и убеждаясь, что они двигаются по близкой к параболической траектории (подобные эксперименты каждый человек во множестве проводит в детстве, когда играет). В-третьих, он может наблюдать за движением объектов, которые полностью независимы от него – например, за движениями звёзд. В конечном счёте, всё это позволит ему строить формальные *физико-математические* теории, описывающие – конечно до определённой степени точности – как локальные процессы, так и глобальные, то есть потенциально *весь мир вообще*.

Среди таких теорий в исторической хронологии нового времени выделяются *механика* Ньютона, основанная на *законе всемирного тяготения* (в рамках которой все объекты представляются *инертными материальными точками*), затем электродинамика Максвелла, затем обобщающая их *специальная теория относительности* Эйнштейна, затем возникшая в XX в. квантовая механика и, наконец, суммирующие все эти теории *квантовая теория поля* и *общая теория относительности* Эйнштейна (где скорости всех объектов ограничиваются *скоростью света*, их гравитационные массы полагаются тождественными инертным, и гравитация, таким образом, рассматривается в качестве *искривляющего* пространственно-временной континуум фактора). Весьма важный вопрос, который уместно здесь задать: возможно ли построить единую и всеобщую теорию, описывающую Вселенную в целом? Проблема построения такой теории – “великого объединения” четырёх фундаментальных взаимодействий (электромагнитного, слабого, сильного (ядерного) и гравитационного) или объединения квантовой теории поля и общей теории относительности – стоит перед наукой на протяжении уже многих десятков лет. И хотя существенные подвижки в этом направлении происходят, окончательно “теория всего” не построена до сих пор. Некоторые предпосылки к её созданию, о которых можно говорить в рамках метанауки, будут рассмотрены в следующей главе, пока же зададимся предварительным вопросом: опишет ли такая теория действительно всё вообще, то есть в том числе и самого человека во всех его проявлениях? По определению – опишет, но тогда следует отдавать отчёт, что она не может основываться лишь на изучении микро- и мегамиров; даже без строгих доказательств ясно, что такая

теория должна включать в себе и высшие проявления человека как *субъекта познания*. Квантовая механика уже столкнулась с этой проблемой, хотя пока только на самом начальном уровне, – дальнейшее же развитие физики возможно только при полном осознании этого факта. Иначе говоря:

Дальнейшее научное познание мира возможно только при более глубоком познании человеком самого себя, при развитии им более глубокого онтологического мышления.

Казалось бы, вполне трезвый тезис, однако попытки редуцировать человека лишь к уже описанным физическим явлениям упорно предпринимаются – хотя и с небольшим успехом, – с начала XX в. и до настоящего времени. С начала XX в. – в рамках, например, *бихевиоризма* и *физикалистского* направления логического позитивизма, до настоящего времени – в рамках, например, псевдонаучной теории *торсионного поля*.

Осознавание себя или своего тела

Наконец, можно резюмировать, что вообще все способы осознавания внешнего мира сводятся к одному – к *процессу осознавания процесса*, в ходе которого об объективном – внешнем по отношению к субъекту – процессе складывается субъективное – уже внутреннее – представление. Например, мы видим подброшенный объект, и поскольку знаем, что он летит по параболической траектории, можем мысленно достроить её в своём воображении и с большей или меньшей точностью предсказать место его падения ещё до того, как он упадёт на самом деле. Но что, если внешний объект перемещается по какому-то неизвестному закону? Мы воспринимаем его перемещение, однако предсказать его не можем; осознаём его перемещающимися, но не более того: сущность осознаваемого процесса оказывается для нас ограниченной лишь фактом самого перемещения, но не его характером. Об этом уже говорилось ранее: знать сущность некоего процесса или объекта можно лишь в той мере, в которой развито *онтологическое мышление* или, вообще говоря, *осознанность*.

Некоторые простейшие процессы внешнего мира были рассмотрены выше, а прежде чем переходить к каким-либо другим более сложным процессам нельзя не заметить (и это, в общем, уже было сделано), что осознающий субъект способен помимо внешнего мира осознавать и самого себя или *процессы собственного тела*. Прежде всего, это физические движения, затем в некоторой мере *рефлекторные процессы*, такие как переваривание пищи, работа сердца и т.п.; затем это проявления *бессознательного*, такие как инстинкты, негативные и позитивные эмоции; и, наконец, уже упомянутое оперирование описаниями – работа *разума* или *формальное мышление*, сопровождающееся *внутренним диалогом*. Обычно все такие процессы не беспокоят человека и не мешают его направленному во внешний мир осознанию. Но один фактор всё-таки заставляет обратить на них внимание, и этот фактор – *боль*. Причём *боль*, а наряду с ним *удовольствие* – первичные факторы, которые побуждают человека к *каким-либо действиям вообще*. Пусть, например, у него болит живот – в этом случае он примет лекарства и постарается разобраться в причинах своего недомогания – привлечёт разум; или человек хочет испытать некое *удовольствие* – которое стоит денег и без которого он будет чувствовать *страдание*, – тогда он займётся какой-либо работой – физической или опять же умственной, чтобы получить их. Или человек когда-то испытал высшее *наслаждение* от творчества, и теперь постоянно будет стремиться пережить это чувство вновь. Нетрудно видеть, что наряду с болью удовольствие также присутствует *всегда*: по сути дела это два дополняющих друг друга фактора, которые полностью и однозначно определяют *мотивацию* человека. Но здесь есть нюанс: иногда для того, чтобы испытать большое удовольствие, необходимо продолжительное время испытывать боль. Разрешить его можно так: силы боли и удовольствия задают и *соответствующую им силу мотивации*. Например, в случае бессознательных реакций на боль или удовольствие мотивация задаётся посредством формирования более или менее выраженного рефлекса, когда же в дело вступает разум (если боль и удовольствие не чрезмерно сильны и не подавляют его работу), мотивация становится более взвешенной, усложнённой, но в то же время и более уязвимой. Боль и удовольствие, следовательно, перенаправляют осознание человека с внешнего мира на его собственное *тело* и тем, можно сказать, заставляют осознать себя таковым.

На основании чувств боли и удовольствия человек может осознавать себя как целостное существо или как субъекта, отделённого от остального мира. В частности, человек характеризуется наличием у него физического тела и психики, включающей бессознательное и разум, – обобщённо эти составляющие можно называть просто его *телом* (*осознающего существа*) или *организмом*. Боль, а равно удовольствие, могут появляться в любом месте тела и служат единственным фактором *мотивации*, побуждающим человека к каким-либо *действиям*.

Из этого следует, что вообще все без исключения действия человека можно рассматривать как действия, так или иначе обусловленные его собственным телом, поскольку никаких других тел он просто не *чувствует*. Можно возразить: например, некто бескорыстно помогает другому – разве эта помощь как-то связана с ним самим? В действительности бескорыстная помощь – миф, развенчанию которого во многом и посвящены труды Кастанеды. На самом деле помогая другому человек не чувствует *его* боли, но представляя себя на его месте и боясь сходной ситуации для себя, он чувствует *жалость* или *сострадание* к нему, а это не что иное, как та же боль, которая и мотивирует его помогать. Как по этому поводу говорил Хуан Матус: «Воины не способны чувствовать сострадание, потому что они не испытывают жалости к самим себе. Без движущей силы самосожаления сострадание бессмысленно»¹. С другой стороны, уже называя свою помощь *бескорыстной*, человек в тайне желает, чтобы таковая была *оценена*, хотя он, конечно же, не признается (буквально – не *сознается*) в этом – в том числе и самому себе. Остановимся на этом вопросе ещё раз: почему боль и удовольствие полагаются принадлежащими только нашему собственному телу, ведь известно, что боль, например, может возникать не только от его внутренних повреждений, но причиняться и извне – такая же ситуация и с удовольствием? Хотя на первый взгляд подобные рассуждения кажутся логичными, в них недостаёт одного элемента: *боль и удовольствие не чувствуются извне непосредственно*, а являются лишь реакцией на внешнее – позитивное или негативное – влияние на тело. Очевидно, если бы страдание другого не приводило бы к собственной сопутствующей боли “за него”, помогать ему просто не пришло бы в голову.

Но боль и удовольствие, хотя они перенаправляют внимание человека на самого себя, всё же не являются обязательными спутниками его внутренних чувств. Например, всегда – даже в состоянии полной невесомости, полной чувственной изоляции от внешнего мира – человек *осязает сам себя*. Если принять, что у поверхности физического тела расположены нервные окончания, получится, что он осязает ими обволакивающие их же мышцы и сухожилия, и только в случае открытой раны, когда нервы оказываются обнажёнными, чувствует боль. Другой вид осознания себя – *осознание своих эмоций*: если эмоции негативные, то они мотивированы нежеланием испытывать боль от неких внешних факторов, если позитивные – наоборот, желанием наслаждаться ими. Наконец, человек может осознавать собственный мыслительный процесс, и хотя удовольствие или боль сам по себе он обычно не приносит, боль могут принести попытки прекратить сопутствующий ему внутренний диалог и избавиться от некоторых характерных для последнего “навязчивых” мыслей.

Человек способен осознавать проявления своего тела, не испытывая при этом в существенной степени ни боли, ни удовольствия, хотя даже такое осознание, в конечном итоге, всегда мотивировано этими чувствами.

Теперь, когда человек рассмотрен “изнутри” и определён в самом общем виде как *существо*, можно переходить к объективным процессам иного уровня – не к тем, которые слабо осознаются, а к тем, которые вообще протекают вне него. И, как это ни странно, объективные процессы, с которыми человек сталкивается вне себя в первую очередь – это вновь процессы его собственного тела, но теперь уже воспринимающиеся им в качестве *внешних*. Прежде всего, к таковым относятся *движения* его физического тела, которые он видит как *движения внешних объектов*. Пусть, например, читатель проведёт перед глазами рукой. Рука – часть тела, а её движение было обусловлено разумной мотивацией, но оно осуществлялось *во внешнем мире* и соответствующим образом было воспринято *из внешнего мира* посредством зрения. Другой пример – осязательное ощущение. Человек может потрогать сам себя и, с одной стороны, ощутить себя как *прикасающегося* к чему-то внешнему, а с другой – как *ощущающего* что-то внешнее.

¹ К.Кастанеда. Сила безмолвия.

Человек может осознавать своё тело как объект (или, в общем случае, процесс) внешнего мира, если осознание осуществляется посредством одной части тела (обычно таковые называются органами чувств, но в данном случае речь идёт о всех частях тела вообще, поскольку при определённых обстоятельствах все они могут чувствовать), а осознаваемый процесс осуществляется посредством другой.

Резюмируя, человек – это осознающее существо, все действия (тела) которого в большей или меньшей мере мотивированы предотвращением боли или достижением удовольствия, и некоторая часть осознания которого направлена во внешний мир, а некоторая – на себя самого. Причём в определённых случаях человек может осознавать себя в качестве части внешнего мира, а в других – осознавать себя одновременно и как часть внешнего мира, и как собственное тело. Один случай подобного уже приводился выше, а ещё так бывает, например, во время ходьбы, когда для зрения движения тела кажутся относящимися только ко внешнему миру, но при закрытии глаз обнаруживается, что они служат для лучшей координации и зависят от инстинктивной мотивации не столкнуться с внешними объектами.

Приведённое определение человека, конечно, довольно странное и не полное. Чтобы лучше понять что же он собой представляет по существу (а не просто как “осознающее существо”) – продолжим наши рассуждения.

Объективная реальность как совокупность субъектов

Теперь, наконец, можно поставить принципиальный вопрос: что ещё есть во внешнем мире человека, что оказывает на него влияние, кроме него самого? Самый простой ответ – другие люди. Но что такое другие люди по отношению к данному человеку? Очевидно, все конкретные люди разные, и понятие человек носит обобщающий характер. Тогда какие характеристики или свойства оно обобщает?

Основное свойство, обобщаемое категорией человек – разумность, способность к мышлению. Все разумные существа также объединяются близким внешним обликом, о них можно говорить как о принадлежащим к определённой расе, нации, культуре, историческому периоду, их можно разделять по половому признаку, однако разумность – основное качество человека. Причём на Земле человек – единственное разумное органическое существо, за исключением некоторых высших приматов, обладающих разумом только в зачаточном виде.

О природе разума и его определяющем для человека значении уже говорилось ранее, и ещё будет говориться достаточно много, а сейчас лишь несколько необходимых замечаний. Во-первых, ключевая роль мышления для характеристики человека отражена, как известно, в биологической классификации, где установлена его принадлежность к виду *Homo sapiens* (Человек разумный). Во-вторых, как уже было сказано, существует два разных вида мышления: онтологическое мышление, основывающееся на сущностях, и формальное, просто позволяющее оперировать структурами знаний. В принципе это дополняющие виды мышления, поскольку не обладая достаточной трезвостью, нельзя и выжить при некоторых наиболее сильных столкновениях с неведомым – хотя большинство людей обладают лишь зачатками способности мыслить, необходимыми для выживания вообще. В-третьих, интересен вопрос: как собственно можно узнать, что некто обладает разумом? Обычно это довольно легко сделать посредством нахождения с ним общего языка, и подобная возможность как раз является основным критерием разумности, подтверждённым, к тому же, нашими далёкими предками на практике. Однако, что естественно, далеко не всегда люди находят взаимопонимание – например, действия и слова одного человека могут показаться другому не имеющими смысла, и тогда либо это действительно будет свидетельствовать об умственном расстройстве первого, либо, наоборот, о высокой абстрактности его рассуждений. Так, например, невежде могут показаться бессмысленными объяснения учёных, философов или же шаманов, но это совсем не означает, что все они на самом деле безумны.

Теперь обобщим ранее поставленный вопрос: что окружает человека помимо других людей? Все остальные живые существа, являющиеся таковыми ввиду возможности описать все их

действия. А, как уже было сказано, на Земле нет органических существ, чьи действия были бы более сложными, чем действия людей; с другой стороны, трудно себе представить некое животное или, например, птицу, описание которой на основании её проявлений не могло бы быть полным. То есть, скажем, если бы эта птица обладала более глубоким, чем человек, абстрактным мышлением, но умело скрывала бы такую свою способность. Нонсенс, и действительно – *все без исключения свои способности животные используют для выживания, а чем более развита та или иная способность, тем активнее она используется (наоборот, ненужные или атавистические способности утрачиваются)*. Впрочем, из этого правила есть одно исключение – это сам человек. Только человек может иметь определённые способности и не пользоваться ими, и только человек может вообще не иметь нужных для выживания способностей и, тем не менее, продолжать жить за счёт помощи со стороны других людей, технических средств и лекарств – возможно, продолжать жить даже будучи умственно неполноценным, обездвиженным или находящимся в состоянии комы. Продолжать жить благодаря *гуманистическим* (а на деле *лже-гуманистическим*) устоям современного общества – спорным и далеко не естественным устоям, на деле составляющим основу *глупости* Человека разумного.

В природе все живые существа в естественном (то есть в данном случае не обременённом разумом) состоянии стремятся использовать для выживания все свои способности, и потому их полное описание всегда можно осуществить на основании полного изучения их проявлений во внешней среде.

Итак, на данном этапе рассуждений мир можно представить себе как взаимодействие живых существ разной степени осознанности. Все такие существа *воздействуют* друг на друга, все они *осознают* действия друг друга (и себя самих), все они могут *чувствовать боль или удовольствие*, которые, в свою очередь, и *мотивируют* их действия. И здесь возникает ещё один вполне логичный вопрос: а почему собственно сказанное может применяться только к живым существам – чем живые существа отличаются от, условно говоря, не живых? Разве не живые существа или вещества не воздействуют друг на друга, а также и на живых существ? Пусть, например, человек касается рукой очень горячей воды или источника высокого напряжения и чувствует боль: следовательно, можно сказать, что движущиеся с высокой скоростью молекулы воды оказали на него определённое травмирующее *действие*, нарушив *естественные* – не вызывающие боли – процессы организма. Здесь молекулы, а также атомы и любые субатомные частицы – те же существа, но только не живые – гораздо более просто действующие, чем живые, однако же *действующие*, то есть *влияющие* на внешний по отношению к ним мир, а также, можно сказать, *чувствующие* или *осознающие* влияния извне него и определённым образом *реагирующие* на них. Но способны ли подобные существа к тому же испытывать боль и получать удовольствие? Даже если и способны, их сила в любом случае несоизмерима с силами удовольствия и боли, которые может испытывать человек, как не соизмеримы и силы (степени) их осознанности. Хотя на самом деле важнее здесь другой момент.

Рассмотрим простейший пример, рассчитанный на создание предварительного представления. Как известно, очень горячая вода – это хаотичное движение молекул, тем более быстро движущихся, чем выше температура воды, что приводит их к постоянному соударению. Интуитивно (но лишь интуитивно) можно согласиться с тем, что молекула, постоянно испытывающая удары, *чувствует боль*. Это можно подтвердить и на том основании, что каждый удар заставляет её *изменять направление своего движения*, то есть совершать *экстренное* – сравнительно редкое и неестественное для неё в нормальном состоянии – действие, а подобные действия как раз *мотивируются болью*, вывод о чём был сделан ранее. Но с другой стороны, и это разрушает подобные интуитивные выводы, то же действие может *мотивироваться и удовольствием*, то есть при таком подходе всё-таки не очень понятным остаётся характер мотивации. Получается, что тогда как живые существа всегда обусловлены *двумя* дополняющими факторами, не живые – только *одним*. Объяснение здесь может быть единственным – совпадение “разных по знаку” факторов боли и удовольствия возможно лишь в случае, когда сила каждого из них равна *нулю*, а, следовательно, для веществ отсутствует какая-либо *внутренняя мотивация* к действию, выражающая *потенциал* между удовольствием и болью. И уже из этого можно сделать более глубокий вывод:

Для веществ, в отличие от существ, внутренняя мотивация полностью совпадает с внешней, то есть фактически любые их действия во внешнем мире обусловлены его законами

напрямую, без любого рода рефлексии. По сути, для веществ разделение на внешний и внутренний по отношению к ним мир бессмысленно.

Наконец, констатируем возможность рассматривать теперь уже *весь* мир в качестве совокупности взаимодействующих существ и веществ. Единственное, что пока остаётся не вполне понятным, – какие конкретно объекты можно называть *веществами*. Являются ли веществами или не живыми существами вообще все объекты внешнего мира, если в них отсутствуют элементы жизнедеятельности? Строго говоря – нет, но все объекты могут быть сведены к ним (фактически к субатомным частицам), подобно тому, как ранее к пребывающим в броуновском движении частицам вещества было сведено значение словосочетания “распространяющийся запах”. Конкретной классификации вообще всех существ будет посвящена следующая глава, пока же можно ограничиться лишь наблюдением, что все они характеризуются определённой *степенью (или уровнем) осознанности*.

Весь мир может рассматриваться как совокупность взаимодействующих существ (в том числе “не живых”), главной характеристикой каждого из которых является уровень осознанности. Каждое существо осознаёт, затем так или иначе (в согласии со своим уровнем осознанности) реагирует, и этим проявляет себя во внешнем мире, в свою очередь, воздействуя на другие осознающие существа.

Этот постулат находит своё подтверждение и в учении Толтеков, которые *видят* мир состоящим из осознающих себя эманаций. Вот что об эманациях говорил Хуан Матус:

«[Эманации] не похожи ни на что, их невозможно описать. И в то же время лично я сказал бы, что они напоминают светящиеся нити. Непостижимо же в них то, что эти нити осознают. Нормальный разум обычного человека справиться с этим не в состоянии. Я не сумею объяснить тебе, что это значит, поскольку я сам не знаю того, о чем говорю. Всё, что лично мне известно, – и лишь об этом я могу тебе рассказать, – это то, что нити эманаций осознают самих себя, они пульсируют собственной жизнью, и их такое множество, что числа теряют всякий смысл. И каждая из них – вечность в себе».¹

В другом месте «Огня изнутри» Хуан Матус несколько сужает понятие осознанности. Согласно его пояснениям, осознающими являются лишь живые существа, а не живые или “жесткие” существа называются им *энергетическими структурами* или “сосудами” – в отличие от “коконов” органических и “резервуаров” неорганических существ. Действительно, “жесткие” существа не могут осознавать *собственных локальных фрагментов и также внешних воздействий*, то есть, например, атому “всё равно” входит он в состав молекулы или нет – иначе, молекула не является *интегрирующей единицей самосознания*. При таком взгляде становится понятно, почему “жесткие” или не живые существа не могут испытывать боль и удовольствие: эти факторы могут быть присущи только единой *динамической* системе, способной иметь внутренние конфликты, повреждения или, наоборот, тенденции к большей гармонизации (подробнее об этом в следующей главе). *Статическая* же система, по определению, никаких внутренних тенденций иметь не может.

Фактически об осознании, а также о боли и удовольствии можно говорить только в отношении живых или динамических существ. Для не живых или статических существ – таких как атомы или молекулы – уровень их осознанности является только уровнем организации.

В действительности под всем сказанным скрывается ещё более глубокий вывод, обычно служащий разделительной чертой между идеалистической и материалистической философией:

Все “не живые” существа являются не чем иным, как следом действия или творения живых. То есть ни что в мире, что было создано живым существом, не исчезает сразу, как только живое существо забывает об этом или перенаправляет своё внимание. Оно продолжает существовать как бы на двух планах – в “подсознании” создателя, ожидая, когда он вновь

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

возвратится к своему творению, и в “объективном” мире, в том числе будучи доступным другим существам (их осознанности).

В конце концов, *существа* вообще далеко не всегда взаимодействуют напрямую, живыми энергиями, – тогда взаимодействия и происходят посредством *веществ*. Таким образом, любое творение (действие) можно рассматривать как *послание*, через которое можно осознать творца, понять его. И всё, что было когда-то создано – было создано для кого-то.

Вообще вся Вселенная была создана, чтобы осознать Создателя. И всё что создают люди, создаётся ими друг для друга. И значит во всём созданном всегда есть смысл, идея.

В свою очередь, если эта идея не видна, это не значит, что возможна некая “материя сама по себе”, это значит лишь, что намерение, стоящее за этой материей, лежит слишком глубоко. И может быть, когда человек осознает это намерение, он вспомнит, что когда-то это было его собственное намерение.

Подобный взгляд в том числе открывает и очень глубокое психологическое понимание человека:

Человек – это всегда совокупность намерений, которые он осуществляет, на которых концентрирует всю свою энергию. Другими словами, за всеми действиями человека всегда стоят его собственные намерения.

А поскольку все эти намерения лишь его собственный выбор, то вообще *вся его жизнь*, как бы не хотелось верить в обратное, это и есть результат его собственного выбора. И только он сам *ответственен* за собственную жизнь. Грубо говоря, никто не заставляет человека рождаться и вообще жить. И если мы живём – значит есть зачем, значит есть цели, которые хочется достичь, значит есть то, что нужно реализовать, зачем мы и приходим в этот мир. Хотя, опять же, всё это может просто не осознаваться, и какой бы тяжёлой не была жизнь, подчас человек до последнего не признает, что причина – именно в нём самом, что это он сам создаёт себе проблемы, которых, в общем-то, могло бы и не быть. Таким образом, очень полезно во время психологических практик не смотреть на себя как на жертву внешних обстоятельств, ведь даже психические травмы, полученные вроде бы во внешнем мире, и подчас побуждающие нас действовать далеко не оптимальным образом, – это *наш собственный выбор* так действовать. Например, всю жизнь жалеть себя или гордиться за какие-то мелочи. И никто не в состоянии отменить его кроме нас.

Человек всегда полностью ответственен за всё, что с ним происходит в жизни, потому что это всегда следствие только его собственных намерений и действий. И какой бы тяжёлой не была жизнь – в ней всегда есть смысл для него.

Впрочем, нередко люди предпочитают видеть себя лишь безвольной игрушкой в руках неведомых сил и внешних обстоятельств. И можно говорить не сомневаясь, что жизнь точно не станет лучше, пока человек кардинально не пересмотрит такое безответственное отношение к ней.

Наконец, Хуан Матус указывал, что люди могут воспринимать только две больших “полосы осознанности”: полосу органических существ (структура которой характеризуется диапазонами осознанности каждого их вида) и полосу энергетических структур (веществ). А всего мир состоит из сорока восьми полос осознанности, причём сорок из них – это полосы, генерирующие только энергетические структуры, семь – полосы, генерирующие неорганических существ, и только одна генерирует органических существ – в частности, людей.

«– Тебе следует усвоить: всё, что есть на земле, обязательно в чем-либо содержится, – говорил дон Хуан. – И всё, доступное нашему восприятию, всегда составлено из частей коконов или сосудов, наполненных эманациями. Резервуары неорганических существ мы, как правило, не воспринимаем вообще.

Дон Хуан взглянул на меня, ожидая подтверждения того, что мне все ясно. Поняв, что ничего не дождётся, он продолжил объяснение:

– Мир в целом образован сорока восемью полосами. Мир, который наша *точка сборки* предлагает нашему нормальному восприятию, составлен двумя полосами. Одна из них – органическая полоса, вторая – полоса, обладающая структурой, но не имеющая осознанности. Остальные сорок шесть больших полос не относятся к миру, который мы воспринимаем, находясь в нормальном своём состоянии.

Дон Хуан опять замолчал в ожидании вопросов. Их у меня не было.

– Существуют и другие законченные миры, которые могут быть собраны нашей *точкой сборки*, – продолжил он. – *Древние видящие* насчитали семь таких миров – по одному на каждую полосу осознанности. От себя могу добавить: два из них, не считая обычного мира повседневной жизни, воспринимаются довольно легко. С остальными пятью дело обстоит несколько иначе».¹

Можно лишь заметить, что все эти уникальные сведения ещё только ожидают смычки с наукой.

Позже понятие эманаций будет раскрыто с несколько иных позиций, а пока ряд замечаний, в том числе с позиций философии. Прежде всего, нетрудно уяснить, что представление о мире как о совокупности взаимодействующих существ ещё до всяких рассуждений находит основания в естественном языке. Действительно, естественно-языковые предложения, как было показано ранее, не могут указывать ни на что другое, кроме как на имеющие общие свойства и находящиеся в отношениях друг к другу объекты. Объекты здесь – существа, совокупности существ или их части, общие свойства – уровни их осознанности или качества, как-либо связанные с этими уровнями. Отношения – действия или взаимодействия существ. Это представление, следовательно, является *онтологизацией языка*, то есть демонстрацией его связи с реальностью, а в то же время и онтологизацией мышления, поскольку язык – порождение именно мышления. Таким образом, приходим к идеалистическому *принципу тождества бытия и мышления*: и в самом деле, все проведённые рассуждения негласно подпадают под его действие, поскольку предполагают возможность отражения бытия через формальные структуры.

Бытие принципиально можно познать, то есть отразить любые его явления в мышлении. Причём ничего кроме явлений бытия мышление отражать не в состоянии.

Ранее этот принцип уже был приведён в несколько более сложной формулировке, соответствующей представлению Шеллинга. Также особо его развивал Гегель, а наиболее известный вид он получил у французского учёного и философа XVII в. Рене Декарта – “мыслю, следовательно, существую”. Этой формулировкой Декарт во многом предвосхитил идеи Гуссерля, в частности говоря о субъекте как о “мыслящей субстанции” – аналоге “чистого сознания”. Мышление, как его понимал Декарт, в идеале всегда должно быть онтологичным, а потому радикально критичным по отношению к любым априорным предпосылкам (начиная от предпосылок вообще существования чего-либо), что также соответствует гуссерлевскому “выносу за скобки”. Как уже отмечалось, вопрос о познаваемости мира – ключевой вопрос вообще для всей западной философии, но в основном его обсуждение сводилось к построению *критической* гносеологии, то есть к гносеологии, которая должна была указать чего *не может* постичь человек, и какие способы познания *не позитивны*. Противоположный вопрос – “что может постичь человек и как он может это сделать?” – ставился редко, и всегда без значимых практических последствий. Только в рамках нагуализма его можно не просто поставить, но и ответить на него в достаточно академической форме, причём опираясь исключительно на результаты *практической деятельности*.

Также в западной философии идея, что объективная реальность – *не более чем* совокупность субъектов или существ, находит ближайшую корреляцию с известным высказыванием британского теолога и философа XVIII в. Джорджа Беркли: “быть – значит быть воспринимаемым”. Нередко под ним понимают не что иное, как крайнюю форму *субъективного идеализма (солипсизма)*, для которой характерно вообще отрицание мира вне субъекта, то есть подразумевается несколько иной принцип: “того, чего я не воспринимаю – не существует”. В действительности же подобный принцип не применим ни к философии Беркли, ни к вышеприведённым рассуждениям, говорящим лишь об отсутствии какой-либо первичной материальной субстанции – недоступной человеческим чувствам и выразимой только в формальных построениях разума. Причём то же касается и вообще любого трансцендентализма, утверждающего, что что-то существует вне сознания. То есть любые

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

проявления живых существ – а в том числе любые их намерения и мысли – можно *видеть* напрямую, иметь о них *безмолвное знание*, изначально с разумом никак не связанное.

Далее небольшой, хотя достаточно важный вывод из принципа тождества бытия и мышления. Можно назвать его *постулатом о единстве действия и осознания*:

Все действия каждого существа всегда осознаются другими существами.

То есть нельзя сделать чего-либо, что, условно говоря, не произошло бы в бытии и не коснулось бы его существ, и также, наоборот, если что-то осознаётся, это не может быть ни чем иным, кроме как, опять же, проявлениями существ. Другая формулировка этого постулата: ничего и никогда не может возникнуть из ниоткуда, всегда можно *объяснить* любое *событие*, найти его *причины* и указать *последствия*. Пожалуй, только одного *объяснить* невозможно: откуда возникла сама возможность существования объяснимого и объяснений?

Наконец, здесь можно провести параллель с рассуждениями немецкого философа XIX в. Артура Шопенгауэра. В согласии с ним, Вселенная есть проявление *безличной мировой воли*, и человек сам является её частью, как любое существо вообще. С другой стороны, мир есть *представление*, которое человек же, как и другие существа, способен осознавать. Единственное промежуточное звено между этими двумя аспектами мира – *тело*, выступающее как в роли проводника *воли*, так и в роли *представления* одновременно. Такая его особенность уже была отмечена ранее, и именно она позволяет одновременно двигаться и осознавать свои движения, думать и осознавать свои мысли, злиться и осознавать свою злость, шутить и осознавать свои шутки, а, вообще говоря, *действовать и осознавать свои действия*. Этими рассуждениями Шопенгауэр исправил главную ошибку гносеологии Канта: если всё вокруг человека лишь феномены “вещей в себе”, сам для себя он в любом случае не феномен, не “вещь в себе”, а уже ноумен – “вещь в себе для себя”.

Потенциал познания

Выше указывалось, что процесс осознания всегда требует времени – даже если речь идёт об осознании в статике. Так, когда мы воспринимаем некоторое перемещение внешнего объекта, осознание этого перемещения будет занимать определённое время, которое понадобится, чтобы *сосредоточиться* и раскрыть его *сущность*. Когда же она окажется раскрыта, то наблюдаемый процесс станет как бы *более статичным*, *более прогнозируемым* или *более целостным*. Другой пример связан с музыкальными произведениями: не обладающий особо развитым музыкальным вкусом (или мышлением, воображением) человек, слушая серьёзное произведение весьма длительное время будет воспринимать его состоящим из *отдельных* нот и созвучий. Но *как целое* оно не будет иметь для него смысла, сущность этого произведения останется для него не вполне ясной, степени сосредоточения не хватит и полного схватывания не произойдёт.

Нетрудно уяснить, что концентрация внимания в ходе восприятия музыкального произведения сродни концентрации внимания в ходе простого зрительного наблюдения, когда, например, требуется рассмотреть некий маленький объект. И в этой связи интересен формальный вопрос: насколько сильно вообще можно концентрировать внимание? Если говорить в отношении зрения, то в степени, напрямую связанной со здоровьем и развитостью глаз; если говорить в отношении музыкального произведения, то в степени, определяющейся развитием музыкального вкуса; но чем определяется само это развитие? Как известно из нагуализма, развитие любых органов чувств определяется *волей*, и, таким образом, для человека основной и наиболее ценный вид концентрация внимания – это переключение внимания из обычного состояния в *повышенное*, где как раз задействуется воля. Осуществляется это посредством стандартных практик остановки внутреннего диалога – таких как, например, *пристальное созерцание*. Причём созерцание может относиться не только к видимым объектам, но равно и к слышимым, таким как уже рассмотренное музыкальное произведение (тогда это практика “слушания звуков мира”, дополняющая практику созерцания). Таким образом, когда некто желает постигнуть глубокий смысл музыкального произведения, он *вслушивается* в него, останавливает внутренний диалог, и при достаточном количестве личной силы уясняет его сущность во всех нюансах, причём эти нюансы сливаются друг с другом *воедино*.

Также известно, что после определённого этапа в развитии становится доступен такой способ осознания, как *видение*. Что такое видение в терминах концентрации внимания? Для начала необходимо вспомнить, что видение не является смотрением или каким-либо другим общеизвестным ощущением, однако основывается оно именно на смотрении. Но что именно происходит, когда обычное смотрение превращается в видение, какой именно качественный переход? Ранее подобные переходы уже были рассмотрены, и выяснилось, что в ходе постепенной концентрации внимания сначала воспринимается поле зрения, затем цветные двумерные объекты, связанные отношениями местоположения и, наконец, трёхмерные, связанные отношением удалённости от наблюдателя. После этого можно определить материал, из которого сделаны эти трёхмерные объекты, а также и вообще распознать их более детально – например, узнав по чертам лица кого-нибудь знакомого. Дальше этого человек, находящийся в состоянии активно протекающего внутреннего диалога, как правило, не идёт – с большей или меньшей точностью все объекты и существа распознаны, их описания выстроены и, казалось бы, можно продолжать оперировать этими описаниями теперь уже не направляя своё внимание на внешний мир, не концентрируя его. Подобное положение дел, касающееся практически всех современных людей, и приводит к ошибочной мысли, что всё доступное для зрительного восприятия – это более или менее детально распознанные трёхмерные объекты, причём их распознавание осуществляется посредством мозга, а мозг в этом случае трактуется как некое устройство, являющееся источником сознания.

Уяснение природы видения станет возможным, если ещё раз подробно остановиться на характере *процесса осознания процесса*. Что такое, вообще говоря, любой процесс, лежащий вне осознания данного существа? Не что иное, как деятельность внешних существ, а также и очень слабо осознаваемые проявления его самого. Что происходит, когда такой процесс осознаётся? Проявления этих существ схватываются и как бы останавливаются или *осознаются в статике*. Например, осознаваемый в статике посредством зрения внешний мир кажется почти *неподвижным*, хотя в действительности он не является таковым *и не может быть таковым в принципе*, поскольку и в согласии с современным научным знанием, и в согласии с нагуализмом никогда и ничего не остаётся постоянным, всё беспрерывно изменяется, *всё бытие – это гигантский непрерывный процесс*. Но всё-таки осознать – значит *остановить*, увидеть *в целом*, а в случае остановки собственных слабо осознаваемых процессов ещё и *взять под больший контроль*. В частности, первое, что необходимо остановить человеку, желающему видеть – это свой внутренний диалог, а вместе с ним эмоциональные проявления. Как тогда изменится восприятие внешнего мира? Произойдёт удивительная вещь: *остановятся и эмоциональные проявления всех других рядом находящихся людей*; они не исчезнут, но станут *видны*, станут *осознаваемы*. Лица людей и их голоса перестанут быть просто распознанными зрительными и слуховыми объектами, но приобретут *эмоциональное качество*, то есть теперь можно будет, например, не реагируя, сказать *злится* человек или, наоборот, пребывает в состоянии *благодущия*. Причём не на основании каких-либо известных классификаций, вроде наличия у него улыбки и более сложных (что распространено в различных современных психотехниках), но *исключительно на основании собственно видения*, которое к тому же позволит *узнать* и все *причины*, приведшие его именно к такому эмоциональному состоянию.

Предпосылкой к видению является умение осознавать эмоциональное состояние других людей.

Обычный человек осознаёт только весьма слабые эмоции – как со стороны себя самого, так и со стороны других людей, – и их же он может контролировать. Но после определённого порога он теряет контроль и вовлекается в спор или ссору, или же, наоборот, начинает сочувствовать. Единственная возможность избежать этого – отсутствие *человеческой формы*. Лишь в случае её полного отсутствия под контролем оказываются абсолютно все – даже самые сильные – эмоции, тогда же человек обретает целостность самого себя и в полной мере овладевает видением.

Следующий постулат резюмирует эти рассуждения:

Для того чтобы осознавать (и контролировать) процессы, происходящие с другими существами, необходимо и достаточно осознавать (и контролировать) собственные аналогичные процессы (процессы собственного тела).

Этот вывод напрямую соотносится с представлениями Толтеков о человеке как о коконе, содержащем эманации и точку сборки. Кокон и всё что в нём находится – это, по сути, сам человек, его тело, чем оно является вне чувственных интерпретаций. Внутренние эманации кокона – и есть внутренние процессы, большая часть которых обычно осознаётся очень слабо. Точка сборки – место наибольшей осознанности, и когда она сдвигается вглубь, ранее не осознаваемые эманации *осознаются, берутся под контроль и останавливаются*. В свою очередь, остановленные *внутренние эманации совмещаются с соответствующими им внешними, объединяющими все другие использующие их существа*. После этого человек кардинально меняет своё отношение к ним, больше не рассматривая их проявления в качестве имеющих какое-то особое значение для его личности.

Уместно дать к сказанному ещё один комментарий, опирающийся на введённое ранее понятие *пространства*. Развивая осознанность и всё сильнее концентрируя внимание, человек формирует всё более точное представление о внешнем (а равно и о внутреннем) мире как о пространстве, причём объектами этого пространства всё определённое становятся *существа*, а отношениями – *их связи друг с другом*. Когда же сущность какого-либо процесса не осознаётся, он воспринимается в динамике, пространство постоянно изменяется, а также требуется изменяться – как-либо действовать – и самому осознающему его человеку. Наоборот, чем глубже осознаётся сущность процесса, тем этот процесс более статичен, и тем меньше действий необходимо совершать. Человек, следовательно, как бы оказывается “над миром”: мир воспринимается всё более целостным, а человек почти исчезает из него. Всё, что он делает (или в данном случае правильнее сказать – *не-делает*) – это осознаёт, и в то же время внешне он, согласно описаниям Карлоса Кастанеды, либо спит, либо находится в состоянии своеобразного транса.

Чем сильнее человек концентрирует своё внимание, тем больше он осознаёт и тем меньше действует. Тем сильнее пространство его ощущений совпадает с пространством бытия, состоящим из взаимодействующих существ.

Здесь важно понимать, что хотя в каждый отдельный момент человек способен концентрировать своё внимание в большей или меньшей степени, в целом эта степень ограничена количеством личной силы, в свою очередь накапливаемой на протяжении всей жизни. Если это жизнь воина, человек со временем повышает свою способность концентрироваться и медленно, иногда с большими перерывами, сдвигает точку сборки во всё более глубокие положения. Именно этот процесс можно называть процессом *познания* или *постижения мира*, имея в виду, что познание – не просто накопление *знаний* о нём, а скорее накопление способов его *осознавания*.

И, наконец, ещё два небольших замечания. Во-первых, если вдуматься, представление о мире как о совокупности существ приводит к противоречию. *Мир может быть представлен подобным образом только для некоторого существа, но никак не извне себя, то есть только находясь в мире* можно осознавать его, а значит любое его осознавание будет относительным к наблюдателю – *субъективным*. Следует ли из этого, что бытие не имеет никакого объективного строения или, может быть, его принципиально нельзя осознать в целом? Предваряя ответ, целесообразно ввести ещё два первичных понятия:

С каждым существом (или субъектом) можно связать субъективное время, течение которого обусловлено неосознаваемыми им действиями (внешнего мира по отношению к нему и его самого во внешнем мире), а также субъективное пространство, протяжённость которого, наоборот, обусловлена его осознаванием или чувствованием (процессов внешнего мира и собственных).

Казалось бы, вывод довольно понятный и простой, однако он приводит к новой и более чёткой формулировке поставленного выше вопроса: имеют ли в принципе смысл понятия объективного (или абсолютно) пространства и времени или, точнее, объективного пространственно-временного континуума как всего бытия? Вопрос далеко не тривиальный, ведь из явственного наличия субъективных времени и пространства для каждого существа совсем ещё не следует и наличие объективного времени и пространства для всех.

Из физики известно, что объективное пространство в рамках механики Ньютона – место, где содержатся все материальные объекты (вообще говоря, существа), а объективное время –

характеристика, синхронизирующая любые их движения в этом месте. С другой стороны, согласно теории относительности никакого подобного места нет (объекты не находятся в некоем предзаданном “пустом” пространстве), и время имеет не объективный характер, а связано с каждым объектом как с отдельной материальной системой (порождающей пространство). Впрочем, объективный пространственно-временной континуум, даже с относительными пространством и временем, всё же постулируется ей. Как именно он связан с субъективными пространством и временем существ? На данном этапе рассуждений этот вопрос остаётся открытым, но пути к его закрытию можно наметить, уяснив, что чем более развито существо, тем более “объективно” его субъективное пространство, и, с другой стороны, тем более оно едино со всей Вселенной и всеми её существами, а значит уже само понятие “совокупности” отделённых друг от друга существ несколько утрачивает смысл. В следующей главе на основании представлений о *синтаксисе языка* все исчерпывающие разъяснения на эту тему будут приведены.

Во-вторых, не до конца разрешённой осталась ещё одна проблема. Ранее уже говорилось, что когда физик проводит какие-либо эксперименты и затем находит интегрирующую их результаты теорию, он в действительности не познаёт мир напрямую, а только лишь косвенно. Другими словами – он не *видит* описываемых им процессов (не имеет о них *безмолвного знания*), те же, кто *видят* – это достаточно одарённые математики, которые могут построить очень сложные теории, казалось бы, “на пустом месте”, без любых опытов – причём именно эти теории *позже и понадобятся физикам* (деление на математиков и физиков здесь естественно условное). Отсюда следующий вывод:

Любые математические теории – даже наиболее абстрактные – не являются оторванными от реальности, хотя создавший их (или увидевший их предмет) человек может и не понимать, что именно они описывают.

История науки полностью подтверждает этот принцип, поскольку примеров, когда всецело формальные математические построения со временем осознавались в качестве имеющих большую практическую ценность, весьма много, и, очевидно, в недалёком будущем стоит ожидать новых смычков математики и физики. Первым проблема “математизации физики” была поднята ещё Галилеем, а наиболее элегантно теорией, частично её решившей, на сегодняшний день является уже упоминавшаяся общая теория относительности Эйнштейна, убеждённого, что *алгебра, геометрия и физика суть одно*. Давид Гильберт говорил об этом, как о феномене “предустановленной гармонии”:

«Ещё большее впечатление производит явление, которое, заимствуя терминологию у Лейбница, мы называем предустановленной гармонией. Она является прямым воплощением и реализацией математических идей... Самым великолепным и самым чудесным примером предустановленной гармонии является эйнштейнова теория относительности... В новейший период всё чаще встречаются случаи, когда важнейшие математические теории, стоящие в самом центре интересов математической науки, оказываются вместе с тем нужными в физике. Теорию уравнений с бесконечным числом переменных я развивал, исходя из чисто математической заинтересованности, и даже применял при этом терминологию спектрального анализа, не имея ни малейшего представления о том, что однажды в дальнейшем она будет реализовываться в реальных физических спектрах».¹

Впрочем, западным учёным, как бы далеко не простиралось их видение мира, очень далеко до истинных *людей знания*, и Хуан Матус относился к ним весьма скептически:

«...Я хочу сказать, что существует масса сентиментальных глупцов, которые становятся *видящими*. Ведь *видящие* – человеческие существа, не лишённые множества слабостей. Нет, не так. Человеческие существа, не лишённые множества слабостей, способны стать *видящими*. Это подобно тому, как иногда жалкие людишки становятся отличными учёными.

Такие *видящие* забывают о том удивительном чуде, каковым является мир. И когда жалкий человек становится *видящим*, сам факт его способности *видеть* полностью захватывает его. Он воображает себя гением, считая, что всё остальное не имеет значения. Чтобы прорваться сквозь почти непреодолимую расхлябанность обычного человеческого состояния, *видящий* должен обладать абсолютной безупречностью. И

¹ Д.Гильберт. Познание природы и логика.

сама по себе способность *видеть* имеет значение лишь постольку поскольку. Гораздо важнее другое – что именно *видящий* делает с тем, что *видит*».¹

¹ *К.Кастанеда. Огонь изнутри.*

Глава четвёртая. ВСЕОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ

Основные положения об эволюции

Суть предыдущей главы кратко может быть сведена к довольно простому тезису: *бытие есть совокупность взаимодействующих и осознающих свои действия существ*. Но что этот тезис может дать, если попытаться перейти со столь абстрактного плана к большей конкретике? Очевидно, ничего, и хотя бы до тех пор, пока не будет получен ответ на ключевой вопрос, который только и можно здесь задать: какова цель подобного взаимодействия? Каковы вообще цель и намерение всех составляющих бытие существ, в чём смысл их существования? Этот смысл, как известно из нагуализма, состоит в *усилении осознанности*.

Взаимодействуя и осознавая свои действия существа повышают уровень осознанности, что и составляет смысл и цель их существования, глубинное намерение их жизни.

Но нельзя не потребовать уточнений этого постулата: что значит повышение уровня осознанности, ведь существа не только повышают его, но и понижают – простейший пример чего смерть? То есть даже если согласиться с мыслью, что каким-то образом осознанность увеличивается, то точно не всех существ сразу. Действительно, *эволюция* – а именно о ней идёт речь – носит, вообще говоря, нелокальный характер, но это *естественно*, ведь в противном случае в ней бы и не могло быть никакого смысла. Только во взаимодействии – в частности, в борьбе – существа могут получать лучшее осознание мира, и это принципиальный момент. Так, приносящее большую осознанность взаимодействие для людей может состоять в обучении, в практическом исследовании, в игре, в путешествии (тогда взаимодействие идёт с окружающей местностью), что мы обычно и называем *познанием*, открытием новых горизонтов. Однако есть другие виды взаимодействия, более примитивные и острые, но, с другой стороны, и более распространённые в природе. Например, для животных один из основных видов взаимодействия – это взаимодействие хищника и жертвы, когда первый с целью *осознавания* последней убивает и поедает её. Человек тоже является в широком смысле хищником, но даже сама мысль, что еда способна быть предметом осознания, может показаться странной, хотя в более благородной форме она вполне приемлема – например, когда что-либо (скажем, яблоко или персик) прежде чем быть грубо употреблённым в пищу служит предметом эстетического наслаждения. В пределе употребление в пищу и есть самый грубый вид взаимодействия, имеющийся в животном мире, а эстетическое созерцание (в максимально развитой форме – видение), с другой стороны, самый мягкий.

Вообще говоря, одни существа в процессе взаимодействия жертвуют своей осознанностью ради других. Таким образом, повышение осознанности происходит в целом, глобально, безотносительно к конкретным существам, их видам и территориям заселения.

Так, множество существ могут погибнуть или пострадать, в целом же эволюционная тенденция бытия всегда останется неизменной. Здесь, конечно, уместен вопрос: а что, если в результате, например, катастрофы, очень большой и в то же время очень отдалённый от других участков заселения существ (такой как Земля) будет уничтожен, и все они погибнут – какой в этом смысл? В действительности однозначно и просто ответить на этот вопрос невозможно, однако даже в самом крайнем случае нельзя говорить о подобном исходе как о “бессмысленности” или “случайности”. Всё в мире имеет смысл – более подробно эти вопросы ещё будут рассматриваться в последующих главах книги.

Стоит заметить, что приводимая и содержащая уже два постулата теория говорит об эволюции всех существ вообще, и потому её резонно назвать *всеобщей*, продолжающей такие же всеобщие рассуждения предыдущих глав. Но далее рассматриваемые проблемы всё же станут более конкретными – во всяком случае, уже относящимися к нашему миру. Одна из них – ранее

возникавший вопрос о разнице между живой и не живой его частью (осознающими и не осознающими существами): чем отличаются живые и не живые существа? Как было указано ранее, не живые существа – это существа “жесткие”, статичные. А каким тогда образом проявляется “подвижность” живых существ, или что они способны делать внутри самих себя, что и характеризует их как живых? Такая обобщающая характеристика непосредственно следует из этимологии слова “живой” – именно, живые существа способны *выживать*. Что значит выживать? Просто сохранять своё наличие в мире от рождения до смерти – не выживание, это свойство всех существ вообще, *как и развитие осознанности*. Но если не живое существо может находиться лишь в той среде, где оно появилось, в тех условиях, которые его сформировали, живое может *приспосабливаться*, то есть *выживать в качественно более широком спектре условий*. Причём способность к приспособлению всегда сопровождается способностями к *размножению и наследованию*, составляющими механизм сохранения некоторого базового уровня осознанности в потомках. Таким образом, хотя живые существа появляются и погибают аналогично не живым, они, кроме того, *ещё и передают свою осознанность, порождают новые подобные существа*.

Живые существа характеризуются, в отличие от не живых, способностью *выживать*. То есть *приспосабливаться* к изменяющимся условиям среды обитания и передавать накопленные приспособления (в виде их генетической основы) потомкам – *наследовать*, – тем самым сохраняя или даже распространяя существа, подобные себе.

В принципе этот постулат возможно ещё очень сильно детализировать – указав, в частности, характер изменений окружающей среды и соответствующих им изменений существ, затем способы размножения существ (кладка яиц, метание икры, с привлечением двух разнополых существ или нет и т.п.), затем способы адаптации их потомства после рождения (вскармливание, обучение, охрана) и т.п. Потенциально можно даже, хотя до сих пор наука не сильно преуспела в этом, свести его к математическим формулам, однако всё это не является предметом изучения метанауки. Аналогично, бессмысленно искать какие-то разумные причины того, почему вообще появились живые существа и зачем они в таком количестве заселяют Землю. Наука ничего не может сказать по этому поводу в силу принципа описательности, а единственный возможный ответ метанауки уже был дан: с целью усиления осознанности, и только потому, что в этом состоит намерение бесконечности. Другое дело вопрос – “как?”, и уже на него в самом общем виде можно дать ответ. Приспособление происходит в силу принципиальной возможности живого существа *защищаться, перестраивать себя изнутри*, что и составляет его сущность как такового. В свою очередь, способности размножения и наследования объясняются на основании тезиса известного немецкого биолога XIX в. Эрнста Геккеля: *онтогенез* (от греч. *on*, род п. *ontos* – сущее, *genesis* – происхождение, возникновение) *повторяет филогенез* (от греч. *phylon* – род, племя, *genesis* – происхождение, возникновение), то есть зародыш в собственном развитии проходит все основные этапы развития предков. Можно сказать, что живые существа обладают способностью как бы “запоминать” все те благоприятные факторы внешней среды, которые привели к возникновению их самих, и потом “воссоздавать” такую же среду для своих эмбрионов.

Однако живые организмы не только выживают, но и обладают принципиально иным, чем не живые, способом усложнения внутренней структуры. Тогда как последние могут “развиваться” исключительно ввиду действий внешних факторов, развитие первых происходит, вообще говоря, изнутри, и вновь благодаря их основополагающей способности перестраивать себя. А поскольку развитие внутренней структуры у живых существ соответствует развитию их осознанности, приходим к ещё одному важному выводу:

Развитие осознанности у живого существа происходит в связи с развитием его способностей к выживанию.

Фактически осознанность и направляется на внешние условия, представляющие для существа проблему в плане выживания. Но по мере того, как эта проблема решается, осознанность остаётся и помогает успешно с ней справляться впредь. А более глубокий вывод состоит в том, что развитие в принципе возможно только через преодоление трудностей – подробно он будет обсуждаться несколько позднее.

Относительно дихотомии “выживание – развитие” имеет смысл сделать ещё ряд замечаний. Одно из них состоит в том, что в недостаточно благоприятных условиях живое существо развивается более медленно, стоящие перед ним проблемы оказываются очень сложными, и при превышении определённого допустимого предела оно может даже погибнуть (а вместе с ним и его осознанность). Однако чаще происходит не гибель существа, а его регрессия к предыдущим в эволюционном плане типам осознанности и соответствующим защитным механизмам. Так, некоторые существа ввиду неблагоприятных условий занимаются исключительно поддержанием достигнутого состояния, не развиваются; другие же активизируют свою деятельность периодами – например, впадая в зимнюю спячку (вообще обычный ежедневный сон сам является наиболее распространённым примером подобной регрессии). Человек тоже склонен к смене уровней осознанности, наиболее часто варьируя между актами творчества (повышенной осознанности), разума (обыденной осознанности) и бессознательного (пониженной осознанности) – прибегая к эмоциональным реакциям, когда разум даёт сбой, а для защиты от неведомого пользуясь глубокой саморефлексией. Но говоря о человеке в том его положении, которое наблюдается – если основываться на данных истории – в течение нескольких последних тысячелетий, приходится констатировать, что он также лишь поддерживает *определённый уровень осознанности* – выживает и размножается, совершенствует инфраструктуру своей среды обитания, но, вообще говоря, за исключением редких индивидуумов, существенно *не развивается*.

Тогда как более благоприятные условия делают возможным развитие живых существ, при их ухудшении существа могут погибать, деградировать или только поддерживать ранее достигнутый уровень осознанности, не развиваясь далее. Также возможны временные или периодические изменения уровня осознанности с его последующей нормализацией.

Соотношение тенденций развития и выживания наиболее явно прослежено в работах американского психолога XX в. Абрахама Маслоу, одного из основателей и лидеров *гуманистической психологии*. Маслоу разделяет все потребности человека на *дефицитные* и *бытийные*: дефицитные потребности – те, удовлетворение которых напрямую необходимо для поддержания биологической и связанной с ней социальной жизни человека. К ним относятся потребности в определённом уровне физического комфорта, в безопасности и в уважении. Бытийные – это так называемые “биологически нецелесообразные” потребности, среди которых особо выделяются потребности в любви, дружбе и самоактуализации. С точки зрения Маслоу бытийные потребности становятся для человека имеющими смысл лишь по мере удовлетворения всех дефицитных, когда на передний план выходит раскрытие творческих предрасположенностей – то, что он и называл *самоактуализацией*. Следует заметить, что подобный взгляд несколько расходится с толтекскими представлениями, указывающими на, вообще говоря, несовместимый характер какого-либо рода социальной вовлечённости и творчества. Впрочем, если рассматривать в качестве социальной вовлечённости принадлежность магической когорте, с некоторыми оговорками отношения в ней всё-таки можно называть дружескими или основанными на чувстве любви. Любовь в подобном случае носит полностью бескорыстный характер (на необходимость чего по отношению к бытийной любви указывал и Маслоу), не подразумевающий любого рода похвал или жалости, но предполагающий лишь непосредственный живой интерес к другим людям и их достижениям.

С другой стороны, нельзя не отметить, что нагуализм сам по себе напрямую разграничивает развитие и выживание, относя их, соответственно, к функциям нагуаля и тоналя. А пояснение Хуана Матуса, что только сильный тональ может привести к появлению нагуаля, в сущности, тождественно двум последним постулатам. Но при этом следует понимать, что даже очень хорошо развитые умственные или творческие способности не дают стопроцентную ограду от всех неприятностей – хотя, возможно, переполняют их обладателя чрезмерной гордостью (таких Хуан Матус называл “жалкими людишками, воображающими себя гениями”). Аналогично, множество магов и видящих древности, поглощённых своими экспериментами со вторым вниманием и взрастивших на их основе колоссальное чувство собственной важности, оказались даже морально не готовыми к каким-то потрясениям, связанным с первым – *обыденным* – вниманием. Магия и видение не помогли:

«Дон Хуан сказал, что после того, как некоторые из [Толтеков] научились, наконец, видеть – после столетий приёма растений силы, наиболее предприимчивые из них стали учить других знанию, как видеть. И это стало началом их конца. Со временем число видящих увеличивалось, а их привязанность к тому, что они видели, наполнившая их

почтением и страхом, стала такой сильной, что они перестали быть людьми знания. Они стали чрезвычайно опытными в видении и начали оказывать большое влияние на странные миры, свидетелями которых они оказались. Однако всё это было бесполезно: видение подрывало их крепость и привело к тому, что они попали в зависимость от того, что видели. <...>

Те же видящие, которые занимались только видением, потерпели фиаско, и вся страна, в которой они жили, подверглась нашествию завоевателей, они были так же беззащитны, как и любой человек».¹

Далее кратко проследим соответствие изложенной теоретической схемы с основанными на изучении конкретных эволюционных механизмов представлениями современной науки. Доминирующее положение среди всех учений об эволюции занимает сейчас *синтетическая теория эволюции*, в общих чертах повторяющая оригинальную *теорию естественного отбора* Чарльза Дарвина, и лишь немного уточняющая её в деталях на основе открытий генетики. В согласии с этой теорией механизм эволюции базируется на способности живых существ к генетическим мутациям, в ходе которых определяющим для их выживания фактором является приобретение наиболее оптимальных в данной окружающей среде признаков и передача их потомкам. Другой фактор – конкурентная борьба видов, в ходе которой слабейшие становятся добычей сильнейших. Синтетическая теория эволюции, однако, находит немало противоречий с действительностью, но основной вопрос, на который в её рамках принципиально нельзя получить адекватного ответа – как вообще возможно развитие и усложнение организмов, или почему со временем эволюция приводит к появлению существ всё более высокого уровня осознанности? С другой стороны, просто жизнь без развития – это и жизнь амёбы, и жизнь вездесущих бактерий; если же подходить только с точки зрения мутаций, то оптимальная форма жизни на Земле и есть бактерия. Подобные рассуждения привели к появлению ряда теорий, противостоящих теории естественного отбора и объединённых тезисом, что изменения живых организмов носят *направленный* характер, то есть каким-то образом приводятся к *априорно заданным формам*.

Одна из них – теория *номогенеза* (от греч. *nomos* – закон и *genesis* – происхождение, возникновение), разработанная в 20-х годах XX в. российским биологом Львом Бергом (основная работа «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей»; представления о номогенезе также развивались в 1960-80-х гг.). Номогенез постулирует разумное происхождение всего живого на Земле и целесообразный упорядоченный характер генетических изменений – притом, что естественный отбор служит лишь охране нормы. Подтверждается номогенез, в частности, явлением гомологических рядов, описывающих устойчивые повторения одних и тех же признаков у родственных растений. Им исключаются сколько-либо большие случайные мутации в процессе их развития, и подтверждается однозначная зависимость этого развития от условий внешней среды. Аналогичная картина наблюдается и у животных, когда появление сходных особенностей (например, пары глаз) происходит у представителей совершенно разных и обитающих в различных условиях организмов. Так, до сих пор все усилия селекционеров не позволили получить какой-либо принципиально новый организм с принципиально иными фундаментальными структурами и функциями – только внешние изменения могут быть существенными. Здесь имеет смысл провести параллель с правильными многогранниками: их количество ограничено подобно тому, как ограничено число возможных принципиально отличающихся организмов. То есть если, например, существование додекаэдра (12 граней) и икосаэдра (20 граней) возможно и ничему не противоречит, то многогранник с шестнадцатью гранями не удастся получить никакими “мутациями”, либо же он будет “недостаточно правильным” или “нежизнеспособным” – а точнее невозможным и бессмысленным. Резюмируя эти рассуждения, приходим к выводу, что все живые существа представляют собой “недоразвитые” варианты некоего “идеального” существа – максимально хорошо приспособленного к любой среде и максимально осознающего – к которому все они, эволюционируя, и стремятся.

Другой подход к выявлению направленного характера эволюции связан с исходящими из *синергетики*² и подтверждёнными экспериментальными представлениями, что гены человека не являются независимыми “единицами наследственности”, а составляют целостную интегральную

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

² Синергетика (от греч. *synergetikos* – совместный, согласованно действующий) – наука о самоорганизующихся системах, к которым можно относить и все живые существа. Основы синергетики – термодинамика неравновесных процессов, теория случайных процессов, теория нелинейных колебаний и волн.

систему (в которую включается также и эпигенетический материал), способную под влиянием внешней среды к достаточно быстрой функциональной перестройке. Эта теория¹ объясняет резкие эволюционные скачки – невозможные, если исходить из соответствующего последовательной смене генов в ходе мутаций плавного характера эволюции. Даже наоборот, мутации здесь исключаются или носят только негативное влияние, поскольку геном целостен и склонен к стабилизации или “самонастройке”. Действительно важное значение мутации (наряду с возможным для них обменом генов) имеют только для бактерий, практически не ограниченных требующимся на размножение временем.

Аналогом перестройки генома в нагуализме вполне логично считать *сдвиг точки сборки*, причём если обычно таковой происходит под влиянием внешней среды, возможно выполнить его и сформировав личное намерение. Фактически, отсюда, имеющий сильную связь с намерением человек обладает возможностью управлять своим – и других людей – геномом, поэтому его возможности к трансформации и являются почти безграничными. Например, Хенаро Флорес в ходе своих экспериментов по изменению осознанности нашёл геном крайне гротескной животной формы – мохнатого крокодила (об этом рассказывается в книге Кастанеды «Сказки о силе»). Причём это не просто какая-то безумная фантазия в духе сюрреализма – подобная форма имеет реальный смысл, то есть *при некоторых условиях мохнатые крокодилы действительно могли бы появиться на Земле*.

Наконец, нельзя не обратить внимание на ещё одну эволюционную теорию – *симбиогенеза*, – получившую широкую известность во второй половине XX в. благодаря трудам американского микробиолога Линн Маргулис. С точки зрения Маргулис основной механизм эволюции высших организмов состоит в *симбиотическом объединении нескольких простых организмов в один сложный*. Показательным примером эволюции посредством симбиоза является наличие в большинстве растительных и животных клеток митохондрий, функцией которых является обеспечение клеточного дыхания. Митохондрии – автономные части клетки, обладающие собственным генетическим материалом и независимо воспроизводящиеся. Маргулис предположила, что когда-то митохондрии были полностью независимыми мигрирующими бактериями, но впоследствии поселились в других микроорганизмах, которые с той поры и обрели способность дышать. Есть и другие примеры симбиотических союзов, а в общем можно сказать, что симбиогенез не только предьявляет более адекватный способ эволюции, чем мутационный, но и кардинально пересматривает принцип теории естественного отбора о конкурентной борьбе организмов. Выясняется, что организмы могут находиться не только в отношениях хищника и жертвы, когда жертва поддерживает выживание хищника ценой собственной жизни, но и интегрироваться при взаимном сохранении жизней друг друга. Для человека явным примером такого эволюционно обусловленного симбиоза может послужить когорта Нагуаля.

Подводя итог резонно заметить, что выявление конкретных эволюционных механизмов не должно становиться самоцелью, равно как и бессмысленно сводить к тем из них, что на данный момент времени известны человечеству, все остальные. Каждый новый шаг эволюции по определению специфичен и не может быть объяснён “из простого”, как это пытаются делать материалисты (а также, по аналогии, “физикалисты”, “биологи́сты”, “психологи́сты” или даже “сексисты”) – *целое, каковым является каждое существо, всегда больше своих частей*. Во многом бессмысленно вообще обращать свой взгляд во внешний мир, прежде не *познав себя самого*.

Теория метасистемного перехода

Хотя выявление конкретных механизмов эволюционного процесса, как было показано, сопряжено со значительными трудностями, всё же можно установить довольно строгий принцип, косвенно включающий всех их в себя и таким образом распространяющийся вообще на всё живое – *принцип метасистемного перехода*. Его авторство принадлежит уже упоминавшемуся во введении советскому физику и кибернетику Валентину Турчину, развившему собственную эволюционную теорию, основные положения которой были изложены им в книге «Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции» (написана в 1970, в США издана в 1977, в России – в 1993). Турчин не говорит о

¹ Речь идёт о модели американского учёного Стюарта Кауфмана – одной из моделей, разобранных в рамках корпуса теорий научно-популярной книги Фитцхофа Капры “Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем”.

конкретных механизмах эволюции напрямую, и при описании её ранних этапов опирается на теорию естественного отбора, полагая её приемлемой гипотезой. Однако высшие этапы эволюции (или метасистемные переходы) описываются уже безотносительно к ней, с учётом только внешних феноменологических моделей. Сущность принципа метасистемного перехода обозначена в следующем пояснении:

«...мы легко обнаружим одну общую черту в переходах от низшего этапа [эволюции] к высшему. А именно все эти переходы совершаются следующим образом. На каждом этапе биологическая система имеет подсистему, которая может быть названа высшим управляющим устройством и которая имеет наиболее позднее происхождение и наиболее высокую организацию. Переход на следующий этап происходит путём размножения этих подсистем (путём многократной редупликации) и *интеграции* их, т.е. объединения в одно целое с образованием (по методу проб и ошибок) системы управления, во главе которой стоит новая подсистема, которая теперь является высшим управляющим устройством нового этапа эволюции. Систему, состоящую из управляющей подсистемы X и управляемых ею многих однородных подсистем A_1, A_2, A_3, \dots мы назовём *метасистемой* по отношению к системам A_1, A_2, A_3, \dots . Переход с этапа на этап мы назовём, следовательно, *метасистемным переходом*. <...>

Метасистемный переход создаёт высший уровень организации – *метауровень* по отношению к уровню организации интегрируемых подсистем. С точки зрения функциональной метасистемный переход состоит в том, что деятельность, являющаяся управляющей на низшем этапе, становится управляемой на высшем этапе и появляется качественно новый (высший) вид деятельности, заключающийся в управлении деятельностью».¹

Иными словами, эволюция представляется рядом качественных переходов, когда некая существующая биологическая система (любое живое существо) в ходе своего взаимодействия с другими подобными системами получает своего рода новую степень свободы. И то в ней, что ранее было *управляемым внешней средой*, после метасистемного перехода *подчиняется ей самой*. Нетрудно провести параллели с симбиогенезом и другими теориями, на основании которых рассматривается эволюция всего живого – однако только Турчин сформулировал идею эволюции в наиболее ясной форме.

Поведение всех живых существ определяется, с одной стороны, ими самими изнутри и, с другой стороны, извне посредством влияния внешней среды. Биологическая эволюция состоит, таким образом, в повышении самоопределения существ и осуществляется посредством метасистемных переходов.

Далее рассмотрены все выделяемые Турчиным метасистемные переходы, но это сделано в более мягкой, чем авторская, форме – в частности, опускаются специализированные кибернетические понятия и построенные на их основе дополнительные разъяснения. С другой стороны, высшие переходы получают переосмысление на основе наугализма. Следует также заметить, что Турчин касается лишь самых основных метасистемных переходов (особенно для простейших существ), однако с целью иллюстрации этого вполне достаточно, и в их отношении его теория полностью онтологична.

Движение – управление положением

Рассмотрение процесса эволюции начинается с появления на Земле первых живых существ (макромолекул нуклеиновых кислот и белков), обладавших свойством редупликации – биологического синтеза на основе имеющихся элементарных радикалов (то есть собственно свойством выживания). Основным источником энергии при биосинтезе – солнечное излучение. Все живые организмы на этом этапе делятся на растения и животных: растения используют энергию солнца посредством фотосинтеза, животные же, помимо этого, усваивают энергию, аккумулированную в продуктах распада других растений и животных. Эволюция растений на этом останавливается, и в любых своих формах за исключением так называемых “хищных растений” они получают энергию только от солнца.

¹ В.Ф.Турчин. Феномен науки.

Следующий этап эволюции касается развития у животных средств усвоения пищи и приводит к *первому метасистемному переходу*. Ясно, что усвоение пищи невозможно, если организм долгое время остаётся в статическом положении, либо перемещается очень медленно, чем в процессе поиска источника света занимаются растения. В отличие от них животным необходимы средства относительно быстрого движения: так, губки с помощью ресничек прогоняют сквозь себя воду, а амёбы выедают окружающие их пищевые молекулы. Динамика проявлений животных в сравнении со статикой проявлений растений и является в данном случае метасистемным переходом. Как формулирует его Турчин: *движение – это управление положением*. В терминах метанауки эта формулировка будет выглядеть таким образом:

Для осознания пищи живые существа развивают способность управлять положением – двигаться.

То есть тогда как растения изменяют своё положение исключительно под воздействием внешнего фактора – света, животные управляют своими движениями самостоятельно. Но в конечном счёте для них тоже имеется мотивация теперь уже более высокого порядка – поиск пищи. Причём, что важно, животные нацелены на получение возможности именно *осознания* пищи, а не *выживания* посредством её использования. Действительно, растениям пища для выживания не нужна, *они выживают и без неё*; но априорное намерение эволюции таково, что живые организмы стремятся осознать внешний мир не только как свет, но и как пищу, а начав подобное осознание, оказываются вынуждены продолжать его, чтобы выжить.

Раздражимость – управление движением

Несмотря на принципиальную возможность активного движения примитивные животные никак не проявляли в своей среде обитания целенаправленную деятельность: пища *сама* попадала в непосредственную близость к ним. Таким образом, вновь можно сказать, что движениями примитивных животных управляла *внешняя среда*, и они целиком и полностью зависели от её проявлений. Поэтому следующий метасистемный переход касается возникновения у животных способности самостоятельно искать в среде пищу, то есть *управлять своим движением*. Возможность подобного управления, согласно Турчину, связана с появлением *раздражимости*, когда воздействия среды на определённые участки одноклеточного организма или на специализированные нервные клетки многоклеточного приводят к его активизации и уже тем вызывают его движение.

Для того чтобы самостоятельно искать пищу, животные учатся управлять собственными движениями и развивают способность к раздражимости.

Понятно, что в этом случае можно говорить о новом ещё более высоком *качественном* уровне интеграции всего организма, обуславливающим *зависимость* между *определённым* проявлением со стороны внешней среды и следующей вслед за ним тоже *определённой* (но пока ещё *не управляемой*) реакцией организма.

Сложный рефлекс – управление раздражимостью

Раздражимость иначе называется *простым рефлексом*, когда воздействие среды вызывает *непосредственную и однозначную* реакцию. Следующий этап эволюции связан с появлением *сложного рефлекса*, предполагающего в отличие от простого *варианты* реакции на одно и то же проявление среды *в зависимости от состояния животного в момент этого проявления*. Подобная возможность связана с развитием у животного нервной системы, а под состоянием животного, таким образом, понимается состояние образующих её нейронов. Возникновение нервной системы и способности к сложному рефлексу позволяет животному иметь некие подобию *памяти* и *цели*. То есть всякая новая поступающая информация *согласуется* с текущим действием, и зависимость между проявлениями среды и ответными реакциями животных становится не прямой, а *опосредованной*.

Управляя раздражимостью, то есть формируя сложные рефлексы, животные получают возможность осуществлять действия, не обусловленные средой их обитания напрямую.

Причём управляющие своими простыми рефлексами животные теперь могут осознавать тех животных, которые этой способностью не обладают. Это свойство уже было отмечено в одном из ранее приведённых постулатов: существа способны осознавать те действия (или процессы) внешней среды, аналогичные которым они осознают в самих себе (а частности, все животные осознают растения, но не наоборот).

Ассоциирование – управление рефлексами

Но всё же обладающее только сложными рефлексами животное ещё достаточно сильно ограничено в своих проявлениях, поскольку все они появляются уже при его рождении (врождённые или *безусловные рефлексы*) и не могут произвольно им меняться. Такое животное ничего не может извлечь из своего опыта, и при резком изменении среды обитания неминуемо погибнет. Предвестником возможности управления рефлексами, то есть выработки более эффективных рефлексов под воздействием среды и изменения уже существующих, явилось появление у животных *условных рефлексов*. По-другому Турчин называет управление рефлексами *ассоциированием представлений*, понимая под этим, что если подчиняющееся сложному рефлексу существо как бы “держит в уме” представление о своей цели и в зависимости от ситуации выполняет приближающие её достижение действия, то управляющее своими рефлексами существо способно менять свои цели, выходя за пределы конкретных представлений и ассоциируя их с другими. Иначе говоря, ассоциирование – способность преобразовывать любые фрагменты нервной системы под воздействием регулярно повторяющихся сопутствующих друг другу внешних факторов.

Управляя рефлексами, животные получают возможность ассоциировать представления или формировать условные рефлексы.

Например, в случае человека особая форма ассоциирования представлений выражается в формировании *комплексов бессознательного* или, в терминологии американского учёного и философа Л.Рона Хаббарда, *энграмм* (см. Приложение, раздел *Перепросмотр*).

Мышление – управление ассоциированием

Хотя возможность ассоциирования появляется уже на довольно позднем этапе эволюции, всё же это не предел возможностей, поскольку ассоциации не могут возникать *произвольно*, они всегда являются следствием тех или иных *внешних* процессов. Но что бы дала возможность произвольного независящего от среды ассоциирования? Как может показаться на первый взгляд, такое ассоциирование бессмысленно: зачем ассоциировать отдельные и внешне не связанные между собой предметы и явления? Для ответа на этот вопрос рассмотрим простейший пример. Пусть по какой-либо причине необходимо перелезть через забор, но этого нельзя сделать непосредственно, поскольку он очень высокий. На основании только способности ассоциирования перелезть через него не удастся, какова бы ни была степень необходимости, даже если от этого зависит жизнь. Для осуществления подобного требуется иная способность: *мышление*. Нужно *додуматься* подставить что-либо под забор (например, скамейку), а уже потом перелезть через него. Очевидно, здесь и требуется *произвольная* ассоциация: внешне совсем несвязанные скамейка и забор ассоциируются и выступают в роли *единого средства*. Произвольное ассоциирование, таким образом, и является *мышлением*.

Наличие способности мыслить, как уже отмечалось, определяет границу между животными и человеком: например, собака никогда не справится с поставленной выше задачей. Наиболее развитые человекообразные обезьяны уже способны её решить, хотя мышление проявляется у них только в самых простых формах и не играет такой определяющей роли, как у человека. Известны эксперименты, когда обезьяны искали или изготавливали “орудия труда” – палки, чтобы выковырять или сбить укрытое от них лакомство. Выяснилось, что мысленно определять длину палки они не могли и выбирали нужную палку только в ходе многочисленных проб и ошибок, проверяя и совсем нелепые с точки зрения человека варианты.

Единственное, что могут делать в подобной ситуации обезьяны, это следовать намерению бесконечности и, эволюционируя, всё больше овладевать им. Люди уже овладели намерением до такой степени, что способны мыслить, то есть собственно они овладели намерением онтологического мышления. Поэтому когда они видят или воображают некоторую проблемную ситуацию, мышление всегда подсказывает эффективный выход из неё – причём часто это полностью *формальный* выход, даже не требующий её реального понимания с привлечением опыта. С другой стороны, обезьянам и в самой простой для человека ситуации требуется активизировать *весь свой имеющийся опыт* и привлекать *максимум свободной энергии*. Чтобы сначала *вообразить* своё будущее поведение – *сформировать намерение*, а затем *реализовать* его – *сдвинуть точку сборки* (пусть даже очень незначительно) и *зафиксировать* её на новом месте.

Управление условными рефлексами привело к появлению у животных *разума*, тем самым выделив их среди всех остальных существ как людей. Вместе с разумом возник и его необходимый атрибут – *язык*, что стало началом накопления совокупных знаний всего человечества.

Разум и язык – это, конечно, бесценные приобретения для людей, но вопрос всех вопросов – почему эра разума стала закатом эры воли, почему вместо того, чтобы опираясь на данные разумом преимущества развиваться далее, люди стали заложниками своих знаний? На данном этапе рассуждений этот вопрос остаётся открытым.

Среди философов первым наиболее чётко разницу между формальной и онтологической разумной деятельностью показал Артур Шопенгауэр, сведя последнюю к интуиции или работе рассудка, и тем предварив идеи феноменологии:

«Всякая сила и всякий закон природы, каждый случай, в котором они проявляются, сначала должны быть непосредственно познаны рассудком, интуитивно восприняты, прежде чем *in abstracto* войти для разума в рефлексивное сознание. Интуитивным, непосредственным восприятием рассудка было открытие Р.Гуком закона тяготения и подведение под этот единый закон множества великих явлений, что впоследствии подтвердилось вычислениями Ньютона; тем же было и открытие Лавуазье кислорода и его важной роли в природе; тем же было и открытие Гёте происхождения физических цветов. Все эти открытия есть не что иное, как правильный непосредственный переход от действия к причине, который вскоре влечёт за собою познание тождества силы природы, проявляющейся во всех причинах той же категории. И постижение всего этого есть отличающееся только степенью проявление той же единственной функции рассудка, посредством которой и животное созерцает причину, действующую на его тело, как объект в пространстве. Вот почему и все эти великие открытия, подобно созерцанию и всем проявлениям рассудка, тоже представляют собой непосредственное усмотрение и как таковое суть создания минуты, аррессу, догадки, а не продукт длинной цепи абстрактных умозаключений; последние же служат для того, чтобы фиксировать непосредственно познанное рассудком в абстрактных понятиях разума, т.е. уяснять его, делать его пригодным для истолкования другим».¹

Особый интерес представляют и касающиеся работы разума пояснения видящих:

«Потом дон Хуан рассказал, что в процессе изучения *первого внимания новые видящие* обнаружили: все органические существа, кроме человека, успокаивают возбуждённые эманации внутри своих коконов. За счёт этого внутренние эманации получают возможность настроиться на соответствующие им внешние. Чего не происходит в случае человеческих существ, поскольку *первое внимание* последних принимается за инвентаризацию эманаций Орла, имеющих внутри кокона.

Я спросил:

– Что такое “инвентаризация”, дон Хуан?

– Человеческие существа отмечают те эманации, которые есть внутри их коконов, – ответил он. – Ни одно другое создание этим не занимается (это и есть произвольное ассоциирование – *V.V.*). В миг фиксации внутренних эманаций большими эманациями *первое внимание* начинает за собой наблюдать. И отмечать всё, что с ним происходит. Во всяком случае, оно пытается это сделать доступными ему способами. Этот процесс видящие и называют составлением инвентарного списка.

¹ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление.

Я не хочу сказать, что таков добровольный выбор человека, или что человек может отказаться от инвентаризации. Составление инвентарного списка – это команда, которую даёт Орел. Не подчиниться ей нельзя, но вот то, как именно подчиниться – совсем другое дело. Тут уже можно выбирать.

Дон Хуан сказал, что, хотя ему не нравится называть эманации командами, они, по сути, являются таковыми – командами, послушаться которых не дано никому. Однако в подчинении командам заключён способ неподчинения им.

– В случае с инвентаризацией *первого внимания*, – продолжал дон Хуан, – *видящий* не может не подчиниться. И он подчиняется. Однако как только инвентарный перечень составлен, *видящий* выбрасывает его. Ведь Орел не заставляет нас делать из инвентарного перечня культ. Он даёт лишь команду на составление этого перечня, не более.

Я задал вопрос:

– Каким образом *видящий видит*, что человек осуществляет инвентаризацию?

– Внутренние эманации человеческого кокона успокаиваются не для того, чтобы прийти в соответствие с внешними, – последовал ответ. – Это становится очевидным после того, как *увидишь*, что делают другие существа. Успокоившись, они практически сливаются с большими эманациями и текут вместе с ними. Вот, например, скарабей – жук-навозник. Свет его эманаций иногда распространяется, захватывая огромные пространства.

Человек же, успокоив эманации внутри своего кокона, начинает их со всех сторон обдумывать, анализировать и ими любоваться. Тем самым эманации замыкаются сами на себя.

Дон Хуан сказал, что, осуществляя инвентаризацию, люди доводят выполнение соответствующей команды до логического завершения. Всё же остальное ими игнорируется. А когда человек достаточно глубоко увяз в инвентаризации, ситуация может развиваться по двум направлениям. В первом случае человек полностью игнорирует импульсы больших эманаций, во втором – использует их весьма специфически.

Игнорируя эти импульсы, человек после составления инвентарного перечня приходит к уникальному состоянию, которое называется *разум*. А использование всех импульсов специфическим образом – это самопоглощённость¹.

Для *видящего* человеческого *разум* имеет вид необыкновенно однородного тусклого свечения, которое если и реагирует на постоянное давление больших эманаций, то делает это крайне слабо и крайне редко. Свечение рассудочности делает оболочку яйцеобразного кокона более плотной, но в то же время и более ломкой.

Дон Хуан отметил, что человеческий разум должен был бы встречаться в изобилии, однако на самом деле это – чрезвычайно редкое явление. Подавляющее большинство человеческих существ склоняется к самопоглощённости.

Разумеется, осознанность всех живых существ в известной степени замкнута на себя. Иначе взаимодействие между ними было бы невозможным. Но такой глубочайшей степени самопоглощённости *первого внимания*, какая присутствует у человека, не достигает ни одно другое существо. В противоположность рассудочному человеку, напрочь игнорирующему импульсы больших эманаций, индивид самопоглощённый схватывает каждый импульс и преобразует его в усилие, взбалтывающее эманации внутри кокона.

Наблюдая всё это, *видящие* пришли к одному весьма практическому выводу. Они *увидели*, что рассудочные люди должны жить дольше, чем самопоглощённые. Игнорируя импульсы больших эманаций, первые успокаивают естественное возбуждение внутренних эманаций. А самопоглощённые индивиды, наоборот, сокращают свою жизнь, используя импульсы внешних эманаций для создания дополнительного возбуждения внутри.

Я поинтересовался:

– Что *видит видящий*, созерцая самопоглощённого человека?

– Прерывистые вспышки белого света, сопровождающиеся длинными периодами потускнения, – ответил дон Хуан».²

Иначе говоря, человек рассудочный – это обладатель сильного тоналя, но почти отсутствующего нагуаля. Обычно таких людей называют “толстокожими”, и в этой метафоре большая доля правды, учитывая, что разум действительно уплотняет оболочку кокона; то же

¹ Англ. self-absorption – здесь: самопоглощённость, озабоченность собой, эгоцентричность.

² К.Кастанеда. Огонь изнутри.

состояние характеризуют метафоры “костный” или “чёрствый” ум. Другая крайность – обладатель слабого тоналя, но сильного нагуаля: человек талантливый, очень чувствительный, но вместе с тем и болезненно ранимый – подобный в своих проявлениях ребёнку. Тогда как рассудочный человек способен бесстрастно рассуждать, например, об идущей в непосредственной близости от него войне, делать точные подсчёты потерь, детально описывать пытки, которым подвергаются военнопленные, самопоглощённого подобные темы приведут в ужас, станут для него причиной сильнейших несдерживаемых эмоций. Рассудочный человек в этом смысле тот, кто ориентирован, главным образом, на формальное мышление, *ассоциированное* с реальным опытом в высшей степени опосредованно. И фактически он специально разрывает ассоциации с опытом – в пределе это касается мыслей о смерти: вот почему рассудочные люди обычно “не боятся” умереть, нередко бравируя этим своим бесстрашием. Наоборот, самопоглощённый человек не склонен к рефлексии, но конкретные слова и простые утверждения действуют на него так, будто они непосредственно являются тем, на что в действительности всего лишь указывают. Понятно, что такие люди живут относительно не долго – быстро “сгорают”, тогда как жизнь людей разума обычно оказывается длинной. Также последние часто имеют множество общепризнанных достижений, но если оценивать их деятельность без обмана, придётся согласиться, что в действительности она крайне скучна и рутинна. Гораздо лучший вариант жизни, чем оба приведённых – это жизнь воина.

«...*видящий* должен быть методичным, рациональным существом, образцом трезвой уравновешенности; и в то же время он должен всячески избегать этих качеств, чтобы быть абсолютно свободным и открытым по отношению к чудесным тайнам бытия».¹

Способность к глубокой саморефлексии – спасение и одновременно проклятие человека. Не умея противостоять неведомому, он быстро погибнет под натиском охватывающего его смятения, но быть захваченным инвентаризацией – тоже почти равносильно смерти. Поэтому воин должен обладать достаточной трезвостью, чтобы составлять самые точные и скрупулёзные описания, и вместе с тем достаточной мудростью, чтобы вовремя их отбрасывать и обращаться к реальности непосредственно.

Стоит заметить, что в классификации швейцарского психолога и философа Карла Юнга довольно близкие к рассудочности и самопоглощённости понятия – это, соответственно, *интравертность* и *экстравертность*.

Нельзя также не отметить один важный нюанс, и даже можно сказать парадокс, связанный с возникновением разума. Дело в том, что в классическом смысле *бессознательное* (или *социальное бессознательное*²), хотя и является по своей основе ассоциацией представлений, тем не менее возникло не до появления разума, а уже после него. Связано это с тем, что представлениями для любой эмоциональной активности являются именно представления, возникающие в ходе его работы – вплоть до того, что это могут быть даже отдельные слова и выражения, которые вдруг совершенно неожиданно способны явиться причиной эмоциональной вспышки. Так, чего точно не может быть ни для какого животного, человек может почувствовать эмоциональную реакцию (гнева или сожаления) и в совершенно нейтральной обстановке, просто потому, что в это время он вдруг что-то “понял”. Другой показательный пример – “виртуальное общение”, когда люди могут спорить или писать друг другу гневные письма, при том, что они даже могут быть не знакомы друг с другом лично. В подобном случае фактически переписываются не они сами, а их “разумы”.

Наконец, разум имеет ещё одну интересную особенность – располагаясь у поверхности кокона, он обладает независимым от положения точки сборки постоянным содержанием. Так, Кастанеда столкнулся с этим, когда в обыденном внимании он *знал*, что возит в багажнике своей машины книги испанских поэтов, чьи стихи иногда читает Хуану Матусу, но не *помнил* и даже не задумывался над тем, откуда и при каких обстоятельствах они у него появились.

Проблема управления мышлением

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

² Понятие социального бессознательного как совокупности связанных с другими людьми бессознательных комплексов опыта введено в Приложении в разделе *Перепросмотр*.

Вплоть до мышления как произвольного ассоциирования отслеживать метасистемные переходы было не очень трудно. Но в чём выражается метасистемный переход после мышления, чем является управление мышлением? Хотя формальный ответ будет дан, вряд ли его можно назвать полностью удовлетворительным, ведь, по сути, это уже попытка говорить о том, о чём *нельзя* говорить и думать.

Автор теории метасистемного перехода, видимо, чувствуя странную природу поднятого вопроса, фактически мягко уходит от прямого ответа на него, приравнивая управление мышлением человеческой культуре. Способность мыслить и язык породили человеческое общество, утверждает он, а потому следствием этой способности является результат его развития, то есть *человеческая культура*. Турчин метафорически сравнивает человечество с неким организмом – “сверхсуществом”, тем самым достаточно правомерно усматривая корреляцию между различными этапами эволюции: на каждом этапе появляются организмы, которые интегрируют существ предыдущего её уровня. Окончательный вывод Турчина состоит в том, что интегрированное человечество “становится сосредоточием Космического Творчества”. Безусловно, в этом утверждении есть определённое здоровое зерно, но, в общем, оно не является истинным. Человечество, как бы там ни было, не организм, а лишь совокупность организмов – пусть даже обуславливающих выживание друг друга с очень большой долей взаимности (что, впрочем, относится и ко всем другим существам на Земле).

Чтобы получить представление о метасистемном переходе после мышления требуется уяснить, что посредством разума можно описывать лишь *уже существующие проявления бытия*, разум не может ничего *познать* или *создать* – иначе говоря, *разум не способен к творчеству*. Из этого положения логично сделать предварительный вывод, что разумом управляет *воля*, и самая прямая предпосылка к нему состоит в том, что именно воля останавливает внутренний диалог. При этом также, в свою очередь, волю принципиально невозможно свести к чему-то, что может быть смоделировано разумом.

Любая умственная модель может стать лишь отражением или дать основу для технического воспроизведения творческих достижений. Но сам по себе разум к творчеству не способен.

Поэтому даже если пользоваться существующими теоретическими знаниями, методами и техническими достижениями для развития, всё равно рано или поздно обращение к ним должно быть сведено к минимуму. Артур Шопенгауэр, противопоставляя мышление и творчество, писал следующее:

«...там, где кто-нибудь должен выполнить известное действие единолично и без перерывов, знание, применение разума, рефлексия часто могут даже мешать, например, при игре в бильярд, фехтовании, настройке инструмента, пении. В таких случаях деятельностью должно непосредственно руководить наглядное познание, рефлексия же делает её неуверенной, рассеивая внимание и сбивая человека с толку. Вот почему дикари и необразованные люди, мало привычные к размышлению, выполняют известные физические упражнения, например, борьбу с животными, метание стрел и т.п., с такой уверенностью и быстротой, которые недоступны для рефлектирующего европейца, – именно потому, что рефлексия заставляет его колебаться и медлить».¹

Таким образом, акт воли обычно носит глубоко личностный характер, в равной мере не связанный и с умственной деятельностью, и с социальной – обусловленной эгоистическими интересами. А потому интегрированное человечество и порождённую им культуру нельзя отнести на счёт следующего за появлением разума метасистемного перехода. Но всё же интеграционный механизм, на котором основывается в своих рассуждениях Турчин, проследить можно, поскольку, вообще говоря, наивысшими творческими проявлениями являются проявления именно *совместные* – не в рамках каких-либо предзаданных культурных ценностей, общества или организации, а в рамках *магической когорты*.

Развитие воли способно привести к социальной интеграции иного, чем общеизвестный, типа – выстроенной на основе *магической когорты*. Магическая когорта – больше, чем просто

¹ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление.

совокупность людей: находящееся в подготовительной стадии перед путешествием в непостижимое самостоятельное – хотя и безличное – существо.

В книге Армандо Торреса приводится следующее объяснение, дававшееся Карлосом Кастанедой по поводу магических когорт (или партий):

«– Целью правила нагуаля является образование партий, то есть самоосознающих организмов, способных улететь отсюда сквозь бесконечность. Такие организмы составлены совокупностью группы воинов, которые согласовывают свои индивидуальные намерения. Цель этого проекта состоит в том, чтобы увековечить осознанность в нечеловеческом измерении.

– Нечеловеческом?

– Да. Измерении, в котором индивидуальность больше не цель.

Люди не способны вступить и оставаться долгое время в космической осознанности, в состоянии, которое дон Хуан называл “третье внимание”. Или мы уходим оттуда, и всё забываем, или мы остаёмся, и растворяемся в этом непостижимом море. Но сила, которая управляет нами, нашла способ игнорировать такое ограничение, создавая организмы, в которых индивидуальные объекты функционируют в качестве членов.

Внутри этих организмов формируется радикально новый тип внимания, ориентированного на исследование неизвестного и исследование в команде того, что нельзя узнать одному. Чувства индивидуальности больше не являются их центром осознанности, потому что они заменены чем-то намного более интенсивным, способным жить внутри всего: энергетическим состоянием, которое никакой обычный человек не может даже вообразить. Там нет рутин, нет никакого эго, нет никакого невежества и нет никакой интерпретации. Этот тип организма – только этап в бесконечном пути осознанности, но для нас как людей этот этап заключительный.

Я спросил его, как функционирует осознанность партии.

Он привёл мне аналогию с физическим телом.

– Хотя странным способом каждая из наших клеток ощущает свою индивидуальность и, в некоторых пределах, может действовать независимо, но её индивидуальное намерение подчинено превосходящей цели, которая состоит в том, чтобы приспособиться к группе, которую мы называем “Я”.

Когда невероятное достижение понимания глобальной цели завершается и становится доступным нам, тогда мы видим восходящую эволюционную линию. Мы осознаем возможность объединения с нашими энергетическими дополнениями на жизненном пути. Цели этого объединения сильно отличаются от того, чем мы интересуемся в нашей повседневной жизни, так как наша повседневная осознанность подобна осознанности, которую имеет одна клетка всей совокупности. Новые видящие называют такое формирование “партией нагуаля”.

– Кто является энергетическим дополнением?

– Люди, которые обладают люминесцентными характеристиками, которые дополняют друг друга.

Энергия течет. Она производит структуры, которые мы используем совместно. В общем можно сказать, что есть четыре основные люминесцентные матрицы с двенадцатью вариантами, синтезируемые нагуалем мужчиной и нагуалем женщиной. По мере того, как тональ приближается к идеальному свечению в своём классе, появляется превосходящий вид осознанности.

Когда идеальные модели находят друг друга, они имеют тенденцию объединяться. Чувства привлекательности среди людей можно объяснить как результат соответствия их форм энергии. Нормальная вещь – то, что такое соответствие является частичным, но иногда случается внезапная и необъяснимая волна симпатии. Видящий сказал бы, что имеет место акт взаимности энергии.

Воины партии объединяются таким способом, что их отношения производят оптимальные результаты в преуспевании и накоплении силы.

Трудно найти характерные светящиеся тела, которые являются доступными для задачи нагуаля. Обычно тональ людей искажены мирской жизнью. Но когда нагуаль способен объединить свою партию, энергия его воинов соединяется. Они жертвуют своей индивидуальностью для превосходящей цели, и возврат к их предыдущей изоляции уже невозможен, это только привело бы их к смерти. Можно сказать, что партия

сформирована не индивидуальностями, а это единый живой организм с возможностями, большими досягаемости человека».¹

В общественной жизни не так уж и редки случаи находящихся на стадии естественного формирования магических когорт – особенно это касается успешных организаций или проектов, руководимых Нагуалем и несколькими его приближёнными. Однако эгоистическая составляющая их совместной деятельности почти никогда не позволяет достигнуть существенного качественного прогресса. Единственная такая возможность – отмежевание от общества – как раз и исключается успешностью деятельности в нём. Турчин тоже понимал взаимоисключающий характер творческой и общественной деятельности, однако в меру своего диссидентского опыта акцентировал внимание лишь на невозможности эволюции человеческого духа в условиях тоталитаризма (прообразом которых для него послужил коммунистический Советский Союз). Однако современное буржуазное общество, провозглашаемое свободным, способствует ей в не намного большей степени. Тогда как первое препятствует индивидуальным проявлениям напрямую и насильственно, последнее достигает этого окольным путём – с одной стороны, закабляя в финансовой зависимости, с другой – ищущая богатством и властью.

Богатство и власть – основы чувства собственной важности современных людей Запада, делающие эволюцию их осознанности крайне затруднительной.

Остановившись на отношениях между членами формирующейся когорты несколько подробнее, можно также заметить, что в принципе такие отношения – изначально основанные на необъяснимой симпатии – резонно называть дружбой или любовью (в широком смысле – то есть любовью ни как сексуальной страстью, хотя и не исключая такую её форму). Однако дружба в этом случае не должна быть корыстной или обусловленной взаимными похвалами, а любовь, как уже отмечалось, сентиментальной или основанной на собственничестве и сопутствующей ему ревности. Абрахам Маслоу говорил о такой любви, как о любви к бытию другого, противопоставляя её “дефицитной” любви. Если первая предполагает лишь взаимную поддержку в самоактуализации, вторая скорее направлена на поддержку пороков и оправдание беспомощности. Если первая даёт бесконечный потенциал для совместной деятельности, вторая может быть удовлетворена, а не получив ожидаемого удовлетворения может перейти в свою противоположность – ненависть.

Другой известный представитель гуманистической психологии немецко-американский психолог и философ Эрих Фромм называл первый тип любви “братской любовью”. Основа братской или христианской любви – отсутствие исключительности, и потому она может проявляться к любому человеку вне его материального и социального положения, а также и ко всему живому вообще. Иначе говоря, такая любовь не основана на эгоизме, на чувстве собственной важности, и, в сущности, она и является единственно возможной любовью в мире магов (с этой точки зрения Тайша Абеляр метафорически называла магическую когорту “магической семьёй”). С другой стороны, она также не является состраданием в обычном понимании этого слова, потому что невозможно сострадать всему сразу – сострадание в принципе предполагает избирательность. Если же и говорить о сострадании ко всему (как это делается не только в христианстве, но и, например, в буддизме), то только отдавая отчёт, что при таком употреблении сострадание – это не обычная жалость, а *глубокое понимание других, уважение к тому, как они преодолевают любые тяготы своих жизней, и неосуждение любых их деяний*.

Истинная любовь – это любовь без возвеличивания, истинное сострадание – сострадание без уничтожения.

Здесь можно заметить, что хотя база последнего метасистемного перехода – магическая когорта, чувства любви или сострадания – это чувства, которые воин должен поддерживать по отношению вообще ко всему в мире. И осознание этого позволяет раскрыть наиболее глубокую истину об эволюции человека:

¹ А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

Эволюция, в конечном итоге, возможна только вместе со всем миром, при взаимной поддержке его существами друг друга. Принципиально нельзя возвыситься в гордом одиночестве, презирая всё вокруг и испытывая любовь лишь к себе, равно как нельзя построить своё счастье на горе других.

Подчинённые существа, чувства боли и удовольствия

В вышеприведённой цитате о магической когорте помимо всего прочего указывалось, что её члены *жертвуют* своей индивидуальностью, чтобы обеспечить индивидуальность высшего по отношению к ним нового существа. Однако подобные жертвы касаются вообще всех метасистемных переходов, поскольку в ходе каждого из них разрозненные существа тем или иным образом интегрируются и объединяют как свои способности к выживанию, так и к осознанию, причём *не только количественно, но и качественно*. Иными словами, любое живое существо – это, с одной стороны, “высшее управляющее устройство” (в терминологии Турчина), а с другой – совокупность подчинённых ему существ более низкого уровня осознанности, причём, используя ещё одну формулу философии, *как целое оно не является просто их суммой*. Или, можно также сказать, что все вместе подчинённые существа обеспечивают наиболее благоприятную внешнюю среду для каждого из них в отдельности, и, наоборот, каждое из них поддерживает выживание всего интегрирующего их существа в целом. Всю совокупность подчинённых данному существу также резонно назвать его *телом* или *организмом*, уточнив ранее дававшееся определение.

Для человека, с учётом приведённой ранее теории, не трудно проследить основные подчинённые ему существа, либо, точнее, его органы и системы. Прежде всего, это наиболее архаичная из всех *половая система*, обеспечивающее размножение, затем *двигательная система*, а затем *рефлекторная*. К последней относятся как *безусловные*, так и *условные рефлексы, инстинкты*, а, кроме того, например, основанные на рефлексивном механизме органы пищеварения. Далее в порядке сложности выделяются *личное* и *социальное бессознательное* и, наконец, *разум*, функционирующий как достаточно автономная структура. На основании всего сказанного формулируем следующий постулат:

Любое живое существо имеет в качестве своего *тела* (или *организма*) иерархически организованную совокупность подчинённых ему прямо и косвенно существ (органов и систем), функцией которых является обеспечение выживания каждого из них в отдельности и всего существа в целом. Уровень осознанности существа напрямую связан с количеством ступеней организации его тела.

Но осознание, как уже отмечалось, не всегда направлено во внешний мир, а, с другой стороны, существа не только осознают, но и действуют. Мотивы же действий ранее были однозначно связаны с чувствами *боли* и *удовольствия*, хотя сама природа этих чувств исчерпывающе разъяснена не была. Однако всё же в каком случае человек чувствует боль, а в каком удовольствие? При ближайшем рассмотрении нетрудно уяснить, что степень удовольствия должна быть тесно связана с уровнем осознанности – но просто *пассивное* осознание всегда протекает вне удовольствия, равно как и вне боли. *Испытывается же удовольствие тогда, когда в ходе тех или иных действий уровень осознанности повышается*; наоборот, *боль возникает, когда при некоторой недоработке уровень осознанности падает*, причём мера боли или удовольствия всегда прямо пропорциональна мере изменения осознанности. С другой стороны, поскольку уровень осознанности напрямую связан со степенью интеграции подчинённых существ, боль – это указание организма на дефект в их интеграции, а удовольствие – указание на её усиление. Иначе, боль – указание на необходимость обратить внимание на *собственные* неправильно работающие системы, удовольствие – указание на появившуюся возможность большего осознания *внешнего мира*. Можно смотреть на это и с той точки зрения, что любое подчинённое существо всё же в некоторой степени сохраняет индивидуальность, и если его внешняя среда, которой является организм в целом, становится недостаточно благоприятной, оно сигнализирует ему об этом, чтобы не быть уничтоженным. В свою очередь, в случае его уничтожения под угрозу ставится жизнь самого организма, причём тогда как без некоторых органов он сможет продолжать существовать далее (например, без ноги или без

почки), отсутствие или неправильная работа других (например, сердца) может оказаться фатальной. Наоборот, если для некоторых органов и систем (например, дыхательной и сердечно-сосудистой) в ходе определённых действий (например, спортивных или оздоровительных) созданы благоприятные условия, то и весь организм в целом будет чувствовать себя хорошо и его способности к осознанности повысятся.

Отметим также, что боль и удовольствие в рамках каждого метасистемного перехода не беспредельны: при определённом уровне боли существо либо переходит на предыдущий уровень осознанности (например, в состояние аффекта, потери сознания или кому), либо погибает, что закономерно приводит к её прекращению. Есть и относительно естественные способы понижения осознанности – такие как сон, о чём уже говорилось ранее. Однако поскольку вхождение в сон обычно не сопровождается болью, необходимо предположить, что не всегда изменению уровня осознанности предшествуют чувства удовольствия и боли – верно лишь обратное. Это замечание подтверждается также и тем, что нередко боль можно облегчить или устранить совсем, применив определённые медикаментозные препараты.

Чувства боли и удовольствия указывают на степень понижения и, соответственно, повышения уровня осознанности живого существа, и вместе с тем на нарушения и, соответственно, на успех в работе его тела. При достижении определённого порога боли или удовольствия происходит обозначающий их прекращение метасистемный переход – в этом случае существо может на временной или постоянной основе регрессировать к пониженному уровню осознанности, либо эволюционировать к повышенному.

В контексте понятия подчинённых существ следует рассмотреть ещё один важный для философии в целом вопрос. Известно, что с точки зрения последовательности возникновения менее высокоорганизованные существа *предшествуют* более высокоорганизованным, и само существование последних возможно только на основе первых – они задают своего рода *материальный базис*. Однако в то же время реальное феноменологическое рассмотрение вынуждает говорить о менее развитых существах, составляющих тело, как о *подчинённых*, то есть в этом случае *первичными* являются высшие уровни осознанности, а не низшие. Очевидно, что возникшая дилемма соответствует так называемому “основному вопросу философии”, который сжато можно сформулировать таким образом: что первично – материальное или идеальное? Материальное в данном случае – самые простейшие подчинённые существа, идеальное – самые высшие “управляющие устройства”, то есть разум и воля (в пределе совпадающая с намерением бесконечности). Фактически единственный смысл обращения к этой проблеме состоит в том, чтобы уяснить принципиальную невозможность существования высших уровней осознанности без опоры на низшие, наподобие существования “души” без тела (даже уходя в третье внимание существа фиксируют свою осознанность на Земле – об этом ещё будет говориться в дальнейшем). Однако из этого не следует, что материя каким-то образом первичнее идеи, хотя идея без материи также не может иметь смысла, поскольку только материя обеспечивает возможность её *реализации*.

С другой стороны, стремление свести все явления мира только к элементарным материальным проявлениям, то есть как бы “разобрать” их на составляющие, вычленив их *материал*, обусловлено рациональной потребностью человека “всё потрогать” – ощутить непосредственно. Например, именно с этим связана точка зрения, что мыслительная работа происходит “в голове” – и хотя увидеть её там непосредственно невозможно, уже сама эта локализация служит хотя и очень поверхностным, но всё же более или менее приемлемым объяснением. В конечном же итоге все подобные логические трудности связаны с сильной ограниченностью чувственных возможностей человека, и лишь для видящих эта ограниченность полностью преодолевается. Ведь они действительно *непосредственным образом* могут *видеть* работу разума и воли, подобно тому, как обычные люди видят работу некоего механического устройства.

Отсюда в частности следует, что количественные характеристики более примитивных существ не применимы к более развитым. В качестве иллюстрации зададимся, например, таким вопросом: имеют ли мысли температуру? Как известно, температура напрямую отражает меру энтропии термодинамических систем или, упрощённо говоря, меру их хаотичности. Однако разум не является термодинамической системой, как, впрочем, не являются ей и рефлексы или эмоции – а потому ни разум, ни они в чистом виде подобной характеристики не имеют. Аналогично, разум не имеет и пространственной формы или цвета, и только в особом смысле – в рамках пространства видящего –

эти понятия можно пытаться наделять каким-либо содержанием. Единственная универсальная количественная характеристика, которую возможно применять ко всем системам, это мера их энергии – о ней ещё будет говориться в дальнейшем.

Другой близкий к рассмотренному вопрос связан с попытками компьютерного моделирования живых существ и, в особенности, человеческого мышления, которые в своё время дали мировой науке большую, но до сих пор неоправданную надежду на создание так называемого “искусственного интеллекта”. По существу проблема, однако, не в том, что невозможно создание искусственного интеллекта, а в том, что он в любом случае не будет обладать способностью к *творчеству*, которой обладает человек. То есть тогда как функция разума состоит лишь в генерации описаний, любые компьютеры можно рассматривать в качестве *симуляторов* разума – особенно учитывая, что их работа и работа мозга человека основаны на схожих электроимпульсных принципах. Разум компьютера, следовательно, есть продолжение разума человека, посредством которого тот может контролировать и реализовывать сложнейшие технологические процессы. Но хотя все достижения технического прогресса и могут обеспечить людям лучшее *выживание, развитие* они, как это уже неоднократно повторялось, не только не способствуют, но даже и наоборот – сильно мешают.

Компьютер, любые технические достижения и все их возможности – только суррогат живой природы, удобное средство воспроизведения действительности и в некотором смысле продолжение разума человека. Поэтому когда человек сверх меры прибегает к их помощи, его способности к творчеству сильно ограничиваются или даже утрачиваются совсем.

Как известно, в любом даже самом возвышенном творческом процессе всегда можно выделить две стороны: техническую и собственно творческую, и считается, что прежде чем приступить ко второй сначала нужно овладеть первой. Например, чтобы писать музыку нужно овладеть нотной грамотой, чтобы рисовать – кистью и красками, чтобы танцевать – простейшими, а потом и более сложными танцевальными движениями, чтобы петь – нужно поставить голос. Однако при таком традиционном подходе не учитывается, что техника позволяет лишь слепо копировать проявления воли, что совсем не равнозначно действительному овладению ей. Для того же, чтобы овладеть ей нужно иметь связь с намерением, и чем сильнее эта связь у человека, тем меньше в принципе ему требуется какое-то обучение или, более того, использование внешних технических приспособлений. Точнее, обучение здесь будет *обучением сдвигу точки сборки, соответствующему призванию требуемого намерения*. В конечном же итоге воля позволяет осуществить всё что угодно вообще, полностью подменяя собой разум и его артефакты.

«Величайшим недостатком человеческих существ является невозможность отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но разум не способен рассматривать человека как энергию. Разум имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако он никогда всерьёз не задумывается над тем, что мы – нечто большее, чем инструменты. Мы – организмы, производящие энергию. Мы – пузыри энергии».¹

По этой причине разум, хотя и способен дать человеку подчас колоссальные силы и возможности, всё же имеет очень ограниченную область применения. Это обстоятельство отчасти уже осознано современной наукой – например, разум практически бессилён в моделировании и прогнозе *реальных* природных процессов и особенно процессов органической жизни, хотя описываемые им *идеальные* процессы могут иметь под собой мощнейшие теории.

Смысл бытия и его “порочные круги”

Ранее вопрос о смысле бытия всех существ уже затрагивался, и констатировалось, что этот смысл состоит в усилении их совокупной осознанности. С использованием новых введённых понятий сказанное можно уточнить следующим образом:

Смысл существования Вселенной и всех составляющих её существ заключается в постепенной эволюции, требующей преодоления воздвигаемых самой жизнью препятствий. То

¹ К.Кастанеда. Колесо времени.

есть развитие осознанности каждого существа не является просто последовательностью метасистемных переходов от более низких её уровней к более высоким – само это, формально, было бы бессмысленным. Постоянное удовольствие или счастье, сопутствующее росту осознанности без всякого страдания, следовательно, невозможно, а все горести и мучения, переносимые человеком и другими существами необходимы.

И хотя многие полагают, вслед за героем Достоевского, что гармония всего мира не стоит слезинки единственного замученного ребёнка, в действительности – стоит, и стоит всех когда-либо пролитых людьми слёз. Но только это относится к совсем иному миру, нежели мир обыденности.

Остановимся на многочисленных аспектах приведённого постулата подробнее. И, прежде всего, те процессы, которые *кажутся* бессмысленными, напрямую не ведущими к развитию, договоримся называть “порочными кругами” бытия. Происхождение подобного названия очевидно, ведь бессмысленные процессы, которых особенно много именно в жизнях людей, обычно всегда связаны с пороками. *Пороки – это, буквально говоря, такие действия, которые сначала приносят удовольствие, а позже уравнивающую его боль*, то есть сначала уровень осознанности на время повышается, но позже за это повышение приходится расплачиваться. Например, таким эффектом обладают алкогольные и наркотические вещества, а также и вообще любые неестественные для организма человека способы “вырабатывания” наслаждения. В противовес к ним, конечно, существуют и естественные способы – например, разного рода психофизические практики. Однако и они могут причинить вред, если заниматься ими не прислушиваясь к действительным нуждам организма. В этом смысле наилучшая методология любой физической или психической практики сводится к минимизации боли и максимизации удовольствия, что достижимо лишь при постепенном наращивании нагрузок. Наоборот, любые занятия “через силу”, через преодоление боли не способны привести к оптимальному результату, хотя нередко практикующие придерживаются на этот счёт противоположного мнения. Конечно, собственный зрелый взгляд на эту проблему каждый практик может выработать на основании только личного опыта.

Но есть ли действительно хотя бы какие-то истинно бессмысленные проявления? Нет, *всё имеет смысл*, но только при *целостном* взгляде на бытие – фактически, при *видении* бытия. Если же что-то кажется бессмысленным, вредным, порочным, заставляющим негодовать – это лишь субъективная оценка человека, восприятие которого ограничено.

Что-то кажется порочным или не имеющим смысла лишь пока оно важно для оценивающего человека.

Но осознав неважность всего, человек может смотреть на жизнь как на потрясающе талантливый спектакль, как на “человеческую комедию”, которая тем талантливее, чем больше значимости вкладывают в происходящее действующие лица.

«...человек знания живёт действием, а не мыслью о действии. Он выбирает путь сердца и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеётся; когда он видит, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро: он знает, что он, как любой другой, не идёт никуда: и он знает, что всё равнозначно».

Схожие идеи высказывал Фридрих Ницше, говоря о “вечном возвращении”, и также ему принадлежит утверждение, что “только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности”.

Таким образом, абсолютно всё происходящее в мире можно объяснить как имеющее общую направленность к развитию осознанности, и даже самый ничтожный человек также необходим в нём, как и самый великий. Остановимся только на четырёх примерах таких объяснений по нарастанию важности:

- 1) Пример первый. Известен эксперимент вживления в так называемый “центр удовольствия” мозга крысы электрода, после чего, нажимая на подведённую педаль, та стимулировала электричеством ощущение удовольствия, пока не умерла от истощения. Это почти классический пример “порочного круга”, хотя и искусственно созданного. Какой смысл был в жизни этой крысы? На первый взгляд абсолютно никакого, ведь крыса совсем никак

¹ К.Кастанеда. Отделённая реальность.

не развивалась, фактически не жила, и смерть её была крайне нелепой. Но что, если поискать смысл не в жизни крысы, а в самом проведённом эксперименте? Ведь он заставил миллионы людей *задуматься* – хотя бы в какой-то степени переоценить свою жизнь, свои поступки и *свои собственные* пороки. Он стал побуждающим фактором для их развития, причём всё это только лишь пожертвовав одной крысой, смысл жизни которой представляется с этой точки зрения уже совсем иным.

- 2) Второй пример – это история собаки по кличке Хатико. После смерти своего хозяина верный пёс ещё десять лет каждый день приходил на железнодорожную станцию встречать его. Очевидно, в подобном поведении не было совершенно никакого смысла – и его нет и не может быть ни для животного, ни для человека. Более того, в биологии подобное поведение однозначно описывается как импринтное (от англ. *imprint* – оставлять след, запечатлевать, фиксировать), связанное с формированием определённых мозговых структур на ранних этапах жизни, и вызывающее разные виды привязанностей. Тем не менее, для многих людей Хатико стал величайшим символом любви и преданности. На той станции был воздвигнут памятник собаке, и позже об этой истории был снят фильм.
- 3) Третий пример касается пороков уже людей: какой смысл в жизни наркоманов? Отвечать на него можно, по крайней мере, с двух различных точек зрения. Во-первых, конечно, им не уготована судьба великих деятелей и жизнь их несчастна, но они пример того, *как не следует делать* для многих и многих других, более везучих. Люди знают об этой проблеме, говорят о ней, и это позволяет им не оказаться во власти порока, а также заставляет хотя бы пытаться оградить от него своих детей. Также несчастна и судьба людей, родившихся инвалидами и с самого начала жизни обречённых на страдания. Но те, кому посчастливилось родиться здоровыми, глядя на них должны чувствовать необходимость устранять причины – в наше время это, главным образом, экологические причины, – ведущие к подобным исходам. С другой стороны, испытание как болезнью, так и любой пагубной зависимостью есть своего рода реализация принципа естественного отбора для людей. И потому вполне возможно, что человек прошедший через него, многое переживший и “закалившийся”, окажется в конечном счёте гораздо более гармоничным в жизни, нежели чем проведший всю её в тепличных условиях – со всех сторон охраняемый как от плохого, так и от хорошего.
- 4) И, наконец, последний пример – более эмоционально тяжёлый, чем два предыдущих: какой смысл был во Второй Мировой войне, которую развязал Адольф Гитлер и которая привела к гибели десятков миллионов людей? И в ней есть смысл: Вторая Мировая война стала крайне важной для всего человечества *прививкой*, которая, возможно, позволила ему избежать в дальнейшем атомной войны. Если бы не Гитлер, ставший олицетворением “мирового зла”, (которое он, конечно, впитал из собственного же патогенного социального окружения) мы не боялись бы войны так, как боимся её и до сих пор. Эта война буквально вынудила человечество придти к некоторым ценностям, важным для его выживания в целом. А Гитлер был величайшим “чёрным магом” современности, и хотя, конечно, его роль нельзя назвать благотворной, но, по крайней мере, она доступна для понимания, исторически оправдана. Естественно, что своим существованием он повлёк далеко не те сдвиги в обществе, к которым сознательно стремился – но те, которые нужны были от него самой жизни, чтобы в конечном счёте стать лучше.

Принципиальное равенство чувств удовольствия и боли для всех существ является аналогом *кармического* закона в буддистской философии, и даже если опустить его рассмотрение в связи с “реинкарнацией”, его смысл остаётся вполне прозрачным. На протяжении всей жизни одного существа мера испытанных им страданий и лишений определяет и меру удовольствия, которое оно может получить как *следствие* этих страданий. Наоборот, стремление к удовольствию без определённого самоограничения – чем и является порочность, – как правило, приводит к плачевному результату. Можно возразить, что некоторые люди, вне всяких сомнений, получают за свою жизнь больше удовольствия, а другие больше страдают – как быть с этим? Но на самом деле в подобном случае страдания просто не афишируются, что нередко имеет место в отношении богатых или знаменитых людей, хотя и об их немалых жизненных трудностях рано или поздно становится известно. С другой стороны, о бедняках или калеках, наоборот, обычно говорится только в контексте страданий, хотя если бы их жизнь на самом деле была столь беспроблемной, все они предпочли бы уйти из неё. Единственное справедливое замечание может состоять лишь в том, что отдельно от боли

некоторые люди действительно испытывают в течение своей жизни намного больше удовольствия, чем другие, то есть обладают большими способностями и успешнее реализуют их. Тогда *причиной* неуспеха следует считать избыточную праздность и безответственность предков – если же текущее поколение прикладывает в жизни максимум усилий, если оно ответственно и воздержано, то следующее, безусловно, ощутит на себе эти старания. Поэтому, в частности, ошибочно полагать, что кто-то *незаслуженно* получает от природы больше другого: эти заслуги принадлежат его предкам, также как им принадлежат и все недоработки, а потому *естественно*, что одни имеют больше, а другие меньше. Но является ли всё же справедливым то, что плоды труда одного существа достаются другому?

Да, является, если не ограничивать мир только собой и своей жизнью, если преодолевать своё эго, а не лелеять его. Более того, даже в рамках одной жизни то существо, которое испытывает страдания, – это уже *не то* существо, которое позже сможет получать в награду удовольствие: с течением жизни любое существо меняется. Так не всё ли равно кто испытывает удовольствие, а кто страдания, если кто-то в любом случае должен испытывать их?

Из сказанного, однако, совсем не следует, что нужно “принести себя в жертву другим людям”, как нередко преподносится эта мысль. Чтобы “жертвование собой” было действительно эффективным, нужно понимать конечный смысл и цель совершаемых поступков, а такую цель каждый человек может иметь *только для себя самого* – следовательно, и все поступки должны быть нацелены именно на *помощь себе*, на *развитие себя*, а уже *развитие себя на определённом этапе может предполагать сопутствующее развитие других*. С другой стороны, развитие себя возможно лишь при утрате *эгоистических* устремлений, и в этом смысле они единственное, чем действительно требуется пожертвовать.

В философии принцип, что всё происходящее имеет внесубъективный смысл, – *принцип панлогизма* (от греч. pan – всё, и logos – разум) – наиболее ясно был сформулирован Гегелем: “что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно”. В этих словах есть нечто большее, чем простая идеалистическая констатация тождества мышления и бытия: возможность познания здесь *оправдывает* любую даже самую сильную несправедливость, любое горе; иначе, возможность познания является высшей ценностью нашего мира. *И не то важно, чтобы избежать несправедливости, а то, чтобы впоследствии уяснить её причины*. Однако в целом рассуждения Гегеля слишком абстрактны и оптимистичны для реального положения человечества, причём как в его время, так и сейчас, поскольку, как бы там ни было, наше время скорее есть царство несправедливости, чем познания. Мы пойманы, можно сказать, в *фундаментальном “порочном круге”*, захватывающем всех людей без исключения. И надо обладать большой долей самонадеянности, чтобы подменить реальное выяснение его сущности спекулятивным теоретизированием. Главный оппонент Гегеля Шопенгауэр, по-видимому, был близок к пониманию реального положения дел, но остановился на противоположной крайности тотального пессимизма: мир, в согласии с ним, изначально несправедлив, такова его природа, и страдания в нём неизбежно перевешивают радости:

«Всякий, кто пробудился от первых юношеских грёз, вникнул в собственный и чужой опыт, всмотрелся в жизнь, оглянулся на историю минувших времён и своего столетия, наконец, изучил произведения великих поэтов, – тот, если только его суждения не исказил какой-нибудь неизгладимый предрассудок, несомненно должен признать, что наш человеческий мир – это царство случайности и заблуждения, беспощадно распоряжающихся в нём – в великом и в малом, а рядом с ними размахивают кнутом ещё глупость и злоба. В результате всё лучшее с трудом пролагает себе путь, благородное и мудрое очень редко проявляет себя и воздействует, ему редко внимлют, всё же абсурдное и превратное в сфере мысли, плоское и безвкусное в сфере искусства, злое и коварное в сфере поступков действительно утверждают своё господство, прерываемое лишь изредка и ненадолго. Наоборот, всё выдающееся любого рода представляет собой лишь исключение, один случай из миллиона, и потому если оно выразилось в долговечном творении, то последнее, пережив ненависть своих современников, стоит

одинок и хранится, как некий метеор, явившийся из иного миропорядка, чем здесь царящий».¹

Эти слова, однако, сами раскрывают присутствующее в них заблуждение: Шопенгауэр делает свои выводы, опираясь лишь на опыт “человеческого мира”, но распространяет их на жизнь в целом. И всё же его ошибка менее фатальна, чем ошибка формально правого Гегеля, учитывая к тому же, что Шопенгауэр указал наиболее верный путь к преодолению пессимизма – путь десоциализации и обращения к искусству и познанию. Впрочем, с другой стороны, для Шопенгауэра десоциализация во многом сочеталась с презрением к миру и людям, с мизантропией, а ближе к концу жизни он пришёл к противоположному характерному убеждению: поскольку жизнь есть страдание, большее, что могут делать люди – это *сострадать* друг другу.

Всё сказанное также удобно рассмотреть в контексте философских категорий *сущности* или *субстанции*. О сущности, как неизменной основе вещей, уже говорилось ранее, и, в частности, указывалось, что Аристотель предложил разделять все объекты на основании *существенных признаков* на *классы*. Помимо этого Аристотель заметил, что *сущность всегда предшествует существованию* – то есть, например, *сущностью* зерна будет развитое растение. И хотя в самом начале его развития *осуществлённого* растения ещё нет, оно *подразумевается*, то есть выражено в зерне *идеально*. Также сущностью мальчика является взрослый мужчина, которым тот *становится* или, если использовать понятия нагуализма, *намерением* которого владеет и реализует его. После Аристотеля понятие сущности также закрепилось в европейской философии под названием “субстанции”, которая трактовалась как нечто существующее и развивающееся в какой-то степени отдельно от остального мира – можно сказать, *управляющее* собой, но не *управляемое* извне. Гегель, в частности, говорил о *единой субстанции* как о лежащей в основе мира *Абсолютной идее*.

В современной науке понятие субстанции получило новое рождение в свете представлений о самоорганизующихся или субстанциональных системах, наиболее научно разработанными из которых являются *диссипативные структуры*: такие структуры, которые могут противостоять энтропии. В целом же субстанциональные системы – это любые живые существа, что наиболее очевидно с позиций теории метасистемных переходов, поскольку именно в ней явно противопоставляется управление изнутри и извне. Однако все существа являются субстанциональными системами, но не все субстанциональные системы существами, поскольку феномен самоорганизации можно заметить не только внутри существ, но и по отношению к их большим совокупностям. Это естественно, ведь развитие существ происходит только вследствие их активного взаимодействия, а само такое взаимодействие, чтобы оно оказалось продуктивным, уже требует определённых условий. Например, самоорганизующейся системой является человечество как совокупность всех людей, и конкретный индивидуум может развиваться только будучи – хотя бы на протяжении ограниченного периода времени – частью социума; а наиболее известный способ самоорганизации связан с пищевыми цепочками, вовлекающими большое количество принадлежащих разным видам животных и растений. Логическое завершение представления о внешних по отношению к существам самоорганизующихся системах или самоорганизующихся системах существ получили в начале 60-х годов XX в. в так называемой *Гей-гипотезе* американского химика Джеймса Лавлока, утверждающей, что *Земля является самоорганизующейся системой в целом*, то есть деятельность вообще всех населяющих её живых существ согласована. В частности, Лавлок показал, что именно благодаря этому температура на Земле всё время остаётся стабильной, хотя температура Солнца постоянно повышается. Отсюда можно сделать вывод о корреляции повышения уровня организации как внутри существ, так и между ними, но *неверно будет полагать, что внешняя организация является причиной внутренней или наоборот*.

С эволюцией всех живых существ и повышением уровня организации каждого из них в отдельности также повышается и уровень организации между ними. При этом внешняя и внутренняя организация причинно не обусловлены.

Последнее пояснение особо важно, поскольку позволяет развенчать материалистические идеи, согласно которым эволюцию можно ускорить посредством контроля отношений эволюционирующих существ извне. В случае людей, согласно, например, Карлу Марксу, посредством контроля средств

¹ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление.

производства, а также и вообще посредством любого подавляющего индивидуальную свободу общественного режима. Подробнее эта тема будет развиваться во второй части книги.

Наконец, рассмотрим последний уместный в текущем контексте вопрос: тогда как предполагается, что в основе мира лежит некая абсолютная идея (которую также можно назвать всеобщим законом бытия, и которую Толтеки называют намерением бесконечности), определяющая все его процессы, кто, условно говоря, “помыслил” её ещё до того, как она начала реализовываться? Уже сама эта формулировка выдаёт ряд спекулятивных предположений, свидетельствующих лишь о свойствах мышления, породившего подобный вопрос, но не о свойствах Вселенной. Во-первых, спекулятивно предположение, что мир имел начало; во-вторых, что мир был создан и создан кем-то; и, наконец, в-третьих, что идеи не могут существовать сами по себе, то есть творчество вне материи невозможно. Ранее культивирующий подобного рода предположения тип мышления был назван метафорическим, а Карлос Кастанеда связывал возможность их возникновения с обусловленностью *синтаксисом языка*, речь о чём ещё будет идти в дальнейшем. Но всё же если выразить заложенную в этом вопросе мысль, отрешившись от любых метафор и языковых спекуляций, то звучать она будет так:

Заложенная в основе мира идея (намерение бесконечности) не зависит от времени и от индивидуального существа, но предполагает, что индивидуальные существа будут её реализовывать, на что им и понадобится время. Также эта идея не является злой или доброй, но реализующие её существа вынуждены будут преодолевать препятствия и испытывать боль, а в награду за это – получать удовольствие.

Проблема свободы воли

Одним из важнейших философских вопросов, до сих пор остававшимся без рассмотрения, является вопрос о *свободе воли* или *выбора*: насколько человек и другие живые существа свободны действовать так или иначе? Разные философы имели на этот счёт различные и нередко противоположные взгляды, что, в частности, было сопряжено с разным пониманием самой его формулировки. Но если исходить из теории метасистемных переходов, то избежать крайностей не трудно: с одной стороны, свобода не является абсолютной, но, с другой – она связана со способностью существ *управлять* собой и внешней средой.

Смысл свободы наиболее адекватно трактуется в рамках теории метасистемных переходов, исходя из которой свобода имеет относительный характер и связана со способностью существ управлять определёнными аспектами своего поведения и такими же аспектами поведения других существ внешней среды.

Например, простейшие животные способны управлять своим положением, тогда как растения делать этого не могут, и, следовательно, животные *более свободные* существа, чем растения. Можно возразить: все живые существа, кроме человека, как бы сложно они не реагировали на изменения внешней среды, тем не менее, не способны принимать сознательные решения, а раз решения в принципе не могут приниматься, то о каком свободном выборе может идти речь? Этот аргумент, связавший сознательную (то есть в данном случае разумную) деятельность с возможностью самоопределения и давший возможность философам – формально, начиная с Декарта – длительное время противопоставлять человека и животных, не имеет, однако, права на существование. Действительно, человек опирается в своих поступках на продиктованные разумом решения, но ведь работа разума тоже *однозначно* подчинена неким предзаданным условиям, подобно тому, как и работа инстинктов. И хотя разум позволяет человеку действовать более *оптимально*, чем инстинкты, никакой принципиальной *свободы* противостоять внешней среде он не даёт. В этом смысле человек такая же часть живой природы, как и все другие биологические существа, что в своё время и было осознано натурфилософами. А любые антропоцентристские попытки выделения человека как особенного существа, задача которого – полностью подчинить себе природу, обуславливаются лишь его чрезмерным чувством собственной важности – притом вполне животным инстинктивным чувством.

Противопоставление людьми себя природе не может быть основано на способности к сознательной деятельности, но связано лишь с чувством собственной важности.

И, тем не менее, подход, при котором ни что не считается действительно свободным пока оно всецело подчинено внешней среде – сколь бы сложным это подчинение не было, – оправдан. В самом деле, корректно ли говорить о пусть даже относительно свободном действии, если всегда можно установить его мотивы, и всегда они будут обусловлены внешней средой? Иначе, если никакой случайности любого рода – неважно осознанной или нет – в принципе не существует? При всей своей внешней логичности, тем не менее, этот вывод показывает вещи слишком однобоко, им человек и вообще любые живые существа уподобляются неким роботам, не имеющим никакой цели и даже способности осознать. Однако возможность осознания является здесь первостепенной, поскольку без неё нет и осознанных действий, а значит нельзя говорить не только о свободе, но и о рабстве, то есть сами эти категории при таком взгляде теряют всякий смысл. На самом деле единственная свобода, которая есть у живых существ, как раз и является свободой *осознавать и повышать уровень своей осознанности*. То есть лишь тогда некто становится более свободным, когда он больше осознаёт, а уже вместе с тем получает удовольствие и большее самоопределение как принципиальную возможность дальнейших качественно новых действий.

Отсюда приходим к несколько парадоксальному заключению: проявления существ ценны не тем, что они могут быть независимы от внешней среды, а уже только тем, что они могут быть *осуществимы*. То есть как-либо действуя человек, вообще говоря, не осознаёт мотивы своих действий даже при их безусловном наличии, но если они принесут ему какое-то удовольствие, оно будет рассматриваться как *заслуга именно его*, а не благоприятно сложившихся обстоятельств. Конечно, бывает и так, что удовольствие напрямую обусловлено внешними событиями (например, человек выиграл миллион). Но ведь боль тоже может быть обусловлена ими, а, кроме того, в принципе невозможны сколько-либо длительные благоприятные условия, когда существа развиваются не прикладывая усилий, и, с другой стороны, за большое удовольствие нередко приходится платить большой болью (например, выигранный миллион не пойдёт человеку на пользу, если тот окажется слаб перед открывшимися ему соблазнами). Таким образом, хотя свобода для существ и *иллюзорна*, то есть их действия всегда обусловлены внешним миром и не допускающими случайности его *законами*, эта иллюзорность не играет особой роли, ведь осознать её тоже можно только *уже подействовав*.

***Неопределённость* новых действий, хотя на самом деле она и является *иллюзорной*, для действующего существа представляет высшую ценность этого мира, возможность в нём *тайны*. Свобода, следовательно, есть свобода познания, раскрытия этой тайны. И тот более свободен, кто больше преуспел в её раскрытии.**

Так, например, взрослый человек, наблюдая за детьми, способен хорошо видеть сущность многих их мотивов и затруднений, но сам он, в свою очередь, находится перед лицом затруднений ещё более высокого порядка, которые вновь могут показаться элементарными более развитому существу. Реальность, впрочем, такова, что подавляющее большинство взрослых людей современности испытывают такие затруднения, под гнётом которых они оказываются неспособными даже подозревать о какой-то тайне перед собой, не говоря уже о проникновении в неё.

К близким выводам относительно сущности свободы приходили и многие западные философы, и, в частности, наиболее известное выражение на этот счёт – “свобода есть осознанная необходимость” – принадлежит Спинозе. Другой оригинальный взгляд на проблему свободы воли относится к экзистенциализму, где человек полагается свободным изначально, причём эта *свобода фатальна* – человек не может быть не свободен, он *брошен* в этот полный неизвестного мир и *обречён* принимать сложнейшие, часто требующие высшей степени *ответственности* решения. С этих позиций, согласно одному из виднейших французских экзистенциалистов XX в. Жану-Поллю Сартру, *для человека существование предшествует сущности*, то есть имеет место противоположность классическим взглядам Аристотеля. Так, если в логике Аристотеля проблема приоритета сущности или существования разрешится для ребёнка в пользу первой, поскольку он неминуемо станет взрослым, Сартр указывает, что реальное положение дел гораздо сложнее: неизвестно каким именно взрослым он станет, какими качествами будет обладать, как сложатся его

отношения с другими людьми, какой выбор он предпочтёт сделать в своей жизни и предпочтёт ли выбирать вообще. Будучи понятой слишком буквально эта позиция может показаться бессмысленной – как можно “предпочесть” выбирать или не выбирать? Однако в данном случае следует говорить лишь о том, что экзистенциализм Сартра – аксиологическая философия; все его утверждения, по существу, являются только способом побудить людей к действиям, к осознанию и принятию ими ответственности за себя. Также важно, что Сартр *атеистический* экзистенциалист, то есть он исходит из положения, что бога нет, и никто не может нести ответственность за судьбу и жизнь, кроме самого живущего человека. В этом смысле то, что привычно понимается под “верой в бога” – противоположность экзистенциального подхода, поскольку такая вера даёт не свободу, а, наоборот, полученное её ценой иллюзорное чувство защищённости и покоя.

Наконец, нетрудно уяснить, что теория нагуализма тоже полностью согласуется со всеми приведёнными идеями. В ней процесс освобождения характеризуется утверждением, что “команды Орла становятся нашими собственными командами”, которое вполне сопоставимо с теорией метасистемных переходов: безличная воля бесконечности в ходе эволюции становится личной волей индивидуальных существ. И, кроме того, в этом контексте однозначный смысл приобретает *абсолютная свобода* – как непостижимое разумом *абсолютное самоопределение, независимость* от любых внешних воздействий.

Некоторые пояснения к вышеприведённому постулату ещё будут даны в дальнейшем, а пока имеет смысл рассмотреть ряд вопросов, переводящих проблему свободной воли на более практический насущный план. Прежде всего, что ограничивает свободу волеизъявления большинства людей современного мира? Здесь можно упомянуть многие вещи, включая, например, материальные трудности, недостаток времени или проблемы со здоровьем, но действительно полное представление конкретный человек может получить лишь искренне ответив самому себе на следующий отнюдь не тривиальный вопрос:

“Что в принципе возможно для меня сделать, но что на самом деле я не смогу сделать ни при каких обстоятельствах, поскольку это перечеркнёт всю мою жизнь и вообще явится для меня самым безумным и необъяснимым с позиций здравого смысла действием (не рассматривая, конечно, прямой вред себе или самоубийство), а также почему я не могу этого сделать?”

Действительно честный ответ для большинства вовлечённых в активную общественную жизнь людей, какими бы ни были многочисленные конкретные варианты предложенных поступков, всегда будет иметь единственную общую причину сопротивления к ним – *боязнь потерять любовь и уважение окружающих, лишиться покоя, и всю оставшуюся жизнь быть преследуемым муками совести, сожалея о содеянном*. Отсюда следующий однозначный вывод:

Основной фактор, ограничивающий свободу воли абсолютного большинства людей, – чувство собственной важности, необходимость поддержания своего высокого статуса в глазах других.

Но неужели встав на путь воина, и отрешившись от всего в мире, человек окажется способен, например, не задумываясь убить? Да к тому же свою родную мать или отца? Не является ли такой человек просто монстром, моральным уродом? Действительно, воин может убить свою мать или отца, и в книгах Кастанеды даже описывалось нечто близкое, когда между матерью и сыном шла ожесточённая конкуренция за острие духа – но суть не в этом. На самом деле такие вопросы актуальны лишь пока последствия этих социально неприемлемых действий кажутся *важными*, но для безупречного воина они *не важны*, а значит, *не важны и сами эти действия*. Если человек решит расширять границы своей воли подобными способами, то это просто априори сумасшедший, то есть в подобном случае следует говорить вовсе не о большей свободе, а о безумии, безрассудстве (как раз сопровождающимся резкими и неконтролируемыми сдвигами точки сборки). Воин же тратит освободившуюся за счёт избавления от чувства собственной важности энергию лишь на познание и творчество. С другой стороны, борьба с важностью совсем не обязательно должна быть радикальной (то есть не требует совершения безумных поступков), и вполне возможно осуществлять её без публичных актов, и даже, наоборот, полностью отстранившись от общества. В принципе, конечно, какие бы то ни было эксцентричные поступки всегда сопутствуют процессу десоциализации, однако они не должны быть самоцелью или мотивироваться потребностью привлечь к себе внимание, за которой на самом деле стоит всё то же чувство собственной важности.

Но если обычный человек не может совершить ничего, что привело бы к потере его положительного имиджа перед лицом окружающих, воин в действительности озабочен оправданностью своих поступков в ещё гораздо большей степени. Связано его беспокойство с возможностью *потери шанса на абсолютную свободу*, и оно возникает уже перед лицом *бесконечности*. Хуан Матус говорил об этом так:

«– ...Мы с Хенаро должны действовать так же, как ты, – в определённых границах. Устанавливает эти границы *сила*, а воин является, скажем так, пленником *силы*. Пленником, у которого есть только один свободный выбор – действовать или как безупречный воин, или как осёл. В конечном счёте, воин не пленник, а раб *силы*, так как у него нет даже этого выбора. Хенаро может действовать только безупречно, потому что действовать подобно ослу для него будет равносильно смерти. Это вызовет опустошение и конец».¹

«– По сравнению с утратой нагуалья смерть – это ничто, – говорил он с искренней страстью в голосе, – мой страх потерять нагуаль – это единственная реальная вещь, которая у меня есть, потому что без этого я буду хуже, чем мертвец».²

Воин – раб своего стремления к свободе. Тогда как его возможности многократно выше возможностей обычного человека, в той же степени высока и его ответственность, порой требующая колоссальных ограничений, терпения и дисциплины.

Очевидно, воин знает что такое “осознанная необходимость” лучше любых теоретически настроенных философов, в своё время долго решавших, в чём же именно эта необходимость состоит.

Нетрудно найти аналогичные приведённым высказывания у многих творческих людей, имеющих своё “дело жизни”, и готовых пожертвовать ради него всем. Однако “дело жизни” обычно бывает связано с большой потребностью в общественном признании, и поэтому вряд ли даже самый гениальный артист, если ему искренне важны зрительские аплодисменты, сможет достичь абсолютной свободы. В этом артисты похожи на древних видящих: сохраняя связь с намерением, они также сохраняют связь и с порочными или эгоистическими желаниями, которые, в конце концов, губят их. Хулиан Осорио в молодости тоже был талантливым актёром, но став Нагуалем он, по словам Хуана Матуса, начал играть лишь для духа. Дух стал единственным зрителем дававшихся им представлений, а его театром стала сама жизнь – театр бесконечности.

Отсюда, *свобода не является своеволием*, и даже наиболее свободные существа не могут действовать как им вздумается. С другой стороны, свобода воли в принципе иллюзорна, поскольку всегда можно указать однозначные причины любого поступка. Но почему же в большинстве своём люди склонны думать о своих действиях, как о действиях выбранных ими свободно? Отчасти разгадка кроется во внешней среде – в её *хаотичном* по отношению к отдельным существам характере. Действительно, реакции человека, как и животных, полностью предсказуемы, но предсказуемость проявляется наиболее явно (и замечается самим человеком) лишь в случае *повторяемости внешних воздействий*. То есть, например, если речь идёт о банальном выживании, которое обеспечивается шестнадцатичасовым рабочим днём у станка, то не приходится говорить даже об иллюзорной свободе. Но если перед человеком сотня различных удовольствий, то свободным выбор одного из них не назовёт очень мало кто. Если вопрос стоит о месте получения высшего образования, вряд ли многие почувствуют здесь большую свободу выбора, а если о поездке на курорт – при наличии финансовых средств выбор огромен. С другой стороны, заявления человека о его “свободе самостоятельно решать” могут носить оправдательный характер, когда в действительности он ничего не решает, но “задним числом” пытается доказать правильность своего поведения, либо просто действует наперекор кому-то. Или, наоборот, таким путём он превозносит себя, объявляя некое очевидно безальтернативное событие – например, высокие оценки в школе, при условии хороших природных способностей, – следствием личного свободного решения. Подобного рода свобода вновь не что иное, как замаскированное чувство собственной важности.

¹ К.Кастанеда. Сказки о силе.

² К.Кастанеда. Искусство сновидения.

Идея свободного выбора, во-первых, поддерживается хаотичным характером внешней среды, когда разные возможности открываются перед человеком при его минимальном участии. А, во-вторых, его чувством собственной важности, когда эта идея отождествляется со вседозволенностью. Таким образом, мера уверенности человека в свободе своих действий обратно пропорциональна мере развития его осознанности и, наоборот, чем больше человек вовлечён в какой-либо творческий проект, чем сильнее связь с намерением его реализации, тем определённое, выверенное, *безупречнее* будут все его поступки.

В частности, Сартр говорил, что сам человек является своим “проектом”, и когда он *выбирает* каким проектом быть, он тем самым выбирает собственную *судьбу*. Так волюнтаристская предпосылка парадоксальным образом приводит к фатализму.

Из сказанного также полезно вынести представление, что внешняя среда всегда является для живых существ потоком *непредсказуемых, случайных* для них событий, иначе – *хаотичным* потоком. Выражаясь метафорически, любое существо есть крохотный остров *порядка* в море *хаоса* (остров тональ в море нагуаля или в тёмном море осознанности, как говорил об этом Хуан Матус). И в ходе своих жизней все существа стремятся выстоять перед напором этого хаоса и увеличить порядок в себе – приобрести большую *гармонию* с собой и миром.

В полном соответствии с приведённым постулатом мыслит и Шопенгауэр:

«...всякий а priori (т.е. здесь – в силу естественного чувства) считает себя свободным также и в отдельных поступках, иными словами, мы думаем, будто в каждом данном случае возможен любой поступок, и лишь а posteriori, на опыте и из размышления над опытом мы узнаем, что наши поступки совершенно необходимо вытекают из сопоставления характера с мотивами. Этим и объясняется, почему самый необразованный человек, следуя своему чувству, страстно защищает полную свободу отдельных поступков, между тем как великие мыслители всех веков и даже более глубокие из верочений отрицали её. Но кто уяснил себе, что вся сущность человека есть воля и что сам он – только явление этой воли..., для того сомнение в неизбежности поступка при данном характере и подлежащем мотиве будет равносильно сомнению в равенстве трёх углов треугольника двум прямым».¹

Наконец, в свете всех приведённых рассуждений появляется возможность ещё раз ответить на “основной вопрос философии”, но на этот раз поставленный несколько иначе: бытие определяет сознание или сознание бытие? Если, как это обычно делается, понимать здесь под бытием *общественное бытие человека* – социум, – а сознание рассматривать как в той или иной мере развитую осознанность, то ответ однозначен: вплоть до определённого уровня развития человека бытие всецело определяет его сознание, но после – с осуществлением десоциализации – ситуация меняется на противоположную. Русский прозаик и поэт Фазиль Искандер выразил эту же мысль в своём рассказе «Мимоза на севере»: «Чем примитивнее человек, тем бесспорнее бытие определяет его сознание. Чем глубже, чем разумнее человек, тем чаще его сознание определяет его бытие». Однако следует понимать, что на “примитивном” человеке нет вины том, что он примитивен. Можно лишь беззлобно посмеяться над таким положением вещей, что с успехом и делали многие писатели-сатирики, и что также является лучшей отрадой на пути воина.

Энергия и смысл закона её сохранения

Цель этого раздела – прояснение понятия *энергии*. Слово “энергия” употребляется сейчас весьма широко – причём не только в науке, но и, например, в популярной эзотерике. Поэтому зачастую сильно искажается его исходный смысл.

Что такое энергия? В современной физике под энергией понимают, во-первых, *единую количественную меру всех форм движения материи* или, во-вторых, *некую субстанцию, этой мере соответствующую*. Вторая трактовка полностью отвечает представлениям Толтеков, непосредственно *видящих* эту субстанцию, что уже является достаточным обоснованием, а с первой следует разобраться отдельно. Что значит “единая количественная мера всех форм движения

¹ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление.

материи”? Прежде всего, эквивалентом “движения материи” в понятийном аппарате метанауки является словосочетание “действия существ”, то есть речь идёт о единой количественной мере всех форм действий. Теперь, что такое мера этих форм? Понятно, что, вообще говоря, действия существ могут приводить к некоторому результату (по отношению к другим существам), и чем он больше, тем *выше* мера этих действий, тем они в буквальном смысле *энергичнее*. Так, в частности, выделяют механические действия, которым соответствует механическая энергия, электромагнитные – им соответствует энергия электромагнетизма, действия сил гравитации и т.п. Почему энергия – единая мера? Потому что на основании опытных научных данных установлено, что любая форма действия (или движения) всегда полностью преобразуется в другую форму действия, то есть *действие не может не повлечь за собой никаких последствий и в той или иной форме всегда влечёт их*. Классический пример – переход механической энергии в тепловую в результате трения. Происходит он за счёт срывания с поверхности трущихся деталей мельчайших частиц и следующего за этим увеличения энтропии, что и соответствует повышению температуры окружающего пространства.

Приведённый пример фактически демонстрирует *закон сохранения энергии*, причём смысл этого закона легко установить, если вспомнить ранее приводившийся постулат о единстве действия и чувства. В согласии с ним, *любое действие всегда осознаётся (чувствуется)*, то есть если теперь рассматривать действие как *передачу* энергии (или энергетических квантов), то осознание будет её *получением*, причём *не получить энергию нельзя, равно как нельзя передать её в “никуда”*.

Энергию можно рассматривать как некую субстанцию, которая передаётся одними существами – действующими – другим – осознающим (чувствующим). Причём энергия всегда сохраняется, и поэтому разные способы действий могут быть соотнесены на основании её количественного измерения.

Это утверждение, однако, нужно понимать корректно в том смысле, что если, например, человек решит произвести механическое действие рукой в комнате, где никого нет, то никто и не осознает это его действие как таковое. Оно распадётся на множество небольших действий, и теперь уже они, в свою очередь, будут “осознаны” окружающими его частицами воздуха (можно сказать “запомнены” ими для последующего осознания живыми существами).

Следующий вопрос: какие типы энергии можно выделить в телах живых существ помимо обычных, рассматриваемых в физике? Очевидно, *соответствующие типам управления*, им подвластным. Основной вид энергии живых существ, таким образом – это сексуальная энергия, определяющая способности к выживанию вида. Затем следует *энергия управления положением* или *энергия движения* – у простейших животных её нередко гораздо больше, чем у людей, но последние компенсируют этот недостаток за счёт наличия других более высоких видов энергии. Первый среди них – *энергия раздражимости*, и некое животное можно классифицировать как более раздражимое, чем другое, если оно имеет больше рефлексов. При дальнейшем распространении понятия энергии на все типы управления требуется привлекать кибернетические понятия. Так, об *энергии сложных рефлексов* можно говорить лишь исходя из моделей нейронной сети, а *энергию условных рефлексов*, в свою очередь, можно связать со скоростью их выработки. Затем следует *энергия формального мышления* – или *сила ума*: тогда как энергия условных рефлексов позволяет адаптироваться к среде лишь посредством сложной системы реакций, энергия разума предоставляет такую возможность на основании работы с её более или менее онтологичными описаниями – причём чем выше скорость этой работы, тем энергии ума больше. Наконец, венцом всех типов энергии является энергия, которую Толтеки называют *волей*, и которая, фиксируя точку сборки, служит основой для интерпретирования известного и неведомого, а, с другой стороны, предшествует ему и может его прерывать, когда точка сборки смещается.

Здесь также есть важный нюанс, связанный с представлением о том, как собственно происходит осознание энергии. С точки зрения современной науки между любыми живыми существами находятся только общеизвестные типы энергии, и когда, например, одно живое существо видит другое, то сначала оно получает воздействующий на глазной зрачок поток фотонов или световых волн, затем бессмысленную цветовую конфигурацию, и лишь в самом конце распознаёт или интерпретирует её посредством мозга. Аналогичным образом происходит интерпретация голоса, когда отдельные звуки превращаются в созвучия, затем в буквы и, наконец, в понятные разуму слова. Но правомерна ли такая редукция к простейшим видам энергии? Или правомерна ли редукция действий существ к выражающим их веществам? На первый взгляд может показаться, что не только

правомерна, но и единственно возможна, однако на самом деле она основана лишь на объективистских представлениях, в то время как с точки зрения феноменологической, о чём уже говорилось раньше, следует признавать наличие лишь *непосредственно данного сознанию*. А непосредственно сознанию не даются ни фотоны, ни созвучия, но только лишь проявления *живой энергии живых существ*. Так, разговор передаёт энергию разума, его тон и выражение лиц собеседников – энергию эмоций, прикосновение руки – энергию движения и раздражимости, обнажённое тело – сексуальную энергию, а *реальные* геометрические фигуры – энергию *идеальных* геометрических форм вне зависимости от материала, из которого они изготовлены. Если человек может сам управлять этими своими проявлениями, он сможет осознавать и эту энергию. Если нет – то есть, например, не знает язык, на котором говорят, или не способен мыслить достаточно онтологично, не контролирует эмоции, парализован, слеп, – не осознаёт её в переданном виде, но теперь уже действительно в виде интерпретированном и редуцированном. Конечно, любой вид энергии можно специально разложить на простейшие, однако смыслом этого, как и смыслом всякого анализа вообще, может быть только последующий синтез новых форм, но никак не далеко идущие философские выводы.

Все живые существа являются трансформаторами различных видов живой энергии, соответствующих их способностям к управлению (и осознанию).

Отсюда, в частности, следует, что чем выше уровень осознанности существа, тем эффективнее оно способно противостоять влиянию внешней среды, то есть тем выше его *энергетическая устойчивость* или *оптимальность*. Пользуясь этими новыми понятиями можно дать ещё одно определение эволюции – как *процесса увеличения энергетической оптимальности существ*. Подобное определение давал эволюции и Карлос Кастанеда:

«...Правило – матрица, с помощью которой виды формируют накопление своей энергии. Ты можешь понять это как эволюционный план каждого живого существа, не только земли, но и любого уголка Вселенной, где есть осознанность. Никто не может отойти от него. Единственная вещь, которую мы можем делать, это игнорировать его существование. В таком случае мы не будем исходить из того, кто мы есть: живая масса, служащая цели, которую мы не понимаем.

Сказанное в терминах магов: правило есть схема команд орла, уравнение, которое коррелирует эффективность действий с экономией энергии. В области практических вещей такая комбинация не может произвести кого-нибудь другого, кроме воина.

Правило полно, непосредственно и охватывает все аспекты пути воина. Оно описывает, как создаётся и воспитывается партия нагуаля, каким путём связаны поколения, чтобы сформировать потомственную линию, ведущую их к свободе. Но для того, чтобы использовать его как ключ к силе, каждый должен проверить его непосредственно на себе».¹

Уровень осознанности и эффективности действий существа соответствует уровню его энергетической оптимальности. Эволюция, отсюда, это процесс достижения большей энергетической оптимальности.

Ранее энергетическая оптимальность также была названа внутренней упорядоченностью или гармоничностью существа, а, кроме того, можно рассматривать её как способность существа *осознавать* внешние по отношению к нему действия, при этом не *реагируя* на них. При таком взгляде ясно, что любая модальность ощущений открывает некоторый диапазон почти чистой осознанности, на границах которого начинается реакция. Например, кинетическое ощущение ограничено травмирующим механическим влиянием со стороны ощущаемого, слишком яркий свет ослепляет и заставляет закрывать глаза, слишком громкий звук, в свою очередь, оглушает и заставляет затыкать уши, а слишком сильное влияние неведомого или духа вообще может привести неподготовленного человека к смерти. С другой стороны, чем выше у человека уровень осознанности, тем больше у него возможностей и тем меньше желаний: так, Хуан Матус и Сильвио Мануэль обладали почти абсолютной связью с намерением, однако при этом и почти ничего не делали.

¹ А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

Представления о Вселенной как следствия синтаксиса языка

Вселенная синтаксиса

В предыдущих разделах эволюция как процесс оптимизации энергетической конфигурации существ рассматривалась только в отношении живых существ – к *макромиру*, но не к *микромиру* и не к *мегамиру*, хотя понятно, что жизнь на Земле, как и сама Земля, возникла именно на пересечении двух последних в ходе *тотальной эволюции Вселенной*. Современная космология при описании эволюции Вселенной отдаёт приоритет так называемой *теории “Большого взрыва”*. В согласии ней, непосредственно после возникновения всё вещество Вселенной находилось в крайне плотном и горячем шаре микроскопических размеров, ещё раньше не имевшем даже временных и пространственных характеристик (так называемая *сингулярность* – о ней можно говорить, как о принципиально *невозможной* – или *непостижимой* для разума – точке). “Взорвавшись” Вселенная стремительно прошла ряд фазовых переходов или “эпох”, в ходе которых образовались первые частицы вещества – кварки и глюоны. Затем из них протоны и нейтроны, часть которых, в свою очередь, взаимно аннигилировали, превратившись в излучение. Дальнейшее развитие и расширение Вселенной привело к понижению её температуры и появлению условий, в которых стало возможным существование простейших изотопов и атомов; с другой стороны, материя начала пропускать излучение, получившее с этого времени название *реликтового*. Возможность улавливать сохранившееся вплоть до наших дней реликтовое излучение, наряду с наблюдаемым расширением Вселенной, и являются сейчас основными аргументами в пользу теории “Большого взрыва” – впрочем, далеко не единственной подобной теории.

Однако до сих пор точно неизвестно что будет происходить со Вселенной в дальнейшем. Либо под воздействием гравитации её расширение со временем замедлится и перейдёт в сужение, которое, в свою очередь, вновь направит Вселенную к исходному состоянию (*теория пульсирующей Вселенной*). Либо, если материи для остановки расширения не хватит, со временем неизбежно её остывание и фактическая смерть (*теория холодной Вселенной*). На сегодняшний день, таким образом, для космологии актуален поиск вещества не излучающего свет – так называемой *скрытой массы*, – поскольку видимого вещества примерно в десять раз меньше, чем нужно для остановки расширения.

Тем не менее, в действительности вопрос будущего Вселенной имеет для человечества чрезвычайно призрачное значение, и можно предложить ряд вопросов более локальных, но в то же время существенно более актуальных. Например, связанных с самим научным подходом, который в принципе позволяет строить научные теории, подобные приведённой. Прежде всего, это уже поднимавшийся ранее вопрос – имеют ли смысл сами категории *объективного пространства* и *объективного времени* Вселенной, и, если имеют, то в чём он состоит? В предыдущих разделах на основании онтологизации языка были введены только связанные с каждым отдельным существом понятия *субъективного* времени и пространства: время – это аспект осознанности, фиксирующий *течение* внешних процессов, пространство – аспект осознанности, фиксирующий их *остановку*. Таким образом, чтобы использование понятий объективного времени и пространства в принципе было возможным, требуется установить соответствующее им “объективное существо”, которое могло бы проследить все события Вселенной от начала “Большого взрыва” и до “конца времён”. Такое существо – “демон Лапласа” – даже было специально придумано французским математиком и астрономом Пьером-Симоном Лапласом: если бы оно знало скорости и координаты всех частиц Вселенной, и при этом обладало неограниченной вычислительной мощностью, оно действительно могло бы рассчитать и предсказать любое событие как в будущем, так и в прошлом.

Может ли в каком-то виде существовать подобное существо на этом этапе рассуждений неясно, но поскольку понятия объективных времени и пространства всё же используются – как в науке, так и в обыденной совместной жизни людей, – его в любом случае можно рассматривать в качестве “коллективного человеческого существа”, или для науки – “коллективного существа учёных”. Порождающего, в свою очередь, коллективные время и пространство. Понимать их можно таким образом:

Коллективное время и пространство людей – абстракции, имеющие смысл только в качестве более или менее онтологических понятий, относящихся к описаниям совместной деятельности людей.

Ключевое значение здесь имеют слова “в качестве более или в менее онтологических”, фактически касающиеся *любых описаний вообще*. Так, например, меньшая степень онтологичности присуща утверждениям, что время и пространство независимы, или что Земля плоская, большая – что справедлива теория относительности, или что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. Человек, знающий о вращении Земли, мог бы также предположить, что есть пространство, где происходит это вращение, и есть время, за единицу которого можно принять, например, один оборот Земли вокруг Солнца. Вооружившись ещё некоторыми полученными посредством технических достижений данными и проанализировав их, он мог бы также прийти к выводу, что это время когда-то начало свой ход, а когда-то завершит его, что и сделал. Именно этот вывод Карлос Кастанеда комментирует в предисловии к «Активной стороне бесконечности»:

«Синтаксис

Человек всмотрелся в свои уравнения и заявил, что Вселенная имела начало. Вначале был взрыв, – сказал он, – Назовём его “Большой Взрыв”, так и родилась Вселенная. И она расширяется, – сказал человек. Он даже вычислил продолжительность её жизни: десять миллиардов обращений Земли вокруг Солнца. И весь мир был счастлив; все решили, что его вычисления – это и есть наука. Никому не пришло в голову, что, предположив, что Вселенная имела начало, этот человек просто следовал синтаксису своего языка; синтаксису, который требует начал, вроде рождения, развития, вроде созревания, и завершений, вроде смерти. Только так строятся высказывания. Вселенная когда-то началась, а теперь она стареет, – заверил нас тот человек. И она умрёт, как умирает всё, и как он сам умер, после того, как подтвердил математически синтаксис своего родного языка.

Синтаксис иного типа

Действительно ли Вселенная имела начало? Верна ли теория Большого Взрыва?

Это – не вопросы (несмотря на вопросительный знак).

Является ли синтаксис, который требует начал, развития и концов для построения высказываний, единственным существующим синтаксисом?

Вот это – настоящий вопрос.

Есть другие синтаксисы.

Есть такой, например, который требует, чтобы различные варианты интенсивности принимались как факт.

В этом синтаксисе ничто не начинается и ничто не кончается; рождение – это не чётко выделенное событие, а лишь особый тип интенсивности, как и созревание, и смерть.

Человек этого синтаксиса, просматривая свои уравнения, обнаруживает, что он вычислил достаточно много вариантов интенсивности, чтобы авторитетно заявить:

Вселенная никогда не начиналась, и никогда не закончится, но она прошла, и проходит сейчас, и ещё пройдёт через бесконечные колебания интенсивности.

Этот человек вполне мог бы заключить, что сама Вселенная является колесницей интенсивности и на ней можно мчаться сквозь бесконечные перемены.

Он бы мог прийти к этому выводу, и ко многим другим, пожалуй, даже не осознавая, что он лишь подтверждает синтаксис своего родного языка».¹

В широком смысле *синтаксис* – нечто близкое к априорным формам созерцания Канта: *способ организации опыта, в пределе являющийся для человека разумным способом организации, позволяющим выразить опыт посредством естественного языка*. Ранее синтаксическая структура языка детальным образом исследовалась, и, в частности, было установлено, что любое языковое отношение сводимо к взаимодействию объектов во времени (наиболее распространённое отношение – глагол). Таким образом, понятие времени неявно появляется уже на этом этапе: *ещё даже до того, как язык начали применять для построения научных теорий, он подразумевал, что любой объект имеет начало своего существования и конец, либо существует во времени вечно, меняя состояния* (за которые в языке отвечают уже прилагательные). На это и указывает Кастанеда, а также на то, что могут существовать другие синтаксисы – другие “миры”, такие же реальные, как и наш.

Таким образом, то, что можно метафорически называть миром – это просто все предметы мышления каждого конкретного человека, потому мир и конкретен для каждого. А уже после того, как из своих, вообще говоря, разных миров учёные выносят разные описания и теории, возникает

¹ К.Кастанеда. Активная сторона бесконечности.

возможность их формального синтеза – как между собой, так и с наблюдаемыми и технически фиксируемыми явлениями. И только затем в мере, в которой это объединение будет непротиворечиво осуществлено, появляется возможность делать выводы о мире *коллективном*. Так, на сегодняшний день, таким выводом является вывод, что этот мир имел начало в виде “Большого взрыва”, и он расширяется – но, строго говоря, эти утверждения относятся именно к *коллективному миру описаний* (или миру коллективных описаний), а не к *реальному миру*.

Давид Гильберт говорил о самой возможности сопоставления теорий с реальностью как о феномене “предустановленной гармонии”, и этот же феномен подметил один из основоположников квантовой механики английский физик Поль Дирак:

«Природе присуща та фундаментальная особенность, что самые основные физические законы описываются математической теорией, аппарат которой обладает необыкновенной силой и красотой... Почему природа устроена именно так? На это можно ответить только одно: согласно нашим современным знаниям природа устроена именно так, а не иначе. Мы должны просто принять это как данное. Ситуацию, вероятно, можно было бы описать, сказав, что Бог является математиком очень высокого ранга и что он при построении Вселенной использовал математику высшего уровня».¹

Продолжая мысль Кастанеды, Поль Дирак подтвердил этой фразой лишь то, что он сам является “математиком очень высокого ранга”. Вероятно, какой-нибудь художник мог бы сказать, что на самом деле Бог “художник очень высокого ранга”, а писатель, что Бог – “драматург очень высокого ранга”, и они могли бы поспорить. Автор же настоящей книги твёрдо убеждён, что в действительности Бог – это метаучёный очень высокого ранга, и никто другой.

Таким образом, любые выводы, которые могут сделать учёные из своих сложнейших теорий о Вселенной – это всегда выводы не более чем об их личной Вселенной. Реальная же Вселенная всегда больше любых выводов о ней, равно как и сам человек всегда может стать больше, чем он есть.

Можно возразить: а как же все те затаённые её уголки, которые постоянно находят учёные, всё глубже погружаясь как во время, так и в пространство? Они действительно становятся существующими, если к ним обращаться – но только на период самого этого обращения, и только как субъективные данные человеческих чувств. То есть действительно “новые миры” – как именно миры новых возможных чувств, модальностей осознания, полос эманаций, – они собой не представляют. Больше, на что они могут претендовать – это *подтверждение логики или синтаксиса языка, применяемого человеком для описания мира*. Впрочем, в качестве контраргумента можно вспомнить принцип тождества мышления и бытия, согласно которому то, что мыслимо, должно быть существующим, а значит и напрямую воспринимаемым. Но в действительности правильное понимание этого принципа утверждает лишь, о чём уже говорилось в предыдущих главах, что формальные построения могут бесконечно приближать реальность, но не совпадать с ней. Как и само восприятие – всегда только интерпретация реальности.

То есть даже такие замечательные теории как квантовая теория поля или теория Эйнштейна, кажущийся сейчас пределом совершенства в развитии науки, на самом деле только лишь *интерпретации*. И в связи с этим не должно вызывать сомнения, что новые Эйнштейны породят ещё более величественные теории, и всё что сейчас кажется незыблемым и очевидным вновь будет пересмотрено. И это уже реально происходит – в том числе за счёт теорий, о которой будет говориться в дальнейшем тексте книги. Наука далеко ещё не в конце пути, и с этим можно легко согласиться, если вспомнить, что ещё совсем не так давно человечество считало, будто на самом деле это Солнце вращается вокруг Земли.

“Мир Бартини”

Итак, наиболее ярко на сегодняшний день идея тождественности математики и физики воплощена в общей теории относительности Эйнштейна, согласно которой нет никаких движущихся материальных объектов, а есть лишь находящиеся в четырёхмерном пространственно-временном континууме материальные точки, из которых и состоит всё во Вселенной. Однако в указанном

¹ П.А.М.Дирак. Эволюция физической картины природы.

смысле теория относительности имеет одно весьма слабое место: входящие в неё фундаментальные физические константы (такие как скорость света, гравитационная постоянная и т.п.) определены опытным путём, а не аналитически, и это порождает множество вопросов об их возможных взаимосвязях или даже изменениях в разных местах Вселенной.

Общей теории, которая включала бы в себя физические константы аналитически, в распоряжении широкого круга учёных нет, однако в действительности такая теория существует: она была разработана в 1965 году советским учёным и авиаконструктором австро-венгерского происхождения Робертом Бартини (настоящее имя Роберто Орос ди Бартини), изложившим её в своём докладе Академии наук СССР «Некоторые соотношения между физическими константами»¹. Фактически она представляет собой *основу наиболее глубокой на сегодняшний день теории Вселенной*, полученную путём оптимального с формальной точки зрения сопоставления нескольких на первый взгляд весьма разноплановых частных теорий: таких как *комбинаторная топология, теория случайных процессов, эргодическая гипотеза*, представление о *кинематической системе размерностей* (с тождественной размерностью электрического и гравитационного заряда) и др. Это же, по всей видимости, является главной причиной, затрудняющей её понимание и дальнейшее развитие заложенных в ней крайне плодотворных идей. Идей, ценность которых, как это будет дальше показано, позволяет подвести все современные научные знания под совершенно новую мировоззренческую парадигму.

Статья начинается со столь же формального, сколь и туманного предложения: «Рассмотрим некоторый предикативно неограниченный и, следовательно, уникальный экземпляр А». Уже уяснение того достаточно простого факта, что под “экземпляр А” понимается вся Вселенная, которая действительно не может быть ограничена никакими предзаданными свойствами, и потому уникальна, требует усилия. Но дальнейший материал требует усилий ещё гораздо больших, и однозначно указывает, что сжатые формальные рассуждения имеют под собой помимо научной также и достаточно широкую философскую базу, а, кроме того, незаурядную интуицию учёного. Завершается статья следующим весьма амбициозным, но, тем не менее, вполне обоснованным утверждением: «Совпадение теоретических и наблюдаемых величин констант позволяет предположить, что можно отождествить все метрические свойства рассматриваемого тотального и уникального экземпляра со свойствами наблюдаемого Мира, тождественного с единственной фундаментальной “частицей” А».

Что представляет собой “мир Бартини”, а главное – каков его физический смысл вне формальных построений? Прежде всего, “почему тотальный и уникальный экземпляр” – весь наблюдаемый Мир – тождественен с единственной фундаментальной частицей? Последнее обстоятельство можно пояснить, опираясь исключительно на природу *синтаксиса*, – именно, задавшись вопросом, является ли он *пространством* – отношением объектов, либо самим *объектом пространства*. На первый взгляд здесь возникает противоречие, поскольку “тотальность” – это атрибут пространства, системы отношений, а “уникальность” – атрибут объекта. И если предположить, что объект существует в некотором пространстве, значит он уже не уникален: в этом же пространстве могут существовать и другие такие объекты. Бартини вполне логично, хотя и несколько парадоксально, обходит эту трудность, замечая, что для рассмотрения в качестве элемента пространства “экземпляр А” можно отождествить с самим собой, то есть отображение *тождества* и обратное ему отображение и задают в этом случае пространство. “Экземпляр А”, таким образом, с одной стороны, порождает пространство, а с другой – выступает в качестве его единственно возможного объекта – “фундаментальной частицы” (или “образа А”). Единственное же различие между всеми тождественными объектами такого пространства – это их взаимная пространственная ориентация, то есть различие задаётся только способом тождественного отображения (в одной из своих статей Бартини приводит развёрнутое объяснение на этот счёт).

Эта странная проблема на самом деле соответствует уже отмечавшейся ранее проблеме о том, что существо, охватывающее в своём пространстве все прочие существа, само уже не может быть существом этого же пространства. И, таким образом, решение, найденное Бартини из чисто логических посылок, здесь вполне может быть распространено и на область метанауки. Именно, в области метанауки оно свидетельствует о том, что существо, воплотившее всю Вселенную как *пространство*, просто обнаруживает свою изначальную *тождественность* со всеми прочими

¹ Годом позже с незначительными изменениями и дополнениями статья была издана в сборнике под ред. д.т.н. К.П.Станюкевича “Проблемы теории гравитации и элементарных частиц”, М., Атомиздат, 1966 г., с.249-266.

существами. Или даже тождественность с самой *Вселенной*. Другими словами, если считать пространством совокупность каких-либо отдельных объектов, то выйти за пределы этого пространства можно лишь перестав рассматривать его таким образом. С позиции такой метаосознанности Вселенная действительно не имеет никакого *объективного* строения – потому что с такой позиции в ней нет ничего, что было бы *отделено* от другого, никаких отдельных объектов, так любимых разумом. Очевидно, речь здесь идёт о восприятии существа третьего внимания, все внутренние эманации которого объединены с эманациями в великом. Впрочем, как оказывается, сам вывод о единстве всех существ вполне возможно сделать и в состоянии обыденной осознанности. И его весьма полезно будет сделать:

Все существа во Вселенной имеют единую природу. Все их проявления исходят из одних и тех же законов. И потому нет и не может быть существ лучше или хуже, достойнее или ущербнее.

Затем следует не менее абстрактное предположение, что “реализация конфигурации объекта, форма его реального существования, заключается в объективной вероятности существования этой формы”, то есть *размерность* данной тотальной и уникальной Вселенной должна напрямую соответствовать *вероятности* существования именно такой Вселенной. Оно выражает физическую идею (*эргодическую гипотезу*), согласно которой – в интерпретации Бартини – пространство и время являются эквивалентными аспектами Вселенной (об истинном смысле этого тезиса ещё много будет говориться в дальнейшем). Наиболее вероятное существование “тотального экземпляра А” при таком предположении оказывается не трёхмерным или четырёхмерным, как в общей теории относительности, а шестимерным – точнее, выраженным комплексной суммой вложенных друг в друга ортогональных пространственно-подобной и время-подобной трёхмерных протяжённостей. Далее Бартини рассматривает простейший объект шестимерного “экземпляра А” (“элементарный экземпляр А”) как волну или вращающийся квантовый осциллятор¹, поляризирующий эти протяжённости (“вокруг” себя – пространство и “внутри” себя – инверсионно соответствующее ему время) и преобразующий их компоненты друг в друга. Вектор поля, калибруя их, достигает максимального значения c – скорости его распространения или, как показывается далее, скорости света (причём, согласно преобразованиям Лоренца-Пуанкаре, при $v < c$ время преобразуется в пространство, а при $v > c$, пространство во время). Все фундаментальные физические константы выражаются, отсюда, в виде кинематических структур, сводимых к некоторым соотношениям конфигурационных и вероятностных аспектов реализации “абстрактного комплекса А”.

Физический смысл основных идей Бартини сводится к следующему. Во-первых, как уже было сказано, *есть только одна элементарная частица, отражающая в себе весь мир, а потому тождественная с ним*. Это положение не разделяется современной физикой, но оно крайне желательно для неё, поскольку если бы такая частица была найдена и обобщала собой все элементарные частицы, известные сейчас – например, электрон или протон, – её описание одновременно служило бы описанием всему миру как из этих одинаковых частиц состоящему. Бартини как раз предлагает такое описание в предварительном виде, хотя не говорит, что мир, как это может представляться умозрительно, “состоит из частиц” – он и есть единственная “тотальная и уникальная” частица. Различные взгляды на мир возникают только при противопоставлении их в некотором предзаданном пространстве – пространстве наблюдателя, но вне наблюдателя все они одинаковы. Или даже все они и являются наблюдателями мира со всех возможных позиций.

Подобный взгляд также полностью соотносится с представлениями Толтеков об эманациях, каждая из которых “вечность в себе”. Эманации и являются наиболее фундаментальными элементарными частицами – “элементарными экземплярами А” Бартини.

Вселенная есть единственная фундаментальная частица, отражающаяся в самой себе и выступающая в ходе этого отражения в виде всех возможных конкретных существ. Её поэтому можно назвать тотальным и одновременно уникальным существом, своего рода единственно

¹ Квант пространства равен у Бартини классическому радиусу электрона, квант времени – периоду, за который свет проходит квант пространства. Поскольку квант – условно минимальная единица системы, условно максимальная – соответственно радиус Вселенной (как времени, так и пространства) – является величиной, обратной кванту.

возможной “вещью в себе” (или же “вечностью в себе”), сочетающей как субъекта восприятия, так и объекта действия.

Особый философский смысл этого постулата в том, что *любые возможные события, которые могут произойти во Вселенной, обязательно когда-либо и где-либо произойдут в ней, а любые возможные существа будут существовать*. Этот вывод может показаться невероятным, но лишь с эгоцентрических позиций, побуждающих считать, будто смысл существования Вселенной заключается лишь в появлении Земли, либо, возможно, ещё небольшого числа подобных планет, где возможна жизнь. В действительности же в ней есть и может быть *любая* ситуация, которая не запрещена её синтаксисом, и это также справедливо, как и то, что в *любом* месте прямой можно поставить точку, а всего, таким образом, точек, как и подобных Земле планет, может существовать *бесконечное* число (с условием, что все эти планеты должны иметь чёткие ограничивающие характеристики, особенно актуальные в предельных случаях их реализации). Это утверждение полностью соответствует принципу тождественности бытия и мышления, и в данном случае оно лишь отмечает соответствие *абстрактного* и *конкретного*, *формального* и *реального*. В этом смысле также *не важно* каким конкретным путём существование придёт к более высокому уровню осознанности: все они эквивалентны и более лёгких или, наоборот, более тяжёлых путей не бывает.

Бартини, по сути, придерживается аналогичной точки зрения, и в теоретическом плане даже идёт ещё дальше, указывая на неограниченную возможность существования иных “замкнутых космических экземпляров”, кроме того, который мы привыкли отождествлять вообще со всей Вселенной:

«Бесконечная Вселенная обладает свойствами прерывности не только в “малом”, в микрокосмосе, но и в “большом”, в макром мире. Ошибка буржуазных учёных в вопросе о конечности и замкнутости мира заключается в основном в том, что они отождествляют наш замкнутый космический экземпляр с множеством подобных экземпляров, отождествляют местное метagalacticкое скопление со Вселенной, подобно тому, как в древние времена наша планета отождествлялась с миром».¹

Далее, согласно теории Бартини, арену действий Вселенной как тотального и уникального экземпляра составляют трёхмерные время и пространство, в соотношениях между которыми все конкретные реализации этого экземпляра могут быть представлены – иначе, в соотношениях разработанной Бартини кинематической системы². Трёхмерное время и трёхмерное пространство, рассматриваемые в качестве эквивалентных аспектов Вселенной – наиболее загадочные построения, потому что тогда как три измерения пространства очевидны, время обычно представляется одномерным. Сам Бартини полагал необходимость введения трёх временных измерений вместо одного – реальной и давно назревшей физической необходимостью. И действительно, это его фундаментальное открытие трудно переоценить, и можно сравнить разве что с открытием Лобачевским неевклидовой геометрии, в которой он “покусился” на незыблемый до того *постулат о параллельных прямых*. Бартини пишет об этом так:

«Существование и длительность мы связываем с формами 3-мерного пространства и 1-мерного времени, необратимо идущего от прошлого в будущее. Пространство есть и оно трёхмерно, а время существует и оно одномерно, это настолько является очевидным, что вопрос о том, почему это так, кажется неуместным. Однако периодические кризисы теории познания и теории материи говорят о том, что в самом фундаменте их построения надо искать корень трудностей создания единой теории поля, вещества, познания. Вопрос о числе ортогональных, независимых параметров, о числе измерений, которыми обладает материя, Мир, мы сами, никогда не был разобран с той степенью глубины анализа, какой это требовала кардинальная его значимость. Иногда, ссылаясь на авторитет классиков того или иного направления, цитатами доказывається, что всё исчерпывающе ясно уже доказано и вопрос, следовательно, исчерпан. А иногда, излагая

¹ Р.О. ди Бартини. Структура пространства-времени. Цитируется по сборнику «Роберт Орос ди Барини – советский авиаконструктор, физик-теоретик, философ. Статьи по физике и философии». Составитель А.Н. Маслов, М., «Самообразование», 2009 г. В сборник вошли ранее никогда не публиковавшиеся статьи Бартини. Далее все цитаты Бартини по этому сборнику.

² В классических системах физических величин СИ и СГС предполагается, что помимо времени и пространства фундаментальной единицей измерения также является масса. Однако в действительности (при отождествлении размерностей электрического и гравитационного зарядов) масса может быть однозначно сведена к пространственно-временному соотношению.

эту проблему («Пространство, время, материя», Вейль, «Пространство, время, тяготение», Эддингтон), по сути отклоняются от рассмотрения самого вопроса. А иногда, аксиоматически постулируя априорность этих понятий, автоматически исключают его анализ. Вступительная фраза книги В. Фока «Теория пространства, времени, тяготения»: «Пространство и время – понятия первичные».

Рассматривая положение, которое создалось при попытках установления всеобщей взаимосвязи непротиворечивого синтеза всех явлений, можно прийти к заключению, что основной преградой, не допускающей решение этой задачи, преградой, которая не была распознана и потому незыблемо стояла в веках как бастион застоя, является кардинальное утверждение того очевидного и неоспоримого положения, что Всё, весь Мир, мы сами существуем в метафизически заданных рамках трёхмерного пространства и одномерного времени. Эта (3+1)-мерная концепция аксиоматически принята всеми ссорящимися между собой по всем вопросам философскими, научными и физическими школами, в известной степени подобна концепции, когда много веков тому назад жестоко спорили по вопросам космологии, но все были едины в том очевидном факте, что Земля наша стоит, как вкопанная, неподвижно в центре Мироздания».¹

С чисто физических позиций наиболее явное доказательство трёхмерности реального физического времени вытекает из корректной интерпретации преобразований Лоренца: так, если в разных системах отсчёта время может течь неодинаково – быстрее или медленнее, это означает, что само оно может иметь скорость своего течения и даже ускорение. Другими словами, одна и та же система может изменять в некоторых своих предельных состояниях скорость течения своего времени по отношению к себе же в прошлом, либо по отношению к другим внешним системам. А отсюда как раз и следует, что объективное время, включающее все системы отсчёта, является трёхмерным. Как показывает Бартини, единственной независимой переменной t просто не хватает для адекватного описания релятивистского мира. Кроме того, как уже отмечалось, в модели Бартини имеют смысл не только ограниченные скоростью света движения, и в случае её превышения пространственные измерения объекта трансформируются в соответствующие временные, и объект продолжает своё движение уже во времени. Как отмечает Бартини, движение – фундаментальный атрибут материи, и если некая материальная точка покоится в пространстве (например, частица с нулевой «массой покоя»), это означает, что она движется во времени, и наоборот.

Таким образом, теория Роберта Бартини однозначно свидетельствует не только о трёхмерности пространства, но и о трёхмерности времени. И также он отмечает, что представление об одномерном времени – следствие субъективных ощущений человека, тогда как объективная реальность вполне может превосходить их. Впрочем, всегда нужно помнить, что то, что он называет «объективной реальностью» в действительности лишь особый вариант *синтаксиса*, пусть и чрезвычайно изощрённый, и возможно даже некоторой своей частью предельный в рамках разума. С другой стороны, как будет показано ниже, сами субъективные представления о пространстве и времени не столь однозначны, как принято считать. Особенно это касается субъективных представлений Толтеков.

Так, пространство, традиционно – место, где происходит движение; время – *единая* мера движения в любом месте пространства (в любой инерциальной системе отсчёта). Но действительно ли субъективное время, если рассматривать его как первичную онтологическую категорию, одномерно? Следующие рассуждения приведут к отрицательному ответу, однако их задача даже масштабнее: показать, что идеи Бартини применимы не только к элементарным частицам, но и к интегрирующим их *всем существам вообще*, поскольку все они могут рассматриваться как обладающие местоположением *объекты некоторого пространства*, или с более строгих научных позиций – как *инварианты некоторой физико-математической системы*.

Именно, как объекты пространства любого способного осознать существа – например, человека. Заметим, что для него *внешний вид*, например, насекомого, растения или достаточно простого животного почти *эквивалентен* их *внутренней сущности*, либо, во всяком случае, гораздо более понятен, чем, возможно, вид других животных или людей. Эта эквивалентность как раз и показывает, что насекомое и растение почти полностью оказываются в *пространстве* человека, но, с другой стороны, для них самих это пространство является *временем* (например, человек может без особых трудностей перенести ползущую гусеницу с одного места своего пространства на другое, для гусеницы же такой перенос потребовал бы огромных временных затрат). В некотором смысле даже

¹ Р.О. ди Бартини. Опыт элементарной системы диалектических соотношений.

сам осознающий человек является для них пространством, чем-то вроде внешнего объективного фактора или “бога”, вершащего их судьбу. Но и по отношению к самому человеку также есть подобный род восприятия, для которого его время выглядит как пространство – это не что иное, как *видение*, ведь видящий прежде всего *целостно воспринимает линию жизни человека*, все её причинно-следственные цепочки. А действие в таком пространстве – это, соответственно, *воля*. Причём воля может изменить не только линию жизни человека в *будущем*, но и, как бы парадоксально это не выглядело, реально изменить его *прошлое*.

Конечно, очень сложно для обычного воображения так широко мыслить о пространстве осознанности, но ведь даже для животных пространство их осознанности совсем другое, нежели чем для человека. Даже такая простая и доступная человеку способность, как распознавание трёхмерных цветных объектов в динамике, потребовала от эволюции массу времени и достигалась серией множества этапов. И на одном из таких этапов человек просто должен научиться осознавать как часть этого пространства собственную судьбу, своё “колесо времени”, линию жизни – впрочем, на самом деле это не просто линия, а какая-то трёхмерная кривая.

Таким образом, из того, что пространство и время различных существ могут *пересекаться*, и следует требуемое: что *потенциально* они имеют *одинаковую размерность*.

По мере повышения уровня осознанности время для существа трансформируется в пространство, и наоборот. Сопутствующие течению времени изменения во внешней среде заменяются осознанием этих изменений (действий существ) как элементов пространства (которыми в пределе становятся сами существа). Отсюда, *время* можно рассматривать как *нагуаль* существа, характеризующийся неопределённостью и неуправляемостью изменений, а *пространство* – как *тональ*, характеризующийся, наоборот, их определённостью и управляемостью. Время и пространство разных существ (а, вообще говоря, любых объектов), таким образом, *относительны и одноразмерны*.

А применительно к классической объективистской физике этот сформулированный на уровне метанауки постулат, по сути, утверждает, что любая физическая величина отражает некоторое пространственно-временное взаимодействие минимум двух физических объектов. Например, скорость – это мера длины, которую движущийся объект преодолевает за единицу времени, однако сам глагол “преодоление” подразумевает, что этот объект движется в какой-то среде, и, таким образом, скорость – это не внутренняя его характеристика, а характеристика целостной *системы* “движущийся объект – среда проводимости”. С точки зрения же среды речь должна идти не о скорости, а об обратной величине – соответственно, проводимости, отражающей меру времени, в течении которого объект проходит определённый её участок.

Вообще, наиболее явная предпосылка к одноразмерности времени и пространства состоит в отмечавшемся ранее единстве действия и осознания. Естественно, что поскольку все действия исчерпывающе осознаются именно в трёхмерном пространстве, они и происходят, вообще говоря, в трёхмерном времени. Однако почему всё-таки настолько прочно укоренились представления о тождественности субъективного времени отдельных существ с объективным линейным временем всего мира? Для ответа на этот вопрос полезно провести параллели с представлениями Толтеков об *эманациях* и *точке сборки*. Так, механизм соответствия внутренних и внешних эманаций кокона по сути как раз и представляет собой преобразование субъективного времени в субъективное пространство и наоборот, что осуществляется в процессе движения точки сборки. Что же касается представлений об “объективном времени”, то его можно связывать с *синхронностью положений точек сборки всех пребывающих в этом времени существ*. Иными словами, объективное время или “коллективный нагуаль” (а пространство, соответственно, тональ) – не более чем следствие корреляции настройки восприятия существ, для обеспечения некоторой базовой возможности взаимодействия. Что подразумевает и возможность *произвольного изменения этой настройки*, с соответствующими последствиями.

На самом деле человек – существо вне объективного линейного времени. “Объективное время” – лишь следствие заданного положения точки сборки, коррелирующее его с внешним “объективным миром” как совокупностью других существ.

Но вообще говоря, три размерности времени – это явное свидетельство существования трёх таких полностью целостных и независимых друг от друга (ортогональных во времени) “объективных миров”, находящихся в одном и том же пространстве (и бесчисленного множества взаимозависимых “промежуточных” миров). Очевидно, касающиеся точки сборки истины об осознанности нагуализма вполне вписываются в эту теорию, какой бы невероятной она не казалась на первый взгляд. Естественно, узкая полоска осознанности, доступная обычному человеку, не даёт полного представления о природе пространства-времени, однако в мире магов всё гораздо сложнее.

Статистическое линейное время как антагонист эволюции

Исходя из теории Бартини в разных системах время может течь с разной скоростью, и этот чисто научный вывод вновь полностью совпадает с реально наблюдаемым общеизвестным феноменом, когда в зависимости от внутреннего состояния время для человека течет “быстрее” или “медленнее”. Например, когда человек оказывается в каком-то новом для него месте, время для него как бы “замедляется”, что соответствует повышению уровня осознанности (обычно говорят “много новых впечатлений”), а пространство “углубляется” (как бы уменьшаются скорости всех наблюдаемых объектов). Но побыв там несколько дней, он может обнаружить, что время снова идёт в привычном режиме, потому что готово *описание (мира)* этого места и осознанность вновь понизилась. Именно ввиду огромного стремления человека к инвентаризации, люди, живущие даже в самых красивых уголках Земли, нередко практически не осознают их красоты, будучи поглощены своими мелочными заботами. С другой стороны, тот, кто целенаправленно стремится повысить уровень осознанности, получит эстетическое наслаждение даже от самой непрезентабельной обстановки, и время для него будет идти так медленно, как оно шло во втором внимании для Ла Горды и Карлоса Кастанеды, отметивших, что, судя по обычным меркам, они прожили тысячу лет – так интенсивна была их жизнь.

Теперь заметим, что исходно идея одномерности или линейности времени возникла ввиду удобства рассматривать все объекты в качестве материальных точек, которые легко подчинить некоторому закону, ставящему их местоположение в зависимость от единственного временного параметра. Однако материальная точка – абстракция, во Вселенной нет материальных точек, в ней всё имеет *внутреннюю структуру*, причём не обязательно симметричную. А это значит, что, как минимум, не всегда движение в разных направлениях осуществляется в течение одного и того же периода времени, что легко демонстрируется на объектах разной *формы*. Вообще абстрактное внешнее пространство должно всегда противопоставляться пространству конкретного рассматриваемого объекта (существа), взятому в качестве времени. Либо, другими словами, в каждой своей точке “объективное пространство” внешнего мира открывает как бы вложенное в него и отражающее его “субъективное пространство” существа, скрывающегося за этой точкой – “пространство времени” этого существа. Именно поэтому каждое существо это и есть целый *мир, со своим собственным пространством и временем*. Для Бартини проблема формы объектов, отражающей их внутреннюю структуру, была актуальна как для авиаконструктора, и именно работа с *реальными* летательными аппаратами привела к высоким *теоретическим* результатам¹.

Время, кроме того, кажется людям одномерным или линейным, поскольку оно связано с вращением Земли, с постоянной и никогда не нарушающейся сменой дня, ночи и времени года. Однако в каком случае подобного рода линейное время может быть актуальным для конкретного человека? Только если его деятельность определённым и достаточно жёстким образом *согласована* с деятельностью всех других людей и любых их объединений – таких как трудовые организации, затем социальные, партийные, религиозные, а конечном счёте – государство и земная человеческая цивилизация в целом. Жизни всех людей при подобном рассмотрении выступают в качестве эпизодов социально обусловленного исторического процесса, в рамках которого они представляются событийным рядом, начинающимся рождением и заканчивающимся смертью. Но, продолжая эту логику, получается, что и общий событийный ряд Земли и цивилизации также конечен и закончится смертью – цивилизации, Земли, а потенциально (при такой логике) и всей Вселенной вообще. Таким образом, делая акцент на обусловленной социумом связи с *одномерным статистическим временем*, человек делает акцент на *движении к смерти*. Наоборот, разрушая эту связь, он делает акцент на *эволюции*, когда время планеты и цивилизации становятся лишь очень частной стороной жизни (и

¹ Дополнительные пояснения об этом даются в работе: Р.О. ди Бартини. П.Г.Кузнецов. Множественность геометрий и множественность физик. Сб. “Моделирование динамических систем”, Брянск, 1974.

появляется возможность буквально “не думать о времени”), а субъективное время, нагуаль – стороной всеобъемлющей.

Противопоставляя статистическую взаимообусловленность и эволюцию в качестве нарушающей статистику тенденции, можно уяснить, что подобно тому, как время находящегося во втором внимании человека идёт существенно медленнее времени обычных людей, последнее, в свою очередь, идёт гораздо медленнее времени животных и растений, а их время медленнее времени неживых существ, которые фактически не имеют его совсем (не осознают). И поэтому людям только кажется, что миллиарды лет предшествующей их появлению эволюции Вселенной и Земли имели какой-то большой внутренний смысл. В действительности этот смысл состоял *лишь в том, чтобы сейчас, когда эта эволюция осуществлена, её плоды можно было осознать*: превратить стремительное время колоссального числа слабоосознающих существ в пространство единственного, *способного охватить всех их*. То есть попросту не было никакой эволюции неживой материи, не было никакого “Большого Взрыва” – всё это лишь *логическое условие* существования осознающих существ, которые мы теперь уясняем, не более того.

С другой стороны всё, что осознаёт человек, вся Вселенная вообще – это, в сущности, находящиеся на разных стадиях развития заготовки *для появления его самого* (в философии подобный взгляд называется *антропным принципом*). Но не каждой такой заготовке суждено стать им, не каждой планете суждено обрести атмосферу, и не каждому существу на Земле суждено достичь успеха в биологической эволюции. Наоборот, чем осознанность слабее, тем больше обладающих ей субъектов, а весь смысл их существования состоит в том, *чтобы быть осознанными*; вся бесконечная Вселенная создана, чтобы быть осознанной. Однако в таком случае и *сами люди тоже объекты чьей-то осознанности*, в том числе – *в будущем* – своей собственной.

Количество существ антагонистично качеству их осознанности, но смысл наличия более примитивных существ в том, чтобы более развитые осознавали их. Статистическое объективное время можно рассматривать как эквивалент количества “порочных кругов”, которые совершают существа без эволюции по отношению к тем, кто эволюционирует.

Наоборот, истинное время Вселенной – это и есть время *эволюции, становления, реализации намерения* (во всех направлениях). Современная материалистическая физика немало потрудились, чтобы увести людей от понимания этого, в сущности, очень простого факта. Но на самом деле время – это не просто физическая абстракция, как будто оно всегда было и всегда будет, и куда-то бесконечно идёт. Вероятно, если бы Бог действительно был тираном, как многие, впрочем, и представляют его себе (те же древние видящие), он поступил бы именно так: однажды запустил ход Мировых Часов, и точно бы знал, что к определённом сроку всё сотворённое им окажется в раю. Независимо от личного желания или усилий кого бы то ни было. Материалисты же, в свою очередь, просто говорят о предопределённой смерти Вселенной, или о её схлопывании с последующим новым рождением.

На деле же и религиозный, и атеистический синтаксисы упускают самый главный фактор – фактор эволюции. Как уже говорилось, *внешний вид* всегда тождественен *внутренней сущности*, равно как *намерение* тождественно своей *реализации*, а *время* тождественно *пространству*. Другими словами, прошлое и будущее – это не отдельные от пространства сущности. Обладая достаточно высоким уровнем осознанности всегда можно точно увидеть и прошлое, и будущее любого заданного момента. Не потому что высокая осознанность позволяет “путешествовать” в прошлое или в будущее, а просто потому что они реально *содержатся* в нём. Кстати говоря, учёные, делая свои выводы о прошлом Вселенной, также отнюдь не путешествуют во времени. А воины, занимаясь перепросмотром и вспоминая какие-то события *прошлого*, нейтрализуют именно их *настоящее* влияние, и при этом реально меняют своё *будущее*.

Истинное время Вселенной – это время эволюции каждого из её существ, реализации всех их намерений. И поскольку в реализации всегда содержится полная информация о намерении, в пространстве всегда содержится полная информация о времени, текущем через это пространство. И при достаточно высокой осознанности эту информацию всегда возможно считать.

Женщина-Нагуаль Кэрл Тиггс так говорила об этом феномене после того, как они с Карлосом Кастанедой оказались в собственном будущем: «Во вселенной есть только энергия. А у энергии есть только здесь и сейчас, бесконечное и всегда присутствующее здесь-и-сейчас»¹. По этому же поводу известны слова Роберта Бартини: «Прошое, настоящее и будущее — одно и то же. В этом смысле время похоже на дорогу: она не исчезает после того, как мы прошли по ней и не возникает сию секунду, открываясь за поворотом». Можно лишь добавить, что в наших силах выбрать из всех возможных дорог — лучшую.

Вот ещё поэтические слова Роберта Бартини, в которых он, очевидно, пытался отразить сущность собственной теории:

*«Есть Одно, оно Всё
Каждый миг вечен
Неразрушимо звено неразорванной цепи
Вечного совершення
В ней я живу и на самых далёких звёздах
Вечной неугасимой и вездесущей жизнью
Только иной...
Вселенная существует во мне неотделимо
Как в шаровом зеркале весь Мир во мне отображён
Во мне содержится тот Мир беспредельный
В который исчезая я сам
Навеки включён
Вечен
каждый
миг».*²

А другой философ, Фридрих Ницше, выразил схожую мысль в такой форме:

«Взгляни, — продолжал я, — на это Мгновенье! От этих врат Мгновенья уходит длинный, вечный путь *назад*: позади нас лежит вечность.

Не должно ли было всё, что *может* идти, уже однажды пройти этот путь? Не должно ли было всё, что *может* случиться, уже однажды случиться, сделаться, пройти?

И если всё уже было — что думаешь ты, карлик, об этом Мгновенье? Не должны ли были и эти ворота уже — однажды быть?

И не связаны ли все вещи так прочно, что это Мгновенье влечёт за собою все грядущее? *Следовательно* — ещё и само себя?

Ибо всё, что *может* идти, — не должно ли оно ещё раз пройти — этот длинный путь *вперёд*!

И этот медлительный паук, ползущий при лунном свете, и этот самый лунный свет, и я, и ты, что шепчемся в воротах, шепчемся о вечных вещах, — разве все мы уже не существовали?

— и не должны ли мы вернуться и пройти этот другой путь впереди нас, этот длинный жуткий путь, — не должны ли мы вечно возвращаться?»³

Наконец, ещё один значимый в контексте устройства Вселенной факт состоит в следующем. На сегодняшний день существует единственный класс явлений, по отношению к которым в науке реально применяется концепция трёхмерного времени — это “чёрные дыры”, которые также иногда называют “дырами во времени”. “Чёрные дыры” — массивные космические объекты очень небольших размеров, которые ввиду этой своей диспропорции притягивают и поглощают всё окружающее их вещество. Такое поглощение происходит необратимо, и, что важно, внутри чёрных дыр пространство и время меняются местами — вот почему появляется возможность говорить о трёхмерном времени. Физический смысл такого преобразования наукой не выявлен, однако на основании всего ранее сказанного можно сделать вывод, что механизм функционирования чёрных дыр имеет ту же природу, что и механизм осознания живых существ, поскольку осознание и есть переход пространства во время (если смотреть извне существа) — с последующим возможным возвратом. С другой стороны, и любое живое существо можно назвать “дырой во времени”, если иметь в виду статистическое линейное время. Аналогичное сопоставление предлагает Карлос Кастанеда:

¹ К.Кастанеда. Искусство сновидения.

² Р.О. ди Бартини. Диалектический монизм. Опыт элементарной системы изоморфных соотношений.

³ Ф.В.Ницше. Так говорил Заратустра.

«Маги древней Мексики считали, что выполнение ими магических пассов было единственным фактором, подготавливавшим и направлявшим тело к тому, чтобы оно само могло выйти за пределы обыденного бытия и убедиться в существовании силы, склеивающей энергетические поля.

Опираясь на объяснения дона Хуана, я пришёл к заключению, что вибрирующая сила, которая, по его словам, склеивает наши энергетические поля, это несомненно та же сила, которая, по мнению современных астрономов, должна присутствовать в ядрах всех существующих в космосе галактик. Учёные считают, что там, в ядрах галактик, какая-то немислимо огромная сила удерживает звезды на своих местах. Эта сила, названная астрономами "черной дырой", представляет собой теоретическое построение, которое наиболее разумным способом объясняет, почему звезды не разлетаются под воздействием центробежной силы».¹

Конечно, при современном развитии научных представлений вообще трудно говорить и даже думать о таких нетривиальных вещах, как трёхмерное время. Однако связано это всё с тем же первостепенным фактором – эволюцией. Попросту человечество ещё не столкнулось на практике с необходимостью отличать многомерное время от линейного статистического. И как осознанность людей ещё не функционирует с достаточной интенсивностью, так и для техники подобные феномены могут проявиться только на недостигнутых пока релятивистских скоростях. Сама же Вселенная не даёт явных подсказок на этот счёт: например, совершенно не важно где по отношению к центру Вселенной находится наша планета, и равно не важно по каким именно временным осям она движется (другими словами, какова фиксация *точки сборки* Земли). Такой в широком смысле *изотропизм* Вселенной, утверждающий однородность пространства и времени, справедлив, впрочем, только до появления *жизни*, хотя и в наиболее глобальных наблюдениях уже сейчас физика находит чёткие указания на анизотропность. Например, в противоположность ожиданиям, не везде вещество Вселенной расширяется одинаково. В любом случае, статистическое время – это не более чем расчёт “порочных кругов”, неудачных попыток эволюции, когда видимость прогресса создаётся лишь в пространстве, а во времени происходит постоянное возвращение к началу. Такое в буквальном смысле хождение по кругу никогда не может длиться вечно, и это истина – справедливая в нашем мире повсюду.

Ничто не может длиться вечно без изменений. Всегда есть только две альтернативы: эволюция или смерть.

Парадоксы квантовой физики

Наконец, все выдвинутые ранее тезисы дают возможность интерпретировать два основополагающих принципа квантовой физики – *принцип дополнительности* Нильса Бора и сопутствующий ему *принцип неопределённости* Вернера Гейзенберга. Последний из них утверждает, что невозможно одновременно определить пространственно-временные и импульсно-энергетические характеристики объекта, причём при большем уточнении одной пары характеристик с необходимостью и вне зависимости от погрешности измерений падает точность другой. В трактовке первого принципа это же самое означает, что один и тот же объект в разных экспериментальных ситуациях может проявляться как *частица* и как *волна*, то есть фактически локализоваться в пространстве-времени в большей или меньшей степени. Не трудно видеть, что с *синтаксических* позиций бытие чего бы то ни было (а прежде всего “элементарного экземпляра” Бартини) в виде частицы или волны полностью соответствует бытию в виде *объекта* или *отношения* (“элементарного объекта” или “элементарного отношения”). А поскольку всё, что есть в мире – это “элементарные экземпляры”, их отношения между собой осуществляются посредством их же самих. Однако точная локализация элементарной частицы в пространстве-времени предполагает, что таковое есть объективная реальность, наделяющая её характеристиками сама по себе. Но это не верно, пространство-время может быть только субъективным, а для взаимодействия с субъектом частица должна проявить именно свойства отношения – волны, – исключающего локализацию. Иначе говоря, волна по своей сути есть движение, *действие*, которое не может проходить в пространстве наблюдателя, поскольку *взаимодействует* с ним. С другой стороны, если *наблюдать* ту же волну как *частицу*, будучи частью пространства *наблюдателя* она не может проявлять никакой динамики,

¹ К.Кастанеда. Магические пассы.

активности. В этом смысле сколь угодно точная локализация возможна лишь по отношению к сколь угодно большому ансамблю частиц, где объективные характеристики отождествляются со статистическими, что, в частности, имеет место в случае с мегамиром.

Кроме того, невозможность одновременного точного определения дополнительных характеристик нередко приводит к спекулятивному выводу об имеющей место при квантовых взаимодействиях неустранимой случайности. Например, если рассматривать квантовую систему в виде находящейся в пространстве-времени единственной элементарной частицы, таковая, согласно известным законам квантовой механики, будет характеризоваться следующим единственным утверждением: частица действительно в нём находится, но где именно она находится узнать невозможно, причём невозможно в принципе. Однако эта неопределённость не носит объективного характера, а связана только с теоретической предпосылкой о самой возможности подобного рода ситуации полной изолированности. Если же дополнить систему второй элементарной частицей, взаимодействующей с первой, общая неопределённость понизится, а при дальнейшем дополнении неопределённость будет понижаться и далее. По словам американского физика и одного из авторов гипотезы *квантового сознания* Генри Стэппа: «Элементарная частица не является независимо существующей, доступной для анализа сущностью. По сути, это совокупность взаимосвязей, которая тянется наружу, к другим вещам».¹ Неопределённость, отсюда, указывает лишь на *невозможность чего-то полностью независимого от внешнего мира*.

Неопределённость, возникающая при исследовании любых реальных систем на квантовом уровне, связана с принципиальной невозможностью рассматривать эти системы в качестве полностью независимых от внешних влияний (в том числе со стороны инструментов исследования). В пределе, при максимальной локализации системы, характер внешних влияний естественным образом стремится к квазислучайному.

Естественно, что будь то квантовый объект, или вообще любой – в тотальном “вакууме” он и обладает тотальной *свободой* действия. Но даже если мы попробуем обнаружить его там, мы тем самым уже вступим с ним во *взаимодействие*, а значит во *взаимозависимость*. Практически, именно этот парадокс отмечается в общепринятой на сегодня *копенгагенской интерпретации* квантовой механики. Если с объектом нет никакого взаимодействия – его и не существует, есть только вероятность его существования где-либо в пространстве-времени. Но можно пойти дальше: на самом деле попросту *не существует* таких объектов, с которыми нет никакого взаимодействия.

Исходя из такого понимания квантовых процессов в 1970-х годах американским физиком Джефффри Чу был сформулирован общий принцип, известный как *принцип бутстрапа*². Им утверждается, что Вселенная может рассматриваться только в виде *сети взаимосвязанных событий*, берущих основу в “спутанных” квантовых конфигурациях, а все уровни познания этих событий – такие, как, например, биология, психология, физика – взаимосвязаны друг с другом и не предполагают никаких фундаментальных законов, констант или “фундаментальных кирпичиков” в случае физики. Согласно Чу, преодоление фундаментальности возможно лишь при интеграции различных частных теорий в единую, предпосылка к чему фактически и осуществлена Бартини. Однако Бартини показал не собственно отсутствие “фундаментальных кирпичиков”, а принципиальную необходимость их *сочетания*, чтобы образованные ими конструкции и системы имели хотя бы какой-то смысл.

С другой стороны, парадокс квантовой неопределённости ничем не лучше, скажем, простого эксперимента по бросанию игральных костей, который всегда даст шесть равновероятных исходов такого бросания (количество очков от 1 до 6). Можно ли сказать, что результат при бросании игральной кости будет в чистом виде случайным? Действительно, он будет крайне трудно прогнозируем и минимально взаимосвязан с предыдущими результатами. Но это ещё совсем не означает случайности, и нет никаких оснований утверждать, что если мы не можем прогнозировать какие-то взаимосвязи, то их в самом деле нет. Совсем наоборот, эти взаимосвязи есть, они крайне сложны и глубоки, и значит, они могут иметь крайне глубокий смысл. Как раз по этому поводу

¹ Цитируется по: *Ф.Капра*. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем.

² “Бутстрап” (с англ. bootstrap) – старое английское слово, означающее кожаные петельки, “ушки” на задниках походных или рабочих ботинок, использующиеся для облегчения натягивания их на ноги. В настоящее время чаще имеется ввиду метафорическое значение слова “бутстрап”, характеризующее независимость или самостоятельность некоторого действия.

Альберт Эйнштейн говорил, что “Бог не бросает кости”. Здесь можно поспорить: Бог бросает кости, но просто делает это так умело, что всегда заранее знает результат.

В этих рассуждениях можно пойти ещё дальше и предложить в связи с ними вполне прозрачную “магическую” интерпретацию. Так, если случайность микромира явно устраняется в макромире, то отрицание случайности во Вселенной вообще, на любом её уровне, есть не что иное, как допущение некой сверхматериальной силы, известной у Толтеков как намерение, и персонифицируемое волей. Особая ценность подобного взгляда в том, что он позволяет подвести научную базу под разного рода феномены, вроде телепортации, предвидения и т.п., относящиеся к феноменам энергетического тела. Ведь действительно, если Вселенная управляема единой силой, лежащей вне времени и пространства, для неё не может быть и никаких пространственно-временных препятствий, ограничивающих её проявление – в частности, скорости света. В физике этому тезису соответствует так называемый *принцип квантовой нелокальности*, обоснованный для частного случая ирландским физиком Джоном Беллом. Впрочем, зачастую, наоборот, квантовая теория трактуется, как возможность некой свободной воли, которая как раз и осуществляется многовариантностью квантовых событий. Хотя с другой стороны, та же идея неустранимой случайности может привести к грубому материализму, когда буквально всё происходящее в мире можно называть “вероятностным”. Или противоположная крайность подобных представлений, что таким образом проявляет себя “проведение”, тем самым ещё больше усугубляя и ту случайность, что уже имеется, и также ещё больше ограничивая свободную волю конкретного индивидуума.

Познание себя и абсолютная свобода

Как утверждается в нагуализме, биологическая эволюция завершается достижением так называемого третьего внимания или абсолютной свободы – состояния, которое в свете данных выше пояснений можно отождествить с *выходом за пределы привычного людям синтаксиса*. Куда именно отправляется существо после подобного выхода сказать нельзя – более того, сам этот вопрос не имеет смысла, поскольку любого рода ссыла – даже полностью формальная – может указывать куда угодно, но всегда только в пределах мира, ограниченного самой возможностью формальных ссылок. Как разрешить это противоречие, когда отсутствует возможность даже подступить к предмету обсуждения? Оставаясь в рамках человеческого разума никак, но выход за пределы синтаксиса и есть не что иное, как выход за пределы разума и порождаемого им мира объектов в сферу более широкого синтаксиса или более широкого мира, каким-то непостижимым образом включающего наш мир в себя. Иначе говоря, проблема возникает лишь при априорном принятии принципа тождества бытия и мышления, фактически утверждающего, что существует лишь то, что может быть мыслимо. Но понятно, что этот принцип сам есть не более чем порождение мышления, он лишь подтверждает синтаксис языка, посредством которого сформулирован. С другой стороны, поставленный вопрос сводится к вопросу о происхождении умопостижимого мира вообще, ведь, в сущности, мир разума и возник (вновь, с оговоркой об условности употребления здесь любых глаголов) из того самого *непостижимого*, по отношению к которому описывающие его формулировки бессильны.

С другой стороны, в нагуализме существует практическая концепция, что при достижении бесформенным воином третьего внимания происходит полное разделение *жизненных переживаний* и *жизненной силы* (см. Приложение): первые посредством перепросмотра возвращаются назад во Вселенную, откуда они и были получены, последняя переходит в сферу непостижимого. Это же явление, в действительности, происходит всегда после смерти человека, но если на момент смерти жизненные переживания, связанные с эмоциональной вовлечённостью, всё ещё продолжают довлеть над ним, определять его поступки, его индивидуальность разрушается (“Орёл пожирает осознанность”, которую, впрочем, сам и даровал). Свяzano это, впрочем, не напрямую с жизненными переживаниями, а с тем, что, имея их, человек никогда не обладает достаточным количеством энергии, чтобы сохранить индивидуальное сознание после смерти.

Также Карлос Кастанеда раскрывает феномен третьего внимания в следующих пояснениях:

- «– Для мага смерть – это объединяющий фактор. Вместо того чтобы раздроблять организм, как это обычно происходит, смерть объединяет его.
- Как может смерть что-то объединить? – возразил я.
- Для мага смерть, – сказал [дон Хуан], – кладёт конец преобладанию отдельных настроений в теле. Маги древности считали, что именно преобладание различных частей

тела руководит настроениями и действиями всего тела; части, которые перестали нормально действовать, тянут остальные части тела к хаосу, – например, когда человек заболевает оттого, что съел какую-то дрянь. В этом случае настроение живота влияет на всё остальное. Смерть ликвидирует преобладание этих отдельных частей. Она объединяет их осознанность в одну единицу.

– Ты имеешь в виду, что после смерти маги продолжают осознавать? – спросил я.

– Для магов смерть – это акт объединения, который задействует каждую частичку их энергии. Ты думаешь о смерти как о трупе перед собой: тело с признаками разложения. Их тела во всей полноте превращаются в энергию, энергию, обладающую осознанностью, которая не раздроблена. Границы, установленные организмом, которые смерть разрушает, в случае магов продолжают действовать, хотя они уже не видны невооружённым глазом.

– Я знаю, тебе не терпится спросить меня, – продолжал он с широкой улыбкой, – является ли то, что я описываю, душой, которая идёт в ад или в рай. Нет, это не душа. Когда маги находят эту скрытую возможность выбора в смерти, с ними происходит вот что: они превращаются в *неорганические существа*, очень своеобразные, высокоскоростные *неорганические существа*, способные на колоссальные маневры восприятия. Тогда маги начинают то, что шаманы древней Мексики называли их *окончательным путешествием*. Областью их действий становится *бесконечность*.

– Дон Хуан, ты имеешь в виду, что они становятся вечными?

– Моя *трезвость* как мага говорит мне, – сказал он, – что их осознанность прекратится, также как и прекращается осознанность *неорганических существ*, но я никогда не *видел*, чтобы это происходило. Маги древности считали, что осознанность *неорганического существа* такого типа продолжается, пока жива Земля. Земля – это их матрица. Пока она существует, их осознанность продолжается. Для меня это совершенно разумное утверждение».¹

«Дон Хуан описал конечную цель своего шаманского знания как подготовку к *окончательному путешествию* – тому путешествию, которое каждому человеку приходится предпринимать в конце своей жизни. Он сказал, что благодаря дисциплине и решимости шаманы были способны сохранять своё индивидуальную осознанность и помнить о своей цели даже после смерти. Для них то, что современный человек называет “жизнь после смерти”, было не туманным бестелесным состоянием, а очень конкретным миром, до краёв наполненным практической деятельностью иного порядка, чем практическая деятельность повседневной жизни, но тоже весьма практической и функциональной. Дон Хуан считал, что собрание памятных событий своей жизни было для шаманов подготовкой к вхождению в тот конкретный мир, который они называли *активной стороной бесконечности*».²

Из этих пояснений можно выделить два основных замечания: во-первых, мир, куда отправляется достигшее третьего внимания существо, также реален и конкретен, как и наш, а, во-вторых, смерть для магов является интегрирующим осознанность фактором. Первое замечание призвано показать, что мир не заканчивается только разумно постигаемым – но следует понимать, что выражения вроде “другой мир”, “другой синтаксис”, “деятельность иного порядка” целиком и полностью метафоричны. Можно сказать, деятельность достигшего третьего внимания существа соотносится с деятельностью человека так же, как деятельность человека с деятельностью муравья, и подобно тому, как муравей принципиально не имеет в своём “синтаксисе” способа постичь человека, и человек не может постичь существо третьего внимания. Другими словами, если для муравья человек – это не более чем “очень большой муравей”, для человека существо третьего внимания – это “очень могущественный человек”: и то, и другое лишь метафоры. Аналогично, выражения “прийти к истокам всего”, “достичь тотальности по отношению к миру”, иногда применяющиеся в эзотерических учениях, демонстрируют лишь полную неприменимость средств разума в отношении непостижимого, то есть *непостижимое для разума, по определению, невозможно и бессмысленно*. Единственное, что с большей или меньшей долей уверенности можно констатировать, и что делает Хуан Матус, это наличие общей основы для существования биологических существ и существ третьего внимания – планеты Земля. Если принимать это за истину, получается, что Земля каким-то образом существует и вне нашего умпостигаемого мира, что, кроме того, соотносится с другим утверждением Хуана Матуса (из «Огня изнутри»), назвавшего Землю живым существом. Если

¹ К.Кастанеда. Активная сторона бесконечности.

² Ibid.

рассматривать подобный тезис в качестве аналога Гея-гипотезы Лавлока, это будет означать, что также как человек эволюционирует под воздействием внешней среды Земли, сама она эволюционирует под воздействием внешней среды Вселенной в целом. А это, в свою очередь, позволяет говорить – хотя бы гипотетически – о возможности своего рода *абсолютной свободы уже планетарного масштаба*, подразумевающей буквальное исчезновение Земли из Вселенной вместе со всем на ней находящимся наподобие того, как полностью исчезают в “огне изнутри” уходящие в третье внимание люди. Такое исчезновение, знаменующее переход в третье внимание всей планеты, можно считать фактическим концом умопостигаемой Вселенной, но не как её *объективным* уничтожением, а как полной реализацией лежащего в её основе намерения по отношению к одному из планетарных *субъектов*.

Второе замечание, согласно которому смерть интегрирует осознанность, вполне сопоставимо с ранее приведённой теорией, характеризующей эволюцию как процесс упорядочивания или гармонизации существ. Абсолютная свобода, исходя из этого, является состоянием *абсолютного порядка* и гармонии, в противоположность *абсолютному хаосу*, каким была Вселенная сразу после возникновения. И, таким образом, в мире третьего внимания нет места ни страху, ни несчастьям, ни злости, ни несправедливости, а, вообще говоря, в нём нет никакой боли, а есть только неисчерпаемое *познание* и бесконечные перспективы нового *творчества*.

Рассмотрим процесс достижения третьего внимания несколько подробнее, чем это уже было сделано, когда биологическая эволюция соотносилась с рядом последовательно осуществляемых метасистемных переходов. Именно, уясним, что метасистемные переходы вплоть до появления разума отражают *развитие* существ, а последний из рассмотренных метасистемных переходов, связанный с появлением *воли*, затрагивает уже несколько иную тенденцию – *познание существами самих себя*; иначе – *взятие под контроль собственных энергетических полей*. Действительно, возникновение нового уровня осознанности до её появления, хотя и вело к большему самоопределению существ, тем не менее, всегда сохраняло предыдущие: так, разум не отменил бессознательные и инстинктивные проявления, движение не отменило потребность в освещении, также ни один из метасистемных переходов не отменил сексуальные проявления, а сами биологические надстройки не отменили неорганической основы. В результате, любое живое существо, и, прежде всего, человек, сохраняет весомую долю уязвимости, поскольку даже предельное развитие разума не страхует его от физических или психических травм, на что и указывал Хуан Матус, говоря о преобладании различных частей тела. Но ситуация кардинально изменяется с развитием воли, поскольку *воля тем и характеризуется, что стремится избавиться от любого рода основ, познав их*.

Первое, что может сделать воля в этом направлении, и на чём ранее рассмотрение этого вопроса было прервано – это познать разум, останавливая внутренний диалог или даже искусственно внося коррективы в его ход. Параллельно охватывается и бессознательная составляющая психики: главным образом, социальное бессознательное, и вместе с ним рода фобии и инстинкты. Этот этап Толтеки определяют как потерю человеческой формы, за которой поэтапно следует достижение целостности самого себя как объединение первого и второго внимания. Здесь можно заметить, что познание себя происходит в обратном порядке, чем развитие, и это вполне естественно, ведь чем архаичнее в эволюционном плане некоторое качество, тем сложнее его осознать и подчинить. Так, по мере интеграции психики развитие воли обращается к физическому плану и приводит к появлению способностей, которые, как правило, и называются магическими: например, к овладению *телепортацией* и *телекинезом* (соответственно, волевым перемещением себя и других предметов без прямых физических усилий), а на более тонком уровне к способности лечить или, наоборот, наносить вред здоровью. Последними двумя способностями обладал Нагуаль Хулиан Осорио, одним взглядом делавший людей больными. Также Хуан Матус мог не давать свечам зажигания машины Кастанеды заработать, а Сакатека буквально вынудил его силой внушения прекратить задавать вопросы и уйти.

Таким образом, интеграция, осуществляемая при достижении целостности самого себя, соответствует предельному развитию воли, когда все автономные существа, составляющие тело человека, полностью подчиняются ей. Подобная интеграция касается только органических составляющих, а неорганическая основа каким-то непостижимым образом сохраняется и укореняется на Земле (что, конечно, не отменяет возможных путешествий по другим мирам и соответствующем укоренении уже в них).

Развитие воли или укрепление связующего с намерением звена соответствует постижению человеком самого себя, когда все более архаичные существа (вообще говоря, системы и органы), составляющие его тело, или все образующие его энергетические поля, в обратном возникновению порядке подчиняются ей. В этом смысле последний метасистемный переход, завершающий биологическую эволюцию, представляет собой состояние *абсолютного самоопределения* или *абсолютной свободы*, относящееся к сфере непостижимого, где перестаёт работать принцип тождества бытия и мышления. После этого магическая когорта становится особым неорганическим существом, осознанность которого объединяется с осознанностью Земли и переходит в мир, лежащий вне физического времени.

Наконец, важным этапом, следующим за обретением целостности, но предшествующем переходу в третье внимание является то, о чём Хуан Матус говорил как о “вкладе в дух человека”. Этот важнейший пункт на самом деле легко пропустить, ведь действительно ознакомление с учением Толтеков может вызвать впечатление, что целью пути знания является в некотором роде “побег” из Вселенной, что также отражает умонастроения некоторых практиков. Вселенная, при таком взгляде, целиком враждебна, наполнена невзгодами и тяжёлой борьбой, и вообще, по сути, является “ловушкой” осознанности. Всё это, хотя и справедливо отчасти, тем не менее не является полной правдой. И это одна из причин, по которой достигший целостности человек всё ещё предпочитает оставаться в этом мире, реализуя то, ради чего на самом деле он и был создан изначально – ради эволюция осознанности. Достигнув эту цель сам, теперь он должен помочь в её осуществлении и другим, становясь для них наставником. Согласно раскрытому Толтеками правилу, подобная помощь осуществляется в рамках магической линии, где она реализуется как преемственность магических когорт. Вообще же, как известно из других учений, наиболее базовыми здесь являются отношения учитель-ученик, подразумевая ряд усложнений, одним из которых и является правило четырёхзубчатого Нагуаля. При этом, учитель, безусловно, испытывает настоящее *счастье* от своего последнего дела, и он также дарит это счастье ученику, и всё это вместе приносит в этот мир наибольшие гармонию и совершенство, которые только в нём возможны, и которые так долго ждали своего часа.

Прежде чем покинуть физический мир, человек знания становится наставником для следующих за ним по пути практиков, вследствие чего эволюция осознанности в этом мире никогда не может прерваться.

Конечно, следует отдавать отчёт, что всё сказанное выше лишь наиболее общая схематизация реально происходящего, и целью ставится не доскональное описание всех нюансов, с которыми реально сталкивается практик на пути к абсолютной свободе, а только предельно ясное раскрытие сущности этого пути. С другой стороны, за основу здесь взяты весьма скромные знания, предоставленные в рамках нагуализма, но существуют и другие учения, где, возможно, совсем другим языком, но о тех же самых вещах говорится гораздо более подробно, а многое открывается в совершенно ином ракурсе. Так, например, в нагуализме практически не выражена (то есть имеются только намёки) крайне перспективная идея, что все биологические существа являются, по сути, *реализациями намерений* существ более высокого порядка небологических миров, те же, в свою очередь, могут являться реализациями намерений ещё более абстрактных существ, таким образом, образуя своего рода вселенскую иерархию, на вершине которой пребывает единое существо *Создатель*. Упуская эту идею, которую можно встретить во многих духовных и эзотерических учениях, индивидуальные биологические существа рассматриваются как напрямую реализующие *намерение бесконечности* (совпадающее с их собственным намерением), что, возможно, является не полной истиной. Подобный взгляд также полностью соотносится с теорией метасистемных переходов, подразумевая, что равно как третье внимание реализует эволюционный переход от биологической жизни к небологической, так и более высокие порядки переходов реализуют возможности ещё более интенсивной и осознанной жизни.

Вся эта теория может вызвать некоторые сомнения, касающиеся того, что поскольку все существа третьего внимания обладают свойством тотальности в отношении Вселенной, они, по сути, тождественны друг с другом, то есть вести речь здесь в любом случае можно лишь об одном существе. Однако только в мире разума тотальность означает тождественность, на чём и основана теория Бартини, но вообще говоря, она лишь подразумевает *взаимную непротиворечивость* или,

другими словами, *единство и гармонию*. В противоположность *разделённости* и *борьбе* нашего мира. Это подобно тому, как различные физические законы действуют для разных материальных явлений, но никогда не противоречат друг другу. Отсюда также понятно, почему в мире третьего внимания нет места несправедливости, хотя потенциал для ещё большей гармонии найдётся всегда.

Для любого конкретного человека всё это также означает, что наступит такой момент в его эволюции, когда он сможет сам формировать полностью личные *намерения*, полностью личные *миры*, и полностью личных *существ*, населяющих их. Будучи для них полновластным Богом. Хотя бы подобно тому, как формировала свой личный мир воспоминаний женщина-арендатор из «Искусства сновидения»:

– ...Нет проблем, – сказал я. – Давай продолжим нашу прогулку во сне.

Она взяла меня под руку и мы молча вошли в парк. Это молчание не было вынужденным. Но мои мысли вертелись по кругу. Как странно, думал я: только мгновение назад я шёл с доном Хуаном от парка к церкви в состоянии самого ужасающего естественного страха. Сейчас я иду назад из церкви в парк с объектом моего страха и мне ещё более страшно, чем когда-либо, и страх этот ещё сильнее и беспощаднее.

Чтобы отогнать от себя своё беспокойство, я начал оглядываться вокруг. Если бы это было сновидением, – во что мне так хотелось верить, – то была бы возможность доказать или опровергнуть это. Я указывал пальцем на всё. Тщетно. Я даже прихватил пару человек, которых, как оказалось, я сильно напугал. Я ощущал их целиком. Они были столь же реальны, как всё, что я считаю реальным, только не излучали энергию. Ничто в этом городе не излучало энергии. Всё казалось реальным и нормальным, хотя это было сновидение.

Я обернулся к женщине, прижимавшейся к моей руке, и спросил её об этом.

– Мы спим, – сказала она своим резким голосом и засмеялась.

– Но как могут люди и вещи вокруг нас быть столь реальными, трёхмерными?

– Тайна направленного намерения во втором внимании! – воскликнула она с благоговением. – Эти люди там столь реальны, что у них даже есть мысли.¹

Конечно, все эти чудеса будут возможны только после полного отказа от подобных амбиций – амбиций эго – в нашем родном мире: нахождения в нём своего места, и чёткого уяснения, что у него уже есть единственный полновластный Хозяин, который и дал нам всё, что мы имеем, включая шанс на свободу.

Среди многих западных академических учений, как-либо затрагивающих процесс постижения человеком себя, одним из наиболее хорошо проработанных и широко известных является *аналитическая психология* Карла Юнга, в которой этот процесс называется *индивидуацией*. Основные и составляющие дихотомическую пару понятия аналитической психологии – это понятия *сознания* и *бессознательного*, причём последнее подразделяется на *личное*, состоящее из приобретённых в ходе собственного опыта человека *комплексов* (теорию которых развил Зигмунд Фрейд), и *коллективное*, состоящее из укоренённых в психике всех людей инстинктов и *архетипов*. Архетипы можно рассматривать как нечто близкое к априорным формам созерцания Канта, но только относящимся не к сознанию, а к бессознательному. Сами по себе архетипы не образы, но психические структуры, делающие восприятие и продуцирование каких-либо осмысленных образов или символов возможным – преимущественно в сновидениях, либо при активной работе воображения. Функция архетипов состоит в том, чтобы обращать внимание на деформации в сознательной или разумной деятельности (не давать разуму “костенеть” или точке сборки фиксироваться), а процесс индивидуации как раз является таким балансирующим сознание и бессознательное процессом. Заключение о коллективной природе архетипов Юнг сделал, проанализировав достаточно большое число мифов, преданий и ритуалов разных народов, а также древние науки – такие как алхимию и астрономию; в них, как он показал, проявляются одни и те же общие мотивы. Например, широко распространены мифы, эксплуатирующие образ или архетип Героя, Спасителя, что связано с большой желательностью такого персонажа для общества. В этом смысле вообще обращение к любого рода традиционной или религиозной символике трактуется Юнгом как своего рода психотерапия, нивелирующая нервозы, связанные с боязнью независимости от конкретного человека потрясений – голода, войны, болезней и т.п.

Архетипов существует достаточно много, но с несколькими основными в процессе индивидуации сталкивается каждый человек. Прежде всего, это архетипы Персоны – социально

¹ К.Кастанеда. Искусство сновидения.

приемлемого образа, который человек целенаправленно поддерживает, и с которым обычно полностью отождествляется, – и Тени – наоборот, вбирающей в себя все его социально нежелательные качества (в том числе и позитивные, творческие), которые нередко он не осознаёт даже сам. В случае большого числа таких вытесненных проявлений возможна сильная диссоциация личности и выделение “теневого стороны” в нечто достаточно целостное или даже независимое. Индивидуация Персоны и Тени сводится к ознакомлению человека со всеми своими желаниями и потребностями вне их социального одобрения и к поиску способов их осознанной конструктивной реализации. Важным моментом здесь является то, что до того, как человек осознает “теньевые стороны” в себе, он может находить их лишь в других людях, выражение негативного отношения к которым будет являться в подобном случае психической компенсацией. Он, таким образом, будет как бы *проецировать* нежелательные качества на других людей, поскольку признание их наличия непосредственно у себя было бы на этом этапе достаточно болезненным. Крайний случай проецирования имеет место, когда очень боясь разоблачения в чём-либо, человек бессознательно обвиняет других исключительно в этом же, и ввиду такой своей настойчивости, в конечном счёте, полностью выдаёт себя (как говорится – “на воре и шапка горит”). Этот феномен также близок к описанному Фрейдом феномену “оговорок” – оговариваясь во фрейдистском смысле, человек случайно сообщает именно то, что в момент оговорки наиболее сильно желал скрыть.

Следующие архетипы, осознаваемые при индивидуации, – это архетип Анимы или женского начала у мужчин и архетип Анимуса или мужского начала у женщин. В согласии с теорией Юнга, каждый человек носит в себе психические черты не только собственного пола, но и противоположного, и тогда как основная черта психики женщины – чувство или интуиция, а мужчины – рациональность или здравый смысл, каждая женщина обладает определённой степенью рациональности, а мужчина – определённой степенью интуиции (точнее, как объясняла Эсперанса Флоринде Доннер – у мужчин и женщин разные природные приоритеты в подходе к делам). Целью этого этапа индивидуации, следовательно, является достижение гармонии между чувством и мыслью, интуицией и логикой, когда они наиболее естественным и непротиворечивым образом дополняют друг друга. Здесь необходимо заметить, что обретение такой гармонии является чрезвычайно важной задачей для современной патриархальной цивилизации в целом. Ведь очевидно, что именно выраженная гипертрофия мужского начала, чрезмерной рационализированности, является основной причиной как повсеместного насилия в отношении природы, так и разрыва связи с намерением, о чём говорят Толтеки.

Последний и наиболее важный архетип – архетип Самости – олицетворяет достижение человеком личностной целостности, и, как правило, символизируется либо в виде богообраза, либо в виде мандалы (“магического круга”). Наиболее серьёзное препятствие, указанное Юнгом на пути к Самости, заключается в возможности “раздувания” сознания – тогда мужчина ощущает себя “мудрым старцем” или “гуру”, а женщина – “великой матерью”. Желая учить других, но также имея и собственные тщательно скрываемые (“в тени”) недостатки.

Очевидно, Толтеки относят подобное состояние к неумеренно большому чувству собственной важности, но это не единственная параллель, которая может быть проведена между нагуализмом и аналитической психологией. Для более глубокого их сопоставления интересно обратиться к работе юнгианского психолога Роберта Ли Уильямса «Пересекая границу... Психологическое изображение пути знания Карлоса Кастанеды», в которой им была предпринята попытка интерпретировать в духе Юнга первые пять книг Кастанеды. Результат, как будет показано далее, свидетельствует о принципиальной узости аналитической психологии по отношению к нагуализму и о его несводимости к ней. Главное, что делает Уильямс, – отождествляет *нагуаль* и *коллективное бессознательное*, и в определённом смысле такое отождествление действительно правомерно, поскольку как нагуаль, так и коллективное бессознательное находятся вне области обыденного сознания и служат, при сознательном проникновении в них, его укреплению – или укреплению тоналя. Можно лишь дополнительно уточнить, что бессознательное, как его понимает Юнг, связано только с внутренними эманациями человека, а не с соответствующими им внешними. Однако принципиальное расхождение заключается в другом: нагуаль нельзя интерпретировать, ведь он даёт вещи такими, какими они являются по сути, – напротив, архетипы коллективного бессознательного подлежат и нуждаются в интерпретации. Вместо того чтобы признать это расхождение, Уильямс отстаивает позицию, что толтекское видение – не более чем обострённая интуиция. Когда же речь заходит о визуальном срезе видения, в котором человек представляется светящимся коконом или яйцом, а воля – исходящим из области живота пучком волокон, рассматривает их в качестве

символов, то есть, в общем, отказывает им в объективной реальности, сводя к психическим феноменам. Интуиция, при таком рассмотрении, это только средство интерпретации символов и не более того (яйцо, согласно Уильямсу, символизирует человеческую “потенциальную целостность”, воля – “глубочайшее инстинктивное ядро личности и её привязанность к жизни”).

В принципе, понимание человека – в данном случае его психики – как “меры всех вещей” было бы достаточно логичным, поскольку мы действительно постигаем мир, постигая самих себя, однако на этот счёт имеются вполне однозначные утверждения Хуана Матуса, противопоставляющее *магию* и *видение*. Первая – действительно подразумевает интерпретации, второе – полностью исключает их. В этом смысле подход Юнга по большому счёту подход магический, без интерпретаций не обходящийся, а, как известно из нагуализма, интерпретации осуществляются на базе *человеческой матрицы*, именно она составляет ядро психики человека, и принуждает его интерпретировать мир как что-то знакомое и собственно человеческое. Таким образом, можно констатировать только общую верную направленность подхода Юнга – к Самости, – вне предложенных им конкретных методик. При этом также можно заметить, что Самость как раз и является человеческой матрицей – по сути, *единственным и основным архетипом*, заключающим в себе все остальные и действительно открывающим после его преодоления в виде потери человеческой формы путь к целостности самого себя.

Другие важные утверждения Уильямса базируются на том же заблуждении: например, он рассматривает союзников не как самостоятельных существ, а только в качестве “автономных архитипических комплексов”, то есть, по сути, тоже относит их к психической реальности человека, а не к объективной (в первых пяти книгах Кастанеда ещё не сообщил, что союзники являются неорганическими существами). Действительно, в обычных снах, на которых и сосредоточено основное внимание психоаналитиков, появляется большое число неорганических существ (о чём говорится в «Искусстве сновидения» – они приходят для обмена энергией), и их внешний вид напрямую связан с психическим состоянием спящего человека – но это совсем не отказывает им в независимом от снов людей существовании. Наконец, наиболее показательным моментом является отождествление Уильямсом реальности магического сновидения с тем, что Юнг называл “активным воображением”. Бесспорно, на первых этапах сновидение в самом деле есть чистое воображение, берущее основу в тоне сновидящего. Однако если процесс настройки сновидения и можно назвать процессом активизации воображения, то конечная цель подобной активизации всё же состоит не в работе с материалом тоналя, а в выходе за его пределы, не в интерпретации сна постфактум, а, прежде всего, в объективизации его содержания в ходе его непосредственного течения.

Часть II. СИЛА

Глава первая. ПУТЬ ВОИНА

Тогда как первая часть книги называлась “Знание”, название этой – “Сила”, однако сразу же следует оговориться, что даже самое скрупулёзное изучение её материала вне практики не даст никаких гарантий получения реальных результатов, то есть собственно не прибавит *силы*.

Кому идти по пути воина

Фактически это замечание несёт ещё более глубокий смысл:

На путь воина нельзя встать по собственному желанию – в силу эгоистических побуждений или одного только умственного решения. Наоборот, такое становление всегда является вынужденным, обусловленным лишь внешними обстоятельствами или прямым влиянием Нагуаля. Эго же всегда только препятствует ему, а разум до последнего отказывает в его признании.

Действительно, а что вообще может заставить человека отказаться от чувств собственной важности и жалости к себе, приносящих столько положительных эмоций? Либо же серьёзно задуматься о смерти? Естественно, для уверенного в себе и успешного человека такая смена общепринятых приоритетов была бы, по меньшей мере, странной, и совсем не обязательно он вдруг поверит рассказам Кастанеды или кого бы то ни было другого. И здесь следует понимать, что Кастанеда лишь показывает дорогу, а встать на неё каждый должен только сам, без всяческого внешнего влияния. С другой стороны, бессмысленно пытаться стать воином осознанно, без действительно радикальной жизненной подоплёки, а только лишь мня себя таковым. Хуан Матус называл таких людей, стремящихся стать воинами по собственной инициативе, “дырявыми горшками”, поскольку они совершенно не представляют себе реальных трудностей, с которыми предстоит столкнуться, и сбегают уже при самой первой и незначительной угрозе своему благополучию:

«– ...Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего нужно затягивать на путь хитростью. Я уже говорил тебе об этом.

– Но я уверен, что найдётся масса людей, которые с радостью захотят учиться, – сказал я. – Да, но эти не в счёт. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь, как только в неё наливают воду, и появляется давление. Когда-то я втянул тебя в учение хитростью, и то же самое в своё время сделал со мною мой бенефактор. Если бы не мой трюк, ты бы никогда не сумел столь многому научиться».¹

В то же время человек, действительно находящийся всецело в руках силы и фактически уже не способный влиять на свою судьбу меркантильными поступками, не всегда сразу и уверенно признает, что является воином:

«...Я же не практикующий маг.

– Но кто же ты тогда? – спросил [дон Хуан].

¹ К.Кастанеда. Отдельная реальность.

– Я студент, изучающий антропологию, который старается разобраться, чем занимаются маги, – сказал я.

Такое заявление не совсем соответствовало истине, но не было и ложью. Дон Хуан смеялся безудержно. – Слишком поздно ты спохватился, – сказал он. – Твоя точка сборки уже сместилась. Именно такой сдвиг и делает человека магом».¹

Вообще вопрос – “кому идти по пути воина, а кому нет?”, актуален только в связи с публичным открытием Кастанеды толтекских знаний, а без этого говорить было бы просто не о чем, и тот, кто не является воином, никогда бы и не задумался о том, чтобы стать им. Но поскольку книги Кастанеды доступны массово, нередко высказывается мнение, что и успешная практика по ним может носить массовый характер. Впрочем, действительно, пытаться практиковать может каждый, и каждый, почти без исключений, имеет шанс на успех. Но в основном трезвый анализ контингента людей, позиционирующих себя практиками нагуализма, ведёт к большим сомнениям относительно их реальных достижений. Причём связано это именно с самими практикующими, а не с путём воина, непосредственно персоной Карлоса Кастанеды или содержанием и стилем его книг.

Так, наиболее широкий класс почитателей Кастанеды – романтически настроенная увлекающаяся молодёжь, сохраняющая открытость к непознанному ещё со времени детства. Однако вместе с тем представители этого класса также сохраняют и немалый инфантилизм, слабость тоналя или его “дырявость”, как сказал бы Хуан Матус. Наоборот, взрослея и становясь прагматичнее, такие практики, как правило, оставляют свои былые интересы в этом направлении, “перерастают” нагуализм, и даже если по старой памяти что-то отложилось в уме человека, читавшего книги Кастанеды “в годы далёкой молодости”, это совсем не то, что в них содержалось *на самом деле*. И, конечно, для него это совсем не те книги, которые достойны повторного прочтения, особенно если теперь он занят “серьёзной, важной и полезной деятельностью”, а также учитывая их немалый объём и необходимость иметь, как минимум, желание разобраться и непредвзятое серьёзное отношение. В данном случае серьёзное не в академическом смысле, а, прежде всего, в смысле *живого неподдельного интереса*.

В результате, по прошествии лет молодости остаётся сравнительно не много людей, напрямую связывающих себя с нагуализмом, но и не каждый из таковых движется в действительно верном направлении, то есть именно по пути воина. Этап, когда разум начинает накладывать на ранние непосредственные впечатления свой отчётливый отпечаток, нередко завершается их чрезмерной рационализацией, укладыванием в какие-либо удобные схемы – обычно противоречащие исходным посылкам. Вместе с тем появляется тенденция к разнообразному интерпретированию или “переосмыслению” нагуализма в свете различных эзотерических учений или общеустоявшихся подходов (например, юнгианского, что осуществил Роберт Ли Уильямс). Отсюда немалое число статей и книг сторонних авторов, предлагающих нагуализм в выхолощенном виде – давая иллюзорную ясность мысли, и при этом упрощая или же вообще отменяя реальную работу над собой.

Если говорить подробнее, любая популяризация нагуализма всегда основывается на трёх идеях, главная из которых – что следование по пути воина может носить *массовый* характер. Но это, как уже было замечено, категорически не верно, хотя соблазн так считать в самом деле крайне велик. Желание стать воином и магом можно сравнить с желанием стать космонавтом и полететь на Луну: *хотят все, могут не многие, летят единицы, долетают – то есть в данном случае достигают третьего внимания – избранные* (причём, стоит заметить, что для мага оказаться на Луне существенно проще, чем для обычного человека, ставшего космонавтом; и в этом смысле, хотя космонавтика предполагает избранность, в принципе в плане познания Вселенной она является тупиковым путём). Во-вторых, любая популяризация нагуализма всегда сопровождается немалым объёмом разного рода лирических отступлений и бесполезных умствований, что в подобном случае естественно, поскольку приближаться к сути дела разрушительно для описания мира её приверженца, ведь это может привести к сомнениям на счёт осмысленности его деятельности в целом. Наоборот, максимально отойти от сути в подобном случае крайне желательно, что обычно сопровождается критикой отдельных положений нагуализма или даже Кастанеды лично (как бы абсурдно это не выглядело – и даже чем абсурднее, тем лучше). Наконец, в-третьих, подвергается сомнению идея абсолютной свободы и её возможного достижения, либо она упоминается вскользь или вообще игнорируется и рассматривается как нечто предельно гипотетическое и неясное. В самом деле, абсолютная свобода – предел абстракции, но, с другой стороны, она же и основа самосознания и

¹ К.Кастанеда. Сила безмолвия.

безупречности воина – то, что вообще придаёт смысл его жизни: как вызову, как непрестанной борьбе, подготавливающей его к встрече со смертью.

Каков бы ни был объём знаний человека или даже объём его реальных магических способностей, смерть уравнивает всех, а победа над ней является для воина единственной стоящей целью.

Естественно, любые лирические рассуждения несовместимы с этой целью – Толтеки называют склонных к ним людей “людьми лирического знания”.

Говоря более конкретно, в результате разного рода профанаций, когда понятийный аппарат нагуализма используется вне изначально присущего ему смысла, *сновидение* превращается, например, в “осознанные сны”, в “активное воображение” или даже просто в фантазии; *сталкинг* – в не более чем эксцентричность, хотя вообще цель сталкинга противоположна – это гармоничное поведение. Стирание личной истории – в показную загадочность; борьба с социализацией – в эгоизм; борьба с чувством собственной важности – в ощущение себя “избранным” и каким-то образом “сопричастным” нагуализму, отличным от остальных людей – что важность только усугубляет. Кроме того – в борьбу с чувством собственной важности других людей, а не со своим, то есть фактически в становление не воином, а *мелким тираном*. Наконец, движение *точки сборки* превращается в изменение мнений или придание старым словам нового смысла, как будто точка сборки собирает не собственно мир, а его умственные описания или между миром и описаниями нет разницы. Последняя позиция часто подкрепляется в корне неверным пониманием идей философии лингвистического анализа и постмодернизма, где действительно языковая деятельность рассматривается в качестве эквивалента любой деятельности вообще – но из этого совсем не следует, что применение определённых понятийных конструкторов автоматически ведёт к уяснению их содержания.

Как бы там ни было, бессознательное понимание собственной неспособности следовать по пути воина всегда приводит к тому или иному достаточно целостному мировоззрению, где нет или почти нет места сомнениям. При этом не имеет значения формальное отношение к нагуализму: положительное оно или отрицательное (например, на основе аморальности этого учения, либо его антинаучности). *В любом случае каждый человек будет вынужден отбросить свои спасительные описания в момент смерти, когда что-либо предпринимать будет уже слишком поздно.*

Чувство собственной важности как чувство сопричастности

Один из наиболее коварных врагов на пути воина – *чувство собственной важности*, однако корректное выяснение природы этого чувства и, как следствие, критериев и видов его проявлений нередко оказывается затруднительным или производится только в связи с какими-либо конкретными чертами характера практикующего. Как, например, с завистливостью, с излишней самоуверенностью, с эгоизмом, с непосредственно самовозвеличиванием и хвастовством. Подобный подход возможен, но далеко не оптимален, а намного более практичный подход состоит в перенесении акцента с частных особенностей *личности* практикующего на его отношения к тем или иным реалиям *внешнего мира*. То есть не на важность *себя*, а, прежде всего, на важность *для себя*, на важность чего-то в мире *для практикующего*, и уже, как следствие, *его* важности для этого и вместе с этим. Например, человек может считать важной свою родину – как город, так и всё государство, – своё место учёбы, футбольную команду, болельщиком или членом которой он является, любимую музыкальную группу. И в этом случае *его* важность косвенно поддерживается *сопричастностью, общностью* с тем, что он считает важным *для себя*. К примеру, он может заявить: “Я – русский (американец, немец, француз) и моё государство, моя культура, мои соотечественники лучшие в мире”, что фактически будет означать “Я – сопричастен к лучшему в мире”, “Я – часть лучшего в мире” или непосредственно “Я – лучший в мире”. Таким образом, декларируемая сопричастность к чему-то общепризнанно важному (или даже важность чего искусственно раздута) даёт декларирующему идею о важности его самого, хотя в действительности это только способ вызвать восхищение со стороны окружающих.

Чувство собственной важности всегда основано на сопричастности к большей или меньшей группе людей, члены которой разделяют убеждение, что все они вместе в силу их деятельности представляют определённую ценность для некоей более широкой группы (такой как государство или даже человечество в целом).

Причём это убеждение может быть как справедливым, так и полностью надуманным, либо относиться к уже неактуальному прошлому, что, например, имеет место при желании оправдать своё нынешнее пошатнувшееся положение путём ссылки на былые победы. Естественно, чем менее истинна или актуальна убеждённость в важности некоторой группы, тем меньше даст и упоминание о принадлежности к ней.

Сопричастность, помимо этого, может быть не только к какой-то конкретной группе, но и к *идее* (в значении *идеала, ценности*), ведь являясь носителем “полезной и важной” идеи и подкрепляя приверженность к ней словами и действиями, человек, тем самым, всегда может лишний раз подчеркнуть свою значимость для общества. Причём как перед окружающими – для кого собственно она “полезна и важна”, так и, в случае неуверенности, перед самим собой. Например, можно быть сопричастным к идее сострадания и окружающие с большой вероятностью благоприятно отнесутся даже просто к её декларации. Также можно исповедовать идеалы добра и справедливости, гуманизма и равенства, пацифизма – эти идеи тоже практически всегда найдут понимание. С другой стороны, есть такие идеи, которые можно высказывать только в расчёте на людей определённых взглядов: например, коммунизм и фашизм, несомненно, всегда найдут горячую поддержку, но лишь в узком кругу их сторонников – в целом же общество отнесётся к ним отрицательно. Есть и идеи, по отношению к которым общество настроено умеренно благосклонно, но не испытывает в связи с ними особого энтузиазма – это идеи религиозного характера или толерантности.

Носитель идеи всегда получает удовлетворение от действий, направленных на её воплощение и пропаганду, если он чувствует взаимность, понимание и реальную поддержку со стороны окружающих людей.

Особый вид идей, поддерживающих чувство собственной важности – приверженность нормам морали, демонстрация хорошего отношения и уважения к окружающим вне зависимости от отношения к их мнениям. Конечно, не следует думать, что нормы морали *не нужны*, но не имеет особого смысла и бравирование ими, дающее человеку возможность ощутить себя более значимым, чем он есть на самом деле. Крайний случай негативного влияния излишней воспитанности имеет место, когда собеседники слушают друг друга только ввиду выраженного взаимоуважения, тогда как собственно декларируемые ими позиции никакого взаимного интереса не вызывают.

Кроме того, сопричастность к той или иной группе всегда основывается на определённых представлениях о *дobre* и *зле*. Соответственно, бывает “сопричастность за” (какие-либо идеалы) и “сопричастность против”, и это дополняющие виды сопричастности, разделяющие все поступки и события на, соответственно, “добрые” и “злые”, или на “благие” и “греховные”. Причём “сопричастность против” нередко оказывается направленной против собственной “тени”, когда мнимые враги – всего лишь носители собственных неудобных сторон. Пример противопоставления идей о добре и зле из недавнего прошлого – это классовое неравенство, а затем конкуренция между политическими системами – капитализмом и коммунизмом. В настоящее же время актуально противостояние демократии и авторитаризма, власти и оппозиции, традиционализма и модернизма, глобализма и антиглобализма, большинства и разного рода меньшинств. Из подобного противостояния на самом деле берут своё начало все войны и социальные конфликты – и хотя разумом их действительную необходимость обосновать обычно бывает трудно, сильная воля отдельных личностей, спроектированная на социальное бессознательное масс, действует не оглядываясь на него.

Ясно, что помимо понимания и наград, сопричастность к той или иной группе или идее нередко требует и реальных жертв, причём “смерть за Родину” – далеко не самая распространённая из них, хотя и самая известная и воспетая больше любой другой. Менее очевидным примером “жертвы за собственную важность” может послужить пример гордеца, не попросившего необходимой ему помощи и вынужденного терпеть неоправданные лишения. А другой человек откажется проявить даже небольшую долю лицемерия перед начальством, и потому будет уволен. Третий же мнит себя

честным, и потому упустит выгодную сделку, хотя получит возможность лишней раз превознести себя, рассказав об этом таким же, как и он сам. Вообще говоря, возможность сопричастности уже по определению требует определённых усилий, в том числе жертвенных.

Собственная важность ограничивает человека в средствах достижения цели, лишает его гибкости.

Гибкость же для воина является основным инструментом сталкинга как “искусства, которое позволяет наилучшим образом выходить из любой мыслимой ситуации” – другое дело, что для практикующих сталкинг нет меркантильных целей; единственная действительно *важная* цель – обретение абсолютной свободы.

С другой стороны, идея о собственной важности ограничивает не только поведение человека, но и его способности к *познанию*. Зачем что-либо познавать тому, кто уже выделил для себя *самое важное*, кто уже знает что нужно делать? Такой человек всегда воспринимает реальность узко – исключительно в контексте собственных целей. Причём, если животные знают что нужно делать в силу отсутствия у них иных побуждений, кроме инстинктивных, люди *способны к отстранённому познанию от природы*. И культивация важности есть не что иное, как от этой природы отхождение – “порочный круг”. Человек существо разумное, способное к анализу, но также и склонное к *догматичности*, а любого рода идея или ценность, которая возвеличивает его в собственных глазах, и есть укоренённая в *социальном бессознательном* и влияющая на ясность *мышления* догма. При этом реально костный догматичный разум, и вместе с ним эгоистическое стремление защищать свои догмы и возвышаться за их счёт – состояние почти каждого современного человека. Цель воина в этом смысле является противоположной – это обретение *сильного гибкого разума, полностью лишённого догматизма* и способного формировать предельно детальные и точные описания мира, в то же время, абсолютно не держась за них.

Тот, кто полагает что-либо одно более важным, чем другое, всегда, и это закономерно, недоволен миром, потому что поскольку он знает “что нужно делать”, он также знает и “как должно быть”, и, следовательно, “как быть не должно”. Он стремится воплотить свои догматичные представления о мире, но не понимает, что мир больше любых представлений, что он сам часть мира, и для того, чтобы постичь его в максимальной степени, следует преодолеть любые предпочтения.

Однако вместо этого зачастую, напротив, преодолевается *мир*, а субъективные представления о нём остаются и только укрепляются. И чем они более невежественны и примитивны, тем ревностнее охраняются их сторонниками.

Ответственность как основа воинского настроения

Ответственность и выслеживание

Всякий, кто будет последовательно и целеустремлённо выслеживать себя, однажды почувствует, как всё более острой становится для него проблема *ответственности*. Что такое ответственность, и как она связана с путём воина? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить такие слова Хуана Матуса: «воин всё принимает как вызов, в то время как обычный человек принимает всё или как благословение, или как проклятие». То есть воин всегда во что бы то ни стало сражается до победы никогда не отступая, не сдаваясь и сохраняя выдержку. Формально, воин и есть *максимально ответственный* человек. Казалось бы, всё понятно, и выраженный принцип достоин безоговорочного одобрения, но означает ли он, что, например, отступая от любой своей цели, человек проявляет тем самым безответственность? А если выяснится, что некая цель потеряла актуальность, и стремиться к её достижению больше не имеет смысла? Получается, мало всегда стараться идти до конца – ещё нужно *знать, зачем это делается, так ли это нужно*. Это и есть *ответственность*.

«– Когда человек решает что-либо делать, он должен идти до конца, – сказал [дон Хуан], – но он должен принимать ответственность за то, что он делает. Вне зависимости

от того, что именно он делает, он должен, прежде всего, знать, почему он это делает, и затем он должен выполнять свои действия, не имея уже никаких сомнений или сожалений о них».¹

Именно разбору шаблонных действий человека, причин которых тот обычно не *знает* или вообще не *осознаёт* эти действия, не обращает на них особого внимания и посвящён данный раздел.

Социальные корни ответственности

Слово “ответственность” возникло в процессе согласования людьми своих действий, и также параллельно с ним появились такие слова как “поручение”, “обязанность”, “доверие”, “вина” и другие всем хорошо известные. О том, как важно быть ответственным, знает любой ребёнок, но далеко не всем детям констатация этого факта приносит удовольствие, ведь обязанности часто расходятся с желаниями: например, ребёнку хочется смотреть мультфильмы или играть, а на нём лежит *неприятная ответственность* делать уроки, что служит поводом для стресса. Конечно, нельзя говорить априорно, что *все* уроки для *всех* детей *всегда* неприятны, но в большинстве случаев это именно так. *Естественное* желание, в котором, в общем-то, нет ничего плохого и которое направлено на развитие, что и определяется его *естественностью* (иначе для ребёнка с ещё большим нагуалем и быть не может), наталкивается на непреодолимое препятствие в лице родителей и учителей, которые заставляют заниматься делами часто сомнительного и непонятного интереса, выражая собой *коллективную бессознательную волю социума*.

Всегда ли нести ответственность неприятно? Конечно это не так, поскольку нередко человек сам всем сердцем хочет, чтобы ему поручили некое дело, с которым он сможет справиться хорошо и которое самому ему принесёт удовольствие.

Ответственность перед обществом тягостна лишь когда она связана с неинтересным или очень трудным делом, не приносящим удовольствия, но вызывающим только боль. Если же это дело приносит удовольствие, то и нести за него ответственность приятно. При этом человек испытывает удовольствие не только от самого дела, но и от его возможного одобрения – тогда удовольствие выражается в позитивных эмоциях *радости*. Наоборот, если дело не идёт, либо не получает должной оценки, оно сопровождается негативными эмоциями *грусти*. Радость, в свою очередь, всегда приводит к *чувству собственной важности*, а грусть – к *чувству жалости к себе*.

Стоит особо отметить, что чувства *радости* и *грусти* *всегда* связаны не с самим делом и его результатами, а лишь с *внешней оценкой*, соответственно дающей или отбирающей стимул к его продолжению. Поэтому полностью независимый от социума человек останется бесстрастным даже по отношению к своим самым выдающимся успехам или самым опустошительным поражениям.

Выслеживание социальной ответственности

Общий принцип таков: ответственность в социальном контексте – это всегда обязанность перед кем-то, которую люди добровольно возлагают на себя, чтобы получить что-либо взамен – например, материальное поощрение; либо, наоборот, к которой их принуждают, угрожая в случае неисполнения чего-то лишиться – например, жизни. Если эта обязанность совпадает с их собственными интересами, они стараются поддерживать её; в противном случае – стремятся прекратить. Но следует отдавать отчёт, что в конечном итоге выбор брать на себя ответственность или отказываться, соглашаться с предложенными условиями социальной сделки или нет – *всегда остаётся за самим человеком*.

Не существует таких обязательств перед кем-то, с которыми человек рождается, хотя зачастую это может выглядеть именно так, и многие люди полагают обязанности, например, перед обществом или перед государством своими “святыми” обязанностями. В действительности же любого рода ответственность, которую человек не в состоянии превозмочь усилиями собственной воли, всецело обусловлена содержанием его социального бессознательного.

¹ К.Кастанеда. Путешествие в Икстлан.

Если спросить такого человека, с чем связана “святость” его обязанностей, он вряд ли сможет вспомнить, что порождающую необходимость их несения “активную социальную позицию” ему, в сущности, *внушили* в детстве или юности. Интересно ли такому человеку “служить Родине” или нет, доставляет ему это удовольствие или нет – не важно: сквозь годы над ним довлеют обещания, данные в своё время учителям, родителям и воспитателям, которые те тоже когда-то давали уже своим учителям, родителям и воспитателям. Единственная в некотором смысле положительная сторона такого положения вещей – большая *уверенность*, которую человек имеет, когда чувствует себя безусловно “правым”, и действует не поступаясь “долгом” и “совестью”. Исходя из мировосприятия Толтеков, эта успокаивающая уверенность, однако, является целиком иллюзорной, особым способом экзистенциального *забытья*.

Даже вступая в социальные взаимоотношения и заключая сделки, исходно – пусть и неосознанно – человек всегда стремится к удовлетворению только *своих* желаний и к достижению только *своих* целей, то есть он и ответственен за их достижение не перед кем-то, а только *полностью перед самим собой*, хотя обычно о подобном виде ответственности не говорится.

Показателен следующий простой пример, иллюстрирующий всё сказанное: пусть некий совершенно незнакомый человек даёт вам сто рублей (условно) за то, чтобы вы выполнили дело, от успешного осуществления которого зависит вся его жизнь, но дело это сложное и реально оценивается существенно выше, чем сто рублей. Возьмётесь ли вы за него, ответственно ли подойдёте к его исполнению, завершите ли в срок? Конечно, если брать только финансовую сторону, то даже если и возьмётесь, ответственность, по идее, должна *соответствовать* вознаграждению, то есть быть не высокой. Но бессознательно почти каждый человек предпримет *максимум* усилий и сделает всё в наилучшем виде – ведь от него зависит человеческая жизнь, а, как известно, *любая человеческая жизнь очень важна*, и даже большие деньги *ничто по сравнению с ней*. Тот, кто так не считает, либо обманывает себя, либо является величайшим из мелких тиранов, либо безумен. Либо, вероятность чего в сравнении с этими тремя вариантами ничтожно мала, является безупречным воином, для которого жизнь отдельного встретившегося ему человека столь же важна, сколь и жизни всех других людей и существ.

Конечно, приведённый пример является крайностью, и не часто приходится сталкиваться с чем-либо подобным. Но вообще случаи смещения *сознательных* желаний с *бессознательными*, поддерживаемыми социумом, возникают постоянно, и далеко не каждый способен точно разграничить их для себя – не задумываясь ответить *для кого* он выполняет то или иное дело. Для себя ли, для какого-то конкретного человека или группы лиц, взамен на что-то известное с их стороны, или лишь подчиняясь слепой воле бессознательного.

Воин всегда отслеживает свои действия на предмет ответственности: для кого они совершаются и в чём их цель?

Подход может показаться меркантильным, однако, как уже говорилось, для истинного воина меркантильных целей не существует – наоборот, он заинтересован в их полном отсутствии. С другой стороны, в противоположность ему множество людей, чья воля находится в жёстких рамках бессознательного, подчас вообще бывают не в состоянии разграничить свои и не свои (или свои сознательные и бессознательные) цели, и фактически можно сказать, что они *не имеют своих целей*. А если человек не имеет своих целей, то о каком *принятии вызова* может идти речь? Если человек *не знает что он делает*, если он заведомо стремится к достижению не своих целей, если *не знает пути своего сердца*?

Важнейшая задача для воина – это *полная десоциализация*, полная независимость от любых социальных сил. Но прежде чем она осуществится, прежде чем, следуя по пути воина, человек перестанет нести любую связанную с социумом и навязанную им ответственность, ему необходимо полностью представить себе текущее положение дел: кто зависит от него, от кого зависит он, и *что и как нужно сделать, чтобы не зависеть ни от кого*. Основные средства достижения этой цели – перепросмотр, любого рода психофизические практики, и что немаловажно ясность мысли, и если

эти средства освоены, то дорога для десоциализации открыта. Однако колоссальной сложности проблема даже не в их освоении, а в том, чтобы вообще найти эту дорогу – путь воина.

Выслеживание собственных мнений и решений

Казалось бы, если связанные с социальной ответственностью проблемы хотя бы отчасти взяты под контроль, то на этом понятие ответственности себя исчерпывает, ведь теперь человек за всё отвечает только *перед самим собой*. Но реальная ситуация несколько сложнее: что вообще значит отвечать “перед самим собой”? Перед кем – “собой”, что такое “я”? Наиболее корректным будет говорить, что “я” – это то, что определяется *положением точки сборки*, то есть, вообще говоря, в *каждый конкретный момент “я” человека другое*. В этой связи можно вспомнить изречение британского философа XVIII в. Давида Юма: «постоянное, идентичное самому себе “я” является не чем иным, как фикцией». Таким образом, отвечать перед самим собой – значит в некотором смысле одному “я” отвечать за другое, а это делать совсем не просто, ведь некая цель, поставленная одним “я”, может просто не быть *вспомнена* другим вовремя, и потому остаться недостигнутой, либо же в другое время в несколько ином положении точки сборки она будет пересмотрена. Получается, что проблема ответственности существует как бы на двух пересекающихся планах: *социальном* и *личностном, внешнем* и *внутреннем*. На социальном плане “я” – это человек, который отвечает перед другими людьми. На личностном – “я” – это человек, имеющий некоторое положение точки сборки, и отвечающий перед “я”, находящимися в других её положениях, то есть собственно перед самим собой. Причём, личностные “я” возможно дифференцировать ещё сильнее: есть “умственные я”, характеризующиеся разными *решениями* при постоянном положении точки сборки (в зависимости от внешних обстоятельств), и “бессознательные я”, когда человек действует даже без особой умственной оценки, подчинённый инстинктам, рефлексам или вновь *социально обусловленным чувствам* (при боковых сдвигах точки сборки). О социуме как факторе, обуславливающим “бессознательные я” человека, уже говорилось, однако влияние с его стороны может оказываться не только на бессознательное, но также и на его поступки с эмоциями не связанные.

Действительно, множество людей практически не следят за *причинами* и *изменениями* своих решений и мнений, то есть у них отсутствует или же является недостаточно выраженным *критическое* отношение к информации поступающей извне, *себе же такие люди обычно не доверяют*. Почти всё, что рассудочный человек даже с небольшой уверенностью сообщит самопоглощённому, последний воспримет почти без анализа, как если бы слова были тождественны реальным событиям, и он наблюдал бы их собственными глазами. Единственное, что может помешать этому – уже существующее противоположное убеждение, если оно подкреплено эмоциями. А нередко такой человек просто не знает кому верить, “потому что все говорят разное”. Чаще всего слабая критичность наблюдается в детстве, когда ребёнок почти во всём полагается на родителей, а в более старшем возрасте родители утрачивают авторитет, и подростки чаще слушают сверстников, реализуя “стадный” принцип “я – как все”. Ещё позже, когда человек всё-таки начинает думать по большей мере самостоятельно, его критичность существенно возрастает, однако и для взрослого существует выраженная склонность доверять, например, убедительно говорящим политикам, или авторам разного рода статей и книг.

В результате, слабая критичность всегда приводит к тому, что собственные убеждения человека зачастую связаны не с его личным опытом, а с теми, кто более убедительно изложил ему свою точку зрения. Особенно парадоксальной ситуация выглядит, когда два человека начинают спор лишь потому, что в своё время услышали по одному и тому же вопросу мнения разных авторитетов или прочитали разные книги. Получается, что, вообще говоря, возможность обладания тем или иным мнением носит *вероятностный* характер, хотя каждый обладающий им, безусловно, будет уверен, что оно *его собственное*. Для воина, между тем, разграничение действительно своих мнений и полученных извне, а также постоянное поддержание своих мнений в онтологическом виде является первостепенной задачей.

Наряду с выявлением социально обусловленных бессознательных мотивов своих действий воин также следит, чтобы и все его разумные решения основывались на онтологических и подтверждённых только его личным опытом фактах.

Вообще, что интересно, тот вроде бы очевидный факт, что разные люди могут существенно отличаться по умственной или интеллектуальной развитости, и более развитые могут иметь более взвешенные суждения, часто совершенно упускается в социуме. Гораздо большее значение имеет основанная на авторитете эмоциональная убежденность, называемая “внутренней правотой”, а вслед за ней и физическая сила, и громкий голос. Безусловно, даже самый интеллектуально развитый человек способен разделять самые абсурдные идеи, но всё же среди таковых это встречается существенно реже, чем среди обычных людей, хотя, стоит заметить, что процессы глобальной политики и по сей день ориентированы скорее на последних.

Выслеживание точки сборки и проблема распорядка

Взяв под контроль ответственность в социуме и достигнув определённого уровня критичности мышления, воин вместе с тем переходит к выслеживанию перемещений своей точки сборки, начиная с самых простейших их видов. Следующее пояснение Хуана Матуса касается именно таковых и также соответствует приводимым в первой части рассуждениям об иллюзорности свободной сознательной воли:

«– ...Растения силы я давал тебе для того, чтобы заставить твою *точку сборки* двигаться. Они могут оказывать такое воздействие. Но точно так же могут действовать голод, усталость, болезнь и прочие подобные вещи. Обычный человек считает, что результаты сдвига проявляются только на ментальном плане, и в этом – его ошибка».¹

Как влияет на точку сборки, например, чувство голода, и к каким суждениям это влияние может привести? Если чувство голода достаточно сильно, то все помыслы голодного человека обращаются к его удовлетворению, и он совершенно искренне может сделать такие, например, заявления: “я готов съесть целую гору еды” или “я могу есть бесконечно”, не отражающие, понятно, истинного положения дел, даже если чувство голода очень сильно (хотя, как ни удивительно, многие люди на самом деле питаются, практически буквально следуя этому принципу). Однако разум в каком-то смысле всё-таки прав, стоит сделать лишь одну оговорку: человек действительно может есть бесконечно, но только *пока его точка сборки находится в положении чувства голода*. Как только это положение преодолено, и точка сборки возвращается к своей нормальной позиции, данные высказывания теряют силу, а если бы по мере принятия пищи полного насыщения не происходило, *есть действительно можно было бы бесконечно*.

Положению точки сборки всегда соответствует описание мира, основанное на доступном именно в этом положении опыте. Увеличение интенсивности внутреннего диалога, поддерживающего описание мира, всегда говорит о резком изменении её положения.

Однако голод не является для современного западного мира большой проблемой (если только человек не голодает специально), в то время как хронические *болезни* и *усталость*, наоборот, становятся всё актуальнее. Какие мысли охватывают человека, если тот сильно устал или болен, имеет низкую работоспособность, и это состояние не проходит длительное время? Как правило, это констатация своей полной никчёмности, ни на что не годности, причём потенциально экстраполирующееся на *всю последующую жизнь и на все построенные планы* вообще. Сегодня что-то не получается или получается плохо, точка сборки находится в положении усталости – а разум говорит, что *так теперь будет всегда*. И он снова в некотором смысле прав: так будет всегда, *пока точка сборки не вернётся в нормальное положение*, а тогда осуществимость всех планов будет реабилитирована. Обратная ситуация возникает, когда человек бодр и у него всё получается: сам не понимая абсурдности подхода, он начинает строить планы исходя из того, что *так теперь он будет чувствовать себя всегда, настолько работоспособным он будет всегда* – каждый день, двадцать четыре часа в сутки – *и может быть даже он никогда не умрёт*. Причём, если в первом случае в конечном итоге человек начинает жалеть себя и хотя бы в мыслях жаловаться на свою судьбу, то во втором, наоборот, он превозносит себя, компенсирует любую возможную неуверенность в себе, отчего испытывает огромное удовлетворение. В действительности же и первый, и второй случай – примеры *индальгирования*, и им не место в жизни воина, *как и чисто умственному планированию вообще*, на что указывал Хуан Матус, говоря, что воин “свободен, текуч, непредсказуем”. Это

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

высказывание можно интерпретировать, как тенденцию развивающейся воли выходить за рамки любых предзаданных описаний, и даже более того – *воля большинства людей не развивается во многом именно потому, что она зажата в неестественных распорядках.*

Карлос Кастанеда назвал главу «Путешествия в Икстлан», где Хуан Матус затрагивал эту тему, “Разрушение распорядков” – но “разрушив” предзаданные разумом распорядки, человек должен заменить их на подсказанные чувствами, как бы *осознать распорядок в себе самом.* В этом смысле видимое отсутствие распорядка в действительности является высшей формой распорядка, основанной на полном знании себя, своей точки сборки. Только тогда правильный гибкий тональ становится основой для сильного нагуаля.

Только когда человек настолько хорошо знает свою точку сборки, что может не думать о распорядке, не заниматься планированием и практически не иметь внутреннего диалога, он может быть полностью ответственным перед самим собой и принимать всё в жизни как вызов. Только тогда он становится безупречным воином.

Кастанеда приводит весьма яркий пример, иллюстрирующий приведённые рассуждения (этот эпизод имеет также небезынтересное продолжение):

«И я рассказал дону Хуану о своём отце, который любил читать мне бесконечные проповеди о чуде здравого ума в здоровом теле, о том, что молодым людям следует закалять и укреплять своё тело, преодолевая трудности и участвуя в спортивных состязаниях. Отец был молод; когда мне было восемь, ему едва исполнилось двадцать семь. Летом он, как правило, уезжал из города, где работал учителем в школе, чтобы хоть месяц провести на ферме моего деда, где я жил. Этот месяц был для меня сущим адом. Я привёл дону Хуану один из типичных примеров поведения отца. Пример этот, как мне казалось, вполне соответствовал теме нашего разговора.

Едва приехав на ферму, отец тут же тащил меня с собой на длинную прогулку, во время которой мы обсуждали дальнейшие действия. Отец строил планы насчёт того, как мы будем ходить плавать каждое утро в шесть часов. Вечером он заводил будильник на полшестого, чтобы утром у нас было достаточно времени: ведь ровно в шесть мы уже должны быть в воде. Утром будильник звонил, отец выбирался из постели, надевал очки и выглядывал в окно.

Я даже дословно вспомнил монолог, который он при этом произносил:

– М-м-м... Что-то сегодня как-то облачно. Слушай, я полежу ещё минут пять. О'кей? Только пять! Просто нужно хорошенько потянуться, чтобы сон окончательно прошёл.

И он неизменно засыпал, и спал до десяти, а иногда и до полудня».¹

В подобной ситуации, прежде чем планировать, отцу Кастанеды просто нужно было обратиться к своему предыдущему опыту – раз от разу бывшему неудачным. Иначе говоря, кратковременно переместить точку сборки к содержащему этот опыт месту, *вспомнить* его. Хотя, в данном случае “просто” – это совсем не просто. И практически все люди на протяжении целой жизни повторяют одни и те же неоптимальные действия – подчас такие, что говорить об этом смешно даже им самим.

Другой актуальный пример неспособности контролировать свою точку сборки – а именно, её боковые сдвиги – связан с чувством собственной важности, которое выражается в данном случае в вопросе “что обо мне теперь скажут окружающие?” Постоянные сомнения в оправданности собственных действий в глазах других людей, постоянные переоценки своего поведения, когда человек то хвалит, то ругает сам себя от лица общества – в зависимости от активизированного в данный момент опыта, – являются не чем иным, как следствием отсутствия даже понятия о точке сборки. Например, сегодня человек на всю жизнь зарекается не делать чего-либо (скажем, зарекается бросить курить), завтра совершенно забывает об этом, а послезавтра всё повторяется заново, сопровождаясь внутренними терзаниями и угрызениями совести, приводящими к хроническим неврозу и стрессу. Аналогично, даже самое маленькое, но *непривычное, немотивированное, творческое* действие будет подвергнуто безжалостной критике со стороны выражающего общественное мнение бессознательного, и справиться с этой критикой подчас бывает очень нелегко.

Наибольшую пользу для “осознания распорядка в себе самом” приносит *перепросмотр*, причём, что интересно, не только собственно перепросмотр, но и *планирование* перепросмотра.

¹ К.Кастанеда. Путешествие в Икстлан.

Занимаясь перепросмотром человек волей не волей узнаёт возможности и ограничения своей психики, и либо он учится подходить к занятиям им со всей возможной гибкостью, либо проигрывает эту битву, потому что одни умственные решения здесь не помогут. То же касается и вообще всех психофизических практик.

В связи с приведённым утверждением Хуана Матуса, что обычно люди полагают основным источником своих действий личные умственные решения (якобы, полностью свободные), интересно привести довольно близкое утверждение немецкого философа XIX в. Фридриха Энгельса, соратника Карла Маркса:

«Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путём с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира».¹

Это утверждение фактически является сердцевинной *диалектического материализма*, причём Энгельс и Маркс идут ещё дальше и рассматривают появление мышления (*сознания*) вообще только как следствие необходимости удовлетворения *материальных* потребностей (в том числе инстинктивных и бессознательных). Иначе говоря, сознание ставится в зависимость от внутренних потребностей и внешней среды и рассматривается в качестве инструмента приспособления к ней или инструмента *выживания* – возможно в иных условиях, при таком подходе, животные даже могли бы развить нечто отличное от сознания. Основной аргумент в поддержку этой позиции состоит в том, что научно-технический прогресс и тотальная индустриализация общества действительно играют решающую роль в удовлетворении материальных потребностей человека (по Маслоу – дефицитных) – таких как голод, потребность в комфортных условиях жизни и т.п. Но верно ли считать, что учёный начинает свои размышления, уже заведомо предполагая, что некоторые их весьма отдалённые плоды удовлетворят его реальный настоящий голод? Верно ли, что духовные творческие потребности как-либо мотивированы потребностями достаточно приземлёнными? Скорее наоборот, только тогда человек приступает к удовлетворению первых, когда удовлетворит или почти удовлетворит последние, на что и обратил внимание Абрахам Маслоу. С другой стороны, тогда как научная познавательная деятельность является во многом субъективной и *незаметной* в глобальных общественно-политических процессах, *действительное её влияние на них трудно переоценить*, и именно этим достаточно простым наблюдением Маркс и Энгельс пренебрегли. Если же следовать их ошибочной логике далее, получается, что вообще единственным важным следствием сознательной деятельности является материальное производство, а в зависимости от справедливости распределения его средств между людьми определяется форма общественного устройства, которая, в свою очередь, вновь определяет сознание. В результате сознание развивается лишь под воздействием материи, причём общественное устройство по мере его развития становится всё более справедливым, а выраженное в неравномерном распределении средств производства классовое неравенство нивелируется, пока, наконец, все они не сосредотачиваются в руках единственного собственника – государства. Сначала реализующего такую формацию как *социализм*, а позже его высшую ступень – *коммунизм*: полностью бесклассовое и полностью свободное общество, характеризующееся, согласно Марксу и Энгельсу, единством общественных и личных интересов или единством материи и сознания.

Диалектический материализм нередко сравнивают с диалектическим идеализмом Гегеля, и хотя прямое отождествление таких понятий как материя и Абсолютная идея было бы очень сильным упрощением, всё же некоторые общие тенденции в этих двух теориях просматриваются весьма отчётливо. Главным образом, из чего и исходили Маркс и Энгельс, “переименование” идеи в материю должно было подчеркнуть, что поступки человека определяются далеко не его собственной сознательной волей. То есть это переименование направлялось не сколько против идеализма вообще, сколько против “вульгарного идеализма” – идеализма, понятого слишком буквально. Они, однако, дали своим последователям повод перейти в другую крайность – “вульгарного материализма”, который, в свою очередь, отрицает самоценность любых личных устремлений и на этом основании полагает любое развитие вне контроля социума невозможным. Такая достаточно серьёзная философская спекуляция в своё время явилась идейным прикрытием существовавших в ряде стран тоталитарных режимов, но даже в относительно свободной стране далеко не очевидно, что развитие

¹ Ф.Энгельс. Анти-Дюринг.

не просто не должно обуславливаться обществом, а *требует активного разрыва любых связей с ним*. В подобном ключе этот вопрос не ставили уже ни материалисты Маркс и Энгельс, ни идеалист Гегель – что резонно, ведь для этого требуется признать *невозможным существование полностью справедливого общества*, а цена такого признания – особенно для идеологов – была бы слишком велика.

Выслеживание эмоций

Хотя достаточно развитую способность мыслить можно встретить не часто, тем не менее, обладающие ей люди и не редкость, их достаточно много и они, как правило, известны. Другое дело способность контролировать или даже вообще обращать внимание на *эмоции* – прямые проявления *социального бессознательного*: уже ей обладает крайне мало людей. Общепринятым, однако, является мнение, что интересоваться своими эмоциями следует лишь в случае заметных отклонений в психике – но заметными они должны быть вновь для тех же членов социума, то есть это мнение людей, несущих лишь *социальную ответственность*, а не *ответственность перед самим собой* – на которую любые внешние оценки не распространяются.

Продемонстрировать неспособность контролировать эмоции можно на следующем простом примере. Пусть некто *запланировал важный* для него разговор и решил к этому разговору подготовиться. Такая подготовка обычно сводится к обозначению основных возражений и аргументов, чем и занимается каждый человек в ходе почти неосознаваемого *внутреннего диалога*. При этом по его окончании может показаться, что получены очень конкретные и меткие фразы, а также тщательно продумано начало разговора и многие его возможные повороты. Но вот час разговора настает и вдруг неожиданно выясняется, что все заготовки оказались чуть ли не *глупыми* и вообще их трудно вспомнить, а разговор пошёл в совершенно неожиданном, *незапланированном* русле. Или же если всё-таки они настойчиво используются, результат в любом случае сильно расходится с желаемым, приводя к явному конфликту с собеседником. Разгадка причин происходящего кроется в том, что планирование этого разговора осуществляется наедине, без собеседника и *без его раздражающего влияния* – иначе, без смещения точки сборки непосредственно в то место, которое это влияние содержит, а только с опорой на *разум*, который вполне может и *ошибаться в своих оценках*. То есть когда этот занимавшийся лишь *умственным планированием* человек *увидел* собеседника, *услышал* его голос, *заметил* какие-то сопровождающие его появления характерные особенности, его точка сборки уже сместилась, и он оказался во власти неожиданных для себя эмоций, спутавших все мысли. Неконтролируемая реакция, при этом, может быть даже вызвана не тем, что именно говорил или собирался сказать собеседник, не *сутью* разговора, а *комплексом опыта*, содержащим его *невербальные проявления*. Ранее этот комплекс был получен в ходе, например, имевшей место ссоры, либо нанесённой им или ему обиды или оскорбления, воспрепятствовавших теперь взвешенному мирному решению. Конечно, этот комплекс может быть связан и не именно с этим конкретным человеком, но ранее возникнуть при поднятии подобной темы, либо в похожей ситуации, либо даже если его участники имели какие-либо сходные атрибуты. Естественно также, что и сам собеседник может иметь свои комплексы, и болезненно реагировать даже на самые нейтральные вещи. Может сложиться и обратная ситуация, когда в жёсткие рациональные доводы вмешается сострадание. Впрочем, случай, когда неясности мышления проясняются в ходе непосредственного личного общения, является наиболее простым, – другое дело, когда такая возможность отсутствует, а умственное планирование осуществляется в расчёте на долгосрочную перспективу, затрагивающую также большое число людей. Очевидно, подобное имеет место при разработках и общественном внедрении разного рода идеологии, и также очевидно, что эмоциональная расплата за логические расчёты в этом случае будет гораздо выше, чем при любых личных конфликтах.

Ещё один нюанс состоит в том, что хотя обычно эмоции проявляются вследствие *непосредственного* воздействия на точку сборки, в принципе таковое не обязательно, и, вообще говоря, эмоции, связанные с некоторым событием, могут появиться только при воспоминании о нём, вне зависимости от реального времени, когда оно произошло. Но что характеризует саму возможность возникновения комплексов, почему и когда тот или иной опыт вытесняется в бессознательное? Л.Рон Хаббард предложил в связи с этим очень яркую метафору, что если бы человек *мог ответить* на выстрел из ружья, то пуля не застревала бы в нём и он бы не умирал. Таким образом, эмоции – и есть следствие невозможности ответа на те или иные поступки людей или

просто на неблагоприятные обстоятельства. Ведь далеко не всегда есть возможность исчерпывающе ответить *сразу же*, и какая-то часть впечатления от них как бы “застревает” в человеке – именно, в его социальном бессознательном в виде комплекса или энграммы. Прямой способ устранения комплекса – полная его *компенсация* в непосредственном опыте, когда ставший причиной, например, обиды человек извиняется, или выносит хотя бы запоздалое одобрение. Косвенный способ – практика *перепросмотра*, причём фактически она приводит к более эффективному результату, поскольку если следствием компенсации может стать чувство собственной важности, следствием перепросмотра – вообще отсутствие любой эмоциональной нагрузки. Причём перепросмотр здесь – это не обязательно конкретная практика, описанная у Кастанеды. Отпустить эмоциональную тяжесть от тех или иных событий вполне возможно и в ходе естественного течения жизни, когда человек достаточно отдохнул и накопил сил для дальнейшей борьбы. Впрочем, “естественное течение жизни” редко предоставляет такую возможность, и, как правило, без применения специальных практик люди попадают со временем во всё большую эмоциональную закабалённость. Как, опять же, говорил Л.Рон Хаббард – время напрасно считают великим лекарем, на самом деле “время – великий шарлатан”.

Естественность как противоположность самообману

Пример, когда человек готовится к предстоящему разговору, но не учитывает в полной мере сопутствующие ему раздражающие факторы, есть, в сущности, пример *самообмана* – безответственности по отношению к себе. Другим распространённым примером самообмана является, например, стремление во что бы то ни стало сдерживать эмоции, желая устранять их непосредственно во время возникновения. Такое стремление может показаться логичным, но в действительности в его основе лежит всё то же чувство собственной важности: человек думает, что борется с его проявлениями, тогда как в действительности получает неосознаваемую возможность превозносить себя за счёт самой этой борьбы. Вообще, любое насилие над собой есть следствие именно чувства собственной важности, когда вместо того, чтобы стремиться к большей ответственности *перед самим собой*, человек желает что-то доказать *другому*. Так, в пределе он может чувствовать себя великим подвижником, страдальцем, положившим для достижения неких своих мнимых идеалов всю жизнь, и потому рассчитывающий на безоговорочное внешнее уважение и признание (причём чем сильнее переживаемые лишения, тем всегда меньше реальных достижений, и одновременно тем больше потребности в признании). Самоограничение же, согласно Хуану Матусу, есть худший вид такого индальгирования, а что касается самоограничения в эмоциональных проявлениях – этот вид можно назвать наихудшим из всех возможных, поскольку он связан с наиболее примитивной симуляцией качеств воина, реально ведущей к появлению противоположных качеств. Действительно, бесформенный воин *не имеет эмоций*, но именно *не имеет* или полностью *контролирует* их, а не *сдерживает*. И что самое главное – воину *не нужно признание*, и ещё он *терпелив*, ему важно качество результата, а не скорость его достижения.

Выслеживающему своё бессознательное следует избегать соблазна подавлять эмоции, оправдывая это желанием скорейшего их отсутствия. Подавление эмоций является не чем иным, как самообманом, а самообман – это безответственность перед самим собой. С другой стороны, единственный способ контролировать эмоции – это выслеживание приводящих к ним поступков, ведь эмоции всегда следствие тех или иных неудачных действий. Действия же, как правило, направляются разумом, и, таким образом, прежде всего необходимо выслеживать внутренний диалог – онтологичность генерируемых им мыслей. То есть собственно всегда стараться проверять их на возможные в плане эмоций последствия.

Что интересно, сдержанность – общепризнанная добродетель. Но превращение её в обязанность, диктуемую нормами морали, лишает человека всякой инициативы, и единственное, что ему остаётся, это восхищаться своей добродетельностью и пестовать её. Хуан Матус называл таких людей ссыкунами.

Вместо того чтобы сдерживать свои эмоции, следует, наоборот, отыскивать самые незначительные, затаённые и болезненные из них. И непредвзято перепросматривать события, послужившие причиной их возникновения.

В конечном итоге состояние, которого позволяет достичь полный перепросмотр, можно назвать *естественностью* или, как об этом говорил Хуан Матус, состоянием *пути сердца*. Естественное поведение – это поведение без любого рода метаний, с максимальным контролем самого себя в любой ситуации, с *готовностью* к любой ситуации и с минимумом внутреннего диалога и *сомнений*. Естественность себя вести – значит “быть самим собой”, но чтобы быть самим собой нужно и знать “кто я, что и зачем я делаю”, причём начинается узнавание себя с честной констатации *своего реального уровня* и выявления всех своих ещё не решённых проблем. “Бытие самим собой” – также центральная философская установка Жана-Поля Сартра, синоним которой *подлинность* (или *аутентичность*). Человек, обладающий аутентичностью или стремящийся к её достижению, это не идеал, не супергерой, но прежде всего тот, кто признаёт свои недостатки и осознанно преодолевает их, кто не желает оставаться в плену иллюзий на свой счёт. При этом, согласно Сартру, обычно сам того не сознавая человек несёт за себя *полную ответственность* (на это уже указывалось ранее), которую нельзя отменить или передать другим, ведь даже самоубийство предполагает ответственность перед самим собой. И потому некорректно говорить о бессознательном, как о чём-то, что принципиально нельзя сознавать. То есть бессознательное, в полном соответствии с феноменологическими идеями, указывает не на *отсутствие сознания*, а на “*дорефлективное сознание*”.

Человек всегда внутренне знает что и зачем он делает (или, наоборот, не делает), какая необходимость лично для него заложена в том или ином поступке, каким бы бессмысленным он не казался. Требуется лишь выяснить истинный смысл этих действий, осознать их.

Магическая печаль как предпосылка к выслеживанию

Тогда как главное для воина качество – ответственность, а ответственность требует выслеживания, тем не менее человек не может приступить к выслеживанию по собственному желанию, и совершенно неважно насколько бессмысленна и глупа при этом его жизнь. Осознать свою *глупость*, взять её под *контроль* можно лишь под давлением внешних драматических обстоятельств (которыми могут послужить, в частности, уже упоминавшиеся голод, усталость и болезнь) или, если не пользоваться рационализированными формулировками, под давлением *духа*, смещающего *точку сборки* из её обычного положения. Чувство, которое охватывает человека при подобном смещении, можно охарактеризовать как печаль или меланхолию – иногда почти невыносимую. И это естественно, ведь что ещё может ощутить человек, вдруг увидевший себя со стороны и осознавший почти полную бессмысленность и тщетность своих действий, своё фатальное предельно жалкое положение? Хуан Матус объясняет природу этого сопровождающего жизнь воина чувства в следующих фрагментах:

«Никогда в жизни я не испытывал подобных приступов меланхолии. Это была какая-то бессновательная печаль, мне казалось, она связана с памятью о глубинах, которые я видел сквозь зеркало. Бесконечная ностальгия по этим глубинам смешивалась в моей печали с абсолютным страхом перед холодом беспредельного одиночества, которым оттуда веяло и от которого в жилах застывала кровь.

Дон Хуан заметил, что для воина совершенно естественно испытывать печаль без каких бы то ни было явных причин. *Видящие* говорят, что светящееся яйцо как поле энергии начинает чувствовать окончательность своего предназначения, едва лишь нарушены границы известного. Одного краткого взгляда на вечность за пределами кокона достаточно для разрушения того чувства внутренней благоустроенности, которое даёт нам инвентаризация. В результате возникает меланхолия, настолько сильная, что может даже привести к смерти.

Дон Хуан объяснил, что лучшим средством для избавления от меланхолии является смех. И он в шутовском тоне прокомментировал поведение моего *первого внимания*, сказав, что оно изо всех сил старается восстановить привычный порядок вещей, нарушенный моим контактом с *союзником*. Поскольку восстановить порядок рациональными способами не удаётся никак, *первое внимание* сосредотачивает свою силу на чувстве печали.

Я сказал дону Хуану, что моя меланхолия вызвана вполне реальным фактом. Можно сколько угодно идти у неё на поводу, смеяться над ней, впадать в уныние, но всё это не будет иметь ничего общего с тем чувством одиночества, которое возникает при воспоминании о немислимых глубинах.

– Наконец-то! Кое-что начинает до тебя доходить, – отозвался он. – Ты прав. Нет более глубокого одиночества, чем одиночество вечности. И нет ничего более уютного и удобного для нас, чем быть человеческими существами. Вот тебе ещё одно противоречие: как, оставаясь человеком, радостно и целеустремлённо погрузиться в одиночество вечности? Когда тебе удастся решить эту головоломку, ты будешь готов к решающему путешествию».¹

«– Печаль для магов не является чем-то личным, – заявил дон Хуан, вновь вторгаясь в мои мысли. – Это не совсем печаль, это энергетическая волна, приходящая из глубин космоса. Она достигает магов, когда они восприимчивы, когда они, как радары, способны ловить радиосигналы.

Маги древности, которые дали нам полную формулу магии, верили, что во Вселенной существует печаль, подобная силе, свету, *намерению*, и что эта вечная сила воздействует на магов с особой остротой, так как у них уже нет защитных щитов. Они не могут укрыться за спинами своих друзей или уйти с головой в занятия. Они не могут прятаться за любовью или ненавистью, за счастьем или несчастьем. Они не могут укрыться ни за чем.

– Маги отличаются тем, – продолжал дон Хуан, – что печаль для них абстрактна. Она не приходит от тайных желаний или нехватки чего-то или от чувства собственной важности. Это не исходит от *меня*, это исходит из *бесконечности*».²

Магическую печаль можно рассматривать как экзистенциальную вину – то есть вину не перед кем-то, а перед бесконечностью и одновременно перед самим собой, стремящимся к ней, но её недостойным. Так или иначе, объективно магическая печаль воздействует крайне благотворно, и переживая её именно как преобразующую вдохновляющую силу воин лишь закаляется. Фактически она является *болью духа* (но не *души*), и, будучи фактором боли, выполняет для воина роль единственного значимого мотиватора – к *духовному* развитию.

«[Дон Хуан] сказал, что *воля* может быть представлена в виде максимального контроля свечения тела как энергетического поля, или о ней можно говорить как об уровне профессионализма, или как о таком состоянии бытия, которое внезапно входит в повседневную жизнь воина в определённое время. *Воля* ощущается как сила, излучаемая из средней части тела вслед за моментом абсолютной тишины, или сильного ужаса, или глубокой печали, потому что счастье слишком опустошает и не даёт воину концентрации, требуемой, чтобы использовать свечение тела и обратить его в молчание.

– Нагуаль [Хуан Матус] говорил мне, что печаль человеческого существа настолько же могущественна, как и испуг, – сказала Ла Горда. – Печаль заставляет воина лить кровавые слезы. И то, и другое может привести к моменту молчания. Или же молчание приходит само по себе из-за того, что воин стремится к нему в течение всей своей жизни».³

Иной способ объяснения действия магической печали связан с тем, что сопутствующий ей сдвиг точки сборки вызывает частичный или полный уход *человеческой формы*, но случается это отнюдь не мгновенно, и до того как это произошло любая мысль может приносить почти физические мучения. С другой стороны, в это время человеку может казаться, будто все вокруг настроены против него и всячески стараются его уязвить.

«...Все рассмеялись. Однако дон Хуан и Хенаро хохотали как-то очень уж самозабвенно. Я мгновенно заподозрил неладное. Было похоже на то, что они знают кое-что, о чём не договаривают. Дон Хуан же видел меня насквозь. Он объяснил, что на промежуточной стадии, прежде чем окончательно перейти в состояние левосторонней осознанности, человек становится способным на огромнейшую концентрацию, но в то же время подвержен любому влиянию. И в данный момент я попал под влияние подозрительности.

– Между прочим, Ла Горда всё время находится в таком состоянии, – сказал дон Хуан. – Поэтому она – изумительный ученик и вместе с тем – просто потрясающая зануда. Она не может не цепляться за всё, что встречается на её пути. В том числе, конечно, и за вещи весьма полезные. Например – за высшую степень концентрации.

Далее дон Хуан объяснил, что новые видящие обнаружили: переходный период является тем временем, в течение которого процесс обучения становится наиболее

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

² К.Кастанеда. Активная сторона бесконечности.

³ К.Кастанеда. Дар Орла.

эффективным, а само обучение – самым глубоким. Но это также тот период, когда воин должен постоянно находиться под присмотром учителя, получая все необходимые объяснения. Иначе у него возникнут проблемы с самооценкой. Если он вовремя не получит соответствующих объяснений, то, окончательно перейдя в состояние левосторонней осознанности, он станет великим магом, но никчёмным выдающим. Именно это произошло в своё время с древними толтеками».¹

Схожую участь разделяют и те деятели человечества, о которых обычно говорят как о “великих”, “выдающихся” или “гениальных”. Один из таковых – Артур Шопенгауэр – в очень откровенной автобиографической повести сам дал себе весьма близкую к приведённой характеристику:

«Даже если нет особых причин для беспокойства, у меня всегда возникает какая-то тревога, которая заставляет меня озираться, ища несуществующей опасности. Это до бесконечности раздувает во мне малейшее раздражение и делает моё общение с людьми ещё несноснее».²

Десоциализация

Любой вставший на путь воина человек с необходимостью должен осуществить десоциализацию.

Что такое десоциализация? Прежде всего, десоциализация – это ни в коем случае не асоциализация, то есть не потеря способности существовать в социуме, и, с другой стороны, не контрсоциализация, то есть не установка на борьбу с ним. Десоциализация, если пользоваться ранее введёнными понятиями, это преодоление любой социальной ответственности, которая идёт вразрез с ответственностью перед самим собой. Иначе говоря, десоциализация – это преодоление любого общественного влияния: как прямого, так и косвенного – осуществляемого через мешающее следовать по пути сердца социальное бессознательное. А совершенно очевидно, что следовать по пути сердца оно мешает более чем что-либо другое. Третий вариант равнозначного предыдущим определения десоциализации – это существование в обществе без любого рода вовлечённости в него и без привязанности к любым общественным условиям.

«– ...Великая задача магов состоит в том, чтобы распространить идею, согласно которой для эволюции человечества вначале необходимо освободить свою осознанность от привязанности к общественным условиям. Как только осознанность освобождается, *намерение* направляет его по новому пути развития.

– Ты думаешь, что магам удастся справиться с этой задачей?

– Им уже удалось. Они сами – живой пример этому. А убедить других в важности и необходимости эволюционирования – это другое дело».³

Но как можно не вовлекаться в общественные процессы – на что в таком случае жить, ведь это вовлечение осуществляется в конечном итоге именно для *выживания*? Вопрос серьёзный, но в наше время почти повсеместно утвердившегося либерализма, а также переизбытка самых разных товаров (хотя и при их крайне неравномерном распределении) вполне решаемый: если не гнаться за богатством, то источник стабильного дохода человеку, претендующему называться воином, найти не сложно. Например, Хуан Матус в молодости был успешным бизнесменом и, по его словам, владел мануфактурой. Карлос Кастанеда тоже занимался бизнесом, а одно время работал поваром – впрочем, это было лишь уловкой для борьбы с чувством собственной важности (позже он жил за счёт писательских гонораров). В общем, с уверенностью можно утверждать, что время “непризнанных гениев, работающих в стол” или тем более преследуемых властями безвозвратно ушло, и сейчас каждый человек получает соответствующую его реальным способностям оценку. Однако более актуальной становится другая крайность: *получив со стороны общества эту оценку можно никогда уже не выйти из под его влияния, навсегда стать пленником богатства и власти – в том числе власти над умами*. Так обычно и происходит, и множество людей просто не знают, как применить

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

² А.Шопенгауэр. Manuscript Remains... – Vol.4. – P.507 / “Ειςεαυτου”, §28.

³ К.Кастанеда. Искусство сновидения.

свои способности или свой капитал, хотя интуитивно чувствуют, что как бы они их не применили – желаемого *сердцем* результата не будет.

Вовлечённость в общественные процессы, *сознательная работа на благо общества*, насколько бы творческой она ни была, всегда хотя бы отчасти требует рутинной работы, поскольку в этом случае человек всегда отвечает не только перед собой, но и перед кем-то ещё, достигает цели не только свои, но и общественные. В этой связи можно заметить, что наряду с понятием “ответственности перед другим (не перед собой)” также для членов любого общества актуальны такие понятия как *работа* и *отдых*: отдых в большинстве случаев – то, что приносит удовольствие при относительном расслаблении, а работа – то, что не всегда приносит удовольствие, но зачастую сопровождается напряжением. Иначе, отдых – то, что человек делает *для себя*, работа – то, что он делает *для другого* (даже если работа оплачивается). В идеале, конечно, работа и отдых должны совмещаться, то есть работа должна быть *творческой*, приносить *удовольствие*. Она должна делаться *для себя*, не быть навязанной извне и потому не быть *рутинной*. И хотя сейчас это общеизвестный принцип, в наше время он столь же недостижим, как и в прошлом, когда он стал причиной заблуждений для Гегеля, Маркса и многих других философов, считавших критерием совершенного общества полную творческую реализацию всех его членов без любого принуждения (для Маркса, в первую очередь, классового). Это, по их мысли, может автоматически удовлетворить и все потребности (отсюда такой принцип как “от каждого по способностям – каждому по потребностям”), но жизнь показала, что без принуждения не обойтись в любом случае, а для того, кто всё же хочет его избежать, осуществление полной и осознанной десоциализации единственный возможный выход.

Тот же вопрос можно поставить в плоскости морали и нравственности: допустимо ли существовать за счёт общества, но самому ничего в него не вносить? Иначе, человек для общества или общество для человека? Безусловно, есть люди, которые гораздо больше отдают, чем берут, и находят в этом удовлетворение; другие, потребляя материальные блага, возмещают их деятельностью в интеллектуальных или духовных областях. Но если человек стремится к свободе, то *он вправе только брать от общества, но намеренно ничего не отдавать*. Конечно, нужно воспринимать подобный тезис трезво – при неадекватной трактовке он может вызвать, с одной стороны, неправомерное моральное недовольство, а с другой – также неправомерные эгоистические спекуляции и злоупотребления. Ясность внесёт следующее замечание:

Общество всегда было и продолжает оставаться лишь средством для выживания и развития человека, который является по отношению к нему целью. Причём именно конкретного человека, а не самого себя.

В философии этот уже акцентировавшийся ранее тезис объективно значимого развития и познания восходит к Платону и Сократу, а в наше время наиболее ясно его выразил Гуссерль, указавший, что только тот проживает свою жизнь нравственно, кто задумывается над движущими её силами. Вот почему жизнь мыслителя, только если его мышление не является самоцелью, лежит вне любых нравственных оценок. Точнее, мыслитель сам в состоянии оценить свою жизнь более справедливо, чем кто-либо иной. Хуан Матус высказывал аналогичное мнение в отношении воинов:

«– Я боялся, что, из-за своей глупости я не смогу достичь свободы и повторю жизненный путь своего отца, – объяснил дон Хуан. – Нет, не думай, в жизни моего отца не было ничего особенно плохого. Он жил и умер не лучше и не хуже, чем живёт и умирает большинство людей. Важно другое: моя *точка сборки* сдвинулась, и в один прекрасный день я вдруг понял, что жизнь моего отца и его смерть ничего равным счётом не дали. Ни ему, ни кому бы то ни было другому.

– Бенефактор говорил мне, что жизнь моих родителей нужна была только для того, чтобы родился я. Так же, как жизнь их родителей нужна была для того, чтобы родились они. Воин относится к жизни иначе. За счёт сдвига *точки сборки* он отдаёт себе отчёт в том, какой невероятно огромной ценой оплачена его жизнь. Этот сдвиг рождает в сознании воина почтение и трепет, которого никогда не испытывали его родители ни перед жизнью вообще, ни перед собственной жизнью в частности».¹

Тем не менее, возможно ли всё-таки быть воином, оставаясь хоть сколько-либо вовлечённым в общественные процессы? Нет, невозможно. Человек, следующий своему сердцу, всегда и во всём

¹ К.Кастанеда. Огонь изнутри.

стремится к совершенству, никогда не останавливается на достигнутом и никогда не бывает полностью удовлетворён как результатом своей деятельности, так и вообще *самим собой*. Такой человек – это идеалист и максималист в самом позитивном смысле этих слов. Если же его цели окажутся связанными с обществом, то он неминуемо потерпит поражение в их достижении, поскольку *само общество не может быть совершенным*.

Сколько бы сил воин не вложил в изменение общества – он проиграет.

Но, как уже говорилось, во всяких действиях есть смысл, “всё действительное – разумно”: если он проиграет – общество выиграет, его члены, так или иначе, воспримут плоды его стараний. Но всё же это слабое утешение для стремящегося к абсолютной свободы, при условии, конечно, что такое стремление достаточно сильно – а если это не так, то проигрыш закономерен и заранее прогнозируем.

Следует принять ответственность за него, чего не сделал в конце своей жизни, например, Жан-Поль Сартр, хотя вряд ли кто-то из философов писал об ответственности больше него. Вот его слова из предсмертного интервью: «Мои сочинения неудачны. Я не сказал ни всего, что хотел, ни так, как я этого хотел». Причём на этой ноте жалости к себе кончил жизнь далеко не простой смертный, а выдающийся мыслитель XX века, апологет свободы. Для выявления причин такого исхода имеет смысл обратиться к его биографии, а также к биографии ещё одного выдающегося человека, как и Сартр завершившего свою жизнь бесславно – Л.Рона Хаббарда: тоже крайне интересной – и особенно в контексте темы десоциализации – фигуры. В чём-то совершенно разные – один общепризнанный, номинированный на Нобелевскую премию (которую он, правда, не принял), второй – весьма неоднозначный, в некоторых странах даже объявленный персоной нон-грата. В чём-то имеющие много общего – оба философы, оба писатели (хотя Сартр – романист, а Хаббард – фантаст), и, что самое главное, оба они стремились к достижению одной цели: обрести свободу и привести к ней человечество. Стоит ли говорить, что только в отношении второй части каждый из преуспел, причём с большими оговорками – они не достигли непосредственно того, чего хотели, хотя косвенное влияние их обоих на современное общество трудно переоценить. Но всё же самый главный смысл их жизней в другом: *вся их деятельность и их ошибки – а также деятельность и ошибки ещё большого числа людей такой же неординарной судьбы – могут и должны послужить примером для потомков*. Реализуя такую возможность каждому из них можно уделить очень много внимания, что уже и было сделано разными авторами. А в рамках настоящей книги, учитывая ограниченность её объёма, имеет смысл затронуть лишь наиболее значимые и характерные вехи их жизненного пути.

Жан-Поль Сартр

Жан-Поль Сартр (1905-1980) – французский писатель, философ, публицист, общественный и политический деятель. Один из основателей и наиболее активный пропагандист атеистического направления экзистенциализма. В 1929 году оканчивает Высшую нормальную школу (Париж), а с 1931 начинает преподавать – сначала в лицее в Гавре, затем в Университете Франции в Париже. Параллельно занимается литературной деятельностью, и в 1938 выходит его наиболее известный роман «Тошнота», в сущности передающий настроение, которое Толтеки называют магической печалью. Также Сартр путешествует, изучает онтологию Хайдеггера и феноменологию Гуссерля, на основании которых позже создаёт свою “феноменологическую онтологию”. В годы Второй мировой войны из-за дефекта зрения не попадает в действующую армию, но служит в метеорологическом корпусе, а после захвата Франции нацистами оказывается в плену, откуда его в скором времени отпускают. В 1943 публикует основной философский труд «Бытие и ничто», главной проблематикой которого выступает противостояние свободы и необходимости для личности (изложение понятийного аппарата Сартра, как и позже Хаббарда ввиду их большой сложности опускается).

До военных событий Сартр не проявлял какой-либо политической активности и, напротив, придерживался позиций крайнего индивидуализма, видя смысл жизни исключительно в служении искусству – только искусство, как он полагал, может защитить человека от абсурдности мира. Речь в его работах шла о возможности раскрытия в себе *тотального бытия*, становления им, что фактически значило бы достижение *абсолютной свободы*, в то время как любые социальные институты критиковались им как свободу подавляющие. *Подлинно человеческим может быть лишь спонтанный протест против всякой социальности*, считал Сартр, но неоднозначность этого утверждения сыграла с ним злую шутку. Критика социальных институтов переросла в борьбу с ними,

а борьба – это уже явная *вовлечённость*, хотя сам он отчасти отдавал себе в этом отчёт и не желал, чтобы “социальный институт” делали, в свою очередь, из него самого.

Затронутый войной Сартр присоединяется в Париже к движению сопротивления, в рамках которого, а после войны уже и вне их, ведёт политическую деятельность, и, в частности, основывает и возглавляет ежемесячный литературный и политический журнал «Тан Модерн» (фр. «Les Temps modernes» – «Новое Время»), ставший одним из наиболее влиятельных периодических изданий Европы. Поздний Сартр – Сартр-политик – видел основной целью своей жизни борьбу с буржуазным обществом и буржуазной культурой. Теперь его интересовали уже не проблемы индивидуализма как такового, а проблемы индивидуализма *как средства* освобождения рабочего класса и средства борьбы с любым угнетением свободы вообще. То есть об абсолютной свободе конкретного человека уже не говорилось, её – а фактически *собственную* свободу – Сартр *принёс в жертву обществу*. Сблизившись после Второй Мировой войны в своих взглядах с марксизмом, он даже предпринял попытку интеграции экзистенциализма и марксизма в первом томе работы «Критика диалектического разума» (1960) – надеясь переосмыслить марксизм посредством внесения в него экзистенциальных идей, а за счёт идей самого марксизма превратить экзистенциализм из философии личности в философию общества. Однако обещанный второй том так и не последовал, что стало свидетельством неудачи и неразрешимых противоречий “экзистенциального марксизма”.

В последние двадцать лет жизни больше чем литературной деятельностью Сартр занимается политикой, пропагандирует марксизм и социализм, поддерживает ультралевые радикальные движения и, в частности, приходит к выводу о возможности применения насилия по отношению к буржуазному строю, хотя ранее он был противником любого насилия. После студенческих волнений в мае 1968 в Париже, а также будучи вдохновлён примерами Кубы и Китая, высказывает идеи о возможности революции в Европе. Затем, однако, разочаровывается в них и переключает своё внимание на поддержку революционных движений в странах “третьего мира”. В последние годы из-за глаукомы Сартр практически теряет зрение и покидает политическую сцену, лишь иногда давая интервью и комментируя происходящие в мире события. Вот что пишет о нём Михаил Киссель в своей книге «Философская эволюция Ж.-П.Сартра»¹:

«И вот, словно забыв о длительном и мучительном своём пути сквозь дебри академической философии и предрассудки буржуазного интеллектуала, больше всего лелеющего "гордое одиночество" избранного, Сартр после майских событий 1968 года в Париже резко порывает с коммунистическим движением на Западе и отдаёт свой авторитет и своё перо в услужение левозэкстремистским группкам, которые своей подрывной деятельностью больше помогают империализму, чем борются с ним. Он становится редактором маоистского журнальчика, выходящего под претенциозным названием "Дело народа", регулярно перепечатывая некоторые его материалы в "Тан модерн". Ещё недавно, как рассказывают журналисты, в рабочих пригородах Парижа неподалёку от заводских ворот можно было видеть на импровизированной трибуне в окружении десятка юнцов невысокого толстого старика, с искажённым лицом выкрикивающего маоистские лозунги. Рабочие, с недоумением бросив взгляд на эту странную картину, не останавливаясь, проходили мимо...

Что касается профессиональных литераторов и философов, то они давно уже заметили, что читать Сартра стало неинтересно: о чем бы он ни писал, с первых строк уже ясно, чем он кончит, а кончает он набившими оскомину штампами экстремистской идеологии. Раньше каждое его выступление по злободневным вопросам дня с нетерпением ожидалось и жадно прочитывалось. Читателей привлекал поиск пытливого мысли, склонной порой к излишним парадоксам и отклоняющейся часто далеко от истины, но всегда побуждающей на самостоятельные размышления и задающей вопросы, которые, может быть, самому и не пришли бы в голову. Теперь не то. Постаревший мэтр экзистенциализма из последних сил пускается вдогон за бегущим днём, жадно тянется к молодёжи, перенимая модные веяния "молодёжной контркультуры", и, кажется, больше всего на свете заинтересован в том, чтобы нравиться и чтобы не отстать от юности в смелом радикализме воззрений».²

Л.Рон Хаббард

¹ Хотя в принципе Киссель ангажированный просоветский источник (дата выхода книги – 1976 год), его критическая оценка деятельности Сартра на склоне лет вполне соответствует общепризнанной современной.

² М.А.Киссель. Философская эволюция Ж.-П.Сартра.

Не менее, а в каком-то смысле гораздо более плодотворной была жизнь Л.Рона Хаббарда (настоящее имя Лафайет Рональд Хаббард, 1911-1986), однако его имя невозможно обнаружить среди официально признанных философов, учёных, психологов и общественных деятелей, хотя по общепринятым меркам он, безусловно, проявлял ярко выраженные качества каждого из них. Такое положение вещей связано с тем, что Хаббард отличался уникальной самобытностью, и даже более чем Сартр противопоставлял себя любым традиционным социальным институтам и движениям. Вместе с тем, анализируя его биографию, следует отдавать отчёт, что, прежде всего, Хаббард – это писатель-фантаст, и подобно тому, как он описывал фантастические миры в своих романах, он создал “отдельный” собственный мир в обычной человеческой реальности. И если большая часть людей ничего не знает об этом мире, для некоторых он навсегда становится единственно возможным¹.

В 20-х годах так и не окончив университет Джорджа Вашингтона, и имея за плечами несколько путешествий, Хаббард начинает писательскую карьеру, однако печатается в “макулатурных” дешёвых журналах, и потому нередко нуждается в деньгах, которые требуются ему ещё и для содержания семьи. Популярность, а вместе с ней обеспеченность приходят лишь в начале 30-х, но и то скорее как следствие огромного количества произведений – действительно стоящих из нескольких сотен (а всего Хаббард издал около шестисот произведений) немного: например, классикой фантастики признаются «Страх» и «Последнее затмение», написанные в 1940. В конечном же счёте, он всё-таки оказывается в одном ряду с такими известными американскими авторами научной фантастики как Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов, Рей Брэдбери и др. Параллельно с литературной деятельностью Хаббард интересуется психологией и психиатрией, восточными духовными учениями, экспериментирует с гипнозом и, согласно воспоминаниям современников, отчасти овладевает им; также известны его эксперименты с наркотическими веществами. Во время Второй Мировой войны служит в Военно-морском флоте США офицером, где получает ранение и демобилизуется.

В 1950 году Хаббард выступает в качестве создателя новой науки – *дианетики* – и публикует одноимённую книгу «Дианетика: современная наука душевного здоровья», содержащую его теорию энграмм и метод избавления от них – дианетический аудитинг (подробнее об этом в Приложении, раздел *Перепросмотр*). Человек, полностью избавившийся от энграмм, назван в ней Клиром (от англ. clear – ясный, чистый, очищенный), однако Клир, по Хаббарду, это практически супермен, сверхчеловек, лишённый любых болезней и в духе научной фантастики обладающий огромными способностями. Вот почему начавшийся было бум дианетики, заинтересовавшей тысячи вдохновлённых его многообещающими посланиями американцев, быстро сошёл на нет, оставив Хаббарда без денег и даже без авторского права на использование этой торговой марки. Конечно, дианетический аудитинг весьма эффективный – при грамотном применении – способ работы с бессознательным, но он требует большого терпения, имеющегося далеко не у всех, и тем более не у тех, кто некритично верит в возможность быстрого чуда. После провала Хаббард оказывается в довольно глубокой депрессии (не последней в его жизни), усугубившийся ещё и травлей в его адрес в прессе со стороны психологов и психиатров, которым от него досталось в «Дианетике» (он справедливо упрекал их в применении антигуманных способов лечения: таких как лоботомия, электрошок, использование химических препаратов, гипноза и т.п.)

Но энергичность Хаббарда не дала ему долго оставаться не у дел. Всего за несколько месяцев он разработал то, что впоследствии назвал прикладной религиозной философией – *сайентологией* (англ. scientology). Сайентология, согласно Хаббарду, это “учение о знании” (от лат. scio – знание, греч. logos – учение) или, по-другому, “знание о том, как знать”. Сайентология – та же дианетика, но дополненная рядом положений философского характера о духовной природе человека, а также идеей о переселении душ, взятой из восточных учений. Последняя стала следствием длительных экспериментов с аудитингом и некоторыми наркотическими веществами, в результате которых Хаббард столкнулся со странного рода воспоминаниями, отнесёнными им к опыту “прошлых жизней” (стоит заметить, что вообще в сайентологии эта тема является наиболее скользкой как в теоретическом, так и в практическом аспектах).

¹ Практически все имеющиеся биографии Хаббарда в той или иной степени тенденциозны: в одних преувеличиваются его достоинства, а в других выпячиваются недостатки. Ситуация усугубляется также тем, что сам Хаббард сначала не без юмора, а позже не без весомой доли маниакальности любил “фантазировать” на собственный счёт, причём эти фантазии часто принимались его последователями за чистую монету. Есть, однако, и несколько относительно – но лишь относительно – объективных книг о нём и его жизни. Это книги “Сайентология: больше чем культ?”, Л.Кина, две книги Джона Атака “Капкан безграничной свободы” и “Ключок синего неба”, “Шах планете Земля” Бернда фон Виттенбурга и некоторые другие.

В 1955 в Лос-Анджелесе Хаббард зарегистрировал Независимую Церковь Сайентологии – религиозную организацию, ставшую международным центром по распространению его идей и методов духовного совершенствования. Хотя Хаббард связывал придание сайентологии церковного статуса с её духовной и религиозной природой, в действительности скрытый мотив состоял в том, что он хотел сэкономить на налогах, от которых в США церкви освобождены. После основания “собственной религии” Хаббард проявляет способности талантливого организатора, занимаясь созданием её филиалов сначала в пределах США, а затем и по всему миру. Для координации их деятельности он разрабатывает так называемую “административную технологию управления”, которая в 1966 году оформляется им в девятитомное справочное пособие для «Курса руководителя организации».

В 1959 году семья Хаббардов (в то время он был женат в третий раз) переезжает в усадьбу Сент-Хилл – поместье в Ист-Гринстеде, расположенное в графстве Сассекс в Англии, ставшее чем-то вроде сайентологической Мекки. Здесь Хаббард проводит исследования “жизненной силы” – феномена, близкого к толтекской личной силе или воле. В частности, он экспериментирует с растениями, чтобы выявить некоторые свойства их “жизненности”, а также изучает некоторые сверхъестественные возможности человека, вроде телепатии и телекинеза, хотя никаких документальных подтверждений успехов в этом направлении исследований нет. Кроме того, в это время им разрабатываются “тренировочные упражнения” – фактически можно говорить, что они тренируют остановку *внутреннего диалога*. Другой важной идеей Хаббарда явилась концепция *постулатов*: в согласии с ней, изначально как духовное существо человек обладал огромной силой и мог напрямую управлять процессами пространства-времени – *постулировать*, – однако со временем в текущей и прошлых жизнях почти полностью утратил эту свою способность, поскольку многие постулаты пришли в противоречие друг с другом. В широком смысле задача аудиторинга, отсюда, состоит в воспоминании прошлых решений и отмене их, либо пересмотре. Здесь также очевидно сходство с нагуализмом: постулирование и проявление воли очень близкие концепции. Но есть и тонкое различие: хотя сайентология признаёт существование бога, источник любых постулатов никак не соотносится с ним, в то время как нагуализм рассматривает путь духовного развития именно как установку связи с намерением бесконечности. Таким образом, в сайентологии вообще любое решение человека может считаться постулатом, что открывает неограниченный потенциал для эгоистических злоупотреблений. Хотя Хаббард и разделял все действия человека на “этические” и “не этические”, сама концепция этики весьма туманна, что вообще характерно для него. Прямых и чётких критериев этичности действий в их связи с глубокой структурой человеческой психики сайентология не содержит.

Более широко известен вклад Хаббарда в образование: столкнувшись с необходимостью обучения методам и идеям сайентологии, он разрабатывает и внедряет оригинальные образовательные подходы, оказавшиеся востребованными и вне церкви. Помимо этого, широко известна и функционирует по сей день программа реабилитации наркоманов “Наркокон”, также дополненная созданной в 1978 году программой “Очищение” (хотя обе они, а особенно вторая, не гарантируют стопроцентного успеха и не имеют официального медицинского одобрения). В конечном итоге Хаббард разрабатывает так называемый *Мост к тотальной свободе*, включающий уровни до Клира и выше. Здесь наряду с эксклюзивными наработками, касающимися улучшения психического состояния и овладения “жизненной силой”, возникает легенда научно-фантастического толка о том, что планета Земля – тюрьма для душ существ, некогда проигравших в космических сражениях. Похоже, поздний Хаббард полностью верил в эту легенду и видел свою задачу на Земле мессианской: распространить сайентологию по всей планете и тем самым привести её жителей к свободе в таком оригинальном понимании этого слова.

Психологические предпосылки этой легенды связаны с тем, что, с одной стороны, сайентологическое движение действительно расширилось, и Хаббард во многом поддавался лестным отзывам своих последователей, поверил в свою избранность, а с другой – что несмотря на все усилия по наведению в церквях порядка, серьёзные трудности, в негативном свете выставляющие личность Хаббарда, возникали буквально на каждом шагу. Это были и непрекращающиеся судебные иски, в том числе по обвинению в мошенничестве, и обличения в прессе, и продолжающиеся нападки со стороны психологов и психиатров; доходило даже до конфликтов с правительствами и спецслужбами. Всё это негативно влияло на психику Хаббарда, усиливало эгоцентризм и подкрепляло его маниакальные фантазии, в которых прочно утвердилась мысль о мировом заговоре против его организации: фактически же можно говорить о том, что Хаббард *противопоставил себя*

всему официальному миру. Однако в связи с этим совсем не верно считать его, как сейчас это распространено, чудовищным эгоистом, который с самого начала целенаправленно стремился лишь к богатству и власти, причём любым путём (хотя этих целей он действительно достиг и в конце жизни стал одним из богатейших людей мира). Вне всяких сомнений исходно им руководили самые лучшие чувства и благие намерения, что подтверждают пропитанные ими его первые книги, внушающие надежду и до сих пор привлекающие в церковь неискушённых людей – деньги были для него лишь *средством.* Но слишком тонкая психическая организация, неуравновешенность и неспособность принимать реалии мира такими, каковы они есть на самом деле, привели его совсем не к тому, к чему он стремился изначально, совсем не ко всеобщей свободе. Он, по сути дела, оказался *жертвой* богатства и власти, не смог вынести это бремя.

В 1967 году Хаббард создаёт полувоенную организацию, получившую название “Си Орг” (англ. “Sea Org” – “Морская Организация”), и отправляется в плавание по нейтральным водам Тихого Океана. Здесь в нём в полной мере проявляются диктаторские качества, распространяющиеся как на приближённых, так и на церковь в целом, а также ещё больше усиливаются имевшиеся и до этого фобии и подозрительность. Для того чтобы лучше дисциплинировать сайентологов (членов Церкви Сайентологии), он вводит в действие “этику” – свод весьма тоталитарных правил, в частности содержащих близкое к фашистскому положение о доносе, который в случае несоблюдения этики должен делать каждый сайентолог на другого. Ещё одним показательным моментом этики стал тезис, согласно которому среди всех людей есть небольшой процент так называемых “подавляющих личностей” – тех, кто по самой своей природе противится достижению целей сайентологии. До сих пор одним из действующих приёмов Церкви Сайентологии является объявление человека “подавляющей личностью”, если от него хотят избавиться. Подобный поворот от крайнего идеализма к тоталитаризму, даже если опустить психологические нюансы, симптоматичен: Сартр, хотя и в совсем иной форме, последовал аналогичному пути.

После создания “Си Орг”, введения этики и ряда других мер Церковь Сайентологии – в прошлом организация, где царил дух свободы – превращается, по нынешним понятиям, в тоталитарную секту. Хотя действует она, как правило, полностью законно, а из наиболее сильных перегибов можно отметить лишь почти бесплатную эксплуатацию рядовых членов, работающих на одной вере, а также неоправданно высокие цены на услуги – некоторые исчисляются тысячами долларов. Фактически же сейчас Церковь Сайентологии – это ставший реальностью символ современного буржуазного общества: символ несбывшихся надежд и преданных благих помыслов. Что касается Хаббарда, то он полностью отошёл от дел после скандального процесса 1977 года о краже секретных правительственных документов, в ходе которого были осуждены одиннадцать руководителей церкви, среди которых оказалась и его жена. Сам Хаббард чудом избежал наказания, скрывшись в неизвестном направлении.

Оказавшись в изоляции, он вернулся к писательской деятельности и в начале 80-х отметил свой 50-летний юбилей как писателя выходом декалогии «Миссия Земля»: крупнейшего в истории научно-фантастического романа с выраженными элементами пародии и сатиры. В 1986 Хаббард скончался. Церковь Сайентологии объявила, что он “покинул тело, чтобы продолжить свои исследования дальше”.

Одним из последних, кто видел Хаббарда, уединившегося под конец жизни на ранчо на калифорнийских холмах, был его давний сподвижник на ниве сайентологии писатель Роберт Вон-младший. Вот его воспоминания:

«[Хаббард] отрастил бороду, он отрастил длинные волосы, ногти были длинными, очень много общего с теми проблемами, которые обнаружили у Говарда Хьюза, нестриженные ногти. Соседи – там был сосед, который однажды прошёл мимо него и он очень испугался и вдруг выбежал из здания. Он боялся встречаться с людьми, он ужасался встречам с любыми новыми людьми. Он исчезал, исчезал, исчезал в своём маленьком странном мире. Ирония состоит в том, что это был человек, который провозглашал и рассказывал миру, что “с моей технологией и идеями вы можете достичь большего, большего и большего”, но в то же время сам он сжимался, пока наконец не исчез».¹

¹ Из выступления в передаче “Тайные жизни: Рон Хаббард”, прошедшей 19 ноября 1997 года в Англии (Channel 4). Оригинал стенограммы (на английском) расположен в Интернете по адресу <http://www.xenutv.com/int/secretlives.htm>.

Как Хаббард, так и Сартр не одиноки в своей трагедии безуспешного стремления изменить мир. Любой, кто ввиду собственной природы стремится к свободе, оказывается вынужден *бороться* с обществом, чем Сартр и Хаббард, как это ни парадоксально, и занимались – насильно таща его вслед за собой к свободе, и в конце проиграв в этой борьбе, отдав ей все силы. Если общество тоталитарно – оно ограничивает творчество, диктует творцу правила; если либерально – соблазняет множеством искушений, среди которых богатство и власть – главные. Стремление к свободе, развитие *всегда* тормозятся обществом: если в молодости человек жаждет развития, то, не осуществив десоциализацию, позже он *без сомнений* предаст свои идеалы. Впрочем, хотя речь идёт о борьбе, нет ничего плохого, если человек проиграет в ней: всё относительно и всё разумно, во всемирном масштабе никакие усилия не останутся напрасными. “Отдавший свою жизнь на благо обществу” – а это общепринятая альтернатива “проигравший в борьбе за личную свободу”, будет продолжать жить в нём в виде своих так или иначе реализующихся устремлений. В любом случае необходимость десоциализации – это всегда только осознанная необходимость, и *в принципе* нет ничего плохого в том, чтобы не достичь абсолютной свободы “в этой жизни”, точно также как нет ничего плохого в том, чтобы быть атомом, который не став частью молекулы распадётся на субатомные частицы.

Может показаться, что это утверждение само по себе уже носит как бы оправдательный характер, имея в виду заранее косвенно согласиться с поражением. Однако нет: оно не связано с субъективными опасениями или надеждами, и потому ничего не оправдывает, но констатирует истинно магический факт: *свобода выбора принадлежит не человеку, а только силе*. И как в связи с этим говорил Хуан Матус: воин не верит, воин должен верить – *должен верить силе*.

Глава вторая. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ “ПОРОЧНЫЙ КРУГ” ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Основные положения теории общества

В предыдущих главах был выдвинут тезис о фундаментальном “порочном круге” человеческого бытия. Суть его сводится к фактическому отсутствию развития осознанности у людей в течение достаточно длительного исторического периода. Парадоксально, но во многом именно это наблюдение воспрепятствовало в своё время принятию идей эволюционизма: люди и всё живое сотворено “всемогущим Богом”, а потому *никто кроме него не может ничего в мире изменить*, никто не может развиваться без прямого вмешательства Бога или без посредничества и санкций представляющих его религиозных институтов. В действительности же ситуация противоположная: *лишь в мире людей, имеющих цивилизацию и религию, возможен такой низкий уровень эволюции, что статистически его можно просто не заметить, либо даже попытаться оспорить*. В настоящей главе этот тезис получит развитие. Именно, в первом её разделе даётся представление о теории общества, которую можно применить к любым его отдельным организациям, а в последующих разъясняются аспекты специфики современной западной цивилизации, рассматриваемой в качестве неизбежного финала, к которому де-факто пришло всё человечество в целом. Резонно назвать современную западную цивилизацию *цивилизацией кризиса*, но поскольку, как будет показано, этот кризис запрограммирован далеко в прошлом, в ней его черты лишь проявляются наиболее выражено – как вместе с тем и наиболее явными становятся средства его преодоления.

Ранее незыблемая основа теории общества – причём не только человеческого – уже была заложена в виде постулата о взаимной необусловленности внутренней и внешней организации субъектов. То есть в то время как уровень организации между членами общества и между составляющими тела каждого из них подчинёнными им существами в ходе эволюции повышается, обе эти системы – общество и личность – развиваются *без определяющего влияния одной из них на другую*. Иными словами, не существует влияния субъекта на организованность окружающего его общества (даже если это явный общественный лидер), равно как нет и влияния общества на осознанность конкретного человека, либо – в ещё одной формулировке – нет определяющего влияния *сознания на бытие или бытия на сознание*.

Объективно общество и личность не могут оказывать определяющего влияния друг на друга в плане увеличения организованности первого или повышения уровня осознанности второй. Только субъективно личность может испытывать чувство власти по отношению к тем или иным социальным группам, родственное иллюзорному чувству свободной воли, основанному, в свою очередь, на чувстве собственной важности.

Приступая к более конкретному рассмотрению всех общественных отношений, следует заметить, что таковыми уместно считать только отношения, основанные на мотивах социального бессознательного, либо на разумной согласованности. Таким образом, действие, когда, например, некто причиняет вред другому человеку, следует считать общественным лишь в случае, если оно обусловлено злостью на него, халатностью или умственной ошибкой, но не когда этот вред наносится полностью случайно, как если бы он был причинён силами не людей, а природы вообще. С другой стороны, отношения между людьми, основанные на воле, то есть в широком смысле отношения между членами магической когорты, являются отношениями более высокоорганизованного сообщества, чем обычные, и в его рамках причинение вреда должно трактоваться только с позиций достижения конечной цели воинов – абсолютной свободы.

В самом начале зададимся достаточно простым вопросом: что движет человеком, когда тот хочет что-либо изменить в устройстве общества? Ясно, что само понятие общества – это только абстракция, обозначающая совокупность конкретных окружающих данного человека людей и

организованных ими социальных институтов. Поэтому поставленному вопросу предшествует другой: в чём вообще цель человеческого общества? Если рассматривать человеческое общество как один из видов симбиоза, то, как и цель любого симбиоза, в обеспечении выживания и развития отдельных его членов. Иначе, в оказании *взаимопомощи*, без которой отдельный человек в принципе не сможет обойтись. Следовательно, стремление изменить общественное устройство фактически является стремлением изменить форму взаимопомощи, оказываемой людьми друг другу – сделать эту форму более *справедливой*.

Но при этом естественно, что каждый человек понимает справедливость по-своему или, говоря буквально, желает справедливости лишь по отношению к себе, то есть желает большего участия других людей в решении *лишь своих проблем*. Отсюда новый вопрос: как и в какой степени разные люди добиваются большей справедливости? Безусловно, каждый желает большей справедливости, но далеко не каждый преуспевает в её достижении. Основная масса людей настолько вовлечена в конкретные предопределённые системы труда и производства, что заставить их бороться за справедливость могут лишь серьёзные кризисы этих систем, как раз приводящие к *массовым* выступлениям и акциям протеста. *Индивидуальные* же выступления являются сравнительной редкостью, и хотя любой человек в той или иной мере способен противостоять системе, на кардинальные меры по преобразованию глубоких уровней общественной организации решаются только очень немногие.

Однако пусть некто успешно реализовал себя в качестве общественного или политического деятеля, решил собственные проблемы и добился для себя справедливости и приемлемого уровня жизни. Казалось бы, и это следует хотя бы из теории Абрахама Маслоу, наилучший путь для такого человека – это путь развития воли и десоциализация, но очевидно, что подобного не происходит практически никогда, и однажды добившись успеха, человек уже больше не может остановиться: теперь он думает принести обществу ещё большую пользу, а фактически *стремится удовлетворить свой всё возрастающий эгоцентризм*. Не имея достаточно актуальных личных проблем, успешный политик превращается в *идеолога* или даже философа, ориентирующегося теперь на более масштабные общественные преобразования – которые, с другой стороны, *являются теперь и более оторванными от реальности*. Идеологи обычно ограничивают свою деятельность написанием книг или публичными выступлениями на тему “как должно быть”, при этом совершенно не утруждая себя реальными делами или даже разработкой практических методов реализации своих идей. Нередко же они доходят до почти очевидного абсурда, больше желая отстоять свои взгляды перед лицом критиков и конкурентов, чем сохранить их адекватность. Но если всё-таки определённая идеология отражает чаяния достаточно большого числа людей и предпринимаются реальные попытки её воплощения в жизнь, обычно таковые – как показывает история – проваливаются, либо приводят к появлению существенных нежелательных и непрогнозируемых эффектов. В этой связи следует отметить некорректность распространённого утверждения, что хорошие идеи часто ведут к своей противоположности, если реализуются недостойными людьми. Напротив, в согласии с принципом фальсификации Поппера, *идея всегда соответствует своей реализации, и она в той же степени хороша, в какой реализуема*.

Известнейшим примером неудачно реализованной идеологии может послужить марксизм, применённый Лениным в условиях российской действительности начала XX века. Однако учитывая, что Маркс, говоря о социалистической революции, не имел ввиду Россию, где фактически отсутствовал развитый капитализм и рабочий класс, которому она была бы необходима, а Энгельс после его смерти признавал идею быстрой революции ошибочной даже в условиях капиталистической Европы, следует признать, что фактически Ленин воплощал свой собственный радикальный замысел, свою личную идеологию (“марксизм-ленинизм”), а не марксизм в чистом виде. И, таким образом, он сочетал в себе как достаточно сильного идеолога, так и продуктивного политика, что и привело его в конечном итоге к относительному – насколько это было возможно – успеху, выраженному в становлении сверхдержавы, длительное время просуществовавшей на основе заложенных им общественно-политических принципов.

Всё сказанное сводится к следующему постулату:

Каждый человек желает сделать общество более справедливым по отношению к себе. При этом успешные политики и идеологи часто рассматривают собственные представления о

справедливости в качестве единственно верных или объективных, что обычно обусловлено общественной поддержкой первых и уверенностью в силе своего ума вторых.

Оторванный от реальности разум, однако, вполне может ошибаться, а что касается общественной поддержки, то действительно – общие проблемы способны объединять, когда люди сострадают друг другу, и, работая на собственное благо, политик вместе с тем работает на благо других. Но, в сущности, сострадание возникает лишь тогда, когда, как об этом уже говорилось, *один человек ставит себя на место другого*, когда возможность оказаться на месте другого *актуальна*. Поэтому мотив жалости к другому, помощи и справедливости по отношению к нему всегда основывается только на мотиве удовлетворения собственных жалоб, *то есть на мотиве помощи и справедливости в конечном итоге по отношению лишь к самому себе*.

Резюмируя можно сказать, что разные люди сталкиваются с различными формами негативного влияния – как со стороны самого общества, так и природы вообще. И именно в зависимости от конкретной формы такого влияния у них возникают представления об идеальном обществе, которое должно это влияние минимизировать. В результате, негативное влияние действительно минимизируется, но общественная модель, обеспечивающая минимизацию, *остаётся неподконтрольной ни одному из вовлечённых в этот процесс минимизации участников, равно как она никогда не соответствует их идеальным представлениям*. Трезво видеть и оценивать любую подобную модель возможно лишь осуществив полную десоциализацию, и только это даст единственно верное понимание, что улучшить имеющееся общественное устройство, каким бы несправедливым по отношению к своим отдельным членом оно ни было, *невозможно в принципе*. Можно лишь *улучшить самого себя*.

Каждый человек стремится изменить *всё человеческое общество* или даже *весь мир вообще* (глобально), опираясь на несправедливость, которая с его точки зрения причиняется ему со стороны общества и мира его окружающего (локально). Это вполне естественное и имеющее ясный смысл желание, но увлекаясь его осуществлением и распространяя свои представления о справедливости во всё более глобальном масштабе, политики часто получают самую неожиданную ответную реакцию извне, разрушающую любые их планы.

Истинность этого утверждения демонстрируют попытки реализации двух наиболее ярких массовых идеологий XX века – уже упомянутого коммунизма, а также фашизма, – каждая из которых затронула огромное количество людей во всём мире, и каждая из которых, в конце концов, обанкротилась. Однако сами эти эпизоды, как и всё в мире вообще, имели для человечества определённый и необходимый смысл, и некорректно судить о них в сослагательном наклонении, как это нередко делается. Например, бессмысленно говорить, что происходило бы в тридцатых годах XX века, если бы к власти в СССР пришёл не Иосиф Сталин, а какой-нибудь другой более “мягкий” политик. В том и дело, что никого другого способного удержать власть просто не было, а Сталин проявил ярко выраженные тоталитарные наклонности отнюдь не ввиду какого-то природного человеконенавистничества, а руководствуясь *всем предшествующим жизненным опытом*. Сама жизнь сформировала такого человека и дала ему власть, как бы негативно к нему сейчас не относились, и сколько бы людей не пострадало во время его правления. Каким бы плохим он ни был, но не нашлось *никого* лучше, кто смог бы составить ему конкуренцию, либо кто смог бы его остановить. Понимая это, конечно, неверно будет заявлять, что Сталин не совершал ошибок, или что лучших путей для развития Советского Союза, чем выбранные им, не было – однако ошибки совершает каждый человек, а чем масштабнее его историческая роль, тем более масштабными и фатальными они могут быть. Не ошибается же, как известно, только тот, кто ничего не делает. Впрочем, более высокая истина состоит в том, что предпочтительнее вообще *не-делать*, чем *делать глупости*.

Аналогична ситуация и с Адольфом Гитлером – он появился отнюдь не из пустоты, и если уж стало международное еврейство основным фактором, вызывавшим у этого человека раздражение, то нет никаких иных причин, кроме эмоциональных, чтобы обвинять его в массовом истреблении этой нации, ведь у него тоже были для этого достаточно веские *с его точки зрения* основания. Если же, как это утверждают некоторые историки, Гитлер использовал зреющие в обществе антисемитские настроения, при этом, не имея к евреям существенной личной неприязни, тем хуже для воспитавшего такого человека государства, а равно для допустившего нацистский режим мирового сообщества

(включая Советский Союз, относившийся к режиму Гитлера лояльно), в конечном итоге пострадавшего от Гитлера не более чем в *должной* мере. С другой стороны, не вызывает никаких сомнений, что родившись в спокойное время и в благополучной семье, окружённый понимающими и любящими людьми Гитлер и не подумал бы объявлять войну соседним государствам, даже если бы встал во главе Германии. А возможно и этого бы не случилось, однако человечество получило бы ещё одного талантливого художника или архитектора, кем он и хотел стать изначально. Не стоит забывать также, что, как и в случае со Сталиным, народ всецело поддержал политику Гитлера – а это те же люди, которые его потом яростно осуждали и ненавидели, как будто он действовал в одиночку (хотя позже народ Германии действительно принёс покаяние, чего до сих пор не скажешь о народе России). Как бы там ни было, ещё раз отметим неприемлемость сослагательного наклонения в отношении истории, о чём Владимир Ленин высказывался в такой форме: «Вам не по душе это варварство? Не прогневайтесь – отвечает вам история: чем богата, тем и рада. Это только выводы из всего, что предшествовало». Впрочем, есть один момент: это верно лишь до тех пор, пока не является оправданием тем бесчинствам, которые творят, называя это историей, некоторые тираны.

Наконец, сделанные замечания позволяют однозначно ответить на принципиальный для социальной философии вопрос о роли личности в истории и, в частности, о роли таких личностей, как вышеупомянутые:

К насколько бы колоссальным социальным преобразованиям и потрясениям не приводила деятельность отдельных личностей, кардинально изменить вектор исторического развития не способен никто.

Детальнее проследить влияние личности на общество, и затем встречное влияние общества на личность возможно последовательно расширяя контекст рассмотрения. Начнём с малого: какова роль, например, Гитлера в истории людей, приближенных к нему? Бесспорно, она колоссальна и даже всеобъемлюща: руководители и члены СС оказались втянутыми в политические и военные события, и позже многие из них погибли или были осуждены, а Ева Браун покончила с собой. Теперь расширим контекст: какова роль Гитлера в истории Германии? Также колоссальна, но уже не в такой степени. По крайней мере, хотя Германия и находилась долгое время в разделённом состоянии, в конце концов она была воссоединена; кроме того, подавляющее большинство немецкого народа выжило, и сейчас Германия развитое европейское государство, не уступающее многим другим. Ещё меньшее влияние Гитлер оказал на всё человечество в целом, однако здесь уместно задать вопрос уже другого рода (с оговоркой о сослагательном наклонении): что, если бы Советской Союз проиграл во Второй Мировой войне (а такое вполне могло бы быть, окажись Гитлер чуть более расчётливым)? Можно строить разные предположения о дальнейшем ходе истории человечества, но даже при самом плохом прогнозе – например, если бы Гитлер хотя бы отчасти осуществил свои планы о мировом господстве, – несомненно, в очень скором времени идеология фашизма потерпела бы крах и фашистские режимы были бы разрушены изнутри, как в своё время был разрушен изнутри коммунистический режим в Советском Союзе. Есть, правда, один нюанс: что, если бы в руках Гитлера раньше других оказалась атомная бомба и он бы применил её? Вполне вероятно, при подобном раскладе история человечества изменилась бы действительно фатально, и может быть даже оно бы оказалось на грани уничтожения или полностью погибло бы в условиях “ядерной зимы”, как и почти всё живое на Земле. Но важно ли это, если смотреть во вселенском масштабе? Нет, ведь Земля – лишь одна из планет Вселенной, а гибель жизни на ней стала бы лишь эпизодом планетарного естественного отбора – бесконечно малым эпизодом бесконечности. Каждый миг во Вселенной гибнут и появляются бесчисленные множества планет, и нет сомнений, что на каких-то из них есть жизнь, а значит есть свои Гитлеры и Сталины, есть атомное и ядерное оружие, есть войны и революции. А кроме того, есть хаотичное влияние внешних катаклизмов, которые не считаются даже с самым лучшим общественным устройством и с самой яркой исторической личностью.

Теперь проследим связь выдвинутых выше тезисов с идеями основных направлений современной социальной философии. Прежде всего, к таковым следует отнести *социальный атомизм* или *сингуляризм*, затем противостоящий ему *универсализм* (термины русского религиозного философа Семёна Франка) или *методологический коллективизм*, который, в свою очередь, противопоставляет *методологическому индивидуализму* (термины Карла Поппера). Первое из указанных направлений – социальный атомизм – утверждает, что общество представляет собой не более чем совокупность индивидов, сознательно устанавливающих правила совместной жизни, и цель этих

правил – способствовать лучшему выживанию и развитию каждого из них. Главным образом социальный атомизм представлен *теорией общественного договора*, развивавшейся ещё в XVIII в. Жаном-Жаком Руссо. В настоящее время большинство философов не разделяют её позиции, хотя отдельные тезисы признаются. Основной контраргумент связан с тем, что общество имеет независимую от отдельных индивидов субстанциональную природу, что подтверждается и вышеприведённой теорией. Один из наиболее ярких примеров, демонстрирующих субстанциональность общества, приводит Семён Франк: самоорганизация общества, утверждает он, есть процесс того же порядка, что и самоорганизация языка, и поскольку невозможно “договорившись организовать язык”, постольку невозможно договорившись организовать и общество в целом. Другой взгляд на общество – методологический индивидуализм – является на сегодняшний день доминирующим в социальной философии, и сводится, с одной стороны, к признанию его субстанциональной самоорганизующейся природы, а с другой – к отрицанию некоего надиндивидуального или “коллективного субъекта”, о котором говорят, в свою очередь, универсалисты.

Фактически, в свете предложенных идей, универсализм есть способ оправдать любого рода спекулятивные прогнозы, что общество будет развиваться “только так, а не иначе”, и в этом смысле любой крупный идеолог является универсалистом. К известным универсалистам XX в. можно отнести, например, последователя Огюста Конта французского философа и социолога Эмиля Дюркгейма, полагавшего “социальную реальность” не сводимой к биопсихической природе отдельных индивидов и даже превосходящей её по значению. Также прямые тенденции универсализма можно найти в работах русского религиозного философа Николая Бердяева, называвшего нацию “мистическим организмом”. Для Бердяева, однако, прилагательное “мистический” нередко эквивалентно прилагательному “метафорический”, а, с другой стороны, что, вообще говоря, недопустимо, прилагательному “метафизический”. Примерно то же самое можно сказать и о многих других философах-универсалистах, рассуждающих в принципиально непозитивистском мистическом ключе. Вот как критикует подобные рассуждения Франк:

«...если мы не хотим впасть в какую-то туманную мистику или мифологию в понимании общества, то можно ли вообще видеть в нем что-либо иное, кроме именно совокупности отдельных людей, живущих совместной жизнью и состоящих во взаимодействии между собой? Все разговоры об обществе как целом, например об “общественной воле”, о “душе народа”, суть пустые и туманные фразы, в лучшем случае имеющие какой-то лишь фигуральный, метафорический смысл. Никаких иных “душ” или “сознаний”, кроме индивидуальных, в опыте нам не дано, и наука не может не считаться с этим; общественная жизнь есть в конечном счёте не что иное, как совокупность действий, вытекающих из мысли и воли; но действовать, хотеть и мыслить могут только отдельные люди».¹

А следующим высказыванием Франк отрицает и социальный атомизм:

«Очевидно, что если из беспорядочного, нерегулированного скрещения индивидуальных элементов получается нечто общее, какое-то единство, какой-то порядок, то это возможно лишь при условии, что через посредство индивидуальных элементов действуют и обнаруживают своё влияние некие общие силы».²

Для Франка как для религиозного философа эти “общие силы” обнаруживают влияние “Божьей воли”, что в данном случае равноценно влиянию *намерения* у Толтеков.

Наконец, всю вышеприведённую теорию можно интерпретировать исходя из понятийного аппарата нагуализма: именно, применив такие предложенные Хуаном Матусом новаторские категории как *ссыкун*, *блевун* и *пердун*. К ссыкунам относится подавляющее большинство членов социума, характеризующихся фактической неспособностью к его значимому преобразованию. Ссыкуны, как правило, не способны к публичной критике общепринятых для их окружения норм, хотя в душе они полагают эти нормы глубоко несправедливыми, а себя рассматривают в качестве незаслуженных их жертв. Единственный санкционированный выход недовольства ссыкунов может происходить только в отношении “внешних врагов”: для тоталитарных режимов таковыми обычно являются представители чуждой идеологии, для демократических – представители оппозиционных движений и партий. К блевунам относятся активные члены общества, то есть в широком смысле

¹ С.Л. Франк. Духовные основы общества.

² Ibid.

политики и идеологи, обычно пребывающие в уверенности, что смысл их жизни состоит в служении ссыкунам, поскольку с одобрением ссыкунов связаны основные их достижения. В то же время в случае неудачи блевун может стать объектом резкой и часто необоснованной критики со стороны ссыкунов, что, в свою очередь, нередко приводит к презрению ссыкунов блевунами. К третьей очень немногочисленной категории пердунов, очевидно, принадлежат Нагуали – наиболее продуктивные политики и организаторы, идеология которых нацелена не просто на большую справедливость, но также всегда содержит элемент стремления к свободе; и поэтому хотя пердуны могут проявлять выраженные тоталитарные наклонности, обычно они поощряют и значимые творческие достижения. Ссыкуны зачастую относятся к пердунам с любовью – в отличие от блевунов, обычно считающих их своими наиболее заклятыми врагами и конкурентами. Поэтому публично блевуны могут всячески хвалить и превозносить пердунов, тогда как в тайне стремятся очернить их или предать – особенно когда тем более всего нужна внешняя поддержка. С другой стороны, пердуны на основании своих выдающихся способностей обычно развивают колоссальное чувство собственной важности, под влиянием которого совершают самые безумные и жестокие поступки. Такие как “культурная революция” Мао Цзэдуна, массовые репрессии Сталина, развязанная Гитлером мировая война. По существу, пердуны – настоящие “злые гении” и “чёрные маги” современного человечества. И для таких людей, для Нагуалей, самое сложное испытание, которого они, как правило, не выдерживают, это, безусловно, предоставить другим самим себе.

Также, говоря по существу, на Нагуалях вообще лежит ответственность, ни много ни мало, как за развитие общества, поскольку сущность Нагуаля – *вести за собой*, и значит – *идти впереди*. Поэтому когда останавливается Нагуаль, когда он окончательно проигрывает на своём пути знания, также останавливаются и все за ним. Они, конечно, могут ещё очень долго куда-то идти, но на самом деле ни к чему кроме саморазрушения такой путь больше вести не может. Вот почему во всех тоталитарных режимах с таким неистовством искореняется даже намёк на инициативу. Если уж сам “великий лидер” не проявляет её больше – никто другой тем более не должен.

Природа и механизм социального бессознательного

Прежде чем переходить к рассуждениям непосредственно о характере кризиса современного общества имеет смысл остановиться на более детальном рассмотрении механизма функционирования социального бессознательного, поскольку именно он служит помимо умственной согласованности основой любых общественных взаимоотношений. В общих чертах теория социального бессознательного или *теория эмоций* уже была обозначена в Приложении, в этом же разделе все её тезисы будут сведены и окончательно систематизированы. Известно, что в нагуализме двумя основными причинами эмоциональных проявлений человека считаются *чувство собственной важности* и *чувство жалости к себе*. Задача систематизации, таким образом, состоит, прежде всего, в нахождении соотношения между ними и в определении их роли в общественной жизни.

Чувство собственной важности ранее рассматривалось как чувство сопричастности – к некоторой общественно значимой ценности и к выражающим её группам или движениям. Фактически важность в собственных глазах человеку и придаёт осознание того обстоятельства, что он не одинок, что за его плечами находятся уже имеющиеся и признанные достижения. Поэтому даже самый слабохарактерный или презираемый человек преображается и обретает уверенность, когда речь заходит о какой-то проблеме, в разрешении которой может помочь только он и никто другой. В такое время окружающие оставляют своё обычное отношение и покорно следуют его указаниям, а в случае если они приводят к успеху, он приобретает большее уважение и готовность прислушаться к нему и в других ситуациях.

Чувство собственной важности человека – это чувство уверенности в себе, когда окружающие люди отдают должное каким-либо значимым для них его заслугам и способностям.

При этом чувство собственной важности – это также способность подчинять себе других людей, когда они находятся в замешательстве и не знают что делать в угрожающих обстоятельствах: тот, кто чувствует себя наиболее готовым к ним, как раз и получает временное право руководителя.

Именно в этом состоит ядро механизма социального бессознательного: *каждый его член приносит в общее дело какую-то свою лепту и, получая в ответ благодарность, чувствует себя значимым.*

Отсюда вполне ясен и смысл чувства жалости к себе как пары чувства собственной важности. Чувство жалости к себе – это выражение человеком готовности быть ведомым другим, когда он оказывается не в состоянии помочь себе самостоятельно. Хотя, казалось бы, жалея себя, человек совершает некое действие, касающееся только его самого, в действительности жалость к себе – всегда завуалированная или бессознательная просьба о помощи, о *сострадании*. По этой причине жалеть себя в одиночестве бессмысленно, и даже вроде бы делая именно так, каждый человек всегда бессознательно стремится к тому, чтобы на него обратили внимание и поддержали или успокоили его. Связано это с тем, что открытые просьбы о помощи обычно являются крайней мерой, поскольку представляют угрозу для общественного статуса просящего, ведь чувство жалости к себе и есть противоположность чувства собственной важности. Поэтому, с другой стороны, нередко они бывают выражены в форме оправданий, поиска виноватых или даже встречных обвинений. Не желая “терять лицо” и расставаться с привычным образом себя как уверенного и успешного человека можно перепробовать много средств, но если все они исчерпаны, тот же человек способен внезапно разрыдаться, что будет свидетельствовать о признании им своего окончательного поражения. И в той же мере бессознательно, в которой подчиняет чувство собственной важности, подчиняется чувство жалости к себе, то есть также как приказной тон заставляет исполнять, жалобный тон заставляет успокаивать и брать под опеку.

Чувство жалости к себе – это всегда скрытая просьба о помощи, признание проблем и неудач, с которыми без внешнего участия человек справиться не в состоянии. Чувство жалости к себе есть противоположность чувства собственной важности, переориентирующее человека из источника указаний в их исполнителя, из осуществляющего контроль и опеку в объект опеки и контроля.

Отдельно следует остановиться на характере любого рода эмоций как на приводящем к особому рода мобилизации внутренних резервов организма *концентрате* комплекса связанного с ними опыта. Например, когда человек вспоминает или слышит о чём-то ранее сильно напугавшем его, то есть когда в его воображении встают имеющие негативный окрас картины, он ведёт себя так, словно эти картины реальны и присутствуют прямо здесь и сейчас. Окружающие тоже инстинктивно воспримут этот испуг как реальную угрозу, и проведут между ним и вызвавшим его событием или словесным описанием ассоциацию, а, кроме того, вероятно, предложат необходимые контрмеры. При этом, вообще говоря, любой негативный или позитивный опыт изначально передаётся другим людям посредством только лишь умственных описаний, но бессознательное работает так, что эмоции связаны с описаниями напрямую, и даже одно какое-то слово может вызвать бурю эмоций. Только глубоко рассудочный человек, как уже говорилось раньше, способен сознательно отделять описания от эмоций, но это происходит потому, что фактически он отделяет их от реального опыта, который они выражают. В этой связи принципиально некорректно судить о передаваемой людьми информации только формально, без учёта эмоциональной нагрузки, поскольку таковая зачастую имеет определяющее значение.

Любой эмоциональный разговор или спор, таким образом, следует рассматривать не только как способ передачи формальных знаний, но во многом как способ передачи степени *важности* этих знаний или *настроения* по отношению к ним. Эмоции являются своего рода *объединяющим* фактором – за или против чего-либо или кого-либо, причём, что особо важно, *с разными людьми эмоции по отношению к одному и тому же предмету могут кардинально меняться*. Например, редкий школьник способен возражать учителям открыто или тем более высказывать свою неприязнь (вследствие, как называл этот феномен Фрейд, *внутренней самоцензуры*), хотя между собой школьники делают это повсеместно. Вылиться же подобное обсуждение может в срыв занятия, который, будучи *коллективным актом протеста*, не подлежит адекватному наказанию, и потому представляет собой наиболее приемлемую форму давления на вероятную несправедливость учителя. Аналогичные по сути массовые акции протеста используются и служащими против руководства, которое обладая возможностью применить санкции к одному из них, не в состоянии сделать то же по отношению ко всем. Отсюда понятно, что чувство собственной важности одного из членов организованного сообщества будет *тем сильнее, чем больше этих членов*. Если же форма

организации наиболее простая – *толпа*, то эффект от его проявлений, в свою очередь, будет наиболее разрушительным.

Можно представлять эмоциональную энергию как своего рода бессознательную силу, перераспределяющуюся наряду с умственными описаниями между членами общества на благо цели максимально эффективной взаимопомощи (именно для её устранения используется очищающее дыхание перепросмотра). Эмоциональный заряд, преодолевая некое пороговое значение, проявляется либо в виде чувства собственной важности, либо в виде чувства жалости к себе.

Так, кто-то, столкнувшись с несправедливостью по отношению к себе, надолго запомнит это и отомстит обидчику, тщательно подготовившись, тогда как другой сразу же начнёт гневаться или вызывать к состраданию. Нередка ситуация и уже рассмотренной истерической реакции, когда выраженное в виде крика чувство собственной важности проявляется в буквальном смысле сквозь слёзы, то есть сквозь находящееся на заднем плане чувство жалости к себе. В подобном случае психика как бы пребывает в затруднении, не зная какое из двух чувств предпочесть.

Изложенная теория находит наиболее прямое отражение в *индивидуальной психологии* немецкого психолога Альфреда Адлера, длительное время бывшего учеником и соратником Фрейда, но позже отмежевавшегося от его основных идей. Центральное понятие индивидуальной психологии – *комплекс неполноценности*, возникающий у людей ввиду их систематической беспомощности и неспособности самостоятельно решать какие-либо проблемы (в качестве основы комплекса неполноценности может быть рассмотрен, вообще говоря, любой комплекс бессознательного). В особенности механизм возникновения комплекса неполноценности необходим в детстве, когда неполноценность является, по Адлеру, “органической”. Взрослея человек стремится *компенсировать* её, самоутвердиться в обществе за счёт придающих ему значение специально развитых качеств. Однако существуют и такие виды неполноценности, которые компенсировать невозможно – это, например, маленький рост или другие органические недостатки и дефекты – в том числе вымышленные, – делающие их обладателя объектом возможных насмешек. В подобном случае речь идёт о “сверхкомпенсации”, то есть о развитии способностей, заставляющих уважительно относиться к их обладателю не смотря ни на что. Иной способ достижения сверхкомпенсации – имитация необходимых качеств, подмена их чем-то близким, но только внешним и не касающимся основы неполноценности. Если же в компенсации или сверхкомпенсации человек терпит неудачу – хотя бы временную, – следствием становится “уход в болезнь”, то есть психика насильственно снимает с него излишне высокую социальную ответственность, как бы регрессируя его посредством болезни к более несамостоятельному и нуждающемуся в участии других состоянию. Вообще говоря, уход в болезнь – это *естественное* следствие невроза, когда человек испытывает слишком большое и порой противоположное эмоциональное давление разных социальных сил, в том числе имевшее место далеко в прошлом: болезнь всегда даёт человеку безоговорочное оправдание. В этом смысле уход в болезнь также можно рассматривать в качестве невротического способа самоутвердиться. Таково, например, “мазохистическое” стремление мужчины, добивающегося ответной любви путём самоуничтожения и лести, с тем, чтобы явно переоцененная и тронутая им особа уступила и, в конечном счёте, всё-таки дала одержать над собой верх.

Вообще говоря, в современном мире огромное большинство болезней, а вместе с тем вызывающих их вредных привычек имеют в качестве основы именно невротическое состояние. Начиная от ожирения, болезней всех внутренних органов, аллергии, и заканчивая болезнями сердечно-сосудистой системы.

Важной отличительной чертой психологии Адлера, выраженной в её характеристике как “индивидуальной”, является такой подход к личности, при котором все отдельные психические проявления – и сознательные, и бессознательные – рассматриваются в целостности, исходя из собственно формирующих личность компенсаторных тенденций. Сознание (или разум), отсюда, есть лишь надстройка над бессознательным, *подразумевающая возможность ошибаться, обманываться* (как бы “вытесняя” истину в бессознательное), но, тем не менее, в плане выживания всегда действующая наиболее прагматично и эффективно. Это утверждение, помимо всего прочего, вскрывает предпосылки метафорического мышления, когда заведомо запутывая и себя, и

окружающих, человек всё же достигает бессознательно поставленных целей, прежде всего касающихся придания себе большей значимости в их глазах. Стоит заметить, что принципиально сходных позиций – хотя и опираясь на различные философские платформы – придерживались также Юнг и Сартр, а Витгенштейн обозначил то же в своей концепции языковых игр.

В конечном итоге очевидно, что речь в теории Адлера идёт о *компенсации вызванного неполноценностью чувства жалости к себе чувством собственной важности*. Об этом же говорил и Хуан Матус:

«Дон Хуан описал чувство собственной важности как силу, порождаемую человеческим образом самого себя. Он повторял, что это именно та сила, которая удерживает *точку сборки* в ее нынешнем положении. По этой причине главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Всё, что делают маги, направлено на достижение этой цели.

Он объяснил, что маги разоблачили чувство собственной важности и установили, что оно есть жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

– Это звучит неправдоподобно, но это на самом деле так, – сказал он. – Жалость к себе – это реальный враг и источник человеческого страдания. Без некоторого количества жалости к себе человек был бы не в состоянии быть таким важным для себя, каков он есть. Но когда включается чувство собственной важности, оно начинает набирать свою собственную силу, и именно эта, на первый взгляд, независимая природа чувства собственной важности придаёт ему мнимую ценность.

Это его объяснение, которое было бы непонятным для меня при обычных условиях, показалось мне вполне убедительным. Но поскольку мне всё ещё была присуща некоторая двойственность, оно показалось немного упрощённым. Казалось, дон Хуан преследует в своих мыслях и словах определённую цель. И этой целью был я в моем обычном состоянии осознанности.

Продолжая свои объяснения, дон Хуан сказал, что маги абсолютно уверены в том, что, сдвигая *точку сборки* с её обычного положения, мы достигаем состояния, которое можно назвать только *безжалостностью*. Благодаря своим практическим действиям маги знают, что как только их точка сборки сдвигается, – разрушается их чувство собственной важности. Лишившись привычного положения *точки сборки*, их образ себя больше не поддерживается. А без сильного сосредоточения на образе самих себя они теряют чувство жалости к себе, а с ним и чувство собственной важности. Таким образом, маги правы, говоря, что **чувство собственной важности – это просто скрытая жалость к себе**.¹

Чувство собственной важности является прямым следствием чувства жалости к себе, стремлением компенсировать вызывающую его неполноценность. И тем более демонстрирует человек чувство собственной важности перед другими, чем более он жалеет себя, чем более нуждается в их участии и помощи.

Согласно Адлеру, стремление к компенсации или сверхкомпенсации комплекса неполноценности является основным движущим стимулом всех человеческих поступков или возникающих в связи с ним неврозов. Именно здесь он разошёлся с Фрейдом, рассматривавшим в качестве такого стимула потенциально сублимируемую сексуальность, а в качестве основного невроза – невроз её подавления. Действительно, на почве отклонений в развитии сексуальности или её подавления возможно появление серьёзных психических проблем, однако компенсация комплекса неполноценности представляет собой намного более фундаментальный и определяющий фактор человеческих отношений, почему столь много внимания ему уделено и Толтеки. Сексуальный аспект, в этом смысле, лишь следствие такой компенсации, а сексуальные перверсии лишь следствия компенсаторных.

Практически все действия людей связаны с вопросом об их успешности в глазах окружающих, и, таким образом, практически все люди демонстрируют элементы невротизации, как её понимал Адлер, хотя он всё же стремился провести черту между невротичным и нормальным поведением. Последнее отождествлялось им с “чувством общности”, способности к кооперации, когда человек чётко осознаёт своё истинное общественное значение и имеет заслуженное признание, то есть фактически, когда компенсация его неполноценности успешно завершена. Однако при таком подходе

¹ К.Кастанеда. Сила безмолвия.

упускается, что вовлечённость в общественные процессы всё ещё предполагает возможность невротизации, “ухода в болезнь”, ведь компенсация не является необратимым процессом и на любой стадии сохраняет бессознательную природу. Единственное, что помимо бессознательного влияния и даже помимо успокаивающего влияния разума, когда эмоциональный заряд задержан, определяет действия людей – это *воля как необустроенное социумом желание творческой самореализации*.

На независимую от влияния общества сущность воли первым из психоаналитиков указал Отто Ранк, а вслед за ним схожие идеи развивали немецкий психолог неофрейдист Карен Хорни и уже упоминавшийся ранее Абрахам Маслоу, считавшие необходимость сверхкомпенсации только следствием неблагоприятных социальных обстоятельств, когда человек должен отдавать предпочтение не тем склонностям, которые заложила в него природа, а тем, развитие которых требуется для выживания. Негативной стороной подобного компромисса становится неуважение или даже презрение, возникающее у человека по отношению к самому себе. То есть даже будучи очень успешным, но зная о своих потенциальных нереализованных способностях, он чувствует дополнительную жалость к себе – экзистенциальную вину, магическую печаль, – а желая полностью заглушить её, стремится ещё сильнее окунуться в обыденные дела и добиться ещё большего общественного признания. Абрахам Маслоу писал об этом так:

«Когда базисная [прирождённая] сущность личности отрицается или подавляется, человек заболевает, иногда явно, иногда скрыто... Эта внутренняя сущность хрупка и чувствительна, она легко уступает стереотипу и культурному давлению... Даже будучи отрицаема, она втайне продолжает жить, непрестанно требуя актуализации... Каждое отступничество [от собственной сущности], каждое преступление против своей природы фиксируется в нашем бессознательном и заставляет нас презирать себя».¹

Фактически можно говорить о двух принципиально отличающихся видах неполноценности: перед самым собой и перед обществом, и также, в свою очередь, о двух разных видах ответственности, вины, совести, лени, уверенности в себе и пр.

«Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека – это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Похоже, что ты гоняешься за радугой вместо того, чтобы стремиться к смирению воина. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина – это безупречность в поступках и чувствах».²

Не трудно уяснить, что путь развития в качестве только сверхкомпенсации является заведомо тупиковым, поскольку сосредоточение на одной или малом числе способностей всегда приводит к деградации остальных, а в конечном итоге к нарушению работы организма в целом. Наиболее часто подобные исходы наблюдаются у профессиональных спортсменов, остающихся больными и ни на что не годными ещё в достаточно молодом возрасте; наоборот, учёные зачастую вообще не обращают внимание на развитие физического тела, как бы отчуждаются от него. В этом смысле понятно, что лучший вариант развития – это *не компенсаторное, а комплексное гармоничное развитие, охватывающее все потенциальные способности человека*. Компенсаторное развитие необходимо лишь до определённого этапа, после которого общественное мнение должно перестать иметь значение или сохранять его уже в гораздо меньшей степени.

В нагуализме уход механизма компенсации – фундаментального механизма социального бессознательного – связывается с *потерей человеческой формы*, и фактически каждый человек теряет её в большей или меньшей степени серией этапов. Сразу с момента рождения механизм социального бессознательного функционирует на полную мощность, обеспечивая базовую социализацию прежде всего внутри семьи. Но по мере развития разума он естественным образом утрачивает актуальность, фактически становясь животным атавизмом. Ребёнок может испытывать при этом вызванные осознанием растущей независимости от родителей депрессию и страх, однако все дети проходят через это относительно безболезненно. Другая стадия потери человеческой формы может быть связана с совершением некоторых поступков, которые родители не одобряют, но которые в то же время дети не могут не совершать ввиду своей чрезмерной активности и интереса. Здесь переживания могут быть уже гораздо более сильными, и именно на этом этапе осуществляется наиболее

¹ А.Маслоу. На подступах к психологии бытия. Цитируется по: И.Ялом. Экзистенциальная психотерапия.

² К.Кастанеда. Сказки о силе.

выраженная общественная адаптация, именно в это время ребёнок узнаёт как ему можно себя вести, а как нет, как можно думать, а как нет. Основной же период, когда вероятность частичной потери человеческой формы максимальна – подростковый возраст. Вот почему именно в подростковом возрасте наблюдается самое высокое количество самоубийств: вплотную столкнувшись с безжалостностью взрослой жизни и, возможно, испытав какие-то трудности на почве романтических отношений, привыкший к состоянию детской безмятежности подросток может предпочесть смерть их преодолению.

По мере взросления и развития всех заложенных природой способностей механизм компенсации поэтапно разрушается (этапы могут быть выражены в большей или меньшей степени), а освобождающуюся нишу эмоциональных реакций заполняет разум, берущий их под свой контроль.

Тем не менее, подростковый возраст лишь в крайне редких случаях обеспечивает достаточный для автоматической десоциализации уход человеческой формы, тогда как её почти полное сохранение, наоборот, встречается повсеместно. Между тем человек, сохранивший человеческую форму почти нетронутой, вплоть до глубокой старости может проявлять в негативном смысле детские инфантильные черты. Вся его жизнь в подобном случае посвящается постоянному отстаиванию своих мелочных убеждений – заведомо ложных, ведь бессознательное и разум по определению антагонистичная пара. Однако даже и наиболее харизматичные люди временами испытывают уколы жалости к себе, и затем, как следствие, маскирующего её чувства собственной колоссальной важности.

Главный эффект потери человеческой формы – естественная десоциализация, которая внешне, особенно в первое время, может проявляться в виде усилившейся агрессивности по отношению к окружающим. В этом случае неожиданные и пугающие враждебные реакции обусловлены не жалостью к себе или собственной важностью, а лишь являются самым простым способом разрыва сложившихся ранее и нежелательных теперь социальных связей, и для окружающих такой разрыв может быть довольно болезненным, обнажающим ранее скрывавшиеся нелюбимые факты. Он даже может быть подобен ощущению смерти – как утраты душевного тепла, близких и в широком смысле родственных отношений (наподобие того, когда послушные и “мягкие” дети вдруг по непонятной причине начинают дерзить и грубить взрослым). Потеря человеческой формы, в сущности, и есть потеря “души” – вместо которой воин приобретает в союзники отстранённый холодный ум, безжалостную трезвость. Характерная черта бесформенного воина, отсюда, это его абсолютная честность – как перед самим собой, так и перед другими: *честность, которая способна даже привести к смерти*. Фактически воин реализует на практике нравственный закон Иммануила Канта, его *категорический императив*, призывающий рассматривать людей лишь в качестве цели, а не средства, и всегда действовать так, чтобы общее и личное блага совпадали. Ясно, что подобное истинно нравственное поведение, а кроме того полностью осознанное и не являющееся насилием над собой, возможно только в случае максимальной опоры на разум. И только в этом случае помощь другому не будет ни одолжением, ни потаканием ему.

Общество потребления и лже-гуманизм

Хотя Адлер придерживался точки зрения, что комплекс неполноценности удел только психически ненормальных, в действительности приходится констатировать, что норма в современном обществе – это, наоборот, его наличие. Точнее, наличие определяющего значения общественного признания, его явный приоритет перед признанием человека в собственных глазах. Эрих Фромм связывал такое положение дел с рыночным или *потребительским* характером капиталистического общества, основной проблемой которого он видел – вслед за делавшим на этом особый акцент ещё ранним Марксом – проблему “отчуждения” людей от их природной сущности. Отчуждение – это затруднённое проявление творческого начала или самоактуализации, как об этом говорил Маслоу, но зато жизненно необходимое придание своим способностям товарного вида и собственно ориентация не на творчество, а на производство и потребление вещей. Причём в конечном итоге в качестве вещи рассматривается сам человек в целом. Именно отсюда проистекает изначально негативное отношение Маркса к частной собственности – главному свидетельству

отчуждения – и сознательная установка на борьбу с ней. Также в терминологии Фромма отчуждение – акцентирование *модуса обладания* и нивелирование *модуса бытия*. Вот как писал об этом он сам:

«Не только экономические, но и личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей. Но, может быть, ни в чем этот дух отчуждения не проявился так сильно и разрушительно, как в отношении индивида к самому себе. Человек продаёт не только товары, он продаёт самого себя и ощущает себя товаром. Рабочий продаёт свою физическую энергию; предприниматель, врач, наёмный служащий продают свою "личность". Они должны иметь эту "личность", если хотят продать свои товары или услуги; эта личность должна быть привлекательной, а, кроме того, её обладатель должен соответствовать целому ряду других требований: например, он должен быть энергичен, инициативен и т.д. и т.д. – в соответствии с ситуацией. И – как со всяким другим товаром – рынок решает, сколько стоят те или иные человеческие качества, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительной стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, "чувство собственного достоинства" превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие. У него нет никакой уверенности в собственной ценности, не зависящей от его популярности и рыночного успеха. Если на него есть спрос, то он считает себя "кем-то"; если же он непопулярен, он и в собственных глазах попросту никто. Эта зависимость самоуважения от успеха предлагаемой "личности" объясняет, почему для современного человека популярность стала настолько важной. От неё зависит не только успех в практических делах, но и способность человека сохранить самоуважение; без неё человек скатывается в пропасть неполноценности».¹

Очевидно, в этой цитате содержится конкретизация уже сформулированной ранее в более общем теоретическом виде проблемы, и эта конкретизация весьма уместна, поскольку позволяет осознать её с особой остротой, осознать, что в современном мире *страсть к потреблению* не просто противостоит творческому началу людей, но *намного превышает его*; современное капиталистическое общество не просто общество с избытком потребления, но общество в массовом порядке *озабоченное* им – «общество массового потребления».

Единственная возможность преодоления тотального отчуждения, по Фромму, – это осознание людьми необходимости перестройки своего мировоззрения («социального характера»), необходимости социальных реформ (но не революций), с последующим созданием демократического гражданского общества и пробуждением таких качеств как любовь к ближнему вместо эгоизма и активная заинтересованность в общем деле вместо пассивного выполнения задач, поставленных свыше. В русле этих взглядов Фромм абсолютно точно позиционирует себя как *гуманиста* (даже «радикального гуманиста»), и будучи таковым формулирует центральную гуманистическую идею, которая нередко остаётся за пределами серьёзного рассмотрения философов и политиков, де-факто мыслящих и действующих исключительно в её рамках, и причём полагающих её самоочевидной. Формально эта идея такова: «При установке на бытие счастье состоит в любви, заботе о других, самопожертвовании»². Иными словами, настоящая творческая деятельность – это всегда деятельность, направленная на благо других. Однако, ясно, что ключевое противоречие при подобной формулировке упускается, поскольку смешиваются, либо сочетаются понятия *любви* и *сострадания* (в значении *жалости*), а как говорил устами Заратустры Ницше: «Горе всем любящим, у которых нет более высокой вершины, чем сострадание их!»³.

В частности, по этому поводу имеет смысл сослаться на Николая Бердяева, указавшего посредством религиозной риторики, что есть и творчество, идущее вразрез с общественным благом:

«Не всякое творчество хорошо. Может быть злое творчество. Творить можно не только во имя Божие, но и во имя дьявола. Но именно потому нельзя уступать творчества дьяволу, антихристу. Антихрист с большей энергией обнаруживает своё лжетворчество. И если не будет христианского творчества и христианского строительства жизни, христианского строительства общества, то антихристианское и антихристово творчество

¹ Э.Фромм. Бегство от свободы.

² Э.Фромм. Иметь или быть.

³ Ф.В.Ницше. Так говорил Заратустра.

и строительство будет захватывать всё большие и большие районы, будет торжествовать во всех сферах жизни».¹

Здесь уместно сформулировать два особо важных вопроса: во-первых, почему настолько популярна среди философов идея гуманизма как сострадания, и почему практически все они не видят альтернативы? Во-вторых, чем отличается “творчество злое” от “творчества доброго”? В поиске ответа можно прийти к выводу, что трудность кроется в неспособности преодолеть идущую ещё из христианской религии догматичность. Однако на деле всё сложнее: так, даже атеистически настроенный Шопенгауэр полагал, что сострадание или, вообще говоря, *самопожертвование* – единственный смысл жизни, причём истоком этого вывода было видение мира принципиально *трагическим*, враждебным для человека, если тот *одинок*. Аналогичной точки зрения придерживались и *атеистический* экзистенциалист Сартр, и создатель категорического императива Кант, немало времени посвятивший опровержению доказательств существования бога, но всё же признавший целесообразность его существования “в моральном отношении”. В действительности, что и было показано ранее, сострадание и самопожертвование – это нередко лишь *следствия эгоцентризма*. И, соответственно, чем более человек призывает к состраданию, тем более он *эгоцентричен*. В этом состояла истинная трагедия всех философов прошлого: в подмене любви состраданием, за которым на самом деле скрывалось чувство собственной значимости. Чем “ближе к Богу” оказывался человек, тем острее он ощущал свою неспособность *полного* слияния с ним. И эгоцентризм, чувство собственного почти – но лишь почти – божественного величия, становилось для него единственно возможным утешением. Причём, если раньше это чувство основывалось на уникальности выстраиваемых философами метафизических систем, сейчас, наоборот, всё больше на постмодернистском разрушении любой уникальности, на тотальном критицизме – по сути, однако, столь же неплодотворном.

Тем не менее, не является тайной, что в христианской религии альтернативой самопожертвованию является аскеза – добровольное уединение с целью *познания бога*. И вновь эта альтернатива полностью фиктивна, поскольку само-пожертвование не есть жертва собственными интересами для других, *но жертва собственным эго, собственной личностью*. Наоборот, такой жертвующий своим эго подвижник должен пойти против воли своего окружения, должен почти в буквальном смысле стать безумцем, каковым в своё время казался книжникам и фарисеям Иисус Христос, и каковыми на Руси были юродивые, в принципе отвергавшие любой социальный порядок. Многие из них, согласно преданиям, обладали сверхъестественными способностями и, в частности, даром пророчества – то есть фактически юродивые и были на Руси *магами* и *видящими*. И ещё с той поры русская христианская культура унаследовала весомую долю нигилизма, а особенно это видно у предвосхитивших западный экзистенциализм Гоголя, Толстого и Достоевского, а также у русских философов народнической, славянофильской и социалистической направленности XIX начала XX вв., противопоставлявших культуру и цивилизацию (прежде всего, европейскую или западную цивилизацию). Один из них – Николай Бердяев – только в *свободном творчестве* видел истинное христианское спасение.

А вот что говорила о монахах и религии Ла Горда:

«– Смысл в том, что нам нужно наше *острие*, вся наша сила, чтобы войти в другой мир, – сказала она, – Я была религиозной женщиной и обычно повторяла слова, смысла которых не понимала. Я хотела, чтобы моя душа вошла в Царствие Небесное. Я до сих пор хочу этого, несмотря на то, что нахожусь на другом пути. Мир Нагуаля и есть Царствие Небесное.

Из принципиальных соображений я восстал против религиозного аспекта ее утверждений. Дон Хуан приучил меня никогда не рассуждать на эту тему. Она очень спокойно объяснила, что не видит никакой разницы в образе жизни между нами и истинными монахами и священниками. Она указала, что настоящие монахи не только являются как правило *полными*, но они ещё и никогда не ослабляют себя сексуальными отношениями.

– Нагуаль сказал, что в этом и заключается причина, почему они никогда не будут искоренены, кто бы ни пытался искоренить их, – сказала она. – Те, кто стоит за этим – всегда *пустые*. Они не обладают мужеством истинных монахов и священников. Мне нравилось, что Нагуаль говорил это. Я всегда буду восхищаться монахами и священниками. Мы похожи. Мы отказались от мира, но мы находимся в гуще него.

¹ Н.Бердяев. Спасение и творчество: два понимания христианства.

Священники и монахи сделались бы великими летающими магами, если бы кто-нибудь сказал им, что они могут делать это».¹

Безусловно, некоторые священники и монахи знают о своих выдающихся способностях и используют их, хотя в наше время, как, впрочем, и в любое другое, таковые встречаются весьма редко.

Что же касается отличия “творчества доброго” от “творчества злого” или от “антихристово творчества”, примером подобного для Бердяева была современная ему деятельность большевиков в России, расцененная им как *антигуманная*. Социализм назывался им “бесовской религией”, “святыня” которой – пролетариат, “грех” – частная собственность, “рай” – коммунизм. По сути же их деятельность – преступление против русского народа, и Бердяев не мог оставаться к нему равнодушным. Позже, однако, он несколько смягчил свою позицию, найдя предпосылки успеха социалистического строя в геополитических условиях России и связанных с ними чертах русского национального характера (он даже говорил об особом “русском коммунизме” или “христианском коммунизме”). Но в любом случае, разве имели сами большевики представление о преступности, либо тщетности своих устремлений? Или, может быть, они осознанно желали навредить своей стране? Конечно, нет, как и Гитлер, и все прочие значительные исторические личности, Ленин действовал исходя из *самых благих на его взгляд, самых гуманных побуждений* – он *пожертвовал собой* ради дела революции. И здесь в пору вспомнить изречение, что “благими намерениями вымощена дорога в ад”, то есть *не может* оценивать сам человек истинный он гуманист или нет, и куда ведут его благие намерения – в “ад” или в “рай”. Точнее говоря, только те благие намерения ведут в рай, благо от которых нужно самому ему, те – которые он делает только для себя и полностью осознанно. Более того:

Абсолютно любая идеологическая деятельность в современном мире, насколько бы гуманной она не казалась, ведёт к гуманитарной катастрофе мирового масштаба и возможной гибели всей человеческой цивилизации, причём этот исход можно приблизить или отдалить, но его нельзя избежать.

Вся оставшаяся часть книги и будет посвящена доказательству этого утверждения, которое на первый взгляд может показаться очень спорным или даже, что не является редкостью в наше время, тенденциозным. В частности, на этом этапе рассуждений остаётся невыясненной природа подобной катастрофы и её предпосылки, хотя идея предстоящей катастрофы в той или иной форме уже поднималась, начиная с Ницше, многими философами. Так, например, достаточно трезвую оценку ситуации произвёл Фромм, хотя он, как и в своё время Маркс, слишком поторопился со сроками. С другой стороны, Маркс говорил лишь о переходе общества в другую формацию – хотя и посредством революции, – но он не являлся приверженцем идей *катастрофизма*, возникших уже после него.

Развивая эту тему, стоит заметить, что вообще существуют две антагонистические философские модели развития общества: *прогрессизм* и *релятивизм*. Прогрессизм утверждает единство исторического процесса и целеполагающую преемственность цивилизационных форм, обусловленную стремлением всего человечества в целом к развитию или *прогрессу*. Релятивизм, наоборот, говорит о пространственно-временной локальности каждой цивилизации и, вообще говоря, об отсутствии связи цивилизаций и культур между собой. С вышеприведённых позиций, очевидно, именно прогрессизм, а не релятивизм является адекватным взглядом на общество, однако также нужно понимать, что и релятивизм имеет свой особый смысл, обусловленный противостоянием тенденции профанирования идей прогрессизма на базе избирательного идеологически мотивированного их применения. Так, среди философов наиболее осознанно и ярко соблазну подобного профанирования поддался Гегель (за что и получил немало критики в свой адрес), совершенно необоснованно отождествивший развитие Мирового духа с развитием западной цивилизации (идеал общества Гегель видел в “конституционной монархии”), а всё, что шло вразрез именно с подобной трактовкой развития – например, восточную цивилизацию – де-факто посчитавший несущественным. Где-то Гегель конечно прав, ведь, как показывает история, глобализация ориентирует человечество именно на западные ценности, но можно ли однозначно утверждать, что именно такой путь и именно такое развитие последовательно приведёт к свободе?

¹ К.Кастанеда. Второе кольцо силы.

Резонно отождествить прогноз предстоящей социальной катастрофы с христианским Апокалипсисом как с исторически первым подобным прогнозом, имевшим место в истории западной цивилизации. Апокалипсис (греч. *apokalypsis* – откровение) – пророчество апостола Иоанна Богослова о “конце света”, изложенное в Новом Завете. Согласно этому пророчеству, в результате борьбы Христа и антихриста и последующих победы Христа и “страшного суда” на Земле воцарится “тысячелетнее Царство Божье”. Естественно, всё это лишь метафоры, но сейчас раскрыть их сущность легче, чем когда бы то ни было раньше, тем более что по большому счёту она уже раскрыта самим временем. Среди обычно называемых причин предстоящей катастрофы в качестве ключевых можно выделить рост численности населения, загрязнение окружающей среды, оскудение сельскохозяйственных земель и другие подобные, возникающие вследствие противостояния человеческой цивилизации и природы. Сможет ли человечество вовремя остановиться или, быть может, все проблемы будут преодолены в ходе дальнейшего научно-технического прогресса? Ответ последует несколько позже, а пока следующий парадоксальный – в свете идей Фромма – тезис:

Общество потребления, функционирование которого и вызывает все существующие глобальные проблемы, оправдывается сейчас, главным образом, именно с гуманистических, а не деле, с лже-гуманистических позиций, то есть декларируется, что оно служит человеку лишь во благо.

Прежде всего, не должно вызывать сомнений, что именно общество потребления является причиной глобальных проблем цивилизации, поскольку именно оно стимулирует развитие производства, в ходе которого эти проблемы и возникают.

Как именно гуманизм оправдывает общество потребления? Со временем всё больше людей понимают порочность его достижений, однако абсолютное большинство принимает их с радостью. Первое из таких достижений, являющееся неотъемлемой частью современного западного общества, – это *либерализм*. В чём проблема либерализма? Отвечая на этот вопрос, прежде всего необходимо чётко разграничить два таких понятия как *либерализм* и *либерализация*. Либерализация общества – явление, безусловно, позитивное, выражающее вектор эволюции всего человечества, и заключающееся в реализации принципа свободы как осознанной необходимости в рамках социума, когда более тоталитарные общества саморазрушаются изнутри, не в силах представлять всё многообразие строящихся человеческих отношений. Либерализм в то же время – не более чем *идеология либерализации* (как и любой “изм”), и в отличие от первой само существование такого явления может приводить только к отрицательным в целом последствиям, выраженным именно в лже-гуманизме. Так, защитники и представители либерализма высказывают простую и, казалось бы, правильную мысль: либерализм декларирует свободу действий любого человека, если тот не мешает другим. Но свобода хороша для отдельной личности – для которой она является ещё и необходимостью. А что произойдёт, если дать свободу всем – не станет ли она тогда синонимом вседозволенности и порока? Либералы возражают так: в начале формирования либерального общества – возможно, но либерализм – это единственный путь развития людей и общественного прогресса вообще; в результате же такого развития его члены *сами преодолеют свои пороки и осознают истинную цену свободы и её необходимость – общество станет гражданским*. Однако этот тезис, при всей своей глубочайшей истинности, опровергается реальной жизнью, и ей же утверждается обратный: *большинство людей в современном мире не хотят быть свободными, не хотят нести за себя ответственность, а главное – не могут этого делать*, что бы на этот счёт не думали разного рода идеологи и философы-утописты. В качестве примера можно привести США – колыбель и флагман либерализма, который сейчас вырождается там, по сути, в *терпимость* ко всем, кто не может постоять за себя самостоятельно, как раз и называемую высшим гуманизмом, то есть фактически либерализм превращается “либеральный социализм”, или даже просто в социализм под маркой либеральности. Это своего рода решение проблемы комплекса неполноценности: *неполноценных больше нет*, а если кто-то неполноценен – его будет содержать богатое государство, и оно же защитит его от нападок “полноценных”, тем самым реализовав его *право на жизнь и свободу*. Хотя какой будет эта жизнь и эта свобода? И каким будет это государство? Реально – состоящим совсем не из свободных и ответственных людей, и реально – совсем не из независимых от власти (что было бы идеалом гражданского общества) и, в частности, от поддерживаемого ей производства.

Всё это потому, что свобода не может быть правом – её нельзя получить или выдать, подобно вещи. Свобода – всегда только результат тяжелейшей борьбы, её можно лишь завоевать.

Чем более либерально общество, тем, безусловно, более просвещённой и широкой является его элита – самые яркие его представители. Можно даже пойти дальше и заключить, что в таком обществе больше вероятность появления воина – истинного носителя духа свободы. Но сам воин ни к какой элите, и ни к какому обществу принадлежать не может – он должен намного опережать текущий уровень общественного развития, и, кроме того, для него большая либеральность общества вообще не должна иметь значения. Наоборот, лишь жёсткий тоталитарный уклад жизненной среды, полный обличённых властью мелких тиранов, способен закалить воина наиболее эффективно, как это происходило и с воинами прошлого, для которых современный либерализм с его псевдогуманностью уж точно был бы непозволительной роскошью.

Второе основное достижение гуманизма – *демократия*, которая сама по себе есть механизм реализации фундаментального принципа общества потребления “спрос рождает предложение”, относящегося в этом случае к спросу на законы. В чём проблема демократии? Идея кажется не менее гуманной, чем идея либерализма: *только тогда люди будут свободны, когда сами они или посредством выбранных представителей будут управлять государством. Но действительно ли демократическая форма правления автоматически приводит к большему общественному прогрессу?* Нет, потому что большинство людей – избирателей – не в состоянии охватить и понять все реальные проблемы государства в целом: они видят лишь свои проблемы и выберут всегда того кандидата, который пообещает их скорейшее решение. Следовательно, те немногие, кто смотрит вглубь проблем, и кто чувствует их ещё в зародыше, никогда не смогут выбрать своих представителей во власть и никогда не попадут туда сами. А окажутся там лишь “компромиссные” устраивающие всех фигуры, которые в лучшем случае не будут мешать естественному развитию общества, но никогда не будут и существенно помогать. Очевидно, это вовсе не лучшие представители общества, но зачастую конъюнктурщики и безответственные популисты, которые просто сами не понимают, на что они идут, и которые подчас совершенно не способны к самостоятельному принятию действительно серьёзных стратегических решений.

С подобных позиций демократию критиковали ещё Сократ и Платон, а из относительно современных её критиков – французский учёный и социальный психолог Густав Лебон, писавший в своём основном труде конца XIX в. «Психология народов и масс» следующее:

«Некогда, ещё не так давно, действие правительств, влияние нескольких писателей и весьма небольшого количества органов печати были истинными регуляторами мнений толпы. В настоящее время писатели потеряли всякое влияние, журналы же служат лишь отражением мнений толпы. Что касается государственных людей, то вместо того чтобы направлять мнение толпы, они стараются за ним следовать. Они боятся этого мнения, и эта боязнь, иногда доходящая даже до степени ужаса, лишает их устойчивости в поступках.

Таким образом, мнение толпы стремится всё более и более к тому, чтобы сделаться высшим регулятором политики... Характерным симптомом для наших дней является также согласие пап, королей и императоров давать интервью и, излагая свои мысли относительно данного предмета, отдавать их на суд толпы. Некогда говорили, что политика не должна быть делом чувства, но можно ли это сказать теперь, когда политика всё более и более руководствуется импульсами непостоянной толпы, не признающей разума и подчиняющейся только чувству?»¹

Конечно, всё это справедливая критика, но это совсем не значит, что человечеству следует вернуться к каким-либо авторитарным, монархическим или даже тоталитарным формам правления (хотя многие люди ошибочно ищут выход именно оглядываясь на примеры из прошлого). Демократический строй всё-таки имеет неоспоримое преимущество – это наиболее бескровный или “безреволюционный” строй, не допускающий застоя, так характерного для всех прочих. Однако, именно эта гибкость и главный минус – способ власти уйти от ответственности в ходе *перевыборов* (обычное дело для демократии, когда всеми обожаемый новый президент становится в конце срока

¹ Г.Лебон. Психология народов и масс.

также всеми ненавидим). Хотя вообще отсутствие всяких выборов ответственности, очевидно, также не добавляет. В любом случае нужно понимать главное:

Демократия – это лишь инструмент, успех в применении которого зависит только от зрелости и готовности к нему общества.

Так, во многих странах демократия и до сих пор целиком декоративна, а в других явно приводит к негативным последствиям, только расшатывая ситуацию и окончательно подрывая доверие к власти. В подобных случаях зачастую негативные эффекты “чистой демократии” пытаются нейтрализовать, по существу же под маской демократии с этой целью внедряется *авторитаризм* – а на основании всего сказанного можно сделать вывод, что нередко это более *естественный*, чем демократия, способ управления (в случае недостаточно развитого гражданского общества). Даже более того, можно утверждать, что *эффективная демократия вообще всегда является скрытым авторитаризмом*, ведь победа того или иного кандидата основывается на его способности *убедить* народ в своей достойности, а *средства убеждения ничем не регламентируются* (советское общество, как известно, было “самым демократичным”, и Гитлер тоже пришёл к власти полностью законным демократическим путём). Так, например, одна крайность их применения состоит в запугивании народа (в том числе “внешним врагом”, или просто возможностью прихода к власти оппозиции), другая – в “великодушном” предоставлении возможности отдать свой голос, что само по себе является *косвенным элементом пропаганды* (“голосуй – или проиграешь!”). В любом случае, насколько бы демократическим не было государство, основная власть всё равно сосредотачивается в руках одного или нескольких человек, и общество добровольно соглашается с этим. Кроме того, сам способ демократических выборов – простым большинством, что повсеместно применяется, – отнюдь не очевиден, и под кажущейся простотой фактически скрывает целую науку манипуляции общественным мнением.

Государство, следовательно, тем “демократичнее”, чем большую видимость создадут стремящиеся к власти силы, что именно они представляют интересы всех его граждан.

Таким образом, нынешние реальные демократические государства лишь отчасти представляют интересы именно народа. Другая не меньшая часть – это всегда интересы самой власти – в том числе элит противостоящих партий и поддерживающих их бизнес-элит.

Причём интерес власти здесь очевиден: это и есть стремление собственно к *власти и богатству*, ни ради кого бы то ни было, а *только в качестве самоцели*, какими бы, напротив, “великими” и “гуманными” не казались цели декларируемые. С другой стороны, как уже было замечено, практически нет возможности появления у власти действительно достойного и сильного лидера, который мог бы для достижения каких-то неочевидных стратегических целей реально пойти на общественно непопулярные меры. Если тебя избирает “простое большинство” – это действительно невозможно, и это, безусловно, наиболее явный минус демократии. Впрочем, в условиях авторитаризма неограниченный и никому неподотчётный правитель – ещё большее зло, потому что далеко не факт, что выбранные им пути решения наиболее глубоких проблем окажутся верными и действительно приведут к “светлому будущему”. Пример – государство СССР, где основную проблему – потребительский характер общества – пытались решить с наибольшим упорством и с самым активным использованием пропаганды, но не смогли, а лишь перешли в противоположную крайность подавления всякой индивидуальности; то есть борьба с *частной собственностью* подавила также и любое проявление *частной инициативы*. Причём сейчас распространено мнение, что эта попытка была не более чем “неудачным экспериментом”, к тому же приведшим ко множеству неоправданных жертв. Хотя западный капитализм реализует, на деле, то же самое подавление – но не через прямую агрессию, а посредством экономической зависимости и вытекающего из неё самоотчуждения, с чем марксистская идеология как раз и пыталась изначально бороться.

Единственный видимый выход из, казалось бы, безвыходной ситуации противостояния *социалистической и капиталистической*, или *авторитарной и либеральной* моделей общества состоит вообще в устранении любых *единых органов власти* и переходе власти ко *множеству общественных организаций*. Это и будет означать формирование истинно гражданского общества и развитие реальной демократии как власти народа, когда граждане действительно смогут влиять на

собственную жизнь, являясь прямыми членами большого числа внепартийных гражданских объединений (притом сформированных далеко не только по географическому принципу). Понятно, что именно такое общественное устройство, где центральные органы власти несут не более чем *координирующую функцию*, гораздо предпочтительнее, чем то, где единственная возможность повлиять на собственную жизнь – это возможность раз в несколько лет придти на избирательный участок. Вообще, людям грядущего общества необходимо преодолеть в своём сознании идею, что для того, чтобы существенно повлиять на общество, нужно непременно находиться на самой вершине власти.

Напротив, только тогда общество будет максимально гибким и эффективным, когда любой человек на своём месте сможет оказывать влияние, сравнимое с влиянием самых первых его лиц.

Причём важно отметить, что сам прогноз такого общественного устройства, это именно логически обоснованный прогноз, вероятный при благоприятном стечении обстоятельств, а не руководство к действию, которое может повлечь за собой создание каких-то новых идеологизированных движений.

Вообще, понятно, что переход к новым общественным формациям не может быть осуществлён сознательно какой-либо одной доминирующей политической группой. Только общество в целом может найти мужество проявить волю к подобным фундаментальным изменениям, реально несущим всем его членам большее развитие и свободу.

Если же общество не найдёт в себе такого мужества, если словосочетание “либеральная демократия” так и останется красивыми словами, чем оно сейчас практически и является, мы рано или поздно изберём таких демократических и либеральных, а главное гуманных правителей, по сравнению с которыми померкнут и Сталин, и Гитлер. И самые тревожные опасения и апокалиптические сценарии станут единственно данной необратимой реальностью, в которой уже некого будет винить.

Наконец, здесь возникает совершенно законный вопрос, мимо которого уже никак нельзя пройти: что же мешает обществу уверенно продвигаться к большому прогрессу, заставляя его постоянно погрязать в явно деструктивной внутренней борьбе? И что в действительности искажает и извращает даже самые благие и, казалось бы, здоровые идеи, которые только порождает человечество?

Научно-технический прогресс как регресс человека

Прежде чем перейти к окончательному ответу – “ответу ответов” – необходимо сказать ещё об одном достижении человечества, без которого общество потребления не смогло бы приобрести своего нынешнего размаха – о *научно-техническом прогрессе*.

Развитие общества потребления, а также сопутствующих ему демократии и либерализма в их сегодняшней форме всецело основывается на научно-техническом прогрессе.

Таким образом, неважно кто и как оценивает их положительные или отрицательные стороны, кто оправдывает их право на существование, а кто отвергает. Общество потребления – это свершившийся факт, неизбежность которого, как и его конечный результат, были предопределены века назад, и только сравнительно недавно на него обратили внимание философы – но и то с весомой долей субъективизма. Так, Маркс видел основную проблему современного ему индустриального общества не собственно в его индустриальном характере, а в обусловленных им производственно-экономических отношениях, угнетавших и отчуждавших рабочий класс. Стоит лишь изменить этот характер – сконцентрировать собственность на средства производства в руках государства, и эта проблема будет решена. Но почему вообще происходит научно-технический прогресс, чем он был обусловлен изначально? Согласно Марксу, как об этом уже говорилось, объективными предпосылками: человечество нуждается в удовлетворении определённых потребностей, чему

служит им же осуществляемое развитие технологий, которые, в свою очередь, определяют государственный строй – формацию – и появление новых потребностей. В результате, с развитием форм производства развивается и человек, а на этом основании делается вывод, что производственно-экономическое бытие определяет его сознание.

Очевидно, и об этом тоже уже говорилось, такие рассуждения сильно идеализируют реальную картину: в частности, не учитывается роль и механизм функционирования других классов, кроме рабочего – особенно бюрократии, которая, по идее, должна представлять его во властных структурах (бюрократия фактически класс элиты, по своей сути убивающий все благие идеи социализма, подобно тому, как бизнес-элиты убивают благие идеи капитализма). Но главное, они не отвечают на поставленный выше ключевой вопрос о сущности научно-технического прогресса, хотя Маркс фактически и не задавался им, а лишь пытался оправдать уже де-факто свершившееся. Также и многие другие философы до сих пор принимают научно-технические достижения без особой рефлексии, полностью связывая успешное будущее человечества только с ними. И всё-таки, так ли нужно человеку для выживания или духовного счастья развивать технологии и тем самым вступать в конфликт и с природой, и с самим собой, скорее вреда и природе, и себе, чем принося пользу и находя гармонию? Отчасти причины подобного положения дел вскрываются Хуаном Матусом в следующих объяснениях, отсылающих к далёкому прошлому человечества, когда у людей ещё только возникло индивидуальное эго, озаботившееся накоплением практических знаний:

«Затем [дон Хуан] заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, *что* делать и *как* делать, что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, из-за чего у него возникла уверенность в том, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном “я”, которое начало диктовать человеку характер и диапазон его действий. По мере того, как ощущение индивидуального “я” усиливалось, человек постепенно утрачивал естественную связь с *безмолвным знанием*. Современный человек, пожиная плоды этого процесса, в конечном счёте обнаруживает, что безвозвратно утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порождённые отчаянием и ведущие к саморазрушению. Дон Хуан утверждал, что причиной человеческого цинизма и отчаяния является та небольшая частица *безмолвного знания*, которая у него ещё осталась, и, во-первых, даёт человеку возможность интуитивно почувствовать свою связь с источником всего сущего, во-вторых, понимание того, что без этой связи у него нет надежды на покой, удовлетворение, завершённость.

Мне показалось, что в словах дона Хуана есть противоречие. Я напомнил, как однажды он говорил мне, что битва является естественным состоянием для воина и что покой для него противоестественен.

– Правильно, – согласился он. – Но битва для воина не означает совершение поступков, которыми движет индивидуальная или коллективная глупость, или бессмысленное насилие. Битва для воина – это тотальная борьба против индивидуального “я”, которое лишает человека его силы.

Затем дон Хуан сказал, что настало время продолжить беседы о *безжалостности* – самой главной предпосылке магии. Он сообщил об открытии магами того, что любой сдвиг *точки сборки* означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Ещё он сказал, что, как полагают маги, именно позиция *точки сборки* является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощённого своим образом себя.

Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек искал утешение в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей *точки сборки* в строго определённом положении, увековечив тем самым свой образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что любое перемещение *точки сборки* из её привычного положения в той или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности. <...>

– Находясь в положении саморефлексии, – продолжал дон Хуан, – *точка сборки* собирает мир ложного сострадания, который на поверку оказывается миром жестокости и эгоцентризма. В этом мире единственно реальными чувствами оказываются лишь те, которые каждому из нас удобно испытывать в данный момент.

Для магов *безжалостность* – это не жестокость. *Безжалостность* – это противоположность жалости к самому себе и чувству собственной важности. *Безжалостность* – это *трезвость*¹». ²

Западные философы во многом поняли решающее значение потери естественной связи с безмолвным знанием. В частности, Гуссерль говорил об этом как об отрыве науки от “жизненного мира”, Юнг – как о разрыве с “корнями бессознательного”, что является причиной “универсального человеческого невроза”, Фромм – как об утрате “единства с природой”, ставшего причиной “экзистенциальных дихотомий” – неразрешимых противоречий человеческого существования. Постмодернисты, в свою очередь, говорят об этом в рамках противопоставления “Означающего” (любого рода текста или дискурса) и “Означаемого” – именно, об использовании первого в качестве инструмента власти, на ценности сформированные которой оно насильственно ориентирует в качестве единственно возможных. Далее продолжение объяснений:

«Когда я попросил [дона Хуана] рассказать о *безмолвном знании* более подробно, он тут же ответил, что *безмолвное знание* является генеральным положением *точки сборки*, и что много веков назад такое положение было нормальным для человека, но по причинам, не поддающимся выяснению, *точка сборки* человека сместилась из этого положения и перешла в новое, называемое “разум”.

Дон Хуан отметил, что не всякое человеческое существо является представителем этой новой позиции. *Точка сборки* большинства из нас не находится в точности на месте локализации *разума*, но в непосредственной близости от него. То же самое можно сказать и о месте *безмолвного знания*: *точка сборки* не всякого человеческого существа находилась в этом положении.

Ещё он добавил, что “место без жалости” – ещё одно из положений *точки сборки*, является непосредственным предшественником *безмолвного знания*, а положение *точки сборки*, называемое “местом озабоченности”³ – предшественником *разума*. <...>

Старый Нагуаль [Элиас] продолжал объяснять, что человечество в целом находится в *первой* точке, *точке разума*, но что не у каждого человеческого существа *точка сборки* находится точно в положении *разума*. Те, кто пребывают точно в этом месте, являются истинными лидерами человечества, хотя во все времена многие из этих гениев развития разума оставались человечеству неизвестными.

Нагуаль сказал, что было другое время, когда человечество находилось на *третьей* точке, которая тогда, конечно, ещё была *первой точкой*. Но потом человечество перешло в *место разума*.

Когда *безмолвное знание* было *первой точкой*, преобладало такое же положение вещей. *Точка сборки* не каждого человеческого существа была непосредственно в этой позиции. Вот почему истинные лидеры человечества всегда были теми редчайшими человеческими существами, чьим *точкам сборки* случалось находиться в точном положении либо *разума*, либо *безмолвного знания*. Остальное человечество, сказал дону Хуану старый Нагуаль, было только публикой, аудиторией. В наши дни они являются поклонниками разума. В прошлом они были поклонниками *безмолвного знания*. Они были теми, кто восхищался и слагал оды героям в любом из положений.

Нагуаль настаивал, что человечество провело большую часть своей истории в положении *безмолвного знания* и что этим объясняется наше великое и страстное желание достичь его вновь. <...>

Нагуаль Элиас заверил дону Хуана, что только те человеческие существа, которые являются образцами разума, могут легко сдвигать свою *точку сборки* и быть образцами *безмолвного знания*. Он сказал, что только те, кто пребывает точно в одном из этих положений, могут ясно видеть другое положение, и что именно таким и был путь, приведший к эпохе *разума*. *Положение разума* было ясно видно из *положения безмолвного знания*.

Старый Нагуаль сказал дону Хуану, что односторонний мост от *безмолвного знания* к *разуму* называется “озабоченностью”. Это озабоченность, которую истинные люди *безмолвного знания* ощущали относительно источника всего, что они знали. А второй односторонний мост, от *разума* к *безмолвному знанию*, называется “чистым пониманием”. Это понимание, которое говорит человеку *разума*, что *разум* – лишь один-единственный островок в бесконечном архипелаге.

¹ Англ. sobriety – трезвость, собранность, уравновешенность и пр.

² К.Кастанеда. Сила безмолвия.

³ Англ. concern – беспокойство, тревога, важность, забота и пр.

Нагуаль добавил, что человеческое существо, в распоряжении которого находятся оба эти моста, является магом, имеющим прямой контакт с духом, жизненной силой, которая делает возможными оба положения».¹

Таким образом, способность формально мыслить является дополняющей к способности чистого прямого осознания – в совокупности же это и делает возможным *онтологическое мышление*. Однако недостаточно развитый разум предполагает наличие эгоистичности, мелочной озабоченности собой, направляющей человека по заведомо ложному круглому пути. Почему человечество избрало именно этот путь в приведённых цитатах не сообщается – об этом Кастанеда говорит позже. Пока же можно констатировать, что именно *торжество разума без духа и сделало научно-технический прогресс столь всеобъемлющим и безальтернативным*.

Научно-технический прогресс и тотальный характер его влияния на жизнь современного человечества является следствием радикального и насильственного по отношению к человеческой природе разрыва связи с безмолвным знанием. Его место заняла теперь озабоченность лишь знаниями формальными, практическими, реально ничего не дающими человеку, кроме возможности культивировать и удовлетворять за их счёт собственные тщеславные амбиции.

Конечно, научно-технический прогресс – это не прихоть, и до определённой степени использовать разум резонно – чтобы обеспечить выживание и условия для дальнейшего развития. Ведь даже насекомые и животные применяют иногда свои “технологии”, которые, впрочем, полностью гармоничны в отношении окружающей среды. Но человек пошёл намного дальше, и теперь более чем справедлива крылатая фраза, что “лень двигатель прогресса”, причём “лень” здесь и есть синоним “озабоченности”, ведь чем, как ни озабоченностью собой является боязнь лишний раз пошевелиться, которая и является ленью? И что как ни озабоченность собой гордость человека за технические достижения, которые выполняют за него даже самые примитивные дела? Справедлива и другая фраза, столь же очевидная, но обычно упускаемая – “прогресс потворствует человеческой лени”: то есть, лентясь, человек развивает технологии, но чем больше технологий он получает, тем ленивее становится, попадая, тем самым, в замкнутый – “порочный” – круг *фундаментального характера*.

При этом, что особенно интересно, возможным прогресс становится отнюдь не благодаря тем, кто пользуется его плодами – большинство людей неспособны сами совершать научные открытия и изобретать, они являются лишь “поклонниками разума”. Изобретательством заняты единицы – это как раз те, кому повезло иметь сильную связь с намерением от природы. Однако им, как и всем прочим, нужно обеспечивать себя и, самое главное, также нужно удовлетворять свой эгоцентризм – настолько же больший, чем у среднего человека, насколько превосходят они среднего человека в своём таланте. Вот почему современные учёные, не думая о *последствиях*, но думая лишь о себе, продают свои знания менее способным, чем они сами, как раз и закладывая этим истинную основу общества потребления.

«Я понял, насколько прав был дон Хуан, когда он однажды заявил, что все практические исследования, которыми занимаются учёные, ведут к созданию всё более и более сложных машин. Это не те исследования, которые изменяют ход жизни человека изнутри. Они никак не связаны с тем, чтобы человек мог достичь просторов Вселенной самостоятельно. Созданные или только создаваемые ошеломительные аппараты имели культурологическое значение. Даже их создатели не наслаждались ими непосредственно. Единственной наградой для них были деньги».²

Современное общество фактически стремится к реализации известного принципа коммунизма – “от каждого по способностям – каждому по потребностям”. Но характерно, что *чем больше и чем более массово удовлетворяются эти потребности в техническом обеспечении, тем меньшими становятся способности и тем более неполноценными делаются люди*.

Последний тезис наиболее ярко демонстрируется на следующем примере. С развитием технологий развивается и медицина, становящаяся всё эффективнее и вылечивающая даже очень тяжёлые заболевания. Люди знают об этом, но это вроде бы благоприятное обстоятельство на деле

¹ К.Кастанеда. Сила безмолвия.

² К.Кастанеда. Активная сторона бесконечности.

оказывает им “медвежью услугу”, ведь оно *притупляет их ответственность за себя*. Теперь что бы ни случилось, какие бы вредные привычки человек не имел, насколько бы неправильный образ жизни не вёл, как бы не рисковал своим здоровьем – всё поможет исправить медицина. Но если бы медицина действительно позволяла вернуть утраченное здоровье полностью – однако в действительности чем дальше, тем больше становится “практически здоровых людей”, которые уже навечно привязаны к лекарствам, к плановым операциям и обследованиям, которые уже непосредственно внутри своего тела имеют технические устройства. Может ли такой человек на самом деле эффективно действовать, может ли он заниматься творчеством и достигать самоактуализации? И хочет ли он вообще жить или просто боится умереть? Последний вопрос наиболее важен, ведь ценность жизни человека объявлена лже-гуманистами высшей ценностью, и это касается жизни любого человека, даже самого больного и самого неполноценного. Отсюда и запрет на эвтаназию, хотя в действительности страх смерти для обычного современного человека – это противоположность союзнических отношений с ней война, которые тем крепче, чем сильнее его связь с духом. Для обычного человека страх смерти – это следствие его *эгоцентризма*, боязнь, что с его смертью исчезнет мир. Хотя какой это мир? – его *собственный мир*, он для мира. Отсюда же и такие популярные воззрения о прошлых жизнях и о бессмертии души – на деле, о бессмертии *эго* во всей его “уникальной и неповторимой идентичности”. Нигде в живой природе нет такого лелеяния самих себя и одновременно такой безграничной страсти к наживе, как у людей. Нигде также нет такого оберегания себя и, с другой стороны, такого бессмысленного противопоставления себя природе.

Чем закончится оно, к чему в итоге приведёт научно-технический прогресс? Уже достаточно долгое время фантасты предрекают, что человек попадёт в рабство созданных им же машин, но гротескная форма, с которой эта мысль подаётся, зачастую не позволяет увидеть её истинный смысл. А смысл этот на самом деле практически буквален:

С совершением индустриальной революции человечество попало в сильную зависимость от техники, и в дальнейшем эта зависимость будет только усугубляться.

Казалось бы, зачем драматизировать, ведь можно посмотреть и иначе: это природа посредством техники находится в руках человека, а не наоборот; а грядущее “постиндустриальное общество” – общество интеллектуалов, где всю грязную работу выполняют роботы, а рабочего класса нет как такового – вообще “рай на земле”. Конечно, существуют определённые проблемы – например, экологические, – но они осознаются людьми и с развитием новых более высоких технологий будут им преодолены. Подобная точка зрения, однако, слишком идеалистична. В действительности развитие новых изошрённых технологий, наоборот, приведёт к появлению *более серьёзных и глубоких проблем, поскольку оно есть не что иное, как насилие над природой – как планеты, так и самого человека*.

Проблемы, порождённые техническим прогрессом, нельзя преодолеть им же. С другой стороны, чем более технологически развито общество, тем более оно уязвимо.

Научно-технический прогресс сейчас стремителен как никогда, он охватывает всё новые и новые области жизни людей и земной экосистемы в целом, и в скором времени его влияние может достичь ещё гораздо большего размаха, чем сейчас. В то же время люди становятся всё более зависимыми от техники – в массовом порядке. Но нет ничего совершенного, и чем более высокие технологии используются, тем более слабым звеном они становятся, тем более они подвержены сбоям и тем менее управляемы человеком. Одновременно с этим, оказываясь – подчас с самого детства – в тепличных условиях “земного технологического рая” (“Земного Града Прогресса”, как его называл Фромм), люди расслабляются, привыкают к мысли о защищённости и обеспеченности, и вместе с тем деградируют *физически*.

Нетрудно заметить, что временами уже происходят локальные *техногенные и гуманитарные катастрофы* (причины которых варьируются от природных катаклизмов, до террористических актов), но поскольку пока они относительно небольшие, никто не думает всерьёз о необходимости каких-либо кардинальных изменений (например, если в городе на некоторый период времени отключили свет, даже если это приведёт к серьёзным последствиям кажется смешным отменять из-за

этого всю электротехнику вообще). Старания учёных и технологов направляются на предотвращение подобных проблем в будущем, техника делается всё совершеннее и изощрённее, но катастрофический итог, о котором говорилось выше, очевиден и предрешён:

Невозможно развивать технологии бесконечно, и в итоге их развития рано или поздно и в том или ином виде произойдёт *мировая техногенная катастрофа*, которая окажет на всю жизнь на планете и, в частности, на человечество самое разрушительное действие.

Прежде всего *отрезвляющее* действие, после которого у выживших людей – а не должно вызывать сомнений, что колоссальные жертвы во всех смыслах этого слова неизбежны – *уже не будет иного выбора, кроме как осознать главную причину своих проблем и, наконец, покончить с ней.*

«Переместить фиксацию планеты (изменить модальность времени – В.В.) – единственный выход из драматического состояния рабства, до которого мы были доведены. Русло нашей цивилизации не имеет выхода, потому что мы изолированы в отдалённой точке космоса. Если мы не научимся путешествовать по проспектам осознанности, мы придём в такое состояние расстройств и отчаяния, что человечество закончит самоуничтожением. Наш текущий выбор – путь война или исчезновение».¹

Конечно, нужно трезво относиться к подобным прогнозам, и при всей их угрожающей перспективе думать о более реальных проблемах, во множестве присутствующих и в настоящем времени. Ведь несмотря на всю свою стремительность, пройдут века, пока прогресс науки и техники полностью исчерпает себя, когда все самые безумные фантазии человека найдут воплощение в технике, и когда итоговое сражение человечества действительно станет насущной проблемой *каждого человека* – пока же лишь очень немногие способны осознать истинное положение вещей. Их функция – начать подготовку плацдарма для сражения, причём начать в данном случае следует только *с самого себя.*

Кроме того, как уже говорилось, вообще любые технологии не являются “абсолютным злом”, могут существовать и технологии, не вредящие природе, не вступающие с ней в смертельное противостояние. И переход на такие технологии действительно может стать альтернативным путём для человеческого развития – путём мира и гармонии, а не бесконечного насилия, которое люди распространяют друг на друга и вообще на всё вокруг себя. Пока же, конечно, определяющий фактор в техническом прогрессе – это именно война, а не мир.

Наконец, на этом этапе рассуждений появляется возможность наделить христианские метафоры смыслом. Итак, “Бог” – это природа, с которой человек потерял гармонию, или безмолвное знание, с которым он потерял связь. Основной “грех” человека – гордыня, которую он проявляет, ставя себя выше всего живого – выше “Бога” или природы. “Борьба добра и зла” или “борьба Христа и антихриста” – это борьба живой природы и бездушной техники, стремления познать и стремления потреблять, стремления развивать осознанность и стремления “запечатлеть свой образ”. “Страшный суд” – предстоящая мировая техногенная катастрофа, в ходе которой человечество радикально обновится и очистится, и итогом которой станет “тысячелетнее Царствие Божье”. Хуан Матус, говоря о связи с безмолвным знанием, также ссылался на христианство:

«Дон Хуан утверждал, что нашим огромным общим недостатком является то, что мы, проживая жизнь, совершенно игнорируем эту связь. Наши житейские дела, наши нескончаемые интересы, надежды, заботы, разочарования и страхи берут верх, и в потоке обыденной жизни мы и не подозреваем, что связаны с чем-то ещё.

Дон Хуан выразил своё убеждение в том, что христианские идеи об изгнании из райского сада представляются ему аллегорией утраты нашего *безмолвного знания*, нашего *знания намерения*. Следовательно, магия – это возвращение к началу, возвращение в рай».²

Может сложиться впечатление, что существует как бы два христианства, причём противоположно ориентированных. Одно христианство – общеизвестное и поддерживаемое церковью – говорит о необходимости сострадания, поощряет и оправдывает нищих и больных, призывает к покорности, служит своего рода *идеологией*; второе – напротив, говорит об уходе из обыденного мира суеты и о посвящении себя *познанию*. В действительности, конечно, христианство

¹ А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

² К. Кастанеда. Сила безмолвия.

одно – это учение Иисуса Христа, каким оно было передано им самим около двух тысяч лет назад. То же христианство, о котором известно сейчас – чрезвычайно сильное искажение этого исходного учения, что не удивительно, учитывая сколько прошло времени и сколько схоластов потрудились над его интерпретацией в угоду отнюдь не Богу (в особенности со времени становления Римской католической церкви). Складывается парадоксальная ситуация, когда почти каждый современный человек знает – или думает, что знает – чему учил Христос, – но чему же действительно он учил, если переданные им знания столь просты? И что реально изменилось со становлением христианства в качестве доминирующего религиозного учения западного мира? Был ли Христос “наивным поэтом или философом”, который только лишь очередной раз попытался донести до людей и так всем известные “общечеловеческие” истины, возможно сделав это ярче других (так, например, представляет его в своей книге «Жизнь Иисуса» французский историк и философ XIX века Эрнест Ренан)? Или может он действительно был спустившимся на Землю единственным сыном Бога, даровавшим людям спасение после брэнной жизни?

Оригинальный и, судя по всему, достаточно объективный взгляд на христианство как на *эзотерическое* учение предлагает русский мистик первой половины XX в. Пётр Успенский в своей книге «Новая модель вселенной». Его анализ искажений, внесённых в христианство временем, весьма объёмен, поэтому целесообразно остановиться только на некоторых наиболее важных из них. Например, Успенский указывает, что “Царство Небесное” – это отнюдь не что-то ожидающее людей после смерти; Царство Небесное, хотя и далеко не всеми, но достижимо *при жизни*, и об этом говорил ученикам сам Христос: «Он сказал: вам дано знать тайны Царства Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не понимают» (Лука 8:10). Или другая цитата, явно выражающая эзотеричность христианства: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф. 7:13-14). Второй пример касается взгляда, что Христос стал своего рода жертвой Богу во искупление грехов человечества: это тоже неверно и является интерпретацией, объясняющей смысл распятия на базе ветхозаветного культа искупительной жертвы. Третий пример связан со знаменитой фразой Христа «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5:3). Здесь “духовная нищета” не означает бездуховности, либо слабоумия в современном понимании этих слов. В действительности духовно нищий человек тот, кто ни к чему не привязан, кто не делает никаких знаний и вещей своей собственностью, не извлекает из них прибыли; тот, чей дух, в буквальном смысле, чист или нищ – а потому свободен. Вот как пишет об этом Успенский:

«Христос учил не для смерти, а для жизни; однако его учение никогда не охватывало и не могло охватывать всю жизнь в целом. В его словах, особенно в притчах, постоянно появляется множество людей, которые пребывают вне его учения: цари, богачи, воры, священники, левиты, слуги богачей, купцы, книжники, фарисеи... Эта огромная бессмысленная жизнь, с которой его учение не имело никакого родства, была в его глазах маммоной, а маммоне одновременно с Богом служить нельзя.

Христос никогда не был непрактичным “поэтом” или “философом”. Его учение предназначено не для всех; но оно практично во всех деталях – и практично прежде всего потому, что предназначено не для всех. Многие люди неспособны получить из его учения ничего, кроме совершенно ложных идей, и Христу нечего им сказать».¹

Кем же всё-таки был Христос, если согласиться с Успенским? Как ни удивительно, но возможный вывод только один: *Христос был Нагуалем*. И, конечно, он прожил жизнь не для того, чтобы превратиться в застывшего идола, “единственного любимого сына бога”. Напротив, он явил миру ярчайший пример духовного подвижничества, и пригласил каждого последовать за собой. “Царствие Небесное” или “рай” – это второе, а затем и третье внимание – *абсолютная свобода, к которой он и вёл своих учеников*. Более того:

Правильно понятое христианство – то же, что и правильно понятый нагуализм. Истинный Толтек то же, что и истинный христианин – человек, обладающий несгибаемым намерением достичь полной окончательной свободы.

¹ П.Д.Успенский. Новая модель вселенной.

Богочеловеческая сущность Христа, отсюда, есть сущность нагуаля или духа, его персонифицированное воплощение. В исламской традиции о таких людях более корректно говорят как о пророках.

Понятно, что отождествление христианства и нагуализма не должно быть прямым и буквальным – оно имеет множество нюансов, как, например, то, что Иисус Христос шёл путём знания вне магической когорты (хотя он и имел учеников), и также сильное преуменьшение в Евангелии роли женщин, обусловленное влиянием на раннее христианство патриархального иудаизма. Но в любом случае у них общее ядро, притом тождественное ядру любого традиционного религиозного учения.

“ОТВЕТ ОТВЕТОВ”

В цепи всех приведённых рассуждений недостаёт лишь одного единственного звена, суть которого можно уяснить, задав заключительный вопрос – “вопрос вопросов”, как его называл Хуан Матус: почему же всё-таки человечество потеряло связь с безмолвным знанием, что стало для него “дьяволом-искусителем” – причиной “грехопадения” – и послужило нарушением естественного процесса его эволюции? И что не даёт даже самым лучшим его представителям эту связь восстановить? Почти в самом конце своей последней книги «Активная сторона бесконечности» Карлос Кастанеда открывает тайну, которая на первый взгляд может показаться более чем неправдоподобной, хотя во всех предыдущих книгах он и не давал повода для недоверия. “Дьяволами-искусителями” он называет особых неорганических существ, полностью неощутимых для нашего обыденного сознания и *питающихся* нашей энергией – так называемых “летунов”.

«– [Маги древней Мексики] обнаружили, что у нас есть компаньон по жизни, – сказал [дон Хуан], чеканя слова. – У нас есть хищник, вышедший из глубин космоса и захвативший власть над нашими жизнями. Люди – его пленники. Этот хищник – наш господин и хозяин. Он сделал нас покорными и беспомощными. Если мы бунтуем, он подавляет наш бунт. Если мы пытаемся действовать независимо, он приказывает нам не делать этого. <...>

– Ты благодаря лишь собственным усилиям достиг того, что шаманы древней Мексики называли “вопросом вопросов”, – сказал он. – Я окольными путями подводил тебя к тому, что нечто держит нас в плену. Разумеется, мы пленники! Для магов древней Мексики это было *энергетическим фактом*.

– Почему же этот хищник “захватил власть”, как ты об этом говоришь, дон Хуан? – спросил я. – Этому должно быть логическое объяснение.

– Этому есть объяснение, – ответил дон Хуан, – и самое простое. Они взяли верх, потому что мы для них пища, и они безжалостно подавляют нас, поддерживая своё существование. Ну, вроде того, как мы разводим цыплят в курятнике, они разводят людей в “человечниках”. Таким образом, они всегда имеют пищу».¹

Летуны являются намного более древними сущностями, чем люди, и чем вообще всё живое на Земле, и, будучи таковыми, они имеют несоизмеримые с человеческими знания и возможности. Вместе с тем, проявление их возможностей по отношению к людям является чем-то предельно непостижимым: так, *они дали нам свой собственный разум и социальное бессознательное*, чем обеспечили само существование человеческой цивилизации. Как сообщается Карлосом Кастанедой в книге Армандо Торреса, без них мы бы до сих пор жили в пещерах или строили гнёзда, и именно они буквально подсказали учёным множество технических изобретений. Однако разум летунов – в конечном счёте не безвозмездный дар, а *средство, с помощью которого они могут контролировать нас*. В действительности вся человеческая *глупость – не наша собственная глупость, она силой и хитростью навязывается нам извне, ведь практически все вербальные мысли, возникающие в сознании в ходе внутреннего диалога, на самом деле не принадлежат нам*. Не понимая этого, люди теряют почти весь свой огромный потенциал к развитию, и тогда как *творческое* стремление должно быть *определяющим* для наших жизней, как является определяющим высшее качество осознанности для жизней всех *здоровых* существ, в действительности у нас его очень мало – подчас настолько, что некоторые люди просто не имеют его совсем.

¹ К.Кастанеда. Активная сторона бесконечности.

Коконь людей представляются видящим покрытыми особой сверкающей оболочкой – энергией, которую человек выделяет при любых своих действиях, и которую в дальнейшем он может аккумулировать обратно. Именно эта оболочка является пищей летунов, а когда люди достигают зрелости, обычно от неё остаётся только узкая каёмка – от земли до пальцев ног. Вот почему безудержная жизненная энергия детей практически полностью иссякает во взрослом “трезвомыслящем” человеке.

«Затем [дон Хуан] сделал наиболее обескураживающее заявление из всех сделанных им до сих пор. Он сказал, что эта узкая каёмка осознанности является эпицентром саморефлексии, от которой человек совершенно неизлечим. Играя на нашей саморефлексии, являющейся единственным доступным нам видом осознанности, хищники провоцируют вспышки осознанности, после чего пожирают уже их, безжалостно и жадно. Они подбрасывают нам бессмысленные проблемы, стимулирующие эти вспышки осознанности, и таким образом оставляют нас в живых, чтобы иметь возможность питаться энергетическими вспышками наших мнимых неурядиц. <...>

– Маги древней Мексики, – говорил он, – *видели* хищника. Они называли его *летуном*, потому что он носится в воздухе. Это не просто забавное зрелище. Это большая тень, мечущаяся в воздухе непроницаемо чёрная тень. Затем она плашмя опускается на землю. Маги древней Мексики сели в лужу насчёт того, откуда она взялась на Земле. Они полагали, что человек должен быть целостным существом, обладать глубокой пронизательностью, творить чудеса осознанности, что сегодня звучит всего лишь как красивая легенда. Но всё это, по-видимому, ушло, и мы имеем теперь человека трезвомыслящего».¹

Вспышки энергии, свойственные обычному озабоченному собой человеку, выделяются при неконтролируемых эмоциональных реакциях. В «Послании Карлоса Кастанеды» уточняется, что летуны бывают разных типов и питаются энергией, соответствующей разным видам чувств (причём не только человеческих чувств). Так, некоторые более всего предпочитают чувства жалости к себе: восторга, преклонения и сострадания, свойственные, например, большим собраниям, вроде религиозных. Другие – чувства собственной важности: пафоса, раздражения, ненависти и гнева, в больших количествах выделяющиеся во время массовых бунтов. При достаточно высоком уровне энергии летунов можно заметить в виде мечущихся картинок или теней, и многие дети видят их, однако стремятся как можно скорее забыть об этих своих пугающих видениях, что и происходит по мере социализации и сопутствующего ей энергетического истощения (эти видения, в действительности, являются главной причиной детской боязни темноты, причём испытываемый страх в этом случае сродни страху смерти, который с тех пор всегда остаётся на задворках сознания человека, даже если и всплывает крайне редко).

В то же время, поскольку наш разум фактически является чужеродным разумом летунов, основное мотивирующее его работу качество – *это их собственный постоянный страх быть разоблачёнными и потерять источник пропитания*. Именно это качество создало предпосылки к возникновению общества потребления (в простейшем проявлении – потребления пищи), но вместе с тем, по иронии судьбы, *дало человечеству шанс спастись*.

Все человеческие ценности и все институты общественной организации неотвратимо приближаются к грани естественного самоуничтожения, которое может потянуть за собой и уничтожение самого человечества.

«– Я говорю, что то, что выступает против нас, – не простой хищник. Он весьма ловок и изощрён. Он методично делает нас никчёмными. Человек, которому предназначено быть магическим существом, уже не является таковым. Теперь он простой кусок мяса. Заурядный, косный и глупый, он не мечтает больше ни о чем, кроме куска мяса».²

О том же Хуан Матус говорил и раньше:

– Меня бросает в дрожь при одной только мысли об отрешении от всего, что я знаю, – сказал я.

– Ты, должно быть, шутишь! Тебя должно бросать в дрожь не от этой мысли, а оттого, что впереди у тебя нет ничего, кроме рутинного повторения одних и тех же действий в

¹ Ibid.

² Ibid.

течение всей жизни. Представь человека, который из года в год выращивает зерно, и так до тех пор, пока силы не покидают его, и он не падает, подобно старому облезлому псу. Все его мысли и чувства, всё, что в нем есть самого лучшего, принесено в жертву одному – добыче еды, производству пропитания. **Бессмысленная жертва, пустая трата времени – жить, чтобы питаться, и питаться ради жизни, и снова жить, чтобы питаться, и так – до самой смерти. Развлечения, придуманные людьми, как бы они при этом ни изощрялись, – всего лишь жалкие потуги забыться, не выходя за пределы порочного круга – питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться...** Как по мне, то не может быть страшнее потери!

Мы – люди, и наша судьба, наше предназначение – учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров».¹

Летуны всегда “голодны”, как об этом говорил Хуан Матус, и при этом они не могут сами производить энергию, но могут только красть её у других существ. Фактически это означает, что летуны не могут или не хотят эволюционировать, то есть, в буквальном смысле, они полностью оторваны от намерения бесконечности и лишь паразитируют на нём. Отсюда понятно, почему христианский миф противопоставляет этих существ богу – потому что для них существует только их *личное* намерение, но сами они не желают быть ни чьим намерением. И под их влиянием многие люди придерживаются, по сути, той же философии, думая, что они являются единственными богами в собственной реальности, и что они ни перед кем и ни за что не несут отчёта.

Но можно ли бороться с летунами и полностью избавиться от их влияния? Да, в конечном счёте именно для этого предназначены, казалось бы, такие естественные, но “отчего-то” вызывающие огромные затруднения толтекские практики. Прежде всего психогигиеническая практика *перепросмотра*, во время которой пища буквально “выхватывается у них изо рта”.

«– Всё, что остаётся людям, – это *дисциплина*, – продолжал он. – Лишь дисциплина способна отпугнуть его. Но под дисциплиной я не подразумеваю суровый распорядок дня. Я не имею в виду, что нужно ежедневно вставать в полшестого и до посинения обливаться холодной водой. **Маги понимают под дисциплиной способность спокойно противостоять неблагоприятным обстоятельствам, не входящим в наши расчёты.** Для них дисциплина – это искусство, искусство неуклонно противостоять *бесконечности*, не потому, что ты силен и негибает, а потому, что исполнен благоговения.

– И каким же образом дисциплина магов может отпугнуть его? – спросил я.

– Маги говорят, что дисциплина делает *сверкающую оболочку осознанности* невкусной для *летуна*, – сказал дон Хуан, внимательно всматриваясь в моё лицо, как будто стараясь разглядеть в нем какие-либо признаки недоверия. – В результате хищники оказываются сбиты с толку. Несъедобность *сверкающей оболочки осознанности*, как мне кажется, оказывается выше их понимания. После этого им не остаётся ничего, как только оставить своё гнусное занятие.

– Когда же хищники на какое-то время перестают поедать нашу *сверкающую оболочку осознанности*, – продолжал он, – она начинает расти. Говоря упрощённо, маги отпугивают хищников на время, достаточное для того, чтобы их *сверкающая оболочка осознанности* выросла выше уровня пальцев ног. Когда это происходит, она возвращается к своему естественному размеру. Маги древней Мексики говорили, что *сверкающая оболочка осознанности* подобна дереву. Если её не подрезать, она вырастает до своих естественных размеров. Когда же осознанность поднимается выше пальцев ног, все чудеса восприятия становятся чем-то само собой разумеющимся.

– Величайшим трюком этих древних магов, – продолжал дон Хуан, – было обременение *разума летуна* дисциплиной. Они обнаружили, что если нагрузить его *внутренним безмолвием*, то *чужеродное устройство* улечивается, благодаря чему тот, кто практикует это, полностью убеждается в инородности разума, которая, разумеется, возвращается, но уже не такая сильная, после чего устранение *разума летуна* становится привычным делом. Так происходит до тех пор, пока однажды он не улечивается навсегда. О, это поистине печальный день! С этого дня тебе приходится полагаться лишь на свои приборы, стрелки которых оказываются практически на нуле. Никто не подскажет тебе, что делать. Чужеродного разума, диктующего столь привычные тебе глупости, больше нет.

– Мой учитель, нагуаль Хулиан, предупреждал всех своих учеников, – продолжал дон Хуан, – что это самый тяжёлый день в жизни мага, ведь тогда наш реальный разум, вся совокупность нашего опыта, тяготеющая над нами всю жизнь, становится робкой,

¹ К.Кастанеда. Отдельная реальность.

неверной и зыбкой. Мне кажется, настоящее сражение начинается для мага именно в этот момент. Всё, что было прежде, было лишь подготовкой. <...>

– *Разум летуна* улетучивается навсегда, – сказал он, – когда магу удаётся подчинить себе вибрирующую силу, удерживающую нас в виде конгломерата энергетических полей. Если маг достаточно долго будет сдерживать это давление, *разум летуна* будет побеждён. И это как раз то, что ты собираешься сделать – обуздать энергию, удерживающую тебя как целое».¹

“Разум летуна” или “чужеродное устройство”, как об этом говорит Хуан Матус, не является чем-то тривиальным, но, с другой стороны, его работа не является и непостижимой. Чтобы в самом общем виде уяснить, как оно функционирует, нужно, прежде всего, понять, что сам по себе разум – устройство абстрактное: то есть он не может быть в буквальном смысле “чужеродным”. Различными могут быть только цели, которые перед ним ставятся, и в данном случае именно *цели*, которые ставит перед разумом летун, и *цели*, в достижении которых заинтересован сам человек, – сильно расходятся. Если цели летуна – сделать человека пищей, цели человека, которые ставятся лишь его собственной *волей*, – войти в гармонию с миром, накопить достаточно энергии и овладеть намерением. Иными словами, если использовать терминологию теории метасистемного перехода, “чужеродное устройство”, внедрённое летуном, и собственная воля человека – это два высших управляющих устройства, *конкурирующих на одном уровне управления*.

Причём для первого жизненно важно не давать разуму человека развиваться. Для летуна необходимо, чтобы человек лишь слепо подчинился его командам, не сопротивляясь им и не пытаясь осмыслить. В то время как на самом деле смысл их всегда прозрачен: *привести к конфликту*. По возможности не к такому конфликту, который привёл бы к смерти, но который обеспечил бы продолжительную жизнь в состоянии предельного энергетического истощения (и, наоборот, если человек сопротивляется – попытаться подтолкнуть его к самоубийству, при котором выделится вся оставшаяся энергии). Обычно люди соответствуют этим критериям, и сдаются в полное распоряжение летунов довольно рано – тех же, кто пытаются бороться, пока они это делают, Толтеки называют воинами:

Воин – это тот, кто сопротивляется командам летуна, пытается осмыслить их, удерживая собственный разум под полным контролем и развивая его.

Конечно, всегда можно проиграть, просто выбрав бездумно подчиниться летуну. Конечно, это тоже вариант жизни, хотя и с изменившимися целями, подобными целям цыплят в курятнике.

Проигравший летуну человек отличается тем, что ставит перед собой всё менее и менее значительные задачи, хотя раньше он мог бы помыслить и достичь гораздо большего. Так, самые грандиозные цели ставят дети – начиная от того, кем быть в жизни, и заканчивая вообще чем-то невозможным с позиции “здорового смысла”. Летун, однако, старается пресечь на корню реализацию любых творческих планов, и даже если они действительно принадлежат человеку, а не были навязаны собственно “чужеродным устройством”, множество его “полезных” советов по максимуму снижают эффективность любых действий, при этом также вводя своего “подопечного” в как можно более плотные отношения с другими людьми. Но что интересно, на самом деле такие отношения совсем не являются необходимыми: например, взрослому человеку для достижения своих целей совсем не обязательно быть в курсе всех новостей жизни страны или надолго вступать в трудовые коллективы, а ребёнку не обязательно для этого изучать все предыдущие научные и культурные достижения человечества в школе. Здоровому и полному сил человеку – совсем не обязательно проявлять себя в общественной жизни, больному и ослабленному – не обязательно навсегда закреплять за собой этот статус, обращаясь к врачам. Что действительно нужно человеку – это *энергия*, а не помощь других людей и не их одобрение, и тогда только собственными силами он сможет достичь чего угодно, превзойдя в своих достижениях всех своих предков. Это касается любого человека – даже самого никчёмного и бесталанного, как о нём могли бы судить в социуме; единственное условие – *никогда не прекращать борьбу*.

С другой стороны, когда человек выбирает во всём слушаться разум летуна, он думает, что снимает с себя ответственность, потому что все решения за него теперь принимает летун. Однако это иллюзия, потому что в конечном итоге ответственность приходится нести не за *решения*, а именно за

¹ *К.Кастанеда*. Активная сторона бесконечности.

действия – а их человек совершает уже полностью сам. И только когда эти действия заведут в абсолютно беспросветное положение, когда жизнь станет настоящим адом, человек способен пробудиться, и воспользоваться уже собственным безмолвным знанием, а не чуждыми советами.

Из описания летунов может сложиться неверное впечатление о них, как о некоей коварной силе, направленной против человечества. Но в действительности, как и всё во Вселенной, летуны не являются чем-то плохим или хорошим, добрым или злым – они лишь пользуются доступными ресурсами, как это делает схожим с ними образом и сам человек. С другой стороны, летуны очень абстрактны – подобно тому, как абстрактен культивируемый ими разум. Разум, однако, обладает существенным недостатком – во всё, к чему он прикасается, автоматически вносится *разделение, противоречие*, начинающееся с простейшей возможности отвечать на любой вопрос “да” или “нет”, что известно сейчас как “двоичная логика”. Будь то разобщённость отдельных индивидуумов, пестующих за счёт своей отдельности колоссальное эго, противостояние групп людей, либо даже неуверенность в собственных постоянно меняющихся решениях одного человека. Летуны всего лишь предельно обостряют эту порождаемую разумом ситуацию тотального конфликта в своих интересах.

Но тогда как *разум разделяет, воля*, удерживающая его под собственным жёстким контролем, напротив, *объединяет*.

Не может быть никакого разногласия между людьми, если их поступки основываются на воле, если ими движет намерение. Поэтому в отличие от разумных решений, которые никогда не исполняются в точности так, как планируется, лишённые эгоистической подоплёки намерения всегда осуществляются, и к тому же ведут к полной гармонии с миром и всеми его существами – то есть они *ведут к абсолютному счастью*.

Мир разума, по сути, является миром абсолютной лжи (или, что то же самое, “относительной правды”), в нём нет ничего реального и все обещания пусты. Главная проблема людей в неспособности отличить ложь от истины, захватывающая их в постоянной погоне за иллюзией. Люди хотят от мира очень малого, но даже этого не могут получить, потому что в действительности они хотят невозможного. Нужно только научиться хотеть реальных вещей, и при этом не стесняться ставить самые высокие цели, которые только можно представить, и тогда Вселенная исполнит всё.

Конечно, у большинства людей сама идея летунов, как неких невидимых “демонов-искусителей”, которые к тому же ещё и поработили наш разум, в лучшем случае может вызвать усмешку, но такая же реакция связана и вообще со всеми сведениями о магических феноменах. Максимум, с чем может согласиться средний человек – это с принципиальной возможностью магии, но и то, подразумевая, что для него она недостижима, как будто она касается какого-то другого мифического мира, других особых живущих в нём людей. Как бы там ни было, будущее должно развенчать эту иллюзию, для чего, конечно, потребуются колоссальные усилия. Каждый вставший на путь воина человек окажется раздираем внутренними противоречиями, сомнениями – исходно вовсе не в наличии или отсутствии летунов, но, прежде всего, в *собственных силах*. Однако единственная причина любых сомнений заключается именно в них, в чужеродности разума, который мы считаем безгрешным и работающим только на нас, но который в действительности заставляет нас видеть лишь негативные стороны жизни и постоянно подчиняться, якобы для борьбы с ними, бессмысленным нормам и правилам.

«– Видишь ли, у разума *летуна* нет соперников, – продолжал дон Хуан. – Когда он утверждает что-либо, то соглашается с собственным утверждением и заставляет тебя поверить, что ты сделал что-то не так. Разум *летуна* скажет, что всё, что говорит тебе Хуан Матус, – полная чепуха, затем тот же разум согласится со своим собственным утверждением: “Да, конечно, это чепуха”, – скажешь ты. Вот так они нас и побеждают».¹

На самом деле у разума летуна есть единственный соперник – это собственная *воля* человека.

«*Воля* – это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой разум говорит тебе, что ты повержен».²

¹ Ibid.

² К.Кастанеда. Отдельная реальность.

Так или иначе, насколько бы невероятной, нелепой, пугающей или даже параноидальной не казалась мысль о пожирающих нас летунах – чем ещё объяснить ту трагедию духа, которую на протяжении всей своей истории переживает человечество?

Всюду, среди всех существ и на всех уровнях осознанности мы находим подчас весьма гротескные формы симбиотического взаимодействия, являющиеся лишь следствием естественной борьбы за энергию. Человек не исключение из этого правила, а чем больше его беспочвенная уверенность в обратном, тем скорее он будет повержен.

И всё-таки человек не так слаб, как кажется. Он действительно способен раскрыть в себе невероятные магические возможности и, изначально являясь лишь затерянной где-то в океане бесконечности крохотной песчинкой, научиться путешествовать в самые отдалённые фантастические миры. Он способен трезво отнестись к летунам как к реальным тиранам, битву с которыми нам ещё предстоит выиграть – либо же проиграть окончательно.

«– *Летуны* – необходимая часть Вселенной, – продолжал [дон Хуан]. – И их нужно принимать за то, чем они действительно являются, – за внушающих ужас монстров. Но на самом деле они являются средством, с помощью которого Вселенная экзаменует нас.

– Мы – *энергетический зонд*, созданный Вселенной, – сказал он таким тоном, как если бы говорил нечто давно мне известное. – И поэтому мы владеем энергией, данной нам для того, чтобы Вселенная могла осознать самую себя. *Летуны* – это безжалостный вызов. Их нельзя принимать ни за что другое. Если мы преуспеем в этом, Вселенная позволит нам продолжать».¹

¹ *К.Кастанеда*. Активная сторона бесконечности.

Приложение. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРАКТИКИ НАГУАЛИЗМА

В этом приложении осуществляется первичная систематизация нагуализма, но прежде чем переходить непосредственно к ней стоит сделать несколько замечаний относительно характера книг Карлоса Кастанеды, где им была предпринята попытка изложить основные моменты этого учения. Прежде всего необходимо понимать, что нагуализм не имеет смысла только как *теория* и, наоборот, он неотделим от *практики* – именно поэтому Кастанеда описывает, главным образом, происходившие с ним *события*, а уже в этом событийном контексте ведутся диалоги между ним и Хуаном Матусом. Только тогда Кастанеда становится не просто свидетелем и учеником, а учёным-антропологом – кем он в обычной жизни и является – и пытается *объяснить* эти события, построить на их основе *теорию*, которую, к тому же, он хочет уложить в привычные ему когнитивные рамки. В то же время для самого Хуана Матуса желание Кастанеды всё рационализировать скорее мешающий обучению фактор, и в идеале, конечно, ему было бы удобнее получать как можно меньше вопросов. Но смирившись с подобным положением дел, он старается давать исчерпывающие пояснения, хотя и делает это в очень специфичной манере. Так, слушая Хуана Матуса необходимо исходить из основной предпосылки, что *тот далеко не всегда стремится выразить свои знания наиболее строгим образом, порой его слова бывают очень туманными и метафоричными, иногда с неясными полунамёками, иногда даже противоречивыми; многое повторяется им неоднократно, но почти каждый раз иначе, чем раньше*. То и дело Кастанеда вынужден переспрашивать и уточнять, однако даже при его огромном упорстве и настойчивости точное понимание у него самого возникает отнюдь не всегда, хотя виноват в этом, очевидно, не Хуан Матус, а шаблонность мышления и стереотипность поведения самого Кастанеды. Такое положение дел и явилось причиной, ввиду которой его книги не являются собственно результирующей систематизацией нагуализма – что на первый взгляд было бы вполне логичным (точнее говоря, в конце первой книги он действительно проводит такую систематизацию, но в дальнейшем оставляет подобные попытки). С другой стороны, сами приводимые им диалоги – уже практика, и стиль их ведения со стороны Хуана Матуса нередко имеет большую смысловую нагрузку, чем содержательная или формальная часть.

Любая систематизация (и в том числе предлагаемая в этом приложении), таким образом, есть существенное обеднение и выхолащивание нагуализма. И хотя без той или иной её формы в любом случае не обойтись, поскольку как-то понимать это учение всё же нужно, знакомство только с теоретическими формальными тезисами в любом случае не сможет заменить непосредственные наставления Хуана Матуса. Поэтому, хотя в принципе предложенную систематизацию и можно было бы полностью разотождествить с исходными текстами Кастанеды, был избран компромиссный путь: раскрытие всех понятий или практик основывается на наиболее ёмких цитатах из его книг (главным образом, это отрывки разъяснений Хуана Матуса), к которым, в свою очередь, даются необходимые связывающие и обобщающие их комментарии. Комментарии иного рода прослеживают связь нагуализма с западными философией и наукой – в случае, если это можно сделать без каких-либо сложных предварительных рассуждений. А в наиболее глубокой степени эта связь демонстрируется в основном тексте книги непосредственно в рамках теории метанауки. Приложение полностью отделено от основного её текста, поскольку нагуализм достаточно сложен сам по себе, а равно достаточно сложна сама по себе и теория метанауки, хотя сложность последней носит во многом стилистический характер. Тогда как стиль изложения нагуализма исходит из шаманской традиции – он всегда лёгкий, лаконичный и вместе с тем очень ёмкий, стиль основного текста книги вынужденно из академической западной, которой часто присущи неоправданная скрупулёзность и тяжеловесность, а с другой стороны, туманность и поверхностность. Суть теории, впрочем, у них полностью общая, и, таким образом, приложение играет роль подготовительного промежуточного звена между ними.

Для предложенной систематизации характерен ещё ряд аспектов. Во-первых, весь процесс обучения Кастанеды отражается лишь порядком рассмотрения ключевых понятий и практик. Приблизительно он соответствует тому порядку, в котором знакомился с ними он сам, и потому наиболее простые понятия и практики предшествуют наиболее сложным (хотя стоит заметить, что все они очень сильно взаимосвязаны). Во-вторых, о конечных целях нагуализма, как, например, о *видении* или *сталкинге*, говорится достаточно подробно, но к ним ведут множество специализированных приёмов, каждый из которых в отдельности осветить затруднительно. Так, например, почти ничего не сказано о практике *пристального созерцания* или о комплексе практик для настройки *сновидения* (кроме самого простого метода поиска рук во сне); бессмысленным представляется затрагивать и практики, актуальные только на поздних этапах обучения. Единственный метод, описание которого приводится очень подробно – *перепросмотр*: его уникальность связана с тем, что так или иначе он охватывает все толтекские практики вообще, поскольку серьёзное занятие *перепросмотром* автоматически ведёт к накоплению *личной силы* и вся жизнедеятельность практикующего *с необходимостью* направляется ей в нужное русло. *Перепросмотр* – это фактически ключевая практика Толтеков, ведущая, в конечном итоге, как к *сталкингу*, так и к *сновидению*. В-третьих, исключаются из рассмотрения и достаточно большое число косвенных понятий, не влияющих на понимание всего учения в целом и не важных на начальных этапах знакомства с ним. Это такие понятия как *союзник*, *место силы*, *стена тумана*, *толчок Земли* и т.п. В то же время некоторые из не вошедших в приложение понятий рассматриваются в основном тексте книги. Таким образом, в целом роль приводимой систематизации состоит в закладывании основ для понимания нагуализма в той мере, в которой для этого необходима достаточно строгая *теория*, а, с другой стороны, в которой это имеет смысл для *практики*.

Прежде чем переходить к разбору конкретных понятий стоит вкратце проследить контекст их возникновения в рамках книг Кастанеды. Всего издано двенадцать книг: первая «Учение дона Хуана» вышла в 1968 году, последняя «Магические пассы» в 1998.

Книга 1. «Учение дона Хуана: путь знания индейцев яки» (1968). В первой книге описываются главным образом опыты применения психотропных растений, проведённые Кастанедой под руководством Хуана Матуса. Ими использовались такие растения, как пейот (*Lophophora williamsi*), дурман обыкновенный (*Datura innoxia*) и один из видов грибов *Psilocybe*. Без специальных шаманских знаний, однако, эффект от них не может выйти за рамки обычных галлюцинаций, поскольку движущей силой здесь является *союзник* – хотя изначально и отождествлённый Хуаном Матусом с самими этими растениями, но в действительности, как оказалось во второй книге, являвшийся самостоятельной контролируемой им сущностью. В ходе этих опытов Кастанеда испытывает ощущение «устранения тела», и, оказавшись «без тела», – в *состоянии необычной реальности* – он «летает», «превращается» в ворону, а также перемещается в заранее выбранное место и время в прошлом и наблюдает происходившие там события. Также Хуан Матус знакомит его с концепциями *пути знания* и *пути сердца*.

Книга 2. «Отдельная реальность: дальнейшие беседы с доном Хуаном» (1971). Во второй книге Кастанеда описывает серию новых вводящих его в состояние необычной реальности экспериментов. Параллельно он узнаёт от Хуана Матуса о *контролируемой глупости*, о *видении* как альтернативе магии и о *воле*, а также получает первичные представления о *пути воина*, *смерти как советчице*, *не-делании* и *внутреннем диалоге*. Общая направленность экспериментов становится теперь более ясной: Кастанеда учится *видеть*, и в ходе обучения воспринимает комара как огромное вызывающее ужас чудовище, а воду – как сверкающий зелёный туман, состоящий из мельчайших пузырьков. В то же время он постепенно подготавливается к самостоятельному контакту с *союзником*.

В результате всех экспериментов его мировоззрение подвергается радикальной и потому весьма трудной для него перестройке, став, в конце концов, гораздо более гибким, чем до начала обучения. Как он позже признается, в ходе написания первых двух книг он относился к ним лишь как к посвящённой исследованию альтернативной системы познания научной работе. Сам он, при этом, дистанцировался от этой системы и даже от собственного полученного в её рамках уникального опыта. Однако намерение Хуана Матуса оказалось сильнее привычных щитов Кастанеды, и в конечном итоге ему пришлось сдаться и согласиться, что всё происшедшее с ним по крайней мере *могло* быть полностью реальным, нужно лишь определить *что считать реальностью*.

Книга 3. «Путешествие в Икстлан» (1972). В третьей книге Кастанеда приходит к выводу, что применение психотропных растений является совсем не единственным путём для вхождения в магический мир Хуана Матуса, и последний использовал их лишь ввиду его крайней нечувствительности. До выхода этой книги считалось, что, в сущности, учение Хуана Матуса сводится лишь к пропаганде расширяющих сознание наркотиков, теперь же становится понятно, что возможно обойтись и без них; более того, позже Кастанеда высказывался против их применения, поскольку они негативно влияют на организм и, что наиболее важно, дают ученику заведомо порочную установку для практики. В таком свете Кастанеда раскрывает многие новые практики, которые Хуан Матус объяснял ему буквально с начала ученичества, но которым тогда он не придал большого значения, хотя в действительности они были основополагающими. Все эти практики ориентированы на полное изменение привычного уклада жизни и подчинение её принципам *пути воина*, что является необходимым условием для сознательной *остановки мира* (или *внутреннего диалога*) и для *видения*. В предыдущей книге он уже кратко останавливался на них, однако здесь они раскрываются намного более подробно и, кроме того, сразу же описываются ситуации, где они так или иначе им применяются. Прежде всего речь идёт о практиках *стирания личной истории*, отказа от *чувств собственной важности* и *жалости к себе*, *разрушению распорядков* и др. О роли *принятия ответственности за свои поступки* подробно говорится в основном тексте книги. Также Хуан Матус даёт предварительные наставления о *силе*, *не-делании*, *сталкинге*¹ и *сновидении*, и обучает практике *созерцания* (позже называемой практикой *пристального созерцания*). Кастанеда посещает *место силы*, где *сновидит* необычный магический мир. И, наконец, в 1971 году Хуан Матус и его компаньон индеец племени масатеков Хенаро Флорес (“дон Хенаро”) разрушают *описание мира* Кастанеды, и тот сначала оказывается в мире магов, где, как ему кажется, “разговаривает” с койотом, а затем небольшой промежуток времени он *видит*.

Книга 4. «Сказки о силе» (1974). Четвёртая книга посвящена описанию заключительного периода обучения, после которого Хуан Матус и Хенаро Флорес *ушли* из нашего мира, прыгнув вместе с Кастанедой и ещё одним своим учеником в пропасть с утёса. Перед этим они продолжают учить Кастанеду *видению*, о котором теперь говорится в рамках новой концепции *тоналя* и *нагуаля*. Основные их усилия направляются на то, чтобы соединить его *тональ* с *нагуалем* или привести его к *целостности самого себя*, открыть его *пузырь восприятия*. Ещё одним феноменом, с которым знакомится Кастанеда, является *дубль* или *тело сновидения* (позже называемое *энергетическим телом*). А незадолго до конца обучения Хуан Матус даёт ему “магическое объяснение”, раскрывая смысл всех предпринятых им в процессе обучения шагов. Необходимость “магического объяснения” связана с тем, что многие его действия, как учителя, содержали уловки, требовавшиеся для того, чтобы заинтересовать Кастанеду и побудить его к практике помимо его собственного прямого желания. Например, в самом начале обучения его привело к Хуану Матусу стремление больше узнать о психотропных растениях, но тогда он даже близко не представлял, каким окажется конечный результат их употребления.

Книга 5. «Второе кольцо силы» (1977). Пятая книга принципиально отличается от всех предыдущих, поскольку описывает период, когда Кастанеда фактически закончил своё ученичество. Спустя два года после прыжка в пропасть он возвращается в Мексику, чтобы лучше осмыслить происшедшее там, и немедленно оказывается захвачен серией драматических и смертельно опасных для него событий, случившихся после его знакомства с другими учениками Хуана Матуса и Хенаро Флореса. Позже Кастанеда понимает, что все эти события было заранее спланированы ими и направлялись не против его *жизни*, а лишь против его *рациональности*. И в конечном счёте он узнаёт, что является *Нагуалем* – лидером новой *магической партии* (другое название, применяемое в поздних книгах – *магическая когорта*), каким ранее был сам Хуан Матус, и сталкивается с рядом трудностей, пытаясь руководить ей. Теперь вся ответственность ложится только на него и лишь один из членов *когорты* – Мария Елена по прозвищу Ла Горда (с исп. “la Gorda” – “Толстуха”) – способна оказать ему реальную поддержку. В частности, Ла Горда проясняет некоторые моменты нагуализма, о которых Хуан Матус не рассказывал ему достаточно подробно, либо которые он не мог вспомнить. Например, она даёт дополнительные сведения о практике *пристального созерцания*, и о *сталкинге* и *сновидении* как искусствах. Кроме того, она знакомит его с рядом новых понятий – *человеческая*

¹ Транскрипция англ. *stalking* – охота, выслеживание. В “Путешествии в Икстлан” “София” переводит это слово, как “охота”, а в следующих книгах, когда оно используется в более широком смысле, как “выслеживание” и буквально “сталкинг”. В настоящей книге эти два варианта перевода употребляются в качестве равнозначных.

*форма, человеческий шаблон*¹ и *острие духа*. А также уточняет понятия *тоналя* и *нагуаля* – последний теперь соотносится со *вторым вниманием*.

Книга 6. «Дар Орла» (1981). В шестой книге Кастанеда продолжает ставшее к этому времени автобиографическим повествование и параллельно пытается лучше систематизировать открывающиеся ему новые знания. От других членов когорты он узнаёт о древних магах и об их склонности фиксировать своё *второе внимание* на различных предметах – *предметах силы*: некоторые из таковых дошли до наших дней и при неосторожном обращении могут быть очень опасными. Наряду с этим формируется общее представление о *вниманиях*: о *первом* – обыденном, *втором* – характеризующимся повышенным уровнем осознанности², и *третьем внимании* – невыразимом состоянии, достижение которого является конечной целью жизни Толтеков. Кастанеда пытается продолжать руководство *когортой*, но узнаёт из *сновидения*, что он не является *Нагуалем* именно для неё и лишь временно был связан с её членами, чтобы помочь им в разрешении некоторых личных трудностей.

После фактического распада *когорты* он остаётся с Ла Гордой и, потеряв *человеческую форму*, занимается с ней совместным *сновидением*, теория которого теперь уточняется ими, а практика существенно совершенствуется. Кастанеда открывает для себя удивительный факт: выясняется, что ещё до своего ухода Хуан Матус неоднократно переводил его в состояние повышенной осознанности, где происходило множество событий, о которых в своём обычном состоянии он и не подозревал. Такова природа *второго внимания*: полученный в нём опыт крайне трудно *вспоминается* из состояния обыденной осознанности, но всякое обучение оно делает в высшей степени плодотворным. Только теперь в *сновидении* Кастанеда вновь открывает весь этот опыт – опыт “другого я” или “левой стороны”, – происходивший с ним настолько быстро или “интенсивно”, в настолько краткие промежутки обычного времени, что факт непрерывности собственной жизни и не мог подлежать для него сомнению.

В *сновидении* Кастанеда вспоминает открытое ему Хуаном Матусом *правило Нагуаля*, ёмко описывающее вообще всю деятельность членов *магических когорт*, а также свои встречи с воинами когорты Хуана Матуса – *сновидящими* и *сталкерами*. Вспоминает рассказы Хуана Матуса о его бенефакторе Хулиане Осорио, *Нагуале* предшествовавшей когорты, и о проблемах, с которыми все они сталкивались, воплощая *правило* в жизнь. Главной такой проблемой для Хуана Матуса оказалось фактическое нарушение обычно применяемого *правила* в случае с Кастанедой, поскольку тот был трёхзубчатым *Нагуалем*, о чём Хуан Матус сначала не знал, и что впоследствии коренным образом изменило задачу Кастанеды. В «Даре Орла» она не раскрывается и говорится лишь, что рано или поздно Кастанеда должен *вспомнить* её самостоятельно. Как становится известно в дальнейшем, эта задача – раскрытие и распространение идей нагуализма, о чём в своих интервью рассказывал он и члены его *когорты*, и на что наиболее определённо указывается в книге Армандо Торреса «Послание Карлоса Кастанеды. Встречи с Нагуалем».

«Дар Орла» также содержит воспоминания Кастанеды о его обучении тонкостям *сновидения* у женщины-сновидящей Зулейки, под руководством которой он посещал далёкие миры, и о встречах с женщиной-сталкером Флориндой, рассказавшей ему о *сталкинге* и *перепросмотре*. Наконец, Кастанеда вспоминает часть происходившего перед прыжком в пропасть, когда Хуан Матус и другие члены его когорты ушли в *третье внимание*, и раскрывает смысл этого прыжка в отношении самого себя.

Книга 7. «Огонь изнутри» (1984). В седьмой книге Кастанеда рассказывает о том, как во *втором внимании* Хуан Матус обучал его *искусству осознанности*. И, как обычно, наряду с передаваемыми ему теоретическими сведениями, она содержит непосредственный опыт, в ходе которого он самостоятельно мог убедиться в их истинности. Теперь Хуан Матус сообщает о *древних видящих-Толтеках*, выбравших изначально ложный тупиковый путь магического развития, и вместо того, чтобы сосредоточиться на достижении *абсолютной свободы (третьего внимания)*, очарованных своим могуществом и использовавших его в корыстных целях – таких, как манипулирование людьми и существами, принадлежащими другим мирам. В конечном итоге это сделало их слабыми и очень уязвимыми, и привело к почти полному истреблению пришедшими с

¹ Англ. human mold. В «Огне изнутри» «София» даёт перевод *человеческая матрица*.

² В тексте своих книг Кастанеда употребляет английское слово “awareness”, обычно переводимое, как “осведомлённость”. Издательство “София” в первых десяти книгах переводит его, как “осознание”. Такой перевод возможен, но всё же более корректный перевод, как представляется автору, – “осознанность”.

других земель завоевателями. *Новые видящие*, являясь потомками выживших *древних*, переосмыслили их опыт и научились правильно использовать *видение*, разработав с этой целью концепцию *пути воина*. В частности, *новые видящие* сделали открытие, согласно которому способность эффективно противостоять самым неприятным, злобным и коварным людям этого мира – *мелким тиранам* – априорно необходима для сохранения достаточной трезвости во *втором внимании*, – но не наоборот.

Кроме того, в седьмой книге Хуан Матус даёт концепцию *эманаций Орла* – из которых, согласно *видению* Толтеков, состоит всё во Вселенной, – и в терминах *эманаций* рассказывает о *вниманиях*, *огне изнутри* и о том, как выглядит для *видящего* человеческий *разум*, и каковы некоторые аспекты отношения к нему шаманов; наряду с этим даются понятия *известного*, *неведомого* и *непостижимого*. Кастанеда узнаёт, что помимо органических существ на Земле обитают и другие – *неорганические*, функционирующие на иных принципах, чем репродукция и метаболизм (ранее о некоторых из них Хуан Матус говорил как о *союзниках* – ввиду их способности приносить *видящему* определённую пользу). Обычно столкновения *неорганических существ* с людьми происходят очень редко, поскольку те принадлежат другому уровню нашего мира, но в ходе специального предпринятого Хуаном Матусом эксперимента Кастанеда становится свидетелем одного из них. Новые понятия, освещённые Хуаном Матусом в терминах *эманаций* – *точка сборки*, захватывающая их и собирающая на их основе мир, и *человеческая полоса*, эманации которой, будучи собранными, производят мир, привычный людям. Кастанеда узнаёт о различных вариантах движения *точки сборки* (и даже на практике знакомится со “сдвигом вниз”) и о трёх методах управления ей – *сталкинге*, *сновидении* и *намерении* (о *сталкинге* Хуан Матус рассказывает на примере Нагуаля Хулиана Осорио, чьё мастерство в этом искусстве было несравненным).

Наконец, Хуан Матус сообщает, что Земля сама является живым существом, и при достаточно высоком уровне *личной силы видящий* может воспользоваться *толчком Земли*, чтобы собрать один из доступных на ней миров, то есть либо оказаться там в *сновидении*, либо перейти туда целиком, проснувшись в *позиции сновидения*. Именно это, как теперь выясняется, и осуществил Кастанеда, прыгнув в пропасть, когда уходили Хуан Матус и воины его *когорты*. Хотя он находился, совершая этот прыжок, в *первом внимании*, угроза жизни мобилизовала все его внутренние силы, и он сдвинул *точку сборки* прежде, чем достиг дна. В свои последние встречи с Хуаном Матусом Кастанеда узнал о *накатывающей силе*, дающей и забирающей жизнь, и о том, что древние маги научились ей пользоваться и продлевать свои жизни почти бесконечно – подобно тому, как это делают *неорганические существа*. Ещё один опыт, описанный в седьмой книге, касается *видения человеческой матрицы*.

Книга 8. «Сила безмолвия» (1987). Восьмая книга посвящена *искусствам сталкинга* и владения *намерением* – двум основным способам управления *точкой сборки* (кроме *сновидения*), которым Хуаном Матус учил Карлоса Кастанеду в состоянии повышенной осознанности. Относящиеся к ним сведения существенно отличаются по форме изложения от учения для “правой стороны”, а также от приведённого в предыдущей книге *искусства осознанности*, и суть отличия состоит в том, что о них затруднительно говорить напрямую, ограничиваясь лишь теорией. Последняя, безусловно, присутствует, однако большую часть «Силы безмолвия» составляют *магические истории*, рассказывающие о происходивших с воинами прошлых поколений линии Хуана Матуса событиях, главным действующим лицом которых был *дух* (особенно с Нагуалями – самим Хуаном Матусом и его предшественниками Хулианом Осорио и Элиасом Уллоа). Подобные истории всегда однажды случаются с *безупречным* воином, причём строятся они всегда в согласии с одними и теми же принципами – иначе говоря, содержат одни и те же “абстрактные ядра” (всего насчитывается три серии по шесть *магических историй*, но Кастанеда приводит только первую такую серию). И хотя до того, как *магические истории* произойдут с ним непосредственно, нет никакой возможности донести до ученика сущность “абстрактных ядер”, иметь о них предварительное умственное представление всё же не помешает. Согласно Хуану Матусу, знакомство с тем, как *дух* проявлял себя в отношении магов прошлого, есть лучший способ самому подготовиться к грядущей встрече с ним. Например, “абстрактное ядро” первой *магической истории* заключается в том, что *Нагуаль* всегда находит преемника в предсмертном состоянии, и, чтобы спасти его, повышает его уровень осознанности. Что касается теории, то вся она описывает различные важные положения, которые может занимать *точка сборки*. Именно, речь идёт о *месте без жалости*, *месте разума*, *месте озабоченности* и так называемой *третьей точке* – *месте безмолвного знания*. В этом приложении

даётся представление только о *месте безмолвного знания* и *месте без жалости*, а пояснения на счёт остальных приводятся в более подходящем для этого месте основного текста книги.

Книга 9. «Искусство сновидения» (1993). Среди всех книг Карлоса Кастанеды особо выделяется девятая, уникальность которой определяется сразу несколькими сопряжёнными факторами.

Прежде всего, это наиболее популярная его книга, что обусловлено рядом причин. Во-первых, в ней помимо обычных порой достаточно туманных и сложных объяснений на первый план выдвигаются почти фантастические захватывающие путешествия в иные миры. Как утверждает Кастанеда – это миры, существующие в действительности и достижимые каждым в ходе выполнения определённых шагов по преодолению *врат сновидения*. Во-вторых, о цене подобных достижений, а точнее об особо акцентированных в предыдущих книгах колоссальных трудностях *пути воина*, говорится сравнительно мало (хотя о смертельных угрозах *сновидения* всё же неоднократно упоминается), что может внушить дополнительную неоправданную уверенность, будто их сравнительно легко воплотить. И, в-третьих, в книге достаточно просто и сжато изложена вся ранее представленная теория нагуализма, поэтому читать её можно без подготовки, что также служит увеличивающим популярность фактором. В результате, при трезвом взгляде приходится констатировать, что для человека неискущённого «Искусство сновидения» или не более чем хорошее фантастическое произведение, или, по меньшей мере, неоправданно облегчённое описание пути к почти недостижимым на практике, но поданным в порядке вещей феноменам. Такой взгляд подтверждается и ажиотажем, возникшим вокруг темы сновидений после её выхода, но реально вылившимся лишь в большое число профанирующих интерпретаций, в конечном счёте сводимых к тому, что магическое *сновидение* – не более чем так называемые “осознанное сновидение” или “ясное сновидение”, о которых уже писали ранее некоторые западные авторы (сам Кастанеда эту точку зрения вполне определённо отвергал).

Но зачем Кастанеда подал тему *сновидения* именно в подобной форме, кардинально отличающей «Искусство сновидения» от книг, вышедших раньше? Ответ, хотя и в завуалированном виде, даётся в книге им самим: «Искусство сновидения» была написана в *благодарность* Хуану Матусу. На первый взгляд заявление более чем странное, ведь в мире магов нет места благодарности, а, кроме того, что и кому эта благодарность может принести в подобной форме? Ситуация проясняется в ряде интервью, дававшихся Кастанедой и членами его когорты прессе, а позже в книге Армандо Торреса. Как уже говорилось, миссия Кастанеды как Нагуаля в силу его особой энергетической конфигурации заключалась не в том, чтобы продолжить линию Хуана Матуса, а в том, чтобы закрыть её и распространить его учение, тем самым заложив основу для новых линий. Именно это *намерение* и стало определяющим: чем более популярный вид примет книга, тем более широко это учение будет распространено, даже несмотря на неизбежное зло в виде профанаций. И здесь для каждого, кто нашёл в ней нечто большее, чем просто фантастическую повесть, или, говоря иначе, чьё *энергетическое тело откликнулось* на неё в достаточной степени, открывается две возможности. Первая – собственно начинать осваивать *искусство сновидения*, к чему, в согласии с учением Толтеков, можно приступать без всякой прочей подготовки. А вторая – и главная – серьёзно и последовательно изучать весь пласт нагуализма в теории и на практике, начиная с самых ранних книг, и *безупречно* следовать пути, намеченном и уже пройденном самим Карлосом Кастанедой. Тогда – и только тогда – *искусство сновидения* непременно станет *реальным* этапом этого пути.

Книга 10. «Активная сторона бесконечности» (1997). Десятая книга – наиболее “странная” книга Карлоса Кастанеды – это коллекция (или альбом) памятных событий, имевших в его жизни особый смысл. Когда-то Хуан Матус попросил его вспоминать все такие события (в ходе *перепросмотра*), и вот теперь Кастанеда публикует на их основе книгу. Фактически это главные – можно сказать, экзистенциальные – эпизоды, самым серьёзным образом повлиявшие на его жизнь и, в сущности, сформировавшие его личность. Однако, как объясняет Хуан Матус, исходно такие события всегда носят *внеличностный* характер, поскольку любой человек оказывается втянутым в них *против* собственной воли, и не осознаёт их огромный подавляющий потенциал (напротив, события личного плана, которые в силу каких-либо чаще всего формальных причин человек склонен считать для себя важными, обычно большого экзистенциального значения не представляют). Вспоминая их и пересказывая Хуану Матусу, Кастанеда приходит к выводу, что он, как и все люди, в некотором смысле разделён на две части: одна – поверхностная, мелочная, живущая за счёт нелепых надуманных проблем, другая – глубокая, за которой скрывается истинная *безмолвная* сущность

человека, как правило, почти не осознающаяся. И после, когда он формулирует “вопрос вопросов” – “почему так?” – Хуан Матус раскрывает самую обескураживающую и зловещую тайну о человечестве.

Книга 11. «Колесо времени» (1998). Одиннадцатая книга содержит избранные изречения из первых восьми, а также комментарии к ним Кастанеды, в которых он вспоминает и ещё раз переосмысливает свои чувства по отношению к этим книгам – “повернувшем” *колесо времени* его и множества его читателей. Изначально он планировал выделить из них основные мысли и концепции, однако в ходе работы, как он пишет, “осознал, что сами эти высказывания насыщены невероятной Силой”, и, будучи таковыми, лучше любых общих теоретических рассуждений выявляют и передают *несгибаемое намерение* шаманов Древней Мексики. Поэтому «Колесо времени» нельзя читать в надежде подменить чтение предыдущих книг, или используя его в качестве справочника. Единственное предназначение этой книги – укрепление у читающего её *связи с намерением*, дополнительная поддержка мотивации к реальной практике.

Книга 12. «Магические пассы: практическая мудрость шаманов Древней Мексики» (1998). Наконец, есть ещё одна заключительная книга Карлоса Кастанеды, стоящая несколько особняком от других. В неё содержатся описания серий так называемых *магических пассов* – особых движений, используемых магами для *перераспределения энергии*, что позволяет им всегда находиться в отличной физической форме, иметь устойчивую психику, а главное – следующее из этих двух условий с необходимостью – успешно развивать своё *энергетическое тело*. Обычно каждый маг использовал только пассы, специально подобранные для него наставниками, но Кастанеда, желая сделать их общедоступными, столкнулся с необходимостью унификации, которую в результате и осуществил. Для названия полученной системы был выбран термин, заимствованный из архитектуры – *Тенсёгрити*: означающий “способность каркасных конструкций использовать взаимодействие работающих на сжатие цельных элементов с работающими на растяжение составными элементами для того, чтобы каждый элемент действовал с максимальной эффективностью и экономичностью”. Система *Тенсёгрити* не содержит чётких однозначных инструкций, следуя которым можно непременно добиться успеха, однако это та основа, опираясь на которую и регулярно практикуя, каждый сможет найти для себя конкретные пассы и оптимальные последовательности их выполнения. Единственное, что для этого требуется – *несгибаемое намерение*¹.

В то же время резонно заметить, что не только *Тенсёгрити* можно использовать для оздоровления и развития. Аналогичной цели служат и восточные оздоровительные методики – такие как индийская *йога* и даосский *цигун*, а также восточные боевые искусства (на пользу последних указывал сам Хуан Матус). Их изучение и практика могут стать хорошим трамплином к *Тенсёгрити*, ведь, во-первых, они опираются на те же принципы перераспределения энергии, а с другой стороны – содержат некоторые моменты, прямая проработка которых в *Тенсёгрити* отсутствует. Ситуация с восточными методиками, впрочем, осложняется тем, что несмотря на определённую моду на них или может быть даже в связи с этой модой найти действительно знающего учителя весьма сложно, а самостоятельная практика может нанести вред, либо выродиться в бессмысленную и бесполезную рутину. В этом смысле *Тенсёгрити*, безусловно, выигрывает, поскольку распространяется напрямую из первоисточника, из живой непосредственно породившей эту систему традиции. И в любом случае *Тенсёгрити* и нагуализм в целом являются полностью самостоятельными теоретическими системами, содержащими для достижения обозначенных в них целей всё необходимое.

Кроме всех перечисленных книг Кастанеды и упоминавшейся книги Армандо Торреса, библиография нагуализма будет неполной, если не указать на ещё четыре вводящие в мир шаманов книги, принадлежащие двум женщинам-воинам *магической когорты* Кастанеды (всего она ввиду его особой энергетической конфигурации состояла только из четырёх человек: из его самого, женщины-Нагуаль Кэрл Тиггс и ещё двух женщин-воинов – *сталкера* и *сновидящей*). Это, прежде всего, книга «Магический переход: путь женщины-воина» (1992), принадлежащая *сталкеру* Тайше Абельяр – в ней можно найти некоторые не обозначенные Кастанедой нюансы практик (главным образом *перепросмотра*). И три книги *сновидящей* Флоринды Доннер-Грау – «Шабано» (1982), «Сон ведьмы» (1985) и «Жизнь-в-сновидении» (1991). Последняя посвящена событиям, непосредственно связанным с Хуаном Матусом и всеми, кто его окружал, включая Карлоса Кастанеду. Что вполне логично, особенно полезно прочитать эти книги женщинам, поскольку в них содержатся некоторые

¹ На сегодняшний день главным пропагандистом магических пассов является основанная Кастанедой компания “Клиргрин”, проводящая семинары, а также выпускающая книги и обучающее видео.

актуальные только для женщин аспекты нагуализма, а также важные замечания о реалиях и по сей день незыблемого угнетённого положения женщин в патриархальном мире.

ПОНЯТИЯ И ПРАКТИКИ УЧЕНИЯ ДЛЯ “ПРАВОЙ СТОРОНЫ”

Человек знания (также путь знания)

Всё объяснение локализовано в одном фрагменте, и будучи первым объяснением, напрямую относящимся к теории нагуализма, оно также является его наиболее приблизительной схематизацией в целом:

«В беседах дон Хуан периодически использовал выражение «человек знания», но ни разу не объяснил, что это значит. Я попросил его объяснить.

– Человек знания – это тот, кто добросовестно и с верой переносит лишения и тяготы обучения, – сказал он. – Тот, кто без спешки, но и без промедления отправился в полный опасностей путь, чтобы разгадать, насколько это ему удастся, тайны знания и *силы*.

– Может ли быть *человеком знания* каждый?

– Нет, далеко не каждый.

– Что же тогда для этого нужно?

– Человек должен бросить вызов своим четырём извечным врагам и сразить их.

– И после победы над ними он будет *человеком знания*?

– Да, человек имеет право назвать себя *человеком знания* лишь если победит всех четырёх.

– Тогда может ли любой, кто победит этих врагов, быть *человеком знания*?

– Любой, кто победит их, становится *человеком знания*.

– Но существуют ли какие-то особые требования, которым должен соответствовать человек прежде, чем начать битву со своими врагами?

– Нет. Стать *человеком знания* может пытаться любой, хотя очень немногие преуспевают в этом; но это естественно. Враги, которых встречает человек на пути к знанию, – в самом деле грозные враги. Большинство людей перед ними отступают и сдаются. <...>

– Когда человек начинает учиться, он никогда не имеет чёткого представления о препятствиях. Его цель расплывчата и иллюзорна; его устремлённость неустойчива. Он ожидает вознаграждения, которого никогда не получит, потому что ещё не подозревает о предстоящих испытаниях.

Постепенно он начинает учиться – сначала понемногу, затем всё успешней. И вскоре он приходит в смятение. То, что он узнает, никогда не совпадает с тем, что он себе рисовал, и его охватывает страх. Учение оказывается всегда не тем, что от него ожидают. Каждый шаг – это новая задача, и страх, который человек испытывает, растёт безжалостно и неуклонно. Его цель оказывается полем битвы.

И таким образом перед ним появляется его **первый извечный враг: Страх!** Ужасный враг, коварный и неумолимый. Он таится за каждым поворотом, подкрадываясь и выжидая. И если человек, дрогнув перед его лицом, обратится в бегство, его враг положит конец его поискам.

– Что же с этим человеком происходит?

– Ничего особенного, кроме разве того, что он никогда не научится. Он никогда не станет *человеком знания*. Он может стать пустомелей или безвредным напуганным человечком: но во всяком случае он будет побеждённым. Первый враг поставил его на место.

– А что нужно делать, чтобы одолеть страх?

– Ответ очень прост: **не убегать**. Человек должен победить свой страх и вопреки ему сделать следующий шаг в обучении, и ещё шаг, и ещё. Он должен быть полностью устрешённым, и, однако, не должен останавливаться. Таков *закон*. И наступит день, когда его первый враг отступит. Человек почувствует уверенность в себе. Его устремлённость окрепнет. Обучение больше не будет пугающей задачей. Когда придёт этот счастливый день, человек может сказать не колеблясь, что победил своего первого извечного врага.

– Это происходит сразу или постепенно?

– Постепенно, и всё же страх исчезает внезапно и тотчас.

– А может человек вновь испытать его, если с ним случится что-нибудь непредвиденное?

– Нет. Тот, кто однажды преодолел страх, свободен от него до конца своих дней, потому что вместо страха **приходит ясность, которая рассеивает страх**. К этому времени человек знает все свои желания и знает, что с ними делать; он может открывать для себя или предпринимать новые шаги в обучении, и всё пронизывает острая ясность. Человек чувствует, что для него не существует тайн.

И так он встречает второго врага: Ясность! Эта ясность, столь труднодостижимая, рассеивает страх, но она же и ослепляет.

Она заставляет человека никогда не сомневаться в себе. Она даёт уверенность, что он ясно видит всё насквозь. Да он и мужествен благодаря ясности и не остановится ни перед чем. Но всё это – заблуждение: здесь что-то не то... Если человек поддастся своему мнимому могуществу, значит, он побеждён вторым врагом и будет в обучении топтаться на месте. Он будет бросаться вперёд, когда надо выжидать, или он будет выжидать, когда нельзя медлить. И так он будет топтаться, пока не выдохнется и потеряет способность ещё чему-либо научиться.

– Что случается с ним после такого поражения? Он что, в результате умрёт?

– Нет, не умрёт. Просто второй враг перекрыл ему путь; и вместо *человека знания* он может стать весёлым и отважным воином или, скажем, скоморохом. Однако ясность, за которую он так дорого заплатил, никогда не сменится вновь тьмой и страхом. Всё будет навсегда для него ясным, только он никогда больше ничему не научится и ни к чему не будет стремиться.

– Что же ему делать, чтобы избежать поражения?

– То же, что со страхом: победить ясность и пользоваться ею лишь для того, чтобы видеть, и терпеливо ждать, и перед каждым новым шагом тщательно всё взвешивать; а прежде всего – знать, что его ясность в сущности иллюзорна. И однажды он увидит, что ясность была лишь точкой перед глазами¹. Только так он сможет одолеть своего второго извечного врага и достичь такого положения, в котором ему уже ничего не сможет повредить. И это не будет заблуждением, всего лишь точкой перед глазами. Это будет подлинная *сила*.

На этом этапе ему станет ясно, что сила, за которой он так долго гонялся, наконец принадлежит ему. Он может делать с нею всё что захочет. Его *союзник* в его распоряжении. Его желание – закон. Он видит насквозь всё вокруг. Это и значит, что перед ним **третий враг: Сила!**

Это – самый грозный враг. И конечно, легче всего – просто сдаться: ведь в конце концов ее обладатель действительно непобедим. Он хозяин, который вначале идёт на обдуманнный риск, а кончает тем, что устанавливает закон, потому что он – хозяин.

Здесь человек редко замечает третьего врага, который уже навис над ним. И он не подозревает, что битва уже проиграна. Он превращён своим врагом в жестокого, капризного человека.

– Он потеряет свою силу?

– Нет; ни ясности, ни силы он не потеряет никогда.

– Чем же он тогда будет отличаться от *человека знания*?

– Человек, побеждённый собственной силой, умирает, так и не узнав в действительности, что с нею делать. *Сила* – лишь бремя в его судьбе. Такой человек не властен над самим собой и не может сказать, когда и как использовать свою силу.

– Является ли поражение от какого-нибудь из этих врагов окончательным?

– Разумеется. Раз уж человек однажды побеждён, он ничего не может поделать.

– А может ли, например, тот, кто побеждён силой, увидеть свою ошибку и её исправить?

– Нет. Если человек сдался, с ним покончено.

– Но что если он лишь временно был ослеплён силой, а тут от неё откажется?

– Ну, значит не всё потеряно; значит он всё ещё пытается стать человеком знания. Человек побеждён лишь тогда, когда он оставил всякие попытки и отрёкся от самого себя.

– Но в таком случае получается, что человек может отречься от себя и испытывать страх целые годы, но в конце концов победит его.

– Нет, это не так. Если он поддастся страху, то никогда его не победит, потому что будет избегать учения и никогда не отважится на новую попытку. Но **если в течение многих лет он даже в центре своего страха не оставит попыток учиться, тогда он рано или поздно победит страх**, потому что фактически никогда ему не поддавался.

– Как победить третьего врага, дон Хуан?

¹ (англ.) “Point before his eyes”: здесь – в значении “гипнотизирующий ориентир”.

– Попросту победить, во что бы то ни стало. Человек должен прийти к пониманию того, что *сила*, которую он якобы покорил, в действительности ему не принадлежит и принадлежать никогда не может. Он должен утвердиться в неизменном самообладании, трезво и бескорыстно пользуясь всем, что узнал. Если он способен увидеть, что без самообладания ясность и сила хуже иллюзии, он достигнет такой точки, где всё будет в его подчинении. Тогда он узнает, когда и как использовать свою силу. Это и будет означать, что он победил третьего врага и пришёл к концу своего странствия в обучении.

И вот тут без всякого предупреждения его настигает последний враг: Старость! Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть своё поражение.

Это пора, когда человек избавился от страхов, от безудержной и ненасытной ясности, пора, когда вся его сила в его распоряжении, но и пора, когда им овладевает неодолимое желание отдохнуть, лечь, забыться. Если он даст ему волю, если он убаюкает себя усталостью, то упустит свою последнюю схватку, и подкравшийся враг сразит его, превратив в старое ничтожное существо. Желание отступить затмит его ясность, перечеркнет всю его силу и всё его знание.

Но если человек стряхнёт усталость и проживёт свою судьбу до конца, тогда его в самом деле можно назвать человеком знания, пусть ненадолго, пусть лишь на тот краткий миг, когда ему удастся отогнать последнего и непобедимого врага. Одного лишь этого мгновения ясности, силы и знания уже достаточно». (Книга 1)

Несмотря на характерную для Хуана Матуса образность (когда неодушевлённые “объективные препятствия”, как об этом сказал бы современный человек, называются одушевлёнными “врагами”), всё, что касается указанных им четырёх препятствий на пути *человека знания*, действительно имеет место в жизни людей, однако почти все ныне живущие пасуют уже перед первым из них – *страхом учиться*. Не имея достаточной ясности мысли по поводу процессов, происходящих в жизни вообще и в их собственных жизнях, не желая даже пытаться что-то в них менять, они *боятся* это делать, боятся *учиться* чему-то новому, боятся *узнавать*. Гораздо меньше людей обладают *ясностью мысли*, но полагают её всеобъемлющей, что, само собой, не является правдой, а потому ясность сильно ограничивает любые их устремления. Среди таких особо выделяются политики и философы-идеологи, обычно точно знающие “как должно быть на самом деле”, хотя для каждого из них это знание своё, каждый из них *априори* отвергает правоту другого, и *ни один из них не может ничего изменить*. Совсем немного людей обладают хотя бы небольшой долей реальной *силы*, проявляющейся в *творчестве* – это учёные и деятели искусств, и это также многие “Туру” и “великие лидеры”, так пекущиеся о человечестве. Но только единицы, к которым относятся и Толтеки, не злоупотребляют этой силой, а принимают её с достаточным уважением и смирением. Это позволяет им предельно развить все свои способности, однако тоже ещё не даёт абсолютной гарантии становления истинными *людьми знания*. Последнее и самое серьёзное препятствие – *старость*: огромная пресыщенность жизнью и одновременно огромная усталость от неё. Чувство, что борьбе не будет конца, и она никогда не увенчается окончательным успехом, преодолеть которое можно лишь отважившись бороться, не ожидая больше вообще никаких внешних наград.

Путь сердца

Путь сердца – это такой жизненный путь человека, который тому нравится проходить, и на котором возможны самые удивительные достижения, хотя он включает и постоянный крайне напряжённый труд. Предпосылка учения Толтеков состоит в том, что каждый человек может найти для себя такой путь, хотя обычно сделать это бывает в наивысшей степени трудно.

«...ты всегда должен помнить, что путь – это только путь; если ты чувствуешь, что он не по тебе, то должен оставить его любой ценой. Чтобы обладать такой ясностью, ты должен вести дисциплинированную жизнь. Только при этом условии ты будешь знать, что любой путь – это всего лишь путь, и ничто не мешает ни тебе самому, ни кому угодно оставить его, если это велит тебе твоё сердце. Но предупреждаю: твоё решение должно быть свободно от страха или честолюбия. Смотри на любой путь прямо и без колебаний. Испытай его столько раз, сколько найдёшь нужным. Затем задай себе, и только себе самому, один вопрос. Этот вопрос задают лишь очень старые люди. Мой бенефактор задал мне его однажды, когда я был молод, но понять его мне тогда помешала слишком горячая кровь. Теперь я его понимаю. Я задам этот вопрос тебе: имеет ли твой путь сердце? Все пути одинаковы: они ведут никуда. Они ведут через кусты или в кусты. Я

могу сказать, что в своей жизни прошёл длинные-длинные пути, но я не нахожусь нигде. Таков смысл вопроса, который задал мой бенефактор.

Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь: если нет, то от него никакого толку. *Оба пути ведут никуда, но у одного есть сердце, а у другого – нет.* Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствовать, ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь даёт тебе силы, другой – уничтожает тебя». (Книга 1)

В следующем диалоге Хуан Матус спрашивает Кастанеду зачем тот хочет учиться (тогда ещё знанию о психотропных растениях) и приходит к выводу, что на самом деле он не знает своего *пути сердца*:

- «– Ты научишь меня тому, что знаешь о пейоте, дон Хуан?
- Почему ты этого хочешь?
- Просто хотелось бы узнать об этом побольше. Разве сама по себе тяга к познанию – не недостаточная причина?
- Нет! Ты должен спросить в самом своём сердце, чего ради тебе, зелёному юнцу, вздумалось связываться со столь серьёзными вещами.
- А сам ты чего ради этому учился?
- Ты почему об этом спрашиваешь?
- А может, у меня такая же причина.
- Сомневаюсь! Я – индеец. У нас разные пути.
- Если серьёзно, моя причина – просто сильное желание этому учиться, просто я хочу знать, чтобы знать. Но у меня нет плохих намерений, честное слово.
- Верю. Я *курул* тебя.
- Что?..
- Неважно. Мне известны твои намерения.
- Ты что, хочешь сказать, что видел меня насквозь?
- Назови как угодно.
- Так, может, ты все-таки будешь меня учить?
- Нет!
- Потому что я не индеец?
- Нет. Потому что ты не знаешь своего сердца. Что по-настоящему важно – это чтобы ты точно знал, почему тебе так позарез этого хочется. Учение о *Мескалито* – вещь крайне серьёзная. Будь ты индейцем – одного твоего желания в самом деле было бы достаточно. Но лишь у очень немногих индейцев может появиться такое желание». (Книга 1)

Каждый человек может выяснить, находится ли он на пути сердца или нет. Стоит только *максимально честно* ответить самому себе на вопрос: счастлива ли его жизнь сейчас и благополучным ли видится будущее? Имеет ли избранный путь будущее вообще, ожидает ли нём что-то действительно новое? Если да, то он, по крайней мере, близок к пути сердца; если нет – следует приложить максимум усилий, чтобы отыскать его.

- «– А как узнать, дон Хуан, что этот путь не имеет сердца?
- Прежде чем ты решишься на этот путь, спроси себя: имеет ли он сердце? Если ответ будет – нет, значит так оно и есть, и нужно искать другой путь.
- Но как я смогу наверняка узнать, имеет ли этот путь сердце?
- Это может любой. Беда в том, что никто не задаёт себе этот вопрос; обычно человек слишком поздно понимает, что выбрал путь без сердца, когда уже стоит на краю гибели. В этой точке лишь очень немногие имеют силы оставить свою устремлённость и отойти.
- Как правильно задать себе этот вопрос?
- Просто задай его.
- Я имею в виду, существует ли какой-нибудь специальный метод, чтобы я не обманул себя и не принял отрицательный ответ за положительный?
- Почему это ты обманешься?
- Ну, скажем, потому что в этот момент путь будет казаться приятным и радостным.
- Чушь. Путь без сердца никогда не бывает радостным. Уже для того, чтобы на него выйти, приходится тяжело работать. Напротив, путь, у которого есть сердце, всегда лёгкий: чтобы его полюбить, не нужно особых усилий». (Книга 1)

Иногда так бывает, что не находящийся на пути сердца человек даже не знает каким тот может быть, не знает что на самом деле ему интересно, что сможет принести ему истинное удовлетворение – он, иначе говоря, не может «найти себя». Если же человек не нашёл себя, то нередко его выход –

это пороки и примитивные удовольствия, заглушающие беспросветность окружающей его реальности, постоянную усталость от жизни и полное непонимание её смысла.

«– Сакатека – человек знания, он вам не чета – совсем другой класс, – резко сказал дон Хуан. – Он танцует потому, что такова склонность его природы. Я имел в виду не это. Вы – не танцоры и не можете наслаждаться танцем. Если кто-то будет танцевать красиво, вы, возможно, получите удовольствие. Правда, для этого нужно довольно много знать о танце. Я сомневаюсь в том, чтобы кто-то из вас знал достаточно. Поэтому все вы – просто пьяницы. Взгляните хотя бы на моего внука!

– Перестань, дед, – запротестовал Лусио.

– Не ленив и не глуп, – продолжал дон Хуан, – но чем он занимается, кроме пьянства?

– Покупает кожаные пиджаки, – сказал Хенаро, и все расхохотались». (Книга 2)

Очевидно, *путь знания* и *путь сердца* – это, по сути, один и тот же путь. Можно сказать, что стремится стать *человеком знания* тот и только тот, кто идёт *путём сердца*, кто делает вещи, соответствующие его *природным склонностям*, кто получает от них высшее *наслаждение* и кто *знает* их в совершенстве.

***Путь сердца* – это, конечно, крайне непростой путь. Но в отличие от всех прочих путей в нём есть бесценное преимущество – он ведёт к счастью. И как бы трудно не было, идущий по нему знает, что его жизнь, несомненно, будет улучшаться, и многие её проблемы действительно будут решены окончательно и бесповоротно. В отличие от обычного человека, который просто старается забыть о своих реальных проблемах, а они драматически наступают на него в самый неожиданный момент.**

Состояния необычной реальности

Представление о *состояниях необычной реальности* впервые даёт Карлосом Кастанедой в «Отдельной реальности»:

«В процессе обучения дон Хуан использовал три достаточно известных психотропных растения: пейот (*Lophophora williamsi*), дурман обыкновенный (*Datura innoxia*) и один из видов грибов, принадлежащих к виду *Psilocybe*. Комбинируя эти средства в определённой последовательности, дон Хуан вводил меня, своего ученика, в специфические состояния искажённого восприятия или изменённого сознания. Я назвал их “состояниями необычной реальности”. “Реальности” – потому что согласно описанию мира, на котором была основана практическая система дон Хуана, всё, что воспринималось в этих состояниях, было не галлюцинациями, а конкретными, хотя и необычными, аспектами повседневной реальности. Дон Хуан рассматривал события, происходившие в необычной реальности, не как *якобы реальные*, но как *вполне реальные*. <...>

Основной характеристикой [состояний необычной реальности] было то, что я мог бы назвать “несоответствием”, так как воспринимаемое мной в этих состояниях не поддавалось никакой адекватной интерпретации в рамках нашего привычного мироописания. Другими словами, именно это несоответствие повлекло за собой разрушение цельности моего мировоззрения.

Дон Хуан использовал свойство “несоответствия” состояний необычной реальности для ознакомления меня с новыми “смысловыми блоками” или отдельными элементами той системы знания, которой он меня обучал. Я назвал их так, потому что это были базовые комплексы сенсорных данных и их интерпретаций, на основе которых строились более сложные понятийные структуры. В качестве примера смыслового блока можно взять интерпретацию физиологического действия психотропной курительной смеси. Она вызывает онемение и потерю двигательного контроля: в системе дон Хуана это объяснялось как действие дыма, – вернее, содержащейся в нем силы – *союзника*, – направленное на “устранение тела практикующего”.

Смысловые блоки особым образом объединялись в группы, которые я назвал “чувственными интерпретациями”. Очевидно, что в магии существует бесконечное количество вариантов чувственных интерпретаций, которым должен обучиться маг. Ему необходимо уметь на основе магических смысловых блоков адекватно интерпретировать всё воспринимаемое. В своей повседневной жизни мы также сталкиваемся с

бесконечным количеством чувственных интерпретаций, свойственных нашему описанию мира.

Простой пример: понятие “комната”, используемое ежедневно и многократно. В силу многолетней практики нам не нужно каждый раз специально интерпретировать структуру, понимаемую под комнатой. Мы привыкли воспринимать её как нечто цельное и само собой разумеющееся. Но, так или иначе, комната остаётся чувственной интерпретацией, так как упоминая о ней, мы каждый раз в каком-то виде осознаем все элементы, которые дают то, что называется в нашем понимании комнатой. Таким образом, чувственная интерпретация – это процесс, посредством которого практикующий осознает смысловые блоки, необходимые для того, чтобы выносить суждения, делать выводы и предсказания во всех ситуациях, связанных с его деятельностью.

Под практикующим я понимаю всякого, кто обладает адекватным знанием всех или почти всех смысловых блоков, входящих в его систему чувственной интерпретации. Дон Хуан был практикующим, то есть магом, знающим все шаги своей магической практики. Как практикующий, он стремился сделать доступной мне свою систему чувственной интерпретации. В данном случае это было равносильно введению меня в новую социальную среду с присущими ей новыми способами интерпретации сенсорных данных. Именно эти способы мне и предстояло освоить.

Я был здесь “чужим”, то есть не умел составлять разумные и адекватные интерпретации из магических смысловых блоков.

Чтобы сделать свою систему понятной, дон Хуан как практикующий должен был сначала разрушить во мне определённую уверенность. Речь идёт о свойственной подавляющему большинству людей уверенности в том, что наше основанное на “здоровом смысле” описание мира окончательно и однозначно. Используя психотропные растения и точно рассчитанные контакты между мной и чуждой системой, он добился своего – я убедился, что моё описание мира не может быть окончательным, поскольку является лишь одной из множества возможных интерпретаций. В течение тысячелетий то смутное и неопределённое явление, которое мы называем магией, было для американских индейцев серьёзной и достоверной практикой, сравнимой по значению с нашей наукой. Понять её нам сложно, вне всякого сомнения, именно потому, что она основана на чуждых смысловых блоках». (Книга 2)

Состояния необычной реальности или *магические состояния* (см. раздел *Магия*) – это любые состояния сознания, в которых человек может оказываться по мере развития у него *воли* (см. раздел *Воля*), но до развития *видения* (см. следующий раздел).

*Видение*¹ (также *природные предрасположенности человека, знаки духа*)

Видение – способ осознания, развиваемый в ходе длительной и очень сложной практики (вообще говоря, не связанной с приёмом психотропных растений) и дающий возможность проникать в сущность вещей вне чувственных интерпретаций. При этом достижение устойчивой способности *видеть* является основополагающей целью современных Толтеков (*новых видящих*).

Первое необходимое пояснение касается различия между *видением* и *смотрением*:

«Во втором цикле [обучения] дон Хуан сосредоточил основные усилия на том, чтобы научить меня «видеть». В его системе знания существовало семантическое различие между понятиями «видеть» и «смотреть». Тогда как второе обозначало обычный для всех нас способ восприятия, под первым понимался некий сложный процесс, позволявший человеку знания непосредственно воспринимать глубинную сущность явлений». (Книга 2)

О том, как в принципе можно понимать словосочетание “глубинная сущность явлений”, более подробно говорится ниже, и также эта тема неоднократно затрагивается в основном тексте книги. Пока же заметим, что, вообще говоря, *видение* не даёт информации о *максимально* глубокой сущности явлений сразу. Оно может быть более или менее развитым, или, точнее, в какой-то степени оно присуще многим, даже если сам факт возможности *видеть* не осознаётся. Некоторые дети или люди, которых иногда называют талантами и гениями, обладают *природной склонностью к видению*,

¹ Ударение на первое “и”.

хотя, как правило, в силу неблагоприятных причин не развивают эту свою способность и не овладевают ей в полной мере.

«Видение – это технический приём, который можно изучать. Или, может быть, который некоторым из нас уже известен». (Книга 2)

Сказанное означает, что для *видения* в данный конкретный момент необходимо выполнять некий комплекс действий, требующий предварительной подготовки или достаточно *отточенной техники*. Нетрудно провести аналогию с любой творческой деятельностью вообще, поскольку таковая всегда предполагает обладание порой весьма сложными навыками, которые, однако, могут быть совершенно незаметными для постороннего – в таком случае творчество называют *виртуозным*. Естественно, что кто-то овладевает техническим мастерством в течение долгих лет, а кто-то очень быстро и почти интуитивно.

Это обобщение можно распространить ещё дальше:

Любая творческая деятельность в конечном счёте ведёт к *видению*, поскольку прежде чем самому *создать* что-либо, человек должен овладеть глубоким знанием об этом.

В поздних книгах Кастанеда называет такое знание *безмолвным*.

Для каждого человека творческая деятельность соответствует его *природным предрасположенностям* (или *таланту* в некоторой области). В следующем фрагменте диалога Хуан Матус рассказывает о *природной предрасположенности* Элиаса Сакатеки – танце. Танец использовался им для проникновения в суть вещей, также как *видение* использовалось с этой целью Хуаном Матусом:

«Однажды дон Хуан сказал мне, что человеку знания свойственна предрасположенность. Я попросил объяснить.

– Я предрасположен к *видению*, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне нравится *видеть*, – пояснил он, – потому что *видение* позволяет человеку знания знать.

– И что же ты видишь?

– Всё.

– Но я тоже всё вижу, а ведь я – не человек знания.

– Нет, ты не *видишь*.

– Мне кажется, что вижу.

– А я тебе говорю, что нет.

– Что заставляет тебя так говорить?

– Ты только смотришь на поверхность вещей.

– То есть ты хочешь сказать, что человек знания видит насквозь всё, на что он смотрит?

– Нет. Я не это имел в виду. Я говорил о том, что каждому человеку знания свойственна его собственная предрасположенность. Я – *вижу и знаю*, другие делают что-нибудь своё.

– Например?

– Возьмём, например, Сакатеку. Он – *человек знания*, и он предрасположен к танцу. Он *танцует и знает*.

– Насколько я понял, предрасположенность относится к чему-то, что человек знания делает, чтобы знать?

– Верно.

– Но как танец может помочь Сакатеке знать?

– Можно сказать, что Сакатека танцует со всем, что его окружает и со всем, что у него есть.

– Он танцует так же, как я? Я хочу сказать – как вообще танцуют?

– Скажем так: он танцует так, как я *вижу*, а не так, как мог бы танцевать ты.

– А он видит так же, как ты?

– Да, но он ещё и танцует.

– И как танцует Сакатека?

– Трудно объяснить... Своего рода танец, особые движения, которые он выполняет, когда хочет знать. Невозможно говорить о танце или о *видении*, не зная путей и способов действия человека знания. Это всё, что я могу сказать тебе сейчас.

– Ты *видел* его, когда он танцует?
– Да. Но тот, кто просто смотрит на него, когда он это делает, не в состоянии *видеть*, что это – его способ *знать*». (Книга 2)

«– Я думал, что *видение* связано с глазами, – настаивал я.
– Я никогда не говорил, что *видение* связано только с глазами, – сказал он, недоуменно покачивая головой». (Книга 2)

Отсюда ясно, что сам Хуан Матус использовал в качестве основы для знания сути явлений зрительное восприятие (обеспечивавшее ему не только простое смотрение, но и *видение*), а Сакатека – особые движения, развитые до танцевального искусства. В разделах *Воля* и *Путь воина* между этими двумя способами знания будет показана существенная разница.

Некоторые уточнения об отличии *видения* от привычных связанных с интерпретациями способов смотреть на мир Хуан Матус даёт в следующем диалоге:

«– А чем отличается *видение*?
– Когда *видишь*, мир теряет привычные черты. Всё, что ты видишь, ты видишь впервые, оно ни на что не похоже. Мир невероятен!
– Почему невероятен? – Потому что не остаётся ничего знакомого, ничего узнаваемого. Всё, что ты созерцаешь, превращается в ничто! Вчера ты не *видел*. Ты созерцал моё лицо и, поскольку ты меня любишь, видел моё свечение. Я не был ужасен, как страж, наоборот – красив и интересен. Однако это было не *видение*, так как я не превратился для тебя в ничто. Но это был первый реальный шаг к *видению*. Твоя единственная ошибка была в том, что ты сосредоточился на мне, «зацепился» за мою личность. И в этом смысле я для тебя ничуть не лучше стража. В обоих случаях ты не справился и не *видел*.
– Ты говоришь, что всё превращается в ничто. Как понять это? Вещи исчезают?
– Нет, не исчезают. Они не пропадают, если ты это имеешь в виду. Всё остаётся на своих местах, но в то же время превращается в ничто». (Книга 2)

Иными словами, вещи теряют *важность* для человека – они перестают представлять для него угрозу и, с другой стороны, больше не воспринимаются как что-то благоприятное.

***Видение* достигается после того, как воспринимаемые человеком объекты и существа перестают иметь для него какое-либо значение: когда он не испытывает по отношению к ним никаких эмоций и вообще не рассматривает их в категориях целесообразности.**

Обычно люди относятся ко всему с точки зрения личной выгоды, и, глядя на что-то, они задают себе вопрос – “что мне это даст?”, вместо “какова суть этого?” Они погружаются в себя и суетливо действуют в мире, о котором, по большому счёту, знают очень мало, хотя пребывают в уверенности об обратном. Фактически они действуют в выдуманном мире, являющимся лишь слабым отражением реальности как она есть (см. раздел *Описание мира*).

Поскольку *видение* может быть применено и к человеку, все его помыслы (даже не осознаваемые им самим) оказываются перед *видящим* буквально как на ладони. Обычный человек для *видящего* всё равно что ребёнок или зверёк, думающий, будто никто не замечает некоторых его хитростей – недоступных, впрочем, собратьям. Как именно *видящий* их *видит* объяснить невозможно (или сделать это очень сложно и подобные объяснения всё равно не будут иметь никакого смысла для не-*видящего*), но поскольку фактически *видение* является развитым смотрением – как бы *интегрирует* его в себе – некоторые параллели с обычным зрительным восприятием провести всё же можно:

«– Человек не относится к непознаваемому, – объяснил он. – И светимость человека можно *видеть* почти так, как если бы использовались только глаза». (Книга 7)

«– Люди выглядят иначе, когда их *видишь*. Дымок поможет тебе *увидеть* их как волокна света.
– Волокна света?
– Да. Похожие на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.
– И так выглядит каждый?

– Каждый. Кроме того, любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединён со всем в мире, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость. Так что и ты сам это когда-нибудь увидишь, человек – это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?» (Книга 2)

«Мы – светящиеся существа, и всё, что мы делаем и чувствуем, бывает видно в наших волокнах». (Книга 4)

В поздних разделах приложения – *Эманации орла* и *Точка сборки* – о структуре человека как светящегося яйца (или кокона – другое образное название этой формы, данное Хуаном Матусом) и Вселенной вообще будет говориться подробнее.

Также стоит заметить, что *видящий* может узнавать о человеке информацию, относящуюся не только у настоящему времени, но и к его прошлому или даже будущему. В книгах Кастанеды о подобном роде *видения* – обычно называемом *ясновидением* – говорится очень немного, однако сама его возможность подтверждается широко известными примерами прорицателей, известнейшей из которых является жившая в XX веке болгарская ясновидящая Ванга.

Ещё одним особым феноменом для *видящего* являются *знаки* (или *жесты*) *духа* (также см. раздел *Дух*), на которые Хуан Матус периодически обращал внимание Кастанеды. *Знак духа* – это, вообще говоря, любое случайное событие, которому обычный человек может не придать никакого значения, тогда как *видящий* способен получить на его основе важную информацию. Известнейший класс таких событий – это приметы, а более эзотерический – результаты магических процедур – как, например, гадания. Нередко приметы считаются бессмысленными предрассудками прошлого, но *они действительно будут такими, если к ним так относиться*. Наоборот, если даже в какую-то одну примету *верить* очень сильно, она на самом деле сможет принести удачу, либо оградить от неприятности. Аналогичным образом дело обстоит с разного рода амулетами (*предметами силы*), а также и с магическими процедурами в целом (подробнее см. раздел *Магия*). Но почему так происходит, как вообще получается, что вроде бы объективно не связанные происшествия приобретают в сознании человека вполне конкретный смысл? В действительности никакой мистики здесь нет, проблема заложена в самом слове “объективно”, как бы исключая для рационального западного человека любую возможность ещё непознанного и сводящим всю внешнюю реальность лишь к локальным взаимодействиям материальных объектов. В западной науке единственная попытка актуализировать вопрос *синхроничности* субъективных (психических) и объективных процессов была предпринята основателем *аналитической психологии* Карлом Юнгом.

Контролируемая глупость

Контролируемой глупостью Хуан Матус называл поведение *видящих* в обыденной жизни. Правильно понять что такое *контролируемая глупость* и с какой целью она применяется не просто, поскольку для этого требуется достаточно глубокое понимание нагуализма в целом. Тем не менее, Хуан Матус дал предварительное и вместе с тем очень ёмкое представление о ней на достаточно раннем этапе обучения Кастанеды.

В максимально простом виде, исходя из самого этого словосочетания, “контролируемая глупость” – это глупость, взятая под контроль, или осознаваемая глупость. Но тогда возникает ряд вопросов:

- 1) Что вообще понимают под *глупостью* Толтеки, и какие критерии *глупости* возможно установить?
- 2) Какова сфера применения *контролируемой глупости*?
- 3) Если *глупость* кого-либо осознаётся им, то какой смысл имеет она же, но осознанная? Не проще ли избавиться от неё совсем?

Нижеследующий довольно продолжительный диалог содержит исчерпывающие ответы:

«– Ты не мог бы подробнее остановиться на своей контролируемой глупости?
– Что именно тебя интересует?»

– Расскажи, пожалуйста, что это вообще такое – контролируемая глупость.

Дон Хуан громко рассмеялся и звучно хлопнул себя по ляжке сложенной лодочкой ладонью.

– Вот это и есть контролируемая глупость, – со смехом воскликнул он, и хлопнул ещё раз.

– Не понял...

– Я рад, что через столько лет ты, наконец, созрел и удосужился задать этот вопрос. В то же время, если б ты никогда этого не сделал, мне было бы всё равно. Тем не менее, я выбрал радость, как будто меня в самом деле волнует, спросишь ты или нет. Словно для меня это важнее всего на свете. Понимаешь? *Это* и есть контролируемая глупость.

Мы оба расхохотались. Я обнял его за плечи. Объяснение показалось мне замечательным, хотя я так ничего и не понял. <...>

– По отношению к кому ты практикуешь контролируемую глупость, дон Хуан? – спросил я после продолжительной паузы.

Он усмехнулся.

– По отношению ко всем». (Книга 2)

Итак, получен ответ на второй вопрос: сфера применения *контролируемой глупости* распространяется на всех.

«– Хорошо, тогда давай иначе. Как ты выбираешь, когда следует практиковать контролируемую глупость, а когда – нет?

– Я практикую её всё время.

Тогда я спросил, значит ли это, что он никогда не действует искренне, и что все его поступки – лишь актёрская игра.

– Мои поступки всегда искренни, – ответил дон Хуан. – И всё же они – не более, чем актёрская игра. – Но тогда всё, что ты делаешь, должно быть контролируемой глупостью, – изумился я.

– Так и есть, – подтвердил он.

– Но этого не может быть! – возразил я. – Не могут все твои действия быть контролируемой глупостью.

– А почему бы и нет? – с загадочным видом спросил он.

– Это означало бы, что в действительности тебе ни до чего и ни до кого нет дела. Вот, я, например. Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе безразлично, стану я *человеком знания* или нет, жив я или умер, и что вообще со мной происходит?

– Совершенно верно. Меня это абсолютно не интересует. И ты, и Лусио, и любой другой в моей жизни – не более чем объекты для практики контролируемой глупости.

На меня нахлынуло какое-то особое ощущение пустоты. Было ясно, что у дон Хуана действительно нет никаких причин заботиться обо мне. С другой стороны, я почти не сомневался, что его интересую я *лично*. Иначе он не уделял бы мне столько внимания. А может быть, он сказал так потому, что я действую ему на нервы? В конце концов, у него были на то основания: я же отказался у него учиться (написав первую книгу, Кастанеда действительно решил прекратить учиться, поскольку обучение оказало на него слишком сильное и пугающее воздействие – позже, однако, выяснилось, что оно было ещё и необратимым – *В.В.*).

– Я подозреваю, что мы говорим о разных вещах, – сказал я. – Не следовало брать меня в качестве примера. Я хотел сказать – должно же быть в мире хоть что-то, тебе небезразличное, что не было бы объектом для контролируемой глупости. Не представляю, как можно жить, когда ничто не имеет значения.

– Это было бы верно, если бы речь шла о *тебе*, – сказал он. – Происходящее в мире людей имеет значение для тебя. Но ты спрашивал обо мне, о моей контролируемой глупости. Я и ответил, что все мои действия по отношению к самому себе и к остальным людям – не более, чем контролируемая глупость, поскольку нет ничего, что имело бы для меня значение». (Книга 2)

А это ответ на первый вопрос: глупостью является всё.

«– Хорошо, но если для тебя больше ничто не имеет значения, то как же ты живёшь, дон Хуан? Ведь это не жизнь.

Он засмеялся и какое-то время молчал, как бы прикидывая, стоит ли отвечать. Потом встал и направился за дом. Я поспешил за ним. – Постой, но ведь я действительно хочу понять! Объясни мне, что ты имеешь в виду.

– Пожалуй, объяснения тут бесполезны. Это невозможно объяснить, – сказал он. – В твоей жизни есть важные вещи, которые имеют для тебя большое значение. Это

относится и к большинству твоих действий. У меня – всё иначе. Для меня больше нет ничего важного – ни вещей, ни событий, ни людей, ни явлений, ни действий – ничего. Но все-таки я продолжаю жить, потому что обладаю *волей*. Эта воля закалена всей моей жизнью и в результате стала целостной и совершенной. И теперь для меня не важно, имеет что-то значение или нет. Глупость моей жизни контролируется волей (о *воле* см. соответствующий раздел – *В.В.*).

Он опустил на корточки и потрогал растения, которые сушились под солнцем на куске мешковины. Я был совершенно сбит с толку. После длительной паузы я сказал, что некоторые поступки наших ближних всё же имеют решающее значение. Например, ядерная война. Трудно представить более яркий пример. Стереть с лица земли жизнь – что может быть страшнее?

– Для тебя это так. Потому что ты думаешь, – сверкнув глазами, сказал дон Хуан. – Ты думаешь о жизни. Но не *видишь*.

– А если б *видел* – относился бы иначе? – осведомился я.

– Научившись *видеть*, человек обнаруживает, что одинок в мире. Больше нет никого и ничего, кроме той глупости, о которой мы говорим, – загадочно произнёс дон Хуан.

Он помолчал, глядя на меня и как бы оценивая эффект своих слов.

– Твои действия, равно как и действия твоих ближних, имеют значение лишь постольку, поскольку ты *научился* думать, что они важны.

Слово «научился» он выделил какой-то странной интонацией. Я не мог не спросить, что он имеет в виду.

Дон Хуан перестал перебирать растения и посмотрел на меня. – Сначала мы учимся обо всем думать, – сказал он, – А потом приучаем глаза смотреть на то, о чем думаем. Человек смотрит на себя и думает, что он очень важен. И начинает чувствовать себя важным. Но потом, научившись видеть, он осознает, что не может больше думать о том, на что смотрит. А когда он перестает думать о том, на что смотрит, всё становится неважным.

Дон Хуан заметил выражение полнейшего недоумения на моем лице и повторил последнее утверждение трижды, как бы пытаясь заставить меня понять. Несмотря на это, сказанное им поначалу произвело на меня впечатление абсолютной бессмыслицы. Но после обдумывания я решил, что это была очень сложная формула, имеющая отношение к каким-то аспектам восприятия» (Книга 2).

Указание Хуана Матуса действительно имеет глубокий смысл: обычно люди так заняты анализом зрительно воспринимаемого ими по отношению к неким прагматическим задачам, что всерьёз начинают полагать, будто кроме этих конкретных задач и средств их решения более ничего не существует. И значит весь мир для них – это не более чем то, о чём они думают.

Я попытался сочинить вопрос, который внёс бы ясность, но не мог собраться с мыслями. Внезапно я почувствовал полное изнеможение, и от чёткости мышления не осталось и следа. <...>

– Наша сегодняшняя беседа о контролируемой глупости сбила меня с толку, – сказал я, – Я действительно не могу понять, что ты имеешь в виду. – И не сможешь. Потому что ты пытаешься об этом думать, а мои слова никак не вяжутся с твоими мыслями.

– Я пытаюсь думать, – сказал я, – потому что для меня это единственная возможность понять. И все-таки, хочешь ли ты сказать, что как только человек начинает *видеть*, всё в мире разом теряет ценность?

– Разве я говорил «теряет ценность»? Становится неважным, вот что я говорил. Все вещи и явления в мире равнозначны в том смысле, что они одинаково неважны. Вот, скажем, мои действия. Я не могу утверждать, что они – важнее, чем твои. Так же, как ни одна вещь не может быть важнее другой. Все явления, вещи, действия имеют одинаковое значение и поэтому не являются чем-то важным.

Тогда я спросил, не считает ли он, что *видение* «лучше», чем простое «смотрение на вещи». Он ответил, что глаза человека могут выполнять обе функции, и ни одна из них не лучше другой. Приучать же себя только к одному из этих способов восприятия – значит бесосновательно ограничивать свои возможности.

– Например, чтобы смеяться, нам нужно смотреть, – сказал он, – всё, что есть в мире смешного, можно уловить только тогда, когда смотришь. Когда человек *видит*, всё настолько равнозначно, что ничего смешного не может быть.

– Уж не хочешь ли ты, дон Хуан, сказать, что *видящий* не способен смеяться?

Он немного помолчал.

– Наверное, есть *люди знания*, которые никогда не смеются. Впрочем, я таких не знаю. Те, с кем я знаком, не только *видят*, но и смотрят, поэтому все они могут смеяться.

– А может человек знания плакать?

– Я думаю – да. Наши глаза смотрят, поэтому мы можем смеяться, плакать, веселиться, печалиться или радоваться. Лично мне не нравится быть печальным. Поэтому, когда приходится сталкиваться с чем-то, что вызывает печаль, я смещаю глаза и начинаю *видеть* вместо того, чтобы смотреть. Но если попадается что-то забавное, я предпочитаю смотреть и смеяться.

– Ага! Тогда твой смех – настоящий. Получается, что смех – это уже не контролируемая глупость.

Какое-то время он пристально смотрел на меня.

– Знаешь, я с тобой разговариваю отчасти потому, что ты даёшь мне повод посмеяться, – произнёс он. – В пустыне живут грызуны – крысы такие с пушистыми хвостами. Чтобы похозяйничать в запасах других грызунов, они засовывают в их норки свои хвосты. Те пугаются и убегают. Но в тот момент, когда крыса сидит, засунув в чужую норку хвост, её очень легко поймать. Так и ты – ловишься на своих же вопросах. Не пора ли выбирать? Ведь эти крысы иногда остаются без хвоста, спасая свою шкуру.

Его сравнение рассмешило меня. Когда-то дон Хуан показывал мне этих зверьков с пушистыми хвостами. Они были похожи на маленьких жирных белок. Я представил себе одну из таких крыс с оторванным хвостом. Картинка получилась грустной и в то же время очень забавной.

– Мой смех – самый что ни на есть настоящий, – сказал дон Хуан. – Впрочем, как и всё, что я делаю. Но он же – контролируемая глупость, поскольку бесполезен. Он ничего не меняет, но, тем не менее, я смеюсь.

– Но, насколько я понимаю, дон Хуан, твой смех не бесполезен. Он делает тебя счастливым. – Нет. Я счастлив оттого, что смотрю на вещи, делающие меня счастливым, а потом уже глаза схватывают их забавные стороны, и я смеюсь. Я говорил тебе это много раз. Чтобы быть на высоте, всегда нужно выбирать путь, подсказанный сердцем. Может быть, для кого-то это будет означать всегда смеяться.

Я решил, что он имеет в виду противоположность смеха и плача, или хотя бы то, что плач – это действие, которое нас ослабляет. Но дон Хуан заявил, что никакого принципиального различия нет. Просто ему лично больше подходит смех, потому что когда он смеётся, тело его чувствует себя лучше, чем когда он плачет.

Тогда я заметил, что равнозначности здесь всё же нет, поскольку есть предпочтение. Если он предпочитает смеяться, а не плакать, то смех – важнее. Но он упрямо твердил, что его предпочтение ничего не значит; они равноценны. Я заявил, что, доводя наш спор до логического конца, можно сказать: «Если всё равнозначно, то почему бы не выбрать смерть?»

– Иногда человек знания так и поступает, – сказал дон Хуан. – И однажды он может просто исчезнуть. В таких случаях люди обычно думают, что его за что-то убили. А он просто выбрал смерть, потому что для него это не имело значения. Я выбрал жизнь. И смех. Причём вовсе не оттого, что это важно, а потому, что такова склонность моей природы. Я говорю «выбрал», потому что *вижу*. Но на самом деле выбрал не я. Моя воля заставляет меня жить вопреки тому, что я *вижу* в мире. Ты сейчас не можешь меня понять из-за своей привычки думать так, как ты смотришь.

Последняя фраза меня заинтриговала. Я спросил, что он имеет в виду.

Дон Хуан несколько раз дословно повторил её, а потом объяснил, что, говоря «думать», имеет в виду устойчивые постоянные понятия, которые есть у нас обо всем в мире. Он сказал, что *видение* избавляет от привычки к ним. Но пока я не научусь *видеть*, мне не удастся понять, о чем идёт речь». (Книга 2)

Конечно, в принципе любые действия видящего можно объяснить, однако для того, кто не видит, эти объяснения просто не будут иметь смысла.

– Но если ничто не имеет значения, дон Хуан, то с какой стати должно иметь значение – научусь я *видеть* или нет?

– Я уже говорил тебе, что наша судьба как людей – учиться, для добра или зла. Я научился *видеть*, и говорю, что нет ничего, что имело бы значение. Теперь – твоя очередь. Вполне вероятно, что в один прекрасный день ты научишься *видеть*, и тогда сам узнаешь, что имеет значение, а что – нет. Для меня нет ничего, имеющего значение, но для тебя, возможно, значительным будет всё. Сейчас ты должен понять: человек знания живёт действием, а не мыслью о действии. Он выбирает путь сердца и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеётся; когда он *видит*, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро: он знает, что он, как любой другой, не идёт никуда: и он знает, что всё равнозначно. У него нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая

глупость – единственное, что может связывать его с ближними. Поэтому он действует, потеет и отдувается. И взглянув на него, любой увидит обычного человека, живущего так же, как все. Разница лишь в том, что глупость его жизни находится под контролем. Ничто не имеет особого значения, поэтому *человек знания* просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что всё это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, *человек знания* возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его завершить – до этого ему нет никакого дела.

С другой стороны, *человек знания* может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведёт себя так, словно эта отстранённость имеет для него значение. Так тоже можно, потому что и это будет контролируемая глупость.

В длинных и путаных выражениях я попытался объяснить дону Хуану, что меня интересуют мотивы, заставляющие *человека знания* действовать определённым образом вопреки пониманию того, что ничто не имеет значения. Усмехнувшись, он ответил:

– Ты думаешь о своих действиях, поэтому тебе необходимо верить, что действия эти важны настолько, насколько ты их таковыми считаешь. Но в действительности из всего, что человек делает, нет ничего, что имело бы значение. Ничего! Но как тогда я могу жить? Ведь ты об этом спрашивал? Проще было бы умереть; ты так говоришь и считаешь, потому что думаешь о жизни. Как, например, думаешь сейчас, на что похоже *видение*. Ты требуешь от меня описания. Такого, которое позволило бы тебе об этом думать, как ты думаешь обо всем остальном. Но в случае *видения* думать вообще невозможно. Поэтому мне никогда не удастся объяснить тебе, что это такое. Теперь по поводу моей контролируемой глупости. Ты хочешь услышать о причинах, которые побуждают меня действовать именно так, но я могу сказать лишь одно – контролируемая глупость очень похожа на *видение*. Ни о том, ни о другом думать невозможно.

Дон Хуан зевнул, лёг на спину и потянулся, хрустнув суставами.

– Ты слишком долго отсутствовал, – сказал он, – и ты слишком много думаешь». (Книга 2)

Сфера применения *контролируемой глупости* была ограничена приведёнными объяснениями до отношений между людьми, то есть до общественных отношений. Сама же *глупость*, таким образом, собственно эти отношения.

Любая неконтролируемая вовлечённость в общественные отношения, сопряжённая с личной заинтересованностью, является для новых видящих *глупостью*.

И следующая цитата также подтверждает это:

«– Дон Хуан, если я правильно понимаю, в жизни *человека знания* контролируемой глупостью не являются только действия в отношении *союзников* и *Мескалито*? Верно?

– Верно, – кивнул он. – *Союзники* и *Мескалито* – существа совершенно иного плана. Моя контролируемая глупость распространяется только на меня и на мои действия по отношению к людям». (Книга 2)

Итак, *контролируемая глупость*, *отрёпённость* и *видение* практически синонимы – во всяком случае, они невозможны друг без друга. Социальные или вообще любые отношения, осуществляемые человеком с вовлечённостью и не направленные на непосредственное познание, делают невозможным освоить видение, требующее независимости от всех подобных ему или более примитивных существ. Достигая же этой независимости, следуя по пути знания и становясь всё более отстранённым, он также получает возможность всё яснее понимать истинный смысл и взаимную мотивацию всех их действий, тогда как для них самих она остаётся тайной. Вместе с тем он может произвольно менять видимые им процессы, однако чем лучше он понимает их, тем менее важными они ему представляются. Фактически они кажутся ему не более чем игрой, безделицей или просто *глупостью*. Верно и обратное: пока для человека важно что-либо, пока сам он является частью какой-либо системы – он не поймёт её полностью, не увидит её глубокой сущности.

Вот ещё один яркий пример, когда, не желая предаваться печали, Хуан Матус перешёл от простого смотрения к видению:

«– Как человек знания применяет контролируемую глупость, если умирает тот, кого он любит?

Вопрос застал дона Хуана врасплох. Он удивлённо взглянул на меня.

– Возьмём Лусио, – развил я свою мысль. – Если он будет умирать, останутся ли твои действия контролируемой глупостью?

– Давай лучше возьмём моего сына Эулалио. Это – более подходящий пример, – спокойно ответил дон Хуан. – На него свалился обломок скалы, когда мы работали на строительстве Панамериканской магистрали. То, что я делал, когда он умирал, было контролируемой глупостью. Подойдя к месту обвала, я понял, что он уже практически мёртв. Но он был очень силен, поэтому тело ещё продолжало двигаться и биться в конвульсиях. Я остановился перед ним и сказал парням из дорожной бригады, чтобы они его не трогали. Они послушались и стояли вокруг, глядя на изуродованное тело. Я стоял рядом, но не смотрел, а сдвинул восприятие в положение *видения*. Я *видел*, как распадается его жизнь, расползаясь во все стороны подобно туману из мерцающих кристаллов. Именно так она обычно разрушается и испаряется, смешиваясь со смертью. Вот что я сделал, когда умирал мой сын. Это – единственное, что вообще можно сделать в подобном случае. Если бы я смотрел на то, как становится неподвижным его тело, то меня бы изнутри раздирали горестный крик, поскольку я бы чувствовал, что никогда больше не буду смотреть, как он, красивый и сильный, ступает по этой земле.

Но я выбрал *видение*. Я *видел* его смерть, и в этом не было печали, не было вообще никакого чувства. Его смерть была равнозначна всему остальному.

Дон Хуан замолчал: он казался печальным. Вдруг он улыбнулся и потрепал меня по затылку.

– Другими словами, когда умирает тот, кого я люблю, моя контролируемая глупость заключается в смещении восприятия, – сказал он». (Книга 2)

Единственный оставшийся вопрос: почему бы не избавиться от глупости, когда она уже взята под контроль? Или с какой целью *контролируемая глупость* вообще используется видящими? Хуан Матус уже замечал, что *контролируемая глупость* направляется *волей* – но для чего именно? Например, обучая Кастанеду, Хуан Матус использовал её, чтобы заинтересовать его, чтобы в нужном месте изобразить понимание, или чтобы не раздражаться, когда тот вёл себя не самым желательным образом; с другой стороны, чтобы в нужный момент эффективно отчитать его, не превышая, однако, требуемой меры. Естественно, если бы он прямо говорил Кастанеде всё, что думает о нём – или точнее, что *видит*, тот бы даже и не подумал учиться, решив, что Хуан Матус самый настоящий хам, к тому же возможно очень опасный. Но ситуация с обучением Кастанеды – это экстремальная ситуация даже для Хуана Матуса, обычно же *контролируемая глупость* используется лишь для того, чтобы получать жизненно необходимые блага социума, а с этой целью в любом случае требуется взаимодействовать с людьми. По сути, *контроль глупости* – это контроль *эмоций*, а, следовательно, и *вообще всех социальных отношений*.

Отношения между людьми основываются, главным образом, на бессознательно проявляемых эмоциях. Поэтому единственное по-настоящему эффективное поведение в социуме – это поведение с их полным умственным контролем.

Имеет смысл отдельно остановиться на затронутом в объяснениях Хуана Матуса феномене смеха: над чем обычно смеются люди, что такое юмор и сатира вообще?¹ Хуан Матус указывал, что он смеётся, когда его глаза схватывают забавные стороны вещей – но что именно это за стороны? Ответ достаточно прост: человек смеётся, когда видит или зрительно воображает как некто осуществляет очень важное для него, но, по сути, бессмысленное действие. Иначе, *глупое* действие, то есть, проще говоря, *смеются над глупостью*. Однако логично, что для того, чтобы смеяться над глупостью, её необходимо осознать как таковую собственно *взяв под контроль*. А что происходит, если человек не осознаёт глупости собственных действий, а над ним или над другим человеком, совершающим аналогичные действия, смеются? Если этот смех не злой и всецело искренний, то он с необходимостью осознаёт глупость своих действий, и даже на мгновение сможет посмеяться над самим собой – как бы увидев себя со стороны (в этом “заразительная” природа смеха). Если же смех будет нагружен каким-либо личным или социально значимым негативным отношением, то и его реакция будет соответствовать этому отношению – например, он может рассердиться или

¹ Чтобы облегчить восприятие книги в ней применён особый стилистический приём выделения вопросов (подчёркиванием): прежде чем переходить к следующим за выделенным вопросом рассуждениям читателю предлагается подумать над ним самостоятельно. Подобный элемент активного чтения ориентирует мышление в необходимом направлении и позволит всегда понимать, о чём в данный момент идёт речь.

почувствовать себя униженным. Юмор в подобном случае перейдёт в “злую” (или, как ещё говорят, “едкую”) сатиру, для которой возможна критика одной глупости с позиций другой, а смех – в высмеивание (которое тоже может быть и часто бывает взаимным).

Смех – неперенный спутник человека, в достаточно большой степени контролирующего свою глупость. Он может смеяться как над собственными глупыми действиями (осознаваемыми таковыми), так и над глупостью других. Физиологически смех возникает при визуальном схватывании гротескных сторон явлений и прекращается либо в случае умственного и эмоционального вовлечения в них, либо в случае перехода к видению.

Плачь, в свою очередь, тоже всегда следствие смотрения на глупость, но возникает он уже не просто от гротескных сторон явлений, а от по-настоящему опустошающих, разрушительных и смертельных. Как отмечал Хуан Матус не для всех и не всегда плач вреден, но всё же видение – это в любом случае лучший вариант.

Наконец, стоит заметить, что человек не становится видящим моментально, скачком. В действительности, как уже отмечалось, многие люди умеют видеть от природы, но просто не осознают этой своей способности получения знаний, хотя постоянно пользуются ей (по сути, речь идёт об *интуиции*). Поэтому единственное, что может произойти мгновенно, – это осознание себя собственно видящим или осознание людей как “светящихся яиц”. Но к этому ведёт долгая работа, направленная на полное *отстранение* от всего человеческого и мирского вообще. И только эта работа способна дать, в свою очередь, полное *знание* о человечестве и мире, а самый первый основополагающий шаг, необходимый для того, чтобы приступить к ней – *честно* определить для себя что является важным, а что нет, и упорно преодолевать эту важность. В то же время необходимо стараться избегать любого самообмана и не форсировать процесс естественного развития.

Воля

Помимо *видения* и до него или параллельно с ним идущий по пути знания человек развивает другую способность, называемую Толтеками *волей*. Первое объяснение о *воле* даётся Кастанеде в связи с демонстрацией Хенаро Флоресом уникальных акробатических этюдов. Но на самом деле так охарактеризовать его действия может только не-видящий, каким был тогда Кастанеда. В действительности искусство Хенаро Флореса выходит далеко за рамки обычных артистических выступлений, как правило, выстраиваемых на основе простейших физических тренировок и заранее известного плана. Аналогично, за эти рамки выходит и танцевальное искусство Элиаса Сакатеки.

«Потом дон Хуан объяснил, как дон Хенаро смог совершить свой немислимый трюк. Для того, кто *видит*, люди выглядят как светящиеся существа, состоящие из чего-то, похожего на волокна света, которые, заворачиваясь спереди назад, образуют пространственную структуру, по форме напоминающую яйцо. Дон Хуан напомнил, что уже рассказывал мне об этом, а также о том, что самой удивительной частью яйцеобразных существ является пучок длинных волокон, исходящих из области пупка и играющих ключевую роль в жизни людей. В использовании этих “щупальцеобразных” волокон и заключался секрет чуда равновесия дон Хенаро. С акробатическими этюдами его действия не имели ничего общего. <...>

– Это щупальца, исходящие из середины человеческого тела. Они хорошо заметны любому магу-*видящему*. По виду этих щупалец он определяет, что из себя представляет тот или иной человек и как следует с ним себя вести. У слабых людей волокна-щупальца короткие, их почти не видно. У людей сильных они яркие и длинные. У Хенаро, например, они светятся так ярко, что кажется, будто это – не отдельные волокна, а массивное утолщение на оболочке. По этим волокнам *видно*, здоров человек или болен, злой он или добрый, подлый или какой-нибудь ещё. По ним можно также сказать, способен человек *видеть* или нет. Но с этим бывают сложности. Когда Хенаро *увидел* тебя, он, как в свое время Висенте, решил, что ты можешь *видеть*. Я тоже вижу тебя как *видящего*, но тем не менее знаю, что это не так – ты пока не способен *видеть*. Хенаро так и не смог в этом разобраться. Я говорил ему, что ты очень странный, но он захотел сам в этом убедиться. Поэтому и взял тебя к водопаду.

– Как ты думаешь, почему я произвожу впечатление *видящего*?

Дон Хуан не ответил. Он молчал довольно долго. Мне не хотелось беспокоить его вопросами. В конце концов он ответил, что знает причину, но не может объяснить это словами.

– Все твои действия легко понять, потому что в них нет ничего необычного. Отсюда и твоя уверенность в том, что понять можно всё в мире. Там, возле водопада, ты смотрел, как Хенаро пересекает поток, и был уверен, что он – мастер эквилибристики, потому что ничего другого предположить ты не мог. Теперь для тебя всё это таким и останется навсегда. Но Хенаро никогда не прыгал через поток. Если бы он прыгнул, он бы неминуемо разбился. Хенаро удерживал равновесие, цепляясь своими мощными яркими волокнами-щупальцами, вытягивая их настолько, что смог как бы перекатиться по ним через поток. Он продемонстрировал нам искусство управления щупальцеобразными волокнами, сознательно заставляя их удлиняться и двигаться с поразительной точностью». (Книга 2)

Позже Кастанеда пытался найти какие-либо аналоги *воли* среди известных ему обычных человеческих категорий, но Хуан Матус объяснил, что *воля* – это и не желание, и не мужество, и не владение собой. *Воля* – это таинственная сила, требующая для её развития особой дисциплины и позволяющая осуществлять почти невозможные на первый взгляд действия.

«– ...*Воля* – это энергия, сила, самостоятельная действующая единица. Она требует должного управления и настройки, на что требуется время. Мне это известно, поэтому в отношении тебя я спокоен. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я был не менее импульсивен, чем ты. Но это прошло. *Воле* нет дела до наших слабостей, она работает несмотря ни на что. Твоя, например, уже начинает приоткрывать просвет.

– О каком просвете ты говоришь?

– У нас есть просвет, как родничок на голове младенца. Только родничок со временем закрывается, а этот просвет – наоборот, по мере того, как у человека развивается *воля*, становится всё больше.

– Где он находится?

– Там, откуда исходят светящиеся волокна, – сказал он, показывая на мою брюшную полость.

– Для чего он?

– Через это отверстие, подобно стреле, выстреливается *воля*.

– *Воля* материальна?

– Нет. Я просто сказал так, чтобы тебе было понятнее. То, что маг называет *волей*, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Прекратить задавать вопросы (проблема, в это время актуальная для Кастанеды – *В.В.*) – не значит использовать *волю*, потому что для этого нужно думать и хотеть. *Воля* – это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен. *Воля* – это то, что делает тебя неуязвимым. *Воля* – это то, что позволяет магу пройти сквозь стену, преодолеть огромное расстояние, попасть на Луну, если он того пожелает». (Книга 2)

Воля – это также способ более непосредственного восприятия мира, чем это позволяют делать обычные чувства, но это не видение. Вообще говоря, проявление *воли* – это любое *творческое действие*.

«– Вчера ты сказал, что мир можно воспринимать как чувствами, так и *волей*. Что это означает?

– Обычный человек “схватывает” то, что есть в мире с помощью рук, глаз или ушей. Маг может “схватывать” также и с помощью *воли*. Я не могу описать тебе, как это делается, но ты сам, к примеру, не можешь описать мне, как ты слышишь. Так случилось, что я тоже могу слышать, поэтому мы можем говорить о том, что мы слышим, но не о том, как мы слышим. Маг использует свою *волю* для того, чтобы ощущать мир. Но это ощущение не похоже на слуховое восприятие. Когда мы смотрим на мир или когда мы прислушиваемся к нему, у нас создаётся ощущение, что он вне нас и что он реален. Ощущая мир нашей *волей*, мы узнаем, что он не настолько “вне нас” и не так “реален”, как мы думаем.

– *Воля* – это то же самое, что и *видение*? – Нет. *Воля* – это сила, энергия. *Видение* – это не сила, а способ проникновения в суть вещей. Маг может иметь очень сильную *волю*, но он всё же может не *видеть*, что означает, что только человек знания ощущает мир своими чувствами, своей *волей* и своим *видением*». (Книга 2)

Иными словами, тогда как использование *воли* требует напряжения, использование *видения*, наоборот, ориентирует на расслабление, полную отрешённость.

Как правило, люди не владеют своей *волей*, поскольку озабочены более прагматичными вещами; для них мир – это скорее предзаданное *описание мира* (см. соответствующий раздел), в котором ничего или почти ничего невозможно изменить без посредничества разума и рутины. Тем не менее, в зачаточном состоянии *воля* имеется практически у каждого, и наиболее простой способ ощутить её (или, что то же самое, *ощутить ей*) – это сосредоточенно наблюдать за требующими высокого мастерства спортивными упражнениями. Такими как, например, гимнастика, фигурное катание, либо спортивные танцы, о которых иногда говорят, что они “захватывают дух” (по сути, здесь “дух” и есть *воля*). Аналогично, *воля* может проявиться при концентрации на балетных выступлениях, либо при вслушивании в драматическую музыку – например, когда инструмент или певец берут звучную высокую ноту. И конечно, о *воле* знает каждый страстный футбольный болельщик, чувствующий её в момент гола (конечно, если то, *как* гол забит, хоть немного важнее самого факта его забития...). Кроме того, естественно, что и сами перечисленные достижения помимо обычных тренировок требуют большей или меньшей целеустремлённости, возможной лишь при активности *воли*, при наличии определённого творческого вдохновения. Тот же, кто внимательно их наблюдает, как бы “заражается” этим вдохновением, его тело желает повторить увиденное, а проявляется это желание в виде специфического напряжения в области солнечного сплетения (“щупальцеобразные” волокна вытягиваются) – иногда болезненного, но всегда очень полезного, стимулирующего к самосовершенствованию. Американский психолог Абрахам Маслоу говорил о таких моментах (хотя и без упоминания характерного ощущения) как о “пиковых переживаниях” в жизни человека.

В связи со всем сказанным следует остановиться на ещё одном вопросе. Даже если действительно *воля*, как её понимают Толтеки, очень мало задействуется современными людьми, для обозначения чего же это слово – *воля* – обычно используется ими? Иначе, имеет ли толтекское понимание *воли* хотя бы какую-то корреляцию с тем, как её понимают обычно? Имеет, и в этом не трудно убедиться, рассмотрев контекст употребления этого слова на примерах некоторых содержащих его устойчивых выражений естественного языка. Самые простые из них – “проявить волю” и “сила воли”. Что делает человек, “проявляя волю”? Как правило, *преодолеывает* что-либо, делает *выбор* в некоей сложной ситуации, *терпит* определённый ущерб с целью наверстать упущенное в *будущем*. Отсюда, *воля* в обычном понимании – это *сила*, употребляемая человеком в расчёте на некоторую перспективу; другими словами, это стратегическая сила, антагонистичная тактическому умственному планированию и инстинктивным реакциям. Другое устойчивое выражение, содержащее слово “воля” – “свобода воли”. Что обычно хотят сказать, указывая на такое качество *воли*, как *свободу*? Что проявляя её человек не подвержен *сиюминутным* порывам, что он поступает в большой степени *осознанно*, *ответственно*, *сам решает как ему действовать*. Следовательно, в конечном счёте, *воля* не просто *сила*, но *сила освобождающая*, используя её человек раскрывает свой *творческий потенциал*.

Обычное понимание *воли*, по сути, тождественно толтекскому. *Воля* – это творческая сила, овладение которой приводит к большей свободе действий и большему знанию, получаемому без привлечения разума.

Более подробно о *воле* говорится в разделах *Сновидение*, *Перепросмотр*, а также в основном тексте книги.

Что же касается западной психологии, то, первым, кто наиболее конструктивно подошёл к проблеме *волеизъявления*, был австрийский *психоаналитик* начала XX в. Отто Ранк – соратник основателя психоанализа Зигмунда Фрейда. Тогда как для материалистически ориентированного Фрейда *воля* могла быть лишь аналогом неосознаваемых человеком инстинктов и рефлексов, Ранк противопоставил им *сознательную волю*. Он, в частности, задался вопросом: в чём цель психоанализа? Для Фрейда лучшим результатом психоанализа была *сублимация*, то есть замена одних инстинктов – главным образом полового влечения – на другие, более социально приемлемые, к которым он относил и *творчество*. Ранк же полагал, что творчество и *воля* не инстинктивны: усиливая свою *волю*, человек делается более *сознательным*, *ответственным* и, следовательно, более *свободным* – то есть, наоборот, независимым от любых инстинктов. Подробную систематизацию понятия *воля* в рамках западной психологии можно найти, например, в книге американского

психолога и психотерапевта Ирвина Ялома «Экзистенциальная психотерапия», и в ней же даётся обширный психологический обзор некоторых других экзистенциальных категорий – таких как, например, *одиночество*, *борьба*, *смерть* (о роли осознания своей смертности в нагуализме см. раздел *Смерть-советчица*) и др.

Путь воина (также *индальгирование*¹, *безупречность*)

Чтобы овладеть *волей* человеку следует быть *воином* или *идти по пути воина*. Всё, что делает *воин*, и что в понятийной системе Толтеков характеризует воина как такового – это проявляет максимум *терпения* и не растрачивает свою энергию впустую.

«– Ты встал на путь магии. У тебя нет больше времени ни на отступление, ни на сожаления. Время есть лишь на то, чтобы жить, как подобает воину, вырабатывая терпение и *волю*. Нравится тебе это или нет.

– Как воин их вырабатывает?

Прежде, чем ответить, дон Хуан долго думал. В конце концов он произнёс:

– Мне кажется, об этом невозможно рассказать. Особенно о *воле*, потому что *воля* – это нечто очень специфическое. Проявления её таинственны. Нет никакой возможности объяснить, как её использовать, можно только увидеть результаты. Они ошеломляют. Наверное, прежде всего, нужно осознать, что *волю* можно развить. Воин знает об этом и терпеливо ждёт. Ты не отдаёшь себе отчёта в том, что твоё ожидание – ожидание *воли*. И это твоя ошибка. Мой бенефактор говорил мне, что воин знает, что он ждёт, и знает чего ждёт. Ты знаешь, что ждёшь. Но хотя ты и околачиваешься здесь годами, ты так до сих пор и не понял, чего именно ждёшь.

Среднему, обычному человеку очень трудно, практически невозможно узнать, чего он ждёт. Для воина, однако, такой проблемы не существует. Он знает, что его ожидание – это ожидание *воли*». (Книга 2)

Волю невозможно как-либо *запланировать*, её также невозможно достичь путём больших усилий над собой. Естественно, любое *индальгирование* сбивает с *пути воина*, но ещё более негативно влияет *самоограничение*, ведь самоограничение, в сущности, является крайней степенью *нетерпения*.

«– Как ты думаешь, я могу тренировать волю, например, отказываясь от чего-то?

– Например, от того, чтобы задавать вопросы, – съязвил дон Хуан.

Тон его при этом был настолько въедлив, что я даже перестал писать и поднял на него глаза. Мы оба рассмеялись.

– Нет. Отказывая себе в чем-либо, человек потакает себе, идя на поводу самолюбия или даже самовлюблённости. Я не советую заниматься подобными глупостями. Поэтому и позволяю тебе спрашивать – всё, что ты пожелаешь. Если бы я потребовал от тебя прекратить задавать вопросы, ты мог бы поранить свою *волю*, пытаясь выполнить моё требование. Самоограничение – самый худший и самый злостный вид потакания себе. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только ещё больше углубляемся в самолюбование, давая пищу самолюбию и чувству собственной важности (см. соответствующий раздел – *В.В.*). Отказаться от чего-то или заставить себя перестать что-то делать – это ещё не проявление *воли*. Если ты, например, заставишь себя перестать задавать вопросы, это действие не будет иметь с *волей* ничего общего». (Книга 2)

Заставляя себя что-либо делать насильно, человек чаще всего поступает так под давлением других людей, желая что-то *доказать им*. С другой стороны, в итоге можно придти к отвращению к любой деятельности вообще – “поранить волю”, и позже преодолеть это отвращение может оказаться очень нелегко.

Индальгирование – по сути, противоположность *воинскому настрою*. Тогда как воин собран и максимально ответственен, индальгирующий человек, напротив, расслаблен, его внимание отвлекается, и вообще он не представляет себе достаточно адекватно ситуации, в которой находится.

¹ Прим. “Софии” из “Сказок о силе”: Indulge (англ.) – быть снисходительным, потворствовать, потакать себе, оправдывать и т.п. Термин сохранён в связи с его огромной ёмкостью и невозможностью точного перевода.

«– Надеюсь, ты уже понял, – слова его звучали сурово, – что смертельно опасно всё. Вода ничуть не меньше, чем страж. Если не следить за собой и не контролировать свои действия, она вполне может поймать и не отпустить. Вчера с тобой это едва не случилось. Но чтобы попасться, человек должен этого желать. В этом твоя проблема. Ты хочешь поддаться.

Я не понимал, о чем он говорит. Неожиданным разнесом он полностью сбил меня с толку. Я очень мягко попросил объяснить, что произошло. Он нехотя сказал, что ходил в водный каньон, *видел* дух источника и теперь убеждён, что свой шанс *увидеть* воду я прохлопал.

– Как? – спросил я с искренним недоумением.

– Дух – это сила, которая считается только с силой. В её присутствии нельзя быть слабым. Ты снова потакал себе.

– Когда?

– Вчера, когда позеленел, сидя в воде.

– Я не потакал. Я считал это важным моментом, и потому рассказал тебе.

– Кто ты такой, чтобы думать или решать, что важно, а что – нет? Ты ничего не знаешь о силах, с которыми входишь в контакт. Дух источника существует, и он мог бы тебе помочь. Более того, он тебе помогал до тех пор, пока ты не свалил дурака. А теперь я даже не знаю, что из всего этого получится. Ты уступил силе хозяина источника, и теперь он в любой момент может завладеть тобой.

– Что, мне не нужно было смотреть на себя, когда я позеленел?

– Ты отказался от себя. Это было неправильно. Я уже говорил тебе и повторяю вновь – в мире *брухо* может выжить только воин. Воин относится ко всему с уважением; он не идёт напролом без необходимости. Вчера ты отнёсся к воде без должного уважения. Обычно ты ведёшь себя очень хорошо. Но вчера ты отказался от себя в пользу смерти; ты поддался ей, как последний болван. Воин никогда не сдаётся, даже перед лицом смерти. Воин ни у кого не идёт на поводу; он сам по себе и всегда недоступен. Вовлекаясь во что-то, он всегда полностью осознает, что делает». (Книга 2)

Можно сказать, что *индугирование* возникает в случае притупления *осознанности*.

«После еды дон Хуан спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал, что нормально, хотя на самом деле мне было немного не по себе. Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я понял, что он что-то заметил.

– Собираясь в Мексику, тебе следовало распрощаться со всеми своими страхами, к которым ты так неравнодушен, – очень жёстко сказал он. – Твоё решение должно было уничтожить их. Ты приехал, потому что хотел приехать. Так поступают на пути воина. Я много раз тебе говорил: быть воином – это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и размышления. Впереди – ещё миллионы решений, каждое из которых ждёт своего часа. Это – путь воина.

– Да я вроде так и делаю, дон Хуан, во всяком случае, время от времени. Все-таки трудно следить за собой непрерывно». (Книга 2)

Не верно, однако, считать, что *воин* – абсолютное состояние. Любой – даже наиболее *безупречный воин* – так или иначе, может *индугировать*.

«Дон Хуан положил мне руку на плечо, и у меня появилось огромное желание заплакать.

– Наступает ли тот момент, когда я больше не увижу тебя? – спросил я.

Он засмеялся и покачал головой.

– Ты индугируешь, как сукин сын. Однако все мы делаем это, только каждый по-своему. Иногда я и сам индугирую – чувствую, например, что избаловал тебя и сделал слабым. Я знаю, что Хенаро точно так же думает о Паблито. Он балует его, как ребёнка. Но так всё разметила *сила* (см. соответствующий раздел – *В.В.*). Хенаро даёт Паблито всё, что способен дать. И нельзя требовать от него большего. Нельзя критиковать воина за то, что он безупречно делает лучшее, что может». (Книга 3)

Естественно, что *безупречность воина* (развитость его *воли* или степень *связи с намерением* – см. раздел *Дух*) определяется уровнем осознанности, а не самим фактом индугирования.

Однажды *воин* обретает возможность не только проявлять *волю*, но и *видеть*, хотя это может произойти и очень поздно – ближе к концу жизни, либо же вообще никогда. При этом тот, кто опирается в своей жизни на *волю*, а не на *видение*, каким бы могущественным магом он ни был, всё ещё остаётся вовлечённым в мир человеческой глупости, и потому проигрывает *видящему*.

«– Мы с тобой очень разные. Наши характеры непохожи. Ты по природе в большей степени склонен к насилию, чем я. В твоём возрасте я не был агрессивен, более того – я был робок. Ты же – наоборот, и в этом похож на моего бенефактора. Он бы идеально подошёл тебе в качестве учителя. Это был великий маг, но он не *видел*. Ни так, как я, ни так, как Хенаро. Я ориентируюсь в мире и живу, опираясь на *видение*. Мой бенефактор должен был жить как воин. *Видящий* не должен жить как воин или как кто-то ещё, ему это ни к чему. Он *видит*, следовательно, для него всё в мире предстает в обличье своей истинной сущности, должным образом направляя его жизнь. Но, учитывая твой характер, я должен сказать тебе, что, возможно, ты так никогда и не научишься *видеть*. В этом случае тебе придётся всю жизнь быть воином.

Мой бенефактор говорил: встав на путь знания, человек постепенно осознает, что обычная жизнь для него навсегда осталась позади, что знание – страшная вещь, и средства обычного мира уже не могут его защитить. Поэтому, чтобы уцелеть, нужно жить по-новому. И первое, что необходимо сделать на этом пути, – захотеть стать воином. Важное решение и важный шаг. Путь знания не оставляет выбора – идти по нему может только воин. <...>

– Мой бенефактор был магом с большими силами, – продолжал он. – Он был воин до мозга костей. Его *воля* была действительно его самым чудесным достижением. Но человек может пойти ещё дальше. Человек может научиться *видеть*. После того, как он научился *видеть*, ему не нужно больше быть ни воином, ни магом. Став *видящим*, человек становится всем, сделавшись ничем. Он как бы исчезает, и в то же время он остаётся. В принципе он может заполучить всё, что только пожелает, и достичь всего, к чему бы ни устремился. Но он не желает ничего, и вместо того, чтобы забавляться, играя обычными людьми, как безмозглыми игрушками, он растворяется среди них, разделяя их глупость. Единственная разница состоит в том, что *видящий* контролирует свою глупость, а обычный человек – нет. Став *видящим*, человек теряет интерес к своим ближним. *Видение* позволяет ему отрешиться от всего, что он знал раньше.

– Меня бросает в дрожь при одной только мысли об отрешении от всего, что я знаю, – сказал я.

– Ты, должно быть, шутишь! Тебя должно бросать в дрожь не от этой мысли, а оттого, что впереди у тебя нет ничего, кроме рутинного повторения одних и тех же действий в течение всей жизни. Представь человека, который из года в год выращивает зерно, и так до тех пор, пока силы не покидают его, и он не падает, подобно старому облезлому псу. Все его мысли и чувства, всё, что в нем есть самого лучшего, принесено в жертву одному – добыче еды, производству пропитания. Бессмысленная жертва, пустая трата времени – жить, чтобы питаться, и питаться ради жизни, и снова жить, чтобы питаться, и так – до самой смерти. Развлечения, придуманные людьми, как бы они при этом ни изощрялись, – всего лишь жалкие потуги забыть, не выходя за пределы порочного круга – питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться... Как по мне, то не может быть страшнее потери!

Мы – люди, и наша судьба, наше предназначение – учиться ради открытия всё новых и новых непостижимых миров.

– Что, новые миры – это реальность? – спросил я недоверчиво.

– Глупый ты! Мы ещё только в самом начале пути. *Видение* доступно лишь безупречному воину. Закали свой дух и стань таковым. Тогда, научившись *видеть*, ты узнаешь, что непознанным мирам нет числа и что все они – здесь, перед нами». (Книга 2)

Отличительной чертой *воина* является подчинённость всей его жизни хорошо продуманной стратегии. Воин никогда не пускает на волю случая ничего, что имеет для него значение.

«Я возразил, что человек не может постоянно себя контролировать. Он сказал, что для воина не существует ничего вне контроля. Тогда я заговорил о роли случайностей в нашей жизни. Я сказал, что всё, происшедшее со мной в воде, можно расценивать именно как случайность, поскольку я не знал о своём неправильном поведении и не осознавал его. Я говорил о различных несчастьях, происходящих с людьми, которые можно было объяснить случайностью. В частности, я упомянул о Лукасе, симпатичном старом индейце-яки, который сильно пострадал, перевернувшись на грузовике.

– Мне кажется, невозможно избежать случайностей, – сказал я. – Никто не в силах полностью контролировать ситуацию и управлять всем, что вокруг него происходит.

– Верно, – согласился дон Хуан. – Но далеко не всякая случайность неизбежна. Лукас не воин. Если бы он был воином, знающим о своём ожидании и о его цели, он ни за что бы не сел за руль пьяным. В скалу он врезался только потому, что был пьян, и ни за грош покалечил своё тело.

Воин всю жизнь отработывает стратегию – а ты хочешь найти смысл жизни. Воин не заботится о смысле. Если бы Лукас жил как воин – а у него такая возможность была, как,

впрочем, она есть и у любого другого, – он организовал бы свою жизнь стратегически. И если бы он даже не мог предотвратить аварию, в которой ему раздробило ребра, он смог бы смягчить удар, или избежать последствий, или же преодолеть их. Если бы Лукас был воином, он не сидел бы сейчас в своей полуразвалившейся лачуге, медленно умирая от недоедания. Воин сражается до конца.

Я предложил взять в качестве примера самого дона Хуана. Я спросил, что бы он делал, если бы попал в аварию и лишился, скажем, ног.

– Если бы я ничего не смог сделать и потерял бы ноги, я больше бы не оставался полноценным человеком. Поэтому я ушёл бы к тому, что ждёт меня *там*.

Он обвёл рукой всё вокруг.

Я сказал ему, что он неправильно меня понял. Я имел в виду, что никто не может предвидеть все случайности, подстерегающие его в повседневной жизни.

– Я могу сказать тебе только одно – воин недоступен. Он никогда не стоит посреди дороги, ожидая, пока что-нибудь его пришибёт. Он сводит к минимуму возможность возникновения непредвиденных ситуаций. Того, что люди называют случайностями, почти всегда можно легко избежать. Обычно такие вещи происходят с дураками, вся жизнь которых – сплошное разгильдяйство.

– Но ведь невозможно двадцать четыре часа в сутки думать и жить стратегически, – сказал я. – Представь, например, что кто-то поджидает тебя с мощной винтовкой, снабжённой оптическим прицелом. Он может уложить тебя с расстояния в полкилометра. Что ты сделаешь в подобной ситуации?

Дон Хуан недоверчиво взглянул на меня и расхохотался.

– Так все-таки, что ты сделаешь? – настаивал я.

– Если кто-то ждёт меня с винтовкой?

– Да, если кто-то спрятался и ждёт тебя. У тебя не будет ни единого шанса.

Ты ведь не сможешь остановить пулю.

– Нет, не смогу. Но я всё равно не понимаю, к чему ты клонишь.

– Да к тому, что в подобной ситуации никакая стратегия не поможет.

– О, ещё как поможет! Если кто-нибудь будет ждать меня, вооружившись мощной винтовкой с оптическим прицелом, то *меня просто там не окажется*». (Книга 2)

Таким образом, развитое *видение* – это исчерпывающее знание *видящего* обо всём, что касается устремлённости его *воли*. С другой стороны, наоборот, не будучи *воином* и не владея *волей*, *видящий* вообще может утратить желание жить.

«– ...В мире действительно множество устрашающих вещей, а мы – беспомощные создания, окружённые непостижимыми и неумолимыми силами. Обычный человек по невежеству своему полагает, что их можно объяснить или изменить. На самом деле он не знает, как это сделать, однако надеется, что человечество рано или поздно сумеет объяснить их или изменить. Маг, с другой стороны, думает не об объяснениях и не о переменах. Вместо этого он использует эти непостижимые силы для того, чтобы *перенаправить себя*, приспособившись к направлению их действия. В этом заключается его хитрость. В магии нет ничего особенного, достаточно лишь эту хитрость узнать. Маг ничем не лучше обычного человека. Магия не избавляет его от проблем. В действительности она ему даже мешает, потому что усложняет жизнь и делает её опасной. Открываясь знанию, маг становится уязвимее обычного человека. С одной стороны, его ненавидят и боятся люди. Естественно, они стараются всяческими способами сократить ему жизнь. С другой – непостижимые и неумолимые силы. Они окружают нас, и нам никуда от них не деться уже только по той причине, что мы живём в этом мире. Для мага они представляют собой даже более серьёзную опасность, чем люди. Если мага пронзит человек, ему больно, по-настоящему больно. Но это ничто по сравнению с тем, что бывает, если его заденет *союзник*. Открываясь знанию, маг попадает в лапы сил. Единственное средство, позволяющее ему уравновесить себя и сдержать их напор, – это *воля*. Поэтому он должен воспринимать и действовать как воин. Я ещё раз повторяю; только воин выживает на пути знания. В образе жизни воина кроется сила. Именно эта сила позволяет ему жить лучшей жизнью.

Я обязан научить тебя *видеть*. Не потому, что мне этого хочется, а потому, что ты избран, на тебя указал мне *Мескалито*. Однако научить тебя действовать и чувствовать как подобает воину – лично моё стремление, потому что я уверен, что быть воином – это наиболее подходящий способ жить. Поэтому я постарался показать тебе те силы, с которыми сталкивается маг. Только под их ужасающим воздействием человек может стать воином. Если бы ты научился *видеть*, не став предварительно воином, это ослабило бы тебя ложным смирением и желанием отступить. Тело твоё разрушилось бы,

потому что тебе стало бы всё равно. Так что сделать тебя воином – моё собственное намерение. Тогда ты не сломаешься.

Ты неоднократно повторял, что всегда готов к смерти. Я считаю, что чувствовать себя всегда готовым к смерти не обязательно. Это бесполезное потакание собственной слабости. Воин должен быть готов только к битве. Ты говорил, что родители искалечили твой дух. Я думаю, что дух человека не так-то легко искалечить. По крайней мере, теми действиями, которые ты считаешь калечащими дух. Но можно сделать человека мягким и хлипким, приучить его потакать себе, жалеть себя, поддаваться прозябанию. И, должен отметить, в этом твои родители, безусловно, преуспели.

Дух воина не привязан ни к потаканию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина – битва, и каждая битва, которую он ведёт, – его последняя битва на этой земле. Поэтому исход её для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведёт эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеётся». (Книга 2)

На протяжении практически всех диалогов с Карлосом Кастанедой Хуан Матус постоянно раскрывает новые грани воинского мироощущения и настроения. Ниже приведены несколько наиболее ярких его высказываний на эту тему:

«– ...Для меня нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Всё заполнено до краёв и всё равно, и моя борьба стоила моих усилий.

Чтобы стать *человеком знания*, нужно быть воином, а не ноющим ребёнком. Борьбись не сдаваясь, не жалуясь, не отступая, борись до тех пор, пока не *увидишь*. И всё это лишь для того, чтобы понять, что в мире нет ничего, что имело бы значение». (Книга 2)

«– Каждый из поступков следует совершать в настроении воина, – объяснил дон Хуан. – Иначе человек уродует себя и делается безобразным. В жизни, которой не хватает настроения воина, отсутствует *сила*. Посмотри на себя. Практически всё мешает тебе жить, обижает и выводит из состояния душевного равновесия. Ты распускаешь нюни и ноешь, жалуясь на то, что каждый встречный заставляет тебя плясать под свою дудку. Сорванный лист на ветру! В твоей жизни отсутствует *сила*. Какое, должно быть, мерзкое чувство! Воин же, с другой стороны, прежде всего охотник. Он учитывает всё. Это называется контролем. Но закончив свои расчёты, он действует.

Он отпускает поводья рассчитанного действия. И оно совершается как бы само собой. Это – отрешённость. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может сбить его с пути. Намерение воина непоколебимо, его суждения – окончательны, и никому не под силу заставить его поступать вопреки самому себе. Воин настроен на выживание, и он выживает, выбирая наиболее оптимальный образ действия». (Книга 3)

«Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает её в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожалений, а как живой вызов.

Каждому из нас требуется время, чтобы понять это и сделать своим достоянием. Я когда-то ненавидел само слово «смирение». Я – индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и только и делали, что опускали головы. Я думал, что смирению не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина и смирение нищего – невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволит опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метёт пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним». (Книга 4)

«– Ход жизни воина неизменяем, – сказал [дон Хуан] мне однажды. – Вопрос лишь в том, насколько далеко уйдёт он по узкой дороге, насколько безупречным он будет в нерушимых границах... Если на его пути встречаются препятствия, воин стремится безупречно преодолеть их. Если на своей тропе он встречает невыносимые трудности и боль, он плачет, и все его слезы, вместе взятые, не смогут сдвинуть линию его судьбы даже на толщину волоска». (Книга 6)

Смерть-советчица

Основой мотивации всех поступков воина является осознание им своей смертности.

«...К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути – верный попутчик, незаменимый партнёр, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается всё, и всё, чего она коснулась, становится силой.

На каждом повороте этого пути человек сталкивается с угрозой полного уничтожения, поэтому неизбежно начинает осознавать свою смерть. Без осознания смерти он останется только обычным человеком, совершающим заученные действия. Он не будет обладать мощью и способностью к концентрации, чтобы отведённое ему на этой земле время превратить в магическую силу. Поэтому, чтобы стать воином, человек прежде всего должен полностью осознать свою собственную смерть. Но простое беспокойство в связи с возможностью умереть ничего не даёт, лишь заставляет замкнуться на себе. Поэтому необходима отрешённость. Тогда идея неизбежности смерти не превращается в манию, а становится безразличной. <...>

Только мысль о смерти может дать человеку отрешённость, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Но это – не страстная жажда, а молчаливая страсть, которую воин испытывает к жизни и ко всему, что в ней есть. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ни за что зацепиться, поэтому он пробует всё, ни к чему не привязываясь. Отрешённый воин знает, что невозможно отвести смерть, и знает, что у него есть только одна поддержка – сила его решений. Он должен быть, так сказать, мастером своего выбора. Он должен полностью понимать, что он сам целиком отвечает за свой выбор и что если он однажды сделал его, то у него нет больше времени для сожалений или упреков в свой адрес. Его решения окончательны просто потому, что его смерть не даёт ему времени привязаться к чему-либо.

И, таким образом, с осознанием своей смерти, своей отрешённости и силы своих решений воин размечает свою жизнь стратегически. Знание о своей смерти ведёт его, делает его отрешённым и молчаливо страждущим, и сила его окончательных решений делает его способным выбирать без сожалений, и то, что он выбирает, стратегически всегда самое лучшее. Поэтому он выполняет всё со вкусом и страстной эффективностью.

Когда человек ведёт себя таким образом, то можно смело сказать, что он – воин, и что он достиг своего терпения». (Книга 2)

А в «Путешествии в Икстлан» со свойственной ему метафоричностью Хуан Матус предлагает рассматривать смерть *советщицу*:

«Когда ты в нетерпении или раздражён – оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза ты уловишь её движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик – всегда рядом и всё время внимательно за тобой наблюдает». (Книга 3)

Для магов смерть не является абстракцией, и при реальной угрозе умереть они действительно могут *видеть* её как большую тёмную фигуру за левым плечом.

Вот ещё весьма категоричные фрагменты диалогов:

«– Если ты что-то решил, нужно идти до конца, – сказал он, – но при этом необходимо принять на себя ответственность за то, что делаешь. Что именно человек делает, значения не имеет, но он должен знать, зачем он это делает, и действовать без сомнений и сожалений.

Он смотрел на меня изучающе. Я не знал, что сказать. Наконец, у меня сформировалось мнение, почти протест. Я воскликнул:

– Но это же невозможно!

Он спросил, почему, а я ответил, что, наверно, было бы идеально, если бы люди обдумывали всё, что собираются сделать. Но на практике, однако, такое невозможно, и невозможно избежать сомнений и сожалений.

– Ещё как возможно! – убеждённо возразил дон Хуан, – Взгляни на меня. У меня не бывает ни сомнений, ни сожалений. Всё, что я делаю, я делаю по собственному решению, и принимаю на себя всю полноту ответственности за это. Самое простое действие, например, прогулка с тобой по пустыне, может означать для меня смерть. Смерть неуклонно идёт по моему следу. Поэтому места для сомнений и сожалений я оставить не могу. И если во время нашей с тобой прогулки мне предстоит умереть в

пустыне, то я должен там умереть. Ты же, в отличие от меня, ведёшь себя так, словно ты бессмертен, а бессмертный человек может позволить себе отменять свои решения, сожалеть о том, что он их принял, и в них сомневаться. В мире, где за каждым охотится смерть, приятель, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения. <...>

Принять на себя ответственность за свои решения – это значит быть готовым умереть за них. <...>

– Не имеет значения, каким именно является решение, – сказал дон Хуан. – В этом мире нет ничего более серьёзного, чем что-либо другое. Разве ты не понимаешь? В мире, где за каждым охотится смерть, не может быть маленьких или больших решений. Здесь есть лишь решения, которые мы принимаем перед лицом своей неминуемой смерти». (Книга 3)

«– Не становись непоседливым, – сказал он. – В мире нет ничего такого, чего воин не должен принимать в расчёт. Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мёртвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все». (Книга 4)

Как правило, люди не думают о смерти и, более того, упоминать о ней считается дурным тоном, поскольку смерть полагается априори неизбежным злом, а запрет на разговоры о ней вроде бы помогает это зло если и не преодолеть, то, по крайней мере, максимально отдалить. Другой вариант такого отдаления – шутки о смерти или бесстрастные рассуждения о ней. Подобный взгляд, однако, является полностью безответственным, и для всякого человека, как бы ему того ни хотелось, вопрос о смерти рано или поздно встанет в полный рост – когда весь груз пороков прошлого проявится в виде болезней и немощности. Но обычно это случается слишком поздно, и даже самое полное переосмысление жизни оказывается уже неспособным помочь. Старость, в этом смысле, скорее состояние не тела, а духа.

Чем меньше целеустремлённости имеет человек, тем менее ему нужна жизнь и тем скорее он её лишается.

Бывает, впрочем, и наоборот, когда не совершая никаких выдающихся действий, но, с другой стороны, и не вредя себе, человек может жить столь же долго, сколь и бессмысленно. А живущий очень насыщенно и имеющий особые притязания – “яркий” – человек может не рассчитать свои силы и быстро “сгореть”. В этом случае, однако, скоротечность жизни компенсируется её насыщенностью, интенсивностью или собственно *жизненностью*.

«– Идея смерти является колоссально важной в жизни магов, – продолжал дон Хуан. – Я привёл тебе неисчислимы аргументы относительно смерти, чтобы убедить тебя в том, что знание о постоянно угрожающем нам неизбежном конце и является тем, что даёт нам трезвость. Самой дорогостоящей ошибкой обычных людей является потакание ощущению, что мы бессмертны, как будто если мы не будем размышлять о собственной смерти, то сможем избежать её.

– Ты должен согласиться, дон Хуан, что не думая о смерти, мы охраняем себя от переживаний по этому поводу.

– Да, именно с этой целью мы и не думаем о ней, – согласился дон Хуан. – Но эта цель не является стоящей даже для обычных людей, а уж для магов она попросту пародийна. Без ясного взгляда на смерть нет ни порядка, ни трезвости ума, ни красоты. Маги борются за достижение этого очень важного понимания, чтобы на возможно более глубоком уровне облегчить постижение следующей истины: у них нет ни малейшей уверенности, что их жизнь продлится дольше этого мгновения. Такое понимание даёт магам мужество быть терпеливыми, и всё же совершать действия, быть уступчивыми, не будучи глупыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня Он улыбнулся и тряхнул головой.

– Да, – продолжал он, – мысль о смерти – это единственное, что может придать магу мужество. Странно, правда? Она даёт магу мужество быть искусным без самомнения, но самое главное – она даёт ему мужество быть безжалостным без чувства собственной важности». (Книга 8)

«– Если тебе не за что умирать, – как-то сказал мне дон Хуан, – как ты можешь утверждать, что тебе есть для чего жить? Две эти вещи идут рука об руку, и смерть – главная в этой паре». (Книга 10)

Но цель Толтеков – не бессмертие, и хотя при определённых условиях они могут продлевать свою жизнь неопределённо долго, основная их задача – развитие осознанности, завершаемое переходом в *третье внимание* (см. раздел *Первое, второе и третье внимания*) или, что то же самое, достижением *абсолютной свободы*.

Проблема осознания своей смертности поднималась и в западной философии, а наиболее близко к созвучным с толтекскими представлениям о её роли для человека подошли датский философ XIX в. Серен Кьеркегор, и вслед за ним немецкий философ XX в. Мартин Хайдеггер. Согласно Хайдеггеру, осознание *смертности* более чем что-либо другое позволяет вскрыть смысл человеческой *жизни*, ведь именно перед угрозой смерти, когда человек находится в состоянии не просто *страха*, а настоящего *ужаса*, он только и способен понять действительную её *ценность* как того, потеря чего ему этот ужас внушает. Наоборот, когда человек привыкает не бояться за жизнь – чувствует себя “бессмертным”, и все его действия исходят из этой порочной идеи, он оказывается не в состоянии понять её истинное значение и жить с достаточной эффективностью. Осознание своей смертности или, по Хайдеггеру, осознание своего бытия как “бытия-к-смерти”, следовательно, является предельным осознанием, которое *человек* может иметь относительно себя как *такового*.

Некоторые люди, впрочем, утверждают, что хотя полностью осознают свою конечность, тем не менее, не боятся смерти. Ошибка такого взгляда кроется в том, что они действительно не боятся смерти, когда бы она настигла их в конце жизни, в кругу близких и в мягкой постели. Но стоит оказаться им в действительно экстремальных условиях угрозы жизни – столкнуться с прямым физическим насилием, стихийным бедствием, от которого нельзя укрыться, или достаточно явно ведущей к разрушению болезнью, – как самый настоящий животный ужас не заставит себя долго ждать.

В этом смысле любой страх – это именно страх смерти. Отсюда, не бояться смерти – значит вообще ничего не бояться.

Но это совсем не то же самое, что жить в тепличном мире, где человек просто не может сильно испугаться.

Психология и психиатрия также указывают в этой связи на интересный факт, когда человек готов заниматься любой и даже самой бессмысленной (*глупой*) деятельностью, лишь бы только отвлечься от депрессивных мыслей о смерти, если ранее она каким-то образом его коснулась. Причём известен крайний исход, к которому может привести желание избавиться от этого состояния – как ни странно, это *самоубийство*.

Стирание личной истории

Необходимой для воина является практика “стирания личной истории”, то есть намеренного сокрытия различных фактов о своей жизни. Делается это для того, чтобы не оказаться в какой-либо нежелательной зависимости от окружающих, вынуждающей соответствовать их ожиданиям.

«Дон Хуан сказал, что у каждого, кто меня знает, сформировался определённый образ моей личности. И любым своим действием я как бы подпитываю и ещё больше фиксирую этот образ.

– Неужели тебе не ясно? – драматически сказал он. – Твоя личная история постоянно нуждается в том, чтобы её сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. А если бы у тебя не было личной истории, надобность в объяснениях тут же отпала бы. Твои действия не могли бы никого рассердить или разочаровать, а самое главное – ты не был бы связан ничьими мыслями. <...>

– Ты должен постепенно создать вокруг себя туман, шаг за шагом стирая всё вокруг себя до тех пор, пока не останется ничего гарантированного, однозначного или очевидного. Сейчас твоя проблема в том, что ты слишком реален. Реальны все твои намерения и начинания, все твои действия, все твои настроения и побуждения. Но всё не

так однозначно и определённо, как ты привык считать. Тебе нужно взяться за стирание своей личности. <...>

– Начни с простого – никому не рассказывай о том, что в действительности делаешь. Потом расстанься со всеми, кто хорошо тебя знает. В итоге вокруг тебя постепенно возникнет туман.

– Но это же полный абсурд! – воскликнул я. – Почему меня никто не должен знать? Что в этом плохого?

– Плохо то, что те, кто хорошо тебя знают, воспринимают твою личность как вполне определённое явление. И как только с их стороны формируется такое к тебе отношение, ты уже не в силах разорвать пути их представлений о тебе. Мне же нравится полная свобода неизвестности. Никто не знает меня с полной определённостью, как, например, многие знают тебя.

– Но в этом уже присутствует ложь.

– Ложь или правда – мне до этого дела нет, – жёстко произнёс он. – Ложь существует только для тех, у кого есть личная история. <...>

– Видишь ли, – продолжал он, – наш выбор ограничен: либо мы принимаем, что всё – реально и определённо, либо – нет. Если мы выбираем первое, то в конце концов смертельно устаем и от себя самих, и от всего, что нас окружает. Если же мы выбираем второе и стираем личную историю, то всё вокруг нас погружается в туман. Это восхитительное и таинственное состояние, когда никто, даже ты сам, не знает, откуда выскочит кролик.

Я возразил, что стирание личной истории лишь усугубит чувство неуверенности и незащищённости.

– Когда отсутствует какая бы то ни было определённость, мы всё время начеку, мы постоянно готовы к прыжку, – сказал он. – Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе всё давным-давно известно». (Книга 3)

Для современного общества интерес людей к жизни друг друга является данностью, целесообразность которой редко подвергается сомнению – однако для воина такое положение вещей неприемлемо. С другой стороны, препятствуя распространению личных сведений о себе, следует понимать, что это не должно приводить к крайностям – аскетизму или избеганию людей, а равно к воображению себя носителем каких-то особых тайн. Высшее достижение в искусстве стирания личной истории – способность вести себя с людьми так, словно скрывать перед ними просто нечего, выставляя вперёд множество совершенно неважных деталей о себе, и при этом никогда не говоря самого главного.

Начало *стирания личной истории* может быть сопряжено с определёнными трудностями и требовать больших усилий и контроля, но со временем оно становится естественным и полностью осознаётся как необходимое. Это же относится и к *перепросмотру* (см. соответствующий раздел), по сути представляющему собой наиболее эффективный способ *стирания личной истории*.

Чувство собственной важности

Чувство собственной важности, как его понимают Толтеки, это уверенность в своей исключительности, побуждающая человека исходить из положения, что всё происходящее должно соответствовать его желаниям, а в противном случае безапелляционно требовать этого. Воин должен полностью преодолеть в себе *чувство собственной важности*, поскольку фактически оно потворствует в высшей степени безответственному поведению. Чувствовать себя важным – основной способ *индальгирования*.

«Я снова начал злиться, и взвинтил себя до такой степени, что лишь ценой огромных усилий мог продолжать записывать.

– Ты слишком серьёзно к себе относишься, – медленно проговорил [дон Хуан]. – И воспринимаешь себя как чертовски важную персону. Это нужно изменить! Ведь ты настолько важен, что считаешь себя вправе раздражаться по любому поводу. Насколько важен, что можешь позволить себе развернуться и уйти, когда ситуация складывается не так, как тебе этого хочется. Возможно, ты полагаешь, что тем самым демонстрируешь силу своего характера. Но это же чушь! Ты – слабый, чванливый и самовлюблённый тип! <...>

– ...Пока ты чувствуешь, что наиболее важное и значительное явление в мире – это твоя персона, ты никогда не сможешь по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно заморенная лошадь, ты не видишь в нем ничего, кроме самого себя. <...>

– Как можно чувствовать себя настолько важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идёт по твоему следу? – спросил дон Хуан». (Книга 3)

«– Чувство собственной важности – главнейший и самый могущественный из наших врагов. Подумай вот о чем: нас уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны наших ближних, и это нас ослабляет. Наше чувство собственной важности заставляет нас почти всё время чувствовать себя оскорблёнными кем-то или на кого-то обиженными.

Новые видящие рекомендуют направить все возможные усилия на исключение чувства собственной важности из жизни воина. Я всё время следовал и следую этим рекомендациям. И значительная часть моих действий в отношении тебя направлена на то, чтобы ты увидел – **лишившись чувства собственной важности, мы становимся неуязвимыми**. <...>

– Чувство собственной важности, – пояснил дон Хуан, – не является чем-то простеньким и незамысловатым. С одной стороны, это сердцевина всего наилучшего, что в нас имеется. А с другой – сердцевина всей нашей внутренней гнили. И потому методика избавления от этого гнилостного аспекта чувства собственной важности в каждом случае являет собою поистине стратегический шедевр. И во все века *видящие* с глубочайшим восхищением относились к тем, кому удалось это совершить». (Книга 7)

Не следует, однако, думать, что искоренение чувства *собственной важности* неминуемо ведёт к отказу от всех *своих* целей или к сходному с религиозным бескорыстному служению *другим*. Напротив, следствием его отсутствия становится независимость от людей, поскольку отпадает надобность во что бы то ни стало кому-то что-то доказывать, либо из одного только упрямства совершать заведомо бессмысленные поступки. Иначе говоря, отказ от *чувства собственной важности* ведёт к отказу только от своих *эгоистических* целей, но высшая цель – *свобода* – и сопутствующие её достижению магические способности – становятся только ближе.

Чувство жалости к себе

Жалость к себе, на которой Хуан Матус неоднократно ловил Кастанеду, наряду с чувством собственной важности является ещё одним очень распространённым среди людей способом индугирования. В то время как нужно собрать всю свою волю в кулак и до последнего бороться с очередным препятствием, нередко в качестве лучшего варианта люди выбирают пожалеть себя и попытаться вызвать *жалость к себе* у окружающих.

«– Тебе очень нравится себя жалеть. Я понимаю. Но, как бы тебя это ни тешило, от этой привычки придётся избавиться, – мягко сказал он. – В жизни воина нет места для жалости к себе.

Он засмеялся и ещё раз пропел песню, слегка изменив интонацию. В результате получился нелепый плаксиво-сентиментальный куплет. Дон Хуан сказал, что мне эта песня понравилась именно потому, что всю свою жизнь я только тем и занимался, что выискивал во всем недостатки, жаловался и ныл. Спорить с ним я не мог. Он был прав. Но, тем не менее, я полагал, что у меня всё же достаточно оснований к тому, чтобы чувствовать себя подобно сорванному ветром одинокому листу.

– Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина, – сказал дон Хуан. – Бесполезно пребывать в печали и ныть, чувствуя себя вправе этим заниматься, и верить, что кто-то другой что-то делает с нами. Никто ничего не делает ни с кем, и особенно – с воином. <...>

– Жалость к себе несовместима с *силой*, – продолжал он. – В настроении воина полный самоконтроль и абсолютное самообладание соединяются с отрешённостью, то есть с полным самоотречением». (Книга 3)

Вообще говоря, жалость социальное явление, и у подавляющего большинства разделяющих общепринятые ценности людей всегда есть бессознательное предположение, что на основании их жалости или сострадания по отношению к другим, и они тоже имеют право на сострадание к себе. Следующее описанное Карлосом Кастанедой событие ярко иллюстрирует этот тезис:

«Я всё ещё размышлял о необыкновенном мастерстве, которое требуется для того, чтобы двигаться с такой скоростью, когда дон Хуан сухим приказным тоном велел мне поймать кролика, убить, освежевать и зажарить до того, как закончатся сумерки.

Он взглянул на небо и сообщил, что времени у меня, пожалуй, достаточно.

Я автоматически начал действовать так, как действовал уже много раз. Дон Хуан шёл рядом и оценивающим взглядом следил за каждым моим движением. Я был очень спокоен и двигался с большой осторожностью, поэтому без особого труда в скором времени поймал кролика-самца.

– Теперь убей его, – сухо велел дон Хуан.

Я засунул руку в ловушку, схватил кролика за уши и начал тянуть к себе. И тут вдруг меня охватил дикий ужас. Впервые за всё время, в течение которого дон Хуан обучал меня охоте, до меня дошло: он никогда не учил меня убивать дичь! Множество раз мы с ним бродили по пустыне, и до сих пор он убил только одного кролика, двух перепелов и одну гремучую змею.

Я отпустил кролика и взглянул на дона Хуана:

– Я не могу его убить.

– Почему?

– Я никогда этого не делал.

– Но ты же убил сотни птиц и других животных.

– Из ружья, а не голыми руками.

– Какая разница? Время этого кролика подошло к концу.

Тон дона Хуана потряс меня. Он говорил настолько уверенно, с такой убежденностью, что в сознании моем не осталось и тени сомнения. Он действительно знал, что время этого кролика закончилось.

– Убей его! – с яростным блеском в глазах приказал он.

– Не могу.

Дон Хуан закричал, что кролик должен умереть, потому что закончил свои скитания по этой прекрасной пустыне, и что мне нечего увиливать, так как сила, которая направляет пути кроликов, привела в мою ловушку именно этого кролика, и сделала это как раз на границе сумерек.

На меня нахлынул целый поток бессвязных мыслей и ощущений. Они словно только и ждали возможности меня одолеть, и, явившись, привели меня в состояние глубокой подавленности. Со смертельной ясностью я почувствовал, какая это трагедия для кролика – попасть в мою западню. За считанные секунды в сознании пронеслись воспоминания о наиболее критических моментах моей жизни, когда я сам был в положении, подобном положению этого кролика.

Я смотрел на кролика, а кролик – на меня. Он прижался к задней стенке клетки. Он сидел, свернувшись почти калачиком, очень тихо и неподвижно. Мы с ним обменялись мрачными взглядами. В его взгляде я прочёл молчаливое отчаяние, и это ещё больше усилило во мне ощущение полного сходства с этим кроликом. Я живо представил себя на его месте.

– Черт с ним, – громко сказал я. – Я никого не буду убивать. Я его отпускаю.

От избытка чувств меня затрясло. Дрожащими руками я полез в ловушку, пытаюсь схватить кролика за уши. Он быстро увернулся, и я промазал. Я попытался ещё раз и снова неудачно. Я пришёл в отчаяние. Меня стало тошнить, и я быстро ударил по ловушке ногой, чтобы разбить её и таким образом освободить кролика. Но клетка оказалась неожиданно прочной и не разваливалась. Моё отчаяние переросло в невыносимую муку. Из всех сил я правой ногой топнул по клетке. Прутья с треском сломались. Я вытащил кролика, на мгновение испытал облегчение, от которого в следующий момент не осталось и следа. Кролик без движения висел у меня в руке. Он был мёртв.

Я не знал, что делать. В голове начали роиться мысли о том, отчего мог умереть кролик. Я оглянулся на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я ощутил ужас, от которого по всему телу прошла холодная волна.

Я сел на землю возле каких-то камней. Ужасно болела голова. Дон Хуан положил на неё ладонь и прошептал мне в самое ухо, что я должен освежевать кролика и зажарить мясо до того, как закончатся сумерки.

Меня тошнило. Дон Хуан разговаривал со мной очень терпеливо, как с ребёнком. Он сказал, что силы, руководящие людьми и животными, привели именно этого кролика ко мне. Точно так же когда-нибудь они приведут меня к моей собственной смерти. Он сказал, что смерть кролика была даром мне, точно так же, как моя смерть станет даром кому-то другому». (Книга 3)

Сила (также личная сила, острие духа)

В следующем объяснении Хуан Матус впервые вводит понятие *силы*:

«– *Сила* – это нечто, с чем имеет дело воин, – объяснил он. – Вначале она кажется человеку чем-то совершенно невероятным, противоестественным, в существование чего невозможно поверить, о чем даже думать трудно, не то чтобы её себе представить. Сейчас ты находишься с ней именно в таких отношениях. Но потом она превращается в нечто серьёзное, и отношение к ней соответственно изменяется. Человек может ею не обладать, он может даже в полной мере не осознавать её существования, но он уже чувствует, он уже знает – в мире присутствует что-то, чего до этого он не замечал. А затем *сила* даёт о себе знать, она приходит к человеку, и он не может ничего с этим поделать, так как *сила* для него пока остаётся неуправляемой. Не существует слов, которыми можно было бы описать, как она приходит и чем в действительности является. Она – ничто, и в то же время ей подвластны чудеса, и чудеса эти человек видит собственными глазами. И, наконец, *сила* становится чем-то, присущим самому человеку, превращается в нечто, что изнутри управляет его действиями и в то же время подчиняется его командам, подвластно его решениям». (Книга 3)

Обращаясь к общему контексту использования понятия *силы* можно заметить, что она полагается Толтеками чем-то вроде объективных законов физики, но работающих не для электронов или атомов, а для живых существ и магических феноменов. Параллель с физикой можно продолжить, указав, что *силу* можно *накапливать*, хотя, конечно, для живых существ процесс её накопления осуществляется намного сложнее, чем для любых механических или электротехнических систем.

Когда кто-то определённый обладает *силой*, она также называется *личной*:

«– ...*Сила* – штука очень любопытная. Её невозможно взять и к чему-нибудь пригвоздить, как-то зафиксировать или сказать, что же это в действительности такое. Она сродни чувству, ощущению, которое возникает у человека в отношении определённых вещей. *Сила* всегда бывает личной, она принадлежит только кому-то одному. Мой бенефактор, например, одним лишь взглядом мог заставить человека смертельно заболеть. Стоило ему бросить на женщину такой взгляд, как она увядала и становилась некрасивой. Но это вовсе не значит, что заболевали все, на кого он смотрел. Его взгляд действовал лишь тогда, когда в этом участвовала его личная *сила*.

– А как он решал, кого сделать больным?

– Не знаю. Он и сам не знал. С *силой* всегда так. Она командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Охотник за *силой* ловит её, а затем накапливает как свою личную находку. Его личная сила, таким образом, растёт, и может наступить момент, когда воин, накопив огромную личную силу, станет *человеком знания*.

– Как накапливают силу, дон Хуан?

– Это тоже что-то вроде ощущения. Характер его определяется типом личности воина. Мой бенефактор был человеком яростным. Он пользовался чувством ярости для накопления *силы*. Всё, что он делал, он делал прямо, резко и жёстко. Он оставил в моей памяти ощущение чего-то проламывающегося сквозь, сокрушающего всё, что оказывалось на пути. И всё, что с ним происходило, происходило именно в таком ключе.

Я сказал, что не понимаю, как можно накапливать силу с помощью чувства. Дон Хуан долго молчал.

– Это невозможно объяснить, – сказал он, наконец. – Ты должен сделать это сам». (Книга 3)

Личная сила в действительности то же, что и *воля*.

Проявления личной силы – это проявления воли или творческого начала в человеке. Все творческие действия направлены на большее познание мира.

Последний тезис уже обозначался, и он вполне правомерен, поскольку творческий характер любых действий человека определяется их безусловностью (им самим и внешним миром), а чем более безусловлено действие, тем более оно *интересно для познающего* (мир и себя). По этой же причине Хуан Матус говорил, что *сила* одновременно *командует* человеком и *подчиняется* ему. Командует – потому что он не знает, что будет делать в следующий момент, перманентно находится

в состоянии *творческой импровизации*; подчиняется – потому что исходит она именно от него и именно он её первый *ценитель*.

С другой стороны, принципиально неверным будет ассоциировать *личную силу* со способностью манипулировать людьми или событиями, исходя из эгоистических желаний. Наоборот, *личная сила* накапливается только при достаточной отрешённости – отсутствии *эгоизма*: *чувств собственной важности* и *жалости к себе*. Обладающий *силой* человек как бы больше не принадлежит себе, не имеет собственных желаний. И потому всё, что он может делать, используя её в отношении других людей, – это, в свою очередь, *побуждать их её накапливать*. Именно этим и занимался Хуан Матус, обучая Кастанеду. *Сила* указала на него, *сила* побудила обучать его и *сила* же в конечном итоге перешла к нему, тем самым осуществив возможность продолжения *линии магов* (см. раздел *Правило Нагуаля*).

«– ...*Сила* не может принадлежать никому. Она никогда не бывает ни моей, ни твоей, ни чьей бы то ни было ещё. Некоторые из нас умеют собирать её и накапливать, и могут различными способами передавать другим. Видишь ли, ключевой момент в использовании накопленной силы заключается в том, что её можно применять только для помощи кому-то другому в накоплении силы.

Я спросил, означает ли это, что его сила ограничена только помощью другим. Дон Хуан терпеливо объяснил, что сам для себя он может пользоваться своей личной силой как ему заблагорассудится, в любых делах, в любом направлении. Но когда дело доходит до прямой передачи силы другому человеку, положение изменяется. Переданная сила бесполезна, если человек, её получивший, применяет её для чего бы то ни было, кроме одного – поиска собственной личной силы. Чужая личная сила может быть использована только в поиске своей.

– Всё, что совершает человек, определяется уровнем его личной силы, – продолжал дон Хуан. – Поэтому тому, кто ею не обладает, свершения человека могущественного кажутся невероятными. Обычный человек, как правило, не способен не только поверить в то, что совершает могущественный маг или человек знания, но даже просто уместить в сознании саму возможность этих свершений. Ведь для того, чтобы хотя бы как-то представить себе, что такое *сила*, ею нужно обладать. Именно об этом я тебе всю дорогу толкую. Но ты не понимаешь. И я об этом знаю. Ты не понимаешь не потому, что не хочешь, а потому, что не можешь. У тебя очень низкий уровень личной силы.

– Что же мне делать, дон Хуан?

– Ничего. Действуй так, как действуешь. Живи, как живёшь. *Сила* найдёт способ к тебе пробиться». (Книга 3)

Важный момент здесь заключается в том, что *личная сила* никогда не может быть направлена против других людей. Только эгоистические действия могут вредить людям – наоборот, *личная сила* способна только, как уже говорилось, пробуждать *личную силу* у всех, на кого она направлена.

«– Личная сила – это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать её настроением. Личная сила человека и её накопление никак не связаны с его происхождением. Я уже говорил, что воин – это охотник за *силой*. И я учу тебя тому, как на неё охотиться и как её накапливать. И ты столкнулся с общей для всех нас проблемой – проблемой убеждённости. Тебе необходимо твердо верить в то, что личная сила существует, что её можно использовать и накапливать. Но убеждённости в том, что всё это – именно так, у тебя до сих пор нет. <...>

– Ты иногда до смешного напоминаешь мне меня самого, – продолжал он. – Я тоже не хотел становиться на путь воина. Я считал, что вся эта работа никому не нужна. Если нам всё равно предстоит умереть, какая разница – умереть воином или не воином. Но я ошибался. Однако к этому заключению я должен был прийти самостоятельно. Только когда человек сам убеждается в том, что не прав и что разница – невообразимо огромна, тогда он – убеждён. И дальше может продолжать самостоятельно. И даже самостоятельно стать человеком знания.

Я спросил, кого он называет человеком знания. Он ответил:

– Того, кто должным образом неуклонно преодолевает все трудности обучения. Все. Того, кто без спешки и медлительности идёт как можно дальше по пути раскрытия тайн личной силы. <...>

– Охота за *силой* – непонятная штука, – сказал он. – В ней не может быть никакого предварительного плана. В принципе не может быть. И это делает её особенно захватывающей. Но действует воин так, словно у него есть план. Потому что доверяет своей личной силе. Он твердо уверен в том, что она направит его действия в правильное русло. <...>

– Воин безупречен, если он доверяет своей личной силе, независимо от того, мала она или огромна». (Книга 3)

Доверие *личной силе* вне всякого разумного плана – это не просто *вера* в обычном смысле этого слова, которая может только *успокоить*. Доверяющий своей личной силе *должен верить*, то есть должен относиться к каждому своему поступку максимально осознанно, с максимально возможной *собранным*. Его вера должна быть его *осознанным выбором*.

«Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир разума или мир воли. Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняется, что мир – это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации – продолжать действовать так, как если бы ты верил. Другими словами, секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это по собственному выбору, как выражение своего внутреннего предрасположения. Воин не верит, воин *должен верить*». (Книга 4)

Другими словами, воин *должен не сомневаться*.

Отсутствие сомнений – критерий наличия в действиях воина *силы*. Если воин хоть немного сомневается, прежде чем нанести удар, – он сам рискует быть поверженным.

Ещё один весьма резонный вопрос: какими факторами определяется начальный уровень *личной силы*? Иначе, почему одни люди рождаются более *талантливыми* и *целеустремлёнными*, а другие – менее? И какие ещё факторы, кроме осознанного накопления *личной силы*, влияют на её уровень? Может показаться странным, но *личная сила* напрямую связана с силой *сексуальной*, и чем более страстно был зачат ребёнок, тем больше *личной силы* он будет иметь, когда родится (хотя в любом случае личную силу всегда можно развить хоть с нуля). С другой стороны, рождение детей приводит к потере части *личной силы* их родителями (потере так называемого *острия духа*), и такой же эффект вызывает неумеренный секс даже без зачатия детей.

«– Нагуаль (см. раздел *Правило Нагуаля – В.В.*) Хулиан, – начал Хенаро, – говорил, что заниматься сексом или не заниматься – вопрос наличия энергии. Сам он с сексом проблем не имел никогда: у него её была прорва. Но мне он с первого же взгляда сказал, что мой член предназначен только для того, чтобы писать. Потому что у меня не хватало энергии на секс. Бенефактор сказал, что мои родители были ужасно утомлены, когда делали меня, и им было скучно. Он назвал меня результатом исключительно тоскливого совокупления – “конда абуррида”. Таким я и родился – скучным и утомлённым. Нагуаль Хулиан вообще не рекомендовал людям моего типа заниматься сексом. Тем самым мы можем сэкономить то небольшое количество энергии, которым обладаем.

То же самое он сказал Сильвио Мануэлю и Эмилито. Относительно остальных учеников он *видел* – у них достаточно энергии. Они не были зачаты в тоскливом совокуплении. Им он сказал, что они могут делать со своей половой энергией всё, что хотят, но просил не забывать о самоконтроле и понимать: согласно установке, данной Орлом, роль секса – наделять новые существа светом осознанности. <...>

– ...Во время полового акта эманации, заключённые в коконе каждого из партнёров, приходят в необычайное возбуждение, кульминацией которого становится слияние двух частей светимости осознанности – по одной от каждого партнёра – которые отделяются от их коконов.

– Половой акт – всегда зарождение новой осознанности. Даже когда оно в итоге не формируется, – продолжал дон Хуан. – Эманации внутри коконов человеческих существ понятия не имеют о сексе ради развлечения. <...>

– Ну, хорошо, но что делать с естественной чувственностью человека? – поинтересовался я.

– Да ничего не делать, – ответил он. – С человеческой чувственностью всё в порядке. Проблема не в ней, а в человеческом невежестве и нежелании людей считаться со своей собственной магической природой. Попусту растрчивать животворную силу половой энергии – ошибка. Но ошибка также – не знать, что, имея детей, человек истощает свою светимость осознанности.

– Откуда *видящие* знают, что наличие детей истощает светимость осознанности? – спросил я.

– Они *видят*, как светимость родителей уменьшается по мере роста светимости детей. На светящихся коконах родителей появляются большие тёмные пятна – как раз в тех местах, откуда была взята светимость. Где-то в среднем сечении кокона. Иногда эти пятна даже можно *видеть* как бы наложенными непосредственно на тело человека». (Книга 7)

Дополнительные пояснения даёт Ла Горда:

«...[Дон Хуан] говорил, что если человек имеет ребёнка, то этот ребёнок забирает *острие* его духа. Для женщины – иметь девочку означает конец *острия*. Иметь двух, как я, означает конец меня. Лучшие мои силы и иллюзии ушли к девочкам. Они похитили моё *острие*, как сказал Нагуаль, так же, как я похитила его у своих родителей. Такова наша судьба. Мальчик похищает большую часть *острия* у отца, а девочка – у матери. Нагуаль сказал, что люди, имеющие детей, могли бы сказать о себе (если бы они не были такими упрямыми), что в них чего-то не хватает. Ушли некоторая помешанность, некоторая нервозность, некоторая сила, бывшие раньше. У них всегда это было, но где это теперь? Нагуаль сказал, что оно в маленьком ребёнке, играющем возле дома, полном энергии, полном иллюзий. Другими словами, – просто *полном*.

Нагуаль сказал, что если бы мы понаблюдали за детьми, то могли бы сказать о них, что они дерзновенные, отважные и вечно скачут. Если же мы понаблюдаем за родителями, то увидим, что они осторожные, пугливые, и больше не прыгают. Нагуаль сказал, что мы объясняем это тем, что они взрослые и имеют обязанности. Но это неправда. Дело лишь в том, что они потеряли *острие*». (Книга 5)

Здесь следует пояснить, что потеря *острия духа* при рождении детей оправдана с той точки зрения, что только в этом случае родители смогут уделять детям достаточную для их полноценного развития меру внимания, и вообще нести свои обязанности по отношению к ним без ненужных сожалений. С другой стороны, при особом желании *острие духа* можно вернуть обратно, “похитив” его у детей – метод такого “похищения” Кастанеда приводит, также со слов Ла Горды, в «Даре Орла» (для детей это будет означать утрату части личной силы, которую они, впрочем, смогут восстановить и самостоятельно). Кроме того, отсутствие *острия духа* у родителей и его наличие у детей играет ключевую роль в извечной проблеме “отцов и детей”. Именно ввиду этой причины родители часто оказываются неспособны понять или тем более разделить многие *духовные* устремления своих детей, либо даже превращаются по отношению к ним в *мелких тиранов* (см. соответствующий раздел).

В западной философии идея, что любовная страсть есть воля к жизни нового существа, была высказана Артуром Шопенгауэром:

«Нарастающая симпатия двух влюблённых есть, собственно, уже воля к жизни нового индивида, которого они могут и желают произвести на свет; ведь уже во встрече их страстных взглядов вспыхивает его новая жизнь и проявляется как гармоническая, органическая в будущем индивидуальность. Они чувствуют страстное желание подлинного соединения и слияния в единое существо, чтобы жить затем только лишь в нем; и это желание обретает исполнение в том, кого они порождают, – ведь в нем продолжают жить наследуемые свойства их обоих, слитые и соединённые в Одно Существо. Напротив, взаимная, решительная и устойчивая неприязнь между мужчиной и женщиной указывает на то, что их возможный потомок был бы лишь плохо организованным, в себе дисгармоничным, несчастным существом...»¹

Также Кастанеда в одном из интервью заметил, что при зачатии ребёнок получает те качества, которые больше всего нравятся родителям друг в друге – как бы взаимно дополняют их. Смысл именно такого механизма сексуальности легко уяснить из эволюционных предпосылок. Впрочем, для двух любящих, даже при условии, что они занимаются сексом, совсем не обязательно дети являются единственной возможной целью и смыслом их любви. Первостепенная цель – это их внутренняя общая гармония, чувство взаимного обогащения и развития.

Вообще относительно целесообразности занятий сексом стоит заметить, что при наличии соответствующей потребности (но не зависимости) специально препятствовать её осуществлению не имеет смысла, ведь самоограничение является индальгированием. С другой стороны, существует несложный способ перенаправления сексуальной энергии на магические цели – это даосская практика “сексуального гунфу” (близкая йоговской “тантре”), сводящаяся для мужчин к разделению оргазма и эякуляции с целью устранения последней. При этом, согласно даосам, тело практически

¹ А.Шопенгауэр. Мир как воля и представление.

ничего не теряет, и даже наоборот – сексуальная энергия преобразуется в *волю* (в *ци* в их терминологии), то есть фактически эта практика помогает достичь сублимации более естественным путём, чем воздержание. Именно об этом пишет популяризатор даосизма на Западе Мантэк Чиа: «Чем в большей степени растёт ваша сила воли, идущая на предотвращение потерь вашей сексуальной эссенции, тем большей становится и ваша сила воли в жизни»¹. В особенности это касается предотвращения потерь энергии, необходимой для *сновидения* (см. раздел *Сновидение*), а единственное, что от такой практики может пострадать – это чувства собственной важности и жалости к себе, черпающие силу из того же источника.

Однако при всех плюсах, включая многократное усиление и продление оргазма, сексуальные практики не следует считать самоцелью, а только хорошим решением проблемы потери энергии. Тем более что, согласно Чиа, на определённом этапе грубые желания должны уйти и энергия тела сможет трансформироваться без посредства секса (точнее, речь идёт о взятии их под полный сознательный контроль – также как это происходит с чувствами собственной важности и жалости к себе). По всей видимости, именно это имело место в случаях Хуана Матуса и Карлоса Кастанеды, со временем полностью от него отказавшихся. Естественно, они после этого не стали “скопцами”, а просто нашли замену физического удовлетворения на гораздо более глубокое и всеобъемлющее духовное.

В более поздних книгах Кастанеда несколько изменил терминологию и стал называть *силу намерением*, а обладание *волей* или *личной силой* – *связью с намерением* (см. раздел *Дух*). Что касается западных аналогов этого понятия, таковыми можно считать *Мировой дух* Георга Гегеля и *мировую бессознательную волю* Фридриха Шеллинга и Артура Шопенгауэра, представителей немецкой классической философии. В теистической традиции *сила* – это, очевидно, *Бог*.

Описание мира (также кольцо силы)

Согласно Толтекам, мир, который обычно считается людьми конечной реальностью, является только *описанием мира*, или, точнее, субъективное *описание мира* оказывается для них актуальнее и важнее, чем мир вне любых описаний как он есть. Это утверждение может послужить поводом для большого числа вопросов, которые в дальнейшем будут исчерпывающе освещены и приведут его в полностью понятную и строгую форму.

«В передаче дон Хуана мага, в отличие от обычного человека, не считает мир повседневной жизни чем-то устойчивым и однозначно реальным. Для мага реальность, то есть мир как мы его знаем, – не более чем описание.

В попытках убедить меня в правомерности такого подхода дон Хуан приложил все усилия, чтобы я убедился на собственном опыте: мир, который я привык считать реальным и основательным, – всего лишь описание мира, программа восприятия, которую закладывали в моё сознание с самого рождения.

В его объяснении каждый человек, который вступает в общение с ребёнком, непрерывно разворачивает перед ним своё описание мира. Таким образом все, кого ребёнок встречает в своей жизни, становятся для него учителями. Они учат его определённым образом описывать мир, и в какое-то мгновение ребёнок начинает воспринимать мир в соответствии со сформированным в его сознании описанием. Этот момент имеет огромное значение, поскольку, ни много ни мало, определяет всю нашу судьбу. Дон Хуан утверждал, что мы не помним об этом моменте попросту потому, что нам не с чем сравнивать. Однако именно в этот миг человек «входит в мир». Ребёнок становится полноправным *членом* группы людей, использующих определённое описание мира. Он владеет этим описанием и способен в его рамках соответствующим образом интерпретировать то, что воспринимает. Интерпретации же, в свою очередь, подтверждают описание, которое в результате становится ещё более устойчивым.

Таким образом, с точки зрения дон Хуана, реальность нашей повседневности состоит из бесконечного потока чувственных интерпретаций. Являясь членами группы лиц, использующих одно и то же описание мира, мы просто научились одинаково интерпретировать явления, воспринимаемые нашими органами чувств.

Впечатление цельности картины мира, составленной из чувственных интерпретаций, обусловлено тем, что последние следуют нескончаемым слитным потоком и, за ничтожными исключениями, практически никогда не подвергаются сомнению. В самом

¹ Ч.Мантэк, В.Майкл. Совершенствование мужской сексуальной энергии.

деле, мы давно привыкли к гарантированной однозначности того, что считаем реальностью, и вряд ли способны сколько-нибудь серьёзно отнестись к основной предпосылке магического знания, по которой эта реальность – всего лишь одно из множества возможных описаний мира». (Книга 3)

Иными словами, все люди воспринимают мир одинаковым образом, поскольку они передают друг другу одинаковые его описания или, вообще говоря, *способы действия* в нём (или *действия* – см. раздел *Не-действие*). Следующая цитата метафорически перефразирует это утверждение:

«– ...когда человек рождается, он приносит с собой в мир маленькое кольцо силы. Это кольцо почти мгновенно начинает использоваться. Поэтому каждый из нас с самого рождения уже сидит на крючке делания, наши кольца силы сцеплены с кольцами силы всех окружающих. Другими словами, наши кольца силы нанизаны на крючок *делания* мира. Тем самым и создаётся мир.

– Приведи пример, может быть тогда я пойму, – попросил я.

– Например, кольца силы – твоё и моё – в данный конкретный момент зацеплены за *делание* этой комнаты. Мы её создаём. Наши кольца силы в данный момент вызывают к жизни вот эту самую комнату, в которой мы находимся». (Книга 3)

Вот какой диалог произошёл у Хуана Матуса с Кастанедой после того, как последний испытал необычайно реалистичное восприятие моста на месте (силы), которое, как выяснилось впоследствии (после перехода в обычную реальность), не содержало его:

«– А что реально? – очень спокойно спросил дон Хуан.

– Вот это, то, на что мы смотрим, – реально, – ответил я, обведя рукой окружавший нас пейзаж.

– Но мост, который ты видел ночью, и лес, и всё остальное – всё было таким же.

– Тогда куда оно всё делось? Если всё это реально, где оно сейчас?

– Здесь. Если бы ты обладал достаточной силой, ты мог бы вызвать всё, что видел ночью. Вызвать прямо сейчас. Но сейчас ты на это не способен, потому что находишь большую пользу в том, чтобы сомневаться и цепляться за свою реальность. Однако в этом нет никакой пользы, приятель. Никакой. Прямо здесь, перед нами, расстилаются неисчислимы миры. Они наложены друг на друга, друг друга пронизывают, их множество, и они абсолютно реальны. Если бы ночью я не схватил тебя за руку, ты пошёл бы по мосту, независимо от своего желания. А до этого мне приходилось защищать тебя от ветра, который тебя искал.

– А что бы случилось, если б ты меня не защищал?

– Ты не обладаешь достаточной силой. Поэтому ветер заставил бы тебя заблудиться, и, вероятно, даже убил бы, столкнув в пропасть. Но туман был вполне реален. В нем с тобой могли бы случиться две вещи. Либо ты перешёл бы по мосту на другую сторону, либо ты упал бы и разбился насмерть. Всё зависит от *силы*. Но в одном я уверен – если бы я тебя не защищал, ты пошёл бы по мосту. Несмотря ни на что. Такова природа *силы*. Как я тебе уже говорил, *сила* командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Этой ночью, например, она заставила бы тебя взойти на мост. Но потом, подчиняясь тебе, она поддерживала тебя на твоём пути по мосту. Я остановил тебя, так как знаю, что ты не умеешь использовать *силу*, а без её помощи мост бы разрушился.

– Ты тоже видел этот мост, дон Хуан?

– Нет. Я *видел* просто *силу*. Она может быть чем угодно. Например, для тебя в этот раз она была мостом. Почему именно мостом, я не знаю. Мы – таинственные существа.

– А вообще ты когда-нибудь видел мост в тумане, дон Хуан?

– Никогда. Но это объясняется лишь тем, что я – не такой, как ты. Я видел другое. Мои *битвы силы* совсем не были похожи на твои.

– А что видел ты, дон Хуан? Можешь рассказать?

– В своей первой *битве силы* я встретился в тумане со своими врагами. Но у тебя врагов нет. Тебе не свойственно ненавидеть людей. А во мне это было. Моя ненависть к людям была для меня способом потакать своей слабости. Теперь этого нет. Я победил в себе ненависть, но в той первой битве силы она меня почти разрушила. <...>

– Не утруждай себя, ты всё равно ничего не вычислишь, – произнёс дон Хуан, словно прочитав мои мысли. – Мир – это тайна. И то, что ты видишь перед собой в данный момент, – ещё далеко не всё, что здесь есть. В мире есть ещё столько всего... Он воистину бесконечен в каждой своей точке. Поэтому попытки что-то для себя прояснить – это на самом деле всего лишь попытки сделать какой-то аспект мира чем-то знакомым, привычным. Мы с тобой находимся здесь, в мире, который ты называешь реальным,

только потому, что оба мы его знаем. Ты не знаешь мира *силы*, и поэтому не способен превратить его в знакомую картину». (Книга 3)

Конечно, “миры внутри миров” – сложная для воображения вещь, однако она ничему не противоречит, если не понимать её слишком буквально. Тот мир, который обычно воспринимают люди, можно сказать, является *основным для человека миром* (соответствующим *человеческой форме* – см. раздел *Человеческая форма*), наиболее простым для восприятия, основанного на естественных *рационализациях*. Другого такого мира – например, в буквальном смысле, “параллельного” – нет. Все другие миры – своего рода *продолжения* этого, куда можно попадать через *места силы* или в *сновидении* (см. соответствующий раздел). С другой стороны, они, как было замечено Хуаном Матусом, могут зависеть от характера личности их воспринимающего и разным образом интерпретироваться разными людьми, если те не *видящие*. Подробнее об этом в разделе *Тональ и нагуаль*. *Тональ* – другое название для *описания мира*.

Внутренний диалог

Для поддержания своего описания мира нередко сами того не осознавая люди используют так называемый *внутренний диалог*. Поэтому чтобы выйти за границы привычного мира, *внутренний диалог* необходимо остановить, и мир “остановится” вместе с ним.

Впервые представление о *внутреннем диалоге* даётся Хуаном Матусом в следующем фрагменте:

«– Когда мы перестаём разговаривать с собой, мир такой, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним диалогом. И не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор ещё и ещё, до тех пор, пока не умрём. Потому что мы продолжаем всё тот же внутренний диалог.

Воин осознаёт это и стремится остановить этот диалог. Это последнее, что ты должен знать, если хочешь жить, как воин.

– Воин сознает, что мир изменится, как только он перестанет говорить сам с собой, – сказал он. – Он должен быть готов к этому необычному толчку.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Мир такой-то и такой-то только потому, что мы сказали себе, что он такой. Если мы перестанем говорить себе, что он такой, то он перестанет быть таким. Я не думаю, что ты в этот момент готов к такому внезапному удару, поэтому ты должен начать переставать создавать мир.

– Я действительно не понимаю тебя!

– Твоя беда в том, что смешиваешь мир с тем, что делают люди. Но ты не одинок в этом – каждый из нас делает это. Вещи, которые делают люди, являются щитами против сил, которые нас окружают. То, что мы делаем как люди, даёт нам удобство и чувство безопасности. То, что делают люди, по праву очень важно, но только как щит. Мы никогда не знаем, что всё, что мы делаем как люди, – это только щиты, и мы позволяем им господствовать и попирают нашу жизнь. Фактически, я должен сказать, что для человечества то, что делают люди, более важно и значимо, чем сам мир.

– Что ты называешь миром?

– Мир – это всё, что заключено здесь, – сказал он и топнул по земле, – Жизнь, смерть, *союзники* и всё остальное, что окружает нас. Мир необъятен. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть – чудесной загадкой. Обычный человек не делает этого. Мир никогда не является загадкой для него, и когда он приближается к старости, он убеждается, что он не имеет больше ничего, для чего жить. Старик не исчерпал мира. Он исчерпал только то, что делают люди. В своём глупом замешательстве он верит, что мир не имеет больше загадок для него. Вот ужасная цена, которую приходится платить за наши щиты. Воин осознаёт эту путаницу и учится относиться к вещам правильно. Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, – как к бесконечной глупости». (Книга 2)

Казалось бы, в целом довольно логичное объяснение – описание мира играет с человеком злую шутку, ограничивая онтологически бесконечную реальность его эгоистически мотивированными

представлениями о ней, и, соответственно, усиливая чувство его значимости в собственных глазах тем более, чем уже эти представления. Но как понимать смысл такой фразы Хуана Матуса: «Если мы перестанем говорить себе, что мир такой-то, то мир перестанет быть таким»? Вряд ли полностью буквально: любой человек может хоть на какое-то время остановить разговор с самим собой, но мир останется прежним. Так происходит оттого, что фактически *внутренний диалог* невозможно остановить на достаточно долгий для реального результата промежутков времени по *умственному желанию* – по сути, его невозможно остановить *с его же помощью*.

Реальный эффект от остановки внутреннего диалога достигается только после длительной и упорной практики, когда воин накопил достаточно силы. Остановка внутреннего диалога – это состояние, которое невозможно просто сознательно пожелать, то есть невозможно принять решение достигнуть его. Можно лишь ожидать его, наблюдать, как оно приходит, и быть захваченным им.

Этот момент имеет смысл прояснить ещё раз: захотев остановить *внутренний диалог* по желанию, возникшему в ходе него же, то есть в ходе вербализованной работы *разума*, последний сталкивается с коллизией – *внутренний диалог не может остановить сам себя*. Максимум, чем может ответить разум на подобное желание – это фразами вида “Давай же, останавливайся!” или полностью абсурдной в данной ситуации фразой “Внутренний диалог остановлен!” Разум не сможет *перестать работать сам*, остановить его работу можно лишь извне, используя *волю*. То есть внимание должно быть сконцентрировано не на разуме, а на внешнем мире, а разум и вместе с ним *внутренний диалог* должны стать как бы его частью – не более важной, чем всё остальное в нём.

А как именно внутренний диалог поддерживает мир, или для чего именно нужны выстраиваемые в его ходе фразы? Вообще, цель *внутреннего диалога* – минимально энергозатратная интеграция любых внешних событий в уже существующее описание мира, и, следовательно, поставленный вопрос можно переформулировать иначе: какие именно события провоцируют внутренний диалог? Прежде всего, люди разговаривают сами с собой, когда сталкиваются с любой проблемой, для решения которой необходимо привлечь *разум*, то есть в принципе решая любые насущные для *выживания* проблемы. Однако, действительно ли необходим разговор с самим собой, когда работает разум? Нет, и многие мыслительные операции человек выполняет *молча*, *внутренний диалог* лишь отражение работы разума, как бы объясняющее её, но, вообще говоря, далеко не всегда ей сопутствующее. Но когда внутренний диалог действительно необходим и для чего? Для того же, для чего необходим и обычный диалог – внешний: для связи с другими людьми.

Внутренний диалог нацелен на построение фраз, которые при удобном случае можно адресовать другим людям, если те могут понадобиться для решения любых достаточно актуальных проблем. Таким образом, прежде чем перейти к диалогу друг с другом каждый из его участников готовится к нему в ходе предварительного диалога с самим собой. Вообще, использование языка необходимо именно для взаимопомощи, поскольку совместное решение многих актуальных для выживания проблем намного эффективнее, чем их решение в одиночку. Внутренний диалог, отсюда, является следствием общественной природы человека.

Порой отношения с окружающими людьми бывают настолько сложными и запутанными, что разум работает для построения оптимальной схемы взаимодействий с ними практически постоянно, постоянно же течёт и *внутренний диалог*. Описание мира, поддерживаемое им, по сути, представляет собой структуру, указывающую “кто и что должен мне” и “кому и что должен я”, и содержащую конкретные фразы, которые необходимо сказать каждому, с кем связан данный человек, чтобы добиться от него требуемого – причём в зависимости от многочисленных конкретных ситуаций. Особая сложность *внутреннего диалога* связана ещё и с тем, что адресат готовящихся фраз в разное время может видеться данному человеку по-разному: например, сначала он кажется добрым и готовящиеся фразы лежат в духе *просьб*; затем он кажется не таким уж добрым – тогда описание мира перестраивается и готовящиеся фразы становятся *заискивающими* или *требующими*; затем человек вспоминает, что он когда-то провинился перед адресатом – описание мира вновь перестраивается и теперь уже ему приходится искать способ *оправдаться*. Разные точки зрения на адресата готовящихся фраз связаны с *различным опытом взаимодействия с ним*, актуальным для *разума на текущий момент его работы* (далее об этом будет говориться, как о положении точки

сборки, захватывающей эманации, где этот опыт содержится – см. соответствующие разделы). Фактически решаемые в ходе *внутреннего диалога* задачи по сложности вполне сопоставимы со сложными шахматными задачами – настолько многоаспектными они могут быть.

Хорошая демонстрация работы внутреннего диалога – *спор*. Совсем нередко можно наблюдать дискутирующих людей – скажем, политиков, – каждый из которых оказывается неспособным переубедить другого. В чём ключ к выигрышу в любом споре, и что мешает выиграть любой спор? Рассмотрим ситуацию, когда некий спорщик формулирует тезис, который, как ему кажется, способен убедить другого в его правоте. Он озвучивает этот тезис, но должного эффекта не возникает – адресат по-прежнему не согласен. Почему так произошло? Потому что спорящий в действительности не учитывал мировоззрение адресата, его описание мира, его *опыт*, на котором оно основано, а исходил только из своего собственного описания мира, в котором высказанный тезис очевиден и безоговорочно верен. Аналогично и адресат возразит, не учитывая *опыта* первого спорщика. Что необходимо сделать, чтобы победить в споре? Взять в расчёт описание мира оппонента, опыт, на котором оно основано, и показать его собственную *личную выгоду* от высказываемых им идей – основу их популизма, если речь идёт о политиках. А каждый политик – осознанно или нет, на очень глубоком уровне или нет – в конечном счёте практически всегда окажется популистом, то есть человеком, удовлетворяющим за счёт публики собственные *эгоистические амбиции*. Но рассмотрев реальные политические споры нетрудно обратить внимание на лазейку, разделяемую практически всеми политиками: так называемый “переход на личности” – а именно он требуется для развенчания даже самых возвышенных идей – считается в высшей степени дурным тоном. И, таким образом, получается, что политики заведомо не могут переубедить друг друга, а публичные споры между ними “об абстрактном” – всегда только пиар, цель которого привлечь на свою сторону больше избирателей. Другое дело, когда речь идёт о житейском споре, где переход на личности не просто допускается, но даже и является необходимым. В политике, конечно, такое тоже бывает, но совсем не так часто, как это пытаются представить.

В случае лишённого популистской подоплёки спора, когда речь идёт о конкретном деле, всегда победит тот, кто адекватнее оценит другого и лучше укажет на его недостатки или достоинства, для этого дела значимые. Иными словами, победит тот, кто адекватнее представляет себе проблему, кто лучше осознаёт связанные с её разрешением трудности.

Отсюда, победа в споре, когда речь идёт о реальном деле, это не просто ни к чему не обязывающая теоретическая победа: человек с большей осознанностью лишь посредством спора может разрушить аргументацию оппонента и убедительно продемонстрировать ранее упускавшиеся им грани обсуждаемой проблемы, тем самым изменив его *описание мира*, а, следовательно, и продиктованные этим описанием его *решения и действия*. Он может даже, хотя бы на небольшое время, повысить *уровень осознанности* оппонента, либо искусно *манипулировать* им, эксплуатируя его уязвимые места и эгоистические желания. Наиболее ярко это утверждение иллюстрируют многочисленные споры Карлоса Кастанеды с Хуаном Матусом: первый всегда проигрывал второму и вольно или невольно оказывался вынужден следовать его указаниям – причина этого в несопоставимом уровне их *осознанности*. Другими словами, Хуан Матус контролировал *глупость* Кастанеды, и этого было достаточно, чтобы контролировать его поведение в целом вообще.

Как уже было замечено, готовящиеся в ходе *внутреннего диалога* фразы могут иметь тот или иной *эмоциональный окрас*. Например, они могут служить приказом, оправданием, просьбой, сожалением, требованием, задабриванием и т.п. Однако всех их нетрудно расположить на шкале от выражения максимальной *агрессии*, до выражения максимального *сочувствия* (в том числе себе самому). Иначе говоря, на шкале от *чувства собственной важности* до *чувства жалости к себе*.

Все фразы и отдельные слова, которые человек может подготовить в ходе *внутреннего диалога*, можно классифицировать по характеру их эмоциональности. В общем виде все они направлены либо на то, чтобы *заставить* другого сделать что-либо (силой) – тогда используются эмоции *агрессии*, человек апеллирует к *чувству собственной важности*. Либо, наоборот, *помочь* ему сделать это – тогда используются эмоции *сострадания*, а человек апеллирует к *чувству жалости к себе* (фактически, к *чувству собственной ничтожности* перед

внешними обстоятельствами). Другими словами, диапазон эмоциональных состояний человека можно проследить от ненависти до любви.

Хотя обычно взаимные отношения людей очень эмоциональны – сильные полностью неконтролируемые эмоции всё же большая редкость. Это связано с тем, что в социуме люди очень зависят друг от друга, и высказывать человеку эмоциональное мнение о нём напрямую часто не представляется возможным. Поэтому внешне нейтральные или даже тёплые отношения могут сопровождаться, например, тщательно скрываемой завистью, желанием отомстить или, вообще говоря, ненавистью, причём нередко даже неосознаваемой, проявляющейся порой неожиданно для самого испытывающего это чувство человека. Для того чтобы эмоции “выплеснулись”, требуется изменение жизненных обстоятельств, удобный случай, но когда он представляется, все старые обиды (или, наоборот – все старые услуги) вспоминаются (*точка сборки* захватывает соответствующий опыт), давая повод для резкой переориентации *внутреннего диалога* и направляемых им эмоционально окрашенных слов и действий.

Резкая интенсификация *внутреннего диалога* – критерий поперечного сдвига *точки сборки* и актуализации ранее неиспользованного при построении описания мира опыта.

При этом чем интенсивнее *внутренний диалог*, тем меньше *осознанность* ведущего его человека, и тем больше, соответственно, возможностей для *индугирования*, то есть проявления не самых лучших его качеств. Наоборот, в отличие от обычных людей для воина контроль описания мира и влияющих на него событий – предмет особой заботы. Воин старается максимально освободить себя от связей с другими людьми и максимально подчинить себе свою эмоциональность, что и приводит к остановке *внутреннего диалога*. Для безупречного воина какие-либо человеческие эмоции вроде просьб или заискиваний – вообще нонсенс, а с нежелательными для себя людьми он поступает предельно прямо, резко и без колебаний. Например, как в следующем эпизоде Клара Грау – наставница Тайши Абеляр, когда в ресторане к той начал приставать незнакомый мужчина:

«Статный мужчина средних лет, сидевший за соседним столиком, повернулся ко мне и подмигнул. Этот его жест, как мне показалось, скорее напоминал поведение весельчака, чем заигрывание. Он повернулся ко мне и, словно продолжая начатый разговор, сказал по-английски с сильным акцентом:

– Черепаха, которую вы едите, была очень большая.

Клара посмотрела на меня и подняла брови, будто не могла поверить, что незнакомец оказался таким нахальным.

– Эта черепаха была такой большой, что её хватило бы, чтобы накормить дюжину голодных людей, – продолжал он. – Они ловят черепах в море. Для того чтобы вытянуть одну такую тварь на берег, нужно несколько человек.

– Наверное, они бьют их гарпунами, как китов, заметила я.

Мужчина проворно переставил своё кресло к нашему столу.

– Нет, я знаю, что они используют большие сети, сказал он. – Затем они бьют черепах дубинками, чтобы те потеряли сознание, прежде чем вскрыть им живот. Если поступать таким образом, мясо не становится жёстким.

Мой аппетит улетел в окно. В этот момент мне меньше всего хотелось, чтобы этот простодушный навязчивый незнакомец забавлял нас своими рассказами, сидя у нас за столом, – но я не знала, как себя повести.

– Коли мы уж заговорили о еде, нужно отметить, что Гуаймас славится своими блюдами из креветок, – продолжал мужчина с обезоруживающей улыбкой на лице. Если позволите, я закажу одно такое блюдо для вас обеих.

– Я уже сделала это, – сказала Клара резко.

Как раз в этот момент снова подошла официантка и принесла тарелки с самыми большими креветками, каких я когда-либо видела. Одной этой креветки хватило бы на целый банкет, и было очевидно, что мы просто не сможем вдвоём съесть всё это, как бы голодны мы ни были.

Наш непрощеный компаньон взглянул на меня так, словно ожидал, что я приглашу его присоединиться к нашей трапезе. Если бы я была одна, ему явно бы удалось вопреки моей воле привязаться ко мне. Но у Клары были другие планы, и она поступила решительно. Она с кошачьей грацией вскочила на ноги и, повернувшись к мужчине, посмотрела прямо ему в глаза.

– Проваливай отсюда, идиот! – закричала она по-испански. – Как ты осмелился сесть за наш стол?! Это моя племянница, а не какая-нибудь шлюха!

В ней чувствовалась такая сила, а голос звучал так властно, что все в зале замерли. Со всех сторон глаза уставились на наш столик. Мужчина съёжился так беспомощно, что мне стало его жаль. Он боком выскользнул из кресла и, можно сказать, выполз из ресторана.

– Я знаю, что тебя приучили уступать мужчинам уже только потому, что они мужчины, – сказала мне Клара, снова сев на своё место. – Ты всегда любезничаешь с ними, а они выжимают из тебя все твои соки. Разве ты не знаешь, что мужчины питаются женской энергией?!

Мне было слишком не по себе, чтобы пререкаться с ней. Я чувствовала, что все глаза в зале устремлены на меня.

– Ты потокаешь им потому, что чувствуешь к ним жалость, – продолжала Клара. – В глубине своей души ты отчаянно стремишься к тому, чтобы позаботиться о мужчине, о любом из них. Если бы этот недоумок оказался женщиной, ты бы никогда не позволила ему сесть за наш столик.

Мой аппетит был потерян безвозвратно. Я мрачно задумалась.

– Вижу, что задела больное место, – сказала Клара, криво улыбаясь.

– Это ты затеяла всю эту сцену. Ты поступила грубо, – сказала я с упреком.

– Конечно, – ответила она, посмеиваясь. – И к тому же напугала его чуть ли не до смерти.

Её лицо было так открыто, и говорила она настолько беззаботно, что мне тоже ничего не оставалось делать, как рассмеяться, вспомнив, какой вид был у этого типа.

– Я поступаю точно как моя матушка, – проворчала я. – Следует признать, что ей удалось сделать из меня сущую мышь во всем, что касается мужчин.

Как только я выразила вслух эту мысль, моё плохое настроение исчезло, и я снова ощутила голод. Мало-помалу я съела почти всю креветку».¹

Другое дело, когда безупречный воин хочет добиться желательных действий от значимого для него человека – в этом случае в ход идут самые взвешенные эмоциональные оттенки. А между собой воинам использовать эмоции вообще нет необходимости – более того, видящим, вероятно, нет особого смысла и разговаривать. Естественно, *внутренний диалог* в его обычном виде им не требуется, и поэтому разум не перегружен обусловленными социальными отношениями работой, и вся та энергия, что идёт у обычного человека на постоянную перестройку описания мира и эмоциональные реакции, используется ими для достижения магических целей.

Энергия, затрачиваемая обычным человеком на постоянную перестройку описания мира и эмоциональные реакции, при остановке *внутреннего диалога* естественным образом направляется на повышение уровня *осознанности*.

Таким образом, выходит, что энергия человека тратится либо на *поддержание описания* мира, либо на собственно *познание* мира, то есть это два конфронтирующих в энергетическом плане, но в принципе с необходимостью дополняющих друг друга процесса (подробнее об этом см. раздел *Тональ и нагуаль*).

Наконец, следует коснуться основных способов остановки *внутреннего диалога*. Как уже говорилось, в определённом смысле такая остановка – это объективный процесс, независящий от сиюминутных желаний, а только от *силы*. Тем не менее, в ходе определённых действий остановка *внутреннего диалога* может быть хотя бы инициирована.

Один из основных способов остановки *внутреннего диалога* – “слушание звуков мира”:

«– Как я могу перестать говорить сам с собой?

– Прежде всего, ты должен использовать уши, чтобы снять часть нагрузки с глаз. Мы с самого рождения использовали свои глаза для того, чтобы судить о мире. Мы говорим с другими и с собой главным образом о том, что мы видим. Воин сознает это и прислушивается к звукам мира.

Я отложил свои записи. Дон Хуан засмеялся и сказал, что он не собирался навязывать мне результат. Что прислушивание к звукам мира должно быть гармоничным и терпеливым». (Книга 2)

¹ Т.Абеляр. Магический переход.

Наиболее мощный способ остановки *внутреннего диалога* – так называемая “походка силы”:

«В начале нашего знакомства дон Хуан предлагал мне для этого другую технику: подолгу ходить с расфокусированными глазами, пользуясь только боковым зрением. Он утверждал, что если удерживать расфокусированные глаза на точке чуть выше горизонта, то получаешь почти полный 180-градусный обзор. Он настаивал, что это упражнение является единственным способом остановки внутреннего диалога. Поначалу он расспрашивал меня о моих успехах, но вскоре перестал интересоваться этим.

Я сказал ему, что применял эту технику в течение нескольких лет, но без особого эффекта. Впрочем, я и не ожидал никаких изменений. Каково же было моё потрясение, когда однажды я понял, что за последние десять минут не сказал самому себе ни единого слова!

Тогда же я понял, что остановка внутреннего диалога – это не просто удерживание слов, произносимых самому себе. Весь процесс моего мышления остановился, и я ощутил себя как бы парящим.

Чувство паники, вызванное этим состоянием, заставило меня в качестве противоядия восстановить свой внутренний диалог.

– Я говорил тебе, что именно внутренний диалог и прижимает нас к земле, – сказал дон Хуан. – Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий.

Дон Хуан объяснил, что вход в мир магов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог». (Книга 4)

В целом к остановке *внутреннего диалога* ведут два вида деятельности:

«Он сказал, что существуют два основных вида деятельности, используемых для ускорения эффекта остановки внутреннего диалога: стирание личной истории и *сновидение*». (Книга 4)

Стирание личной истории, а также и *перепросмотр* и *сталкинг* (см. соответствующие разделы) как развитие этой практики ведут к остановке *внутреннего диалога* наиболее естественным образом, поскольку с чем меньшим количеством людей человек связан, тем меньше ему нужно готовиться к совместной с ними деятельности. *Сновидение*, в свою очередь, представляет собой наиболее прямую практику остановки *внутреннего диалога*, поскольку тренирует *второе внимание* (см. соответствующие разделы).

Не-делание (также второе кольцо силы, пристальное созерцание)

Поведение на основе конкретного описания мира Хуан Матус называет *деланием*:

«Дон Хуан посмотрел вокруг и ткнул пальцем в большой камень неподалёку от нас:

– *Делание* делает вон тот камень камнем.

Мы переглянулись, и он улыбнулся. Я ждал объяснений, но он молчал. В конце концов я вынужден был сказать, что не понял.

– Вот, это – *делание*! – воскликнул он.

– Извини, я...

– И это – *делание*.

– О чем ты, дон Хуан?

– *Делание* – это то, что делает тот камень камнем, а куст кустом. *Делание* делает тебя тобой, а меня мной. <...>

– Мир есть мир потому, что ты знаешь *делание*, которое делает его таковым. Если бы ты не знал *делания*, свойственного миру, он был бы другим». (Книга 3)

В свою очередь, *не-делание* – это действие, направленное на изменение или расширение применяющегося в данный момент описания мира.

«– Постой, постой, – перебил я. – Эта комната существует сама по себе. Я не создаю её, у меня нет с ней ничего общего.

Моё возражение, достаточно основательное с моей точки зрения, не произвело на дон Хуана никакого впечатления. Он очень спокойно повторил, что эта комната вызвана к жизни и существует для каждого человека лишь благодаря силе, заключённой в его кольце.

– Видишь ли, – продолжал он, – каждый *из нас владеет деланием* комнаты, поскольку значительную часть своей жизни мы, так или иначе, проводим в комнатах. А *человек знания* развивает другое кольцо силы – второе. Я назвал бы его кольцом *не-делания*, потому что *не-делание* есть тот крючок, на который оно нанизано. И это кольцо позволяет нам вызвать к жизни другой мир». (Книга 3)

Не-делание позволяет понять, что любой вариант описания мира не является самим миром, а потому ни один из них не является более предпочтительным или значимым. Равным образом не важны и любые существа, являющиеся носителями разных описаний мира, насколько бы важными и уникальными они не казались самим себе. В конечном итоге всё решает *сила*: *сила* делает человека важным в собственных глазах, и *сила* же рано или поздно разрушает его иллюзии на свой счёт. Например, нередко бывает такое, что человек всю жизнь считавший себя в чём-либо глубоко правым и всегда действовавший исходя из этого своего убеждения, в силу некоторых обстоятельств кардинально меняет свою позицию на прямо противоположную и начинает считать всю прошлую жизнь ошибкой. Однако самая главная возможная ошибка – это *быть уверенным в чём-либо абсолютно*.

«Вопросы истины и лжи беспокоят обычного человека, ему важно знать что правда, а что нет. Воину до этого равным счётом нет никакого дела. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Ему говорят о чем-то: «Это правда». И он действует с верой в то, что делает. Ему говорят: «Это неправда». И он опускает руки, он не действует; или, если даже и действует, не верит в то, что делает, что не меняет сути. Воин действует в обоих случаях. Ему говорят: «Это правда». И он действует с полной ответственностью, и это – его *делание*. Ему говорят: «Это неправда». И он действует с полной ответственностью, и это – его *не-делание*. <...>

– *Не-делание* – это очень просто, но для тебя это – очень сложно, – сказал он. – И дело тут не в понимании, а в практическом освоении и совершенствовании. Конечно, окончательным достижением человека знания является *видение*. Но оно приходит лишь после того, как посредством *не-делания* остановлен мир. <...>

– Со мной всегда так было, – сказал я. – Но я хочу измениться, однако не знаю как. Я такой бестолковый.

– Я уже знаю, что ты считаешь себя порочным, – произнёс дон Хуан. – И это – твоё *делание*. Теперь я предлагаю тебе подействовать на это *делание* другим *деланием*. С этого момента в течение восьми дней тебе следует себя обманывать. Вместо того чтобы говорить себе, что ты отвратителен, порочен и бестолков, ты будешь убеждать себя в том, что ты – полная этому противоположность. Зная, что это – ложь и что ты абсолютно безнадежен.

– Но какой смысл в этом самообмане, дон Хуан?

– Он может зацепить тебя и привести к другому *деланию*. А потом ты осознаешь, что и то, и другое – ложь, иллюзия, что они нереальны, и вовлекаться в какое бы то ни было из них, превращая его в основу своего бытия, – нелепо, что это – пустая трата времени, и что единственной реальностью является существо, которое живёт в тебе и удел которого – смерть. Достижение этого существа, отождествление себя с ним и его самосознание есть *не-делание* самого себя». (Книга 3)

«[Дон Хуан] сказал, что *остановка мира* является такой же необходимостью для мага, как для меня – чтение и письмо. Она заключается в том, что в ткань повседневного поведения привносится какой-то диссонирующий элемент с целью всколыхнуть обычно монотонное течение событий повседневной жизни – событий, разложенных нашим разумом по полочкам нашего сознания.

Диссонирующий элемент назывался “не-деланием”, или противоположностью “делания”. *Делание* – это всё, что является частью целого, в котором мы отдаём себе отчёт. *Не-делание*, в свою очередь, есть элемент, не принадлежащий к этому строго очерченному целому.

– Маги, будучи *сталкерами* (см. соответствующий раздел – *В.В.*), в совершенстве понимают человеческое поведение, – сказал, он, – Они понимают, например, что человеческие существа являются плодом *инвентаризационного списка*. Знание того или иного списка делает человека учеником или мастером в своей области.

Маги знают о том, что если *инвентаризационный список* среднего человека разрушается, такой человек или расширяет его, или же рушится его собственный мир саморефлексии. Обычный человек стремится включить в свой список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку этой описи. Однако если темы противоречат друг другу, *разум* человека рушится. *Инвентаризационная опись* – это

разум. И маги принимают это во внимание, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии». (Книга 8)

Условно можно выделить несколько видов *не-делания*, достаточно сильно связанных между собой и так или иначе ведущих друг к другу:

- 1) *не-делание глупости* (или *сталкинг* – см. соответствующий раздел);
- 2) *не-делание внутреннего диалога*;
- 3) *не-делание шаблонных действий* или *привычного распорядка*;
- 4) *не-делание привычных чувственных интерпретаций*;
- 5) *не-делание сна – сновидение*.

О первых двух видах *не-делания* достаточно подробно говорилось ранее, а о пятом будет говориться позже. Третий вид *не-делания* касается избавления от самых разных действий, повторяющихся с регулярностью. Таких как привычки и любые общепринятые действия, о которых люди обычно не задумываются, но которые ввиду своей неоптимальности отнимают довольно много энергии. Один из примеров подобного *не-делания* – а именно “не-записывание” – приведён в разделе *Первое, второе и третье внимания*.

Не-делание привычных чувственных интерпретаций – на основе которых, например, реальная комната интерпретируется людьми как смысловой блок “комната” – осуществляется посредством практики *созерцания* (или *пристального созерцания*). Созерцание – это восприятие объектов мира с акцентом на их непривычных гранях. Например, это восприятие их теней или промежутков между ними.

«– *Не-делать* то, что ты хорошо умеешь делать, – ключ к силе. Ты знаешь, как делать то, что умеешь делать. И это нужно *не-делать*.

В случае созерцания дерева я знал, что смотреть нужно на листья, и, естественно, немедленно фокусировал на них взгляд. При этом тени и промежутки между листвой никогда меня не интересовали. Последнее, что сказал дон Хуан, была инструкция начать созерцать тени от листьев на одной ветке и постепенно перейти к такого рода созерцанию всего дерева, не давая глазам возвратиться в привычный для них режим созерцания листьев. Первый сознательный шаг в накоплении личной силы – позволить телу *не-делать*.

Наверное, причиной тому явилась моя усталость или нервное перевозбуждение, но я настолько погрузился в созерцание теней, что к тому моменту, когда дон Хуан поднялся на ноги, я мог формировать тени в зрительно воспринимаемые массивы настолько же свободно, насколько обычно в массивы формируется листва. Эффект был поразительный. Я сказал дону Хуану, что хочу посидеть так ещё. Он засмеялся и похлопал по моей шляпе:

– Я же говорил. Тело любит такие штучки». (Книга 3)

Как это ни странно, очень мало людей приходят к практике созерцания самостоятельно, то есть самостоятельно обнаруживают возможность *получать эстетическое наслаждение* – как от природных пейзажей и живых существ, так и от кем-то созданных произведений искусства. В этом смысле *созерцание* – как бы более *интенсивное* или *углублённое* восприятие: тогда как обычно люди смотрят на дерево лишь мельком – после чего разум сразу же принимается интегрировать факт его наличия в описание мира – созерцателя объект восприятия интересует ещё *до того*, как он привлечёт внимание разума. Объект не как *понятие в описании мира*, а как *часть самого мира*.

Подробнее о практике *пристального созерцания* говорится во «Втором кольце силы». В частности, там указывается, что созерцавшиеся наяву объекты могут появиться в *сновидении* (см. соответствующий раздел), то есть в сновидении внимание как бы само желает вернуться к ним.

Существуют и *не-делания*, практически не упоминающиеся в книгах Кастанеды: это, например, восточные сексуальные и дыхательные практики, ведущие, соответственно, к *не-деланию* секса и дыхания. Ясно, что *не-делание* здесь (как и вообще) не означает их устранение, а только существенную энергетическую оптимизацию. *Не-делание* дыхания и *не-делание* секса являются для человека наиболее сложными видами *не-делания*. Также важными являются *не-делание* питания, *не-делание* работы за вознаграждение, *не-делание* запоминания (формой которого является *не-делание* записывания) и некоторые другие.

Магия (в противоположность видению)

Хотя изначально Хуан Матус назвал себя магом, позже он разграничил понятия *магии* и *видения* и даже противопоставил их:

«– Быть магом очень тяжело, – убедительно сказал он. – Я же говорил – *видеть* намного лучше, чем быть магом. *Видящий* всемогущ, по сравнению с ним маг – просто мальчишка.

– Что такое магия, дон Хуан?

Он долго смотрел на меня, едва заметно покачивая головой, а потом сказал: – Магия – это приложение воли к ключевому звену. Маг отыскивает в том, на что он намерен повлиять, ключевое звено и воздействует на него своей волей. Чтобы быть магом, не обязательно *видеть*. Нужно только уметь манипулировать волей». (Книга 2)

После этого утверждения Хуан Матус убедительно продемонстрировал свои магические способности, приложив *волю* к “ключевому звену” машины Кастанеды – к её свечам зажигания, и тем воспрепятствовав работе её мотора.

В отличие от *видения магия* направлена на управление людьми, и потому по отношению к *видящему магу* находится в заведомо проигрышном положении.

«[Дон Хуан] говорил, что *видение* не имеет отношения к *союзникам* и магическим приёмам. Маг – это человек, способный управлять *союзником* и манипулировать им в своих целях. Но сам факт управления *союзником* вовсе не означает, что маг умеет *видеть*. Я напомнил дону Хуану его слова о том, что не имея *союзника*, невозможно *видеть*. Дон Хуан очень спокойно ответил, что пришёл к выводу о возможности *видеть* не управляя *союзником*.

– Собственно, почему бы и нет? Ведь *видение* не имеет никакого отношения к технике магических манипуляций, – сказал он. – Цель всех магических приёмов – воздействие на других людей. А *видение* на других никак не влияет. <...>

– Что значит «*видение* не влияет на других людей»?

– Я уже рассказывал тебе об этом. *Видение* – это не магия. Правда, его легко спутать с магией, потому что *видящий* без труда может научиться управлять *союзником* и стать магом. С другой стороны, можно освоить приёмы управления *союзником* и сделаться магом, но так никогда и не научиться *видеть*.

Кроме того, *видение* по сути своей противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

– Неважность чего, дон Хуан?

– Неважность всего». (Книга 2)

Принципиальный момент *магии* связан с особым способом восприятия мира: *маги* не *видят* мир, то есть для них он остаётся почти таким же, как и для обычных людей. Однако они могут взаимодействовать с его таинственными сущностями, интерпретируя их как нечто повседневное. Например, попав в мир *магов*, Кастанеда встретил койота и “разговаривал” с ним.

«– Вчера мир стал для тебя таким, каким его описывают маги, – продолжал [дон Хуан]. – И там, в этом мире, живут говорящие койоты. И олени, и гремучие змеи, и деревья... Но я хочу, чтобы ты научился *видеть*. Наверно, ты уже понял, что *видение* появляется только тогда, когда тебе удастся проскользнуть в щель между двумя мирами – миром людей и миром магов. Сейчас ты увяз в этой щели, в некой промежуточной точке. Вчера ты поверил в то, что койот с тобой говорил. Точно так же в это поверил бы маг. Но *видящий* знает: поверить в это – значит увязнуть в магическом мире. Но не поверить – значить увязнуть в мире обычных людей». (Книга 3)

В «Сказках о силе» случай с “разговаривающим” койотом получает логичное объяснение:

«– Как я управлял своим знанием мира? – спросил я наконец.

– Твоё знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль. Естественно, что тебе пришлось найти способ удержать мир таким, чтобы он отвечал этой мысли.

– Но я вообще не думал, дон Хуан.

– Тогда не будем называть это думаньем. Скорее, это привычка видеть мир соответствующим нашему представлению о нем. Когда это не так, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком.

То же самое случилось с койотом. Твои старые привычки определили природу и этой встречи. Что-то произошло между тобой и койотом, но это был не разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, как однажды говорил с оленем. Но ни ты, ни я никогда уже не узнаем, что происходило в этих случаях на самом деле.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Когда мне стало понятным *объяснение магов*, было уже слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами состоялась беседа, – лишь способ расставить всё по местам так, чтобы я мог рассказать об этом. Олень и я что-то делали, но в это время мне нужно было заставить мир соответствовать моим идеям совершенно так же, как это сделал ты. Как и ты, я всю жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошёл ко мне и сделал то, что он сделал, я был вынужден понимать это как разговор». (Книга 4)

То, что Хуан Матус называет «привычкой видеть мир соответствующим нашему представлению о нём» можно охарактеризовать как «достраивающее интерпретирование», сделанное на основе неточной информации с привлечением *воображения*. Такое бывает и с обычными людьми, например, в темноте, когда среди размытых хаотических пятен вдруг возникает какой-то осмысленный силуэт – нередко пугающий. В патологических случаях подобного рода воображаемые картины именуется галлюцинациями – тогда человек видит или, наоборот, не видит нечто значимое для него. Аналогичной компенсаторной природой обладают и обычные сны, на что обратил внимание Зигмунд Фрейд и многие западные психологи после него.

Как известно, важной составляющей *магии* являются *магические ритуалы* – странные и на первый взгляд бессмысленные действия, совершаемые *магами* для достижения каких-либо целей. Однако, как об этом уже говорилось, смысл в них есть, и он заключается в остановке привычного мира и в создании правил для нового магического мира, где начинает работать *воля*.

Чем более *странные* действия совершает *маг*, тем сильнее останавливается для него мир. С другой стороны, чем больше *верит маг* в осмысленность своих действий, тем они эффективнее.

Конкретные формы магических ритуалов, таким образом, не очень важны. Необходимо лишь, чтобы они, во-первых, *захватывали внимание* участников, а во-вторых, передавали бы некоторую информацию посредством заранее заданного языка. Это, конечно, не просто какой-то выдуманный язык, но определённая символика глубоких процессов реальности. На этих принципах основаны любые виды гаданий или приворотов, а в религиозной традиции основным магическим ритуалом является молитва.

Тональ и нагуаль (также пузырь восприятия, целостность самого себя)

В этом разделе речь пойдёт о двух основных понятиях нагуализма: *тонале* и *нагуале* – «истинной метафизической паре». О *тонале* уже говорилось ранее как об *описании мира*.

Понятия *тоналя* и *нагуаля* впервые появляются в «Сказках о силе», и прежде чем их вводит Хуан Матус вкратце резюмирует уже известное Кастанеде к этому моменту:

«– Мы – воспринимающие существа, – продолжал он. – Однако воспринимаемый нами мир является иллюзией. Он создан описанием, которое нам внушали с рождения.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть *разум* и его компаньон, *разговор*. Именно они и состряпали этот мир, столкнувшись между собой, а теперь поддерживают его.

Так что твой мир, охраняемый *разумом*, создан описанием и его неизменными законами, которые *разум* научился принимать и отстаивать.

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть второе кольцо силы, которое почти никогда не используется – *воля*. Уловка мага – это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание, но только обычный человек поддерживает своё при

помощи *разума*, а маг – при помощи *воли*. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но *воля* по сравнению с *разумом* более всеобъемлюща, и в этом преимущество мага». (Книга 4)

В следующих пояснениях Хуан Матус раскрывает понятие *тоналя*:

«Он объяснил, что каждое человеческое существо имеет две стороны, две отдельных сущности, две противоположности, начинающие функционировать в момент рождения. Одна называется «тональ», другая – «нагуаль». <...>

– *Тональ* – это организатор мира, – продолжал он, – Может быть, лучше всего его огромную работу было бы определить так: на его плечах покоится задача создания мирового порядка из хаоса. Не будет преувеличением сказать, что всё, что мы знаем и делаем как люди, – работа *тоналя*. Так говорят маги.

В данный момент, например, всё, что участвует в твоей попытке найти смысл в нашем разговоре, является *тоналем*. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и из моих слов ты не понял бы ничего.

Скажу далее, *тональ* – это хранитель, который охраняет нечто бесценное – само наше существование. Поэтому врождёнными качествами *тоналя* являются консерватизм и ревнивость относительно своих действий. А поскольку его деяния являются самой что ни на есть важнейшей частью нашей жизни, то не удивительно, что он постепенно в каждом из нас превращается из хранителя в охранника. <...>

– Хранитель мыслит широко и всё понимает, – объяснил он. – Но охранник – бдительный, косный и чаще всего деспот. Следовательно, *тональ* во всех нас превратился в мелочного и деспотичного охранника, тогда как он должен быть широко мыслящим хранителем. <...>

– *Тональ* – это всё, что мы есть, – продолжал он. – Назови его! Всё, для чего у нас есть слово – это *тональ*. А поскольку *тональ* и есть его собственные деяния, то в его сферу попадает всё. <...>

– *Тональ* – это всё, что мы знаем, – медленно повторил он. – И это включает не только нас как личности, но и всё в нашем мире. Можно сказать, что *тональ* – это всё, что мы способны видеть глазами.

Мы начинаем взращивать его с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, с ним мы вдыхаем и силу для *тоналя*. Поэтому правильным будет сказать, что *тональ* человеческого существа сокровенно связан с его рождением.

Ты должен запомнить это. Понимание всего этого очень важно. *Тональ* начинается с рождения и заканчивается смертью. <...>

– *Тональ* – это то, что творит мир.

– *Тональ* является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

– *Тональ* создаёт мир только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и, тем не менее, он творит мир, потому что его функция – судить, оценивать и свидетельствовать. Я говорю, что *тональ* творит мир, потому что он свидетельствует и оценивает его согласно своим правилам, правилам *тоналя*. Очень странным образом *тональ* является творцом, который не творит ни единой вещи. Другими словами, *тональ* создаёт законы, по которым он воспринимает мир, значит, в каком-то смысле он творит мир. <...>

У каждого из нас есть личные *тонали* и есть коллективный *тональ* для нас всех в любое данное время, и его мы можем назвать *тоналем времени*. (Книга 4)

Тональ, следовательно, это всё, чем является сам человек и мир для него. Иначе говоря, *тональ* человека полностью обуславливает его представления о мире.

***Тональ* любого существа, фактически тождественный с ним самим как таковым, всецело определяет его восприятие мира и действия в нём.**

В этом смысле *тональ* не только умственное описание мира, а вся совокупность способностей существа к интерпретации, включая психические и физические. *Личный тональ* – то, что связано с конкретным человеком, с его личными способами отношения к миру; *коллективный тональ* или *тональ времени* – тональ земной человеческой цивилизации в целом.

Следующее объяснение касается *нагуаля* и оно довольно короткое:

«*Нагуаль* – это та часть нас, для которой нет никакого описания – ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний». (Книга 4)

Иначе говоря:

Нагуаль – хаос мира до любых чувственных интерпретаций. Каждое существо постоянно сталкивается с ним, и чтобы выжить в этих столкновениях трансформирует свой тональ, стараясь прийти к максимальной гармонии с внешним миром.

Обычно люди, поглощённые рационализациями и стремлением обезопасить себя, фактически отгораживаются от реальности, чем она является вне интерпретаций, и замыкаются в собственном мире – искусственно созданном. С другой стороны, пока человек находится в детском возрасте и ещё не способен к разумной деятельности – всё для него является *нагуалем* и вызывает, главным образом, интерес и приятие.

«*Нагуаль* там, где обитает *сила*. Мы чувствуем с самого момента рождения, что есть две части нас самих. В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком *нагуалем*. Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. *Тональ* отсутствует, и это даёт нам с самого начала ощущение неполноты. Затем *тональ* начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего существования. Настолько необходимым, что затеняет сияние *нагуаля*, захлёстывает его. С момента, когда мы целиком становимся *тоналем*, в нас всё возрастает наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть ещё и другая часть, которая дала бы нам целостность». (Книга 4)

Наиболее простой способ напрямую столкнуться с *нагуалем* для обычного человека – оказаться в тёмном незнакомом месте. В этом случае, как уже говорилось, желая увидеть хоть что-то знакомое, *тональ* примется лихорадочно интерпретировать всё окружающее, причём с упором на пугающую сторону: например, могут померещиться призраки и угрожающие силуэты – хотя в их прообразах может и не быть совсем ничего пугающего. Другой способ – приём психотропных веществ, под действием которых, например, обычный комар показался Кастанеде чудовищем. Самое сильное и опасное для психики потрясение человек может испытать, столкнувшись с *союзником*, и хотя союзник не имеет органического тела, для потрясённого *тоналя* он представится в виде чего-то предельно жуткого.

Страх или даже ужас – обычная реакция *тоналя* человека при столкновении с *нагуалем*. Заранее ожидая от неизвестного самого худшего и готовясь к нему, *тональ* актуализирует весь негативный опыт человека, все его страхи всплывают и проецируются на *нагуаль*.

Единственный способ избежать такой реакции при столкновении с *нагуалем* – это специально заранее подготовиться к этому событию, разрешив все существующие проблемы и научившись преодолевать все страхи. Одним из наиболее эффективных методов такой подготовки является длительная практика *перепросмотра* (см. соответствующий раздел) для работы с психикой и сопутствующих ей физических тренировок – таких как *Тенсёгрити*. В результате их применения человек окажется обладателем *тоналя*, который Хуан Матус определял как “правильный” – *тоналя* воина. И сможет выдержать контакт даже с самыми глубокими тайнами мира, получив при этом гораздо больше восторженных чувств, чем пугающих.

подавляющее большинство людей современного мира имеют неправильный *тональ*, и Хуан Матус специально продемонстрировал Кастанеде несколько характерных примеров:

«Он обратил моё внимание на двух пожилых дам, только что вышедших из церкви. С минуту они постояли наверху гранитной лестницы, а затем начали осторожно спускаться, отдыхая на каждой ступеньке.

– Внимательно следи за этими женщинами, – сказал он. – Но рассматривай их не как людей, а как *тонали*. Женщины, держась друг за друга, дошли наконец до конца лестницы и опасливо пошли по гравийной дорожке, как по льду, на котором они в любой момент могли поскользнуться.

– Смотри на них, – тихо сказал дон Хуан, – трудно найти *тональ* более жалкий.

Обе женщины были тонкокостными, но очень толстыми. Им было, пожалуй, за пятьдесят. Вид у них был такой измученный, словно идти по ступенькам церкви было выше их сил.

Поравнявшись с нами, они в нерешительности остановились – на дорожке была ещё одна ступенька.

– Смотрите под ноги, дамы! – драматически воскликнул дон Хуан, поднимаясь с места. Они взглянули на него, явно смущённые этим выпадом.

– Моя мать однажды сломала здесь правое бедро, – сказал он и галантно подскочил к ним, помогая преодолеть ступеньку.

Они многословно поблагодарили его, а он участливо посоветовал им в случае падения лежать неподвижно, пока не приедет скорая помощь. Женщины перекрестились.

Дон Хуан вернулся и сел. Его глаза сияли. Он тихо заговорил:

– Эти женщины не настолько стары и слабы, однако же они – инвалиды. Всё в них пропитано опасением – одежда, запах, отношение к жизни. Как ты думаешь, почему?

– Может, они такими родились?

– Нет, такими не рождаются – такими становятся. *Тональ* этих женщин слаб и боязлив. <...>

В этот момент мимо нас прошёл в направлении церкви какой-то грузный мужчина в дорогом тёмно-сером костюме. Пиджак он нёс в руке, воротник рубашки у него был расстегнут, галстук расслаблен. Он обливался потом. Он был очень бледен, и это делало пот ещё более заметным.

– Следи за ним, – приказал мне дон Хуан.

Человек шёл короткими тяжёлыми шагами, раскачиваясь при ходьбе. Он не стал подниматься к церкви, обошёл её и исчез за углом.

– Нет никакой необходимости обращаться с телом таким ужасным образом, – сказал дон Хуан с ноткой укора. – Но как ни печально, все мы в совершенстве умеем делать наш *тональ* слабым. Я называю это индугированием». (Книга 4)

А следующая классификация *тоналей*, основанная на способах социализации, дана в книге Армандо Торреса (в несколько ином виде непосредственно со слов Хуана Матуса она приводится в «Силе безмолвия»):

«– ...При наблюдении ловкости собственной важности и однообразия способа, которым она загрязняет каждого, видящие разделили людей на три категории. Дон Хуан дал им самые гадкие названия, которые он мог придумать: ссыкуны, пердуны и блевуны. Все мы принадлежим к одной из них.

Ссыкуны характеризуются своим рабством. Они – подхалимы, липкие и приторные. Это тип людей, которые всегда хотят сделать вам приятное: они заботятся о вас, они предупреждают вас, они балуют вас, они имеют такое большое сострадание! Но таким способом они скрывают реальные факты, что они не имеют собственной инициативы, и что они никогда ничего не делают. Они нуждаются в команде других людей, чтобы сожалеть о том, что они делают что-то. И, для их несчастья, они предполагают, что другие столь же добры как они. По этой причине они всегда огорчённые, разочарованные и слезливые.

Пердуны, с другой стороны, являются противоположностью. Раздражающие, мелочные и самодовольные, они постоянно навязываются и вмешиваются. Как только они захватывают вас, они не оставляют вас в покое. Они – самые неприятные люди, которых вы можете встретить. Если вы спокойны, пердуны приходят и накручивают вас своим дёрганьем, они используют вас в максимально возможной степени. Они имеют природный дар, чтобы быть учителями и лидерами человечества. Они из тех, кто убивает, чтобы удержать власть.

Блевуны – между обеих категорий. Нейтральные, они никогда не навязываются и не позволяют быть руководимыми. Они гордые, показательные и эксгибиционисты. Они создают впечатление, что они являются значительными, но они совсем не такие. Всё – хвастовство. Они – афиша для людей, которые верят слишком много, но, если вы не платите им вниманием, они становятся уничтоженными в своей незначительности.

Кто-то из публики спросил [Карлоса Кастанеду], если принадлежность к одной из этих категорий – обязательная характеристика, означает ли это, что она есть врождённое состояние нашей светимости?

Он ответил:

– Никто не рождается таким, мы становимся такими! Мы попадаем в тот или иной из этих классов из-за некоторого небольшого инцидента, который отметил нас, когда мы были детьми, подобного давлению наших родителей или других неуловимых факторов. Начиная с этого момента и по мере того, как мы растём, мы вовлечены таким способом в защиту себя, и приходит момент, когда мы больше не помним день, когда мы перестали быть подлинными, и начали действовать. Когда ученик вступает в мир магов, его

основная личность уже сформирована. Он уже не может что-нибудь сделать, чтобы аннулировать это и ему остаётся только смеяться над всем этим».¹

Правильный тональ – это фактически *эффективный тональ*. Им обладают те, чьи слова всегда совпадают с делами – иначе, те, кто подходят к любому делу с максимальной ответственностью:

«– ...Грубо говоря, у каждого *тоналя* есть две стороны. Одна – внешняя сторона, бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и действованием – беспорядочная сторона. Другая часть – это решения и суждения, внутренний *тональ* – более мягкий, более нежный, более сложный.

Правильный тональ – это такой *тональ*, где оба уровня находятся в гармонии и равновесии. <...>

– ...путь воина – это сначала гармония между действиями и решениями, а затем гармония между *тоналем* и *нагуалем*.

В течение всего времени, что я тебя знаю, я говорил, обращаясь как к твоему *тоналю*, так и к твоему *нагуаю*. Именно таким способом должны даваться инструкции.

Сначала следует разговаривать с *тоналем*, потому что именно *тональ* должен уступить контроль. Но он должен сделать это с радостью. Например, твой *тональ* без особой борьбы уступил часть своего контроля, потому что ему стало ясно, что в противном случае твоя целостность была бы разрушена. Иными словами, *тональ* должен отказаться от таких ненужных вещей, как чувство собственной важности и потакание себе, которые лишь погружают его в скуку. Но проблема в том, что *тональ* цепляется за всё это, хотя он должен был бы радостно избавиться от подобной мути. Необходимо сначала убедить *тональ* стать свободным и текучим. Прежде всего, магу необходим сильный, свободный *тональ*». (Книга 4)

Нагуаль без *тоналя* или со слабым неправильным *тоналем* – всё равно что тело без костей, что дом без фундамента. Когда достигается *нагуаль*, *тональ* как бы исчезает для человека, но на самом деле он является *основой для достижения нагуаля*. *Тональ* предшествует *нагуаю*, но обеспечивает решение насущных проблем и выживание вообще.

До того как человеку откроется *нагуаль*, ему необходимо развить и укрепить *тональ*, то есть эффективно решить все основные проблемы выживания.

«– ...Любая угроза *тоналю* обычно заканчивается его смертью. А если умирает *тональ*, то умирает и весь человек. *Тональ* легко уничтожить из-за его врождённой слабости, и потому одним из искусств равновесия воина является вывести на поверхность *нагуаль*, чтобы уравновесить *тональ*. Я говорю, что это искусство; и маги знают, что только путём усиления *тоналя* может появиться *нагуаль*. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой». (Книга 4)

Достигая *нагуаля* человек балансирует на очень тонкой грани между порядком и хаосом или даже между жизнью и смертью:

«– ...*Нагуаль* невыразим. Все возможные ощущения, и существа, и личности плавают в нем, как баржи – мирно, неизменно, всегда. Это идея жизни связывает их вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. То же с Паблито. И то же было с Хенаро, когда он впервые путешествовал в неизвестное, и со мной. Когда клей жизни связывает все эти чувства воедино, возникает существо, теряющее ощущение своей истинной природы, ослеплённое суетой и сиянием места, где оно оказалось – *тоналем*. *Тональ* – это то, где существует всякий объединённый организм. Существо впрыскивается в *тональ*, как только сила жизни связывает все необходимые ощущения. Я однажды говорил тебе, что *тональ* начинается с рождения и кончается смертью. Я говорил это потому, что знаю: как только сила жизни оставляет тело, все эти единые осознания распадаются и возвращаются назад туда, откуда они пришли – в *нагуаль*. То, что делает воин, путешествуя в неизвестном, очень похоже на умирание, только вот его пучок единых ощущений не распадается, а лишь немного расширяется, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и двигаются независимо, как если бы они никогда не были единым целым». (Книга 4)

Подробные комментарии Кастанеды о происходящем с человеком после смерти приведены в книге Армандо Торреса. В частности, он указывает, что осознанность утрачивается не сразу после

¹ А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

смерти, а на протяжении довольно продолжительного по обычным человеческим меркам периода времени. У некоторых людей, имевших в жизни много событий и получивших большую известность, этот процесс может растянуться даже на столетия или тысячелетия – пока все их привязанности не потеряют силу. Для Толтеков, однако, подобные сроки не имеют особой ценности, их конечная цель – *преодоление вечности*.

Здесь стоит заметить, что основной причиной широкой распространённости идей о реинкарнации, столь категорично пресекающихся нагуализмом, в действительности является *страх смерти*: веря в жизнь после смерти, человек получает успокоение, оправдывающее бездействие и позволяющее не думать о своей конечности всерьёз.

«– Они сказали тебе, что ты имеешь время, что будет другая возможность. Ложь!

Видящие утверждают, что человек походит на каплю воды, прибывшую из океана жизни и начавшую сиять самостоятельно. Это сияние – точка сборки восприятия (см. соответствующий раздел – *В.В.*). Но когда распускается люминесцентный кокон, и индивидуальная осознанность распадается и становится космическим, как оно может возвратиться? Для магов каждая жизнь единственна. А ты надеешься, что она повторится?

Твои идеи исходят из высокого мнения, которое ты имеешь о своей персоне. Но, как всё остальное, ты – не твердый блок, ты течешь. Твоё “Я” – сумма верований, воспоминаний, ничего конкретного!»¹

В другом месте Кастанеда так комментирует феномен “прошлых жизней”:

«Это верно, что любой может настроиться к некоторым жизненным эманациям, которые имели место в другие времена и чувствовать, что он жил не только одну, а много жизней. Но это – только настройка среди миллионов возможных настроек».²

Таким образом, общий посыл Толтеков в отношении реинкарнации сводится к бессмысленности полагаться на возможность некоего “обхода” смерти, как если бы уничтожение физического тела ничего не значило, хотя сам феномен полностью и не отрицается. С другой стороны, и философия буддизма, так ярко выразившая эту идею, и давшая тем самым колоссальную подпитку современной эзотерике, отнюдь не считает возможность перерождения благом, и чем-то, на что можно рассчитывать и надеяться. Наоборот, пойманность в цикл перерождений – “колесо сансары” – влечёт повторение одних и тех же страданий в каждой новой жизни, избавиться от которых можно только обретя просветление. То есть каждая новая жизнь буквально *перечёркивает все достижения предыдущей*, и человек оказывается вынужден всё начинать с чистого листа. Единственное, что может служить при подобном раскладе “слабым утешением”, это то, что каждая новая жизнь *открывает возможность преодоления и новых трудностей*, то есть, так или иначе, “эволюция души” происходит (душа не может бесконечно ходить по кругу, всё время повторяя одни и те же ошибки), хотя, очевидно, для данного конкретного человека в данной конкретной жизни и ситуации знание об этом ничем не может помочь. Коротко говоря, те проблемы, что человек не решит в этой жизни, всё равно достигнут его в следующей. *Так зачем же тогда тянуть?*

Смерть уничтожает все текущие достижения человека, и в каждой новой жизни, даже если принимать учение о реинкарнации, путь знания для него в любом случае всегда начинается сначала.

В следующем фрагменте Хуан Матус даёт дополнительные представления о *тонале* и *нагуале*:

«– ...у каждого из нас есть центр, из которого можно быть свидетелем *нагуаля*, – это *воля*. Поэтому воин может отправляться в *нагуаль* и позволять своему пучку складываться и перестраиваться всевозможными способами. Я уже говорил тебе, что способ выражения *нагуаля* – это личное дело. Я имел в виду, что от самого воина зависит направление изменения этого пучка. Исходной позицией являются человеческая форма (см. соответствующий раздел – *В.В.*) или человеческое существо. Быть может, она нам просто всего милее. Однако есть бесчисленное количество других форм, которые может принять пучок. Я говорил тебе, что маг может принять любую форму, какую хочет. Это правда. Воин, владеющий целостностью самого себя, может перераспределить

¹ Ibid.

² А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

частицы своего пучка любым воображимым способом. Сила жизни – вот что делает такие объединения возможными. Когда сила жизни иссякнет – не будет никакого способа вновь собрать пучок. Я назвал этот пучок пузырьём восприятия. Я также говорил, что он упакован, закрыт накрепко, и никогда не открывается до момента нашей смерти. И всё же его возможно открыть. Маги явно раскрыли этот секрет, и хотя не все они достигли целостности самих себя, но знали о возможности этого. Они знали, что пузырь открывается только тогда, когда погружаешься в *нагуаль*. Вчера я рассказал тебе обо всех тех шагах, которые ты сделал, чтобы достичь этой точки». (Книга 4)

“Пузырь восприятия” – метафора, граница между *тоналем* и *нагуалем*. Достижение целостности самого себя – устранение пузыря восприятия, гармоничное слияние тоналя и нагуаля.

«– Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены с момента своего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запирает нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живём внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, является нашим собственным отражением. <...>

– Это отражение является нашей картиной мира, – сказал он. – Эта картина – описание, которое давалось нам с момента нашего рождения, пока всё наше внимание не оказывалось захваченным ею, и описание не стало взглядом на мир.

Задачей учителя является перестроить этот взгляд, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет пузырь снаружи. <...>

– ...Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность, – продолжал он. – Естественно, что назвать это “пузырём” – только способ говорить. Но в данном случае это очень точный способ.

Деликатный маневр введения светящегося существа в его собственную целостность требует, чтобы учитель работал внутри пузыря, а бенефактор (бенефактором Кастанеды был Хенаро Флорес – *V.B.*) – снаружи. Учитель перестраивает картину мира. Я назвал эту картину островом *тональ*. Я сказал, что всё, чем мы являемся, находится на этом острове. Объяснение магов говорит, что остров *тональ* создан нашим восприятием, выученным концентрироваться на определённых элементах. Каждый из этих элементов и все они, вместе взятые, образуют нашу картину мира. Работа учителя относительно восприятия ученика состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. К настоящему времени ты, должно быть, понял, что чистка и перестройка острова *тональ* означает перегруппировку всех этих элементов на сторону *разума*. Моей задачей было разделить твою обычную картину мира; не уничтожить её, а заставить её перекачаться на сторону *разума*. Ты сделал это лучше чем любой, кого я знаю.

Он нарисовал воображаемый круг на камне и разделил его пополам вертикальным диаметром. Он сказал, что учитель с помощью своего искусства заставляет ученика сгруппировать всю свою картину мира на правой стороне пузыря.

– Почему правая половина? – спросил я.

– Это сторона *тоналя*, – сказал он. – Учитель всегда обращается к ней и, с одной стороны, познакомив своего ученика с путём воина, он заставляет его быть разумным, трезвым и сильным душой и телом. А с другой – он сталкивает его с невыносимыми, но реальными ситуациями, с которыми ученик не может справиться. Таким образом, он заставляет его понять, что его разум, хотя и является чудеснейшей вещью, может охватить лишь очень небольшую поверхность. Как только воин столкнулся с невозможностью всё охватить *разумом*, он сходит со своей дороги, чтобы поддержать и защитить свой поверженный *разум*. Чтобы добиться этого, он соберёт всё, что у него есть, вокруг него. Учитель следит за этим, безжалостно подхлестывая его, пока вся его картина мира не окажется на одной стороне пузыря. Другая половина пузыря – та, что очистилась, теперь может быть заполнена тем, что маги называют *волей*.

Очевидно, яснее будет сказать, что задача учителя – начисто отмыть одну половину пузыря и заново сгруппировать всё на другой половине. Потом задачей бенефактора будет открыть пузырь на той стороне, которая была очищена. После того, как печать сорвана, воин уже никогда не бывает тем же самым. Он теперь может управлять своей целостностью. Половина пузыря является абсолютным центром *разума, тоналем*. Другая половина – абсолютным центром *воли, нагуалем*. Вот какой порядок должен превалировать, любая другая аранжировка бессмысленна и мелочна, потому что она идёт против нашей природы. Она крадёт у нас наше магическое наследие и превращает нас в ничто». (Книга 4)

Следующая цитата содержит комментарий Хуана Матуса относительно связи *нагуаля* и творчества и яркий пример творчества, как оно понимается Толтеками:

«– Можно сказать, что *нагуаль* ответственен за творчество, – сказал он наконец и пристально посмотрел на меня. – *Нагуаль* – единственное в нас, что способно творить.

Дон Хуан спокойно смотрел на меня. Эта тема чрезвычайно заинтересовала меня, и я попросил раскрыть её подробнее. Он сказал, что *тональ* – это лишь свидетель и регистратор. Я спросил, как он объясняет тот факт, что мы конструируем великолепные здания и сложнейшие механизмы.

– Это не творчество, – сказал он, – это только формовка. Объединившись с другими *тоналями*, мы можем сформировать что угодно. Великолепные здания, как ты сказал.

– Но тогда что же такое творчество, дон Хуан?

Он искоса посмотрел на меня, усмехнулся, поднял правую руку над головой и резко двинул кистью, как бы поворачивая дверную ручку.

– Творчество вот, – сказал он и поднёс ладонь к моим глазам.

Мучительно долго я не мог сфокусировать взгляд на его руке. Как уже было однажды, невидимая оболочка сковала всё моё тело так, что не разорвав её, я не мог перевести глаза на его ладонь.

Я боролся, пока капли пота не попали в глаза. Наконец я услышал или ощутил хлопок, и голова дёрнулась, освободившись.

На его правой ладони находился любопытнейший грызун, похожий на белку. Однако хвост у него был как у дикобраза, покрытый жёсткими иглами.

– Потрогай его, – сказал дон Хуан тихо.

Я машинально повиновался и погладил пальцем по мягкой спинке. Дон Хуан поднёс руку ближе, и тогда я заметил нечто, из-за чего у меня начались нервные спазмы: у белки были очки и очень большие зубы.

– Он похож на японца, – сказал я и истерически засмеялся.

Грызун стал расти на руке дона Хуана, и, пока мои глаза были ещё полны слез от смеха, грызун стал таким большим, что буквально исчез из моего поля зрения. Это произошло так быстро, что я даже не успел перестать смеяться. Когда я протёр глаза и снова посмотрел на дона Хуана, он сидел на скамейке, а я стоял перед ним, хотя и не помнил, как встал». (Книга 4)

Для “сотворения” своего грызуна Хуан Матус использовал волю. *Воля* для магов – единственный способ *творить*, и обходиться при этом без любого рода механизмов: например, без музыкальных инструментов, если речь идёт о музыке, или без принадлежностей художника, если речь идёт об изобразительном искусстве. Фактически, творя, маг *представляет* себе творение и представляет его настолько ясно, что оно *возникает на самом деле*.

Творчество – это акт воображения. В пределе миром воображения для творчества становится реальный мир.

В этом случае Толтеки говорят, что человек *сновидит наяву*, хотя Хуан Матус относился к этому словосочетанию со скепсисом, поскольку нечто почти невероятное сопоставляется с такой простой вещью как сон. Подробнее об этом в разделе *Сновидение*.

Проводя параллели с философией нельзя не отметить общность взглядов Хуана Матуса и австрийского философа Людвиг Витгенштейна относительно языка как не просто инструмента *описания мира*, а, условно говоря, *самого мира* субъекта. Для позитивистски настроенного Витгенштейна эта метафизическая идея стала важнейшей и одной из очень немногих явно сформулированных им: «"Я" есть мой мир и границы моего языка определяют границы моего мира»¹. Нетрудно отыскать аналогичное высказывание и у Хуана Матуса:

«– *Тональ* – это всё, что мы есть, – продолжал он. – Назови его! Всё, для чего у нас есть слово – это *тональ*. А поскольку *тональ* и есть его собственные деяния, то в его сферу попадает все». (Книга 4)

В том же русле лежит *гипотеза лингвистической относительности* американских лингвистов Эдуарда Сепира и Бенджамена Уорфа, согласно которой образ мышления и мировосприятия говорящих на разных языках людей может существенно отличаться:

«Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток

¹ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат.

впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определённого языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка».¹

В целом довольно популярные сейчас теории о зависимости внешней реальности от конкретного способа познания (например, так называемая *теория познания Сантьяго* в науке, *интерсубъективистские* и *постструктуралистские* подходы в философии) обобщаются единым тезисом релятивизма систем познания или *когнитивного релятивизма*. Кастанеда также подтверждал, что целью Хуана Матуса по отношению к нему было именно обучение альтернативной когнитивной (или чувственной) системе.

Первое, второе и третье внимания (также предметы силы)

Прежде чем переходить к видам *внимания* следует выяснить что именно понимают под *вниманием* Толтеки:

«– Наше внимание натренировано быть непрерывно на чём-нибудь сфокусированным, – продолжила [Ла Горда]. – Именно так мы поддерживаем свой мир». (Книга 6)

Всего Толтеки выделяют три вида внимания в порядке усиления осознанности. *Первое внимание* – обычное, доступное всем людям, *второе* – внимание более глубокой сосредоточенности на чём-либо, когда *разумная* деятельность оказывается второстепенной и подчинённой. Другими словами, *первое внимание* – *внимание тоналя, разума*: рациональной самопоглощённости, обусловленной общепринятым *описанием мира*; *второе внимание* – *внимание нагуаля, воли*, развивающее и включающее в себя *первое внимание*, а в перспективе приводящее к *видению*. *Третье внимание* – невыразимое состояние, достигаемое воином после многих лет безупречной жизни. *Третье внимание* также именуется Толтеками *абсолютной свободой*.

«По словам дон Хуана, мы состоим как бы из двух сегментов. Первый – это наше знакомое физическое тело, которое мы можем ощущать непосредственно. Второй – светящееся тело, придающее нам вид огромного светящегося яйца, которое может быть замечено только *видящими*. Он говорил также, что одной из самых важных задач магии является достижение светящейся оболочки. Это цель, которая достигается путём сложной системы *сновидения* и жёсткой систематической практики *не-делания*. “Не-делание” он определил как некое непривычное действие, вовлекающее всё наше существо и заставляющее его осознавать свою светящуюся часть.

Поясняя эту идею, дон Хуан изобразил наше сознание разделённым на три неравных части. Самую маленькую часть он назвал “первым вниманием” и сказал, что это именно то внимание, которое развито в каждом человеке для жизни в повседневном мире; оно охватывает сознание физического тела. Другую, более крупную часть он назвал “вторым вниманием” и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать нашу светящуюся оболочку и действовать как светящееся существо. Он сказал, что *второе внимание* в течение всей нашей жизни пребывает на заднем плане, если только оно не выводится вперёд благодаря специальной практике или случайной травме, и что оно охватывает осознанность светящегося тела. Последнюю, самую большую часть он назвал “третьим вниманием”. Это та неизмеримая осознанность, которая включает в себя неопределимые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам *третье внимание*. Он ответил, что был на его периферии и что если он когда-нибудь войдёт в него полностью, я тотчас узнаю об этом, потому что всё в нем мгновенно станет тем, чем оно и является в действительности – взрывом, вспышкой энергии. Он добавил, что *второе внимание* является чем-то вроде полигона для достижения *третьего внимания*. Это состояние очень труднодостижимо, но крайне плодотворно». (Книга 6)

Фактически достижение *третьего внимания* – альтернативная возможность ухода из жизни с последующим сохранением индивидуальности.

¹ Б.Л.Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку.

Иной способ описать разницу между *первым* и *вторым* вниманиями связан с понятием “интенсивности”:

«Ещё одной чертой этих состояний повышенной осознанности было ни с чем не сравнимое богатство наших (Карлоса Кастанеды и других учеников Хуана Матуса – В.В.) личных взаимодействий. Богатство, которое наше тело воспринимало как ощущение ускорения. Наши двухсторонние перемещения между *правой* и *левой сторонами* (содержащими опыт, связанный с пребыванием, соответственно, в *первом* и *втором* *вниманиях* – В.В.) облегчали нам понимание того, что на *правой стороне* слишком много энергии поглощается поступками и взаимодействиями нашей повседневной жизни. На *левой стороне*, напротив, существует врождённая потребность в экономии и скорости.

Ла Горда не могла описать, чем в действительности была эта скорость. Не мог и я. Лучше всего я мог бы сказать, что на *левой стороне* я мог схватывать значение всего с особенной точностью и направленностью.

Любая грань деятельности была свободна от вступлений и введений. Я действовал и отдыхал. Я шёл вперёд и отступал, без всяких мыслительных процессов, столь обычных для меня. Именно это мы с Ла Гордой понимали как ускорение.

В какой-то момент мы выяснили, что богатство восприятия на *левой стороне* проявлялось постфактум, то есть наши взаимодействия оказывались такими богатыми в свете нашей возможности запоминать их. Мы понимали, что в этих состояниях повышенной осознанности мы воспринимали всё одним целым куском, монолитной массой неотделимых деталей. Мы назвали эту способность воспринимать всё сразу “интенсивностью”. Годами мы считали невозможным использовать отдельные составляющие части этих монолитных кусков опыта. Мы не могли синтезировать эти части в такую последовательность, которая имела бы смысл для интеллекта. Поскольку мы были неспособны на такой синтез, мы не могли и вспомнить, эта наша неспособность вспомнить была фактически нашей неспособностью расположить воспоминания в линейной последовательности. Мы не могли, так сказать, разложить наши переживания перед собой и собрать их последовательно, одно за другим. Полученные переживания были доступны для нас, но в то же время мы не могли до них добраться, так как они были замурованы стеной “интенсивности”.

Следовательно, задачей *воспоминания* было соединить наши левые и правые стороны, объединить эти две стороны различных форм восприятия в единое целое. Это была задача по конденсации целостности самого себя путём расположения “интенсивности” в линейной последовательности.

Для нас стало ясно, что та деятельность, в которой мы принимали участие, могла занимать очень мало времени, если судить по часам. Из-за нашей неспособности воспринимать в терминах *интенсивности* мы могли иметь только подсознательное восприятие больших отрезков времени. По мнению Ла Горды, если бы мы могли расположить *интенсивность* в линейной последовательности, мы были бы вправе честно признать, что прожили тысячу лет». (Книга 6)

Ближайший в западной науке эквивалент “монолитных кусков опыта” – развитое Фрейдом представление о *комплексах*. Комплексы, как их понимал Фрейд, и есть комплексы опыта, но тогда как Фрейд рассматривал их исключительно по отношению к сокрытому от сознания *аффективному опыту*, сопровождающемуся снижением осознанности и остановкой мыслительных процессов, Кастанеда говорит о той же остановке, но только являющейся следствием состояния, наоборот, *повышенной осознанности*. *Сознание* в этом смысле характеризуется именно свойством пребывать в рамках некоторого комплекса, где человек может помнить “себя” – посредством проведения доступных в нём языковых ассоциаций и построенной на этих ассоциациях деятельности разума или собственно, в обычном смысле этого слова, *сознательной* деятельности (далее пребывание внимания человека в рамках того или иного комплекса – неважно, сознательного или нет – будет отождествлено с пребыванием его *точки сборки* в том или ином *положении*). Но хотя комплексы пониженной осознанности или *бессознательного* *подавляют* работу разума, связанные различными воздействиями, они, тем не менее, не исключают неосознанного присутствия некоторых языковых элементов, как раз и обуславливающих их возможную реактивацию в дальнейшем. Наличие таких элементов (отдельных слов, фраз) послужило Фрейду основой для создания *метода свободных ассоциаций* – главного *психоаналитического* метода, при котором, отвечая на тот или иной вопрос, пациент говорит абсолютно всё, что приходит ему на ум, стараясь не считаться с нормами морали и здравого смысла.

В то же время ввиду общности комплексов повышенной и пониженной осознанности, очевидно, что любая управляемая регрессия в бессознательное – иначе, *гипнотический транс* – требует определённого количества *личной силы*, фактически являющейся суммирующей *личной силы* психотерапевта и пациента. В качестве альтернативы любого метода психотерапии Толтеки используют собственный специальный метод – *перепросмотр* (см. соответствующий раздел), обычно проводимый в одиночку. Другой способ достижения *бессознательного* и *второго внимания* состоит в получении *личной силы* непосредственно от *Нагуаля* (см. разделы *Правило Нагуаля*, *Точка сборки*). Именно с его помощью Хуан Матус как *Нагуаль* и переводил Кастанеду во *второе внимание*, а позже тому потребовалось весьма длительное время, чтобы восстановить накопленный в этом состоянии опыт *самостоятельно*.

Ещё одним свойством *второго внимания* является способность фокусироваться на различных материальных предметах, имеющих особое значение для магических процедур. Такие предметы – *предметы силы* – как бы удерживают в себе часть *силы* мага, а в крайнем случае – например, при угрозе смерти – достаточно могущественный маг может передать им и её всю. Очевидно, что фокусирование *второго внимания* на предметах связано с чувством *обладания* ими, а посредством этого и с *чувством собственной важности*. Для большинства людей подобного рода предметами, с которыми обычно бывает тяжело расстаться, являются красивые вещи, деньги, письменные свидетельства о любых их достижениях, привлекательные черты собственного тела и, наконец, дом – становящийся для них фактически *местом силы*. Особый род подобных предметов, получивший сейчас широкое распространение – фотографии, в действительности являющиеся намного большим, чем просто изображениями человека: *овеществлённой памятью о нём*, всегда готовой стать к нему мостом – неважно, для поклонения или для проклятия. Один из членов подготовленной Хуаном Матусом когорты, Нестор, говорил об этом так:

«– Нагуаль сказал, что фиксация на *втором внимании* двулика. Первое, самое простое лицо – злое. Так происходит, когда *видящие* используют *искусство сновидения*, чтобы фокусировать своё *второе внимание* на предметах, подобных деньгам и власти над миром. Второе лицо – крайне трудно достижимо. Оно возникает, когда воин фокусирует своё *второе внимание* на предметах, которых нет в этом мире, подобных путешествию в неизвестное. Чтобы достичь этого лица, воинам требуется предельная *безупречность*». (Книга 6)

Хуан Матус настоятельно рекомендовал стремящимся к свободе воинам не иметь предметов *силы* и не фотографироваться.

Для демонстрации привязанности к тем или иным предметам Карлос Кастанеда привёл собственный показательный пример. Всё началось с того, что неоднократно высмеивавший его привычку всё записывать Хенаро Флорес полшутя дал ему совет писать не карандашом, а пальцем:

«Вскоре пришли дон Хуан и дон Хенаро. Они смеялись.
– Паблито бежал по дороге как душа, преследуемая дьяволом, – сказал дон Хуан.
– Почему?
– Я полагаю, он испугался, когда увидел, как Карлитос срабатывает пальцы до кости, – ответил Хенаро, насмехаясь над моим писанием.
Он подошел ко мне поближе.
– Эй! У меня есть идея, – сказал он почти шёпотом. – Поскольку ты любишь так много писать, почему бы тебе не научиться писать пальцем вместо карандаша? Вот это было бы да!
Они сели у меня по бокам и смеялись, обсуждая возможность писать пальцем. Дон Хуан серьёзным тоном сделал странное замечание. Он сказал:
– Нет сомнения, что он может писать пальцем, только вот сможет ли он прочесть это?
Дон Хенаро согнулся от смеха и добавил:
– Я уверен, что он может прочесть что угодно». (Книга 4)

На первый взгляд писать пальцем – глупейший совет, но позже выяснилось, что он имел весомую долю смысла: ведь тогда вынуждено будет развиваться *второе внимание*, и притом без риска фиксации на листах бумаги:

«Однажды мы обсуждали это подробнее. Это было вызвано его реакцией на мою озабоченность относительно того, где мне хранить свои записи. Я относился к ним с сильным чувством собственности и был обеспокоен их безопасностью.
– Как мне быть? – спросил я его.

– Хенаро уже предлагал тебе решение, – ответил он. – Ты думал, что он, как всегда, шутит. Хенаро никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком собственного пальца. Ты не понял его, поскольку тебе и в голову не пришло, что это – *не-делание* во время записывания.

Я не соглашался, всё же считая совет Хенаро просто шуткой. Я воображал себя учёным-социологом, которому необходимо записать всё, что говорится и происходит, чтобы вывести окончательное заключение. Для дон Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьёзным исследователем, считал он, вовсе не обязательно делать записи. Лично я решения не видел. Предложение дон Хенаро казалось мне забавной, но никак не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что обычное записывание является способом вовлечения в задачу запоминания *первого внимания*. Рекомендация дон Хенаро не была шуткой, так как вождение по бумаге кончиком пальца, являясь *не-деланием при записывании*, заставило бы сфокусироваться на запоминании моё *второе внимание*, и тогда мне не пришлось бы накапливать горы листов бумаги. Дон Хуан считал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, этого никто никогда не делал, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время “записывать” подобным образом. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но и успокаивало меня. Это была моя привычная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и уравновешенности.

– Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, – объяснил дон Хуан, – ты фиксируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону. Чем сильнее мы становимся, тем губительнее становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их *сила*, а фокусироваться на *духе*, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных щитах. В твоём случае такой щит – это твои записи. Они не дают тебе жить спокойно.

Я чувствовал, что нет на земле ничего, что могло бы разлучить меня с моими мыслями и с моими записями. Тогда дон Хуан избрал для меня задачу в русле “правильного *не-делания*” Он сказал, что для того, кто, подобно мне, охвачен таким чувством собственности, подходящим способом освободиться от своих записей было написать книгу, сделав их всеобщим достоянием. В то время я думал, что это ещё большая шутка, чем предложение записывать пальцем.

– Твоё стремление обладать и цепляться за вещи не уникально, – сказал он. – Каждый, кто хочет следовать путём воина и мага, должен освободиться от этой фиксации. Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы и переносили на них свою магию. Это порождало вопрос, чей предмет более сильный и чей самый сильный из всех. Остатки таких предметов всё ещё имеются в мире – обломки этой гонки за силой. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили все эти предметы. Люди, бесконечно более сильные, чем ты, вливали в них всё своё *внимание*. Ты пока что просто начал вливать свои мелочные заботы в листы своих записей. Ты ещё не добрался до других уровней *внимания*. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что всё ещё тащишь на спине тук с записями. К тому времени твои записи станут живыми, особенно если ты не научишься писать кончиком пальца, и ты всё ещё будешь вынужден накапливать листы бумаги. В таком случае меня не удивит, если кто-нибудь повстречает тюки, идущие сами по себе». (Книга 6)

Как не дорожил Кастанеда своими записями, и сколь большим не было основанное на привязанности к ним его чувство собственной важности, авторитет Хуана Матуса оказался сильнее, и книга была написана. Его отношение к ней могло быть предсказуемым:

«Я привёз ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул её из портфеля и вручил ему.

– Это книга о тебе, дон Хуан, – сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зелёный цвет переплёта и формат книги. Он погладил её, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

– Я хочу, чтобы ты оставил её себе, – сказал я. Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

– Лучше не надо, – сказал он и с широкой улыбкой добавил: – Ты же знаешь, на что в Мексике идёт бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной». (Книга 2)

Сновидение¹ (также тело сновидения или энергетическое тело, призвание намерения)

Обычные сны, которые каждую ночь видят все люди, и которые, как правило, представляют собой лишь слабый отблеск реальности, путём так называемой “настройки” могут использоваться для перехода во *второе внимание*. Начинается настройка *сновидения* с полного осознания себя во сне, за чем следует целенаправленная концентрация на чертах открывающегося в нём мира – исходно иллюзорного, состоящего из разрозненных порождаемых психикой образов, а позже, по мере накопления силы, полностью реального. Наиболее простой метод, применяющийся для того, чтобы начать сновидеть – “поиск рук во сне”. Но есть и другие гораздо более продвинутые методы, описание которых выходит за рамки этого приложения (они достаточно подробно приведены в «Даре Орла» и «Искусстве сновидения», а также в книге Тайши Абельяр «Магический переход»). Стоит лишь заметить, что в целом развитие осознанности в состоянии сна является весьма длительным процессом, исключая любые мгновенные результаты и, как минимум, требующим высокого физического тонуса (то же относится и к *перепросмотру* – см. соответствующий раздел).

«– На этом самом месте я научу тебя *сновидеть*».

[Дон Хуан] опять взглянул на меня и спросил, знаю ли я, о чем идёт речь. Я не знал. Я вообще почти ничего не понимал. Он объяснил, что *сновидеть* – значит точно и жёстко управлять общим ходом сна, целенаправленно формируя возникающую в нем ситуацию, подобно тому, как человек управляет своими действиями, например, идя по пустыне и решая, скажем, взобраться на холм или укрыться в тени скал водного каньона.

– Начинать следует с какого-нибудь простого действия, – сказал дон Хуан. – Сегодня ночью во сне посмотри на свои руки.

Я громко рассмеялся. В его интерпретации это звучало так, словно речь шла о чем-то обычном, что я делаю изо дня в день.

– Почему ты смеёшься? – удивился он.

– Как, интересно, во сне можно посмотреть на собственные руки?

– Очень просто: перевести на них взгляд. Вот так.

И он наклонил голову и, разинув рот, уставился на свои руки. Выглядело это настолько комично, что я расхохотался.

– Нет, серьёзно, как это делается? – переспросил я.

– Я же тебе показал, – отрезал дон Хуан. – В принципе можешь смотреть на что хочешь – на пальцы своих ног, на свой живот, хоть на свой член, в конце концов. Я советую смотреть на руки только потому, что мне лично так было легче всего. Только не думай, что это шуточки. *Сновидение* – это так же серьёзно, как *видение*, как смерть, как всё, что происходит в этом жутком таинственном мире. Пускай для тебя это будет увлекательной тренировкой. Представь себе все самые невероятные вещи, которые ты мог бы совершить. Ведь возможности того, кто охотится за силой, в сновидении почти безграничны. Я попросил как-то уточнить задание.

– Уточнять тут нечего. Просто смотри на собственные руки. <...>

Дон Хуан задумался, словно что-то для себя формулируя и время от времени кивая головой.

– Каждый раз, когда ты смотришь во сне на какой-нибудь объект, он меняет форму, – произнёс он после долгой паузы. – Когда учишься *сновидеть*, весь фокус заключается в том, чтобы не просто посмотреть на объект, а удержать его изображение. *Сновидение* становится реальностью тогда, когда человек обретает способность фокусировать глаза на любом объекте. Тогда нет разницы между тем, что делаешь, когда спишь, и тем, что делаешь, когда бодрствуешь. <...>

¹ Относительно русского слова *сновидение* имеет смысл сделать специальный комментарий лингвистического характера. Не трудно заметить, что оно родственно слову *видение*, в котором ударение делается на первую букву “е”, различие же между этими двумя словами в том, что тогда как видения происходят в состоянии бодрствования, сновидения – это видения в состоянии сна. Но можно, и, как представляется, это вполне логично сделать, “перевернуть” смысл обоих слов, переставив ударения в них с первой “е” на первую “и”. Видение тогда станет привычным толтекским *видением*, а сновидение – *видением* в состоянии сна, чем оно в своей развитой форме и является.

– ...Сначала фокусируешь взгляд на руках. Это – отправная точка. Затем начинаешь переводить взгляд на другие объекты, на очень короткое время фиксируя его на них. Постарайся бросить такой короткий взгляд на максимальное количество объектов. Помни: если ты будешь только коротко взглядывать на объекты, они не начнут сдвигаться. Потом снова вернись к своим рукам. Каждый раз, когда ты возвращаешься к своим рукам, ты восстанавливаешь силу, необходимую для продолжения *сновидения*. Поэтому вначале не нужно смотреть сразу на множество объектов. На первый раз четырёх будет достаточно. Потом ты постепенно сможешь увеличить их количество, и в конце концов будешь в состоянии разглядывать всё, что захочешь. Но всегда, как только начинаешь терять контроль, – возвращайся к рукам». (Книга 3)

По мере настройки *сновидения* развивается *тело сновидения*. В пределе своего развития внешне оно становится почти неотличимым от настоящего физического тела (или хотя бы таким же реальным), и наравне с ним может действовать в обычной реальности, хотя и не так, как оно.

«Дон Хуан определял *искусство сновидения* по-разному. Наиболее туманное из этих описаний, как мне теперь кажется, является наиболее удачным. Он сказал, что *искусство сновидения* – это, по сути, *не-делание сна*. Оно даёт возможность практикующим его использовать ту часть жизни, которую они обычно проводят в хаосе. *Сновидящие* как бы не спят вообще, но без всяких болезненных последствий. Это не значит, что у *сновидящих* вообще отсутствует сон, просто эффект *сновидения* продлевает состояние бодрствования за счёт использования некоего вспомогательного тела – *тела сновидения*.

Дон Хуан объяснил мне, что *тело сновидения* – это нечто такое, что иногда называют “дубль”, а иногда – “другой”, потому что это точная копия тела *сновидящего*. В сущности, это энергия светящегося существа, белесая, призракоподобная эманация, которая посредством фиксации *второго внимания* проецируется в трёхмерное изображение тела. Дон Хуан объяснил, что *тело сновидения* – это не привидение, оно настолько же реально, насколько реально всё, с чем мы сталкиваемся в повседневном мире.

Он сказал, что *второе внимание* неизбежно стягивается фокусом на энергетическом поле нашего существа и трансформирует эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое лёгкое – это, конечно, изображение нашего физического тела, которое мы хорошо знаем по опыту использования *первого внимания*. То, что маги называют *волей*, как раз и является проводником нашей энергии для создания чего бы то ни было в пределах возможного. Невозможно определить, где находятся эти пределы, но на уровне светящихся существ их диапазон настолько велик, что напрасно и пытаться установить их; поэтому можно сказать, что воля способна преобразовать энергию светящегося существа во что угодно». (Книга 6)

Тело сновидения – это трансформированная в нечто более или менее привычное воля. Тогда как в бодрствующем состоянии воля жёстко связана с физическим телом, в сновидении внимание на нём не фиксируется, и воля становится самостоятельной неорганической сущностью, действующей во втором внимании.

В книге Тайши Абеляр Хуан Матус говорит о *теле сновидения* как о “тонком теле”:

«– Физическое тело – это лишь оболочка, сосуд, если хочешь знать, – произнёс он после медленного выдоха. Сосредоточиваясь на своём дыхании (имеется в виду дыхание *перепросмотра* – В.В.), ты можешь растворить своё грубое тело, и тогда останется лишь тонкое, эфирное.

Он поправил себя, сказав, что в действительности физическое тело не растворяется, а изменяется лишь наша осознанность, и мы начинаем понимать, что на самом деле физическое тело никогда не было грубым. Это понимание представляет собой противоположность того, что мы узнавали по мере взросления. Будучи младенцем, человек полностью осознает своего двойника, но по мере того, как он подрастает, он привыкает делать всё больший акцент на физической стороне, и всё меньший – на тонкой. Став взрослым, он полностью забывает даже о том, что тонкая сторона вообще существует.

Тонкое тело – это энергетический сгусток, – объяснил он, – но мы осознаем лишь его внешнюю, затвердевшую часть. Но если мы позволяем своему намерению проникнуть вглубь, мы начинаем осознавать свою тонкую составляющую.

Он подчеркнул, что наше физическое тело неразрывно связано со своей тонкой сущностью, но эта связь была замутнена нашими мыслями и чувствами, которые

сосредоточены исключительно на физическом теле. Для того чтобы переместить осознанность с грубой видимости на её неосозаемую составляющую, мы прежде всего должны растворить грань, которая разделяет эти два аспекта нашего существа».¹

Как правило, осознание и развитие “тонкого тела” начинается с вовлекающей воображение творческой деятельности, реализующей *природные предрасположенности человека*, и в этом смысле “тонкое тело” можно также называть “телом воображения”. Так, например, певец может *воображать* пение (при этом фактически петь будет его *тело сновидения*), художник – *воображать* картины (рисуемые *телом сновидения*), а спортсмен – те или иные необходимые ему спортивные достижения. Причём воображение здесь не просто иллюзорное представление, а процесс предельной концентрации *внимания*, наиболее естественным образом осуществляемый в *сновидении*. Как уже говорилось ранее, в пределе концентрация может достигать такой степени, что *воображаемое* становится *действительным*.

Развитие тела сновидения есть развитие природных предрасположенностей человека к творчеству. Оно начинается с концентрации на желаемом достижении в воображении, продолжается в сновидении и завершается его воплощением наяву.

Однако желаемое здесь намного больше, чем понимается под этим словом обычно, и поэтому Толтеки предпочитают говорить не о желании, а о *намерении* – подразумевая, что желание может и не сбыться, но упорное или *несгибаемое намерение* всегда будет реализовано. Иначе говоря, *желание*, каким бы сильным оно не было, ни к чему не обязывает человека, тогда как формирование *намерения* заключается во взятии на себя обязательств по его осуществлению. И чем сильнее *намерение*, тем больше должны быть подчинены все поступки человека приближению к заложенной в *намерении* цели. Таким образом (и об этом также говорилось в предыдущих разделах), даже трудно сказать – человек ли действительно управляет *намерением* или оно им (*намерение*, очевидно, здесь синоним *личной силы* или *воли*)? Возможно, логически правильным будет разрешить это затруднение, сказав, что *намерение* действует с человеком – своим носителем – во взаимовыгодном союзе, и также как он преисполненный благоговения ищет возможности установить с ним связь, и оно ищет того, кто сможет наиболее успешно его реализовать. И в этом самое большое счастье воина, ведь именно такие “близкие” отношения с *намерением* или, как иногда говорят имея в виду то же самое, с *Богом*, дают ему единственную возможность не чувствовать себя одиноким в этом мире.

Другой момент касается физической интерпретации действия *тела сновидения* (отчасти эта тема также затрагивается в основном тексте книги). Прежде всего, конечно, оно является полностью материальным, подчинённым всем природным законам, и в этом смысле ничего мистического в себе не несёт, хотя и однозначно сопоставить его материальное устройство с чем-либо конкретным уже известным современной науке затруднительно. Тем не менее, интуитивно можно говорить о *теле сновидения*, подразумевая нечто максимально “тонкое” в материи, предельно чувствительное, и именно поэтому творческое. Известно, что любой самый творческий процесс, который доступен людям, всегда характеризуется максимальной отточенностью, выверенностью всех деталей, которая взятая “в себе” как бы дирижирует физическим телом. Именно эта выверенность и составляет сущность как *воли*, так и *тела сновидения*, но если воля дирижирует телом, доступным человеку наяву, в *сновидении* требуется развивать *новое* тело, и единственный путь к этому – через *концентрирование воли*, то есть создание необходимой для творческого процесса материальной базы. В данном случае в *сновидении* будто бы имеет место обратный “явному” механизм – если наяву для творчества человек оптимизирует и развивает физическое тело, то есть достигает “тонкое тело”, “тело нагуаля”, во сне целью, напротив, является физическое тело, “тело тоналя”, но уже совершенно иное, чем “явное”.

Также можно предположить, что физически “тонкое тело” – не что иное, как *плазма* – очень разряженная ионизированная материя, но в данном случае цельная и функциональная. Именно плазма при концентрации или конденсации может сделать возможным образование более плотных агрегатных состояний материи, как раз необходимых для формирования *тела сновидения*. На основании такой гипотезы можно также проследить корреляцию с древними философскими учениями, утверждавшими, что мир состоит из четырёх стихий: земли, воды, воздуха и огня.

¹ Т.Абеляр. Магический переход.

Очевидно, каждая из них соответствует одному из известных четырёх агрегатных состояний, причём плазме в таком случае соответствует огонь (вообще огонь и есть холодная плазма).

Осуществление *намерения* наяву Толтеки называют *призванием намерения*: так, Хуан Матус, *призывая намерение*, мог заставлять появляться вещи, а Ла Горда, *призывая намерение*, научилась летать – полёт происходил, когда её *внимание* концентрировалось на ощущениях, обычно сопровождавших полёт в *сновидении*.

«– Нагуаль [Хуан Матус] всем нам показывал, что он может делать со своим *намерением*, – внезапно сказала [Ла Горда]. – Он мог заставлять вещи появляться, призывая *намерение*. Он говорил, что если я захочу летать, то должна буду вызвать *намерение* полёта. Затем он показал мне, как он сам может призывать его, прыгнув в воздух и пролетев круг надо мной, как огромный воздушный змей. Или же он заставлял предметы появляться и исчезать в его руке. Он сказал, что знал *намерение* многих вещей и мог вызывать эти вещи, направляя на них своё *намерение*. Различие между ним и Сильвио Мануэлем (одним из наиболее могущественных членов когорты Хуана Матуса – В.В.) состояло в том, что Сильвио Мануэль, будучи хозяином *намерения*, знал *намерение* всего.

Я заметил, что её объяснение требует дальнейших уточнений. Она, казалось, изо всех сил пыталась организовать слова в своём уме.

– Я научилась *намерению* летать, – сказала она, – повторяя все чувства, которые у меня были, когда летала в *сновидении*. Это было только одно. Нагуаль за свою жизнь научился *намерению* сотен вещей. Но Сильвио Мануэль пришёл к самому источнику. Он коснулся его. Ему не надо было учиться *намерению* чего бы то ни было. Он составлял с *намерением* единое целое. Проблема заключалась в том, что у него не осталось больше желаний, потому что *намерение* не имеет своих собственных желаний. Поэтому Сильвио Мануэль мог сделать всё, чего бы Нагуаль ни пожелал. Нагуаль направлял *намерение* Сильвио Мануэля. Но поскольку Нагуаль также не имел желаний, большую часть времени они вообще ничего не делали». (Книга 6)

Намерение полёта Ла Горды иначе можно рассматривать в качестве фактора, побуждающего её *волю* переносить её физическое тело. Аналогично, о чём уже говорилось ранее, Хенаро Флорес мог посредством *воли* демонстрировать искусство равновесия, а Сакатека – танца. Резонно спросить: если маги столь могущественны, то почему они ничего не делают – какой тогда смысл в могуществе? Конечно же, они не “отдыхают, поживая на лаврах”, но вещи, которыми они заняты, настолько непостижимы, что говорить о них просто нет никакого смысла. Обратная ситуация с известными артистами – те, обладая даже самой незначительной по меркам Толтеков связью с *намерением*, наоборот, нещадно эксплуатируют его – часто совершенно не считаясь с собственным желанием, а лишь следуя необходимости соблюдать гастрольный график и поддерживать однажды созданный образ. Естественно, при таком положении дел они практически не имеют возможности повышать уровень своего мастерства, и со временем утрачивают даже то малое, что имеют.

Кроме всего прочего, для *тела сновидения* как “тела воображения” отсутствуют любые материальные ограничения вроде *физического расстояния*. И чтобы попасть куда-либо, пребывая в нём, необходимо всего лишь *представить* себе требуемое место подобно тому, как вообще для того, чтобы что-либо сделать с его помощью, необходимо *представить* это действие. Аналогично, для *тела сновидения* отсутствуют ограничения и по воспоминанию чего-либо: так, именно в *сновидении* Кастанеда вспоминал свою “левую сторону” или “другое я”, фактически наблюдая происходившее с ним со стороны. В целом можно сказать, что для развившего *тело сновидения* человека мир теряет изрядную долю своей *материальности* – *воображение*, *внимание* и *память* вытесняют её и сами выходят для него на первый план.

Начиная с «Искусства сновидения», *тело сновидения* именуется *энергетическим телом*, а его способ восприятия – *видением энергии* (отсюда, *видение* – это способность именно *энергетического тела*, а не физического).

«– Что такое энергетическое тело?

– Двойник физического тела. Призрачная форма, составленная чистой энергией.

– Но разве физическое тело не состоит из энергий?

– Состоит. Различие в том, что энергетическое тело – это только форма, не имеющая массы. Являясь чистой энергией, оно способно совершать действия, выходящие за пределы возможностей физического тела.

– Например, дон Хуан?

– Например, в мгновение ока перемещаться в любой конец вселенной. *Сновидение* есть искусство закалки энергетического тела, искусство придания ему гибкости и координации посредством постепенной тренировки.

Практикуя *сновидение*, мы уплотняем энергетическое тело, пока оно не становится воспринимающей единицей. Восприятие, которым обладает энергетическое тело, – независимо, хотя и подвержено влиянию со стороны нашего обычного повседневного восприятия. Энергетическое тело воспринимает в своей собственной отдельной сфере.

– Что это за сфера, дон Хуан?

– Энергия. Энергетическое тело воспринимает энергию как собственно энергию. В процессе сновидения оно может обращаться с энергией тремя различными способами: воспринимать потоки энергии, использовать энергию в качестве толкателя, чтобы, подобно ракете, перелететь в какие-нибудь совершенно неожиданные пространства, или воспринимать так, как мы обычно воспринимаем мир.

– Что значит воспринимать потоки энергии?

– Это значит *видеть*. Энергетическое тело *видит* энергию, непосредственно воспринимая её то ли как свет, то ли как своего рода вибрирующий поток, то ли как неоднородность пространства. Или же оно прямо чувствует её как встряску или некое ощущение, которое может быть даже болью.

– А тот другой способ, о котором ты говорил, дон Хуан? Использование энергии в качестве толкателя?

– Энергия – сфера существования и восприятия энергетического тела. Поэтому для него не составляет труда пользоваться существующими во вселенной энергетическими потоками для перемещения. Всё, что для этого требуется – выделить эти потоки и идти с ними». (Книга 9)

Подробнее о том, как Толтеки понимают энергию, говорится в разделе *Эманации Орла*.

В «Активной стороне бесконечности» объяснения на счёт *энергетического тела* резюмируются:

«[Дон Хуан] рассказывал мне об *энергетическом теле* бесчётное количество раз, говоря, что оно представляет собой конгломерат энергетических полей, зеркальное отражение того конгломерата энергетических полей, которые составляют физическое тело, *видимое* как поток энергии во Вселенной. Он говорил, что оно меньше, компактнее и выглядит более плотным, чем светящаяся сфера физического тела.

Дон Хуан объяснял, что тело и *энергетическое тело* – это два конгломерата энергетических полей, сжатых воедино некоей необычной связующей силой (*намерением* – *В.В.*). Он всячески подчёркивал, что сила, объединяющая эти сгустки энергетических полей, является, согласно открытиям магов древней Мексики, самой загадочной силой во Вселенной. Его собственное мнение заключалось в том, что она является самой сущностью всего космоса, суммой всего, что в нем есть.

Он утверждал, что физическое и *энергетическое* тела являются единственными взаимодополняющими энергетическими конфигурациями в сфере человеческого бытия. Таким образом, он не признавал никакого другого дуализма, кроме того, что имеет место между этими двумя (или кроме дуализма *тоналя* и *нагуаля* – *В.В.*). Противоречия между телом и разумом, духовным и физическим он полагал лишь игрой воображения, не имеющей под собой никакого энергетического основания.

Дон Хуан говорил, что с помощью дисциплины каждый может сблизить *энергетическое тело* с физическим (достичь *целостности самого себя* – *В.В.*). Их отдалённость, вообще говоря, является ненормальным положением вещей (основная причина чего указывается им в дальнейших разъяснениях, приведённых в основном тексте книги – *В.В.*). Коль скоро *энергетическое тело* пребывает в каких-то рамках, которые для каждого из нас индивидуальны, то любой человек с помощью дисциплины может превратить его в точную копию своего физического тела, то есть в трёхмерную плотную структуру. Отсюда проистекает идея магов о *другом*, или *двойнике*. Кроме того, с помощью такого же процесса дисциплинирования любой человек способен превратить своё трёхмерное плотное физическое тело в точную копию своего *энергетического тела* – то есть в эфирный заряд энергии, невидимый человеческому глазу, как и любая энергия». (Книга 10)

ПОНЯТИЯ И ПРАКТИКИ УЧЕНИЯ ДЛЯ “ЛЕВОЙ СТОРОНЫ”

Сталкинг (также колесо времени)

Сталкинг и *сновидение* – две основные толтекские практики или два основных вида *не-делания*: не-делание бодрствования и не-делание сна. Каждый человек, продвигающийся по пути знания, осваивает как сталкинг, так и сновидение, но что-то одно – в силу природной предрасположенности – в большей степени. Имеющий большую предрасположенность к *сновидению* называется *сновидящим*, к *сталкингу* – *сталкером*.

«*Сталкеры* – это те, кто взваливает на себя тяготы повседневного мира. Они ведут все дела, и именно они имеют дело с людьми. Всё, что хоть как-то относится к миру обычных дел, совершается через них. *Сталкеры* практикуют “контролируемую глупость”, точно так же, как *сновидящие* практикуют *искусство сновидения*. Дон Хуан сказал, что вообще самое большое достижение воина во *втором внимании* – это *искусство сновидения*, а самое большое его достижение в *первом внимании* – это *искусство сталкинга*». (Книга 6)

Под несколько иным углом различие между *сталкерами* и *сновидящими* показано в книге Тайши Абеляр «Магический переход»:

«*Сталкеры* замышляют, а затем воплощают в жизнь свои замыслы. Они делают изобретения и открытия, изменяя при этом вещи во сне и наяву. *Сновидящие* идут вперёд без всяких замыслов и рассуждений. Они просто окунаются в реальность мира или в реальность сновидения».¹

В этом смысле *сталкер* – человек науки, учёный; *сновидящий* – человек искусства, художник. *Сталкера* интересует скрупулёзная проработка деталей, он ничего не оставляет на волю случая; наоборот, *сновидящий* смотрит на вещи в целом, обращает внимание лишь на самое существенное.

Ясно, что для взаимодействия с миром обычных людей в силу их естественного прагматизма более подходят именно *сталкеры*.

Главное достоинство *сталкера* – *непредсказуемость*:

«– Быть охотником – значит не просто ставить ловушки, – продолжал [дон Хуан]. – Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом – его единственное решающее преимущество. Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они скованы жёсткими распорядками, путают след по строго определённой программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем». (Книга 3)

«– Охотник просто охотится, – сказала [Ла Горда]. – *Сталкер* же выслеживает всё, включая самого себя.

– Как он делает это?

– Безупречный *сталкер* может всё обратить в жертву. Нагуаль говорил мне, что мы можем выслеживать даже собственные слабости.

Я прекратил писать и попытался вспомнить, знакомил ли меня когда-либо дон Хуан с такой новой возможностью: выслеживать свои слабости. Я не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь описывал это такими словами.

– Как может человек выслеживать свои слабости, Горда?

¹ Т.Абеляр. Магический переход.

– Точно таким же способом, как ты выслеживаешь жертву. Ты разбираешься в своём установленном распорядке жизни, пока не узнаешь все действия своих слабостей, а затем ты приходишь за ними и ловишь их в клетку, как кроликов.

Дон Хуан учил меня именно так поступать со своим распорядком, но в русле общих принципов, которые должен применять охотник. Но её понимание и применение этого термина было более прагматическими, чем у меня.

Дон Хуан говорил, что любая привычка является «деланием», и что для функционирования деланию необходимы все его составные части. Если некоторые части отсутствуют, делание расстраивается. Под «деланием» он подразумевал любую связную и осмысленную последовательность действий. Другими словами, привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы быть живой деятельностью. <...>

Чтобы реально достичь безупречного мастерства в *сталкинге*, у воина должна быть цель». (Книга 5)

Последнее утверждение является особо важным для понимания *сталкинга*. Цель *сталкера* – это не какая-то произвольная цель, которую он достигает с трудом и преодолевая себя, как, потакая чувству *собственной важности*, нередко делают обычные люди. Напротив, цель *сталкера* всегда согласуется с его *путём сердца*, либо мотивируется через осознание смерти.

В «Даре Орла» Флоринда Матус – член когорты Хуана Матуса – знакомит Кастанеду с *правилом, принципами и результатами сталкинга*. Очевидно, их строгие формулировки могут обрести смысл только в конкретном практическом контексте (цитируется по «Колесу времени»):

«Первым принципом *искусства сталкинга* является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки.

Отбрасывать всё лишнее – второй принцип *искусства сталкинга*. Воин ничего не усложняет. Он нацелен на то, чтобы быть простым.

Всю имеющуюся в его распоряжении сосредоточенность он применяет к решению вопроса о том, вступать или не вступать в битву, так как каждая битва является для него сражением за свою жизнь – это третий принцип *искусства сталкинга*. Воин должен быть готовым и испытывать желание провести свою последнюю схватку здесь и сейчас. Однако он не делает это беспорядочно.

Воин расслабляется, отходит от самого себя, ничего не боится. Только тогда силы, которые ведут человеческие существа, откроют воину дорогу и помогут ему. Только тогда. Это и есть четвёртый принцип *искусства сталкинга*.

Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с этим делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-то другим. Тут годится всё что угодно. Это – пятый принцип *искусства сталкинга*.

Шестой принцип *искусства сталкинга*: воин сжимает время, даже мгновения идут в счёт. В битве за собственную жизнь секунда – это вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения.

Чтобы применять седьмой принцип *искусства сталкинга*, необходимо использовать все остальные принципы, – он сводит воедино предыдущие шесть: *сталкер никогда не выдвигает себя на первое место. Он всегда выглядывает из-за сцены*». (Книга 11)

Правило сталкинга состоит из трёх предписаний:

«Первое предписание правила состоит в том, что **всё, окружающее нас, является непостижимой тайной**.

Второе предписание правила состоит в том, что **мы должны пытаться раскрыть эту тайну, даже не надеясь добиться этого**.

Третье предписание состоит в том, что **воин, зная о непостижимой тайне окружающего мира и о своём долге пытаться раскрыть её, занимает своё законное место среди тайн и сам себя рассматривает как одну из них**. Следовательно, воин не знает конца тайны бытия, будь то тайна бытия камешка, муравья или его самого. В этом заключается смирение воина. Каждый равен всему остальному». (Книга 6)

В конечном итоге *сталкинг* приводит к трём результатам:

«– Надеюсь, теперь ты понял, – продолжала [Флоринда], – что только мастер-сталкер может быть мастером *контролируемой глупости*. *Контролируемая глупость* не сводится к тому, чтобы просто дурачить людей. Её смысл в применении воином семи основных принципов *сталкинга* ко всему, что он делает, начиная от самых тривиальных поступков до ситуаций жизни и смерти. Применение этих принципов приводит к трём результатам. Первый – *сталкер* обучается никогда не принимать самого себя всерьёз,

уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить другого. Второй – *сталкер* приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий – *сталкер* бесконечно расширяет свои способности к импровизации. <...>

Сталкеры обращены лицом к времени наступающему. Обычно же мы смотрим на время, уходящее от нас. Только *сталкеры* могут менять направление и поворачиваться лицом к накатывающемуся на нас времени». (Книга 6)

Иными словами, обычный человек часто оказывается неспособен следить за своими реакциями и поступками, ему остаётся лишь наблюдать их результаты, когда они уже получены и отдаляются от него во времени. *Сталкер* же постоянно наготове, он не имеет неожиданностей и он контролирует ещё только надвигающиеся на него события вплоть до того, что начинает *видеть время* (вообще говоря, видение и есть видение времени). Этот феномен Кастанеда объяснял посредством концепции *колеса времени*:

«У этих шаманов был ещё один элемент познания под названием *колесо времени*. Они объясняли понятие *колеса времени*, рассказывая, что время похоже на туннель бесконечной длины и ширины – туннель с зеркальными бороздками. Каждая бороздка бесконечна; бесконечно и их число. Сила жизни принудительно заставила живые существа всматриваться в одну бороздку. Всматриваться только в одну бороздку означает оказаться пойманным в её ловушку, жить этой бороздой.

Окончательная цель война заключается в том, чтобы посредством акта глубокой дисциплины сфокусировать своё непоколебимое внимание на *колесе времени* и заставить его повернуться. Те воины, которые добились успеха в повороте колеса времени, могут увидеть любую бороздку и извлечь из неё всё, что угодно. Свобода от зачаровывающей силы взгляда в одну бороздку означает, что воины могут смотреть в любом направлении и видеть, как время отступает от них или приближается» (Книга 11).

Ясновидящая Ванга говорила, что судьба каждого человека заведомо предрешена, и она может лишь незначительно её облегчить, но не изменить кардинально. В то же время поворот *колеса времени* – это реальное изменение судьбы, вызванное прямым вмешательством в жизнь человека *силы*.

Другой важный нюанс *сталкинга* заключается в том, что хотя обычно он практикуется в первом внимании, обучаться ему (особенно Нагуалю) рекомендуется во втором (в отличие от *сновидения*, с которым ситуация противоположная). Причины такого положения дел раскрываются в следующем объяснении:

«[Хуан Матус] объяснил, что практики, составляющие *искусство сталкинга*, вряд ли могут вызвать восхищение, более того, они, по сути, откровенно предосудительны. Зная это, *новые видящие* пришли к заключению, что обсуждение либо практика принципов *сталкинга* в нормальном состоянии осознанности не совпадает ни с чьими интересами.

Я обратил внимание на явное противоречие: он говорил, что воин не может адекватно действовать в мире, находясь в состоянии повышенной осознанности, и он же говорил, что *сталкинг* – всего-навсего умение особым образом обращаться с людьми.

– Говоря о том, что *сталкингу* не учат в нормальном состоянии осознанности, я имел в виду обучение Нагуаля, – объяснил он, – *сталкинг* преследует двоякую цель. Во-первых – добиться максимально устойчивого и безопасного сдвига *точки сборки* (см. соответствующий раздел – *V.V.*), а это наилучшим образом достигается именно посредством *сталкинга*. А во-вторых – внедрить принципы *сталкинга* на очень глубокий уровень, позволяющий обойти ограничения человеческого инвентарного перечня, а также естественную реакцию отрицания либо осуждения того, что может показаться неприемлемым с точки зрения здравого смысла». (Книга 7)

Другая часть указаний относительно обучения *сталкингу* приведена в «Силе безмолвия». Согласно одному из них, женщины являются более эффективными природными *сталкерами*, чем мужчины. А потому один из лучших способов освоения *сталкинга* для последних – изучение женского поведения: чтобы, как минимум, глубоко его понимать и уметь имитировать. Там же говорится о четырёх *настроениях сталкинга*:

«[Нагуаль Хулиан] заставлял дону Хуана упражняться в искусстве женского поведения в каждом городе, через который они проезжали. И дон Хуан чистосердечно верил, что тот обучает его актёрскому мастерству: но Белисарио (так представился ему Нагуаль Хулиан – *V.V.*) утверждал, что обучает его *искусству сталкинга*. Он сказал дону Хуану, что

сталкинга является искусством, применимым к чему бы то ни было, и выделил четыре ступени обучения ему: *безжалостность*, *ловкость*¹, *терпение* и *мягкость*².

Я почувствовал потребность ещё раз прервать его рассказ.

– Но разве *сталкингу* обучают не в состоянии глубокой повышенной осознанности? – спросил я.

– Конечно, – ответил он, усмехнувшись. – Но тебе следовало бы понять, что для некоторых мужчин ношение женской одежды является вратами к повышенной осознанности. Такие способы хотя и очень трудны для исполнения, фактически являются даже более эффективными, чем сдвиг *точки сборки* (см. соответствующий раздел – *В.В.*).

Дон Хуан сказал, что его бенефактор ежедневно инструктировал его в отношении *четырёх настроений сталкинга* и добивался, чтобы дон Хуан ясно понял, что безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость – коварством, терпение – безразличием и мягкость – глупостью.

Он учил его, что эти четыре ступени необходимо практиковать и совершенствовать до тех пор, пока они не станут совершенно отточенными и незаметными. Он считал, что женщины являются природными *сталкерами*. Его убеждение в этом было так велико, что он утверждал: мужчина может по-настоящему изучить *искусство сталкинга* только в женском облики». (Книга 8)

Фактически, имитируя поведение женщины, мужчины должны учиться преодолевать часто характерную для них бесчувственность, и также нередкий в патриархальном западном обществе мужской шовинизм. Об этом говорил и Карл Юнг, указывая, что для мужчины *Анима* – *архетип женщины* – служит посредником его бессознательного (то есть в данном случае *нагуаля*). Однако зачастую, в точности наоборот, сами женщины копируют мужское поведение, желая приспособиться к патриархату и получить типично мужские почести. Обстоятельный диалог на эту тему – как отличаются мужской и женский подход к знанию, и каковы последствия этого отличия – приводит в «Жизни-в-сновидении» Флоринда Доннер:

«Эсперанса (женщина-воин магической когорты Хуана Матуса – *В.В.*) успокаивающе подняла руку и спросила:

– Ты знала, что одно из основных различий между мужчиной и женщиной состоит в том, как они подходят к знанию?

Я понятия не имела, что это значит. Она медленно и осторожно выдернула чистый лист из моего блокнота и нарисовала две фигурки людей с конусами на голове. Одна фигурка с конусом означала мужчину, другая, на голове которой был перевёрнутый конус, – женщину.

– Мужчины овладевают знанием постепенно, – объясняла она, задержав карандаш на фигуре с конусом. – Мужчины тянутся вверх; они взбираются вверх к знанию. Маги говорят, мужчины тяготеют к духу, они стремятся к знаниям. Этот процесс имеет конусообразную форму и имеет предел, выше которого нельзя попасть, – она вернулась к конусу на голове первой фигуры. – Как ты видишь, мужчины могут достичь определённой высоты. Их путь к знанию сужается: до верхнего кончика конуса.

Она внимательно посмотрела на меня. – Обрати внимание, – предупредила она меня, переводя карандаш на ту фигуру, у которой на голове был перевёрнутый конус. – Как видишь, этот конус перевернут, открыт, как воронка. Женщины способны открывать себя прямо навстречу источнику, или наоборот, источник достигает их напрямую через широкое основание конуса.

Маги говорят, что связь женщин со знанием огромна. С другой стороны, связь мужчин со знанием сильно ограничена.

– Мужчины близки к конкретному, – продолжала она. – и нацелены на абстрактное. Женщины же близки к абстрактному, но всё же не отказывают себе и в конкретном.

– Почему же женщины, будучи настолько открытыми к знанию или к абстрактному, считают по положению низшими? – перебила её я.

Эсперанса посмотрела на меня с удивлением и восторгом. Она резко поднялась, потянулась, словно кошка, так, что все косточки хрустнули, и снова села.

– То, что женщин считают ниже по уровню, или, в лучшем случае, что женские особенности считаются дополнением к мужским, зависит от того способа, каким мужчины и женщины достигают знания, – объясняла она. – Вообще-то, женщины больше

¹ Англ. cunning – хитрый, коварный, умелый, ловкий, прелестный, искусный.

² Англ. sweet – приятный, добрый, мягкий, милый и т.д.

заинтересованы в том, чтобы владеть собой, а не другими, а мужчины хотят именно власти.

– Даже среди магов, – небрежно бросила Нелида, и все женщины рассмеялись.

Эсперанса продолжала, сказав, что первоначально женщинам незачем было использовать свои возможности для широкой и прямой связи с духом. Им ни к чему было говорить или философствовать об этой естественной своей способности, потому что им достаточно было задействовать её и просто знать, что они обладают ею.

– Именно неспособность мужчин прямо связывать себя с духом вынудила их говорить о процессе достижения знания, – подчеркнула она. – Они не прекращают говорить об этом. И именно настойчивость в том, чтобы узнать, каким образом они стремятся к духу, упорство в анализе этого процесса, дали им уверенность, что рационализм является типично мужским качеством.

Эсперанса объяснила, что такое понимание разума придумано исключительно мужчинами и именно это позволило мужчинам приуменьшить женские способности и достоинства. И что гораздо хуже, это позволило мужчинам исключить женские особенности из формулировки идеалов разума.

– Однако теперь, конечно, женщины верят в то, что и было определено для них, – подчеркнула она. – Женщины были воспитаны в вере, что только мужчины могут быть рациональны и логически последовательны. Теперь мужчины имеют незаслуженное наследство, которое автоматически делает их выше, независимо от их подготовки или способностей.

– А как женщины потеряли свою прямую связь со знанием? – спросила я.

– Женщины не теряли своей связи, – поправила меня Эсперанса. – Женщины и сейчас обладают прямой связью с духом. Они только забыли, как ею пользоваться, или, скорее, они скопировали у мужчин условия её отсутствия. Тысячи лет мужчины боролись за уверенность, что женщины забыли эту связь. Вспомни, например, Святую Инквизицию. Это была систематическая чистка, уничтожение на корню веры в то, что женщины прямо связаны с духом. Любая организованная религия представляет собой не что иное, как удавшуюся попытку поставить женщин на более низкий уровень. Религии ссылаются на Божий закон, который гласит, что женщина стоит ниже.

Я устала на неё в изумлении, удивляясь про себя, как она может так по-научному излагать свои мысли.

– Потребность мужчин господствовать над другими и отсутствие у женщин интереса к выражению или формулированию того, что они знают, и каким образом узнали, является самым гнусным сплавом, – продолжала Эсперанса. – Это вынуждает женщин с самого рождения признавать, что их предназначение – домашний очаг, любовь, семья, рождение детей и самопожертвование. Женщины были исключены из основных форм абстрактного мышления и приучены к зависимости. Их так тщательно воспитывали в вере, что мужчины должны за них думать, что женщины в конце концов перестали мыслить.

– Женщины вполне способны мыслить, – перебила я её.

– Женщины способны сформулировать, чему они научились, – поправила меня Эсперанса. – А они научились тому, что определили мужчины. Мужчины определили саму природу знания и исключили из неё всё, что имеет отношение к женскому. А если оставили что-то, то в негативном свете. И женщины это приняли.

– Ты отстала от жизни, – небрежно заметила я. – Сейчас женщины могут делать всё, что угодно, к чему их влечёт сердце. Они имеют открытый доступ к учебным центрам и почти к любой работе, которую выполняют мужчины.

– Однако всё это бессмысленно, поскольку у них нет системы поддержки, фундамента, – настаивала Эсперанса. – И что хорошего в том, что они имеют доступ ко всему, что имеют мужчины, если их продолжают считать существами низшего порядка, которые должны принимать мужские отношения и правила поведения для того, чтобы добиться успеха? Те, кто действительно добиваются успеха, являются совершенными перевёртышами. И они тоже свысока смотрят на женщин.

По мнению мужчин, материнская утроба женщин ограничивает их умственно и физически. В этом причина того, что женщинам, хотя они и имеют доступ к знанию, не позволяли помогать в определении того, чем является данное знание.

– Взгляни на философов, например, – предложила Эсперанса. – Чистые мыслители. Некоторые из них недоброжелательно относятся к женщинам. Другие более умны и охотно признают, что женщины могут быть такими же способными, как и мужчины, если бы не тот факт, что женщины не интересуются мыслительными процессами. А если

интересуются, то им не следует делать этого. Потому что женщине больше идёт, чтобы она следовала своей природе: была бы образованной, но зависела от мужчины».¹

Правило Нагуаля (также Орёл, Нагуаль, когорта Нагуаля)

Абстрактная сила, объективно присутствующая в нашем мире и управляющая жизнями всех населяющих его существ, метафорически была названа древними видящими «Орлом». *Правило Нагуаля* – это своего рода карта пути к *абсолютной свободе*, шанс получить которую Орёл даровал людям.

Следующее объяснение из «Дара Орла» на первый взгляд может показаться каким-то мифическим преданием, но в действительности оно вполне прагматично и достаточно хорошо поддаётся разумному анализу:

«Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орёл или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для *видящего* она выглядит как неизмеримый иссиня-чёрный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Когда *видящий* смотрит на черноту, являющуюся Орлом, четыре вспышки света освещают его сущность. Первая вспышка, подобно молнии, помогает *видящему* охватить контуры тела Орла. Тогда можно видеть белые мазки, выглядящие как перья. Вторая вспышка молнии освещает колышущуюся, создающую ветер черноту, выглядящую как крылья Орла. С третьей вспышкой *видящий* замечает пронзительный нечеловеческий глаз. А четвёртая, последняя вспышка открывает то, что Орел делает. Орел пожирает осознанность всех существ, живших на Земле мгновение назад, а сейчас мёртвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего Хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознанность является пищей Орла.

Орел – *Сила*, правящая судьбой живых существ, – видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или надеяться на снисходительность. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

Только судя по действиям Орла *видящий* может сказать, чего Орел хочет. Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал *дар*.

По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознанности, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть сожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того *видящего*, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознанность.

Для того чтобы к этой лазейке существовал проводник, Орел создал *Нагуаля*. Нагуаль – это *двойное* существо, которому было открыто *правило*, будь он в форме человека, растения или чего угодно живого. Нагуаль уже по самой своей двойной природе стремится искать этот проход.

Нагуаль приходит парами, образованными мужчиной и женщиной. *Двойной* мужчина и *двойная* женщина становятся Нагуалем только после того, как каждому из них будет открыто *правило* и каждый из них поймёт и примет его полностью.

Глазу *видящего* Нагуаль-мужчина или Нагуаль-женщина видятся как светящееся яйцо с четырьмя отделами. В отличие от обычных людей, имеющих только две стороны – правую и левую, у Нагуаля левая сторона разделена на две длинных секции, точно также и правая.

Орел создал первых Нагуаля-женщину и Нагуаля-мужчину и тотчас пустил их в мир *видеть*. Он снабдил их четырьмя женщинами-воинами, которые были *сталкерами*, тремя воинами-мужчинами и одним мужчиной-курьером, которых они должны были вести к свободе и заботиться о них.

Женщины-воины называются *Направлениями*, четырьмя углами квадрата, четырьмя темпераментами, женскими личностями, существующими в человеческом роде.

¹ Ф.Доннер. Жизнь-в-сновидении.

Первая – Восток. Это порядок. Она оптимистична, беззаботна, обходительна, как устойчивый бриз.

Вторая – Север. Это сила. Она находчива, резка, пряма, несгибаема, как сильный ветер.

Третья – Запад. Это чувство. Она интроспективна, совестлива, артистична, подобна прохладному порыву ветра.

Четвёртая – Юг. Это рост. Она питает, она шумна, застенчива, тепла, как горячий ветер.

Трое мужчин-воинов и курьер представляют собой мужской тип деятельности и темперамента.

Первый тип – любознательный человек, *учёный*, благородный, на него можно положиться, он спокоен, полностью предан выполнению своей задачи, какова бы она ни была.

Второй тип – *человек действия*, очень переменчивый, большой весельчак и ненадёжный компаньон.

Третий тип – *организатор за сценой*, загадочный, непознаваемый человек. О нём нельзя ничего сказать, так как сам он никакой информации о себе не сообщает.

Четвёртый тип – *курьер*. Это *помощник*, неразговорчивый, бесстрастный, действует очень хорошо, если его должным образом направить, но не может действовать полностью самостоятельно. <...>

Следующий приказ, полученный Нагуалем и его *партией*, состоял в том, чтобы найти ещё трёх курьеров. Они могли быть женщинами или мужчинами либо же составлять смешанную группу, но все мужчины должны быть из четвёртой группы – *помощниками*, а все женщины должны представлять Юг.

Чтобы быть уверенным, что мужчина-Нагуаль поведёт свою *партию* к свободе, а не отклонится от пути и не окажется совращённым, Орел поместил женщину-Нагуаль в ином мире, чтобы она служила маяком, ведя всю *партию* к выходу.

Затем Нагуалю и его воинам было приказано забыть. Они были брошены во тьму, и перед ними поставили новую задачу: вспомнить самих себя и вспомнить Орла.

Команда забыть была настолько сильной, что все разделились. В намерение Орла входило, что если они окажутся способными вновь вспомнить самих себя, то они обретут целостность. Только тогда у них появились бы сила и отрешённость, необходимые для того, чтобы искать и встретить лицом к лицу своё последнее путешествие.

Их последней задачей после того, как они восстановят свою целостность, было разыскать пару *двойных* существ и преобразовать их в нового Нагуалья-мужчину и женщину-Нагуаль, открыв им *правило*.

И точно так же, как первый Нагуаль, мужчина и женщина были снабжены минимальной *партией*. Они должны были снабдить новую пару Нагуалей четырьмя женскими воинами, которые представляли бы собой *сталкеров*, тремя мужскими воинами и одним мужчиной-курьером.

Когда первый Нагуаль и его *партия* были готовы пройти через проход, первая женщина-Нагуаль ждала, чтобы провести их. Потом им было приказано взять новую женщину-Нагуаль с собой, в иной мир, чтобы она служила маяком своим людям, оставляя нового Нагуалья в мире, чтобы повторить цикл.

В мире минимальное количество воинов под руководством Нагуалья равно 16: восемь женских воинов, четыре мужских воина, считая Нагуалья, и четыре курьера. В момент покидания мира, когда к ним присоединяется новая женщина-Нагуаль, число воинов *партии* Нагуалья составляет 17. Если его личная сила позволит ему иметь больше воинов, то может быть добавлено число, кратное четырём.

Я потребовал от дона Хуана объяснить, как *правило* стало известно человеку. Он растолковал, что *правило* бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление *правила* является работой *видящих*, чьей единственной задачей из века в век было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком. Из своих наблюдений *видящие* сделали вывод, что если светящаяся оболочка, заключающая человечество, будет сломлена, то появится возможность найти в Орле слабое отражение человека. Невыразимые указания Орла могут быть восприняты *видящими*, правильно истолкованы ими и накоплены в форме свода правил.

Дон Хуан объяснил, что *правило* – это не сказка и что перескочить к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность – как непрерывная бесконечная жизнь. *Правило* утверждает то, что возможно сохранить осознанность, распадающееся в момент умирания. Дон Хуан не мог объяснить, что это значит – сохранить такую осознанность, возможно, он даже не представлял себе этого.

Его бенефактор говорил ему, что в момент переходаходишь в *третье внимание*, и тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела». (Книга 6)

Здесь необходимо понимать, что “пожирающий осознанность Орёл” – очень утрированное метафорическое изображение реально происходящего. Хуан Матус также выказывал недовольство подобной терминологией, оставшейся в наследство от видящих древности. Видимо по этой же причине в поздних книгах Кастанеда стал говорить об *Орле* предельно абстрактно – как о *бесконечности* (см. раздел *Дух*).

Другой вопрос – действительно ли все люди чётко делятся на приведённые в *правиле* классы? Так, современная психология, указывая на общие черты *характера* или *темперамента* различных людей, всё же полагает каждого из них в своей основе уникальным. Проблема решается, если учесть, что по-настоящему эта основа раскрывается лишь при достаточном развитии осознанности, что возможно только после преодоления искажающего её отпечатка общественных связей. В этом смысле резонно определять приведённые типы людей как типы вовлечённости не в *социальную*, а в *познавательную* деятельность: последняя тоже является социальной, но только в качестве социума здесь выступает не абстрактная группа людей, а *магическая партия* (*когорты*).

Правило Нагуаля, описанное Хуаном Матусом, это часть управляющего всем в мире объективного закона, схематизирующая последние этапы бытия в нём человека. Из этого, впрочем, не следует, что *правило* не может быть как-либо изменено или уточнено в изменённых обстоятельствах. А как со временем выяснилось, таковые и имели место в случае с Карлосом Кастанедой, оказавшимся не обычным, а *трёхзубчатым Нагуалем*. Назначение подобного типа *Нагуалей* сам Кастанеда объясняет таким образом:

«– Правило говорит, что, время от времени в потомственных линиях появляется специальный тип Нагуалей, энергия которых имеет не четыре раздела, а только три. Видящие называют их трёхзубчатыми Нагуалями.

Я спросил его, чем они отличаются от других.

Он ответил мне:

– Их энергия изменчива, они находятся всегда в движении. По этой причине они находят трудным накопить силу. С точки зрения потомственной линии, их состав дефектен: они не могут стать истинными Нагуалями. Для компенсации их недостатка, вместо застенчивости и резервирования, которые характеризуют классических Нагуалей, они обладают необычной способностью импровизировать и связываться.

Можно сказать, что трёхзубчатые Нагуали похожи на птицу кукушку, которая выведена в гнезде другой птицы. Они – оппортунисты, но необходимые. В отличие от Нагуалей с четырьмя разделами, чья свобода состоит в том, чтобы пройти незаметно, Нагуали с тремя разделами – доступные лица. Они раскрывают тайны и показывают фрагменты учения, но без них потомственные линии силы погасли бы давным-давно».¹

Также нельзя не отметить, что, несмотря на оптимизм, который может внушить существование дара *Орла*, тем, кто сможет им воспользоваться, предстоит труднейшая жизнь, не допускающая проявления какой бы то ни было слабости, свойственной обычным людям – жизнь воина.

«Бенефактор объяснил дону Хуану, что, когда его в молодости познакомили с *правилом* как средством освобождения, он чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Свобода была для него реальностью за ближайшим углом. Когда он дорос до понимания природы *правила* как факта, его надежды и оптимизм удвоились. Позднее же его жизнь наполнила трезвость. Чем старше он становился, тем меньше шансов он видел для своего успеха и успеха *партии* его воинов. В конце концов он убедился, что вне зависимости от того, что они делают, шансы против были слишком велики, чтобы их скованная человеческая осознанность когда-нибудь полетела свободно. Он смирился со своей судьбой и с поражением. Он сказал Орлу из самой своей глубины, что он рад и гордится тем, что его осознанность будет съедена, и призвал Орла к этому.

Дон Хуан рассказал, что подобное настроение разделялось всеми воинами *партии* его бенефактора. Свобода, о которой говорилось в *правиле*, казалась им недостижимой. Они уловили отблески той уничтожающей силы, которой был Орел, и почувствовали, что у них нет ни единого шанса выстоять против неё. Все они, тем не менее, согласились, что проживут свои жизни безупречно, без всяких на то причин, кроме самой безупречности». (Книга 6)

¹ А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

Резонен вопрос: если даже для специально подобранной группы людей, ведомой Нагуалем, надежда достичь третьего внимания оказалась столь призрачной, может ли вообще на нечто подобное рассчитывать обычный человек? Стоит ли даже начинать жить как воин, стоит ли искать свой путь сердца? Да, стоит, и, в конечном счёте, это не зависит от надежд на достижение такой абстрактной цели, как абсолютная свобода.

Путь знания, сердца или воина – это путь естественной эволюции человека, который может быть более успешен в следовании по нему или менее, но стараться идти по нему его задача, его предназначение, его смысл жизни.

Осознание подобного положения вещей и выразил бенефактор Хуана Матуса.

Перепросмотр

Цель перепросмотра

Перепросмотр – одна из основных и наиболее мощных толтекских практик, существенно помогающая воплотить принципы пути воина в жизнь. Исходно *перепросмотр* – основа *сталкинга*, намеренная и длительная работа по гармонизации *тоналя*, и, прежде всего, такого его сегмента, как *психика*. Однако без практики *перепросмотра* также невозможно и эффективное *сновидение*, что, в конечном счёте, делает его основой всех толтекских практик вообще.

Формальным образом идею *перепросмотра* проще всего раскрыть, опираясь на основные теоретические представления *психоанализа* – наиболее известного в рамках западной науки родственного ему метода аналогичного действия. Именно, на представления о *бессознательном* и о “вытеснении” в *бессознательное*. Как известно, ключевой характеристикой человека как такового является его способность к *сознательной* или *умственной* деятельности (большей или меньшей степени абстрактности), то есть к построению и реализации планов по взаимодействию с окружающим миром и, в частности, с другими людьми. Но подобные планы, при том, что иногда они могут быть весьма действенными, в некоторых случаях способны привести к серьёзным сбоям и даже к угрозе жизни или, вообще говоря, к любого рода болезненным последствиям. Кроме того, в раннем возрасте разум ещё попросту не функционирует в мере, достаточной для того, чтобы всецело на него полагаться. И именно в этом случае, когда разум оказывается не только беспомощным, но и опасным, на передний план выходят более архаичные *бессознательные* механизмы психики, блокирующие его деятельность путём формирования *комплексов*. После того, как комплекс сформирован и возможно даже неоднократно подтверждён болезненным опытом, разум оказывается вынужден строить новые планы так, чтобы избежать возможности его повторения вновь, а даже если подобные планы и будут создаваться, бессознательное в любом случае помешает их осуществлению. Возможно даже, что человек сам не будет осознавать истинных мотивов своих действий, а его обоснования их целесообразности фактически станут самообманом и оправданиями. В этом случае речь следует вести о *бессознательном вытеснении* (или *вытеснении в бессознательное*) этих мотивов.

Наиболее простой пример проявления бессознательного – известная каждому боязнь обжечься. Руководствуясь ей, человек никогда не возьмёт кипящую кастрюлю голыми руками (только если не увидит, что она кипит), а будет искать *обходной* путь – например, воспользуется полотенцем или рукавицами. Но наряду с типичными для всех людей каждый конкретный человек может иметь и малораспространённые или даже уникальные для него *фобии*, связанные с соответствующим уникальным личным опытом. Например, если опасность прикосновения к кипящей кастрюле очевидна для всех людей, то боязнь прикосновения к любой кастрюле вообще или, скажем, только к кастрюле зелёного цвета явно свидетельствует о психической проблеме.

Также любого рода комплекс почти всегда связан с *эмоциями*, являющимися следствием вызванных им у человека *чувств жалости к себе и собственной важности*. Во избежание терминологической путаницы заранее договоримся считать, что любые эмоции исходно являются проявлениями *бессознательного*, а не *воли*. Подразумевая, что проводить параллели – как это иногда делается – между *творческой* и *эмоциональной* активностью, если последняя возникает в связи с потерей *самоконтроля*, в корне неверно. Тогда как эмоции приводят человека в состояние

непродуктивного возбуждения, творчество, напротив, требует максимальной собранности и концентрации, даже если это творчество самих эмоций – *контролируемая глупость*.

Следующий вопрос уже рассматривался, но имеет смысл остановиться на нём ещё раз более подробно: как проявляются различные эмоции, и какова, вообще, цель эмоций? Прежде всего, эмоции всегда связаны как минимум с двумя людьми – с тем, кто их проявляет, и с тем, на кого они направлены, причём тот, кто их проявляет, всегда желает *подчинить* себе их адресата, оказать на него какое-либо *воздействие*. Если речь идёт об эмоциях *важности* – обычно проявляемых посредством пафоса, раздражения, повышения голоса, выраженной *злости* и агрессии – они направляются на *силовое* изменение невыгодной деятельности их адресата. А в случае эмоций *жалости* – связанных со слезливым или просящим тоном, либо даже несдерживаемыми рыданиями – цель проявляющего их изменение невыгодной деятельности посредством призыва к *сочувствию*, *поддержке* или *доброте*. С другой стороны, *сочувствующий* и *помогающий* другому всегда делается более *значимым* в собственных глазах, а подчиняющийся другому, наоборот, – более *ничтожным*, *жалким*. Бывает и так, что эмоции не имеют чётко выраженного адресата, и проявляющий их человек обращается “ко всем сразу и ни к кому в отдельности”. В подобном случае эмоции проявляются в расчёте хотя бы на кого-нибудь случайного – чтобы *заставить его бороться с несправедливостью* или *поддержать благие устремления*. Отсюда также ясно, что любая деятельность может быть *добррой* или *злой* лишь в связи с конкретным человеком или группой людей, разумные же аргументы имеют значение тем меньшее, чем сильнее эмоции – а самые сильные эмоции связаны с непосредственной угрозой смерти.

Цель проявляющего эмоции всегда изменить чью-либо деятельность – насильственно, если это эмоции *собственной важности*, либо путём воззвания к *сочувствию*, если это эмоции *жалости к себе* или *собственной ничтожности*. Также, *сочувствуя*, человек всегда подкрепляет свою *значимость*, а *подчиняясь* – наоборот, утверждает в своей *ничтожности*. В целом эмоции – архаичный механизм *бессознательного* взаимодействия людей (или взаимодействия *бессознательного* людей), используемый для обеспечения лучшей согласованности их совместных действий в случае, когда один только разум помочь не в состоянии.

Сказанное, однако, имеет ряд нюансов, и первый из них состоит в том, что цель эмоций может достигаться не всегда, то есть не всегда крик или слёзы возымеют эффект. В каких случаях этого не произойдёт, то есть в каких случаях человек может найти в себе силы не поддаться на эмоциональное влияние другого? Ключевой момент в подобной формулировке – слово *сила*. Какова природа этой силы, которая позволяет сохранить “холодный ум”, когда многие проявляют нетерпение или же слепую веру? А в другом случае, наоборот, – быть максимально эмоциональным, чтобы повлиять на людей требуемым способом? Иначе, что позволяет контролировать эмоции, то есть подчинять их проявления разуму? В действительности эта сила – не что иное, как *воля*, позволяющая *владеть собой* (собственной *глупостью*) и, вместе с тем, *владеть другими* (посредством их *глупости*).

Чем менее развита *воля* человека, тем менее он *контролирует* свои эмоции и тем более он *внушаем* со стороны других. *Разум* сам по себе также способен контролировать эмоции, но в этом случае речь следует вести скорее не о *контроле*, а об *игнорировании*, когда человек настолько поглощён своими мыслями, что просто не замечает ничего вокруг.

Развитие *воли*, отсюда, всегда начинается с *контроля* эмоций, и только по отношению к контролируемым эмоциям можно говорить о *творчестве* (в данном случае актёрском) как о *волевом* проявлении. Однако не всегда мастерами контроля эмоций являются только профессиональные актёры: зачастую в гораздо большей степени эмоции контролируют харизматичные (а *харизма* как раз и есть синоним сильной *воли*) политики, юристы, религиозные деятели и все те, кто *хотят и умеют управлять* другими людьми – можно назвать таких людей *магами* современной цивилизации. В подавляющем же большинстве случаев люди контролируют свои эмоции очень плохо, и потому легко оказываются подвластны любой грамотно поданной (например, посредством СМИ) политической или религиозной идеологии, не в силах спорить с представляющими её авторитетами. Наоборот, между собой они могут спорить сколь угодно долго и почти всегда безуспешно.

Победа в эмоциональном споре всегда будет за тем, кто обладает более сильной волей и лучше контролирует свои эмоции, либо же чьё убеждение в правоте заведомо имеет достаточное бессознательное подкрепление извне – полученное в результате влияния реальных негативных или благотворных обстоятельств, либо других людей.

Это утверждение имеет важный момент, ведь всё-таки спор требует не только *эмоций*, но в большей или меньшей мере и *разумных* доказательств. Обладает ли априорно имеющий сильную волю и сильным умом; напротив, может ли слабовольный человек иметь развитый интеллект? Учитывая, что сила воли, как и сила ума, исходно даются от природы, ответ на первую часть вопроса отрицательный, на вторую – положительный. Действительно, человек сильной воли может и не обладать большим умом, но зато он обладает способностью в случае необходимости *развить* его. Тот же, кто от природы наделён хорошими умственными способностями, но слабоволен, не сможет справиться со своей эмоциональностью и под должным напором согласится *с любой бессмыслицей*. Аналогично, очень физически сильный и здоровый человек может, в конечном счёте, уступить существенно превосходящему его по силе воли человеку ослабленному или даже больному. В свою очередь, последний, используя волю, сможет улучшить своё пусть и исходно слабое здоровье и надолго сохранить его в приемлемом виде; наоборот, если слаба сама воля, то даже наиболее богатырское здоровье, в конечном счёте, может быть потеряно очень быстро.

Другая несколько утрированная, но всё же вполне реальная ситуация, когда физически сильный и угрожающий оружием человек ничего не сможет сделать против человека внешне абсолютно беззащитного. Последнему, если он обладает достаточно сильной волей, можно, например, страстно воззвать к богу, что сработает, если нападающий имеет религиозное воспитание. Однако в подобной ситуации аналогичным образом бессознательно поступят многие, но можно, наоборот, и это будет выглядеть гораздо более неожиданным и гротескным, закричать на него так, что, испугавшись, он просто забудет про свою физическую мощь и оружие. Если же воля ещё более сильная, внешне делать не придётся почти ничего: одного угрожающего взгляда будет достаточно. А если помимо *воли* развито и *видение*, то, как говорил Хуан Матус, такого человека *просто не окажется в подобной ситуации*.

Ещё один нюанс обозначенного выше тезиса состоит в том, что выигрыш в споре может и не свидетельствовать о сильной воле выигравшего, но лишь о его сильном бессознательном убеждении, полученном извне. Здесь резонно сослаться на представления о структуре психики Фрейда: сознательное “Я”, по Фрейду, находится в тисках бессознательного, выраженного, с одной стороны, внутренними инстинктами – “Оно”, а с другой – внешними ограничивающими их социальными нормами – “Сверх-Я”, обычно устанавливаемыми родителями, а позже представителями высшей власти. Отто Ранк, как уже говорилось в предыдущих разделах, уточнил эту структуру, закрепив за “Я” способность к проявлению *воли*. А с учётом всего вышесказанного можно уточнить её ещё больше: именно “Я” в конечном итоге и формирует “Сверх-Я”; точнее “Я” тех немногих обладающих особо сильной волей, кто способен сделать *свои* представления о морали *всеобщей* совестью.

Наконец, можно максимально чётко сформулировать цель *перепросмотра*:

Цель *перепросмотра* состоит в обретении волевого и умственного контроля над любыми бессознательными действиями, обусловленными влиянием извне – прежде всего со стороны других людей. Иначе, цель *перепросмотра* состоит в обретении полного контроля над эмоциями.

Наставница Тайши Абельяр Клара Грау определила эту же цель так:

«– Существует способ изменить себя, – сказала [Клара]. И сейчас ты уже с головой окунулась в него. Он называется перепросмотр.

Она заверила меня в том, что глубинный и полный перепросмотр даёт нам возможность осознать всё то, что мы желаем в себе изменить, потому что оно делает нас способными видеть жизнь такой, какова она есть. Опыт вспоминания даёт возможность человеку в течение мгновения перед каждым действием принять решение вести себя так,

как он привык, или с помощью намерения изменить своё поведение, прежде чем оно полностью завладеет им».¹

Для получения такой возможности используется особый метод – так называемое “очищающее дыхание”, осуществляя которое практикующий вспоминает все моменты своей жизни, в дальнейшем приведшие к бессознательному поведению. Как уже было сказано, прежде всего это моменты эмоционального взаимодействия с другими людьми.

Следует также отметить, что воспоминание, достигаемое при *перепросмотре* – это не просто умственное воспоминание, констатирующее наличие некоторого переживания, а собственно *переживание*, причём даже не повторное². Можно сказать, что смысл *перепросмотра* в доведении некогда происшедшего и воспринятого только на уровне *бессознательного* события до уровня *воли*, его окончательное осознание и взятие под контроль. *Перепросматривающий* как бы возвращается в прошлое и вспоминает то, чего фактически раньше не помнил, не осознавал, не контролировал – но что контролировало его самого.

«– Сила *перепросмотра*, – сказал дон Хуан, – в том, что он расшевеливает весь мусор жизни человека и выносит его на поверхность». (Книга 10)

На подобное влияние осознания прошлых событий обращал внимание и Фрейд, назвавший его *катарсическим*. Он, однако, не имел такого эффективного способа их достижения, как очищающее дыхание.

Методика *перепросмотра*

Следующая цитата содержит первое упоминание о *перепросмотре* в книгах Карлоса Кастанеды. В ней приводится предварительное описание его методики, которое дала Кастанеде Флоринда Матус – одна из женщин-воинов когорты Хуана Матуса:

«[Флоринда] объяснила, что перепросмотр является основной силой сталкера, так же как тело сновидения является основной силой сновидящих. Перепросмотр состоит из анализа собственной жизни вплоть до самых незначительных деталей. Таким образом, ее бенефактор дал ей ящик как средство и как символ. Это было средство, которое должно было позволить ей научиться концентрации, потому что ей придётся сидеть там долгие годы, пока вся жизнь не пройдёт у неё перед глазами, и одновременно это был символ – символ узости границ нашей личности. Её бенефактор сказал, что когда она закончит свой перепросмотр, то разломает ящик, символизируя этим, что она больше не связана ограничениями собственной личности.

Она сказала, что сталкеры пользуются ящиками или земляными гробами для того, чтобы зарываться в них, пока они вновь переживают, а не просто просматривают, каждое мгновение своей жизни. Причина, по которой сталкеры должны просматривать свою жизнь так подробно, состоит в том, что дар Орла человеку включает в себя его согласие принять вместо настоящей осознанности суррогат, если такой суррогат окажется совершенной копией. Флоринда объяснила, что поскольку осознанность является пищей Орла, Орел может удовлетвориться лишь в совершенстве выполненным перепросмотром вместо осознанности (подобное объяснение – не более чем метафора, использованная древними видящими – В.В.).

Затем Флоринда сообщила мне основы перепросмотра. Она сказала, что первая стадия – это краткий учёт всех случаев нашей жизни, которые явным образом подлежат перепросмотру. Вторая стадия – это более полный перепросмотр, начинающийся систематически с точки, которой может быть момент, предшествовавший тому, когда сталкер сел в ящик, и теоретически может простираться вплоть до рождения человека.

Она заверила меня, что совершенный перепросмотр может изменить воина настолько же, если не больше, как и полный контроль над телом сновидения. В этом смысле как искусство сновидения, так и искусство сталкинга ведут к одному и тому же – к входу в третье внимание. Для воина, однако, важно знать и практиковать как то, так и другое. Она сказала, что женщинам требуются разные конфигурации светящегося тела для того, чтобы добиться мастерства в одном или в другом. Мужчины же, с другой стороны, могут делать и то, и другое довольно легко, но они никогда не способны достичь такого уровня мастерства, которого в каждом искусстве достигают женщины.

¹ Т.Абеляр. Магический переход.

² “София” переводит это магическое воспоминание (англ. recollection) как “вспоминание”.

Флоринда объяснила, что ключевым моментом перепросмотра является дыхание. Дыхание для неё стало магическим, потому что это функция, поддерживающая жизнь. Она сказала, что перепросматривать легко, если уменьшить сферу стимуляции вокруг тела. В этом и состоял смысл ящика. Затем дыхание будет выносить на поверхность всё более и более глубокие воспоминания. Теоретически сталкеры могут вспомнить каждое чувство, которое они испытали в своей жизни, а этот процесс у них начинается с дыхания. Она предупредила меня, что те вещи, которым она меня учит, являются лишь предварительными и что в другое время и в другой обстановке она научит меня тонкостям.

Она сказала, что её бенефактор велел ей написать список тех событий, которые ей надо было пережить повторно. Он сообщил, что процедура начинается с правильного дыхания. Сталкер начинает с того, что его подбородок лежит на правом плече, и по мере медленного вдоха он поворачивает голову по дуге на 180 градусов. Вдох заканчивается, когда подбородок укладывается на левое плечо. После того, как вдох окончен, голова возвращается в первоначальное положение в расслабленном состоянии. Выдыхает же сталкер, глядя прямо перед собой.

Затем сталкер берет событие, стоящее в его списке на первом месте, и вспоминает его до тех пор, пока в памяти не всплывут все чувства, которые это событие вызвало. Когда сталкер вспомнит все эти чувства, он делает медленный вдох, перемещая голову с правого плеча на левое. Смысл этого вдоха состоит в том, чтобы восстановить энергию. Флоринда сказала, что светящееся тело постоянно создаёт паутинообразные нити, выходящие из светящейся массы под воздействием разного рода эмоций. Поэтому каждая ситуация взаимодействия или ситуация, в которой задействованы чувства, потенциально опустошительна для светящегося тела. Вдыхая справа налево при вспоминании чувства, сталкер, используя энергию дыхания, подбирает нити, оставленные им позади. Сразу за этим следует выдох слева направо. При помощи него сталкер освобождается от тех нитей, которые оставили в нем другие светящиеся тела, участвовавшие в припоминаемом событии.

Она сказала, что это – обязательная подготовительная ступень сталкинга, через которую прошли все члены её партии как через введение в более сложные упражнения этого искусства. Если сталкеры не прошли этой подготовительной ступени для того, чтобы вернуть нити, оставленные ими в мире, а в особенности для того, чтобы выбросить нити, оставленные в них другими, нет никакой возможности практиковать контролируемую глупость, потому что эти чужие нити являются основой для безграничного роста чувства собственной важности.

Чтобы практиковать контролируемую глупость, поскольку это не является способом дурачить людей или чувствовать своё превосходство над ними, – нужно быть способным смеяться над самим собой. Флоринда сказала, что одним из результатов детального перепросмотра является искренний смех при столкновении лицом к лицу с набившим оскомину проявлением самовлюбленности, являющейся сущностью всех человеческих взаимодействий. Флоринда подчеркнула, что правильно определила искусство сновидения и искусство сталкинга именно как виды искусства, поскольку они являются чем-то таким, что исполняют люди. Она сказала, что дающая жизнь природа дыхания является тем, что даёт в то же время и способность очищаться. Именно эта способность превращает перепросмотр в практическое дело. <...>

Флоринда сказала, что самыми важными задачами, которые может выполнить воин, ее бенефактор считал три основных техники сталкинга – ящик, список событий для перепросмотра и дыхание сталкера. По его мнению, наиболее действенным средством для потери человеческой формы является глубокий перепросмотр (о человеческой форме – см. соответствующий раздел – *В.В.*). После пересмотра своей жизни сталкерам легче использовать все не-делания самого себя, такие, как стирание личной истории, потеря чувства собственной важности, ломка распорядка жизни и т. п.» (Книга 6)

В принципе здесь есть всё для начала практики, но в других книгах Кастанеды, а также в «Магическом переходе» можно найти некоторые уточнения. Часть из них касается дыхания:

«[Дон Хуан] объяснил, что при перепросмотре событие реконструируется фрагмент за фрагментом, начиная с припоминания внешних деталей, затем переходя к личности того, с кем я имел дело, и заканчивая обращением к себе, исследованием своих чувств.

Дон Хуан учил меня сочетать *вспоминание* с естественным ритмичным дыханием. Глубокий выдох следует делать в такт с медленным мягким движением головы справа налево; глубокий вдох делается при движении головы в обратную сторону – слева направо. Он называл этот процесс покачивания головой из стороны в сторону

"обмахивание события веером". Ум исследует событие от начала до конца, в то время как тело "обмахивает" снова и снова всё, на чем сосредоточивается ум.

Дон Хуан сказал, что маги прошлого, открывшие перепросмотр, рассматривали дыхание как магическое, жизненно важное действие и использовали его соответственно этому – как магическое средство. Выдох используется для выброса отрицательной энергии, оставшейся в них как результат события, перепросмотр которого осуществляется, а вдох – для возврата энергии, которую они потеряли в ходе взаимодействия». (Книга 9)

Дыхание (направление поворотов головы не имеет значения) – особо важная составляющая *перепросмотра*, потому что его характер является своего рода *основой* любого события, запечатлённого в памяти. Дыхание должно быть умеренно глубоким и плавным, на что специально указал Хуан Матус, объясняя *перепросмотр* Тайше Абеляр. По большому счёту такое дыхание носит *успокаивающую* функцию: когда человек находится в эмоциональном возбуждении, он дышит часто и поверхностно; наоборот, глубокое ровное дыхание – признак спокойствия, сосредоточенности и вместе с тем отрешённости.

«– Твои движения слишком резки, – сказал [Хуан Матус] тихим бархатистым голосом.

– Дыши так.

Он сделал глубокий вдох, плавно поворачивая голову влево. Затем выдохнул весь воздух, так же легко поворачивая голову вправо. И наконец, повернул голову от правого плеча к левому и в обратном направлении ещё раз, теперь уже без дыхания, а потом снова вернул её к центру. Я повторила за ним вдох и выдох, стараясь делать их так же плавно и глубоко, как и он.

– Это уже лучше, – сказал он.

– Во время выдоха выбрасывай из головы все мысли и чувства, которые прорабатываешь. И не просто поворачивай голову с помощью мышц шеи, а сопровождай её движение движением невидимых энергетических линий, тянущихся из живота. Когда тебе удастся проникнуть этими волокнами в окружающее пространство, можешь считать, что одна из целей вспоминания достигнута.

Он объяснил, что под самым пупком находится энергетический центр (центр *воли* – *В.В.*), и что все движения тела, включая и дыхание, должны осуществляться в связи с этим средоточием энергии. Он отметил, что я должна синхронизировать движение головы и живота для того, чтобы невидимые энергетические линии протянулись до бесконечности.

– Эти линии составляют часть моего тела, или я их просто себе воображаю? – спросила я.

Он немного изменил своё положение на земле, прежде чем ответил мне.

– Эти невидимые линии являются частью твоего тонкого тела, твоего дубля, двойника, – ответил он.

– Чем больше энергии тебе удастся пропустить с помощью манипуляций с этими линиями, тем сильнее станет твой двойник».¹

Как уже было замечено в предыдущих разделах, для тела сновидения не имеют значения конкретные время и место события, поэтому *перепросматривая* человек фактически "путешествует" в своё прошлое, а на продвинутом этапе *перепросмотра* он случайно может оказаться даже в прошлом другого человека – *увидеть* его в прошлом.

Перепросмотр следует начинать формально, в первую очередь, составляя список всех когда-либо встреченных людей:

«– Маги выполняют *перепросмотр* очень формальным способом, – продолжал он. – Он состоит в составлении списка всех людей, которых они встречали, от настоящего времени до самого начала их жизни. Когда у них есть этот список, они берут первого человека в нем и вспоминают всё, что могут, об этом человеке. И я имею в виду всё, каждую деталь. Лучше *перепросматривать* от настоящего к прошлому, потому что воспоминания настоящего свежи, и таким образом обостряется способность *вспоминать*.

Практикующие занимаются тем, что *вспоминают* и *дышат*. Они медленно и осознанно вдыхают, помахивая головой как веером справа налево, едва заметным поворотом, и аналогично выдыхают.

¹ Т.Абеляр. Магический переход.

Он сказал, что вдохи и выдохи должны быть естественными; если они слишком быстрые, можно войти в режим того, что он назвал *утомляющим дыханием*: дыханием, после которого нужно нормально дышать, чтобы успокоить мускулы.

– И что ты предлагаешь мне делать со всем этим, дон Хуан? – спросил я.

– Начни сегодня составлять свой список, – сказал он. – Раздели его по годам, по профессиям, составь его в любом порядке, но сделай его последовательным, начиная с самого недавнего человека, и закончи мамой и папой. А затем вспомни всё о них. Хватит разговоров. По мере практики ты поймёшь, что ты делаешь». (Книга 10)

Для новичков формальный *перепросмотр* может продвигаться очень тяжело и вызывать большие трудности с концентрацией. Поэтому представляется, что до определённого этапа с целью вызова воспоминаний допустимо будет использовать все возможные способы: например, кому-то может помочь схематичное записывание всех событий, разбиение их по годам и месяцам, периодам жизни. Также Хуан Матус указывал, что усилению концентрации способствуют прогулки, которые можно делать непосредственно перед *перепросмотром*, есть и специальные пассы Тенсэгрити, усиливающие его эффективность. Кроме этого, чтобы лучше вспомнить о каких-то событиях, можно непосредственно посетить место, где они происходили, или отыскать относящиеся к ним старые вещи, фотографии и дневники. В общем, основная идея формального перепросмотра состоит в том, чтобы представить свою жизнь наиболее детально и достичь этого любыми возможными способами. Но, с другой стороны, необходимо понимать, что формальность – только трюк, она не должна подменять саму суть *перепросмотра*. Более того, со временем её актуальность утрачивается и *перепросмотр* становится полностью *естественным*.

«На этот раз дон Хуан предложил мне новую методику для перепросмотра. Мне предстояло разгадать нечто вроде головоломки, составляя второстепенные с виду события моей жизни так, чтобы из мелких разрозненных кусочков получилась цельная картина.

– Но у меня не получится, – запротестовал я.

– Нет, получится, – заверил он меня. – Путаница возникнет только тогда, если ты предоставишь своей мелочности подбирать события для перепросмотра. Предоставь решать это духу (см. соответствующий раздел – *В.В.*). Будь спокоен и начинай работать с тем, на что тебе указывает дух.

Результаты такого метода перепросмотра поразили меня во многих отношениях. Удивительным было то, как я, успокоив ум, следовал затем совершенно независимой от моей воли силе, которая внезапно погружала меня в чрезвычайно детальные воспоминания какого-то незначительного события из моей жизни. Но ещё удивительнее, что в итоге я получил довольно-таки упорядоченную конфигурацию событий. То, что по моему мнению должно было быть хаотичным, оказалось чрезвычайно содержательным.

Я спросил дону Хуана, почему он ни разу не предложил мне этот метод прежде. Он ответил, что существует два основных уровня перепросмотра; первый из них характеризуется формальностью и жёсткостью, второй – подвижностью внимания.

У меня не было даже отдалённого представления о том, насколько теперешний перепросмотр будет для меня отличаться от предыдущих опытов. Способность концентрироваться, выработанная благодаря практике *сновидения*, позволила мне проникнуть в свою жизнь так глубоко, что никогда ранее я и представить не мог ничего подобного. Мне потребовалось больше года, чтобы просмотреть и пережить ещё раз всё, связанное с моей предыдущей жизнью. В итоге я вынужден был согласиться с доном Хуаном: в ранее недоступных глубинах моего ума были сокрыты залежи эмоций, заряженных отрицательной энергией». (Книга 9)

Используя метод *перепросмотра* характеризующийся подвижностью внимания, человек сможет обнаружить, что в его жизни не было вообще ничего случайного – даже самые незначительные события имели вполне определённый смысл; иначе говоря, все они являлись для него проявлениями и знаками духа.

События, которые захватывают внимание помимо сознательного желания практикующего, были названы Хуаном Матусом *пропусками*:

«– Маги считают, – продолжал дон Хуан, – что по мере того, как мы *перепросматриваем* свою жизнь, весь мусор, как я уже говорил, выходит на поверхность. Мы осознаем свои противоречия, свои повторения, но что-то в нас оказывает огромное сопротивление *перепросмотру*. Маги говорят, что дорога свободна только после

колоссального потрясения; после появления на экране воспоминания о событии, которое сотрясает наши основы с ужасающей отчётливостью деталей. Это событие поистине тащит нас к тому самому моменту, когда мы его пережили. Маги называют это событие *пропуском*, потому что после него каждое событие, к которому мы прикасаемся, *переживается заново*, а не просто вспоминается. <...>

Следование по моему списку людей сделало *перепросмотр* очень формальным и трудновыполнимым, как этого и хотел дон Хуан. Но время от времени что-то во мне вырывалось на свободу, что-то, заставляющее меня сосредоточиваться на событиях, не относящихся к моему списку. Событиях, ясность которых была настолько безумной, что я был пойман и погружен в них, возможно, даже глубже, чем когда прожил эти события. Каждый раз, когда я таким способом *перепросматривал*, я делал это с оттенком отрешённости, благодаря которой я видел те вещи, на которые я не обращал внимания, когда на самом деле мучился от них». (Книга 10)

Пропуски – и есть основа противоречий и повторов, оказывающих постоянное бессознательное влияние на жизни людей. *Перепросмотр* как бы истощает влияние каждого пропуска, а потом и полностью устраняет его. Но чтобы достичь пропуска сначала требуется провести тщательный формальный *перепросмотр* от наиболее близлежащих событий к событиям самого отдалённого прошлого – вплоть до ранней юности и детства. Также в связи с этим важно понимать, что формальный и произвольный *перепросмотр* могут и должны сочетаться, и если какие-то события (пусть даже совсем не связанные с текущими по списку или вообще касающиеся настоящего) упорно обращают на себя внимание – их стоит *перепросматривать* в первую очередь.

Наиболее эффективный *перепросмотр* – это *перепросмотр* событий, эмоционально насыщенные воспоминания о которых приходят сами. Причём они могут приходиться и совершенно неожиданно, внезапно, когда уровень энергии оказывается достаточным для этого.

Перепросмотр как стратегия

К *перепросмотру* нельзя относиться как к чему-то временному – следует понимать, что он может длиться годами, пока, в конце концов, не потеряет всякую формальность и не станет полностью естественным. Также нельзя думать, что эта какая-то повинность, которую можно отбыть и навсегда отделаться от неё. Можно сказать, что он является своего рода “гигиенической” процедурой для тоналя, и вполне логично, что воину требуется выполнять его регулярно. Но как вообще начать выполнять *перепросмотр*, какие у человека должны быть мотивы, чтобы осознанно посвятить себя этой весьма абстрактной, трудоёмкой и требующей терпения практике? В большой степени это риторический вопрос, причём он также справедлив и по отношению к становлению на путь воина вообще, ведь далеко не каждый человек способен успешно идти по нему.

Однако если такой истинно экзистенциальный выбор всё же сделан, приступая к выполнению *перепросмотра* необходимо помнить ряд вещей. Прежде всего, *перепросмотр* требует некоторого начального уровня *воли*, и лучшим решением для того, чтобы достичь этого уровня, представляется полная или частичная десоциализация, то есть прерывание всех или большей части отношений с людьми, уединение. Естественно, невозможно достичь значимого результата от *перепросмотра* занимаясь им, например, после работы, когда энергии уже почти не осталось. Аналогично, бессмысленно заниматься *перепросмотром* краткие промежутки времени или эпизодически.

На время первого формального этапа *перепросмотра* его практика должна стать основной деятельностью практикующего.

Следующий нюанс состоит в том, что постепенно (особенно после первых *пропусков*) *перепросмотр* будет возвращать оставленную в прошлом энергию, а эта энергия, в свою очередь, будет побуждать к активной творческой деятельности помимо собственно *перепросмотра* – хотя, конечно, она направится и на его продолжение и углубление. В частности, такой деятельностью могут стать занятия Тенсёгрити, восточными психофизическими практиками и боевыми искусствами, а также *сновидением*. Затем укрепление физической стороны *тоналя* приведёт к появлению ещё большей энергии, большего *нагуаля*, а возросшая энергия вновь будет способствовать увеличению эффективности *перепросмотра* – и так вплоть до полного завершения *перепросмотра* как

целенаправленной практики, до достижения самых драматических эпизодов жизни практикующего. Это, конечно, слишком идеализированная схема, в реальности *перепросмотр* может проходить далеко не так гладко, и даже вообще с задействованием разных методов на разных этапах. Причём и сами этапы могут быть разбросаны во времени и открывать разную глубину проникновения в психику (например, Карлос Кастанеда вынужден был вернуться к *перепросмотру*, когда был уже опытным *сновидящим* – причём прервав на это время практику *сновидения*). Главное во всём этом, чтобы сохранялась суть *перепросмотра*, его основная цель – *вспоминание*.

Успешный *перепросмотр*, таким образом, это только вопрос наличия энергии, силы воли, и если бы, например, практикующему каким-то невероятным образом удалось получить её очень много одновременно извне, *перепросмотр* произошёл бы сам собой, вне всяких сознательных вмешательств; равно как и само собой оздоровилось бы физическое тело. Исходя из сказанного, можно сформулировать следующий важный принцип:

Для того чтобы успешно *пересмотреть* прошлое событие с участием некоего человека (или группы лиц), необходимо быть способным противостоять ему (или группе) так, как если бы это событие произошло в настоящем – здесь и сейчас.

То есть, например, если практикующий имел негативное воздействие со стороны кого-то, обладавшего существенно более сильной волей, чем он сам – возможно, выраженной только в бессознательном или физической силе, – то он не сможет полноценно возвратиться к этому событию, пока не будет обладать такой же сильной волей – и, потенциально, таким же сильным бессознательным и физическим телом.

В этой связи можно заметить, что подавляющее большинство бессознательных воздействий оказывается на человека в довольно молодом возрасте и, с другой стороны, именно тогда у людей имеется наиболее сильная воля (сильный нагуаль) – которая и обеспечивает способность так быстро учиться, как, считается, это может делать только ребёнок. Но позже люди теряют почти весь свой потенциал к дальнейшему развитию, а приобретённое ими описание мира становится для воли своего рода “чёрной дырой”. И потому много понадобится времени, чтобы достичь этого её исходного “детского” уровня, равно как когда-то потребовалось много времени, чтобы оставить почти всю её в *социальном бессознательном*¹.

Наконец, в жизни человека, преодолевшего все трудности первых этапов *перепросмотра*, наступит день, когда его просто нельзя будет прекратить, равно как и нельзя будет добровольно сойти с пути воина. Практикующий окажется всецело во власти *силы*.

«Дон Хуан утверждал, что, как только практикующий начнёт взирать на свою жизнь в той отстранённой манере, какой требует перепросмотр, он уже не сможет вернуться к прежнему образу жизни». (Книга 11)

Аналоги *перепросмотра* в современной практической психологии, их сходства с ним и отличия

Ближайший и первый в новейшей истории Запада аналог *перепросмотра* – уже упоминавшийся психоанализ, разработанный Зигмундом Фрейдом и позже развитый и усовершенствованный другими исследователями глубин человеческой психики. Есть ли принципиальные различия между психоанализом и *перепросмотром*, наряду с очевидными сходствами? Есть, однако они не столько в теории, сколько в практической реализации, а также подаче и целях. Наиболее очевидное такое отличие – *очищающее дыхание*, открытое ещё древними видящими: без его использования *перепросмотр* существенно усложняется, хотя и не фатально. Более того, при достаточной мотивации и у Фрейда была бы возможность придти к пониманию необходимости специального дыхания, но он, как и прочие, предпочёл исследованию тщеславие. Чувствуя себя “выдающимся” учёным он хотел “помогать” людям – как можно большему числу людей; иначе говоря, он хотел *известности*. И в этом второе отличие *перепросмотра* от психоанализа: тогда как *перепросмотр*

¹ Социальное бессознательное, как оно понимается здесь, является удобным синонимом “Сверх-Я”. То есть тогда как Фрейд говорил лишь о личном бессознательном – социальное бессознательное та его часть, которая затрагивает отношения между людьми. Более подробно природа и механизм функционирования социального бессознательного рассмотрены в основном тексте книги.

является, вообще говоря, эзотерической, элитарной практикой, психоанализ широко известен и популярен, а отсюда – малоэффективен. Для чего большинство людей прибегают к помощи психоаналитиков? Чтобы разобраться с *текущими конъюнктурными проблемами* во взаимоотношениях с окружающими, *существенно мешающими нормальной жизни*. Но что такое “нормальная” жизнь? Очевидно, что “норма” относительное понятие, и норма для обычного человека – совсем не то же, что для воина.

Тогда как цель *перепросмотра* максимально возможное *освобождение*, цель психоанализа в подавляющем большинстве случаев – только *социальная адаптация*.

Наиболее порочный и очень распространённый вид такой социальной адаптации – адаптация, сопряжённая с зависимостью от психоаналитика, когда психоанализ становится хроническим, длится годами, не приводит к долгосрочным изменениям, но обойтись без него также не получается. Сама возможность подобного связана с парным (или групповым) характером практики психоанализа, и в этом следующее его отличие от *перепросмотра*. Хуан Матус, предупреждая любую зависимость от себя как Нагуаля, а также воспитывая у учеников дисциплину, просто избегал контакта с некоторыми из них, пока те не получали успехов от *перепросмотра* самостоятельно. Впрочем, теория психоанализа тоже не одобряет зависимость пациента от психоаналитика (так называемая проблема *переноса* и *контрпереноса*), но как сделать, чтобы её всегда придерживались? И здесь новое отличие: настоящих исследователей психоанализа единицы – практикуют же его тысячи. Но тогда как исследователи более или менее честно стараются достичь причин преодолеваемых ими психических проблем – практикующие психоаналитики всего лишь следуют *уже намеченными шаблонными путями*. Может ли подобное механическое повторение быть успешным? Нет, потому что теоретическое знание не заработает без силы – в данном случае без силы *воли*.

Успех в психоанализе и вообще в любой психофизической практике зависит намного больше от силы воли психотерапевта и пациента, нежели от их интеллектуальной подготовленности.

На эту трудность указывал и Хуан Матус, говоря, что интеллектуальный психоанализ не может заменить тщательного глубинного *перепросмотра*, когда практикующий оказывается одновременно и пациентом, и врачом; и практиком, и теоретиком. Разум, конечно, тоже задействуется в процессе *перепросмотра* – практикующий выявляет бессознательно обусловленные причинно-следственные цепочки в своей жизни. Но это лишь *следствие*, а причина – *воля*. Таким образом, тогда как отдельные психотерапевты и могут быть чрезвычайно прозорливыми и успешными, чем больше они стремятся к известности, и чем более популяризируются их методы, тем менее эффективными они в конечном итоге становятся, тем сильнее профанируются. Это относится ко всем *без исключения* методикам современной западной психотерапии, будь то *экзистенциальный психоанализ*, методы *аналитической психологии* Карла Юнга (хотя эти подходы существенно сложнее обычного психоанализа, и их цель позиционируется именно как психическое развитие, а не только как социальная адаптация), *гештальт-терапия*, *телесно-ориентированная терапия*, или, например, *дианетический аудитинг*².

О последнем стоит сказать подробнее. Разработанный в середине XX в. американским писателем-фантастом, учёным и философом Л.Роном Хаббардом дианетический аудитинг (применяемый сейчас как часть более широкой программы духовного развития в основанной им же церкви Сайентологии, а также в некоторых других не связанных с ней организациях) приобрёл широкую известность прежде всего ввиду существенно большей, чем у психоанализа, эффективности (что, в конечном счёте, связано с незаурядной личностью и подходами самого Хаббарда, бывшего, однако, ничуть не менее эгоцентричным, чем Фрейд – подробнее о Хаббарде в основном тексте книги). Теория дианетики уступает по развитости теории психоанализа (хотя в дальнейшем теория сайентологии возможно даже превзошла психоанализ, превратившись из психотерапевтического метода в философское учение – но ряд фатальных противоречий так и не был разрешён), однако её

¹ Англ. dianetics – от греч. “dia” – “через” и “nous” – “душа”, “разум”, что буквально значит “то, как разум влияет на тело”. В середине XX века дианетика позиционировалась её создателем как современная наука душевного здоровья.

² Англ. auditing – ревизия, аудит. Другой более распространённый транскрипционный перевод – одитинг.

практика более проста в применении, а также больше похожа на *перепросмотр*, хотя и не включает очищающего дыхания. По сути, вся теория Хаббарда сводится к тому, что в процессе жизни человек накапливает так называемые “энграммы”¹ – моменты болевого или эмоционально травмирующего опыта, сопряжённого с полной или частичной потерей сознания. И именно отдельные составляющие этого опыта позже заставляют его действовать нерационально или *аберрированно*. Энграмма содержит болезненный опыт в максимальной детализации, и, кроме того, в ней имеются ссылки на любые внешние воздействия – в том числе языковые, – не являвшиеся непосредственной причиной травматизации, но сопутствовавшие ей. Впоследствии они трактуются энграммой как предвестники этого негативного опыта, вызывая рецидив сопровождавшего его состояния в целом.

Методика дианетического аудитинга, как и методика психоанализа, парная, но функция аудитора практически не связана с интерпретациями, чем занимается психоаналитик. Аудитор лишь отдаёт команды, направляя аудитируемого к содержащим любой травматический опыт событиям, и поддерживает его внимание по отношению к ним. Кроме того, в отличие от формального этапа *перепросмотра* или от психоанализа дианетический аудитинг не подразумевает какого-либо плана, то есть внимание при его проведении исходно подвижное. Фактически же оно естественным образом переходит от близлежащих к настоящему до наиболее отдалённых в прошлом событий, соответственно, затрагивая сначала самые незначительные энграммы, а по мере накопления энергии самые драматичные.

Процедура нейтрализация энграммы, как уже было сказано, не включает никакого особого дыхания, вместо этого аудитируемый возвращается к её началу снова и снова, и каждый раз пересказывает её содержание аудитору. Сначала такой пересказ содержит множество эмоций, и воспоминание происшедшего с ним сильно затруднено. Но с каждым повтором аудитируемый успокаивается, пока, наконец, совсем не теряет к описываемым событиям интереса или даже не находит возможным посмеяться над ними. После этого, когда, в терминах Фрейда, происходит *катарсис*, а, в терминах Хаббарда – *разряжение*, энграмма теряет над ним свою власть. Естественно, что достижение достаточно серьёзной энграммы требует времени, и перед этим в ходе аудитинга поднимается обширный материал, являющийся только следствием её рестимуляции, но не затрагивающий её непосредственно – это так называемые “замки”². Энграмму возможно разрядить только “открыв” все “замки”; образно говоря, и здесь будет справедлива эта аналогия с *перепросмотром*, – *только открыв все замки можно будет получить пропуск*.

Ясно, что “выговаривание” менее эффективный способ преодоления травмирующих психику ситуаций, чем обычно используемый при *перепросмотре*, однако именно им пользовались древние видящие до открытия очищающего дыхания. На это же указывал и Хуан Матус: «*Пересказ заставляет понять в себе то, о существовании чего ты даже не подозревал*»³. Вообще же способность спокойно без всяких эмоций рассказывать о некотором событии своей жизни и является критерием его успешного *перепросмотра*. Следующий отрывок из книги Тайши Абельяр продемонстрирует, как, сама того не понимая, она использовала метод пересказа для лучшего *перепросмотра* события, бывшего для неё очень эмоционально тяжёлым:

«Тут Клара разразилась смехом. Я же была так подавлена своими постыдными переживаниями, что начала рыдать. Вдобавок ко всему я поняла, что совершила еще одну ошибку, рассказав об этом Кларе.

Клара встряхнула меня за плечи.

– Делай очищающее дыхание! – сказала она. – Давай, прямо сейчас.

Я стала качать головой справа налево, возвращая себе энергию, которая была по-прежнему безнадежно увязшей в зале для выступлений. Возвращая голову в обратном направлении, я выдыхала всю ту неловкость и жалость к себе, которые обволакивали меня. Я долго покачивала головой, повторяя снова и снова очищающее дыхание, до тех пор, пока сильное беспокойство не прошло. Затем я сделала несколько движений головой влево-вправо без дыхания, с тем, чтобы разорвать все связи с этим конкретным

¹ Изначально энграмма (от лат. *engram* – след на клетке) – заимствованный Хаббардом биохимический термин, запись о болевом опыте, предположительно хранимая в нервных клетках организма человека. Современные исследования показывают, что долговременная память связана не с самими клетками, а с пространственными структурами связей между ними. Тем не менее эти исследования не являются окончательными и в любом случае отражают лишь наиболее поверхностный материальный аспект феномена воспоминания.

² Англ. *lock* – замок, запор. Другой более распространённый транскрипционный перевод – лок.

³ Книга 10.

моментом прошлого. Когда я закончила, Клара осмотрела меня с головы до ног и одобрительно кивнула».¹

Имеет смысл коснуться ещё одного весьма эффективного метода психотерапии, стоящего особняком ко всем другим подобным методам. Речь идёт о *холотропном*² *дыхании*, разработанном американским психологом Станиславом Грофом в рамках *трансперсональной психологии*. Холотропное дыхание – это глубокое и частое дыхание, иногда сочетающееся с ритмичной музыкой, и позволяющее спонтанно освобождаться от довольно сильных эмоциональных потрясений. Очевидно, что, как и при *перепросмотре*, дыхание здесь играет ключевую роль, но всё же метод холотропного дыхания не панацея, и его эффективность вряд ли сможет превысить эффективность *перепросмотра*. Впрочем, всё зависит от намерения практикующего – вполне возможно, что лишь с одной этой практикой удастся достичь больших подвижек, особенно если не ждать быстрых результатов. На этот счёт Хуан Матус очень метко замечал, что начинать стоит с одного какого-то достаточно простого действия, которое следует повторять постоянно и непреклонно. Наоборот, глупо требовать от себя всего сразу, чтобы потом не достичь ничего совсем.

Перепросмотр и сновидение

Хотя формально *перепросмотр* основа *сталкинга*, он, как уже было замечено, является базовым и наиболее естественным методом для достижения *сновидения*. Магическое *сновидение*, о чём также уже говорилось, является результатом функционирования *воли* без сопутствующей *первому вниманию* концентрации на физическом теле. Обычные сновидения феномены той же природы, но в них все волевые проявления вынужденно идут на эмоциональную компенсацию всплывающих по ходу сна фрагментов ранее пережитого опыта. Другими словами, каждое сновидение – это своего рода “битва” против бессознательного, включая все его невротизирующие элементы и неудовлетворённые потребности. Если эта “битва” увенчалась успехом, сновидение оставляет ощущение удовольствия или даже “победы”, если нет – воспринимается как кошмар. При проведённом *перепросмотре* и отсутствии актуальных на текущий момент проблем обычное сновидение переходит в магическое: победно завершив свою “битву” человек осознаёт где он находится, осознаёт реальность *второго внимания* и его перспективы – связанные теперь уже не с бессознательным, а с желанием творческой реализации. У большинства людей, однако, подобные осознания происходят крайне редко или вообще никогда, и уникальные возможности *сновидения* оказываются полностью не востребуемыми.

С другой стороны известно, что обычные сны нередко запоминаются, и эта особенность делает их весьма интересными для психотерапевтической работы, на что и обратили внимание многие западные психологи, начиная с Фрейда. В наиболее общем виде концепция сновидения Фрейда известна как “удовлетворение желания” – она основана на том, что нередко большое желание чего-либо достичь (или, наоборот, избавиться от чего-то) осуществляется именно во сне, снимая тем самым психическое напряжение. Столь же часто возникает и обратная ситуация, когда сон воплощает самые затаённые опасения – в этом случае имеет место столкновение с ранее *вытесненным* из сознания опытом. Юнг, в свою очередь, связывал это с тенденцией бессознательного к устранению сознательных деформаций – ошибочных суждений, которых человек придерживается в жизни. В этом смысле сон может рассматриваться как своего рода экспериментальный полигон – *фантазию человека о себе в некоторых потенциально возможных и актуальных обстоятельствах*. При этом в отличие от разумных оценок сны не могут обманывать, то есть если, например, перед некоторым важным делом снится его провал, значит действительно имеется высокая вероятность такого исхода, как бы сновидец не был уверен в обратном. Речь в данном случае идёт, конечно, не о предвидении будущего, а только об основанном на *всём предыдущем жизненном опыте* и *реальных жизненных целях* предупреждении. Основатель *индивидуальной психологии* Альфред Адлер, в свою очередь, писал об этом так:

«Если разложить кажущееся непонятным сновидение на его составные части и показать сновидцу, что означает для него каждая отдельная часть, то при некотором старании и проницательности возникнет ощущение, что за сновидением скрываются силы, стремящиеся в определённом направлении. Это направление проявляется и в

¹ Т.Абеляр. Магический переход.

² Холотропный (от греч. holos – “целый”, trepein – “двигаться по направлению к чему-то”) – по Грофу, направленный к единению с реальностью, не имеющий обычных физических ограничений.

остальной жизни человека и определяется его личностным идеалом, теми проблемами и затруднениями, которые были для него особенно чувствительными. В результате такого рассмотрения, которое, пожалуй, можно назвать художественным, выявляется жизненная линия человека или часть её, мы начинаем видеть его бессознательный жизненный план, в соответствии с которым он стремится справиться с адаптацией к жизни и своей неуверенностью. Мы видим также, какими обходными путями он идёт, чтобы избежать поражений и сохранить чувство уверенности в себе. И мы можем использовать сновидение, как и любое другое душевное явление, как саму жизнь человека, для того чтобы сделать вывод о его отношении к миру и к другим людям. *С помощью средств личного опыта и использования обманчивых символов в сновидении отображаются все переходные моменты предвосхищения, соответствующие заранее поставленной цели, соответствующей жизненному стилю индивида*.¹

Стоит заметить, что несмотря на явные параллели собственных представлений с феноменом *вещих снов*, материалистически настроенный в русле традиций фрейдизма Адлер полностью отрицал возможность таких. Более широкий магический взгляд на вещи, однако, должен предполагать не только целостность “жизненной линии” в рамках отдельного субъекта, каждый поступок которого органично вливается в его “жизненный план”, но и вплетённость устремлений всех людей в *общий надсубъективный “план творения”*. Таким образом вещие сны, по существу, феномен того же плана, что и сны обычные, но только, как правило, с более острой, а иногда даже судьбоносной тематической подоплёкой. И, конечно, вещие сны требуют большей личной силы, причём не только чтобы увидеть их, но чтобы, воспользовавшись открываемой ими информацией, суметь реально повлиять на ход вещей.

Обычные сны – это эффективный способ узнать себя без прикрас и, с другой стороны, без надуманных недостатков. Магические сновидения – следующий этап, способ развить свои природные предрасположенности и перепрограммировать собственное будущее. Чтобы успешно перейти к нему требуется единственное – тщательный *перепросмотр* всей жизни.

«– Перепросмотр наших жизней никогда не должен заканчиваться, независимо от того, как бы хорошо он ни был осуществлён один раз, – сказал дон Хуан. – Причина, по которой обычные люди не могут управлять своей волей в *сновидениях*, состоит в том, что они никогда не совершали перепросмотр своей жизни, и их сны по этой причине переполнены очень интенсивными эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное.

Маги же благодаря перепросмотру относительно свободны от тяжёлых и сковывающих эмоций. И если что-то преграждает им путь, как сейчас в твоём случае, значит, в них есть ещё что-то не вполне прояснившееся.

– Перепросмотр – это такое кропотливое дело, дон Хуан. Может, вместо этого нам заняться чем-нибудь другим?

– Нет. Другие занятия не нужны. Перепросмотр и *сновидение* идут рука об руку. Перепросматривая наши жизни, мы становимся всё более и более парящими». (Книга 9)

Человеческая форма (также бесформенность, человеческая матрица)

Когда Флоринда Матус давала Кастанеде основы перепросмотра, она указала, что перепросмотр – наиболее действенный способ потерять *человеческую форму*. *Человеческая форма* – базовая форма существования человека как такового, однако важнейшая предпосылка нагуализма состоит в том, что маги могут принимать и множество других реальных форм. В том числе животных, птиц, растений, а, вообще говоря, *любых живых существ*.

Чтобы получить такую возможность как раз и требуется *потерять человеческую форму*, сделать её лишь одной из многих возможных. А для этого необходимо избавиться от основного поддерживающего её механизма – *механизма образования эмоциональных бессознательных реакций*.

Основа человеческая формы – механизм образования бессознательных реакций.

¹ А.Адлер. Практика и теория индивидуальной психологии.

Очевидно, что до некоторого этапа в развитии предзаданная *человеческая форма* необходима для обеспечения выживания в обществе, но может наступить такое время, когда её определяющее влияние станет бессмысленным, и накопивший достаточно силы человек её *потеряет*.

«Чтобы вспугнуть *человеческую форму* и стряхнуть её, воины должны быть безупречны в своём стремлении измениться. После долгих лет безупречности наступит такой момент, когда *человеческая форма* уже не может выдержать её и уходит. Это означает, что придёт такой миг, когда энергетические поля, искажавшиеся в течение жизни под влиянием привычек, распрямляются. Несомненно, при таком распрямлении энергетических полей воин испытывает сильное потрясение и даже может погибнуть, однако безупречный воин непременно выживет». (Книга 11)

«...[Дон Хуан] обучил Ла Горду и меня *совместному видению* и сумел показать нам, что хотя человеческие существа и кажутся *видящему* светящимися яйцами, но яйцевидная форма – лишь внешний кокон – оболочка светимости, скрывающая крайне интригующую, захватывающую, гипнотизирующую сердцевину, состоящую из концентрических колец желтоватой светимости цвета пламени свечи. Во время нашего последнего сеанса он позволил нам *видеть* людей, спящих вокруг церкви. День был на исходе, смеркалось, и существа внутри своих прочных светящихся коконов излучали достаточно света, чтобы ясно освещать всё вокруг. Зрелище было чудесным.

Дон Хуан объяснил, что яйцевидная оболочка, казавшаяся такой яркой, на самом деле была тусклой. Светимость исходила из сияющей сердцевины. Оболочка же фактически затемняла это сияние. Дон Хуан сказал нам, что для того, чтобы освободить это существо, оболочка должна быть сломана. Она должна быть сломана изнутри и в нужное время, точно так же, как проламывают скорлупу существа, вылупляющиеся из яиц. Если им не удаётся этого сделать, они задыхаются и погибают. И так же, как существа, вылупляющиеся из яиц, воин не может проломить оболочку своей светимости раньше положенного срока.

Дон Хуан сказал нам, что потеря *человеческой формы* является единственным средством освобождения светящейся сердцевины осознанности, выступающего пищей Орла. Сломать эту оболочку значит вспомнить своё «другое я» и прийти к целостности самого себя». (Книга 6)

Критерием потери *человеческой формы* является постоянно присутствующее чувство отстранённости, которое Кастанеда описал так:

«То, что я ощущал, не было апатией или желанием побыть одному. Скорее, это было незнакомое чувство отстранённости, способности погрузиться в текущий момент, не имея никаких мыслей ни о чем другом. Действия людей больше не влияли на меня, потому что я вообще больше ничего не ждал. Станный покой стал руководящей силой моей жизни. Я чувствовал, что каким-то образом все-таки воспринял одну из концепций жизни воина – отрешённость. Ла Горда сказала, что я сделал больше, чем воспринял её, – я фактически её воплотил». (Книга 6)

Однако отсутствие *человеческой формы* может иметь и негативные последствия, поскольку давая больше *свободы*, это состояние в то же время требует и большей *ответственности*.

Бесформенность не даёт человеку автоматических гарантий того, что все его действия будут в полной мере осмысленными и безупречными. Наоборот, лишившись человеческой формы, но в то же время не обладая достаточной целеустремлённостью и трезвостью, он может стать ещё более индугирующим.

Кастанеда описывает этот аспект, который он наблюдал сначала у Ла Горды, а затем – после того, как потерял *человеческую форму* – и у себя самого, таким образом:

«Я должен признаться, что её слова о собственной бесформенности всегда были сомнительны для меня. В моем понимании потеря *человеческой формы* влекла за собой и необходимые последствия – постоянство характера, что в свете её постоянных подъёмов и спадов было вне её возможности. Из-за этого я судил её резко и несправедливо. Потеряв свою *человеческую форму*, я теперь находился в таком положении, когда можно было понять, что *бесформенность* скорее наоборот является разрушителем трезвости и здравого смысла (то есть привычного *описания мира* – В.В.). Здесь не действует никакая автоматическая эмоциональная сила. Быть отрешённым,

способным погружаться во всё, что делаешь, естественно охватывает всё, включая непостоянство и даже самую мелочность.

Преимущество *бесформенности* в том, что она даёт нам мгновенную паузу, при условии, что мы имеем необходимые самодисциплину и храбрость, чтобы воспользоваться ею.

Наконец-то поведение Ла Горды в прошлом стало понятным мне. Она уже несколько лет была *бесформенной*, но не имела необходимой самодисциплины. Таким образом, она оказывалась во власти резких перепадов настроения и невероятного несоответствия между её поступками и её задачами». (Книга 6)

Иными словами, бесформенный воин может устранять свои эмоции, а может, при необходимости, и вовлекаться в них, но тогда он рискует превысить допустимую меру, вовлечься неоправданно сильно. Ла Горду в конечном счёте это привело к роковому исходу:

«– Дон Хуан хлестал своих учеников с жестокостью. Он рекомендовал нам быть бдительными двадцать четыре часа ежедневно, чтобы держать на расстоянии осьминога «Я». Конечно, мы не платили ему вниманием! За исключением Элихио, наиболее продвинутого из учеников, все другие поддались нашим позорным склонностям. В случае Ла Горды это было фатально.

[Кастанеда] рассказал нам историю Марии Елены, привилегированной ученицы Дона Хуана, которая достигла большой силы как воин, но она не знала, как управлять плохими привычками своей человеческой стадии.

– Ла Горда думала, что она имела полный контроль, но это было не так. Очень эгоистичный интерес, личная привязанность оставались в ней: она всё время ждала что-то от группы воинов, и это привело её к смерти.

Ла Горда чувствовала себя обиженной мной, потому что она считала меня неспособным вести учеников к свободе, и она никогда не принимала меня как нового нагуаля. Как только руководящая сила дона Хуана исчезла, она начала упрекать меня за моё несоответствие, или скорее за мою энергетическую аномалию, не принимая в расчёт, что это было командой духа. Вскоре после того, как она соединилась с Хенарос и сёстрами, она начала вести себя, как будто она была лидером. Но то, что сердило её больше всего, был общественный успех моих книг.

В один день, при вспышке самостоятельности, она собрала всех нас, встала перед нами и закричала: «Сосунки! Я ухожу!»

Она знала, как вызвать огонь изнутри (см. раздел *Эманации Орла – В.В.*), посредством которого она могла переместить точку сборки к миру нагуаля, чтобы встретиться с доном Хуаном и Хенаро. Но в тот день она была очень расстроена. Некоторые из учеников пробовали успокоить её, но это приводило её в бешенство ещё больше. Я не мог ничего сделать, ситуация подавляла мою силу. После зверского и совсем не безупречного усилия, она получила мозговую эмболию и упала мёртвой. Тем, что убило её, был её эгоизм.

Карлос добавил, что мораль этой странной истории в том, что воин никогда не поддаётся тому, что приводит к безумию, потому что умереть от атаки эго – самый глупый способ умереть».¹

Для лучшего понимания происшедшего резонно предположить, что потеря *человеческой формы* может быть неполной (подобно тому, как неполным и подверженным возврату может быть сдвиг *точки сборки* после удара *Нагуаля*), когда некоторые наиболее сильные бессознательные связи сохраняются и в отдельные моменты полностью захватывают человека. Очевидно, подобный эффект псевдобесформенности гораздо более опасен, чем обычная человеческая глупость.

«Карлос продолжал объяснять, что собственная важность питается тем же самым видом энергии, который позволяет нам сновидеть. Поэтому потерять её – основное условие нагуализма, так как это освобождает излишек энергии для нашего использования, а также потому, что без этого предостережения путь воина мог бы привести нас к ошибке.

– Это то, что случилось со многими учениками, они начали хорошо, экономя свою энергию и развивая свои потенциальные возможности. Но они не догадывались, что, по мере того, как они получают силу, они также лелеют внутри себя паразита. Если мы собираемся уступать давлению эго, лучше, чтобы мы делали это как обычные люди, потому что маг, который считает себя важным – самая грустная вещь.

¹ А. Торрес. Послание Карлоса Кастанеды.

– Имейте в виду, что личная важность является предательской. Она может маскироваться под фасадом почти безупречного смирения, потому что она не спешит. После целой жизни борьбы достаточно минимальной небрежности, слегка споткнуться, и тут она снова, как вирус, который был выведен в тишине, или как те лягушки, которые ждут в течение многих лет под песком пустыни и с первыми каплями дождя пробуждаются из летаргии и размножаются».¹

Ещё одна особенность *бесформенности* заключается в том, что поскольку она даёт возможность исключить любую неконтролируемую эмоциональность, вместе с ней пропадает и *страх* перед *союзниками*. В то время как для обычного человека внешний вид союзника может воплощать самые жуткие фантазии, для *бесформенного* воина он будет лишь *энергией*.

Магический мир, то есть, в частности, мир устрашающих монстров или “разговаривающих койотов” – есть следствие *интерпретирующей функции человеческой формы*. Потерявший её сможет *видеть* мир таким, каким он является вне любых чувственных интерпретаций.

Другой феномен, сопутствующий отсутствию *человеческой формы* – способность видеть так называемую *человеческую матрицу*. *Человеческая матрица* – это светящийся образ человека, который многие мистики неверно принимали за бога. В действительности *человеческая матрица* – лишь абстрактный шаблон человека, “по образу и подобию которого” тот воспроизводится. Подобный шаблон есть у любого живого существа.

«И дон Хуан приступил к рассказу о человеческой матрице. Рассказ этот очень сильно выбил меня из колеи. Дон Хуан сказал, что у *древних видящих* и мистиков нашего мира была одна общая черта – и тем, и другим удалось *увидеть* человеческую матрицу, но ни те, ни другие не поняли, что это такое. Веками мистики потчевали нас душещипательными отчётами о своём духовном опыте. Но отчёты эти, при всей их красоте, содержали в себе грубейшую и совершенно безнадежную ошибку – их составители верили во всемогущество человеческой матрицы. Они думали, что это и есть всеведущий творец. Примерно так же интерпретировали человеческую матрицу и *древние видящие*. Они считали, что это – добрый дух, защитник человека.

И только у *новых видящих* хватило уравновешенности на то, чтобы, *увидев* человеческую матрицу, трезво понять что это такое. Они смогли осознать: человеческая матрица не есть творец, но просто структура, составленная всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами и характеристиками человека – всеми, какие только могут в принципе существовать. Матрица – наш Бог, поскольку всё, что мы собой представляем, ею отштамповано, но вовсе не потому, что она творит нас из ничего по своему образу и подобию. И когда мы преклоняем колени перед человеческой матрицей, мы совершаем поступок, от которого весьма заметно несёт высокомерием и антропоцентризмом. <...>

И они *увидели*, что то, что мы называем Богом, есть статический прототип человеческого образа, не имеющий никакой силы, поскольку человеческая матрица ни при каких обстоятельствах не может ни помочь нам в наших действиях, ни наказать нас за несправедливые дела, ни воздать нам за дела праведные. Мы – отпечаток матрицы, продукт штамповки. То, что понимается под человеческой матрицей, в точности соответствует своему названию – это образец, форма для заливки, группирующая определённую связку волоконобразных элементов, которую мы именуем человеком.

Всё, что он говорил, причиняло мне самые настоящие страдания, однако его, похоже, мало трогала глубина моих переживаний. Он продолжал методически меня доставать. Он сказал, что случайные *видящие* совершили непростительное преступление, заставив людей вкладывать невосполнимую энергию в сосредоточение на том, что никак не может никому помочь». (Книга 7)

“Божественное” величие, которое случайные *видящие* находили в *человеческой матрице*, фактически было выражением *их собственных потенциальных возможностей*. Но вместо того, чтобы стремиться к реализации этих возможностей, они предпочли индальгировать в чувстве жалости к себе, ждать высшего покровительства.

¹ Ibid.

Среди западных учёных ближе всех к верному пониманию Бога подошёл Карл Юнг, рассматривая его как проявление *архетипа Самости*: «Богообраз можно объяснить как отображение Самости, или, наоборот, Самость как *Imago Dei in homine* (лат. “образ Бога в человеке”)¹».

Мелкие тираны

Мелкие тираны – это невыносимые люди, от которых страдают окружающие, и в то же время столкновение с которыми является самым лучшим средством, найденным воинами для борьбы со своим эгоизмом. Тогда как обычный человек всячески старается избежать любых отношений с подобными людьми, для воина вынужденный контакт с ними является “подарком силы”.

Ничто не закаляет дух человека так, как полностью осознанное столкновение с *мелким тираном*.

Следующая выдержка из «Огня изнутри» достаточно подробно освещает эту тему:

«– Мучитель. Мелкий тиран – это мучитель, – объяснил дон Хуан. – Некто либо обладающий властью над жизнью и смертью воина, либо просто раздражающий его до безумия.

Дон Хуан говорил это с лучезарной улыбкой. Он сообщил мне, что *новые видящие* разработали собственную классификацию мелких тиранов, и, несмотря на то, что речь идёт едва ли не о самых важных и серьёзных вещах, классификация эта не лишена юмора. Дон Хуан заверил меня, что какую бы из классификаций, разработанных *новыми видящими*, мы не взяли, в ней всегда будет присутствовать оттенок ехидства, потому что смех – единственный способ противостоять пристрастию человеческого сознания к инвентарным спискам и громоздким классификационным перечням.

Сообразно своей практике *новые видящие* поставили во главу классификационного перечня тиранов то, что является истоком всего, – первичный источник энергии. Поскольку он является единственным и полноправным правителем всей Вселенной, они назвали его просто *Тираном*. Естественно, любые другие деспоты и диктаторы стоят неизмеримо ниже категории *Тирана*. По сравнению с источником всего сущего самые могущественные и беспощадные тираны рода человеческого являются жалкими шутами и потому относятся к категории “мелких тиранов” – “пинчес тиранос”.

Кроме того, существует два подкласса малых мелких тиранов. Первый подкласс составляют мелкие тираны, во власти которых всячески преследовать человека и даже довести его до нищеты, но которые не могут непосредственно лишить его жизни. Их называют “мелкие тиранчики” – “пинчес тиранитос”. Второй подкласс состоит из мелких тиранов, которые просто бесконечно раздражают и надоедают. Их название – “мелюзговые тиранчики” – “репинчес тиранитос”, или “крошечные тиранчики” – “пинчес тиранитос чикититос”.<...>

Потом он добавил, что в подкласс мелких тиранчиков входят четыре их категории. Первая – те, что мучают посредством жестокости и насилия. Вторая – те, кто своей хитростью и нечестностью создают невыносимую обстановку неуверенности и постоянных опасений. Третья категория мелких тиранчиков нажимает на жалость – эти терроризируют посредством своего собственного страдания. Ну и последняя категория – те, которые просто приводят воина в бешенство». (Книга 7)

Новые видящие сделали открытие, что сохранять достаточную трезвость при столкновении с *нагуалем* можно лишь научившись справляться с *мелкими тиранами*, но не наоборот.

Способность справляться с *мелкими тиранами* – критерий успешного взаимодействия с нагуалем.

В своё время непонимание этого факта поставило древних Толтеков на грань полного уничтожения. Их чувство собственной важности было столь огромным, что не позволило допустить даже мысли о реальной угрозе со стороны обычных не владеющих магическими приёмами людей.

¹ К.-Г.Юнг. Попытка психологического толкования догмы о Троице.

«Затем дон Хуан рассказал мне, что одним из величайших достижений *видящих* времён Конкисты было открытие конструкции, которую он назвал “трёхфазной прогрессией”. Постигнув человеческую природу, *видящие* того времени смогли прийти к неоспоримому заключению: если *видящий* способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определённо сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным (с нагуалем – В.В.) и даже выстоять в столкновении с непознаваемым (с третьим вниманием – В.В.).

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – расположил бы эти три утверждения в обратном порядке. Тогда получится, что *видящий*, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за такой ошибки погибли многие великолепные *видящие* древности. Однако теперь мы в этом разобрались получше. И знаем – ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми типами, обладающими реальной властью и силой. Это – совершенный вызов, и только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого». (Книга 7)

Эта позиция вполне подтверждается и реалиями наших дней: хорошо известно, что даже самые выдающиеся деятели человечества часто пасуют перед трудностями совместного быта и семейных отношений.

Однако в наше время встретить действительно опасного и угрожающего жизни *мелкого тирана* довольно трудно, хотя ещё пару веков назад таковых было предостаточно. Впрочем, сейчас *мелкие тираны* берут, можно сказать, не столько качеством, сколько количеством. Кроме того, и множество иных факторов разрушительно влияют на воина, а люди в массовом порядке являются лишь их проводниками.

Тогда как в прошлом основным препятствием для воина было почти неограниченное могущество *мелких тиранов*, сейчас – это расхолаживающее ложное сострадание всех ко всем, порождающее ощущение тотальной неуверенности и одновременно несбыточные иллюзорные надежды.

«Я объяснил дону Хуану, что меня интересовало, может ли в наше время мелкий тиран из разряда тех, кого он назвал “крошечными тиранчиками”, одержать победу над воином.

– Сколько угодно, – ответил он. – Последствия, конечно, сегодня не столь серьёзны, как в те далёкие времена. Очевидно, что в наше время у воина всегда имеется шанс восстановить силы и начать сначала. Но есть и другая сторона этой проблемы. Поражение, нанесённое крошечным тиранчиком, не смертельно, но опустошительно. И в переносном смысле уровень смертности воинов почти такой же, как и прежде. Я хочу сказать вот что: воинов, поддавшихся мелочным тиранчикам, уничтожает чувство поражения и ощущение их собственной никчёмности. И я рассматриваю это как высокий уровень смертности.

– Но как оценить – кто потерпел поражение, а кто – нет?

– Победён любой, кто пополняет ряды мелких тиранов. Действовать в гневе, без контроля и дисциплины, не имея выдержки – вот что значит потерпеть поражение.

– Что происходит после того, как воин потерпел поражение?

– Он либо пересматривает свои позиции и производит перегруппировку сил, либо прекращает поход за знанием и, пополнив собою ряды мелких тиранов, остаётся там на всю жизнь». (Книга 7)

В наше время большими, чем сами люди, тиранами являются *обстоятельства*, то есть тогда как раньше обстоятельства были чётко подчинены пусть даже и “злой” воле определённых людей, сейчас, наоборот, почти все люди, включая самых крупных мафиози и самых высокопоставленных политиков, подчинены независимым от них внешним обстоятельствам – при том, что их воля обычно является “доброй”. Неспособность бороться с этими обстоятельствами также связана с культивируемым в современном обществе стремлением к *богатству и вседозволенности*, приводящим к почти непреодолимым *порочным страстям, слабостям, праздности, безответственности*, а затем, как следствие, к *физическим болезням, дряхлости и смерти* – нередко очень долго искусственно отодвигаемой, но всегда *неизбежной*.

Лучшим испытанием для современного воина будет ясное осознание бессмысленности и опустошительности той жизни, которую ведут подавляющее большинство людей, и в которую постоянно оказывается вовлекаем он сам. А единственно возможная предпосылка к этому – *реальная смертельная опасность*. Только столкнувшись со смертью напрямую можно увидеть со всей отчётливостью истинные ценности нашего времени: мелочный эгоизм и полную безучастность людей друг к другу.

В частности, Хайдеггер говорил о таком переживании как об "экстремальном" опыте, после которого человек переходит из модуса "забвения бытия" – погружённости в суету и рутину, в модус "осознания бытия", и начинает ощущать ответственность за себя, больше не перекладывая её на социум. Другой философ экзистенциальной направленности – Жан-Поль Сартр – называл подобное переживание "тоской", "скукой" или "тошнотой", но всё же кульминации "тошноты" – полной *десоциализации* – не смог достичь ни один известный философ Запада. Все они сохранили свои эгоистические притязания, и все, в конечном итоге, проиграли битву за свободу.

Эманации Орла (также известное, неведомое, непостижимое, огонь изнутри, человеческая полоса)

Всё, что связано с темой *эманаций Орла* и *точки сборки* (о которой в следующем разделе), излагается Кастанедой в «Огне изнутри» и относится к *искусству осознанности*. Оно, в свою очередь, опирается на несколько *истин*, часть из которых так или иначе уже были отражены в предыдущих книгах Кастанеды, но в «Огне изнутри» осуществляется полная систематизация всего ранее изложенного учения на основе этих новых терминов.

Предварительные разъяснения Хуана Матуса касаются понятий *известного, неведомого и непостижимого*¹:

«Дон Хуан сказал, что *древние видящие* не пытались найти тот порядок, в котором должны располагаться истины об осознанности. Это стало одной из их величайших ошибок, имевшей роковые последствия. Заключались эти последствия в том, что *древние видящие* решили: неизвестное и непознаваемое суть одно и то же. Исправить эту ошибку удалось только *новым видящим*. Они нашли границы и дали определения.

«Неизвестным» они назвали то, что скрыто от человека неким подобием занавеса из ткани бытия, имеющей ужасающую фактуру, однако находящееся, тем не менее, в пределах досягаемости. В некоторый момент времени *неизвестное* становится *известным*.

«Непознаваемое» же суть нечто неопишное и не поддающееся ни осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдёт в разряд известного, но тем не менее оно всегда где-то рядом, оно захватывает и восхищает нас своим великолепием, и в то же время грандиозность и безграничность его приводят нас в смертельный ужас.

– Но как *новые видящие* отличают одно от другого? – поинтересовался я.

– Есть правило, – сказал дон Хуан. – Очень простое правило. Перед лицом неизвестного человек отважен. Неизвестное обладает свойством давать нам надежду и ощущение счастья. Человек чувствует себя сильным, дерзким и бодрым. И даже беспокойство, при этом возникающее, действует благотворно. *Новые видящие увидели*: неизвестное раскрывает все лучшие стороны человеческой природы.

Но когда принимаемое за неизвестное оказывается непознаваемым, результаты бывают катастрофическими. *Видящий* чувствует, что истощён и вконец запутан. Им овладевает глубочайшая подавленность. Тело теряет тонус, ясность и уравновешенность улечиваются. Ведь непознаваемое не даёт энергии. Оно находится вне пределов досягаемости человеческого существа, в области, вторгаться в которую не следует ни бездумно, ни даже с величайшей осмотрительностью. *Новые видящие* поняли, что даже за намёк на контакт с непознаваемым приходится платить поистине непомерную цену». (Книга 7)

¹ Другой вариант перевода: *известного, неизвестного и непознаваемого*.

Неизвестное или нагуаль – то, стремление к чему естественно для человека, то, что соответствует пути его сердца, приносит глубокое удовлетворение и увеличивает осознанность. **Непостижимое** – то, достичь чего человеку невозможно ни при каких условиях, даже при самом большом соблазне, в то время как попытки столкновения с ним могут причинить серьёзный урон. Единственная возможность достичь и постичь непостижимое открывается лишь в самом конце безупречной жизни, при переходе в *третье внимание*, то есть при фактическом исчезновении человека из умопостигаемого мира.

Следующие объяснения раскрывают первую истину об осознанности:

«– ...первая из истин об осознанности состоит в следующем: окружающий мир в действительности совсем иной, нежели мы его себе представляем. Мы полагаем, что имеем дело с миром объектов, однако он таковым не является. <...>

– ...Имеется нечто, воздействующее на наши органы чувств. Это – та часть, которая реальна. Нереальная же часть суть то, что нам говорят об этом нечто наши органы чувств. Рассмотрим, к примеру, гору. Наши органы чувств говорят нам, что она – объект. Она имеет размер, цвет, форму. Мы даже подразделяем горы на вполне определённые категории. И здесь всё верно, за исключением одной детали. Нам никогда не приходит в голову, что роль наших органов чувств весьма поверхностна. Способ, которым они воспринимают, обусловлен особым свойством нашей осознанности. Именно это свойство заставляет их работать так, а не иначе. <...>

– Термин “мир”, – продолжал он, – я использую, чтобы обозначить всё то, что нас окружает. У меня, разумеется, есть более удачный термин, но для тебя он будет совершенно непостижим. *Видящие* утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку наша осознанность делает его таковым. В реальности же есть лишь *эманации Орла* – текучие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные». (Книга 7)

Для видящих мир предстаёт таким, каким он является вне нацеленных на умственную работу с объектами чувственных интерпретаций. Для них мир выглядит составленным из бесчисленного числа эманаций Орла – вечно меняющихся и в то же время неизменных как вечность.

В ранних книгах слово “эманации” не употреблялось, однако Кастанеда указывал, что в своём визуальном срезе мир открывается видящему составленным как бы из тонких светящихся волокон. Из них же состоит и человек, представляющий собой яйцеобразную форму или кокон. Дополнительное пояснение об *эманациях* содержится в следующем диалоге:

«– Это не идея, – поправил меня дон Хуан. – Это – факт. И факт, если хочешь знать, дьявольски жуткий. Видишь ли, *новые видящие* не занимались игрой в идеи.

– Хорошо, но тогда какого рода силой является Орел? – спросил я.

– Пожалуй, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Для *видящих* Орел настолько же реален, насколько реальны для тебя гравитация и время. И настолько же абстрактен и непостижим.

– Минуточку, дон Хуан! Гравитация и время – понятия действительно абстрактные, но ведь они соответствуют реальным явлениям, поддающимся изучению. Есть целые области науки, им посвящённые.

– Орел и его эманации точно так же поддаются изучению, – возразил дон Хуан. – И область, к которой относится знание *новых видящих*, как раз этому и посвящена.

Тогда я попросил объяснить, что такое эманации Орла.

Дон Хуан сказал, что эманации Орла – это неизменная вещь-в-себе, они пронизывают всё сущее, как познаваемое, так и непознаваемое.

– Нет никакой возможности описать словами что в действительности представляют собой эманации Орла, – пояснил он. – *Видящий* должен увидеть их сам.

– А ты их *видел*, дон Хуан?

– Разумеется, но тем не менее, я не сумею рассказать тебе, что это такое. Просто присутствие чего-то, как бы масса какого-то качества или состояния, давление, которое ослепляет. Можно лишь мельком взглянуть на них, впрочем, как и на самого Орла». (Книга 7)

На основании этого разъяснения логично назвать Орла *всеобщим законом бытия*, в противоположность *частным законам* – таким как, например, закон гравитационного взаимодействия и прочим подобным, сформулированным современной физикой.

Следующая истина об осознанности касается *смысла жизни* всех осознающих существ:

«– И потому, когда *древние видящие* утверждали, что **смысл жизни состоит в усилении осознанности**, – продолжал дон Хуан, – речь шла не о вере и не о логическом умозаключении. Они это *увидели*.

Они *увидели*, как осознанность живых существ отлетает в момент смерти и, подобно светящимся клубкам ваты, поднимается прямо к клюву Орла и им поглощается. И потому для *древних видящих* был очевиден факт: смысл жизни всех существ – в обогащении осознанности, которой питается Орел». (Книга 7)

Смысл жизни всех существ состоит в усилении осознанности.

Здесь вновь стоит отметить, что “питающийся осознанностью Орёл” – очень утрированный образ происходящего в действительности. Об этом же говорил и Хуан Матус, упрекая в подобной профанации древних видящих:

«– А ты посмотри, что с нами сотворили некоторые из видящих. Ведь мы накрепко приклеены к навязанному нам образу Орла, пожирающего нас в миг нашей смерти.

Потом он сказал, что в таком варианте описания налицо некоторая ущербность и что лично ему не нравится идея относительно чего-то нас пожирающего. С его точки зрения точнее было бы говорить о некоей силе, притягивающей осознанность существ подобно тому, как магнит притягивает опилки. В момент смерти под действием этой грандиозной силы происходит дезинтеграция всего нашего существа.

И вообще нелепо представлять такое явление в виде пожирающего нечто Орла, поскольку неопишное таинственное действие превращается тем самым в тривиальное принятие пищи». (Книга 7)

Следующая истина об осознанности констатирует тотальную подчинённость всех существ Орлу:

«– *Видящие*, способные *видеть* эманации Орла, часто называют их “командами”, – сказал дон Хуан. – Я, в общем-то, не возражаю против такого названия, но сам привык к названию “эманации”. Это явилось следствием реакции на то предпочтение, которое мой бенефактор отдавал термину “команды”. Я думаю, этот термин в большей степени соответствовал его сильному и жёсткому характеру, чем моему. Мне хотелось чего-нибудь менее персонифицированного. По-моему, “команды” звучит как-то более по-человечески, хотя такой термин действительно соответствует сути явления, ибо это именно *команды*.

Дон Хуан сказал, что *видеть* эманации Орла – значит стремиться к катастрофе. *Новые видящие* очень скоро обнаружили, с какими огромнейшими трудностями это связано. И только после массы трагических неудач, постигших многих из них при исследовании неизвестного и попытках отделить его от непознаваемого, им удалось, наконец, понять, что всё в мире образовано эманациями Орла. Лишь малая часть этих эманаций находится в пределах досягаемости человеческой осознанности. И лишь незначительная доля этой малой части доступна восприятию обычного человека в его повседневной жизни. Эта крохотная частичка эманаций Орла и есть *известное*. Та малая часть, которая в принципе доступна человеческой осознанности, – это *известное*. Всё же остальное – таинственное и неизмеримо огромное – это *непознаваемое*.

В продолжение разговора дон Хуан сообщил мне, что *новые видящие*, имея ориентацию прагматическую, мгновенно обнаружили, что эманации обладают силой тотального диктата. Все без исключения существа вынуждены задействовать эманации Орла, даже не отдавая себе отчёта в том, что это такое». (Книга 7)

Эманации Орла – по сути, его команды. И поскольку все существа состоят из эманаций, все они безоговорочно подчиняются Орлу.

Способ подчинения существ командам Орла описан далее:

«Организм любого существа устроен таким образом, что захватывает определённую полосу эманаций, причём каждый вид задействует при этом эманации свойственного ему определённого диапазона. Эманации же, в свою очередь, оказывают на организмы огромное давление. Это давление и является тем фактором, посредством которого существо воспринимает соответствующую его диапазону картину мира.

– В нашем варианте – я говорю о человеческих существах – мы интерпретируем воспринимаемые нами эманации как объективную реальность, – продолжал дон Хуан.

– Однако человек способен воспринимать настолько мизерную часть эманаций Орла, что просто нелепо и смешно придавать сколько-нибудь серьёзное значение нашему восприятию. И в то же время мы воспринимаем нечто, что невозможно игнорировать. Для того чтобы всё это выяснить, *новым видящим* пришлось пройти суровый путь, полный смертельных опасностей. <...>

– И как же [эманации] использует человек, дон Хуан?

– До идиотизма просто. Для *видящего* все люди – светящиеся существа. Светимость наша составлена эманациями Орла, заключёнными в яйцеобразный кокон. И та мизерная часть всех эманаций, которая находится внутри кокона, и есть то, что делает нас людьми. Воспринимать же – значит устанавливать соответствие между эманациями внутри нашего кокона и эманациями вне его.

Видящий, к примеру, может увидеть эманации внутри любого живого существа и сказать, с какими из внешних эманаций они могут прийти в соответствие». (Книга 7)

Живое существо каждого вида захватывает эманации свойственного только этому виду диапазона, определяющего его способ осознания.

Подобное захватывание также называется *настройкой эманаций* (внутренних эманаций и “эманаций в великом”). Вот ещё некоторые пояснения на этот счёт:

«Я не совсем понял и попросил уточнить, каким образом внешние эманации оказывают давление на внутренние.

– Видишь ли, – сказал дон Хуан, – эманации Орла суть нечто большее, чем просто потоки световых волокон. Каждое из этих волокон является источником энергии неограниченной мощности. Поток энергии, понимаешь? Теперь представь себе: эманации вне кокона и эманации внутри него – одни и те же. Они образуют непрерывный поток энергии. Однако кокон как бы разделяет его, поверхность кокона изолирует внутреннюю часть волокон потока от внешней, и тем самым формирует направленное давление». (Книга 7)

Относительно человека как существа, способного на протяжении жизни существенно повысить свой уровень осознанности, можно сказать, что для этого он должен как бы расширить место на коконе, где происходит смычка внутренних и внешних эманаций. Обычный человек захватывает довольно мало эманаций, делающих возможным лишь элементарное выживание. Но, начиная захватывать больше эманаций, он сталкивается с неведомым, учится видеть, и в конечном итоге переходит в третье внимание, когда все эманации *человеческой полосы* оказываются задействованными. Хуан Матус называл акт такого перехода, когда кокон человека озаряется светом и тот исчезает в безграничных просторах непостижимого, “сторанием в *огне изнутри*”.

«Степень осознанности каждого конкретного существа зависит от того, насколько оно способно позволить давлению больших эманаций вести его». (Книга 7)

«– Так вот, *видящий видит первое внимание* как светимость осознанности, развитую до состояния сверхинтенсивного излучения, – продолжал дон Хуан. – Но эта часть светимости зафиксирована, так сказать, на поверхности кокона. Это светимость, покрывающая зону известного.

А теперь поговорим о *втором внимании*, которое является более сложным и специфическим состоянием светимости осознанности. *Второе внимание* относится к сфере неизвестного. Оно начинает работать, когда задействуются эманации внутри человеческого кокона, которые обычно не используются.

Я назвал *второе внимание* специфическим состоянием по следующей причине: чтобы задействовать эти неиспользованные эманации необходима необычная, тщательно разработанная и спланированная тактика, требующая исключительной дисциплины и высшей степени сосредоточения. <...>

Овладев осознанностью, *древние видящие* использовали своё мастерство для того, чтобы расширить своё свечение осознанности до непостижимых пределов. Заставляя вспыхивать эманации внутри своих коконов по одной полосе за раз, они стремились зажечь их все. И им это удалось, но, как это ни странно, умение зажигать полосы по одной стало тем фактором, из-за которого они увязли в трясине *второго внимания*.

Новые видящие исправили их ошибку. Они довели мастерство управления осознанностью до его естественного завершения. Они научились одним ударом выводить свечение осознанности за пределы кокона.

Третье внимание достигается, когда свечение осознанности превращается в **огонь изнутри** – свечение, которое зажигает не по одной полосе за раз, а одновременно все эманации Орла внутри кокона человека. <...>

– Высшее свершение человеческого существа, – закончил дон Хуан, – достичь этого уровня, сохранив жизненную силу и не сделавшись бестелесной осознанностью, которая, подобно мерцающей искорке, взлетает прямо к клюву Орла, чтобы быть им поглощённым». (Книга 7)

«Естественно, *видящие* считают, что осознанность всегда приходит извне и что истинная тайна – не внутри нас. Итак, в соответствии с природой вещей, большие эманации фиксируют эманации внутри кокона. И фокус истинной осознанности состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с теми, которые находятся внутри нас. И если нам удаётся сделать так, чтобы это произошло, мы становимся такими, каковы мы в действительности – текучими, неизменно движущимися, вечными». (Книга 7)

«Затем дон Хуан рассказал мне, что состояние повышенной осознанности *видно* не только как углубление свечения внутрь яйцеобразного человеческого кокона. Поверхностная светимость тоже усиливается. Хотя, конечно, с яркостью свечения, образованного полной осознанностью, это усиление ни в какое сравнение не идёт. В случае полной осознанности вспыхивает сразу всё светящееся яйцо целиком. Этот взрыв света обладает такой силой, что оболочка яйца рассеивается, и внутренние эманации распространяются. Они простираются за любые мыслимые пределы, охватывая обширные пространства.

– Но это происходит в каких-то особых случаях, да, дон Хуан?

– Конечно. Это может произойти только с *видящим*. Никакой другой человек, да и вообще никакое другое живое существо никогда так не вспыхнет. Зато *видящий*, целенаправленно достигший состояния абсолютной осознанности – зрелище, в высшей степени достойное созерцания. В момент достижения он сгорает в огне, возникающем изнутри. Да, изнутри приходит огонь и пожирает его. И тогда *видящий*, достигший полной осознанности, сливается с большими эманациями и скрывается в вечности». (Книга 7)

Человек достигает абсолютной свободы, когда уровень его осознанности становится максимальным, и все эманации его кокона сливаются с внешними эманациями.

При этом возможно достигнуть свободы и до самого конца оставаться в полном смысле этого слова человеком, однако древние видящие, озабоченные поисками не *свободы*, а *бессмертия*, углубились в исследование неведомого и в буквально перестали быть людьми, то есть передвинули свою настройку *эманаций* за пределы *человеческой полосы*. Согласно Хуану Матусу, некоторые из них живы и до сих пор, но хотя они приобрели присущее существам, в которые превратились, долголетие, перспектива достижения свободы у них практически отсутствует. Ещё один альтернативный путь – сгореть в *огне изнутри* вне магической когорты. Что именно происходит с человеком в этом случае Карлос Кастанеда не уточнял, но заметил, что тогда он оказывается в несколько затруднительном положении.

Наконец, необходимо уяснить, что память о событиях, происшедших с человеком в состоянии повышенного уровня осознанности, связана с задействованными в этом состоянии *эманациями*. И именно по этой причине при его понижении, то есть при переходе от второго внимания к первому, вспомнить о них оказывается невозможно.

Любой опыт, когда-либо происходивший с человеком, связан с определёнными эманациями, поэтому вернуться к нему в воспоминаниях можно лишь захватив их вновь.

Что касается западной философии, то некоторое подобие понятия *эманаций* можно встретить, например, в аналитической философии Людвиг Витгенштейна в контексте его *теории языковых игр*. В своей книге «Философские исследования» Витгенштейн задаёт вопросы такого рода: почему тогда как один человек может искренне наслаждаться некоторой картиной, второй видит в ней только бессмысленный набор форм? Для ответа он вводит понятие *аспекта* – это и есть аналог *эманаций* – и указывает, что разные люди воспринимают *разные аспекты одного и того же*, причём выбор тех или иных конкретных аспектов является исключительно субъективным процессом. Если кто-то невосприимчив к определённым аспектам, значит он “слеп” по отношению к ним: «Слепота к аспектам родственна отсутствию "музыкального слуха"»¹. Очевидно, что восприятие любого произведения высокого искусства – будь то картина или музыкальное произведение – может быть осмысленным только с привлечением хотя бы самого небольшого числа эманаций второго внимания. И также естественно, что только для привлёкших эти эманации людей будет возможным обсуждать такие произведения, то есть осуществлять в их отношении “языковую игру”. Продолжая ту же логику, Витгенштейн рассматривает “языковую игру” в качестве особой “формы жизни”, подразумевая, что языковое взаимодействие, как и вообще любое взаимодействие между живыми существами, возможно только при согласованности их восприятия общими аспектами. Очевидно, такой подход полностью соответствует подходу нагуализма, о чём уже было сказано в разделе *Тональ и нагуаль*: любые контакты и взаимодействия всегда строятся на основе общего *описания мира* или *общей когнитивной системы*.

Точка сборки (также удар Нагуаля, поперечный сдвиг, сдвиг вниз)

В предыдущем разделе указывалось, что способ собирания мира зависит от фиксации внутренних и внешних эманаций, однако подробно механизм такой фиксации не рассматривался. Сведения о нём раскрываются в истинах об осознанности, касающихся характера движения и функций *точки сборки*. Первая такая истина утверждает, что “сборка мира” как раз и является её главной функцией:

«– Следующая истина состоит в том, – продолжил дон Хуан, – что восприятие возможно благодаря *точке сборки* – особому образованию, функция которого заключается в подборе внутренних и внешних эманаций, подлежащих настройке. Конкретный вариант настройки, который мы воспринимаем как мир, является результатом того, в каком месте кокона находится *точка сборки* в данный момент». (Книга 7)

Конкретный вариант описания мира, имеющийся в данный момент, определяется положением *точки сборки* внутри кокона.

«Затем дон Хуан объяснил, что сфокусировать воспринимаемый нами обычный мир *первое внимание* может лишь выделив и усилив определённые эманации, выбранные из узкой полосы эманаций, в которой находится человеческая осознанность. Не задействованные при этом эманации никуда не исчезают. Они остаются в пределах нашей досягаемости, но как бы дремлют. Поэтому мы так ничего и не узнаем о них до конца жизни. Выделенные и усиленные эманации *видящие* называют “правосторонней” или нормальной осознанностью, “тоналем”, “этим миром”, “известным”, “первым вниманием”. Обычный человек называет это “реальностью”, “рациональностью”, “здравым смыслом”.

Выделенные эманации составляют значительную часть полосы человеческой осознанности, но лишь малую толику всего спектра эманаций, присутствующих внутри кокона человека. Незадействованные эманации, относящиеся к человеческой полосе, – это что-то вроде преддверия к неизвестному. Собственно же неизвестное составлено множеством эманаций, которые к человеческой полосе не относятся и выделению никогда не подвергаются. Их *видящие* называют “левосторонней осознанностью”, “нагуалем”, “другим миром”, “неизвестным”, “вторым вниманием». (Книга 7)

¹ Л. Витгенштейн. Философские исследования.

Второе внимание является результатом небольшого сдвига *точки сборки* вглубь кокона, и если человек становится членом магической когорты, для него единственный способ перейти во второе внимание – это так называемый *удар Нагуаля*.

«– Процесс выделения и усиления определённых эманаций был открыт *древними видящими*, – продолжал дон Хуан. – И они же стали его использовать. Они поняли, что Нагуаль – мужчина или женщина – обладая дополнительной силой, способен сдвигать выделяющий фактор с обычных эманаций на соседние с ними. Это действие известно как *удар Нагуаля*.

Дон Хуан рассказал, что *древние видящие* применяли этот сдвиг на практике для того, чтобы держать в повиновении своих учеников. С помощью *удара Нагуаля* Толтеки изменяли состояние осознанности учеников, делая её исключительно яркой и впечатляющей. Осознанность ученика при этом повышалась, но сам человек становился покорным до беспомощности. Находясь в таком состоянии, ученики осваивали порочные техники, превращавшие их в зловещих типов – точное подобие учителей.

Новые видящие тоже пользуются *ударом Нагуаля*. Но не для достижения низменных целей, а для того, чтобы вести учеников к познанию человеческих возможностей.

Дон Хуан объяснил, что *удар Нагуаля* следует наносить точно по *точке сборки*, положение которой у разных людей слегка различается. Кроме того, удар должен наноситься Нагуалем-*видящим*. В этом смысле одинаково бесполезно обладать силой Нагуаля, но не *видеть*, и *видеть*, но не обладать силой Нагуаля. И в том, и в другом случае результатом будет самый обыкновенный удар. Простой *видящий* может колотить точно по нужному месту до бесконечности, но сдвинуть уровень осознанности ему не удастся. А Нагуаль, который не *видит*, не сможет попасть туда, куда нужно». (Книга 7)

Первичный сдвиг *точки сборки* вглубь кокона осознанно может осуществить только видящий Нагуаль.

В принципе для смещения *точки сборки* удар Нагуаля не является необходимым. Безупречный Нагуаль может смещать её одной только силой своего присутствия.

«– Нагуаль смещает *точку сборки*, и всё же не он сам делает это, – сказал дон Хуан. – Возможно, тебе будет понятнее, если я скажу, что дух проявляется в соответствии с безупречностью Нагуаля. Дух может смещать *точку сборки* в результате простого присутствия безупречного Нагуаля». (Книга 8)

Таким образом, любой человек, находящийся в обществе безупречного Нагуаля, почувствует, что мир приобретает как бы новое измерение, окажется в состоянии “преддверия к неведомому”. Но и прямое присутствие Нагуаля, вообще говоря, необязательно, а примером такого “дистанционного” сдвига *точки сборки* служат собственно книги Кастанеды. Действительно, если вдуматься, их уникальность заключается именно в способности сдвигать *точку сборки* читателей, что естественно, ведь в них *вложено намерение сразу двух Нагуалей*. Конечно, большинство потеряет связь с их намерением и перспективами его реализации сразу после завершения чтения, однако и оставшихся должно хватить, чтобы многие новые магические линии были основаны.

Следующая истина об осознанности состоит в том, что помимо первичного влияния Нагуаля *точка сборки* может смещаться посредством самостоятельного *волевого* усилия. Фактически воля и позволяет фиксировать *точку сборки* на новом месте.

«[Дон Хуан] объяснил, что человеческие существа выбирают для восприятия всё время одни и те же эманации по двум причинам. Первая и главная состоит в том, что нас научили – эти эманации доступны восприятию. Ну, а вторая такова: наши *точки сборки* отбирают и подготавливают к восприятию именно эти эманации.

– Каждое живое существо имеет *точку сборки*, которая отбирает эманации, подлежащие выделению и усилению, – продолжал дон Хуан. – *Видящий* может увидеть одинаковой картины мира пользуются существа или нет, увидев, какие эманации отобраны их *точками сборки* – одни и те же или различные.

– Одним из важнейших прорывов, осуществлённых новыми *видящими*, было открытие того факта, что местоположение *точки сборки* на коконе не является постоянной характеристикой, но определяется привычкой. Этим объясняется то огромное значение, которое новые *видящие* придают новым непривычным действиям и практикам. Они отчаянно стараются выработать новые привычки, освоить новые способы действия.

– Удар *Нагуаля* очень важен. Он сдвигает *точку сборки* с места. Он изменяет ее положение. Иногда он даже формирует на поверхности кокона устойчивую щель. Тогда *точка сборки* полностью смещается и качество осознанности изменяется до неузнаваемости. Но гораздо важнее правильно понимать истины об осознанности, ибо тогда становится ясно: *точку сборки* можно перемещать изнутри. К сожалению, человеческие существа всегда проигрывают из-за недостатка настойчивости. Они просто не знают своих возможностей.

– А как осуществляется сдвиг изнутри? – спросил я.

– *Новые видящие* утверждают, что технически это осуществляется посредством процесса осознания, – ответил он. – Прежде всего, человек должен осознать тот факт, что воспринимаемый нами мир является результатом определённого положения *точки сборки* на коконе. После того, как понимание этого достигнуто, *точка сборки* может быть смещена волевым усилием в результате приобретения новых привычек.

Я не совсем понял, что имеется в виду под новыми привычками и попросил объяснить.

– Сообразно команде Орла, *точка сборки* человека располагается на коконе в пределах определённой области, – сказал дон Хуан. – Но точное её местоположение определяется привычками, то есть постоянно повторяющимися действиями. Сперва мы узнаем, что она может находиться в каком-то конкретном месте, а затем сами приказываем ей там быть. Наша команда становится командой Орла, требующей, чтобы *точка сборки* находилась именно в данном месте. Обрати внимание: наша команда становится командой Орла. <...>

– Что происходит с человеком, чья *точка сборки* утратила жёсткость? – спросил я.

– Если он – не воин, он думает, что теряет рассудок, – с улыбкой ответил он. – Тебе ведь тоже одно время казалось, что ты сходишь с ума. Если же человек этот – воин, он знает наверняка, что сошёл с ума. И терпеливо ждёт. Видишь ли, если человек здоров и находится в здравом уме, то значит его *точка сборки* неподвижно фиксирована. Когда она сдвигается, наступает сумасшествие в самом буквальном смысле.

– Воин, чья *точка сборки* сдвинулась, имеет возможность выбрать один вариант из двух: либо он признает, что болен, и начинает вести себя, как сумасшедший, эмоционально реагируя на странные миры, которые воспринимает в результате сдвига: либо он бесстрастно и отрешённо ждёт, зная, что рано или поздно *точка сборки* обязательно вернётся на место.

– А если не вернётся? – поинтересовался я.

– Тогда всё кончено. Такой человек пропал, – ответил дон Хуан. – Он или – неизлечимый душевнобольной, чья *точка сборки* никогда не сможет собрать обычный мир, или – непревзойдённый *видящий*, отправившийся в путь к неизвестному.

– А в чем между ними разница?

– В энергии! В безупречности! Безупречные воины никогда не становятся душевнобольными. Они пребывают в состоянии постоянной отрешённости. Я не раз говорил тебе: безупречный *видящий* может увидеть устрашающие миры, а в следующее мгновение – как ни в чем не бывало шутить и смеяться с друзьями и незнакомыми людьми». (Книга 7)

Помимо прямого влияния нагуаля *точку сборки* можно смещать посредством усилия воли, поскольку воля способна как поддерживать описание мира, так и разрушать или перестраивать его.

В следующих пояснениях Хуан Матус даёт визуальное представление о местонахождении *точки сборки*. Обычное её положение – сзади на поверхности кокона, примерно на уровне в три четверти его высоты, что также соответствует уровню лопаток на расстоянии вытянутой назад руки. Естественным движением *точки сборки* является её движение вглубь кокона, но древние *видящие*, ориентируясь на визуальный срез своего видения, ошибочно интерпретировали его как движение влево:

«...[Дон Хуан] сказал, что впечатление, будто *точка сборки* движется влево, возникает вследствие прозрачности кокона, однако на самом деле она движется внутрь, к центру светящегося яйца, в толще человеческой полосы. Я отметил, что он говорит так, словно для того, чтобы *видеть* движение *точки сборки*, *видящие* пользуются глазами.

– Человек не относится к непознаваемому, – объяснил он. – И светимость человека можно *видеть* почти так, как если бы использовались только глаза.

– Древние *видящие* видели движение *точки сборки*, но им никогда не приходило в голову, что это движение направлено вглубь. Идя на поводу у той картинки, которую

видели, они ввели термин “сдвиг влево”. *Новые видящие* оставили этот термин в употреблении, хотя им и известно, что он не совсем соответствует истинному положению вещей.

– За время нашего с тобой общения я сдвигал твою *точку сборки* бесчисленное количество раз. Кстати, и в данный момент она сдвинута. Поскольку это всегда – сдвиг вглубь, ты не утрачиваешь личностного самосознания, хотя при этом и задействуются не используемые в обычном состоянии эманации.

– После того как нагуаль сталкивает *точку сборки* с её места, она останавливается где-то в пределах человеческой полосы, причём не важно, где именно, поскольку в любом случае там лежит нетронутое пространство.

– *Новые видящие* разработали для проверки своих учеников превосходный тест. Ученик должен отследить путь, который его *точка сборки* проделала под воздействием удара *Нагуаля*. Когда ему это удаётся, говорят, что он обрёл полноту или достиг целостности.

– *Новые видящие* утверждают, что по мере роста человека, сфокусировавшись на человеческой полосе эманаций и выбрав некоторые из них в качестве объектов усиления, свечение осознанности попадает в замкнутый круг. Чем сильнее выделяются определённые эманации, тем более жёсткой становится фиксация *точки сборки*. Это эквивалентно тому, что наша команда становится командой Орла. Само собой разумеется, к тому моменту, когда наша осознанность развивается в *первое внимание*, команда эта становится предельно жёсткой и однозначной. И разорвать порочный круг немыслимо трудно. И победа в этом случае – воистину величайшее достижение. <...>

– А как насчёт эманаций, которые находятся внутри кокона, однако лежат вне человеческой полосы? Их можно воспринять?

– Можно. Но то, как это происходит, описанию не поддаётся. Ведь они относятся не к человеческому неизвестному, как, скажем, незадействованные эманации человеческой полосы, а к почти неизмеримо огромной области неизвестного, где не просматривается ни одной человеческой черты. Эта область настолько ошеломляюще обширна, что описать её вряд ли смог бы даже самый великий из *видящих*». (Книга 7)

Если человек способен самостоятельно сдвинуть *точку сборки* в место, в которое до того она сдвигалась лишь под влиянием нагуаля, это означает, что он достиг целостности самого себя и окончательно избавился от человеческой формы.

Помимо движения вглубь кокона вдоль человеческой полосы *точка сборки* также может двигаться поперёк неё. Но поперечные сдвиги не представляют для *новых видящих* особого интереса, поскольку сопутствуют снижению осознанности, а не повышению.

«Затем дон Хуан рассказал, что в прошлом моя *точка сборки* сдвигалась множество раз – так же, как она сдвинулась вчера – и что в большинстве случаев мира, которые она собирала, были настолько близки к обычному миру нашей повседневности, что фактически являлись мирами-призраками. И он подчеркнул, что видения такого типа *новыми видящими* автоматически отбрасываются.

– Подобного рода видения – продукт человеческой инвентаризации, – продолжал дон Хуан. – Они не имеют никакой ценности для воина, стремящегося к абсолютной свободе, поскольку формируются за счёт поперечного сдвига *точки сборки*. Дон Хуан замолчал и взглянул на меня. Я знал, что под “поперечным сдвигом” он понимает перемещение *точки сборки* не вглубь человеческой полосы, а поперёк – от края к краю. Я спросил, правильно ли я понял.

– Именно это я имел в виду, – подтвердил он. – По обоим краям человеческой полосы находятся странные скопления мусора – невообразимые кучи человеческого хлама. Этакий склад зловещих патологий. Для *древних видящих* он имел огромную ценность, но не для нас.

– Угодить в него – проще простого. Вчера мы с Хенаро хотели ускоренными темпами привести тебе пример такого поперечного сдвига. Поэтому мы вели твою *точку сборки*. Но в принципе любой человек может попасть в этот хламник, просто остановив внутренний диалог. Если сдвиг минимален, результатом является то, что называют игрой воображения. Если же сдвиг существенен, возникает то, что известно как галлюцинации. <...>

– На правом краю [человеческой полосы] мы обнаруживаем бесконечные видения физической активности, насилия, убийств, чувственных проявлений. На левом краю – духовность, религиозность, всё, что связано с Богом. Мы с Хенаро провели твою *точку*

сборки от края до края, чтобы дать тебе представление обо всей куче человеческого хлама в целом». (Книга 7)

Хотя Хуан Матус не уточняет и говорит только о *сознательных* поперечных сдвигах, резонно предположить, что таковые происходят и *бессознательно*, причём именно тогда, когда человек совершает какие-то из вышеперечисленных действий. В этом рассуждении можно пойти ещё дальше, уяснив, что все действия по правую сторону от центра человеческой полосы обобщаются как мотивированные *чувством собственной важности*, а по левую – *чувством жалости к себе*.

Поперечные сдвиги происходят при активизации социального бессознательного. Чувству собственной важности соответствует по мере его усиления поперечный сдвиг вправо. Чувству жалости к себе – поперечный сдвиг влево. Сознательный поперечный сдвиг достижим посредством волевого усилия, а особый смысл такие сдвиги имеют при перепросмотре.

Последнее утверждение является очевидным в свете уже дававшихся ранее пояснений, и особенно в свете замечания Хуана Матуса, что перепросмотр “расшевеливает весь мусор жизни человека и выносит его на поверхность”.

Ещё один *поперечный сдвиг точки сборки* – так называемый “сдвиг вниз” – переводит человека в “место зверя”, то есть в состояние, где мир воспринимается так, как если бы он воспринимался животным:

«– ...Обычно [*точка сборки*] движется влево. Это направление – наиболее естественное направление сдвига. Однако некоторые *видящие* могут смещать *точку сборки* вниз от того места, где она обычно расположена. Новые *видящие* так и назвали такое перемещение *точки сборки* – “сдвиг вниз”.

– Иногда *видящим* приходится страдать от случайных сдвигов вниз, – продолжал дон Хуан. – *Точка сборки* не остаётся в нижнем положении надолго. К счастью, поскольку внизу – “место зверя”. Так что сдвиг вниз идёт вразрез с нашими интересами, хотя это и самое простое, чего можно добиться». (Книга 7)

Кроме того, Хуан Матус поясняет, что хотя при *сдвиге вниз* человек воспринимает тот же мир, что и обычно, способ его восприятия может настолько сильно различаться с привычным, что и мир покажется совсем иным. Другое пояснение связано с тем, что при *сдвиге вниз* происходит *полная трансформация человека в животное, полное изменение формы*. Правильное понимание этого феномена возможно с привлечением всего комплекса относящихся к искусству осознанности понятий:

В любом положении *точки сборки* человек продолжает оставаться человеком, то есть коконом, содержащим характерные только для человека эманации. Однако осознавая мир другим способом, нежели *обычный*, с *обычной* точки зрения (то есть при собирании мира *обычным* способом) он, в свою очередь, также будет интерпретироваться как *другое* существо.

Ещё начиная с ранних книг Кастанеду беспокоил вопрос – реальны или мнимы превращения Хуана Матуса и его самого в ворону, свидетелем чего ему приходилось становиться. Приведённый тезис позволяет дать однозначный ответ: любые превращения человека реальны, и *обусловлены положением его точки сборки*. Хотя, стоит отметить, что в принципе возможно изменять восприятие, не меняя при этом внешний облик, и, наоборот, менять внешний облик, не меняя восприятие. Последнее состояние общеизвестно как состояние *оборотня*.

Однако превратиться в ворону, согласно Хуану Матусу, достаточно легко – но многократно сложнее осуществлять превращения, оставаясь в рамках человеческого существа: например, изменять свой возраст, внешний вид или даже пол. Тем не менее, путём сложных манипуляций осознанности делать это можно, и мастером таких манипуляций был Нагуаль Хулиан Осорио. Другими словами, он был выдающимся *сталкером*:

«Дон Хуан сказал, что стержнем всего, чем человек является или что он делает, является его восприятие и что оно обусловлено положением *точки сборки*. Поэтому если *точка сборки* изменит своё положение, соответственно изменится и восприятие мира. Маг, который точно знает, куда поместить свою *точку сборки*, может становиться всем, чем пожелает.

– Контроль нагуаля Хулиана над сдвигом своей *точки сборки* был настолько совершенным, что он мог достигать тончайших трансформаций, – продолжал дон Хуан. – Например, когда маг становится вороной, – это несомненно большое достижение. Но это влечёт за собой сильный и дальний сдвиг *точки сборки*. Однако перемещение её в положение, соответствующее толстому человеку или старику требует незначительного сдвига, но зато тончайшего знания человеческой природы». (Книга 8)

Последняя истина об осознанности, подводящая под рассмотрением различных способов движения *точки сборки* черту, утверждает, что пересекая некоторый предел, *точка сборки* может собирать миры, *принципиально отличные от известного людям*:

«– Итак, человек имеет *точку сборки*, – продолжил дон Хуан, – и эта *точка сборки* определённым образом выстраивает эманации, подлежащие восприятию. Об этом мы с тобой говорили. Шла речь также и о том, что точка эта сдвигается из своего фиксированного положения. А теперь – последняя истина: преодолевая в своём перемещении определённый предел, *точка сборки* способна собирать миры, совершенно отличные от того, который нам известен.

Всё так же шёпотом он сказал, что определённые местности (*места силы – В.В.*) не только способствуют подобного рода случайным перемещениям *точки сборки*, но также и определяют направление сдвига. Сонорская пустыня, к примеру, помогает *точке сборки* сдвигаться вниз от её исходного положения – в позицию зверя». (Книга 7)

Преодолевая определённый порог, *точка сборки* может собирать миры, принципиально отличные от обыденной реальности.

Некоторые из этих миров находятся на Земле, то есть в том же пространстве и на той же планете. И всего таковых, согласно Хуану Матусу, сорок восемь, но только восемь из них производят живых существ, причём семь – неорганических, а лишь один – наш – органических. Вообще же Вселенная *безгранична* и нет предела числу миров, составляющих её.

На этом перечень основных истин об осознанности завершается, и остаётся только заметить, что приведённая здесь теория получает некоторое развитие в «Искусстве сновидения». Однако систематизировать её далее представляется нецелесообразным, поскольку вряд ли это имеет большой смысл вне практики.

Понятия и практики нагуализма в контексте *искусства осознанности*

В этом разделе осуществляется дополнительная систематизация ранее введённых понятий нагуализма в терминах “эманаций” и “точки сборки”.

Видение

«– Так что же такое *видение*? – спросил я.

Дон Хуан ответил, что *видение* – это настройка. Я напомнил ему: не так давно он утверждал, что настройкой является восприятие. Он объяснил, что настройка тех эманаций, которые используются в повседневной жизни, даёт восприятие обычного мира, *видение* же обусловлено настройкой тех эманаций, которые обычно не задействованы. Таким образом, *видение*, будучи результатом нетривиальной настройки, вряд ли может быть истолковано только как особый тип функционирования зрительного анализатора. По словам дон Хуана, я *видел* бесчисленное множество раз, однако мне ни разу не пришло в голову абстрагироваться от собственно зрения. Меня всё время вводил в заблуждение сам термин “видение”, а также описание этого явления.

– Когда *видящий видит*, то нечто как бы объясняет ему всё, что происходит по мере того, как в зону настройки попадают всё новые и новые эманации, – продолжал дон Хуан. – Он слышит голос, говорящий ему на ухо что есть что. Если голоса нет, то происходящее с *видящим* не является *видением*.

После непродолжительной паузы дон Хуан снова заговорил о голосе *видения*. Он отметил, что полагать, будто видение есть слышание, – тоже ошибка, поскольку в действительности *видение* – нечто неизмеримо большее. Однако *видящие* выбрали звук

в качестве критерия, позволяющего определить – имеет место новая настройка или нет. Голос видения дон Хуан назвал вещь наиболее загадочной и необъяснимой». (Книга 7)

На начальных этапах развития *видения* голос *видения* – это нечто едва уловимое. Сопутствующее очень метким замечаниям, которые человек неожиданно и с большой уверенностью может сделать о чём-либо.

Видение достигается при достаточно сильном сдвиге *точки сборки* вглубь кокона:

«...Я *видел тело сновидения* Хенаро таким, каково оно в действительности – как световой сгусток.

Я спросил, откуда [дон Хуан] знает, что мне это удалось. Он ответил, что *видел*, как моя *точка сборки* сначала сдвинулась в направлении своего нормального положения – чтобы компенсировать испуг – а потом ушла влево, причём очень глубоко, в место, где нет сомнений.

– В этом положении *точки сборки* человек может *видеть* только одно – сгустки энергии, – продолжал он. – Но от позиции повышенной осознанности до этого места в глубине левой стороны – рукой подать. Вот сдвинуть *точку сборки* в место, где нет сомнений, из её нормального положения – это действительно достижение». (Книга 7)

Внутренний диалог, воля, намерение

«– Это – самая необычайная из находок *новых видящих*. Наши команды могут становиться командами Орла. Внутренний диалог останавливается за счёт того же, за счёт чего начинается: за счёт действия *воли*. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою *волю*. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаём себе в этом отчёта. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять *волей*. Это наша *воля* – разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому *волю*, выработать соответствующее *намерение*.

Несколько минут мы молчали. Потом я спросил, кого он имел в виду, говоря об учителях, которые научили нас вести внутренний диалог.

– Я говорил о том, что происходит с человеческим существом в младенчестве, – ответил дон Хуан. – В это время все, кто его окружает, учат его вести непрекращающийся диалог о нем. Постепенно диалог этот уходит внутрь и превращается в фактор, фиксирующий *точку сборки* в изначальном положении.

– По утверждению *видящих*, каждый ребёнок окружён сотнями учителей, которые учат его, в каком точно месте следует зафиксировать *точку сборки*.

– Ведь поначалу *точка сборки* ребёнка не фиксирована. Эманации внутри его кокона перемешаны и находятся в суматошном движении. *Точка сборки* при этом гуляет по всей человеческой полосе. Поэтому ребёнок может с необычайной силой сфокусировать внимание на эманациях, которые в дальнейшем будут начисто изъяты из употребления и напрочь забыты. Но ребёнок растёт. Его окружают взрослые человеческие существа. Они имеют над ребёнком значительную власть. Посредством усложнения внутреннего диалога, они делают фиксацию *точки сборки* ребёнка всё более и более жёсткой. Внутренний диалог – это процесс, всё время поддерживающий положение *точки сборки*. Ведь её позиция – вещь произвольная и нуждающаяся в постоянном укреплении.

– Дело в том, что очень многие дети *видят*. Но большинство из тех, которые *видят*, считаются детьми с отклонениями от нормы. И окружающие прилагают все возможные усилия к тому, чтобы сделать фиксацию их *точек сборки* более жёсткой. <...>

Он опять повторил, как если бы хотел, чтобы я обязательно это усвоил, что соответствие (между внутренними и внешними эманациями – *В.В.*) – уникальная сила, поскольку она либо помогает *точке сборки* двигаться, либо фиксирует её в обычном положении. Тот аспект соответствия, сказал он, который удерживает *точку сборки* неподвижной, называется *волей*, а аспект, сдвигающий её – *намерением*. Он заметил, что одна из самых захватывающих тайн – это то, что *воля*, безличная сила соответствия, превращается в *намерение* – личную силу, которая находится в распоряжении каждого индивидуума.

– Наиболее странной частью этой тайны, – сказал он, – является то, что превращение это очень легко осуществить, но гораздо труднее убедить себя в том, что это возможно. Именно здесь и находится наш предохранитель. Мы должны быть убеждены, однако никто из нас этого не хочет». (Книга 7)

Воля – безличная сила, фиксирующая точку сборки, а намерение – личная сила, её сдвигающая. Человек управляет безличной волей, вырабатывая и формируя личное намерение.

Описание мира как функция точки сборки

«– *Первое внимание* воспринимает эманации блоками или пучками. Организация такого восприятия тоже является функцией *точки сборки*. Примером пучка эманаций, которые выделяются и усиливаются в виде единого блока, может служить человеческое тело в том виде, как мы его обычно воспринимаем. Остальные же части нашего существа – светящегося кокона – никогда не выделяются и не усиливаются. Они обречены на забвение. Ведь функция *точки сборки* – заставить нас не только воспринимать определённые пучки эманаций, но и игнорировать все прочие.

Я настоятельно потребовал подробнее остановиться на блочной организации восприятия. Дон Хуан объяснил, что *точка сборки* излучает свечение, которое группирует внутренние эманации в пучки, которые затем настраиваются на соответствующие им большие эманации, тоже собранные в пучки. Формирование пучков происходит даже тогда, когда *видящий* имеет дело с никогда не использовавшимися эманациями. Как только эманации выделены и усилены, вступают в действие законы блочного восприятия, свойственного *первому вниманию*.

– Одним из величайших моментов в развитии традиции *новых видящих*, – продолжал дон Хуан, – был момент, когда они обнаружили: неизвестное суть всего лишь эманации, которые игнорирует *первое внимание*. Их – множество, они составляют огромную область, однако, заметь, область, в которой возможна организация блоков. А непознаваемое – это область воистину бесконечная, и организовать в ней какие-либо блоки наша *точка сборки* не в состоянии. <...>

– Когда мы – серьёзные взрослые человеческие существа, смотрим на дерево, наши *точки сборки* производят настройку бесчисленного количества эманаций, и в результате происходит чудо. Наши *точки сборки* заставляют нас воспринять блок эманаций, который мы называем деревом.

И он объяснил, что *точка сборки* человека не только обеспечивает настройку эманаций, необходимую для собственно восприятия, но также убирает определённые эманации из зоны настройки с целью получения большей чёткости восприятия. Это похоже на снятие сливок – замысловатый, чисто человеческий приём, не имеющий параллелей.

Новые видящие обнаружили, что только человеческое существо способно составлять блоки из блоков эманаций. Говоря о снятии сливок, дон Хуан воспользовался испанским словом “деснате”, которым обозначается собирание самых вкусных сливок с кипячёного молока после того, как оно остынет. Нечто подобное происходит в случае человеческого восприятия. *Точка сборки* отбирает некоторую часть уже отобранных для настройки эманаций и формирует из них более рафинированную конструкцию». (Книга 7)

На основании сказанного можно сделать вывод, что *известное* и *неведомое* имеют одинаковую природу, поскольку восприятие и того и другого можно *организовать*, построить на их основе *описание мира*. Другое дело – непостижимое, для которого не будут иметь смысл никакие даже самые сложные описания и структуры.

Поддержка описания мира – функция точки сборки, организующей восприятие известного или неведомого в виде отдельных смысловых блоков. Непостижимое организовать невозможно – и в этом заключена его сущность.

Искусство сталкинга и взаимодействие с мелкими тиранами как способы гармоничного смещения точки сборки

«Дон Хуан остановился и пристально на меня взглянул. А затем, после несколько напряжённой паузы, повёл речь о *сталкинге*. По его словам, начало этого искусства было весьма скромным и чуть ли не случайным. Просто *новые видящие* заметили, что, когда воин ведёт себя непривычным для него образом, внутри его кокона начинают светиться не задействованные до этого эманации. А *точка сборки* при этом смещается – мягко, гармонично, почти незаметно.

Это наблюдение заставило *новых видящих* взяться за практику систематического контроля своего поведения. Назвали её *искусством сталкинга*. Дон Хуан отметил, что, при всей своей спорности это название всё же весьма адекватно, поскольку сталкинг заключается в особом роде поведении по отношению к людям. Можно сказать, что *сталкинг* – это практика внутренней, никак не проявляющейся в поведении скрытности.

Вооружённые этим методом *новые видящие* придали своему взаимодействию с известным уравновешенность. И это принесло плоды. Посредством продолжительной непрерывной практики *сталкинга* они заставляли свою *точку сборки* неуклонно перемещаться.

– *Сталкинг* – одно из двух величайших достижений *новых видящих*, – продолжал дон Хуан. – Они решили, что современный Нагуаль должен обучаться *сталкингу* только находясь в состоянии повышенной осознанности, когда *точка сборки* сдвинута уже достаточно глубоко влево. Дело в том, что принципы этого искусства Нагуаль должен изучать, будучи свободным от груза человеческого инвентарного перечня. Ведь, так или иначе, Нагуаль – лидер группы. Чтобы успешно вести своих воинов, он должен действовать быстро, без предварительных раздумий.

– Другие воины могут обучаться *сталкингу*, находясь в нормальном состоянии, хотя все-таки желательно учить их этому, сдвинув в состояние повышенной осознанности. Причём не столько ввиду ценности самой повышенной осознанности, сколько из-за того, что это придаёт *сталкингу* таинственность, которой в нём в общем-то нет. Ведь *сталкинг* на самом деле – всего-навсего умение обращаться с людьми.

– Теперь тебе должно быть понятно, почему *новые видящие* так высоко ценят взаимодействие с мелкими тиранами. Мелкие тираны вынуждают их использовать принципы *сталкинга* и тем самым сдвигать *точку сборки*». (Книга 7)

«– Самым первым принципом *сталкинга* является то, что воин *выслеживает* самого себя, сказал [дон Хуан]. – Он *выслеживает* самого себя безжалостно, хитро, терпеливо и мягко.

Я хотел было засмеяться, но он опередил меня и очень кратко определил *сталкинг* как искусство использования неожиданного поведения с особой целью. Он сказал, что нормальное человеческое поведение в мире повседневной жизни является рутинным. Любое нестандартное поведение, разрушающее рутину, оказывает необычное воздействие на всё наше существо. Маг стремится именно к такому необычному эффекту, поскольку воздействие такого эффекта является кумулятивным.

Он объяснил, что древние *видящие* благодаря своему *видению* первыми заметили, что необычное поведение вызывает колебания *точки сборки*. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и разумно направлять такое поведение, то в конечном счёте это вызывает сдвиг *точки сборки*.

– Но главной проблемой магов-*видящих*, – продолжал дон Хуан, – было изобретение системы поведения, не допускавшей мелочности и капризов, но сочетающей высокие моральные качества и чувство красоты, которое отличает *видящих* от простых колдунов.

Дон Хуан прервал свою речь и все трое посмотрели на меня, как бы стараясь отыскать следы усталости в моих глазах или теле.

– Всякий, кто добьётся успеха в сдвиге своей *точки сборки* в новое положение, является магом, – продолжал дон Хуан. – Находясь в этом новом положении, он может воздействовать на других людей дурно или хорошо. Поэтому магом можно быть и на уровне уличного сапожника или булочника. Притязания магов-*видящих* должны идти дальше этой стадии. А чтобы достичь этого, необходимо сочетать нравственность и красоту.

Он сказал, что для магов *сталкинг* является основой, на которой зиждется всё, что они делают.

– Некоторые маги критикуют слово “*сталкинг*”, – продолжал он, но это название было принято именно потому, что оно подразумевает скрытное поведение.

Его называют также “*искусством уловов*”, однако и этот термин в равной мере неудачен. Мы сами, в силу своего невоинственного характера, называем его *искусством контролируемой глупости*. Ты можешь называть его как угодно. Мы же, однако, будем придерживаться термина “*сталкинг*”, потому что легче сказать “*сталкер*”, чем, как имел обыкновение говорить мой бенефактор, “*тот, кто практикует контролируемую глупость*». (Книга 8)

Длительная практика *сталкинга* обеспечивает гармоничное смещение *точки сборки*.

Сновидение как метод естественного сдвига *точки сборки*

«[Убедившись, что найти по-настоящему могущественного мелкого тирана становится всё сложнее] *новые видящие* решили, что необходимо искать другие способы сдвига *точки сборки*. А для этого нужно было *увидеть* эманации Орла. Когда же *новые видящие* попытались это осуществить, они столкнулись с исключительно серьёзной проблемой. Оказалось, что *увидеть* эманации Орла, не подвергаясь смертельному риску, нет никакой возможности (или наоборот, только смертельная опасность даёт возможность *видеть* – В.В.). И в то же время увидеть их было жизненно необходимо. И тогда для защиты от смертельных ударов эманаций Орла они использовали в качестве щита такой приём *древних Толтеков*, как *сновидение*. А сделав это, обнаружили, что *сновидение* само по себе является эффективнейшим способом сдвига *точки сборки*.

– Одно из самых строгих правил *новых видящих* гласит, – продолжал дон Хуан, – “воин должен обучаться *сновидению*, пребывая в нормальном состоянии осознанности”. Следуя этому правилу, я начал обучать тебя *сновидению* с первых же дней нашего общения.

Я спросил:

– Откуда взялось это правило и чем обусловлена его строгость?

– Дело в том, что *сновидение* – вещь исключительно опасная, а *сновидящий* весьма уязвим, – ответил дон Хуан. – Опасность *сновидения* – в его немислимой силе, а уязвим *сновидящий* потому, что *сновидение* отдаёт его на произвол непостижимой силы настройки.

– *Новые видящие* обнаружили, что, будучи в нормальном состоянии осознанности, мы обладаем множеством защитных механизмов, предохраняющих нас от разрушения силой незадействованных эманаций, подвергающихся настройке в процессе *сновидения*.

– Так же, как и *сталкинг*, *сновидение* началось с довольно незамысловатой находки. *Древние видящие* определили, что во сне *точка сборки* совершенно естественным образом несколько смещается влево. Спящий человек расслабляется, фиксация *точки сборки* нарушается, и самые разные типы незадействованных эманаций начинают светиться.

– Толтеки сразу же заинтересовались этим открытием и начали работать с естественным сдвигом. В конце концов они научились его контролировать. Искусство контроля естественного сдвига они называли искусством *сновидения* или искусством управления *телом сновидения*». (Книга 7)

Нередко практикующие, о чём уже говорилось, сводят искусство *сновидения* к возможности управлять снами, но в действительности это в корне неверный подход:

«Дон Хуан объяснил, что, хотя я до сих пор и считал *сновидение* искусством управления снами, оно таковым на самом деле не являлось. Несмотря на то, что каждое из упражнений, которые он предлагал мне отрабатывать – например, находить во сне мои руки – целью своей имело, казалось бы, именно обучение управлению снами. В действительности цель всех этих упражнений – фиксация *точки сборки* в том месте, куда она сдвинулась во время сна естественным образом. Это как раз тот момент, в котором *сновидящий* должен добиться тончайшего равновесия. Управлять можно только фиксацией *точки сборки*. *Сновидящий* подобен рыболову, вооружённому самозакрывающейся удочкой: единственное, что он может сделать, – это удерживать грузило там, где оно затонуло.

– Каким бы ни было место, в котором *точка сборки* оказывается во время сна, оно называется *позицией сновидения*, – продолжал дон Хуан. – *Древние видящие* достигли такого мастерства в сохранении *позиции сновидения*, что могли удерживать *точку сборки* в этом месте даже проснувшись.

Подобное состояние *древние видящие* называли *телом сновидения*. Они добились столь исключительной степени контроля над ним, что могли формировать новое временное тело каждый раз, когда просыпались в новой *позиции сновидения*». (Книга 7)

Сновидение не может быть использовано для управления снами – наоборот, это сны применяются для фиксации точки сборки в позиции сновидения.

Следующая цитата содержит сущностное объяснение метода достижения *тела сновидения*:

«Затем дон Хуан в общих чертах описал методику достижения *тела сновидения*. Всё начинается с исходного действия, которое, будучи повторяемым с непреклонностью,

порождает *несгибаемое намерение*. *Несгибаемое намерение* приводит к внутреннему безмолвию (то есть к продолжительной и глубокой остановке внутреннего диалога – В.В.), а то, в свою очередь, генерирует внутреннюю силу, необходимую для сдвига *точки сборки* в нужные позиции во время сна.

Эту последовательность дон Хуан назвал фундаментом. Когда работа над фундаментом завершена, наступает очередь контроля. Его развивают посредством систематического сохранения *позиции сновидения*. Для этого используется практика упорного удержания картины сна. Благодаря настойчивой практике появляется способность свободно сохранять новые *позиции сновидения*, пользуясь для этого новыми снами. И дело здесь не столько в том, что по мере практики более совершенным становится контроль, сколько в том, что каждая тренировка в контроле увеличивает внутреннюю силу. А чем больше внутренняя сила, тем в более подходящие для развития уравновешенности *позиции сновидения* сдвигается *точка сборки*. Другими словами, сны сами по себе становятся всё более управляемыми и даже упорядоченными.

– Развитие *сновидящих* – косвенное, – продолжал дон Хуан. – Именно поэтому *видящие* считают, что *сновидение* мы можем практиковать самостоятельно. В *сновидении* используется естественный, органичный сдвиг *точки сборки*, поэтому мы не нуждаемся ни в чьей помощи. Однако мы нуждаемся в уравновешенности, причём очень сильно. Дать же её нам либо помочь нам её обрести не может никто, кроме нас самих. Без уравновешенности *точка сборки* перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в наших обычных снах. Таким образом, в конечном счёте *тело сновидения* достигается безупречностью нашей обычной жизни. Когда достигнута уравновешенность и *позиции сновидения* становятся всё более и более устойчивыми, можно сделать следующий шаг: пробудиться в любой из *позиций сновидения*. Звучит просто, однако в действительности речь идёт о действии исключительно сложном – настолько сложном, что для его выполнения требуется задействовать не только уравновешенность, но также и все атрибуты пути воина, и в особенности – *намерение*.

Я спросил, как *намерение* помогает воину пробудиться в позиции сновидения. Он ответил, что *намерение*, будучи сложнейшим средством управления силой настройки, за счёт уравновешенности сновидящего сохраняет настройку тех эманаций, которые начали светиться вследствие сдвига *точки сборки*. <...>

И он объяснил, что во время обычного сна *точка сборки* сдвигается вдоль одного из краёв человеческой полосы. Такие сдвиги всегда сопряжены с дремотным состоянием. А в процессе практики *точки сборки* сдвигается вдоль среднего сечения человеческой полосы. Поэтому дремотного состояния не возникает, хотя сновидящий по-настоящему спит.

– Как раз на этой развилке и разошлись новые и древние *видящие* в своём походе за силой, – продолжал он. – *Древних видящих* интересовала копия тела, физически более сильная, чем само тело. Поэтому они использовали сдвиг вдоль правого края человеческой полосы. Чем глубже они уходили в этом направлении, тем более причудливым становилось их *тело сновидения*. Вчера ты сам имел возможность увидеть чудовищный результат глубокого сдвига вдоль правого края.

– *Новые видящие* поступили совсем иначе. Они старались удержать *точку сборки* посередине человеческой полосы. При поверхностном сдвиге такого рода – например, при сдвиге в состояние повышенной осознанности – *сновидящий* практически ничем не отличается от любого другого человека на улице, разве что немного в большей степени подвержен воздействию эмоций, таких как, скажем, сомнение и страх. Но стоит смещению *точки сборки* преодолеть определённый предел – и *сновидящий*, сдвиг *точки сборки* которого осуществляется в среднем сечении, превращается в сгусток света. Такой сгусток света и есть *тело сновидения* новых *видящих*.

Он сказал также, что такое безличное *тело сновидения* в большей степени способствует пониманию и исследованию, являющихся основой всего, что делают *новые видящие*. В значительной степени очеловеченное тело сновидения древних *видящих* заставляло их искать такие же личностные, очеловеченные ответы». (Книга 7)

Относительно *сновидения* существует ещё один важный нюанс:

При достаточном уровне личной силы сновидящий может полностью перетянуть физическое тело в позицию сновидения или, другими словами, полностью проснуться в ней.

К этой возможности следует относить и утверждение Хуана Матуса, что подобно тому, как сначала *энергетическое тело* стремится повторить физическое, позже, наоборот, физическое тело становится подобным *энергетическому*.

Сновидение как предпосылка концепции пути воина

«– ...Должен тебе сказать – *сновидение* обладает одним ужасным недостатком. Оно является достоянием *древних видящих* и запятнано их настроениями. Я вёл тебя сквозь него с предельной осторожностью, но гарантий всё же нет никаких.

– Гарантий чего, дон Хуан?

– Того, что ты не угодишь в какую-нибудь из потрясающих ловушек, которыми изобилует *сновидение*. Дело в том, что на самом деле нет никакой возможности как-то направить сдвиг *точки сборки* в *сновидении*. Ибо определяется он единственным фактором – внутренней силой или слабостью *сновидящего*. И здесь мы сталкиваемся с первой ловушкой.

Поначалу *новые видящие* вообще сомневались в том, что *сновидение* может быть взято ими на вооружение. Они полагали, что оно не только не развивает силу воина, но более того – ослабляет его, делает капризным и склонным к одержимости. Все *древние видящие* отличались этими качествами. Но ничего, что заменило бы *сновидение*, *новым видящим* найти не удалось. Тогда они разработали весьма сложную многоэлементную систему поведения, которая была призвана компенсировать отрицательное воздействие *сновидения*. Эта система получила название пути или тропы воина.

Эта система позволила *новым видящим* обрести внутреннюю силу, необходимую для того, чтобы направлять сдвиг *точки сборки* во сне. Причём сила эта не являлась только лишь убеждённости. Никто не обладал убеждённости, которая могла бы превзойти убеждённости *древних видящих*. А ведь они были слабы, и сердцевина у них была напроочь гнилая. Внутренняя сила суть чувство равновесия, ощущение почти полного безразличия и лёгкости, но прежде всего – естественная и глубокая склонность к исследованию и пониманию. Такую совокупность черт характера *новые видящие* называли уравниванием.

Новые видящие убеждены в том, что безупречный образ жизни сам по себе неизбежно порождает чувство уравнивания, которое, в свою очередь, приводит к смещению *точки сборки*.

Я уже говорил: *новые видящие* верили в то, что *точка сборки* может быть сдвинута изнутри. Но на этом они не остановились. Они пришли к мнению, что безупречного воина вовсе не обязательно должен кто-либо вести. Только за счёт экономии энергии он способен самостоятельно достичь всего, чего достигают *видящие*. Всё, что ему требуется – это минимум везения. Просто он должен откуда-нибудь узнать о возможностях человека, открытых *видящими*.

Я сказал, что мы опять вернулись к исходной точке, с которой начинали, когда я был в нормальном состоянии осознанности. Я был по-прежнему убеждён в том, что безупречность или экономия энергии – расплывчатые понятия, интерпретировать которые каждый может так, как ему заблагорассудится.

Я собрался было сказать ещё что-то в подтверждение своей точки зрения, но тут странное чувство охватило меня. Я физически ощутил, что как бы прорываюсь сквозь что-то. И затем я отбросил прочь все свои доводы. Без тени сомнения я знал – дон Хуан прав. Мне нужна только безупречность, энергия. А начинается всё с какого-нибудь одного действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает *несгибаемое намерение*. А *несгибаемое намерение* может быть приложено к чему угодно. И, как только оно достигнуто – путь свободен. Каждый шаг повлечёт за собой следующий и так будет продолжаться до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован». (Книга 7)

Успешная практика сновидения возможна лишь в случае, когда в обычной жизни практикующий безоговорочно следует принципам пути воина.

Перепросмотр, вспоминание, интенсивность

«– *Вспоминание* не имеет ничего общего с воспоминанием, – продолжал [дон Хуан], – *Вспоминание* связано с обыденным способом мышления, тогда как *вспоминание* зависит

от движения *точки сборки*. Ключом к движению *точки сборки* является *перепросмотр* собственной жизни, к которому прибегают маги. Маги начинают свой *перепросмотр* с думания, с воспоминаний о наиболее важных событиях своей жизни. От простого думания они затем переходят к реальному пребыванию в месте события. Когда это им удаётся, они с успехом сдвигают свою *точку сборки* именно в то положение, в котором она находилась, когда происходило это событие. Полное воспроизведение события с помощью сдвига *точки сборки* известно как *вспоминание* магов. <...>

Он сказал, что жизнь магов измеряется в часах и что маг может за один час прожить столько, что по интенсивности это вполне может сравниться с целой жизнью обычного человека. Такая интенсивность становится важным преимуществом, когда приводит к накоплению информации за счёт движения *точки сборки*.

Я потребовал более детальных объяснений. Довольно давно он рекомендовал мне, поскольку было неудобно делать заметки во время бесед, чтобы я сохранял всю полученную мной информацию о мире магов не на бумаге и не в памяти, но при помощи сдвига моей *точки сборки*.

– Даже самый незначительный сдвиг *точки сборки* всего на мгновение создаёт совершенно изолированные островки восприятия, – сказал дон Хуан. – Информация может накапливаться в форме опыта полной осознанности.

– Но как может информация накапливаться в чем-то столь неопределённом?

– Ум – это тоже что-то неопределённое, но ты всё же доверяешь ему просто потому, что больше знаком с ним, – возразил он. – Движение *точки сборки* тебе знакомо гораздо меньше, хотя это почти то же самое.

– Я имею в виду – каким образом накапливается информация? – не отступал я.

– Информация накапливается в самом опыте, – объяснил он. – Позже, когда маг сдвигает свою *точку сборки* именно в то место, где она была в то время, он полностью восстанавливает в памяти накопленный опыт. Это *вспоминание* магов является способом восстановления всей информации, накопленной при перемещении *точки сборки*.

Непосредственным результатом движения *точки сборки*, – продолжал он, – является *интенсивность*. Например, данный момент ты проживаешь интенсивнее, чем обычно, поэтому, собственно говоря, ты и накапливаешь интенсивность. Когда-нибудь ты восстановишь в памяти этот момент, сместив свою *точку сборки* в то же место, где она находится сейчас. Таким образом маги и накапливают информацию». (Книга 8)

Перепросмотр как практика разделения жизненной силы и жизненных переживаний

«– Маги, которые появились после апокалипсических потрясений, о которых я тебе рассказал, – продолжал [дон Хуан], – увидели, что в момент смерти *тёмное море осознанности* (Орёл, бесконечность – В.В.), так сказать, всасывает через *точку сборки* осознанность живых существ (тем самым гася её *свечение* – В.В.). Они также увидели, что *тёмное море осознанности* на мгновение, так сказать, колеблется, когда встречается с магами, которые выполнили *пересказ* своей жизни. Не зная об этом, некоторые сделали это настолько тщательно, что *море осознанности* взяло их осознанность в форме их жизненных переживаний, но не коснулось их жизненной силы. Маги обнаружили колоссальную истину о силах Вселенной: *тёмному морю осознанности* нужны только наши жизненные переживания, а не наша жизненная сила». (Книга 10)

Жизненные переживания здесь – это любого рода привязанности: к людям, к вещам (*предметам силы*) и вообще ко всему в мире, что, в конечном счёте, не позволяет достичь *абсолютной свободы* от него.

Сновидящие и *сталкеры*

Как уже говорилось ранее, каждый из воинов магической когорты специализируется либо на *сталкинге*, либо на *сновидении*. Мужчины, при этом, практически в равной степени могут быть как *сталкерами*, так и *сновидящими*, а женщины обычно занимаются чем-то одним, но достигают в своём искусстве большего мастерства, чем мужчины.

«И ещё дон Хуан обычно говорил мне, что маги разделены на две группы: одна из групп – *сновидящие*; а другая – *сталкеры*. *Сновидящие* – это те, кто умеет с лёгкостью смещать *точку сборки*. *Сталкеры* – это те, кто способен удерживать *точку сборки* фиксированной в этом новом положении.

Сновидящие и сталкеры дополняют друг друга и работают в парах, влияя друг на друга своими природными предрасположенностями». (Книга 10)

«Когда сновидящие и сталкеры работали вместе, сталкеры были защитниками, сильным наружным слоем, который охранял глубинную сущность, ядро. Сновидящие были этим ядром; они были как бы глубинной основой, которая спрятана за сильным внешним слоем».¹

Сталкинг – это способность осуществлять небольшие, но очень чёткие прицельные сдвиги точки сборки. Сновидение, наоборот, делает возможными сильные сдвиги, но без длительной фиксации точки сборки в одном положении.

Следует заметить, что “работа в парах” здесь нечто большее, чем обычно понимается под таким выражением. Работа в парах – это фактически объединение двух существ в одно (пример такого объединения приведён в «Искусстве сновидения»), и только таким образом возможны относительно безопасные полные перемещения в другие миры. Достижению же абсолютной свободы сопутствует объединение в единое существо вообще всех членов магической когорты.

Работая в парах, сталкер и сновидящий временно могут становиться единым существом, что позволяет им полностью переходить в иные миры. А при достижении абсолютной свободы в единое существо трансформируются вообще все воины когорты.

Это не подразумевает утраты индивидуальности каждым из них, но только полное гармоничное единение для достижения общей цели, исключающее возможность какой-либо конкуренции и эгоизма.

Человеческая форма

«...видящие называют человеческой формой неодолимую силу настройки эманаций, зажжённых свечением осознанности в том месте, где располагается точка сборки человека в нормальном состоянии. Это сила, благодаря которой мы являемся человеческими личностями. Таким образом, быть человеческой личностью – значит быть вынужденным подчиняться этой силе настройки, а следовательно, быть жёстко привязанным в своих действиях к тому месту, откуда она исходит.

Благодаря практике воина его точка сборки в определённый момент начинает сдвигаться влево. Этот сдвиг устойчив, он приводит к необычному чувству отстранённости или контроля или даже самоотрешённости. Смещение точки сборки влечёт за собой перенастройку эманаций. Новая настройка становится началом целой серии ещё более значительных сдвигов. Первоначальный же сдвиг видящие очень точно назвали потерей человеческой формы, поскольку он знаменует собой начало неумолимого движения точки сборки прочь от её исходной позиции, в результате чего необратимо утрачивается наша привязанность к силе, делающей нас человеческими личностями». (Книга 7)

Силу, о которой здесь идёт речь, можно, пользуясь обыденным языком, назвать силой “нервного напряжения”: чем таковое больше, тем более нетерпеливым и несдержанным становится человек. Но если он следует пути воина, однажды наступает момент, когда эмоции уже не только не помогают, а, наоборот, мешают – если напряжение становится чрезмерно сильным и столь же неплодотворным. Тогда человек теряет надежду получить помощь от общества и вместе с ней теряет человеческую форму. Это всегда колоссальный стресс, который даже может привести к безумию или к самоубийству (шаманы также называют это “символической смертью”). А иногда о людях, потерявших человеческую форму, говорят, что они “сломались”, “замкнулись в себе”, “потеряли интерес к жизни”, хотя в действительности они потеряли интерес лишь к занятиям, диктуемым социумом, социальным бессознательным. И как говорил Хуан Матус, безупречный воин в такой ситуации обязательно выживет и сохранит рассудок.

¹ Ф.Доннер. Жизнь-в-сновидении.

Дух (то же, что и нагуаль, абстрактное, намерение бесконечности; также безмолвное знание, безупречность, знаки духа)

Дух – синоним *нагуаля*, *второго внимания* и *неведомого*, а необходимость введения ещё одного понятия в «Силе безмолвия» связана с тем, что здесь *нагуаль* становится активным элементом *магических историй*. Ещё два синонима *духа* – *намерение* и *абстрактное*, а цель воина, отсюда, – *очищение связующего с намерением звена*.

«[Дон Хуан] сказал, что во Вселенной существует неизмеримая, неопишуемая сила, которую маги называют *намерением*, и **абсолютно всё, что существует во Вселенной, соединено с намерением связующим звеном**. Маги – или воины, как он их называл – занимались попытками понять и использовать связующее звено. Особенно они заботились об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни. На этом уровне **магия может быть определена как процесс очистки своего связующего звена с намерением**. Дон Хуан подчеркнул, что обучить этой “очистительной процедуре”, равно как и понять её, – невероятно сложно. Поэтому маги разделили свои инструкции на два класса. Первый – это инструкции для обычного состояния осознанности, в котором процесс очистки осуществляется в замаскированном виде. Второй – это инструкции для состояний повышенной осознанности, в одном из которых я как раз сейчас пребывал и в которых маги получают знания прямо от *намерения*, минуя отвлекающее вмешательство разговорного языка. <...>

– Единственный способ узнать *намерение* – это узнать его непосредственно через живую связь, которая существует между *намерением* и всеми чувствующими существами, – ответил он, – Маги называют *намерение* неопишуемым, *духом*, *абстрактным*, *нагуалем*. Я предпочёл бы называть его *нагуалем*, но тогда это название совпало бы с именем лидера, бенефактора, который тоже зовётся Нагуалем. Поэтому я остановил свой выбор на названии “дух”, “намерение”, “абстрактное”. <...>

Затем он ответил на мой вопрос о том, ошибаются ли маги в толковании знаков [духа]. Он объяснил, что когда маг истолковывает знак, он *знает* его точное значение, не имея ни малейшего понятия о том, откуда приходит это знание. Это одно из самых непостижимых следствий связующего звена с *намерением*. Маги имеют возможность получать знания непосредственно. Надёжность этих знаний зависит от прочности и чёткости их связующего звена.

Он сказал, что чувство, которое называют “интуиция” – это активизация нашей связи с *намерением*. И поскольку маги целенаправленно стремятся к пониманию и усилению этой связи, то можно сказать, что они интуитивно постигают всё безошибочно и точно. Истолкование знаков – обычное дело для магов. Ошибки случаются лишь в случае вмешательства личных чувств, затуманивающих связь мага с *намерением*. В других случаях их непосредственное знание функционально и безошибочно. <...>

– Для мага дух есть *абстрактное* просто потому, что он *знает* его без слов или даже мыслей. Он есть *абстрактное*, потому что маг не может себе даже представить, что такое дух. Тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять дух, маг оперирует им. Он узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями». (Книга 8)

Нетрудно уяснить, что прямое знание, о котором говорит Хуан Матус, это и есть видение. *Интуиция*, в таком случае, это предверие к видению.

***Знаки духа*, интерпретируемые при помощи интуиции, – это ориентиры, на которые опирается в своём жизненном пути видящий, тогда как обычный человек всегда пользуется с этой целью только умственными суждениями. *Знаки духа* всегда предваряют некоторые события в жизни видящего, соответствующие выраженному им *намерению*. Поскольку видящий никогда не занимается умственным планированием своего будущего, и даже наоборот всячески его пресекает, следование *знакам духа* является для него единственным способом достигать результата.**

В самом начале пути, когда практикующий ещё не вовлекается в абстрактные магические истории, *знаки духа* – это всего лишь ощущение, возникающее где-то на глубоком уровне, что совершаемые действия являются правильными или даже неизбежными.

Пользуясь другими ранними терминами учения для “правой стороны”, можно сказать, что очищать связующее с *намерением* звено – значит то же, что и следовать *пути сердца*. А кроме того, это означает действовать *безупречно*:

«Дон Хуан повторил, что очень важно помнить, что хотя со стороны поведение магов и может показаться враждебным, но на самом деле оно всего лишь всегда *безупречно*.

– Какое значение имеет эта разница, если ты являешься объектом издевательств? – спросил я.

– Злонамеренные действия совершаются людьми ради личной выгоды, – сказал он. – Другое дело – маги. Хотя их действия и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. То, что они получают удовольствие от своих действий, не может рассматриваться как выгода. Скорее это свойство их характера. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради *духа*. <...>

– *Безупречность*, как я уже говорил тебе много раз, это не мораль, – сказал он. – Она только напоминает мораль. *Безупречность* – это только наилучшее использование нашего уровня энергии. Естественно, это требует и бережливости, и благоразумия, и простоты, и моральной чистоты; но прежде всего это подразумевает отсутствие саморефлексии (внутреннего диалога – *В.В.*). И хотя это напоминает выдержку из монастырского устава, но это не так.

Маги говорят, что для того, чтобы управлять *духом*, – а под этим они подразумевают управление движением *точки сборки*, – необходима энергия. Единственная вещь, которая берегает для нас энергию – это наша *безупречность*.

Дон Хуан заметил, что вовсе не обязательно изучать магию, чтобы сдвигать *точку сборки*. Иногда вследствие драматических обстоятельств, таких как война, лишения, стрессы, усталость, горе, беспомощность – *точка сборки* человека подвергается глубоким сдвигам.

– Если бы человек, который находится в подобных обстоятельствах, был способен воспринять идеологию магов, – сказал дон Хуан, – то он был бы способен без проблем довести до предела этот естественный сдвиг. И люди могли бы искать и находить необыкновенные вещи, вместо того, чтобы делать то, что люди обычно делают в подобных обстоятельствах – жадать поскорее вернуться в обычное состояние.

– Когда движение *точки сборки* доведено до предела, – продолжал он, – как обычный человек, так и ученик магии становятся магами, потому что благодаря предельному усилению этого движения непрерывность [повседневной жизни] разрушается так, что восстановить её уже нельзя.

– Как можно до предела усилить это движение? – спросил я.

– Благодаря устранению саморефлексии, – ответил он. – Движение *точки сборки* или разрушение непрерывности не является реальной трудностью. Реальной трудностью является накопление энергии. Если у кого-то есть энергия, и если его *точка сборки* сдвинулась, он открывает для себя поистине непостижимые вещи. Дон Хуан объяснил, что все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему маги говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди сейчас более чем когда бы то ни было нуждаются в обучении новым идеям, которые касались бы их внутреннего мира, – идеям магов, а не социальным идеям, – ставящим человека перед лицом неизвестного, перед лицом его личной смерти. Сейчас более чем когда бы то ни было мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам *точки сборки*». (Книга 8)

В «Активной стороне бесконечности» уточняется, что *намерение*, обычно принадлежащее кому-то конкретному и касающееся личных субъективных желаний, полагается Толтеками полностью *абстрактным* и *безличным* или принадлежащим *бесконечности*. *Бесконечность* то же, что и Орёл древних видящих, но без присущего этому образу гротеска.

Дон Хуан принялся объяснять, что, начиная с того момента, когда человек пересекает особый *порог бесконечности* – по собственной воле или непреднамеренно, как это случилось со мной, – всё, что происходит с ним, уже не относится исключительно к его собственному миру, но связано с царством *бесконечности*.

– Встретившись в Аризоне, мы оба пересекли особый порог, – продолжил он. – Этот порог отмечался не одним из нас, а самой *бесконечностью*. *Бесконечность* – это всё, что нас окружает. – Он произнёс это и широко развёл руки, словно охватывая всё вокруг.

– Маги моей линии называют это *бесконечностью*, *духом*, *тёмным морем осознанности* и говорят, что это нечто, что существует где-то там и управляет нашими жизнями.

Я совершенно точно понимал всё, что он говорил, но одновременно никак не мог взять в толк, что за чертовщину он несёт. Я спросил, было ли пересечение порога случайным событием, вызванным непредсказуемыми обстоятельствами, волей случая. Он ответил, что и его, и мои шаги направлялись *бесконечностью*, а те обстоятельства, которые казались случайными, на самом деле подчинялись *активной стороне бесконечности*. Он назвал её **намерением**.

– То, что свело нас вместе, – продолжал он, – было *намерением бесконечности*. Невозможно объяснить, что такое *намерение бесконечности*, и всё же оно здесь, такое же осязаемое, как ты и я. Маги говорят, что это *дрожание воздуха*. Преимущество магов заключается в том, что им известно о существовании *дрожания воздуха* и они уступают ему без каких-либо колебаний. Для магов оно является чем-то не допускающим ни обдумывания, ни удивления, ни предположений. Они знают, что у них есть единственная возможность – слиться с *намерением бесконечности*. И они просто делают это (Книга 10).

Место без жалости

Положение точки сборки, в котором возможна устойчивая связь с намерением, Толтеки называют *местом без жалости*. По его достижении глаза мага приобретают характерный *блеск*, и именно с помощью этого блеска намерение призывается.

«– *Место без жалости* – это положение безжалостности, – объяснил [дон Хуан]. – Но ты знаешь всё это. Однако пока ты не *вспомнишь* всего сам, давай скажем, что безжалостность, будучи особым положением *точки сборки*, проявляется у магов через глаза.

Они становятся как бы покрытыми тонкой мерцающей плёнкой. У магов лучистые глаза. Чем больше они сияют, тем более безжалостным является маг. Сейчас, например, у тебя глаза тусклые.

Он объяснил, что когда *точка сборки* сдвинется к *месту без жалости*, глаза начинают излучать свет. Чем прочнее фиксируется *точка сборки* в этом новом положении, тем лучистее становятся глаза. <...>

– Наша *точка сборки* постоянно смещается, – объяснил он. Но это незначительное смещение. Маги полагают, что для того, чтобы заставить свою *точку сборки* сместиться в нужное место, они должны использовать *намерение*. А поскольку невозможно узнать, что такое *намерение*, то маги притягивают его с помощью своих глаз. <...>

Безжалостность делает глаза магов лучистыми, и это сияние притягивает *намерение*. Каждому положению, в которое сдвигается их *точка сборки*, соответствует особый блеск их глаз. Поскольку глаза обладают собственной памятью, маги способны вызвать *вспоминание* любого места, воспроизводя соответствующий каждому из этих мест блеск глаз.

Он объяснил, что маги придают так много значения лучистости своих глаз и своему взгляду потому, что глаза непосредственно связаны с *намерением*. Эта на первый взгляд противоречивая истина заключается в том, что глаза имеют лишь поверхностное отношение к миру повседневной жизни. В глубинном плане глаза связаны с *абстрактным*.

Я не мог представить себе, как глаза могут хранить информацию такого рода, и сказал ему об этом.

Дон Хуан ответил, что человеческие возможности настолько безграничны и таинственны, что маги, вместо того, чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют. Я спросил его, влияет ли *намерение* на глаза обычных людей.

– Конечно! – воскликнул он, – И ты знаешь об этом, но только на таком глубинном уровне, что это уже *безмолвное знание*. У тебя нет достаточной энергии, чтобы объяснить это даже самому себе. Обычный человек знает о своих глазах то же самое, но у него ещё меньше энергии, чем у тебя. Единственное преимущество магов над обычным человеком заключается в том, что они накапливают свою энергию. Это обеспечивает более точное и чёткое связующее звено с *намерением*, и, естественно, означает также, что они могут *вспоминать* по своей воле, используя сияние своих глаз для сдвига *точки сборки*. (Книга 8)

Нетрудно заметить, что выражение “блестят глаза” довольно широко употребляется и свидетельствует о глубокой сосредоточенности на чём-либо, что предстаёт перед “мысленным взором” человека и направляет все его действия, а также каким-то образом передаёт смысл этих действий окружающим, в свою очередь “приковывая их взгляды”. С другой стороны, ещё одно распространённое выражение – “глаза – зеркало души” показывает, что глаза могут отражать не только связь с намерением, но и обычные человеческие чувства. Естественно, для призвания намерения *все такие чувства должны быть исключены*, что и является *безжалостностью*. Чаще всего работу глаз можно наблюдать у играющих актёров или выступающих политиков, но лишь потому, что таковые обычно бывают объектами внимания большого числа зрителей. Вообще же блеск глаз сопряжён с любой деятельностью, требующей сильной концентрации внимания.

Вот ещё ряд пояснений о *месте без жалости*:

«– Хороший охотник гипнотизирует жертву глазами, – продолжал [дон Хуан]. – Взглядом он действительно сдвигает *точку сборки* жертвы, и всё же его глаза направлены на мир только в поисках пищи.

Я спросил его, могут ли маги гипнотизировать людей своим пристальным взглядом. Он сказал, посмеиваясь, что меня на самом деле интересует, могу ли я гипнотизировать взглядом женщин, несмотря на тот факт, что мои глаза сфокусированы на мире в поисках любви. Уже серьёзно он добавил, что предохранительным клапаном для магов является то, что к тому времени, когда их глаза действительно сфокусируются на *намерении*, **они больше не заинтересованы в гипнотизировании кого бы то ни было**.

– Но для того, чтобы Маги могли использовать сияние своих глаз для перемещения своей собственной или чьей-либо ещё *точки сборки*, – продолжал он, – им необходимо быть *безжалостными*. То есть, им должно быть известно особое положение *точки сборки*, называемое *местом без жалости*. И особенно это касается Нагуалей.

Он сказал, что каждый Нагуаль развивает тип безжалостности, специфический для него одного». (Книга 8)

Тип *безжалостности* связан со способом её маскировки – у Нагуалей она всегда проявляется под маской какого-либо не порицаемого обществом качества:

«– Нагуали часто вводят в заблуждение, – продолжал дон Хуан. Они всегда создают впечатление чего-то, чем на самом деле не являются. И они делают это с таким совершенством, что все, включая тех, кто хорошо их знает, попадают на их удочку. <...>

– Я не являюсь рациональным человеком, продолжал он, глядя мне в глаза, – но только кажусь таким, поскольку в совершенстве умею притворяться. То, что тебе кажется рассудительностью, на самом деле есть отсутствие жалости, потому что именно этим и является безжалостность – отсутствием всякой жалости. Ты же, скрывая отсутствие жалости под маской великодушия, кажешься непринуждённым и открытым. Но на самом деле ты настолько же великодушен, как я рассудителен. Мы оба – притворщики. Мы довели до совершенства искусство скрывания того, что мы не чувствуем жалости.

Он сказал, что полное отсутствие жалости у его бенефактора скрывалось за личиной беспечного шутника, неистребимым желанием которого было подшучивать над каждым, с кем он сталкивался.

– Маской моего бенефактора был счастливый невозмутимый человек, которого ничто в этом мире не заботит, – продолжал дон Хуан. – Но на самом деле, подобно всем Нагуалям, он был холоден, как арктический ветер.

– Но ведь ты же не холодный, дон Хуан, – сказал я искренне.

– Я несомненно холодный, – сказал он. – И то, что ты воспринимаешь это как душевное тепло, лишь доказывает эффективность моей маски. Он продолжал объяснять, что маска Нагуаля Элиаса выражалась в сводящей с ума дотошности и аккуратности, которая создавала ложное впечатление собранности и основательности». (Книга 7)

Наконец, последнее важное замечание касается того, что *место без жалости* предшествует в эволюционном плане месту *разума*. И это естественно, ведь характерное для *места без жалости* безмолвное знание буквально является таковым, то есть *прямым знанием*, не сопровождающимся *внутренним диалогом*.

«[Дон Хуан] сказал, что когда *точка сборки* движется и достигает *места без жалости*, позиция рационализма и здравого смысла становится шаткой. Ощущение, что я имею более старую, тёмную и безмолвную сторону, было точкой зрения, *предшествующей разуму*.

– Я точно знаю, о чем ты говоришь, – сказал я ему. – Я знаю многое, но не могу выразить словами своё знание. Я не знаю, с чего начать.

– Однажды я уже упоминал об этом, – сказал он. – То, что происходит с тобой, и то, что ты называешь раздвоенностью, является взглядом из нового положения твоей *точки сборки*. С этого положения ты можешь чувствовать более старую сторону человека, а то, что знает более старая часть человека, называется *безмолвным знанием*. Это и есть знание, которое ты ещё не можешь выразить словами.

– Но почему? – спросил я.

– Для того чтобы его выразить, тебе необходимо иметь и использовать гораздо больше энергии, – ответил он. – Сейчас у тебя нет такой энергии. *Безмолвное знание* – это нечто такое, что есть у каждого из нас, – продолжал он. – Это нечто такое, что в совершенстве всем владеет и в совершенстве всё знает. Но оно не может *думать* и поэтому не может и говорить о том, что *знает*. Маги полагают, что когда человек начинает осознавать своё *безмолвное знание* и хочет осмыслить то, что он знает, – он утрачивает это знание. *Безмолвное знание*, которое ты не можешь выразить словами, является, конечно, *намерением, духом, абстрактным*. Ошибка человека заключается в том, что он стремится познать его непосредственно, так же, как он познает мир повседневной жизни. Но чем больше он стремится к этому, тем более эфемерным оно становится.

– Не мог бы ты объяснить это более простыми словами, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что ради мира *разума* человек отказывается от *безмолвного знания*, – ответил он. – Чем крепче он держится за мир *разума*, тем более эфемерным оказывается *намерение*». (Книга 8)

Дальнейшие разъяснения Хуана Матуса на этот счёт приведены в более подходящем для них месте основного текста книги.